

*Гениальной Женщине — любимой и
любящей супруге моей Валентине —
посвящается.*

Борис Терещенко

Мужчина и Женщина

Издательство «Буква G»
Красноярск 2009

ББК 84 Р
Т-35

Борис Терешенко. «Мужчина и Женщина». — Красноярск:
Издательство «Буква G», 2009. — 864 с.: ил.

Избранные произведения: стихи, песни, поэмы, роман в стихах, научная и художественная проза, живопись, драматургия.

«МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА» — уникальнейшее явление в издательской практике, когда в одной книге под рубриками «ПОЭЗИЯ», «МУЗЫКА», «ЖИВОПИСЬ», «НАУКА», «ПРОЗА», «ИСКУССТВО» публикуются произведения одного автора, достигшего совершенства в самых разных областях творчества, которому нет аналогов в мире: речь идёт, с одной стороны, об учениях и концепциях новой духовно-творческой цивилизации, с другой — о практической и творческой деятельности в её рамках, когда СЛОВО не расходится с ДЕЛОМ

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или отдельных её частей возможно лишь при письменном разрешении автора.

ISBN: 978-5-91396-029-0

© Б. Н. Терешенко
© Издательство «Буква G»

Борис Терещенко

Мужчина и Женщина

Об авторе

Борис Николаевич Терещенко — учёный, врач, драматург, поэт, фольклорист, режиссёр, художник, философ, педагог, общественный деятель.

В медицине он создал учение о рено-васкулярной (почечно-сосудистой) системе, которое по-новому объясняет болезни и их лечение, что позволило ему разработать теоретические и концептуальные положения интегральной медицины будущего (монография «Беловодье (Воспоминание о медицине будущего)». — Красноярск, «Буква». 2003 г.

В литературе выдвинул новое направление — фольклорную драматургию.

В искусстве вместе со своей супругой Валентиной Петровной, композитором, хормейстером, утвердил новый вид народной традиционной культуры — современный фольклорный театр (их театр «Лучинушка» — народный коллектив, лауреат Всесоюзных фестивалей и смотров, участник Международных фестивалей). Проблема фольклорного театра ими разработана всеобъемлюще: подготовлена монография «Истоки и перспективы фольклорного театра», написано двенадцать народных драм, и все они поставлены авторами на сцене.

В философии Б. Н. Терещенко основал новую науку — биосоционику, обобщающую знания о человеке, природе и обществе, а также учение о трёх составляющих любви.

В педагогике предложил новую программу эстетического воспитания детей на основе традиционной культуры.

В живописи разрабатывает темы языческой Руси.

В школьные годы Борис Терещенко — знаменосец школы, спортсмен-перворазрядник, судья по спорту, тренер по гребле на байдарке.

В семидесятые годы подвергался жестокой травле со стороны партийно-номенклатурного аппарата: его пытались засадить в тюрьму, но, защищаясь в судах лично, он выиграл судебный марафон (всего состоялось девять судов); его пытались насильно упрятать в психбольницу на принудительное «лечение», отправили этапом в Томск, но тут его выручила верная супруга силой своей любви и не без помощи прессы (о Б. Н. Терещенко имеется более сотни публикаций в изданиях всех уровней).

Творческий багаж Б. Н. Терещенко богат: монография об интегральной медицине; книга «Россия любовь моя (Письма в будущее)», где изложены его собственные идеи и учения; роман в стихах «Мужчина и Женщина»; поэмы, среди которых пять венков сонетов; повести, эссе; несколько сотен стихов, песен; двенадцать народных

драм, около десятка пьес; монография о народном художнике России В. И. Мешкове; каталоги, научные статьи, публицистика; несколько десятков живописных картин (состоялось восемь персональных выставок); опыт работы старшим преподавателем ХФ КрасГАУ обобщён им в методическом пособии «Лекции по биосоционике».

Особое место в творчестве Б. Н. Терещенко занял фундаментальный научный труд «Его Величество — Человек (Путь к себе)», Красноярск, «Буква», 2006 г., который многие читатели окрестили «книгой пророка», видимо, имея в виду его «библиичность» (864 страницы) и особую значимость для России и русичей, двадцатитысячелетнюю историю которых автор отображает.

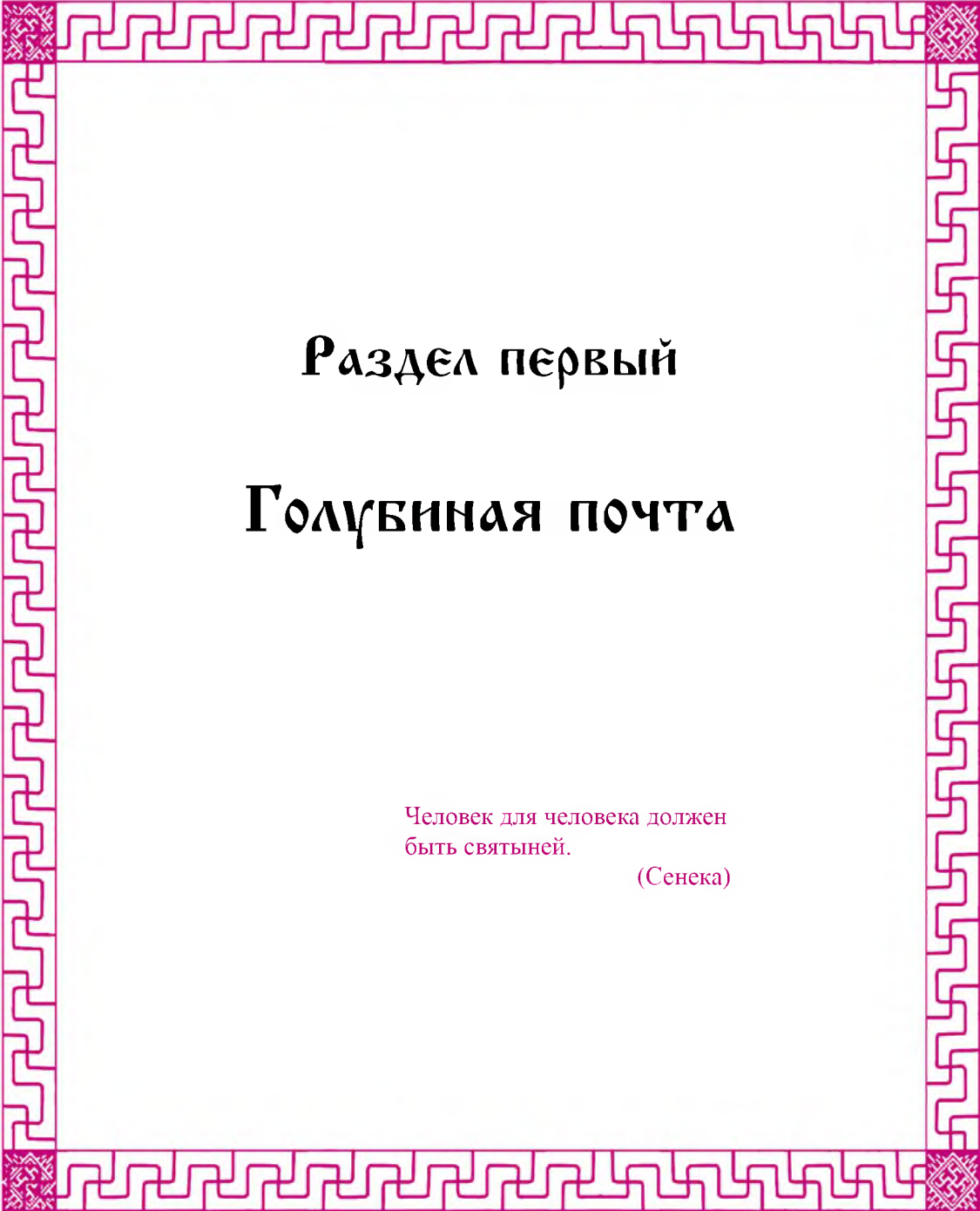
Если первые пять книг Бориса Терещенко несут публицистический и профессиональный характер, то «Мужчина и Женщина» является избранным его многостороннего творчества в поэзии, музыке, живописи, прозе, драматургии; если «Его величество — Человек (Путь к себе)» явился пиком деятельности Терещенко как публициста, то «Мужчина и Женщина» является вершиной его деятельности как творца.

**Книга
первая**

Письма
Стіхи
Пісні

Раздел первый

Голубиная почта

Человек для человека должен
быть святыней.

(Сенека)

Солнышко моё, здравствуй!

Я далеко от тебя, но каждое утро я обращаюсь к тебе **С**
Ласковыми, трепетными, горячими словами привета. **ГуТ**
Южные ночи так темны и так необъятны, как пустот**А**
Быть без тебя здесь равносильно самой пытке, а со**Н**
Лишь подливает масло любовный сладострастный огонь**Ь**
Юность вернулась ко мне с её пылким воображение**М**
Трепетным и мучительным ожиданием неизведанног**О**
Есть ли в жизни нашей человеческой состояни**Е**
Более благотворное и благостное, чем жажда большо**Й**
Яркой и чистой любви? Не потому ли я вновь так влюблё**Н**
В жизнь, наконец-то, пришла моя настоящая весна**А**
А мне ведь так нехватало светлых глубоких чувств**В**
Лучшей доли теперь я и не возжелаю для на**С**
Едвали не постоянно однако меня преследует ощущение**Е**
Чего-то тревожного. Может быть потому, что вокруг**Г**
Кричат чайки, и одна кружит надо мной и зовёт вперёд**Д**
А мне кажется, что это не чайка, а твоя душа**А**

Б. Т.

Любимый мой, здравствуй!

*Помнишь, милый, я говорила, хоть бы остановилось время...
Вот оно и остановилось... Ты представить себе не можешь,
как мне трудно без тебя. Ты, наверное, чувствуешь, как плачет
твоя бедное «Солнышко». Почему ты не настоял, чтобы
я поехала с тобой. Если позовёшь по-настоящему в другой раз
– поеду хоть на край света.*

*Боря, я очень уже соскучилась по тебе, мой ненаглядный.
Как ты там? Обо мне не думай, отдыхай. А я буду ждать хоть
целую вечность. Я умею ждать. Не забудь написать песню.*

*Знаешь, Боря, двадцать второго в 10 часов передавали наши
песни по радио, и мы записали «Плач», «Речка Шуша», «Ой, да рас-
стилался туман» и все остальные... Я очень и очень была рада...*

Есть в «Медицинской газете» заметка о тебе...

До свидания, целую всего, всего...

*Когда снова будут гореть «Алые паруса»? Возвращайся
скорей!!!*

В. Д.

Мой милый!

*Боже мой, что творилось со мной, когда, наконец, я дождалась
твоего первого письма...*

*Две недели ежедневно, как на работу, я ходила на почту за твоим письмом, которое должно дожидаться «до вос-
требования»; я уже всем бросалась в глаза, ведь до этого на почте почти не бывала... Просыпаясь утром, я твердила, что больше не пойду, унижаться уже нет моченьки, нет сил, но ноги сами снова и снова несли меня по проторенной тропинке...*

И вдруг я вижу сон — почти наяву вижу — как ты на ватмане печатными красивыми буквами, любовно выводя каждое слово, пишешь мне письмо... И я — в последний раз! — пошла снова на почту и потребовала письмо, и его подают мне, и оно затрепетало в моих руках...

Не сразу не вдруг я раскрыла конверт, сначала я отыскивала укромное безлюдное местечко на острове, а потом долго сидела, сдерживая сердцебиение. И вот я разрываю конверт, выхватываю малый листочек из тетради, лихорадочно читаю, один раз, второй, третий — ничего не понятно. Но почему так заныло и сжало в груди?

Начала просто разглядывать строчки, буквы. Почему предлог В — с большой буквы? Почему выделены все первые и все последние буквы строк? И вдруг я цепенею в тиши, как от удара грома — от твоего признания: «Я люблю тебя, Валечка, стань моей навсегда», но не радость — меня охватил испуг, ведь ради тебя, ради своей любви я должна лишиться семьи...

Эта фраза, как взрыв, жизнь мою швырнула вверх дном, и над письмом, и над собой я разрыдалась навзрыд...

Дай мне время, любимый, не торопи с ответом...

В. Д.

Боренька, здравствуй!

Сегодня видела тебя во сне, как будто ты пришёл со мной писать сочинение. Проснулась – и чуть не заплакала, так захотелось домой к тебе. Не хочу ничего, кроме тебя. Боря, может, зря мы затеяли с этой учёбой: учиться пять лет, два раза в год сессии...

Ну, отступить уже поздно. Если зачислят, придётся учиться, а если нет, то, может, тоже к лучшему. Ты не обижайся, что у меня такие мысли, мне хочется поговорить с тобой. Сегодня сдавали сольфеджио. Спрашивать Д. С. никого не стал, говорит, всё равно ничего не знает, поставлю всем положительную оценку, чтобы допустили до следующего экзамена. Завтра писать сочинение, не представляю, что и как... но ты будь спокоен, главное, верь мне и в меня, ты у меня — всё, и мне в жизни ничего не надо, любимый мой, ненаглядный, сокол мой ясный... Скучно тебе без меня или нет?

Привет тебе от К. Ко мне они относятся очень хорошо. Вика тут всем говорит, что на курорте есть врач такой умный да такой разумный, что она до сих пор счастлива, что познакомилась с тобой, что ты вёл её, в других врачей она не верит и к ним не пойдёт лечиться. Тут у одной её знакомой — хронический нефрит, она говорит, что та собралась умереть (ей сказали, что долго не проживёт), так Вика ждёт не дожждётся тебя, чтобы ты посмотрел...

Ты у них бог, что бы ни говорили, всё о тебе... Даже Маринка придерживается диеты и говорит: «Дядя Боря так говорил». А у меня сердечко тает, что ты у меня такой сильный, покоряешь всех...

*До свидания, мой родной
Целую всего, всего — твоя Валентина.*

Боренька, здравствуй!

Пишет тебе студентка 1-го курса училища искусств. Столько натерпелась страха — ну, всё позади. Большое, конечно, спасибо Дмитрию Сергеевичу, без его помощи и поддержки никто бы и разговаривать не стал о приёме в Училище искусств без музыкального образования, ведь песни мои тут — до лампочки. Сегодня начинается сессия. Поговорила с тобой, как будто легче стало, домой хочу — страшно.

Боря, сегодня была в косметическом кабинете, сделали апиляцию и содрали с меня 8 рублей, так что осталось у меня 15 рублей, до дома не хватит, вышли рублей 10. Врач посоветовал обратиться к эндокринологу. Завтра, т.е. в среду поеду, уж наверное, буду доводить до конца начатое...

Самочувствие моё удовлетворительное. Обо мне не беспокойся, выдержу всё, что будет у меня на пути. Страшно хочу к тебе. Соскучилась, дома лучшие, без тебя ничего не мило. Как

ты там, моя роднулечка? Потерпи ещё чуть-чуть, и мы снова будем вместе.

Пока до свидания, крепко, крепко целую всего, Валентина.

Здравствуй, Солнышко!

Вот и получил твоё первое письмо во вторник, у почтальона выходной, так я сам на почте вытребовал. Вместе с письмом ещё весточки от Тмиров и Янка.

Вхожу в колею. Вчера прочитал 700 страниц, решил больше так делать не буду...

По утрам гуляю. 4-го встречал солнце, уходил за роици...

Всё будет хорошо, вот увидишь. Жду, думаю о тебе, твой Борис.

Привет друзьям.

Борисонька, здравствуй!

Какое счастье получить письмо от тебя. Как мне хочется поделиться с тобой, что сегодня делала: утром поехала к эндокринологу. Она назначила рентгенографию черепа, хочет посмотреть турецкое седло. Прошла. Гинеколога тоже прошла. Всё ей рассказала, говорю: «Посмотрите лучше».

В общем полный порядок, если, говорят, придирааться, то в левом яичнике остаточные явления есть. Попью пятипёрстку, и эти явления пройдут, теперь спокойна. А остальные – биохимические анализы – не знаю, когда пройду, но хочется. Она говорит, что это не связано с эндокринной системой – а повышенная чувствительность, а так всё хорошо, да и может ли что быть у меня, когда ты со мной?

Боря, дают задания на дом, не представляю, как мы их одолеем. Учить на память сонатину, этюды и ещё всякую всячину, читать с листа около сотни произведений. Голова идёт кругом. Учебники взяла. Да, поди, разберёмся... Как я соскучилась, мы ещё ни разу так долго не расставались, и не дай бог... Сегодня получила студенческий билет. Как хочу целовать тебя, мой любимый. Ты у меня самый лучший в мире. Я счастлива, что ты – мой. У меня нежность и любовь к тебе растёт с каждым днём. Что бы я, Боря, ни делала, а ты со мной рядом... А мне здесь если и уделяют внимание, то это только из-за тебя, мне кажется...

Ты только не скучай, я скоро, очень скоро приеду, ты только жди меня, сильно жди...

До скорой встречи, целую всего, всего – твоя Валентина.

Валюшка, гордость моя, здравствуй!

Вытащил я газеты, вижу письмо – от тебя, читаю взахлёб, а из газеты высыпалось второе...

Вот они передо мною. Два белых листка, словно два крылышка, принёсшие через реки, через горы радость общения с тобой, твоё горячее дыхание, твой ласковый шёпот...

Эти письма твои, как ордена, которые каждый день отмечают мои заслуги – верность любимой!

Есть ли лучшее средство, чтобы с ещё большим рвением служить самому великому делу на земле — любви!?

Обстоятельства сложились так, что тебе труднее, чем всегда. Я понимаю это... Пути назад нет, и не может быть, значит, надо идти вперёд. Все другие слова – были бы ханжеством. И всё-таки в этих условиях как можно больше береги себя, жертвы не нужны никому.

Жизнь моя течёт от письма до письма, а эти промежутки заполнены в основном — пьесой, её герои начинают говорить, двигаться, недалеко и до драки. Иногда прослушиваю песни. Одна из самых любимых моих песен — День-ночь. Готов её слушать без конца.

До свидания, Солнышко! Низкий поклон тебе, Любимая Женищина!

Твой Борис.

Здравствуй, мой родной, милый, любимый!

Сегодня отправила тебе письмо с обидой, что не пишем, а после обеда получила тёплое письмо. Ну, что я без тебя?

Спасибо, милый, за всё, что ты делаешь для меня. А что я могу дать взамен?

Любовь, преданность. Я верна тебе на всю жизнь. Не хочу разлук даже коротких... Порадовать тебя ничем пока не могу... По специальности с Н. Х. был уже конфликт... Она начала с того, почему я тихо говорю. Я отвечаю, что всегда так говорю, а она заявляет, что ей нравятся бойкие, весёлые, с юмором, а такие скромненькие, тихие могут за углом, что угодно творить, в тихом болоте черти водятся – и при посторонних.

Я, Боря, так расплакалась... Она потом оправдывалась; ну, что я такого обидного сказала... В общем внешнее примирение состоялось...

Если бы не ты, сбежала бы уж давно...

Скорей бы прижаться к твоей груди: или поплакать, или притаиться от счастья, покоя и уюта...

Жди меня, милый, главное мы с тобой есть, а остальное не горе – полгоря. Целую крепко, крепко, горячо – любящая твоя Валентина.

Валюшка!

Получил твоё плачущее письмо, не горюю, ивушка моя, не склоняй ни перед кем голову свою, не насылай на себя напраслину и, кстати, не забывай о своих правах.

Будь выше всех и всего, у тебя есть любовь, так неужели существует ещё нечто, способное вывести нас из равновесия?

До встречи остались считанные дни, чаще думай о ней, ведь нам есть, что вспомнить и есть о чём примечать...

Ханкире напечатали, на Ангару пришло уведомление из охра-

ны авторских прав. Значит, песня наша звучит, песня о моей Ангаре...

Посылаю новое стихотворение из цикла «Стихи о любимой»

*Не надо, друг мой, с тайною печалью
На удобу мою и бледность лицезреть:
Привычка давняя работать и ночами
Спать не даёт – не даст и умереть!
Я познавать смысл смерти не берусь –
Постиг я жизни трудную науку:
Переплавляю в образы и звуки
Свою любовь и ненависть, и грусть...
Ты не страдай, родная, за меня,
Весь белый свет и всех людей кляня,
Когда на тесной жизненной дороге
Мне иногда оттаптывают ноги;
Когда побитый возвращаюсь в дом,
Не плачь – я отплачу врагам потом.*

Обнимаю, обнимаю, целую, целую, люблю, люблю – Т. Б.

Боренька, милый, здравствуй!

Получила твои стихи и ревела: разбредил мою рану. Улетела бы домой, сегодня места не нахожу... Теперь до конца месяца буду считать дни. Благо, что не прерываются занятия, я всё время – на людях.

Очень жаль тебя, что ты совсем один. Но знай, что я всё время думаю о тебе, оберегаю и согреваю своей любовью.

Боря, только не связывайся там ни с одной сволочью... Из Москвы уже должно что-то быть, не таи от меня ничего, ведь начала беспокоиться, значит, не зря.

У меня дела идут по-тихоньку: слава богу, гармонию и соль-феджио сдала. Хор отнимает уйму времени...

Боря, ты, мой золотко, не переутомляйся, ешь лучше, очень хочу к тебе. Крепко, крепко целую всего, всего — твоя В. Т.

Здравствуй, любимая!

Сегодня день медика — а мне пришлось дежурить. На столе в кабинете я нашёл «Пять звёздочек», они предназначаются тебе за сессию, за все твои тревожнения и страхи. Именно сегодня распустился цветок твой, так что «малиновый звон» твоих колоколов всё время стоит в моём сознании, но чтобы испытать полное наслаждение в жизни, мне нужна ты, только рядом с тобой я чувствую себя на высоте «жизненных волн».

Как сохранить цветы от увядания, как показать тебе чудо, над которым ты шаманила год, и которое проявилось в твоё отсутствие — двенадцать цветковых залтов! Малиновый звон двенадцати колоколов!

Мне так хочется запечатлеть всё это — хотя бы в рисунке, чтобы и у тебя на душе зазвонило малиново обо мне.

Про земли виггамовы не беспокойся, правитель у них достойный, и всё в его царствование буино цветёт и множится. Очень нехватает, правда, виггамову царству царицы, и оно ждёт не дожждётся своего солнышка.

Очень рад, что записаны части из оратории, на досуге можно подумать о них спокойно и объективно...

Вчера наготовил пирожки с луком, морковью, яйцом, щавелем и ревенем (щавель перерастал, а часть ревеня пришлось корчевать: заглушал салат) вот я и пустил их в дело. А «дело» вышло недурненькое, жаль только, что я дежурю сегодня, и некому «дело» пустить в оборот.

Осталось, Валюшка, совсем немного. Я посылаю тебе немножечко «терпения». Больше ничего не нужно?

Целую всю – твой Б. Т

Привет друзьям.

Боря, здравствуй!

У меня очень плохое настроение, ничего не получается ни по фортепьяно, ни по специальности, не говоря уже об остальном...

Ты говоришь, я талант, а остальные твердят, я бездарь, только мучаю себя и других.

А сегодня видела во сне: потеряла учебник по специальности.

Если что, то мне очень жаль тебя, ты возлагаешь на меня такие надежды... Уже сидела бы где-нибудь в деревне, а то — в искусство полезла.

Боренька, я ведь кроме тебя ничего не имею, с тобой я сильна, а без тебя — нет. Очень соскучилась. Только ты не сердись на меня, я ещё пригожусь.

Крепко, крепко целую всего – твоя В. Т.

Валюшка, здравствуй!

Получил твоё письмо — и сразу отлегло от сердца, а прочитал — снова чуть-чуть налегло. В нём было столько грусти, что хватило и на мою долю.

Я хорошо понимаю тебя, пойми и ты: прежде всего мне нужна только ты. Ты единственное неперемное условие моего счастья, в тебе одной олицетворено для меня всё женское, рядом с тобой я чувствую себя самым удачливым из мужчин — если поймёшь ты это, тебя ничто «не вышибет из седла». Расправь грудь, высоко носи голову — ты талантлива, женственна, красива, ты любишь и любима, как никто. Ты должна верить в себя, в свою удачу также, как верю я.

Счастье способны найти многие, но удержать — только сильные! И всё меньше думай о себе, а если выпадет свободная минутка — обо мне думай, а о тебе думать — моя забота.

Матери твоей я написал, чтоб она с Тоней жила у нас. На работе — неопределённость, но в конечную Победу я верю...

Что касается здоровья, то выполняй все указы мои: До-Ин, йогу, всё прочее не забывай. Если кончились лимоны, купи ещё, по возможности жми на молочное.

*Ну, ладно, Солнышко, до скорого свидания, целую всю —
Б. Т*

Боря, здравствуй!

Вчера не было от тебя письма. Поверь, мне лучше быть без обеда, чем остаться без твоей весточки, а получилось, не было ни того, ни другого. Мы же договорились писать каждый день. Наверное, тебе хорошо без меня, если в этот день не вспомнил обо мне. А мне единственное, что хочется — это увидеть тебя и быть рядом с тобой, остальное всё безразлично.

Сессия ничуть не волнует, сдам или не сдам — всё равно, почему, не знаю.

Здоровье моё — всё так же...

А как у тебя? Что делал в субботу и воскресенье? Что себе готовишь? Какие новости и откуда?

Целую тебя — В. Т.

Добрый день, моё золотко!

Сегодня и я без обеда — без твоего письма, но завтра непременно получу, а может быть, даже два...

Ну, а пока — перечитываю те, что имею. Чтение твоих писем — моё самое любимое занятие. Твои письма — этажи любви, мыслями своими взбираюсь по ним всё выше и выше, и там на самом верху ждёт меня встреча с тобой — с трепетом, с восторгами, со слезами счастья на глазах, встреча с

женщиной, в которой судьба мне дала всё: и любимую, и жену, и друга-единомышленника, и даже соавтора.

Благодаря тебе, Валюшка, я могуч и удачлив. Перед нами всю жизнь — алые паруса. Самое главное и важное ждёт нас впереди, сегодняшний сиверко даже на пользу, заморозить не заморозит, но заставляет двигаться быстрее.

Получил письмо от Прокопьева. Помнишь, когда он был и рассказывал о жене, у которой уже около года РОЭ ускорена, и никто не мог доискаться до причин, то я посоветовал искать её в почках. Как я и думал, собака была зарыта именно там — нефрит. И что самое интересное, никто этого не допускал: общий анализ мочи был нормальным. И только по настоянию больной, начали исследовать по-настоящему и докопались до сути. Так сказать, диагноз на расстоянии. Это похлеще того китайца, который исследовал пульс через ниточку у больной, находящейся за ширмой... Знаю, знаю, Солнышко, что ты подумала... Я и тебя буду лечить хорошо. Прошу, Валюшка, делай всё, что знаешь, чтоб помочь себе, не пренебрегай ничем (компрессы, горчичники, прополис, дыхание, йога, аутогемотерапия) — даже, если вечером сильно устанешь, всё равно делай, будь настойчивой, будь умницей. Береги себя.

Если лимоны кончились, купи. Хватит ли денег?

Я пишу каждый день, ты не расстраивайся, если письма доходят не вовремя.

До скорого свидания, целую всю — твой Б.Т.

Боренька, милый, здравствуй!

Получила твоё письмо, целовала каждую строчку, закрыла глаза, и мне кажется слышу твой голос. Так соскучилась по тебе, рвётся моя душа к тебе днём и ночью. Жду не дождусь той минуты, когда мы окажемся в объятиях. Я столько приготовила для тебя ласки! Боря, я больше всего на свете люблю тебя. Думаю о тебе, живу для тебя...

Жаркая пора начнётся скоро. Теорию сдала на 4, занизили за счёт контрольных, третью сдала в день экзаменов. Вопросы были очень лёгкие. По фортепьяно, кажется, не двигаюсь, хотя говорят, что я сделала очень много за этот год...

Ты, Боря, не отвечаешь на мои вопросы, как у тебя дела, что нового на работе? Береги себя для меня, а я — для тебя.

Целую всего, всего. Жду нашей желанной встречи — твоя В. Т

Я продолжаю разговор с тобой, Валюшка!

Когда я услышал по телефону «Это же я!», то голосу твоему вторило «Вот она, я!». Я сижу за шахматным столиком и, как с магнитофона, считываю с памяти твой голос. В нём столько

оттенков, столько красок, что даже по ним одним понимаешь, какой напряжённый период ты проживаешь. Я его переживаю вместе с тобой и верю, никаким бедам не прижиться: мы сильны любовью своей...

Я не сомневаюсь, всё будет хорошо.

До скорой встречи, жена моя! Целую всю — Б. Т.

Здравствуй, моя радость!

За что ты меня сегодня поощряешь? Как я уже сказала — 3 письма и твой голос. Боря, родной ты мой, когда же мы встретимся.

И наговоримся ли? Многого по телефону не скажешь, но я ждала этого звонка, и ты догадался, и всё то ты чувствуешь! Настроение у меня сейчас праздничное. Я самая, самая счастливая. Сижусь сейчас, представляю тебя и пьянею, потому что слышу твои нежные слова. Как они мне нужны!

Сегодня безусловно буду спать крепко, беззаботно, ты тоже, я буду с тобой. Последние дни идут медленно, я теряю всякое терпение ждать, мысли и сердце — всё устремлено к тебе. Будь спокоен, всё у нас будет хорошо, и чего хотим, добьёмся, правда?

Сегодня мне приснился сон: девочка ожила, лежит в колясочке, спит, такая тёпленькая. Моей радости не было границ...

Деньги мне не присылай, мне хватит.

До свидания, жди. Я скоро, скоро приеду. Целую всего, обнимаю, люблю больше жизни — твоя В. Т.

Валюшка, жена моя!

Сегодня у нас праздник — первое свидание после разлуки. Мы не виделись почти месяц, и он для нас держался лишь на трепетных крыльях наших писем. Были телефонные разговоры, но разве можно кричать в трубку о самом сокровенном. Внешне мы могли выразить его лишь в жгучем желании встречи.

Предстоящем свиданием освящались все дни и ночи, все наши помыслы и поступки.

И вот мы приходим друг к другу, просветлённые, как после Великого поста, переполненные жаждой любви и счастья!

С любовью связаны наши жизни и наши судьбы, и наше творчество. Вот почему я всегда устремлён к тебе, Валентина, и всегда повторяю, как молитву: «Да святится Имя Твоё!».

Нет никого в мире, прекраснее тебя, нет ничего желаннее. В свидании с тобой, в познании тебя как Человека и Женщины — смысл моей жизни.

Б. Т.

Миленький, любименький, здравствуй!

Получила два письма твоих и Юрино. Спала отлично, потому что я их положила под подушку, а они успокаивают и обеспечивают мой покой.

Боренька, конечно, придётся полежать, пока не вытишут. Наберись терпения ждать ещё 60 дней. Мне кажется, ремонт лучше делать весной, в общем смотри сам. А какие новости на курорте? Что ты делаешь? Знал бы ты, как хочу к тебе, любимый мой. Думаю всё время, как мы встретимся, но лучше дома, чтоб никто ни от кого не уезжал. Будем надеяться на счастливое лето. Самочувствие моё неплохое, если не считать, что скучаю и нуждаюсь в свежем воздухе, твоих письмах и внимании. Поправилась за 5 месяцев на 7 кг, врач говорит нормально, будет большой ребёнок. Назначили сегодня серготин для него. А жирок-то откладывается не у него, а у меня. Уж и хлеб не ем, наверное, буду делать разгрузочные дни. Что делать? Время летит быстро, когда есть чем заниматься, жду когда Е. Д. привезёт ниток. Ты мне вышили выкройку с красной рубашки. Попытаюсь что-нибудь сделать... Кормят хорошо, разнообразно, сегодня давали на полдник два апельсина, на ужин банан зелёный, я его положила дозревать. Так что твоя дочка получает всё необходимое, вчера банку засыпала лимонов. Пока есть всё. А как же ты?

Питайся поразнообразнее, большие отдыхай, ходишь ли в кино?

Ко мне приедешь, наверное, в марте, да?

До свидания, целую всего, всего – твоя В. Т.

Солнышко моё!

Несколько лучиков твоих коснулись меня, озарили ясным светом и вдохнули тепло, и я уже не чувствую ни морозов, ни одиночества. Как много значат твои письма в моей судьбе:

«оттого-то в очах и не гаснут огонёчки, что звёздам сродни, освящая поэзией счастье, вычитая из счастья дни».

Я всё-таки решил потихоньку делать ремонт, чтобы дома тебя встретили чистота и уют. Валюшечка, ты пишешь о своей полноте, ты же знаешь, как я отношусь к этому. Углеводы надо ограничить до минимума, и без разгрузочных дней не обойтись: отвар шиповника 2-3 литра (по стакану через 1-2 часа), третьи блюда (сладкие) совсем не нужны, вместо этого пей воду, шиповник между приёмами пищи, ведь надо думать о жёлчном пузыре и почках. Обязательно: До-Ин 2 раза в день, потягивание — как можно чаще (ежесчасно), ночью просыпайся для этого, дыхание животом — чем больше экскурсии живота, тем лучше для плода и для внутренних органов — наказания не новы для тебя, будь умницей, выполняй систематически. Настрадавай себя и врачей на семь месяцев. Будь здоровой, любимая, береги себя для меня.

Целую всю – твой Б. Т.

Боря, милый, здравствуй!

Получила 4-е письмо, я пишу тебе регулярно, но отправляю с кем придётся, так что не обижайся.

Вчера смотрела ассистент, назначила на операцию, а сегодня сделали ушивание. Только привезли — и от тебя письмо. Делали под местной анестезией, от наркоза я отказалась. Было терпимо, больше боялась. Атропин и но-шпу тоже не дала им делать. Сейчас медикаментов никаких не принимаю,

три дня лежать на спине, а в понедельник скажут. Некоторых выписывают на 9-12 день, так что Новый год встретить вместе не придётся. Может, старый Новый год встретим... Приезжать пока не нужно, возможно, скоро сама приеду. Крепись, милый, обо мне не беспокойся, я вынесу всё, лишь бы ты любил и ждал. Пиши чаще. Я рада, что ты пьёшь снова хорошее молочко. За листочки спасибо, я тронута твоим хорошим нежным письмом. Они мне очень нужны. Пишу, как курица, лёжа, очень неудобно, но всё-таки не заставлю тебя быть в неведении. Обещала Екатерина Дмитриевна сегодня привезти яблочек. Ничего мне не нужно — только письма. Почему приезжать не нужно? Ходить пока нельзя, а приедешь, и тебя не увидать — мне будет очень плохо. Поздравь моих: у меня нет открыток.

До свидания. Целую всего — твоя В. Т.

Жизнь, моя, здравствуй!

Моей необходимостью стало, Валюшка, тихо беседовать с тобой, и если тебя нет рядом, я поверяю свои думы и чувства листу бумаги, они сразу ложатся начисто, потому что искренни и чисты. Как на новом белом листе хочется писать ровные, красивые строки, так и мысли мои и чувства на фоне твоей жизни, проявляясь заново, живут содержательней, ярче. И чем дольше течёт моя жизнь с твоей жизнью, тем глубже и чище становится. Я, кажется, начинаю постигать мудрость жизни, она — не в премудрости идей, не в лабиринте предрассудков,

она существует и проявляется тогда, когда перестаёшь её замечать в виду лёгкости и естественности всех жизненных проявлений, когда её обязанности не тяготят, и груза её не замечаешь. Я каждым днём счастлив, ведь если мы вместе, то потому что я чувствую тебя, а если в разлуке — я чувствую твою необходимость. Пройдёт ещё немного дней — как бы томительно ни было ожидание — мы воссоединимся вновь, и всё, что я ни делаю, озарено радостью свидания.

До свидания, любовь моя, целую всю — твой Б. Т.

Боренька, здравствуй!

Наконец, привезли мне твои письма. Я уж извелась. Обещали каждый день, и я каждый вечер стою и жду. Уж вся палата ждала. Зато когда получила, почти все прослезилась вместе со мной, но это были слёзы радости.

Самая счастливая была в этот вечер я...

Теперь о наших делах. Лежать пока придётся долго, наверное, делали повторный мазок, и опять плохой. Да я и сама знаю, ведь срок увеличивается. Наверядли к Новому году отпустят, и ты меня не жди, думай обо мне, и мне будет легче. Хорошо, что отпуск провели вместе, это был самый счастливый месяц в этом году...

В палате № 7 нас шесть человек, и опять я старшие всех на 12-15 лет, но они не верят всё также. К местным ходят по 2 раза в день... Спасибо Яскиным, были уже три раза, привезли продукты и даже чулки, потому что здесь холодно в носках.

Екатерина Дмитриевна болеет с субботы, поэтому пять дней лежало у них письмо. Пиши теперь на роддом, только чаще. Я очень беспокоюсь о тебе, скучаю...

До свидания, целую всего, всего – твоя В. Т.

Любимая!

Это письмецо моё самое быстрокрылое, его не коснулись чужие холодные руки. Когда ты задремала этой ночью, оно спешило к тебе, шуриша, навевало сны обо мне, а утром, когда ты раскроешь конверт, знай, что я мысленно слежу за тобой, вижу, как трепещет в твоих мягких, нежных, словно вербочки, пальцах розовый от огня твоего — моего солнышка — этот листочек; вижу, как вздрагивают веки, как заостряются твои черты — и ты пылаешь утренней зарей надо мной, прекраснейшая из женщин, созданная для любви и счастья. И я люблю, и я счастлив!

Мы скоро увидимся, тридцатого я приеду к тебе, и мы встретим 1978 год, наш год!

На нашем столике распетушился тополь, выбросил серёжки, а вслед за ними — пахучие клейкие изумрудные листочки, а за окном — зима, а у нас в доме – весна.

Мы далеко друг от друга, но любовь пышет жарко, знойно — от постоянной мечты о тебе и твоих ласках. Что мне зима — когда я люблю тебя, когда меня любишь ты!

Любовь — наш щит и любовь — наш меч, с нею ничего не трудно, ничего не страшно. Этому божеству и её жрице я и служу.

Жди, думай обо мне — твой Б. Т.

Боря, родной!

Вчера принесли письмо, цветы розы, яблоки, лимоны, гранат — у меня сердце оборвалось: только от тебя может быть такая передача. «Это ты приехал и где-то рядом!». Как мне спуститься: ещё не ходила. Слезы на глазах, читаю письмо, и мне кажется, что ты стоишь и со стороны наблюдаешь, как я трепещу. Девочки побежали сказать, чтобы зашёл сюда сам, но увы! Сказали: были на синей машине и уехали...

Сейчас стоят передо мной розы — счастлива, но и волнуясь: всех выписывают, в палате остаётся двое из шести. Боря, возьми на всякий случай свой халат и чепчик, он в нише в коробке — оденешь и пройдёшь свободно. Ещё когда приедешь, постарайся поговорить с врачом лечащим, посмотри историю. Сегодня был обход. Понемножку можно ходить, буду лежать 20-22 недели, чтоб хорошенько развивалась плацента. Снова начали колоть гормоны... Надеюсь, письмо застанет ещё тебя дома. Жду встречи. Если бы тебя оставили ещё и 31 со мной в палате. Родной, соскучилась, живу твоими письмами и встречей.

До свидания, целую, обнимаю — твоя Г.

Здравствуй, Валюшка!

Получил от тебя сразу два письма, чувствую, что настроение у тебя боевое, так и должно быть... Я верю в тебя и в то, что всё будет хорошо. Что касается меня, то не беспокойся, всё здесь нормально. Вчера только вот захлопнул дверь, а ключ дома оставил. Еле-еле открыли проволокой (под рукой были и ножи, и топор, и пилы). Но печку ещё ни разу не оставлял включённой, так что я у тебя — на высоте.

Хочется в Красноярск, к тебе. Я уже настраиваюсь на 28. У нашей ёлки написал стихотворение, вот послушай:

*Ёлки новогодние нарядны,
Царственной блистают мишурой,
Стянутые нитью Ариадны,
Стали под искусственной звездой.
У моей же ёлки на иголках,
Смолами овеянных ветвей,
Новогодние открытки только —
Весточки крылатые друзей.
Разделяя беличьи заботы,
К дереву богатства я несу,
Но не гриб и не орех какой-то
Благостно я вешаю на сук —
В хвойные доверчивые лапы
Я вверяю дружеский привет...
Настоящий месяц, словно лампа
Льет неоновый в окошко свет.
И при этом мягком тихом свете
В Новый год становится видней,*

*Сколько растерял друзей заветных,
Сколько новых приобрёл друзей.*

*Валюшка, ни на минутку не забываю о тебе, ты рядом со мной, ты во мне. Я живу тобой, моя любимая, моё солнышко!
Целую всю — твой Б. Т.*

Здравствуй, мой милый!

Сегодня неделя, как ты уехал, а весточек всё нет и нет. Наверное, опять — почта. С каждой неделей скучаю всё больше и больше, ведь я смотрела тебе вослед из окна, и сердце разрывалось от горя. Когда же, наконец, мы будем вместе, чтобы никогда не разлучаться. Хочу домой к тебе, прижмусь к тебе тёпленькому, ласковому, потом спю «Пусть мне пригрезится сладкий, сладкий сон»... Спать стала хуже, потому что нет от тебя писем. Тебе, наверное, тоже не легче?

Как я прожила эту неделю? Вязала — все нитки извязала, теперь хоть вой от нечего делать. Зато связала такое чудо, приедешь — увидишь!

Обещала Е. Д. привезти ниток, тогда будет дело. Просила она на субботу у главного врача меня, но он не разрешил, говорит, что случится, она нам не простит. Заботятся они от всей души. В тебе души не чают.

Пока я была с тобой, окно было открыто — и розочка замёрзла, а гвоздики только сегодня завяли. Родненький мой, ког-

да же ты заберёшь меня? Чадушко растёт и набирает силу, стучит чаще и упорней...

Пиши чаще. Я жду с нетерпением каждый день от тебя весточек. Будь здоров, береги себя для нас. Мы дышим кислородом, едим фрукты, сухофрукты и всё остальное.

Целую тебя всего, всего. Жду встречи — твоя В. Т.

Милый!

Не знаю, что и сообщить, нас опять в третий раз постигло горе. Прости меня, сохранить не могли. После осмотра открылось кровотечение, пытались сделать всё, через сутки расшили, родился мальчик, кричал, но не сохранили, говорят, маленький... Но он ведь кричал!

Скоро выпишусь, может, в конце недели приеду, писем больше не пиши, не встречай, я этого не стою. Моё горе велико, тебе легче, ты не видишь всего этого. Рухнула моя последняя надежда и радость! Если бы не ты, мне жизнь не дорога. Всё время думаю о тебе. Сколько причиняю тебе неприятностей. Ладно, приеду, потом обговорим всё, мне трудно передать, что думаю. В конце недели позвони Яскиным, узнаешь, как и что.

Целую — твоя В. Т.

Любимая!

Наша вина в том, что мы верили людям и медицине:

ГОРЕ, ПЕРЕПЛАВЛЕННОЕ В ПЕСНИ

*Горе вновь я повстречала,
Но вина ли в том моя?
Долю женскую пытала,
В чём же виновата я?
Если грозы да морозы
В моей жизни — как родня,
Не вино тила я — слёзы.
В чём же виновата я?
Я сегодня рано встала
И хожу, как не своя.
Если счастье не познала,
В чём же виновата я?*

Валентина, солнышко моё!

*Со всё возрастающей любовью встречаю я каждый твой
день рождения! Ты рождена — для меня, а я — чтобы возвести
тебя на трон Женщины-Богини!*

В любое время суток в любом состоянии я не могу наглядеться на тебя, не могу послушаться твоих речей и песен, не могу утолить жажду вечной неповторимой любви!

Я говорю тебе: ты будешь жить вечно, залогом этого станет наша любовь!

Целую всю, всю — твой Б. Т.

Дорогой, мой любимый!

Поздравляю тебя с днём рождения!

Желаю самого дорогого на свете — здоровья!

Да хранит тебя любовь моя! Да святится имя твоё, да придет счастье твоё, да пребудет воля твоя!

Как далеко ты от меня, мой родной, но знай, что я помню каждую минуту, что я с тобой, а ты со мной!

Сдаю экзамены, защитить должна ещё диплом, и снова будем вместе, не будет больше у нас долгой разлуки. Люблю тебя очень, скучаю, жду с нетерпением встречи. Не обижайся, что не пишу, такое время не определённое, волнуясь, мечтаю, готовлюсь к госам.

Целую, люблю Вас.

Валюшка.

Родная моя!

Жизнь наша — вечное преодоление, в этом наша сила, а 1995 год показал, что препятствий для нас не существует! В 1995 году мы перешли на новую орбиту жизни и творчества, прошедший год — начало нашего триумфа!

С Новым годом, величайшая из женщин, с Новым счастьем и вечной любовью!

Целую всю, всю — твой Б. Т.

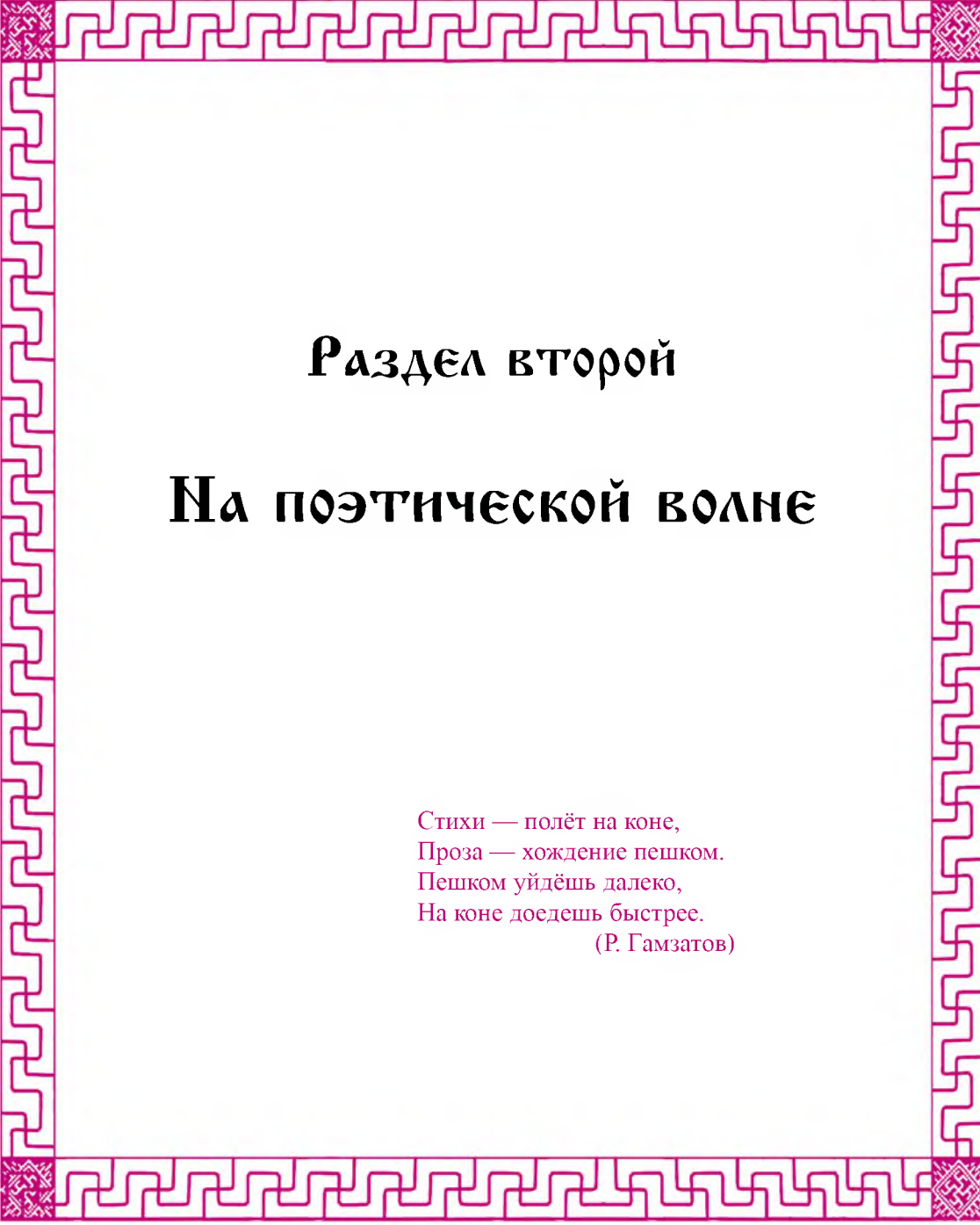

Выпуск Ленинградского института культуры (ВЛШК), 1991 год

Раздел второй

На поэтической волне

Стихи — полёт на коне,
Проза — хождение пешком.
Пешком уйдёшь далеко,
На коне доедешь быстрее.
(Р. Гамзатов)

1.
**Участие в конкурсе 2000 года.
Предложение текста для гимна
России на основе гимна СССР**

С любимой Россией, могучей державой
Мы слиты навеки единой судьбой,
Пусть реет над нами наш стяг величаво,
В великое Завтра зовёт за собой.

Славься Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот.
Знамя российское, Знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Россия извечно святою зовётся,
Жар-птицею с детства нам снится она.
Над миром, над нами пускай вознесётся
Духовное Знамя на все времена.

Славься Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот.
Знамя российское, Знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сильны мы не только духовною силой.
Но мы не затронем чужих рубежей,
Судьбою дано нам служить лишь России
С любовью, надеждой и верой в душе.

Славься Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот.
Знамя российское, Знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

2.

Планета Земля,
я твой сын.
Я — твой
плоть от плоти,
я твой
до последнего атома мозга,
я твой
до последнего атома сердца,
тебе я обязан
рождением и жизнью,
и от тебя мне досталась Отчизна
с прекрасным и звучным названием
РУСЬ!
И если
любить на Земле мне дано,
и если мне
жить на Земле суждено
иль смерть вдруг принять —
всё равно —
живу для России,
люблю для России,
умру для России.

3.

Те, кто издали видел её,
говорят: голубая она,
тот, кто жизнь отдаёт за неё,
говорит: беззащитна она.

К ней ладони свои протяну
и дыханьем согрею её,
и в беде не оставлю одну —

я отдам ей дыханье своё,
от дурного всего заслоню
красоту и её чистоту,
голубою навек сохраню
для себя и для всех, как мечту.

Да поможет ей каждый в своём
так, как совесть и ум повелят!
Да светится имя твоё,
голубая планета Земля!

4.

Я иду по Земле

Я иду по Земле,
по проталинам первым весной,
и с поклоном ко мне
в голубой тишине
обращается ландыш лесной:
защити, Человек!
Сохрани ты проталину эту,
чтобы песню допеть,
буду ждать я до новой весны,
чтобы снова звенеть
белым звоном белому свету,
навевать ему белые сны...

Я иду по Земле,
я по снежной иду белизне,
а снежинки хрустят,
а снежинки грустя,
обращаются тихо ко мне:
защити, Человек!
Сохрани чистоту первоснежья,
не забудь, Человек,

что за Землю в ответе лишь ты!
 Не забудь же вовек,
 что в поступках твоих и в одежде
 ничего нет нужней чистоты!

5.
Чёрный ворон — война

Много ль для жизни нужно,
 чтобы цвела она?
 Но кружит над ней, но кружит
 чёрный ворон — война.

Много ли неба нужно —
 землю солнцем согреть?
 Страдает она не от стужи —
 ворон несёт ей смерть!

Наточены стрелы смерти,
 ворон в небе завис.
 Не ждите, когда на жертвы
 ворон ринется вниз.

Чтобы на белом свете
 чёрной не быть грозе —
 в ворона стрелы цельте,
 в ворона стрелы все!

6.
Не беда, что ветер воеет

Сибиряк, с волною споря,
 что-то грустное поёт,
 порыбачить выйдя в море
 рукотворное своё.

Только сам себя не слышит:
 разыгрался ветер — страсть!
 начал спорить с ним — не вышло:
 зуб на зуб не мог попасть.

Мёрзнуть так — ему не ново,
 приходилось на войне,
 но без друга дорогого
 холодней теперь вдвойне.

Он привычно самокрутку
 с первой спички прикурил,
 показалось не на шутку,
 рядом кто-то говорит:

«Не беда, что ветер воеет,
 не беда, что холода —
 покурить уже с тобою
 не могу я — вот беда».

7.
Забылась мать

Забылась мать
 в тревожном страшном сне,
 напомнил он опять
 ей о войне.
 Была война,
 шагала смерть по ней,
 смешались с кровью
 слёзы матерей.
 Вихрастый мальчик
 вышел в путь большой,
 навстречу счастью шёл,
 любви навстречу шёл,

но повстречал врага
в родном краю...
И край, и дом, и честь
он отстоял в бою...
Бой отгремел,
но крепко спит солдат,
вихрастый мальчик
не пришёл назад...
Не верит снам
седая мать
и сына по утрам
идёт встречать...

8.

Ариозо матери

Их было много,
с ними мой сынок,
едва пробился
над губой пушок.
Расправив плечи,
он стоял в строю.
Таким навечно
в жизнь вошёл свою.
Рассвет над рощей
ветви серебрил,
и первый лучик
по штыку скользил.
ушли немедля,
в роще — тишина...
Сибирских парней
помнила война!
Шумят в Зелёной
роще деревца,
играют шумно

дети у крыльца,
а мой сыночек
крепко-крепко спит,
а я не знаю,
где мой сын лежит.

9.

Путь к тебе

На склоне лет, наверное, не зря
мой разговор и думы — о былом,
и все нужней мне старые друзья,
к ним прикипел и сердцем, и умом.

Одно из фото через всю войну
в кармане гимнастёрки я пронёс,
был вместе с ним в поту, в крови, в дыму,
в те дни всё было, не было лишь слёз.

Когда же слепо вражеский свинец
ударил в грудь, зловеще прошипев,
запутался он между двух сердец,
напиться кровью нашей не успев.

А сколько рук несло меня к тебе,
делясь со мной последним пополам,
их теплота живёт в моей судьбе,
без этих рук не встретиться бы нам.

10.

Вечный огонь

Знаменит не очень наш посёлок,
но на песни, на детей богат,
можно бы назвать его: «Весёлый»,
«Молодёжный» или «Посёлок-сад».

Только пусть название остаётся
то, с которым встретил он войну,
пусть в сердцах живущих отзовется
эхо тех, кого уж не вернуть.

Тополя, как старые солдаты —
в нашем парке — грустные на вид,
над солдатскою могилой свято
пламя вечно трепетно горит.
Если в битве мать теряет сына,
эта жертва не проходит зря —
вечные огни по всей России
для потомков трепетно горят.

Тополиный пух ли хороводит,
снег ли травы вновь к земле пригнул,
молодёжь из загса в парк приходит
поклониться вечному огню.
Не шумите, тополя, ветвями,
не скрипите кронами во сне,
будем вечно поминать цветами
всех, отдавших жизни на войне.

11.

Мы не хотим умирать

Снаряды взмывают роем,
границы взрывает смерч,
и вот уже с диким воем
над жизнью проносится смерть.

Планета опять неспокойна,
сорвавшись с цепи, опять
гуляют по свету войны,
но мы не хотим умирать!

За пушки
с железным упрямством
хватаются медные лбы,
в глубоком бредовом трансе
готовые мир погубить!

Готовые в жизнь, как в копейку,
стрелять,
стрелять
и стрелять!
Стрелять не хотим в человека
и мы не хотим
умирать.

12.

Сибирь — жемчужина планеты
Сибирь — великая земля,
как солнце, над Сибирью светит
звезда московского кремля.

В лесах растёт лес новостроек
растёт с ним новый человек,
и в испытаниях грозою
он не отступится вовек.

Русь будет прирастать Сибирью
в своём могуществе в веках,
мечта и сказка станет былью,
судьба её — у нас в руках.

Сибирь — жемчужина планеты
Сибирь — великая земля,
как солнце, над Сибирью светит
звезда московского кремля.

13.

Гора думная

Чем не лук — хребет Саянский?!
Енисей — стрела батыра!
Сжат хребет в дугу тугую —
и стрела летит на север.
Рассекая небо, тучи,
раздвигая скалы, горы,
Енисей стремится к цели.
А за ним спешит дорога,
но встают пред ней тасхылы —
и она петляет, вьётся,
жмётся, стелется и кружит...
Я иду вдоль Енисея,
с думой на гору взбираюсь,
по какой идти дороге?
как достичь заветной цели?
Думная гора крута,
ох, как дума не проста.

14.

Енисей

Енисей, это русское диво,
я по-русски всем сердцем люблю.
и веков испокон горделиво
с ним судьбу одну верно делю.

Енисейской водою я моюсь,
енисейскую воду я пью,
излилась со студёной водою
его сила в силу мою.

Меня нечем ему упрекнуть:
я его поил потом и кровью;

и выходит, наш жизненный путь
связан намертво братской любовью!

15.

Спорил пароход с рекой разбуженной
след бурлящий таял за кормой,
и гудок, насадный и простуженный
повисал над пенною волной.

Поднимались берега над палубой
в каменном величии своём,
с равнодушием внимая жалобам
парохода на своё житьё.

Сколько зим пережито и прожито!
Есть ли силы вновь желать и сметь,
если на пути твоём порожилом
где-то рядом притаилась смерть?!

16.

В Саянах кружат орлы,
гордые веют ветры,
и на вершине скалы
солнце встречают кедры.

К солнцу и свету маня,
белеют вдали тасхылы,
будьте же парусом вы для меня,
тасхылы мон, тасхылы.

Раздвинув горы, спешит
вдаль Енисей могучий,
галькой гулко шуршит,
плещет волной певучей.

В путь неоглядный манят
просторы моей Отчизны,
будь, Енисей, всегда для меня
широкой дорогой жизни.

17.

Енисей — великая река
безраздельно с устья до истоков,
и ему подобна, сквозь века
жизнь народная бурлит потоком.

Украинец, финн, чуваш, узбек
и хакас, и белорус, и русский,
и отцы и дети — все навек
слиты воедино в мощном русле.

18.

Песня водителя белазы

Горит закат в полнеба
огромным транспарантом,
встречая солью-хлебом
меня, как космонавта.
Озарено лучами
рабочее плечо,
как должное встречаю
к себе такой почёт.
На штурм готов всегда я
по первому приказу,
в борьбе не подкачают
могучие белазы.
Скалу где отодвинуть,
реку где перекрыть —
работа для мужчины

должна бореньем быть.

Тяжёлые машины —
на острие атаки,
планируют планету
белазы-работяги.

По силе нет им равных,
любой груз — по плечу.

В белазе спозаранок
баранку я кручу.

19.

Море рукотворное

Над могучим древним Енисеем
стоят в дозоре кедры на ветрах —
здесь в далёком уголке России
родилось море дивное — в горах...
Здесь бродил я немало,
когда не было моря в помине,
я взбирался на скалы,
на которые море легло,
плыл над Джойским порогом —
подо мною вода бушевала,
из слабеющих рук вырывала весло...
Ещё помнят ладони
теплоту и дыханье бетона,
ещё в теле гудит
напряженье могучих машин,
но живёт уже море,
перед взглядом живёт восхищённым!
Это труд, это жизнь настоящих мужчин!
К тебе, море, стремлюсь
и всегда прихожу я с поклоном,
как молитву, твердя без конца:

«Кто создал тебя, море?»
— Наши ладони!
«Кто вдохнул в тебя жизнь?»
— Наши, наши сердца!

20.

— Что ты, море, расшумелось, почернело так?
— Описать меня пришёл ты, знаю я писак,
передать ты хочешь песни те, что я пою.
Ты их слышал? Ты их знаешь?
— Море, я свою...
— Или, дерзкий, возомнил ты дали описать?
Или небо надо мною?
— Море, дай сказать...
— Или силу волн могучих? Или мой прибой?
Иль сокровища морские, или...
— Море, стой!
Все величие морское песней не объять,
я пришёл к тебе, родное, чтоб «люблю» сказать.

21.

Разговор двух морей

— Море, брат мой, почему ты притихло, не пойму?
Пусть уж я — прилёг вздремнуть,
чтобы чайку не спугнуть.
То к волне она прильнёт,
пену волн крылом смахнёт,
то взмывает с криком ввысь,
словно требует: проснись.
Сплю не сплю, а вижу сон,
будто руки вместо волн,
будто кровь вместо воды —
стал я парнем молодым,

и не чайка на волнах,
а девчонка на руках,
счастье взгляд её сулит,
но меня не веселит,
потому что это сон,
как туман, растает он...
— Чайке солнца не закрыть,
нам по чайкам не тужить.
у меня другое, брат,
я и сам тому не рад,
но иначе не могу,
старину я берегу...
В старину я для людей
был самого чёрта злей,
в щепы лодки их громил,
как щенков, я их топил,
но отважных уважал
и нередко награждал.
Интерес людей мне льстил,
их к глубинам допустил,
дал богатства в руки им,
тайны я раскрыл свои,
и тогда они меня
обуздали, как коня,
и как вол, я стал служить...
Как былым не дорожить?
Ты людьми из рек рождён —
я людьми был побеждён.
Тесен стал им мой простор,
к звёздам их направлен взор,
и открыта им теперь
в Космос спутниками дверь!
И в его судьбе свою
я невольно узнаю.

22.

Марьин корень

Как в храм, вхожу в таёжные пределы
и с трепетом склоняюсь над цветком...
Но я пришёл сюда не для молений —
для исцеленья недугов моих;
цветок — таёжная краса — не жертва,
а только путь спасенья моего...
Скольжу рукой по стеблю к основанью
и почву пальцами рыхлю под ним,
нащупываю корни осторожно
и вглубь спешу, чтоб вывести на свет
из темноты мою добычу — Марьин корень...
Из под ногтей сочится кровь — пустяк:
на Марьин корень — вся моя надежда...
Шумят, шумят таёжные пределы,
а кедр могучий — словно в забытьи.
Как в колыбели — шишки на верхушке,
и в каждой шишке, в зёрнышке любом
растёт и зреет сила молодая...
Могучий кедр! Ему тут равных нет.
Могуч — не потому, что в клочья тучи
могущий разорвать, а потому,
что корни в толщъ земли
вонзает он, как в масло,
а эта толщъ — скала...
Но корни кедра — не доступны мне.

23.

По легенде Платона,
человек был как бог.
Только, богом рождённый,
он себя не сберёт.

Видя силу свою,
возомнил пред богами
и попрал их ногами!
Но сражён был в бою
на мирском поле брани...
Боги гордых людей,
раздвоив в наказанье,
расшвыряли по всей
необъятней вселенной...
Кто подскажет решенье,
как из разных частей
воссоздать тех людей?

В неприкаянном мире
чахнут полутела,
и крошечная мгла
душит души в эфире...

Мельтешат полулюди
в суете, маяте —
сколько разных мастей
лежебок, лизоблюдов!

С полусилы вершат
судьбы стран полуумки,
полупьяны с полрюмки,
выйти в боги спешат.

Нимбы рьяно куют
и возводят чертоги,
и пурпурные тоги
для себя спешно шьют.
Но от пышных затей
ещё больше убогость...

Что ж вы, боги, о боги!
сделали из людей?!

Что касается лично
в этом деле меня,
то и ради приличий
лгать не стану ни дня.
Знаю я, всё равно
быть борьбе между нами,
мне тягаться с богами —
на роду суждено.
Но чтоб силу былую
я сумел показать,
половинку родную
должен я отыскать...

24.

Играй, мой баян...

Цикл стихотворений

Славна русская земля поэтами, богата песнями... Древнерусский певец Боян стоит первым в списке великих национальных поэтов, поэтому и самый любимый, самый голосистый музыкальный национальный инструмент назван баяном.

По тропкам пряным, по дорогам прямо,
по сёлам, городам — вперёд, вперёд
баян шагает и поёт. Поёт
заливисто, задорно, звонко, рьяно.

По дереву он мыслями течёт,
он — волком по лесам, орлом — над храмом,
он по земле, как человек, упрямо
сквозь мглу и ливни с песнями идёт.

Проходит по опушке не спеша
и делится теплом мелодий щедро
с берёзкой нежной и с могучим кедром,
весь нараспашку — русская душа!

Поведай же, баян, душой своею
о чём молчат тасхылы на ветру,
о чём шумит волна на Енисее
и шепчут сосны в шушенском бору.

Много песен есть у баяна
о любви и любимых, о дружбе,
о почётной солдатской службе
много песен есть у баяна.

Задушевной песней баяна
каждый лист и былинка воспеты
и снежинки в сугробах согреты
задушевной песней баяна...

Тесно песням в груди у баяна,
прикоснёшься — вспорхнут они стаей,
покружившись над отчим краем,
вновь вернутся на кнопки баяна.

Мне спросить бы у баяна,
где берёт он нежность звука,
глубину и ясность мысли,
задушевные напевы...

Всё дала ему Россия,
её ласковые ветры,
её медленные воды
и дороги без конца...

Мне спросить бы у баяна,
где берёт он силу звука,
чёткость маршевого ритма,
удалые обороты...

Всё дала ему победа,
её славные «катушки»,
её дерзкая пехота
и тачанок бег лихой!

Сколько кнопок у баяна..
Чётные, нечётные.
Среди белых кнопочек
рассыпаны чёрные.

Стаей воронов кружили
над баяном нелюди
и навек оставили
чёрные отметины...

Да, божественен звук у органа,
скрипки тоже весьма хороши,
спору нет, но для русской души
ничего нет милее баяна!

Он не лезет в карман за словами,
сам собою бывая всегда,
объясниться он может с богами
и чертям всем жару поддать.

За границей пускай человек
 пред баяном не сбавил спеси,
 ворвался в ракетный век,
 как ракеты, русские песни!

Дайте мне скорей ответ,
 так бывает или нет!

Он и толст и тяжёл,
 но мне с ним хорошо,
 где ни повстречаемся,
 там и обнимаемся?

Отчего загрустил баян,
 отчего тоскует и плачет,
 отчего так печально и нам?
 Вспомнил прошлое, не иначе.

25.

Пролегает путь-дорога
 вдоль России у меня,
 словно струны у гитары,
 провода над ней звенят.
 Вместе с песней и гитарой
 мне в дороге веселей,
 вторит нам оркестр берёзок
 струнами своих ветвей.
 Предо мною вдруг преграда —
 речка путь пересекла,
 у воды сидит дивчина,
 свои косы расплела.
 Косы девичьи — загадка:
 то ли пенная волна,

то ли струны у гитары,
 то ль мелодия сама.
 Неприветлива дивчина,
 как холодная вода,
 мне, признаться, горя мало,
 пусть красавица горда.
 и пускай передо мною
 речка бурная течёт,
 вместе с песней и гитарой
 все преграды — нипочём!

26.

Балалайка, балалайка —
 гриф с ладами, три струны,
 просим все: а ну, сыграй-ка,
 все в тебя мы влюблены,
 Три струны, а сколько песен,
 сколько удали в тебе.
 мир от песен твоих тесен,
 ты — лекарство от всех бед.
 Если горе в дом ввалилось
 и швырнуло всё вверх дном,
 не сдадимся мы на милость
 ни сегодня, ни потом.
 Балалайка, балалайка,
 нам в несчастьи помоги,
 развесёлюю сыграй-ка,
 чтобы плакали враги.
 Ну, а если стороною
 вдруг моя пройдёт любовь,
 горя своего не скрою,
 три струны помогут вновь.
 Балалайка, балалайка,
 мне в несчастьи помоги,

развесёлую сыграй-ка,
чтобы плакали враги!

27.

Путь-дорога зовёт меня вдаль

Путь-дорога зовёт меня вдаль
в зной и в стужу, и в дождь, и в метель,
чтобы в песнях воспеть магистраль,
новый город и новых людей.

Где палатка, как парус, мелькнёт
и, как факел, взметнётся костёр,
там затеет бывалый народ
снова жаркое дело и спор.

Я опять повторяю: прости,
что тебя оставляю одну...
Мысли все, все дороги-пути
меня снова к тебе приведут.

28.

Три пути-дороженьки

Три пути-дороженьки
да сошлись в одну,
с этой ли единственной
некуда свернуть.

А идёт дороженька
через всю Сибирь,
плач не плач, а некому
в горе подсобить.

А дорога тряская
в кочках, ямах — сплошь,
выживешь не выживешь —
душу растрясёшь.

Смилуйся, о господи!
научи, как жить,
и не дай отринутым
души загубить.

29.

Когда мне бывает невмочь
от подножек, сплетен, ударов,
струны я коснуться непрочь
своей неразлучной гитары.

Я жалуюсь ей на ослов.
на волчью шкодливую стаю,
и песню простую без слов
гитара скорбя напевает.

И вместе с гитарой грустим,
и вместе с гитарой мы плачем,
и вместе находим пути,
и вместе решаем задачи.

30.

Над рекой Селенгой
зазвучала хура,
поёт старый монгол,
эхо вторит в горах.
Песня, ветром лети,
мчись степным скакуном,
расскажи на пути
всем о самом родном,
а роднее всего —
это истинный друг,
с дружбой верной его
расцвело всё вокруг.

«Жить нам, жить-молодеть» —
усмехнулся старик,
и спустившись к реке,
к ней губами приник.
Ветер гонит волну
и пасёт облака,
и в другую страну
катит волны река.

31.

Тропами пастушьими крутыми

Посвящается И. В. Рехлову, создателю национальной художественной галереи

Тропами пастушьими крутыми
мудрость жизни с детства постигал,
за мечтами дерзкими своими
с Енисеем рядом он шагал.

И его в просторах необжитых
покорила дикая краса,
и в полярный круг он, как в орбиту,
жизнь свою рабочую вписал.

Силы свои, мысли свои, чувства
посвятил прекрасному навек.
Служит он высокому искусству,
жрец красоты, рабочий человек.

32.

Мой сад

В саду срезав последнюю розу,
я принёс её в дом отогреть,

ведь в Сибири уже в сентябре
ночью могут ударить морозы.

От заботы моей и вниманья,
с моей лёгкой и доброй руки
вновь расправит она лепестки —
отодвинется день увяданья.

Своей розой любясь с улыбкой,
я пойму, не отцвёл ещё сад,
и, быть может, воспряну и сам,
всё ведь в жизни условно и зыбко.

33.

Доброта

Есть много средств от недугов людских,
но доброта — сильнее всех других.
Как солнышко, во всей красе своей
проходит доброта среди людей.
И если вдруг окажешься в беде,
ты доброту зови всегда, везде.
Она придёт, не может не прийти
и не светить на жизненном пути.
Она поймёт, поможет и без слов,
ты только береги её тепло,
в душе навек, дай место ей потом,
пускай хозяйкой входит в этот дом.

34.

Владеет неизменное желанье
душою гордой, жаждущим умом
излить в стихи и радость, и страданья,
а я и не мечтаю об ином.

Хоть искушён в секретах песнопенья,
я славы не ищу, но в творчестве самом,
пылающем безудержным огнём,
я наслаждаюсь счастьем вдохновенья.

Мое стремленье чисто, благородно,
и сильным мира дифирамбы петь,
что вечно было выгодно и модно,
мне не угодно.

35.

Хуторок

Спит не спит хуторок опечаленный,
там, где песни звучали — молчание,
а где милый мой лихо отплясывал,
там хохлатка гуляет опасливо.

К пяточку, где сходились мы парами
со своими нескладными парнями,
новых тропок с тех пор не проторено,
разлетелись все в разные стороны.

Только мы с хуторком неразлучные.
Хоть я знаю, места и получше есть —
но хохлатка гуляет здесь весело,
да малыш напевает мне песенки.

36.

Синий блюз

Прости, что сдружился я с ветром,
прости, что я вечно в пути,
прости, что живу звёздным светом...
За это за всё ты прости.

Я слышу, опять позывные
тревожно мне шлют журавли,
я вижу, как шлейфы шальные
оставили вновь корабли.

Прости, что всегда неустанно
глазами я небо сверлю,
прости, но другим я не стану,
тебя, как умею, люблю.

И ты огорчайся не очень
на счёт моих ветреных грёз,
люблю твои синие очи
и волны душистых волос,

люблю также синее море
и синее небо над ним,
и синие дали, и горы,
и синие ночи, и дни.

Навечно сдружился я с ветром,
быть вечно в дороге мне с ним.
Прости, но и нынче с рассветом
уйду я в туманную синь.

37.

Белый блюз

Белый голубь вьётся в облаках,
опадает с яблонь белый цвет,
оживляет в пламенных строках
белый непечатый лист поэт...
Белая больничная постель,
белый потолок и белый бред,
не идёт от голубя вестей,
сужен до предела белый свет:

потолок и стены и кровать...
 Рядом — кто-то в белом день и ночь,
 кто-то в белом хочет отогнать
 белый бред — и бред уходит прочь.
 И стучится яблоня в стекло!
 И зовёт к строкам своим поэт!
 Машет голубь в вышине крылом!
 Ширится, искрится белый свет!

38.

Нагадай мне счастье, нагадай,
 на подарки я не поспею,
 посули дорогу в дальний край,
 где бы ветер напевал мне блюз,
 где бы мог забыться я в глуши
 от невежд, пижонов и ханжей,
 где бы изредка в глухой тиши
 слушал позывные журавлей.
 Слышать крыльев журавлиных свист
 и поверить в журавлиный крик...
 Верю в неисписанный лишь лист,
 лишь в прошедший эфемерный миг...
 Нагадай мне счастье, нагадай,
 как гадала дедам и отцам...
 Где же тот счастливый вольный край,
 что ты обещала им и нам?!

39.

Раздумье

Жду двадцать пятый раз весну,
 как все и как всегда — с надеждой...
 Прошло полжизни — не вернуть,
 а вот надежды те ж, что прежде,
 эх, с ними бы навек заснуть...

Ведь меньше год от года их,
 подобно листьям пожелтевшим,
 трепещат на ветвях сухих
 они пред ветром налетевшим.

Ещё теплятся еле-еле,
 ещё волнуют и зовут,
 мечты ещё не охладели.

Стой, ветер, не лети, уймись!
 А впрочем... с силой соберись

и дунь, чтоб сучья полетели!!

40.

Раздумье

По воле вечного закона
 живём, как в сказке: есть и царь,
 и царство, трон есть и корона,
 придворные стоят, как встарь,
 толпою жадною у трона,

и бога свергнув, о другом
 поют и песни и хоралы,
 ещё усердней служба стала,
 и ярче, на плечах погон.

Все те же почести невежде:
 учтивость, гибкость и покор.
 Ты не доволен? Кем был прежде?

И попадёшь навек в немилость.
 и милость для тебя затмилась...

Какой позор до этих пор!

41.

Раздумье

Два были мудреца когда-то,
для славы отrekliсь от благ
и жили только на зарплату,
питаюсь славой кое-как,
писали пухлые трактаты.

В сомненьях оба умирали,
увы! но слава — не диван,
они не в славе почивали —
окутал их простой саван.

Когда же и костей не стало,
их имена учёный муж
упоминал в трудах немало.

И сам он выбрал тот же путь...
Могу ль ему я намекнуть,

что перед смертью их смущало?

42.

Раздумье

Гляжу с годами равнодушной
на добродетель и порок,
покой и гнев отныне дружны,
а было с пошлостью мне душно,
я возмущался...Ну а прок?

Тонул мой голос в водопаде
обидных сплетен, злобных слов,
и вряд ли говорить мне надо,
что зов не нов, ответ не нов.

Всё это в каждом веке было,
всё это повторится вновь,
и всех опять смирит могила.

Вот почему лишён презренья
я к людям, лишь из...уваженья

к тому, что ждёт всех, что придёт.

43.

Думы, думы и сомненья,
тяжкий след прошедших лет,
можно душу так на нет
истоптать без сожаленья,
но и шалости — усмешку,
а не буйное веселье,
так же, как и суета, и спешка,
только в сплин меня вгоняют.
По душе — раздумья, книги
мне давно, я в них живу,
эта склонность милым игом
надо мной — цепей не рву,
я прикован к вечным мыслям:
Что есть жизнь? На что она?
Надо мной они нависли,
пилят, сушат, как жена.
Честолюбие и цель,
благородства побужденья
да благие намеренья —
было всё и нет в конце.
Ордена и пост высокий
получают не по праву,
не Отчизне, а ораве,
что высасывает соки

из неё и из глупцов,
служит армия слепцов.
Кто же всем расскажет правду?
Только смерть — никто другой.
Перед ней поймёшь: не прав был,
что в заветной, дорогой
мысли тайной обманулся,
как блуждающий по кругу,
потерявши силы, друга,
в место прежнее вернулся.
Кому нужен дым от славы?
(сама слава тоже дым).
И угодником неправым,
кротко лижущим зады,
чтоб почётным в жизни слыть,
мне не быть!
Что такое наша жизнь?
Жизнь — вино, она же — песня,
распевай во всю и всю,
в жизни — жизни нет чудесней!
Для чего нам жизнь дана?
Чтобы петь о ней и пить,
чашу жизни не долить,
пить же нужно всю до дна!
Пойте, пейте, не пролейте!
Жизнь — вот лучшее на свете!
Пока силы есть и пламя,
будоражащее кровь,
пусть любовь владеет нами,
пусть избавит от оков
себялюбья и расчёта
и холодной суеты,
расставляй любовь тенёта,
ты — и жизнь, и счастье — ты!

44.

Солнечное затмение

В волненьи, суеверном может,
глядел я через тёмное стекло
на истончающийся медный серп;
вдруг пробежал мороз сырой по коже,
хотя и было всё ещё светло.
но колорит угас; холоден, сер,
подобный стали на изломе, снег
мерцал, я собственную тенью
смущён, себя не в силах превозмочь;
всё кажется, что я сливаюсь с ней,
что предаюсь тревожному забвенью,
что навсегда ко мне приходит ночь...
Померкло дивное светило.
всё поглотила сумрачная тень,
сгушалась тьма и воздух леденел...
Покинут, знаю, скоро меня силы,
и я покину жизни моей день,
продлить его я только не сумел,
умел ничтожное со страстью ненавидеть,
умел прекрасное найти и оценить.
умел любить да так, что хоть на смерть!
Но даже ей любви моей не выпить,
не заглушить любовь и не убить,
и времени коснуться не посметь!

45.

Когда я смотрю на дно бокала

Когда я смотрю на дно бокала,
я вижу дрожащий солнечный луч,
расщеплённый, словно лучина,
и мне кажется — я постигаю язык радуги;
в мерцании голубого,

в зелёных бликах,
в игре жёлтых искр и
оранжевого пламени
мне чудится желаннейший образ,
вечно манящий и вечно обманывающий
и вновь зовущий!
Я тщусь заглянуть в единственный зрачок,
неподвижный,
 бездонный,
 бессмысленный —
пустота!

Зато вокруг него — оргия полутонов
и полузвучков!

А ещё я вижу свои трепетные пальцы,
всегда готовые

 к ласке,
 к удару...

Может быть,
это и есть
счастье:
видеть солнце,
вбирать солнце,
светить вместе с ним!

46.

— Фудзияма, Фудзияма,
взглядом гордым свысока
на людей глядишь века,
головой своей упрямой
подпираешь облака.
Модную из снега шляпку
ветер сдунул набекрень,
ты ровней её надень,
я несу тебе в охапке

ветер северный...

Лишь день
на земле уступит ночи,
на свиданье я приду,
приготовь вино, еду.
Чтоб увидеть твои очи,
я полсвета обойду!
Ведь со мной сравниться можешь
ты величием своим,
ты и я — одни стоим
над толпой, одно тревожит
нас с тобой, одно таим.
Знаю я, что не угасла
сила буйная твоя.
Для меня ты — как маяк.
И со мной шутить опасно,
знай: вулканом создан я!
— Хорошо, поэт, согласна,
если ты поправишь мне
мою шляпку, если ж нет
ты стараешься напрасно
стать со мною наравне!

47.

В мой мир Она пришла однажды
и говорит: душа горит от жажды.
Я гостью в дом любезно пригласил
и чая ароматного налил
и объясняю: чай — душа планеты,
нет ничего отраднее на свете.
Но слышу я в ответ: о нет, о нет,
невыносим увядший запах мне!
Ну, что ж, — сказал я, — есть у нас вино,
жар солнца много лет хранит оно.

И вновь в ответ: о нет, о нет, о нет!
 Не нужен прошлогодний солнца свет.
 И чтобы больше с ней не канителиться,
 я зачерпнул большим ковшом Медведицы
 невысказанность дум и жар страстей
 и приподнёс к губам её: на, пей!

48.

Ширинский вальс

Разве можно поверить, что где-то,
 на равнинной земле или в горах
 полыхают такие рассветы,
 как над озером дивным Шира.

Разве можно наслушаться песен,
 тех, что с гор нам Июсы несут,
 вместе с запахом кедров и сосен
 мы вбираем лесную красу.

Разве можно целинные нивы
 стороной, не любя, обойти,
 колосятся хлеба горделиво —
 и вскипает волненье в груди.

Разве можно насытиться счастьем,
 жить, трудиться на нашей земле,
 ведь становится жизнь всё прекрасней,
 всё привольней, богаче, светлей!

49.

В ясном поднебесьи в ожерельи гор
 озеро жемчужное манит с давних пор.

А вокруг в курганах во сырой земле
 спят батыры с ханом много тысяч лет.

Люди, как и прежде, таинства творят,
 с тайною надеждой к озеру спешат.

И горят закаты от людской беды,
 пламенем объята полнеба, полводы.

Озеро чудное, тайну не храни,
 озеро жемчужное, тайну нам верни.

50.

На Метехи взбираюсь порой,
 в глубь веков уносится мысль,
 а раздумья царя над Курой
 за рукою следуют ввысь.
 Всё подвластно великим царям,
 мановенье руки лишь — и вот
 растёт город чудесный в горах,
 храм с дворцами возводит народ.
 Ускоряется времени бег,
 недостатка нет в чудесах,
 даже в наш суматошный век
 будоражит душу краса.
 Горгасали смотрел ввысь веков,
 оттого пред Священной горой
 век стоять ему среди облаков
 на краю крутизны над Курой.

51.

На грузинских крутых дорогах
 всех красавиц не перечесть,
 и у каждой достоинств много,
 но одна особенность есть.
 Жизнь так ярка и красочна вроде

в этой солнечной щедрой стране,
почему же цвет чёрный здесь в моде,
непонятно, неведомо мне.
Оттого ли, что Нина когда-то
дала тайный себе обет
и держа обещание свято,
знала только лишь чёрный цвет.
То ль традиция, то ли мода,
старина или, может быть, новь
или входит, или выходит
чёрный цвет из палитры тонов.
В чёрном есть силуэт и строгость,
но нет неба, солнца, зари...
Верю я, на грузинских дорогах
цвет оранжевый будет царить.

52.

От трескучего мороза
цепенеет все вокруг,
на ветру скулит берёза,
ели ёжатся в бору.
Вдруг дорога встрепенулась,
пробудилась ото сна,
прояснилась, улыбнулась,
подтянулась — не узнать!
Это тройка, птица-тройка,
чудо-тройка вдаль летит,
колокольчик пляшет бойко,
хлещет снег из-под копыт!
Не в обнимку ль мчimsя с ветром
мы за солнечным лучом,
за мечтой своей заветной,
и мороз нам — нипочём!

53.

Много песен в Забайкалье,
много солнца и друзей,
сколько б счастья не искал я
по стране большой своей,
не забыть моих прогулок
по красавице Чите,
не забыть огней багула...
Я вернусь сюда затем,
чтобы солнечной порою
всех друзей своих обнять,
песни спеть, а для любимой
ветвь багульника сорвать.

54.

Ночь

Прошелестела шинами машина,
растаяла усталая в ночи.
Кого-то ночь вдруг нынче всполошила,
наверно, «Скорая» на помощь мчит.
А темнота всё гуще, всё плотнее,
дорога всё неровней, всё трудней,
но фары, словно скальпели, умеют
прорезать путь в застывшей тишине.
Кому-то боль, как ночь, застлала очи,
в отчаянии мутнеет чей-то взор —
судьба решиться может этой ночью...
Кто поведёт с бедой умелый спор?
Встаёт, как перед Гамлетом, дилемма,
кому-то суждено её решать,
жизнь выручать из лабиринтов плена
в крови горящим остриём ножа...
А город спал и, нежась на пружинах,

не слышал, сон не в силах превозмочь,
как шелестела шинами машина,
не видел он, как скальпель резал ночь.

55.

Ледостав

Ноябрь стучит в твоё окно,
а ты открыть ему не смеешь,
и ничего уж не изменишь —
всё будет, чему быть должно.
Пройдёт вначале первый снег,
и новизну опять навеет,
по первоснежку первый след
надеждой новой обогреет.
Куржак затейливо оправит
рубин-калину серебром
и в кружева свои потом
тальник оденет он на славу!
Над тальником и над калиной
проявится корона гор,
они вдруг ненароком кинут
в речное зеркало свой взор —
нарядно, хоть зарю встречай!
Но вот и ветер. Гость — не прошен.
Бездельник, будто невзначай
он красоту всю запорошит,
на горы тучи нахлобучит,
сомнёт калину набегу —
и брызнут ягоды колюче,
застынет кровь на берегу.
Шуга шершавым языком
залижет забереги, боны,
затянет сахарным ледком

изломы берега, затоны
и будет ждать свой час в ночи,
и он придёт, но незаметно,
не загремит, не застучит —
и кончит дело до рассвета.

56.

Над облачной белью

Мать не сводит глаз с маленьких окон,
в час последний ждёт она сына,
плод от яблони нынче далёко,
и она в одиночестве стынет.
Свои крылья
стремительный лайнер
перенёс над небесным порогом,
он возник над безмолвием явно,
словно перст указующий бога.
И над облачной белью пустынной
заглушаемый рёвом мотора,
плачет в чреве железной машины
человек, побелевший от горя.
Не по дням — по часам
он белеет,
тяжелее в руке телеграмма,
где по белому тучей чернеет:
«Прилетай — умирает мама!».
Взгляд последний её — на небо.
Тучи-шторы
окно
закрыли...
А на небе её надежда
распластала над тучами крылья.

57.

Осень

По полям, по рощам, по лесам
осень пробирается бесшумно,
полнятся земля и небеса.
тихою заботой многодумной.
Из пшеничных колосков веночек
волосы венчает золотые,
словно чаши с молодым вином
пламенеют формы налитые...
И цыганский ситцевый наряд —
жёлтый, фиолетовый, багряный!
И лугов щемящий аромат,
и садов зовущих воздух пряный!
На земле оставив добрый след —
золотые россыпи пшеницы,
исчезает осень, как во сне —
иней на ресницах серебрится.

58.

Говорят, не цветут на морозе цветы,
что и сны, и мечты, как туман, уплывут.
Я не верю не зря, ведь среди ноября
пышно ты расцвела, и нежна, и мила.
И ты тоже не верь, что мечты уплывут,
лишь открой ты им дверь, и они — наяву.

59.

АН-2

В путь, Антон, два крыла,
милый работяга.
Эх, была не была,
ринемся с отвагой.

Ждёт суровый Удочан
нас с тобой, как бога.
Через небо пролегла
шаткая дорога.

Пусть нам ветер в лицо,
пусть нависли тучи,
не из первых удалцов
мы,
но многих лучше.

Не витаем в облаках,
мы к земле поближе,
милой машем крылом
над родною крышей.

60.

Азиатка

Давно ли
первая среди девчонок
быстроглазых
и первая среди мальчишек
быстроногих
на необъезженном строптивом скакуне
носила ты с ветрами наравне?!
Да, ты — как ветер!
Ты — свист горячей плети!
Нет, нет, не ветер ты, не ветер...
Ты — изваяние в оленьем камне,
хочу дотронуться руками,
не вспышка ль молнии
оставила портрет:
раскосый взгляд, бровей разлёт,
улыбки тайной след...

Хочу проникнуть в эту тайну я,
постигнуть смысл людского бытия,
но вдруг
как молния сама,
как гром,
как грех —
блеск глаз,
твой чувственный оскал
и блеск зубов,
и смех!

61.

Красавица

Идёт красавица
с осанкой царственной,
невозмутимая
среди толпы.

Все расступаются,
и слышно явственно
сердцебиение
в груди толпы.

Идёт красавица,
шаги печатая,
стук каблучков её —
как сердца стук.

Он в грудь вонзается,
и мысль печальная
в груди гнездо совьёт
под этот стук.

62.

Вечерком
ветерком
промелькнули вы
мимо
и искру
мне на грудь
обронили
незримо.
Жар тот вызвал
пожар.
Ах, с огнём
не шутите!
А тайком
вечерком
вы тушить
выходите.

63.

Книга жалоб

Официантка!
на минутку.
Целый час
жду я Вас,
рассердился не на шутку.
Всех подряд
обслужили Вы с улыбкой,
мне не бросив по ошибке
даже взгляд.
Не пойму,
почему
Ваше скучное меню,
словно фото я храню.

Всё сижу
и гляжу,
шницель, тощую котлетку
закажу и ем вприглядку.
За Ваш взгляд
сердце рад
я отдать, лишь пожелали б,
если ж нет, дайте мне
книгу жалоб!

64.

Плачет девчонка-горлица,
бьётся в силках любовных.
Но сколько можно, но сколько можно
сердце вверять обманщику?

Девке ль не знать доподлинно —
речь у залётки ложна,
но невозможно, но невозможно
девке речам не поддаться.

Вот и выходит горюшко.
коль наперёд не думать.
Но если бросил, но если бросил,
кто в горе-то слёзы высушит?

65.

Юность-непоседа многого не знает,
молодость не ценит уходящий миг,
многое имея, многое теряет,
служит счастье тем, кто зрелости достиг.

Осень золотая — сытость и услада,
неторопкий пир, общение без слов,

осень нам приносит счастье и отраду,
если сберегли мы дружбу и любовь.

66.

Ушиблась девчонка слегка,
собралась плакать, но вокруг
нет никого, хоть плач, и вдруг
заулыбалася: ха-ха.

Настала юность, расцвела
девчонка розою, и с ней
сдружился крепко звонкий смех,
но вдруг её подстерегла
любовь, прекрасный новый мир
ещё неведомых утех!
Сиял не долго ей кумир...
Заглушит пусть измену смех!

Смеясь сквозь слёзы: ха-ха-ха
(кто горечь едкую уймёт?),
она сказала: «Чепуха,
и эта рана заживёт.

Придёт в конце ли смерть-карга,
иль я приближусь к ней с клюкой,
ворвётся в мертвенный покой
моё последнее ха-ха!».

67.

Арбатская «Прага» —
это место,
где не только веселятся,
но и залечивают раны.

Потеряв своё, я наблюдал
за чужим счастьем,
и на душе становилось
теплее — честное слово!
Право, я не чувствовал себя
одиноким
и тайно делил радость
с одной прелестнейшей парой:
он — долговязый, но симпатичнейший малый,
она — ласковое, премилое создание.
Банально вспоминать о голубках,
но с чем сравнить их томное
воркование?!
Когда девчонка обвивала
шею своего парня,
и у него, и у неё, и у меня
рот был до ушей...
Оркестр не умолкал,
игрались новые танцы,
девчонка появилась с новым парнем,
которого обнимала и целовала
ещё крепче,
стерва!

68.

Торговец цветами

Проворный юноша
на привокзальной площади
цветами торговал, зазывая прохожих:
«Спешите купить хризантемы,
любимым цветы подарите!».
Ах, как вежливо
продавал он цветы.
Я спросил, стараясь быть

взаимно вежливым:
«Приятель, сколько хочешь
за все хризантемы?»).
Проворный юноша
с пробивающимся пушком под носом,
быстрым взглядом оценивая меня,
назвал цену, колеблясь.
Нет, он не продешевил,
этот юноша,
торговец цветами.

69.

Всякий раз мне смешно до слёз,
когда вновь на экран проецирую
всё, что мне испытать довелось,
хохочу, топочу, бисирую...
Был назначен служить пастухом
над своими днями блудливыми,
не кнутом погонял их – стихом,
а они, как один – бодливые,
синяков на мне – точно звёзд
в самой крупной в небе туманности,
и я взял и покинул свой пост:
с этим стадом – одни неприятности.
И пришла она, с длинной косой...
Боже мой! Караул! Инспекция!
Я предстал перед ней со слезой,
с неоплаченным во время векселем...
Отвечать по всей форме пришлось,
дело личное всё перелистано!
Ну, а стадо уже разбрелось...
Ну, а песни ещё не написаны...

70.

Видно не на шутку задремал рыбак,
спит вторые сутки, не поднять никак.
Над его кудрями лилии цветут,
рыбы стаяй сами к рыбаку плывут.
Изловить не трудно рыбок в глубине —
только беспробудно спит рыбак на дне.

71.

Родился милым щен и рос он презабавным,
стоять, ходить умел на задних лапках славно,
хватал он жадно кость, бросался на прохожих,
с пинками свою злость на слабых приумножил,
в предчувствий подачки
он в рвеньи
лаял
на луну —
и кости сыпались ему,
везло собачке.
Он под конец собакой стал преважной,
при нём теперь — свой штат собак,
живёт он в конуре многоэтажной
и не доступен для зевак.
Себя собакой запретил он звать,
а назовёшь по праву — худо будет!
Должны мы потому щенками стать,
что щен паршивый
вышел в люди!

72.

О боже! Фу, чёрт, нету бога,
но всё же, кто-нибудь уйми

мою болтунью хоть немного,
скорей кошмар с меняними!

Она назойливей, чем муха,
скучней осеннего дождя,
Зависла, как комар, над ухом,
беседу бабью заведя.

Смотрю я в глупые глаза,
злорадно про себя мечтаю,
сложу экспромтом этот стих
и ей с восторгом прочитаю!

73.
Вечерочная

Вечор девоньки сходились,
за работушку садились, ох!
Ты, работа, нас не бойся,
ты, работа, спорься, спорься...
Чтой-то парни долго не идут.

Замесили девки тесто,
зачинали девки песню, ох!
Ты, работа, нас не бойся,
ты, работа, спорься, спорься...
Не напился б только гармонист.

Не долгонько просидели —
третьи петухи пропели, ох!
Ты, работа, нас не бойся,
ты, работа, спорься, спорься...
Будет снова маменька ругать.

74.
Частушки

Мы ширинские ребята,
это вам не ширпотреб,
мы ширинские девчата,
хоть пишите с нас портрет.

Написал портрет я с милой
и повесил на хлеву,
не увидишь злее рыла
ни во сне, ни наяву

Подскажите мне, подруги,
как понять его намёк,
пятый парень уж в округе
ко мне чувства не сберёк.

Я б любил тебя и больше,
но другой тебя увёл,
ведь тобой же был я брошен
в выходной напроизвол.

Ох, моё ты наказание,
посмотрись-ка в зеркало,
от спохмельного дыханья
помутится и стекло.

Не брани меня задаром,
я ведь так тебя любил,
сдал намедни стеклотару —
перстенёк тебе купил.

На подарок гляньте, люди,
перстенёчек не простой,
перстенёчек — просто чудо,
высшей пробы — золотой!

Таёт, словно воск, сердечко,
значит так тому и быть,
знать, отныне мне навечно
закольцованной ходить.

75.

Песня Васьки Шушенского

Как по тройке напролом
да промчалась улица!
Раздавила за углом
поллитровку курица!

Я родился в кабаке
непорочнозначатый,
с поллитровкой в руке
и пьянющий начерто!

Пей из луж честной народ!
В лужах всех — шампанское!
Так лишь раз бывает в год
по указу царскому!

76.

Истопила баню Баба Яга,
шибко ныла костяная нога.
Мимо бани той сам Чёрт проходил.
и у Чёрта вдруг заныло в груди.

Заглянул в окошко Чёрт невзначай,
остороженько он в дверь постучал.
Дверь пред Чёртом отворилася
и обратно затворилася.
В ночном небе Месяц паялил рога —
в бане с Чёртом мылась Баба Яга.

77.

Эта Муха так горда,
среди других заметна сразу,
оттого что принесла
неизвестную заразу.

78.

Разные судьбы

В полночь не в полночь сошлись неспроста
друзья не друзья, не соседи, а так...
Один всё молчал, другой всё кричал,
один был — серьёзный, другой — весельчак.
А дыму над ними — хоть вешай топор,
о чём-то серьёзном, видать, разговор...
Тот, кто серьёзный ... тот не курил,
по скатерти шарик из хлеба катил...
Где дым, там огонь, где табак, там вино!
Другой, тот, конечно, катился на дно,
пустые бутылки дзинь-дзинь под ногой,
а тот, кто серьёзный, махал лишь рукой.
Ему всё равно, что сосед его пьёт,
свои он деньжата на книжку кладёт,
рублями он с детства сорить не привык,
тогда отчего ж головой он поник?!
Он был — всё мрачней, а другой — веселей!

Мы разных таких не видали людей:
один от жены еле-еле удрал,
другой же, напротив, жену не догнал.

79.

Песенки о демократии

Прорвалась Россия в космос
под надзором партии,
нам лишь только нехватало
в жизни демократии.
Тары-бары-растобары,
трында-тында-тында-да.

Демократы охмурили
нас с другого берега,
демократию устроить
помогла Америка.
Тары-бары-растобары,
трында-тында-тында-да.

И теперь мы, что угодно,
говорим и слушаем,
и колбас все больше видим,
и все меньше кушаем.
Тары-бары-растобары,
трында-тында-тында-да.

Россияне в результате
вражеской диверсии
обходиться научились
без зарплат и пенсии.
Тары-бары-растобары,
трында-тында-тында-да.

Демократы жрут и пьют
всё, что им понравится,
разрешим им жрать и пить,
пока не подавятся.
Тары-бары-растобары,
трында-тында-тында-да.

80.

Нынче время жить в России пришло,
много нечисти в Россию принесло,
из-за бугра поприбывали из тьмы,
возвестили всем: Россия — это мы!

Ой, ли-ли, ай, ли-лели, ай, ля-ли,
ай ли-лели, ай, ля-лешеньки.

Гайдар-дедушка работал в ЧК,
Гайдар-внучек всех нас в пропасть столкал,
вместе с Ельциным-водителем
и Чубайсом-расхитителем!

Ой, ли-ли, ай, ли-лели, ай, ля-ли,
ай ли-лели, ай, ля-лешеньки.

Понастроив МММ, ГКО,
не оставили с деньгами никого,
но и сами надорвали пупок,
президент, конечно, первый занемог.

Ой, ли-ли, ай, ли-лели, ай, ля-ли,
ай ли-лели, ай, ля-лешеньки.

81.

Шумел камыш, деревья гнулись
и ночка тёмная была,
а доллар в темноте крошечной
творил нечистые дела.

А по утру, как все проснулись,
увидеть страшное могли —
в пыли, в грязи, в траве помятой
валялись мятые рубли.

Когда же в банк рубли вернулись,
их не пустили на порог.
Шумел камыш, деревья гнулись,
Ну, кто ж об этом ведать мог?!

Голоса с преисподней

82.

Письмо Аденауэра коллегам

В преисподнюю посланный богом
помогаю я немцам во многом.
Здесь ни ночью, ни днём мне не спится,
всё мечтаю расширить границы,
а потом закрепить их навечно
лишь за высшею расой конечно.
Так легко это сделать, поверьте,
я у цели теперь после смерти.
Чтобы сил я не тратил напрасно,
посылайте ко мне лишь достойных,
ограничьте приток посторонних:
чёрных, жёлтых, особенно красных.
Я займусь улучшением рода,

рядом — много вонючего сброда,
Чомбе душу чертям перепродал,
на предательство нынче здесь мода.
Нет, чтоб место занять на кухне
со своей утробой тухлой,
Чомбе здесь хозяином ходит,
с мадам Онема шашни заводит.
С ним покончить мне надо бы сразу,
знать чтоб место своё черномазым!
Задыхаюсь от всяческих чомбе,
присылайте скорее бомбу,
не какую-нибудь худородную,
настоящую, водородную!

P.S.

На днях Геббельса кость подязычную
отыскал я в коричневой грязи —
конспирация необычная,
ох, как трудно налаживать связи.

83.

Письмо Фервурда единомышленникам

Секретно.

Официально.

Срочно.

Сей план мой перестройки преисподней
да будет выполнен и да пребудет вечно,
по воле нашей и господней.

Тут, в преисподней расселенье рас
эффекта дать никак не может,
ведь в царстве теней уж никто из нас
не отличим по цвету кожи.

Вдруг по ошибке в здешний бантустан
собачья гвардия загонит тени белых?
Нет, нет и нет! Священные места

должны мы отстоять умело!
Где место нам — туземцам места нет!
Сюда вход черномазым воспретить!
Пусть только сунутся, пусть вздумают посметь —
душить, палить, бомбить, но не пустить!
Деянья фюрера да будут нам в пример,
и я готов на всё, пусть знают это в центре —
апостол Бродербонда и премьер,
полпред апартеида — Фервурд Хендрик.

84.

Последний завет кормчего

Я давлею над народом
и на землю я давлю,
кто не пляшет мне в угоду,
тех я лично удавлю.
Я скачок великий сделал
и Янзы я переплыл,
потому гожусь я смело
в сонм божественных светил.
Быть светилом мне помогут
верная жена и зять,
Солнце ж сможем мы, ей-богу,
в преисподню затолкать.
Чтобы вас глисты не съели,
чтобы рос погуще рис,
песни чтоб кишки не пели,
каждый — на меня молись.

85.

Размышления генерала Франко у гроба

В далёкие звонкие годы
на пир пригласил я гостей

и пред невестой гордой
предстал я — и справился с ней.

Под аккомпонимент кононады
при свете не звёзд, а огней
республике пел серенады,
но жизнь не сложилась с ней.

Народ кровожаден, как бык,
и стал я тогда пикадором,
страна стала Пласа де Торос,
не мало мной сломано пик!

И снова — песни и танцы,
корида и снова любовь.
Люблю до безумства испанцев,
их знойную, терпкую кровь!

86.

Сказка

Успокойся, родная, усни,
я тебя убаюкаю лаской,
можешь краешком ушка одним
слушать тихо волшебную сказку.
В необъятной, чудесной стране
жил народ, работающий и смелый,
наделила природа вдвойне
его женщин, красивых, умелых.
И родилось весной дитя
да такой красоты небывалой!
что задумались все, не шутя,
поразмыслив, Любовью назвали.

Пусть, как цвет самый яркий, цветёт,
 пусть, как плод самый сочный, нальётся,
 грез девичьих несмелый полёт
 эхом в сердце пускай отзовется.
 В этом хоре восторгов, хвалы
 вопль пронзительный чей-то излился,
 над притихшей толпою поплыл
 и в сердцах всех людей растворился.
 Ядовитый, он начал с тех пор
 вытраивать в людях радость и счастье,
 не уйти никуда от напасти,
 тесен стал необъятный простор.
 И от страха народ задрожал,
 понял он: воцарилась колдунья
 по прозванию чужому «ханжа»,
 ясен стал теперь крик тот вешуньин.
 А колдунья, как вихрь, по стране
 с чёрной свитой своею носилась,
 всё прекрасное, встретившись с ней,
 безобразным, дурным становилось.
 И Любовь стала чахнуть, бледнеть,
 разве место ей в ханжеском царстве?
 Сколько было ночей, сколько дней —
 всё ушло под эгиду коварства.
 Кто пойдёт до конца за Любовью,
 кто вернёт ей былую красу?
 За пролитую ею слезу
 пусть заплатят обидчики кровью!
 На лице твоём милом — волнение,
 не тревожься, родная, не смей,
 что касается сказки моей,
 в ней счастливый конец, без сомненья.

87.

В четыре строки

Вчитываюсь в тексты Заката,
в них грядущее Завтра таится...
Солнечный путь не укатан —
всякое может случится...

Чудо, печальнее всех чудес,
когда Солнце по небу — горючей слезой...
И там, куда скатится Солнце с небес,
расплавится горизонт.

Земля-планета — лишь клубок из пряжи...
Кто к Млечному Пути тропинку проторит?
Кто всей Вселенной о Земле расскажет?
Кто вечной тканью Вечность одарит?

Человек — не царь Природы,
Человек — её дитя:
с плачем громким он приходит,
плачет тихо, уходя...

Прах грозных полчищ Чингис-хана
с дорожной пылью и песком

осел на иероглифах Дацана...
Стою пред Дверью, заколоченной доской...

Тучи над Лесом нависли,
выхвачен огненный Меч...
Сосенки стынут от мысли:
скатятся головы с плеч.

На перекрёстке дорог и ветров поставлю палатку,
можно надёжно от зноя, от стужи, от ливней спрятаться в ней.
Цветов полевых принесу и на дороги украдкой
буду поглядывать я в ожиданьи гостей.

На праздник от друзей — подарок:
открытки на столе, как голубки.
Я этих голубей кормлю с руки,
я голубиной почте благодарен.

Из века в век — любил подругу,
стихи писал, а на досуге,
«заряд забивши в пушку туго»,
он думал: угощу-ка друга...

Я паутину рву, и мне смешно,
как сердится паук, судьбу кляня...

Но, может, где-то ткутся сети,
покрепче сети — для меня.

Готов хоть в пекло, лишь бы снова,
шагая мерить километры,
чтоб просветили меня звёзды!
чтоб просквозили меня ветры!

Источник целебный... к нему отовсюду
ручьями стекаются люди...
И там, где лишь ключик вызванивал прежде,
бушует море Надежды!

Ветер осенний, сорвавшись с цепи,
бросился злобно на клён меднокрасный.
Пламя листвы угасает в ненастье,
искры-листочки летят по степи...

Рыжие листвянки, словно лисёнки,
вышли на опушку, ушки наострив,
сильно прохудились жёлтые шубёнки.
Кто же вас, родные, на зиму постриг?

О чём печалится берёзка, знаю —
содрали шкуру люди у берёзы...

Её не только у берёз сдирают,
не только у берёз не высыхают слёзы...

Листвянки, берёзоньки, сосны,
мои зелёные сёстры!
Скорей от людей меня спрячьте,
но только, прошу вас, не плачьте.

Я снова — один. Одиночество — горе.
Один — лишь песчинка в безликом просторе...
Но может песчинка у мира в глазу
выжать однажды скупую слезу.

О звонкое жгучее Солнце!
Сжался, молю, надо мною.
О чистое небо! Измолнься,
излейся лелейной слезою.

Поезда, поезда, вы — разлука и встреча,
и сближаете вы, и увозите вдаль,
сколько судеб решается вдруг в один вечер,
рядом едут в вагоне любовь и печаль.

Размечтаюсь о счастье взахлёб,
разыграются бурные страсти,

разморщинится сумрачный лоб...
Разве это не счастье?

Высокая любовь... Она прекрасна.
Но вот и — бес, откуда ни возьмись,
и человека в миг злосчастный
бросает вверх ногами вниз.

Врач, выслушав истории страданий,
бальзамом верным исцелит больных,
но не услышать никому его рыданий,
и никому не знать о них.

Всё реже и реже закаты меня волнуют,
всё чаще и чаще смотрюсь я в чашу хмельную,
всё больше и больше в любви моей перепады,
всё меньше и меньше для жизни места мне надо.

Плачут осенью берёзы,
жёлтые роня слёзы.
Жёлтая тоска-кручина —
вот рыданий их причина.

Я чуть дышу пред гибким женским станом,
его ни с чем, ни с чем нельзя сравнить!

Пока живу любить я не устану,
срывать улыбки, красть их и дарить!

Не самозванец я, о нет,
не приживатель на Парнасе,
мой путь неколебим и ясен,
я от рождения — поэт.

Студент, в узком смысле слова, — щенок,
гложащий кость свою, то бишь урок,
при этом я должен сказать не шутя,
что в смысле широком — он злостный лентяй.

Пойми, чудак, что нет
нужды в столь важной позе,
смешон, поверь, петух
со шпорами — в навозе.

Культура — конфетка в обёртке красивой,
съедает жаждущий знаний конфету,
а мещанин, не зная об этом,
жуёт лишь обёртку лениво.

Я люблюсь ночами небом,
сколько звёзд там, а сколько чудес!

Не увидев тебя на земле бы,
Я на небо давно б полез.

Вся жизнь моя — в метаморфозах:
влюбился — ринулся в поэтику,
женился — перешёл на прозу,
развёлся — превратился в критика.

Откуда лексикон такой ты вынес,
ты что ли ямщиком родился?
Ты где ругаться научился
и слать туда, откуда вылез?

Не шумите вы, клёны, листвою
и тоску на меня не гоните.
Что-то сделалось нынче со мною,
братья клёны, молю, помогите!

У книг и у картин своих,
и у друзей, и у любимой —
хочу узнать у всех у них:
жизнь удалась или проходит мимо?

88.

Из ранних стихов (50-е,60-е годы)

Вокруг природа оживает,
весна идет, все заливая,
водой и светом; в край из края
летит певцов весенних стая;
снег уж с полей под солнцем стаял;
искрясь и весело играя
с лучами солнца, напевая
весны мелодию, без края
струится лента голубая;
густая травка молодая
из тучной почвы прорастает —
весна в права свои вступает...
Ликуй же, здравствуй, утро мая!

89.

Благоуханье ночи разливалось,
поля, деревья, роши в нём купались,
и свежий с речки веял ветерок,
рассвет уже был не далёк.
Я руки твои, как счастье, держал,
признанья сердечного ждал.

«Люблю», — ты тихо сказала,
«люблю», слышалось? Нет!
«Люблю», а зорька пылала,
«люблю», наступал рассвет!

90.

Лето! Солнце и ветер,
волнение нежных берёз,

дыханье душистых роз,
море тепла и света!
Лето! Смуглые лица,
белые платья подруг,
пожатья маленьких рук,
может ли кто не влюбиться?
Последние признаки лета
Размётаны, в лужах лежат,
его уже песенка спета —
осенние струны дрожат.

91.

Пели птицы о весне,
пряно пахло травами,
всё исчезло, как во сне,
лишь зима нагрязнула.
Зашумели журавли,
засвистели крыльями,
к берегам чужой земли
потянулись клиньями.
Тают в небе голубом,
уж не больше родинки,
оставляют отчий дом,
покидают Родину.
Вот растаяли совсем,
на небе — ни крапинки,
но зима страшна не всем
птицам, даже маленьким.
И пускай трещит мороз,
мы-то не спасуем,
пусть — хоть зашпоры до слёз,
мы — перезимуем!

92.

Подняла меня, из дома увела
не беда, а шалая тоска.
Привязать её ль в лесу к стволам,
чтоб унять хотя бы пополам!

Не расстанусь с собственной тоской,
пусть она засохнет на корню,
вдруг прорежется любви ростком
к самому торжественному дню.

93.

Журавлиная пора отшумела,
Журавлиная гора опустела,
было много журавлей длинноногих,
шума, крика и речей было много.
Словно ветер, журавли налетали,
пыль до неба от земли поднимали,
а когда пришёл черёд строить гнезда,
журавлиный тот народ взвился в воздух.

94.

Разыгрался ветер, в волнах искупался,
закружился вихрем, по полю помчался,
походя с деревьев листья обрывает,
гладь реки волнует, солнце закрывает.
Перестань ты, ветер, навевать ненастье.
вместе с шалой грустью прочь лети скорей.
засияет солнце, снова всё проснётся,
может, и вернётся радость прежних дней.

95.

Ветер осенний, сорвавшись с цепи,
бросился злобно на клён меднокрасный,
пламя листвы угасает в ненастье,
искры-листочки летят по степи.

Ветром проносится время над нами,
рано смывает румянец с лица,
пламя души все спокойней с годами,
теплится пеплом оно до конца.

96.

Провожал я милую осень в ненастье,
уезжала милая, увозила счастье.

— Дорогая, не забудь, —
говорил я, — верной будь.

Лишь улыбка мне в ответ...

Уж прошло немало лет —
ни привета, ни ответа
нет.

97.

Шёл по улице Новый год,
встретил девицу у ворот.
Соскользнула шаль с чёрных кос,
очи карие полны слёз.

— Почему ты здесь и одна,
грусть в глазах твоих?

А она
зарыдала вдруг и на грудь
его пала вдруг: «Добрым будь».

98.

Хотя ещё кругом снега,
хотя ещё река под льдом,
и не покрылись берега
зелёным бархатным ковром,
хотя ручьи и не журчат,
и солнце не играет в них,
хотя поля ещё молчат,
и лес стоит угрюм и тих,
но ветер мне уже принёс
дыханье свежее весны;
оно — в дыхании твоём,
в твоих речах, в твоих глазах,
в улыбке на твоих губах,
в моих восторженных мечтах.

99.

— Я завтра отвечу, —
сказала она покраснев,
на миг опустили у ней
головка и плечи.

Слова повторяя в бреду,
бесцельно куда-то иду,
мне ветер навстречу.

— Дай, ветер, скорее ответ,
она меня любит или нет?

— Я завтра отвечу.

Настал уже вечер,
на небе весеннем — луна.

— Не любит, — скажи, а она:

— Я завтра отвечу.

100.

Весна ли, локоны ль моей любимой
все мысли перепутали мои.
Скажу «весна» — улыбку вижу милой
а милой грудь — весной в глазах стоит.

Что в голову весною не взбрѣдет,
когда владеть не можешь сам собою,
от грѣз и сновидений нет покоя,
и я брожу все ночи напролѣт.

Хочу обидным словом уколоть,
хочу быть равнодушным, сердце ж ноет...
Смогу ли, наконец, вдвоѣм с весною
у девушки упрямство побороть?

101.

Начал верить я нынче в приметы,
в схемы линий руки, в гороскоп,
стал бояться я злостных наветов,
мне преграда в пути — чёрный кот,

стал он обратнем между нами
и условностей горы воздвиг,
их разрушить лишь можно сердцами,
воспылавшими жаром любви.

Первой буквой от слова «Любовь»
схемы рук у нас оказались,
не простившись, мы с Вами расстались —
верный признак, что встретимся вновь.

В то последнее наше свиданье
я по звѣздам судьбу загадал,

и в глазах Ваших звѣзд сочтанье,
столь желанное мне, увидал,

подказали мне тихо приметы,
что исчезнут преграды с пути,
как туманы, растают наветы,
сможем вместе по жизни идти.

102.

В то морозное утро, ты помнишь,
в то морозное утро я умер,
умирать не хотел, но был скручен
леденящей рукой отчужденья,
и не ты ль помогла ей в то утро;
каблучков твоих стук по асфальту —
вот последнее, что ещё слышал,
а потом все исчезло в то утро:
и любовь, и мечты, и желанья —
под морозным дыханьем увяло,
сердце биться тогда перестало...
Думал я, начинается вечность,
и не знал, что даже страданья,
и страдания — скоротечны.
И живой окроплѣнный водой
из студѣной моей колыбели
я был поднят весенней капелью...
Сердце в клетке грудной
встрепенулось,
ароматом весны захлебнулось
и забилося вновь,
потому что явилась
ко мне снова любовь.

103.

Нет, взгляд Ваш лукавый меня не обманет,
в душе моей вольной, как камень, он канет.
Очей глубина мне страшна, да не очень,
я знал не такие — коварнее очи.

Нектарную влагу с губ Ваших добуду,
а высохнут губки, я Вас позабуду.
Не думал, что шутка бедой обернётся,
смеётся ведь тот, кто последним смеётся.
Взглянули Вы — камнем упал взгляд на душу
и начал тонуть вдруг я даже на суше.
Не смейтесь, не мучьте, молю Вас, спасайте!
Скорее на помощь мне сердце бросайте!

104.

Ты влюблён без памяти в меня,
без меня прожить не можешь дня,
глаз своих не сводишь,
вслед за мною ходишь,
знай же: мой любимый ждёт меня.

Глупенький, не хочешь ты понять,
чувства безответного унять,
ходишь ты напрасно,
с ним шутить опасно,
он буйней и пламенной огня!

Спорить с ним не смею даже я,
ведь я знаю: он судьба моя,
согласись со мною
и не спорь с судьбою,
притаилась где-то и твоя.

105.

Лишь о ком-нибудь скажешь: он рослый,
и тогда мне обидно до слёз,
что я ростом не выше берёз,
и красивый, — добавишь ты после, —
и не хочется больше мне жить:
с моей рожей как можно дружить?
Если ж бросишь свой взгляд на одежду —
словно голый, смущаясь стою,
презирая одежду свою,
и теряя с рассудком надежду,
безутешно кричу всем на смех:
зато я...я...умнее их всех!

106.

Насмешки, нервный смех,
кошунство над святыней,
поверь, я не из тех,
кто просит благостыню;
не мил, но ты вольна!
Однако не уходишь,
неужто испытать
на мне ты чары хочешь?

Немного побесишь
и снова приголубишь,
как будто я малыш,
не дерзко ли ты шутишь?

Усердие льстецов
вскружило вновь головку?
А мне в конце концов
приестся и размолвка.

Уверена ли ты,
что буду вновь прощать я,
вернёшься ль, как всегда,
в раскрытые объятия?

107.

Поиск счастья — занятие пустое,
грезить фата-морганой не стану,
в сладкой, прямой, цикадной истоме
задремлю я под шопот платана.

Распахну двери, окна я настезь,
и душа моя пусть — нараспашку,
замаячит улыбочиво счастье
дурой куклою неваляшкой.

Встретил куклу иль в сказке, иль в были,
как судьбу, я в одну из вёсен,
её ножки точёными были,
заблудился меж них, как меж сосен.

И с тех пор я найти не в силах
своё дело, свой путь и задачи,
мать-земля над заблудшим сыном
пусть покраплет дождём, пусть поплачет.

108.

Я человек не очень-то приметный,
но у меня красавица-жена,
придавлен я работой беспросветной,
зато не знает трудностей она.

Друзья ко мне спешат на чашку чая,
ведь знают все порядочность мою,

жена гостей улыбочиво встречает,
а я их редко дома застаю.

Соседский сын становится мужчиной,
его мамаша правилу верна,
жену мою прикармливает чинно,
такая честь не каждому дана.

Шпана с моей женой за панибрата,
соседки с ней воюют на ножах,
а возле дома нашего солдаты
торчат по воскресеньям на часах.

109.

Ирина, здравствуйте! Вы, глядя
на строки моего письма,
удивлены ему весьма?
Предупреждаю: пишет дядя,
тот дядя, что и Вас когда-то
часами на руках носил,
а Вы старались в меру сил
пред ним остаться виноватой.
Теперь Вы взрослые почти —
недостает годов десятков,
у нас — послушные мечты,
любой восполнят недостаток.
И я бывал богат мечтами,
боюсь, что скоро стану нищим,
так от духовной к жирной пище
шагает человек с годами.
Мне спесь фальшивой Афродиты
мила, и я щучу с огнём.
как будто хуже быть не битым,
чем битым быть резным ремнем.

Иринка! Что ж Вы растерялись?
Ах, понимаю, Вы ещё
и грамоте не обучались.
Простите, это мой просчёт.
У нас ведь много их весной.
Мой листик не бросайте на пол,
пускай к Вам первое письмо
читает мама или папа.
Из предыдущих строк понятно,
что жив я и почти здоров,
в году текущем, вероятно,
пополню войско докторов.
Работать буду в Забайкалье,
в Ямаровке, слышали, нет?
Не более о ней узнал я,
чем про потусторонний свет.
Не многое я знаю толком,
Ямаровка — известно только —
в Читинской области курорт,
наверное, не первый сорт.
Лишь неизвестное нам мило,
и лишь далёкое манит.
Гагарин на весь мир гремит,
скорей же в путь, пока есть силы!
Пишите, как дела у вас,
приедете ль к июлю в гости?
Обиды — ни к чему, их бросьте,
в грехах, прошу, простить и нас.
Пишите обо всём и всех,
хоть письма, как ничто иное
писать не любим мы, на грех,
чернил нехватка ли виною?
Иринка, кончил я, пора,
желаю счастья на прощанье,

здоровья, всякого добра,
привет всем Вашим.
До свиданья.

110.

Сестрица, здравствуй!
Обессудь, что письма редки,
в письмах жидко,
ох, время-времячко, бежит так,
что успеваешь как-нибудь
лишь есть да спать,
проснёшься, глядя
уж Новый год пришёл опять.
В году же новом с новым счастьем
по прежнему житьё течёт,
пока какие-то напасти
когда-то не предьявят счёт.
Тебе не терпится скорее
узнать о Женечке своём?
Изволь, я расскажу о нём
стихом несложным, как сумею.
Знакомые судачат маме.
неволью разводя руками:
Как в Ваши годы Вы решились?
Смотрите, как бы с ног не сбились,
ведь времечко сейчас какое:
за этим в очередь постой,
за тем не станешь — дорогое.
Всё кажется, мы на перроне,
скорей же в путь — и США догоним.
Вчера достала мама масла,
мы рады с Женечкой до слёз,
сказал я Жене: Дед Мороз

доставил масло из детяслей,
ты скоро в яслях, слышишь, Жень,
есть масло будешь каждый день.
И он от радости кричал,
визжал, зажмуривая глазки,
вот так, рассказывая сказки,
я Женю между тем качал.
Всё подымался он сперва,
как бы отстаивал права,
в рот дал я соску — плачет тише,
опору в тьме для ножек ищет.
За пазуху ко мне пристроил
одну он ножку, а другой
мой нос и уши беспокоил,
устраивая свой покой.
Подрыгавшись ещё немножко,
заснула с ним и эта ножка.
Сажусь за книги, на ночь глядя,
теперь и поработать можно,
один лишь шаг неосторожный —
и слышу снова: Дядя, дядя!
Уж полночь, надо бы кончать,
давно зовёт меня подушка,
иду сейчас, моя подружка,
строку позволь лишь дописать.
Сестричка, кончил я, пора,
желаю счастья на прощанье,
здоровья, всякого добра,
привет от наших, до свиданья!

111.

Письмо любимой

Привет девчонке быстроглазой,
а шлёт его твой нежный друг;

я написал тебе не сразу,
ты извини: был недосуг,
но я здоров, прибавил в весе,
не опустился тут в глуши,
работаю, немало песен
сложилось у меня в тиши.
Лишь только отобьюсь от дел,
не думать о тебе не властен,
быть может, ты в какой беде,
быть может, ты поёшь от счастья.
Боюсь я за тебя, не скрою,
а вдруг свалил тебя недуг
иль увлеклась с другим игрою,
забыв, что где-то верный друг.
Я знал давно, что слабы люди,
живут сегодняшним числом,
чужим умом, и кто осудит,
что не берёмся за весло
и не гребём против теченья;
поток людской — загадка нам,
плыть, может, лучше по волнам
и не искать предназначенья?
Я навеваю грусть, прости,
но без тебя всегда грущу я,
и мысли грустные, и стих,
и сердце грусть одну вещует.
Смешно, не правда ли, родная,
грустить, когда цветёт любовь?
Так отзовись скорей на зов
я нетерпением сгораю.
На крыльях письма ко мне.
но лучше просто на машине
иль даже как-нибудь во сне

ты прилети на миг единый,
приди, развея мою тревогу
и повтори слова любви,
своим, как прежде, назови,
не будь со мною слишком строгой.
Не ждуг и птицы так весну,
как жду тебя всегда в томленьи,
приди — прильну к твоим коленям
и беззаботно я засну!
Что ж пожелать мне на прощанье?
Люби и за любовь борись!
Итак, до скорого свиданья,
Целую, вечно твой Борис.

112.

Краснояры мои, краснояры

Краснояры мои, краснояры,
люди дерзкой и славной судьбы,
вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.
Краснояры,
краснояры,
вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.

Кто сумел с Енисеем поспорить,
заарканить его на бегу?
Кто создал величавое море
на скалистом его берегу?
Краснояры,
краснояры,
вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.

Кто идёт по земле, как хозяин,
с юных лет обживает «Столбы»,
с юных лет к высоте привыкает,
поднимаясь к вершинам судьбы?
Краснояры,
краснояры,
вы в борьбе и в труде сердцем яры,
вы мечту превращаете в быль.

113.

Песня о Чите

Пятьдесят вторая параллель
на планете тем и знаменита,
что и в зной, и в холод, и в капель
вас приводит в город, мной обжитый.

Припев:

Город мой суров, как воин,
город мой, как бич, горяч,
как олень, красив и строен,
рвётся в будущее вскач.

Приезжайте город повидать
в забайкальском уголке России
на ладони речки Ингода
под дыханьем свежим сопок синих.

Припев.

Кто приедет, пусть багул сорвёт,
свойство ценное багул имеет,
он у тех, кто добр, всегда цветёт,
у ханжей в руках – всегда чернеет.

Припев.

114.

Абакан

Отец наш родной,
седой Абакан,
о славе твоей нам
поведал чатхан.

Припев:

Красив, словно конь,
богат, как земля,
и вечен, как мир,
Абакан.

Волна за волной —
как овцы в степи.
Вовек ты не будешь
исчерпан, испит.

Припев.

А там, где слились
Абакан, Енисей,
блистает столица
Хакасии всей.

Припев.

115.

Судьба моя — Чёрное море

За несколько вёрст от причала
встречает всегда меня мать,
отца моего так же точно встречала...
Тоски об отце не унять.

Припев:

Готов я и с морем поспорить,
хоть предан ему до конца.
О, Чёрное море, ты славное море,
с тобою героев сердца и память,
и слава отца.

Прости меня, мама, что часто
тебя оставляю одну,
ведь Чёрное море — мой путь, моё счастье,
с пути своего не сверну.

Припев.

Мальчишки столпились у двери,
мечтают они о морях,
и хочется им безкозырку примерить...
Дано ли судьбу примерять?

Припев.

116.

Двадцать лет спустя

Сонет

Посвящается К. Г. Шмидту

Неправда, что людская жизнь не вечна,
что меньше вёсен оставляет нам,
ведь даже у пшеничного зерна
сокрыта в сердцевине бесконечность.

Зовёт на поле вновь и вновь весна,
и сеятель идёт весне навстречу,
и расправляет незаметно плечи —
его трудом питается страна.

Неправда, что уходят навсегда
в прошедшее прожитые года —
они уходят в будущее наше.

Ушедший год — лишь будущему дань:
напомнит время о себе всегда
иль смерти иль бессмертья полной чашей!

117.

Сеятель

Сонет

Идёт по ниве Сеятель с зерном,
заботясь о возвращении пшеницы.
Своим призваньем Сеятель гордится,
высокий смысл найдя в труде своём.

Из добрых тёплых рук зерно ложится
на слобренную потом и трудом
родную ниву... И она потом
за непомерный труд воздаст сторицей!

Идёт сквозь годы Сеятель вперёд,
бессильны перед ним и жар и лёд,
к народу всей душою он стремится.

Ему в ответ признателен народ —
и счастлив Сеятель, и щедро раздаёт
своей души бесценные крупичицы!

118.

Золотое сечение

Сонет

Посвящается И. И. Скубневскому

Пускай за окнами — жара иль вьюга,
девиз один — прекрасному служи,
ведь это счастье — в творчестве прожить,
и если рядом — нежная подруга.

Ноктюрн Шопена отзвучит в тиши,
и комната живёт на полузвуках,
священнодействуют недрёмно руки,
они — язык восторженной души.

Он каждому понятен и без слов,
и с ним приходят из далёких снов
на холст, на дерево миры иные —

и слышен шопот листьев, шум лесов
и шорох облаков, и ветра зов,
и слышатся раскаты громовые!

119.

Серебряная свадьба

Сонет

Посвящается Ермолиным

Серебряная свадьба — высота,
с которой жизни путь — как на ладони,
и на которой — как на вечном троне
супружеская высится чета.

И пусть былую юность не догонишь,
пусть в Лету камнем падают лета —
но словно зная, сын над вами встал
с кудрявой головой — на небосклоне.

Дано иль нет вам слиться воедино,
но каждый пусть стремится к середине,
что золотой зовётся неспроста,

А если белый свет сойдётся клином,
одновременно попросите сына:
— Сыграй и спой нам арию Христа.

Стихи для детей

120.

Марш барабанщика

Труби, горнист, сбор!
Бей, барабан, бей!
Готовы и мы в бой
За счастье всех матерей!

Руби, чекань шаг!
Чётче держи строй!
Не сломан ещё враг,
Не дремлет ночью глухой.

Но близок день наш!
Ветер шальной стих!
Победный играй марш!
Свети нам, солнце, в пути!

121.

Привстаёт за цыпочки подсолнух,
тянется в сиящую высь,
каждым зёрнышком своим весомо
утверждая: бесконечна жизнь.
Юность, никогда не умирая,
к солнцу обращается лицом.
Ей нести по солнечному краю
эстафету дедов и отцов.

122.

Песня заядлого собирателя грибов

Где же вы, обабки,
выходите, детки,
не играйте в прятки,
не прячьтесь за ветки.
Не зевай-ка, ножик,
подревай пригожих,
ну-ка сыроежку
поскорей подрежь-ка.
Ты б сгнила в ненастье
в этом захолустье,
радуйся, что скоро
ты уедешь в город,
так иди ко мне же
нетронутой, свежей.
Где же вы, лисички,
милые сестрички,
где же вы маслята,
дружные ребята,

в шляпе ваше дело,
отчего ж не смелы?
Э, кого я вижу,
глупенький ты рыжик,
что ж дрожишь, парнишка,
струсил, как зайчишка.
Стой, не шевелися,
Белый гриб, попался!
ты, как поп, пузатый,
хоть не волосатый,
лгут они невежды
и растут все реже.
Где друзья, сознайся,
Ну, не упирайся!
Вырежу до мошки,
соберу до крошки!
Где же вы, обабки,
выходите, детки,
не играйте в прятки,
не прячьтесь за ветки...
Где же вы, Лисички,
милые сестрички?
Где же вы маслята,
дружные ребята?
Отчего не смелы?
В шляпе ваше дело!
В кузовке не жидко!
Времечко бежит как!
Под ложечкой гложет,
я голоден явно.
Поработал славно!
Ножечек мой тоже!

123.

Мой друг

У меня есть друг хороший,
настоящий, верный друг,
я его в беде не брошу,
даже пусть — огонь вокруг,

ведь и друг мой тоже
мне всегда поможет.
Приключился вдруг однажды
у него аппендицит,
доктора звала я дважды,
только доктор не спешит.

Я сама лечила,
резала и шила.

Кто-то банку с мёдом на пол
в нашем доме уронил,
и меня ужасно папа
целый день вчера бранил.

Друг грозился лапой,
не согласен с папой.

А потом мы на диване
слово дали навсегда,
банок больше бить не станем
низачто и никогда.
Проживём без мёда,
хоть четыре года.

Не могу смириться с этим,
у дружка — болит живот,

я боюсь, что без диеты
мой дружок не проживёт

косолапый мишка,
плюшевый лобишко.

124.

Снежинки

Снежинки, как пушинки,
витают надо мной.
Весёлые снежинки
зову, маню рукой.

Спустилися в обнимку
в раскрытую ладонь
две крупные снежинки,
ладонь же — как огонь.

Пушистые снежинки
растаяли в руке,
и грустные слезинки
скатились по щеке.

125.

Как-кап по дворам
прыгают дождинки,
как-кап по щекам
катятся слезинки.
Не пускают в дождь гулять,
хоть и воскресенье,
и пришлось уйти опять
мне без позволения.
Небо хмурится сильней,
бьёт в лицо мне ветер,

стало вдруг ещё темней,
загremело где-то.
Вдруг я вижу, что вокруг
ласточки летают
и дождевики, словно мух,
на лету хватают.
Слезы зря текут из глаз,
ничего бояться,
что же делать мне сейчас,
плакать или смеяться?

126.

Там, в Ленивии стране...

Вновь приходят в Новый год
девчонки и мальчишки,
много нового их ждёт
в новой доброй книжке.

Для ленивцев этот год
всё вверх дном перевернёт,
все игрушки отберёт
и в Ленивию сошлёт.
А в Ленивии-стране
ничегошеньки ведь нет!

Там нельзя ходить купаться,
ногти стричь и умываться,
нету там ни пап, ни мам,
нет мороженого там!

Там стучит в дверь бегемот,
бармалей гремит на крыше,
вокруг бродит обормот,
под полом скребутся мыши.

Шопот, шорох и шаги
раздаются отовсюду,
а у Бабы у Яги
чудо-юдо ест вер-блюдо.

Все засони
и трусишки,
нерадивцы
и ленивцы,
забияки
и лгуны!

Вот о чём вы знать должны!

Белочка и Кот Лесной

(Цикл стихотворений не только для детей)

127.

Белочка

Непоседа Белочка,
егоза, вертунья
с веточки на веточку
скачет попрыгунья.

Скачет не наскочится,
отдыха не зная,
плачет не наплачется
в страхе мать родная.

Белка вдруг смутилася,
прыгать перестала:
ах, беда случилася —
вновь капрон порвала.

Личико затмилось,
на глазах — слезинки,
над чулком склонилась —
вяжет паутинки.

Вот уж снова Белочка,
егоза, вертунья,
с веточки на веточку
скачет, попрыгунья;

в Волка бросит шишкою,
то с Котом играет,
дразнится с мальчишками
без конца и края.

А под вечер, как всегда
скажет: «Ах, устала,
как сегодня, никогда
так не хохотала!».

128.

На поляне под сосной,
на траве густой, зелёной
двое нежились влюблённых:
Белочка и Кот лесной.

— Пред твоим хвостом и лисий
просто веник, а не хвост,
а у злой сварливой рыси
он и мал и слишком прост.

— Ты не льстишь мне, Кот Учёный?
— Нет, напротив, ни о чём я

не жалею, как о том,
что я будучи Котом,
соловьём петь не умею,
но могу ли я назвать
эту Белочку своею,
пышный хвост поцеловать?

— Целовать ты можешь свой.
— Слышишь, сердце бьётся громче,
о, не мучь меня, позволь!
— Ну, уж ладно, только кончик.

129.

Обучать наукам Белку —
велика задача,
Кот сидел над ней сиделкой,
с горя чуть не плача.
Он и так с ней, он и эдак —
не идёт наука.
рассердился напоследок —
оттаскал за ухо.
— Лишь орехи да потехи —
вся твоя забота.
Ты мне в жизни лишь помеха,
завтра ж — на работу!

Белочка за ужином
думала обиженно,
дома Кот Учёный —
словно лук толчёный,
меньшее несчастье
на работе мастер.

Перед ним предстала,
весело сказала:
— Что должна я делать?
— Что умеешь?
— Бегать.
Ох, хитра же bestия!
Но лукавый мастер,
не моргнув и усиком,
не повёл и бровью:
— Полезай в колёсико,
бегай на здоровье.

130.

Очевидно неспроста
Белочка, как Лиска,
вертится вокруг Кота,
прямо, как артистка.
В доме снова чистота,
Белка вновь послушна,
Коту шепчет нежно так:
жить мы будем дружно.
Видано ль такое диво?
Диво — не иначе,
принялася грызть ретиво
Белочка задачи...
Очевидно, не спроста,
Белочка, как Лиска,
вертится вокруг Кота...
Знать, зарплата близко.

131.

Белочка и Кот Лесной
под утро прощались.
— Погоди, побудь со мной,

не кидай в печали,
видишь, как тайга грустит,
слышишь, как рыдает?
— Ну, прошу, мой Кот, пусти,
ведь совсем светает.
— Неужели же не жаль
распрощаться с кедром
и уйти в чужую даль,
чтоб сродниться с ветром.
— Не проси меня ты зря,
не ходи по следу,
здесь мне нечего терять,
решено, я еду.
Не хочу твоих орех,
не нужны подарки,
там я буду жить для всех
в лучшем зоопарке!

132.

Ай-я-я-йй, ой-е-ёй, —
Белочка рыдает,
и бедняжка над собой
горько причитает:
— Вот возьму я и умру,
и не станет Белки вдруг,
ой-е-ёй, как жутко!
Коту станет меня жаль,
будет знать, как обижать
бедную малютку.
День и ночь он, как шальной,
будет плакать надо мной
и промокнет весь от слёз,
и тогда ему мороз
отморозит потроха,

вот будет потеха!
Ой-е-ё-ой, ха-ха-ха
ох, умру от смеха!

133.

С Белочкой случилось что-то,
приутихла, присмирела;
гложет ли её забота,
иль бедняжка заболела?

Огонёк в глазах погас,
хвост безжизненно повис.
— Где же Котик мой сейчас?
Слышишь, милый, отзовись!

Слышу, милая, спешу,
подожди лишь миг, прошу,
все задачки разрешу
и гостинцем угощу.

— Сам грызи свои орехи
и решай задачки сам.
Снова можешь ты уехать
в свои милые леса.

Посмотри на шубку, хвостик,
все истёрлось, износилось,
в них любая б устыдилась
и к соседям выйти в гости.

Вон у Лиски — чернобурка,
чем я хуже, чем, скажи?
У меня ж не шубка — шкурка.
Разве ж, разве это жизнь?!

Стихи о любимой*

*Великая любовь неразлучна с глубоким умом,
широта ума равняется глубине сердца, от-
того крайних вершин гуманности достига-
ют великие сердца, они же великие умы.*

(И. А. Гончаров)

134.

На краю ойкумены
я тебя не искал,
образ твой сокровенный
не считал я с листка,
не списал с Рафаэля,
не привидел в толпе —
я всю жизнь к своей цели
приближался — к тебе.
Примечталось раздолье,
мне родное до слёз —
сарафаны берёз,
вихрь ромашек на поле...
И твой след на траве
среди бусинок росных...

Золотились в листве
лучей солнечных космы...
По земле босиком
ты прошла вешней ранью,
но была далеко
от меня — как в тумане...
Не примята трава,
солнце след сцеловало —
потерял я немало:

** Половина стихов данного цикла стала
песнями, романсами.*

мне б твой след целовать!
 С первым робким букетом
 не к тебе я спешил,
 своим первым сонетом
 не тебя одарил,
 свою первую нежность
 не донёс до тебя,
 не скажу, что — судьба,
 лишь — слепая поспешность:
 слишком дерзко в ночи
 каблучки простучали...
 Я к тебе не спешил —
 повстречался с печалью.

135.

Когда ко мне пришла впервые
 ты на свиданье в поздний час,
 две свечи блики огневые
 бросали трепетно на нас.

И с парусами наш подсвечник
 горел над нами в тишине...
 С тех пор доныне и навечно
 святыней стал тебе и мне.

Пришлось пройти такие смерчи
 и нам, и алым парусам,
 что жизни, а не только свечи
 могли погаснуть в полчаса.

Но мы живём, и алый парус,
 как в первый вечер в первый раз,
 своей горящей свечной парой
 ласкает и лелеет нас.

136.

Закатом красен день, не потому ли
 я каждый день читаю текст небес,
 и если небо тучи затянули,
 становится порой не по себе.
 Привычно мне ночное бденье,
 хоть в наших комнатах — покой,
 лежу часами без движения,
 а мысли кружат над тобой.
 Хочу проникнуть в сон заветный,
 опередить твои мечты,
 ведь если счастье есть на свете,
 то для меня — лишь только ты!
 А если дрогнет бровь пугливо,
 дыхание займётся вдруг,
 я помогу тебе, друг милый,
 прикосновеньем тёплых рук.
 И хоть закат не пламенеет,
 не улыбается тебе —
 руками нежными сумею
 рассвет зажечь в твоей судьбе!

137.

Любишь ты моих глаз синеву,
 с южным небом сравнить их спешишь,
 я же — морем твой взгляд назову,
 ты в себе краски моря таишь.

Если небо нахмурится вдруг —
 заволнуется море тотчас,
 и застонет волна на ветру,
 нет печальней тогда твоих глаз.

А когда в заметельную стынь
застучит деловито весна,
прояснится небесная синь —
и заплещет от счастья волна.

И опять мы — глаза в глаза —
наглядеться не можем с тобой...
Синевою горят небеса
над зелёножёлтой волной!

138.

Назад к природе — пеший переход.
Мы шли с тобой, куда глядят глаза,
а за душой — ни горя, ни забот,
а за спиной — покладистый рюкзак.
Как тискал он в объятиях своих,
дыша над ухом часто, горячо...
Ты говорила: ноша — на двоих,
и подставляла верное плечо.
Осталось сколько сопок позади?
Но где же та, единственная, где?
А сердцу — всё тесней, тесней в груди...
«Откель гребёте!?» — вдруг трубит студент.
Тьфу, леший бородатый! Напугал...
Ведь нам казалось — мы совсем одни.
И тесной вмиг становится тайга
И неспособной таинства хранить...
Возврат к природе — предков наших зов.
Осточертел нам каменный уют!
Вся жизнь — клаксонов вой, визг тормозов,
во сне и то забытья не дают!
Мой прародитель был поэт душой,
Иначе б глух я рос к родным местам,
иначе б слеп я был к красе лесной,

не знал сеченья золотого тайн.
 И мне открылся как особый знак
 в цветеньи буйном редкостный цветок!
 Не зря мы шли (я чувствовал, я знал)
 в лесную чащу — марьин корень влѣк...
 Горел на склоне сопки алый цвет,
 как маленькое солнце, нѣс тепло,
 он не случайно смог здесь уцелеть —
 вокруг него кололось всё и жгло...
 И у подножья сопки я спешу
 освободиться ото всех ремней,
 припасть к траве и слушать, слушать шум,
 зелёный шум родной земли моей...
 А мысли все — к тебе одной спешат,
 навек я верен чувству одному,
 всем телом ощутив твой нежный взгляд,
 навстречу потянулся я к нему...
 Ты выпрямилась, встала во весь рост,
 неторопливо косу расплела...
 Стоишь в шатре густых своих волос,
 величественна, ясна и светла.
 Воссоздаёт луч солнца твой портрет:
 волна волос бежит к ногам с плеча,
 играет ветер прядью на бедре...
 Ты — Женщина — начало всех начал,
 источник счастья и причина зла,
 в тебе одной — и буря, и покой!
 И чтобы ты с собой ни принесла,
 с любовью я склоняюсь пред тобой
 и взгляд ловлю, которым ты меня
 всегда зовѣшь и говоришь «твоя».
 Да, ты — моя! — шепчу, тебя обняв,
 и поцелуй-тамги ставлю я.
 Да, ты моя... Желанна, как вода,

как ключевой родник чиста.
А без тебя я счастья не видал,
в возможность счастья верить перестал.
И марьины коренья, словно жар,
я голыми руками выгребал,
жалючек и колючек не страшась,
кусавших тело, словно сто собак...
И марьины коренья я сложил
к твоим ногам... Их память береги!
Хотя букет цветов недолго жил,
но вечна память мне даров тайги!

139.

Окончен день. Постель. Покой.
Но стоит смежить мне глаза,
я вижу — мы в пути с тобой,
как лыжи медленно скользят
(нелёгко путь по целине!)
всё жарче кровь, всё гуще пар,
ресницы иней склеил мне...
Я — как из снежной сказки царь.
Украсил и тебя мороз:
червонным золотом — лицо,
а серебром — венец волос,
а ноги он налил — свинцом,
но ты со мною — наравне,
и также пар валит густой,
а где лопатки, на спине,
там иней, словно пух, растёт.
Крылато руки — взад, вперёд,
толчок — скольжение, вновь толчок...
Лыжня всё дальше нас ведёт,
с моим плечом — твоё плечо...
Хочу по виду я узнать,
о чём ты думаешь в пути,

наверно, только б не отстать,
 не подкачать, не подвести.
 Ты думаешь, что я могуч,
 что я и вправду — царь тайги,
 а мне из-под нависших туч
 не выйти без твоей руки.
 В пути мне грезился уют,
 Как мягко стелишь ты постель,
 Как руки нежные снуют
 в той белоснежной чистоте,
 которая укроет нас
 и уведёт от груды дел,
 и нам сторицею воздаст
 за долгий путь, за трудный день...
 Окончен день. Постель. Покой.
 Но стоит смежить мне глаза,
 я вижу, мы в пути с тобой,
 а лыжи всё скользят, скользят...
 Встают в душе картины дня
 и счастье щедро дарят мне,
 две наши жизни — как лыжня
 в простынно-снежной целине!

140.

Сонет

Как самый светлый образ мироздания,
 навеянный восторженной мечтой,
 ты предстаёшь в сиянии предо мной,
 жизнь согревая мне своим дыханьем.

Но я не узнаю себя порой
 слабеет вдруг высокое сознанье
 от необузданных, земных желаний,
 такое же творится и с тобой.

И ты, и я тогда совсем иные,
пусть нависают тучи грозовые,
и я, и ты — как грешники в аду.

И пусть с тобой мы вовсе не святые,
взглянув при свете на черты родные,
к твоим коленям свято припаду!

141.

Сонет

Моя любимая во сне смеётся,
поёт всё звонче песни наяву,
я этим смехом, песнями живу,
но счастье в жизни нелегко даётся.

Когда я прошлое невольно призову,
толпа ханжей вдруг предо мной сомкнётся,
рекою вспененной от злобы разольётся,
и я по этой пене поплыву...

Плыву не по течению, а против,
живу не в услужении — в работе,
как талисман, храню любовь свою,

и потому жена во сне смеётся,
и потому всё звонче ей поётся,
и в счастье я внимаю соловью!

142.

Тяжёлым серопепельным кремплем
мороз зашторил окна у меня,
не выпуская из ночного плена,
он нагло выкрал половину дня.
Я знаю, за окном, как и вчера,

туманом придавило всё живое,
но шастает весёлою гурьбою
освобождённая от школы детвора.
А солнце растопить туман не может,
а птицы замерзают на лету,
и лёгкою рысцей спешит прохожий,
скрипит снег под ногами за версту.
Твоих шагов я весь январь не слышу,
с сольфеджио ведя неравный бой,
ты даже письма нынче реже пишешь,
хоть мыслями и сердцем вся — со мной.
И весь январь, тревожась и тоскуя,
с минутой каждой всё сильней любя,
готовлю я подарок для тебя —
гладиолусы я трепетно рисую!

143.

Не надо, друг мой, с тайною печалью
на худобу мою и бледность лицезреть;
привычка давняя работать и ночами
спать не даёт — не даст и умереть!

Я познавать смысл смерти не берусь —
постиг я жизни трудную науку:
переплавляю в образы и звуки
свою любовь и ненависть, и грусть.

Ты не страдай, родная, за меня,
весь белый свет и всех людей кляня,
когда на тесной жизненной дороге

мне иногда оттаптывают ноги,
когда побитый возвращаюсь в дом,
не плачь — я оплачу врагам потом!

144.

Между нами опять — расстояние,
серпантин подтаёжных дорог,
всё острее печаль расставанья,
и всё выше родимый порог.

Он надёжней любого щита,
это счастье даётся немногим,
но горит над порогом звезда
и уводит порой от порога.

Оттого-то в очах и не гаснут
огонёчки, что звёздам сродни,
освящая поэзией счастье,
вычитая из счастья дни.

145.

Сонет

Побед немного было, бед немало
в моей неизбалованной судьбе,
но сила и уверенность в себе
меня в любые дни не оставляла.

Когда же стал принадлежать тебе,
в любви открылся стимул небывалый,
душе неведомы сомненья и усталость
а мыслям дан стремительный разбег.

Приходят чередой ко мне прозренья,
наитье, ясность, вдохновенье,
и я в священнодействии горю,

и вновь спешу услышать твоё мнение,
в твоих глазах я вижу одобренье,
и снова о любви я говорю.

146.

Жалею ли о том, что жизнь не вечна,
что думы, а не страсти правят бал?
Нет, не жалею, ведь ещё не вечер,
ещё благоволит ко мне судьба.

И каждый день ещё ласкает солнце,
я и сквозь тучи чувствую его,
и сквозь заиндевшее оконце
уютного жилища моего.

И хоть являюсь я даждьбожьем внуком,
и сродность к солнцу есть в моей крови,
не в этом счастья моего порука,
она — в моей негаснущей любви.

Любовь одна способна жизнь украсить
и к вечности влюблённых приобщить,
пред ней бессильны время и ненастья,
ведь счастье — быть любимым и любить!

147.

Счастье

Я счастлив, потому что я люблю,
влюбляясь с каждым годом всё сильнее,
тобой любуюсь, нежный взгляд ловлю —
твоей любовью счастлив я вдвойне!

Все тайны женские — в тебе заключены,
и ты вверяешь мне от них ключи...
И тайны у нас общие, и сны,
твое сердечко в такт с моим стучит.

Как кузнецы, сердца наши стучат
и счастье перевозданное куют...
А жизнь горит и светит, как свеча,
чтоб не оставили сердца свой труд.

148.

Ты помнишь, тебя с первой встречи,
шутя, я Жар-птицей назвал,
пером я Жар-птицы конечно
с тех пор свою жизнь освещал.

Всегда после наших свиданий
искал паутинки волос,
и жар первых встреч наших давних
в душе сохранить довелось.

Коса твоя стала короче,
увы, и не так уж пышна,
и всё ж я тоскую не очень —
как перья Жар-птицы, она!

149.

Благодаря седину,
украшившую милое лицо
пронзительнейшей нежностью своей,
люблю я лишь тебя одну.
Венчая женское чело венцом
из верных рук моих,

в потоке дней,
в тиши ночей
я восхожу
к источнику желаний и страстей,
к великим таинствам любви твоей.
Судьбой я обручен с тобой,
Моя религия — любовь,
и счастье, и бессмертие — лишь в ней,
и смысл, и назначенье жизни всей!

150.

Любуясь птичьим опереньем
и птиц самозабвенным пеньем,
постигнем мы в конце концов,
что это — хитрости самцов.
Чем ярче жениха наряд,
тем благосклонней милой взгляд,
чем звонче песни он поёт,
тем больше шансов наберёт.
У нас же — всё наоборот:
моя любимая поёт,
а я хотя совсем не прост,
довольно сер и безголос;
и всё же, к счастью, я любим,
любовью вечною храним.
Нарушен брачный тут закон?
Нет, лишний раз лишь подтверждён!
Нашёлся песни я писать
и акварелью рисовать!

151.

Когда я разлучаюсь с тобою,
одинокو брожу над рекою,

косы я у берёз расплетаю,
так разлуку с тобой коротаю.

Размечтаюсь о радостной встрече
и несусь к тебе в мыслях навстречу;
опрокинется облачко в речку –
и занует от счастья сердечко.

Пусть шатром твои волосы будут,
время пусть твоих ласк не остудит,
тихо в трепетных листьях берёзы
отзываются женские грёзы.

152.

Себя я помню в белокипельном наряде
со школьным знаменем на праздничном параде.
Но белый цвет и красный цвет, увы,
сменились серым в сутолоке дней;
всё ж к серому я так и не привык,
мне белый с красным — ближе и родней.
И ты явилась со своей любовью,
и стал я знаменосцем снова;
и снова белый цвет и красный цвет —
со мной, как символ и залог побед,
как оберег и как залог любви,
я с ними жизнь в основе обновил.

153.

Цвета морской волны —
твои глаза,
о мере их глубины
судить нельзя.

Как звёзды они горят,
к себе влекут,
и я отправиться рад
в свой звёздный путь.
Стремиться вглубь и ввысь —
судьба моя;
глаза в глаза всю жизнь —
с тобою я.

154.

В далеке от любимой
я досуг коротаю,
как, разлукой томимый,
с грустью сладить, я знаю.
У торговцев тбилиских
поспешу заказать я
тканей видных заморских
для любимой на платье,
под цвет глаз моей милой
возьму бархат зелёный,
чтоб на счастье носила,
чтоб быть вечно влюблённой;
а ещё по заказу
перстенёк с изумрудом
с бриллиантовой вязью
ей на пальчик добуду;
для волос её дивных,
до колен достающих,
украшений старинных
подберу самых лучших;
а для маленьких ножек —
туфли, словно игрушки;

пару ярких серёжек —
в её нежные ушки.
Наряжу мою милую,
пусть посмотрят другие,
чем она не красивая,
чем она не княгиня!

155.

В твоей нежности, в твоей верности
я нуждаюсь больше всего;
в первоснежности, в бесконечности —
настоящей любви естество.

Не расписаны наперёд судьбой
круги жизненных наших орбит,
каждый день с тобой, каждый год с тобой,
раздвигает границы любви.

Жизнь — лишь в данном мгновении длится,
её смысл — лишь в сегодняшнем дне,
день сегодняшний не повторится,
и его ничего нет ценней

потому, что он — счастья частица,
и лишь в нём пребывает любовь,
только в нём может вечность родиться
нашу жизнь увести за собой.

И лишь только окна зашторятся,
неподвластны и времени мы,
в неге наши сердца успокоятся;
нам светло среди тьмы и тепло средь зимы.

156.

Юность-непоседа многого не знает,
молодость не ценит уходящий миг,
многое имея, многое теряет;
служит жизнь тому, кто зрелости достиг.
Осень золотая, сытость и отрада,
неторопкий пир, общение без слов;
осень нам готовит счастье и усладу,
если сохранились дружба и любовь.
Нашей жизни осень наш союз венчает
несказанной райской благодатью любви;
эту пору жизни я назвал бы раем,
если бы Господь изгнать не норовил.

157.

В день рождения

Я в твой золотой день рожденья,
как, впрочем, в любой день в году,
хочу отвести непременно
от нас и болезнь и беду.

Всегда — в единении с тобою
в намоленном храме любви,
а время годов чередую
оставить свой след норовит.

Идём в направлении в вечность,
где только любовь и покой,
вне чувств — минут скоротечность,
вне чувств — затаённость веков.

Пускай в сентябре — день рожденья,
пусть песнь свою осень поёт,
в сердцах наших дух обновленья
любовью извечной живёт.

158.

Почтенные мудрейшие индусы
в древнейших храмах испокон веков
науку за наукой познавали,
сил не жалея, не щадя себя.
За много сотен лет до наших дней
свод начертали они твёрдых правил
одной из самых сладостных наук,
которую назвали Кама-сутра.
Я с юных лет сжигаем жаждой был
познания в науках и делах;
из всех познаний я в конце концов
дал предпочтение науке о любви,
в чём преуспел, я думаю, немало,
ведь всё, что оценённым быть должно,
в сравнении находит свою силу,
так я себе позволю Кама-сутру
сравнить с моим ученьем о любви.
Индусы предпочтение отдавали
любовной технике, приёмам в ласках,
я — в суть любви проникнуть постарался
и дать определение любви.
В лирических сказаньях и талмудах
всегда подразумевались под любовью
любые связи женщины с мужчиной,
а равно и готовность к этим связям...

Сгорающий в желании юнец,
и Дон-Жуан, и похотливый старец —
все, все твердят одно и то же слово,
но могут ли сравниться чувства их!?
А может быть, любовь — бесплотный призрак?
Так почему тогда во все века
на всех наречиях,
у всех народов
не сходит с уст родное это слово?
Любовь — вполне конкретное понятие,
подобна электрической дуге
меж электродами
при их сближеньи.
Любовь возможна в жизни, но лишь там,
где есть взаимность, верность и готовность
друг друга усладить, пожертвовав собой.
Без этих признаков все чувства — не любовь!

159.

Храм любви

Мой Храм любви воздвигнут на вершине Дружбы,
туманы не поднимутся к нему,
и не страшны ему порывы ветра
и даже грозовые облака.
Он — видный отовсюду —
стоять будет века —
восьмое чудо света.

Раздел третий

Поэмы

Лучший язык — тщательно сдерживаемый, лучшая речь — тщательно обдуманная. Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания.

(Арабская поговорка)

Мужчина и Женщина

Венок сонетов

1.

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок
и гибок, как лоза, как тополь, строен,
красив, но не иконной красотой —
обыкновенный человек — не Бог.

Хоть ладно, верно и надёжно скроен,
но вечно укреплял себя, как мог,
в работе же к себе бывал он строг,
преграды на дороге брал он с боем!

Не потому ль, что в меру просвещён,
и что в делах и в жизни умудрён,
ни богом он, ни чёртом не обижен;

быть первым среди первых испокон
дано ему не потому ль, что он
пытлив и лёгок на подъём, подвижен...

2.

Пытлив и лёгок на подъём, подвижен
не каждый ведь... Инертность — та же лень.
В преодолениях — проходит день.
Преодолеть — ведь это значит выжить!

Ведь это значит: на одну ступень
суметь подняться над другими выше
(никто, наверно, никогда не взыщет,
что к Солнцу устремляешься — не в тень!)

Кому себя преодолеть дано,
быть лидером тому не мудрено,
тот не уронит своего престижа;

И пусть что будет — знает он одно:
лакействовать не станет всё равно,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим!

3.

На «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим
и сам готов выслушивать на «ты»,
по разуменью мудрой простоты
никто в таком общении не унижен.

Увы! Накинут на людские рты
платок, чтоб не слышать, чем дышат...
За всех начальство думает и пишет,
считая, что «виднее с высоты».

Но может ли мужчина настоящий
лакействовать смиренно, как приказчик,
иль повторять зазубренный урок?!

Ему не быть уж — безмятежно спящим,
руке, сжимаемой в кулак — быть чаще;
от лун бессонных — серебрист висок.

4.

От лун бессонных — серебрист висок,
и в комнате окно — заиндевело...
И всё ж душа его не охладела —
для встречи с Женщиной себя сберёг.

Она взглянула на окно несмело,
не смея перейти через порог;
дыханием, огнём девичьих щёк
окно оттаять для него сумела б.

Ему бы догадаться самому,
ведь сразу видно было по всему:
она надеялась сойтись с ним ближе...

Сперва значенья не придал тому,
всё, что запомнилось тогда ему:
она — бела, стройна и ростом ниже.

5.

Она — бела, стройна и ростом ниже
настолько, чтобы женственною быть.
Дано ей под мужской защитой жить —
но и без опеки может выжить

и даже — будущее защитить,
лишившись даже очага и пищи! —
хоть нежен, хрупок цвет у вишен,
ему — плод с твёрдой косточкой родить!

Её надежда — пара рук, готовых
унять и усмирить любого,
её опора — пара скорых ног.

Сильней меча порой бывает слово!
Не потому ль у Женщины медовый,
певуч и нежен вещий голосок.

6.

Певуч и нежен вещий голосок
Одну и ту же истину вещает:
в любви одной лишь счастье расцветает!
Семья одна — большой любви росток!

Мужчина этой истины не знает,
и не идёт ему наука впрок;
его — то носит вдоль, то поперёк,
судьба-то вверх, то вниз его бросает...

Но Женщина в один прекрасный вечер
шатром волос укроет его плечи —
и вот Мужчина уже — сам не свой...

В шатре волос — не гаснет жар сердечный,
не потому ли Женщина извечно,
как жизнью, дорожит своей косой?!

7.

Как жизнью, дорожит своей косой
она в противовес красотам мнимым,
и в прелести своей неповторимой
она блистает девственной красой.

Её лицо не знает пудры, грима;
ей нравится порой пройтись босой,
омыть подошвы утренней росой,
что, впрочем, жизненно необходимо.

Следы на росных травах — как узор;
узорами следов — соткёт ковёр;
поднявшись, солнышко узоры слижет,

а Женщина застынет до тех пор,
пока горит над ней корона гор —
как волны, чувства грудь её колышат!

8.

Как волны, чувства грудь её колышат,
приметен трепет пальцев, губ и век...
Как хорошо, что может человек
глядеть в глаза и говорить, и слышать,

и, досыта вдвоём наговорившись,
смиривши мыслей напряжённый бег,
почувствовать обязанным навек
друг с другом встретиться, едва простившись...

Так бабочка к цветку всегда стремится,
так в небо синее взмывает птица,
так к морю волны катятся рекой!

И что задумано — тому и сбыться!
Ведь всё равно должны соединиться
две половины красоты земной!

9.

Две половины красоты земной,
Он и Она — как два крыла над бездной,
удерживать от риска бесполезно!
Чтоб воспарить, им нужен взлёт крутой.

Он и Она — подобны крыльям песни,
звнящей над притихшею толпой!
Они — как два крыла любви самой,
царящей над живыми повсеместно!

Он и Она — далёкие сначала,
к великой радости или печали
вступают меж собой в союз святой,

в один поток вливаются ручьями...
Он и Она — два жизненных начала,
рождающие бурю и покой!

10.

Рождающие бурю и покой,
Любовь и Нежность — два высоких чувства.
Иметь талант к ним надо, как в искусстве,
познать их силу может — не любой.

Хоть не отметить меркою Прокруста,
где есть Любовь, а где инстинкт слепой,
подсказывает опыт нам порой,
встречается Любовь, увы, не густо.

И всё же — быть Любви, сомнений нет,
где личности друг с другом — наравне,
где и беда от верности не сдвинет!

Они — один другому — всё нужней,
и чтобы совершенней стать вдвойне,
в Любви стремятся слиться воедино!

11.

В любви стремятся слиться воедино
Высокое Сознание и Инстинкт.
Кто их сумеет верно совместить,
тот смысл и глубину Любви постигнет.

Без либидо — Любви не расцвести:
оно её движитель, сердцевина.
Но и без красот Души — Любовь остынет:
в мечтах сперва Любовь нужно взрастить.

Он и Она должны познать друг друга,
себя готовя — не в цари, а в слуги,
и Ханжеству — решительный дать бой!

Когда ж сплетутся — и не в час досуга,
а навсегда — их интересы туго,
Он и Она — как ветви меж собой!

12.

Он и Она — как ветви меж собой:
две пары рук — как лебеди, плывущих!
Две пары ног — пружинистых, зовущих
и попадающих вдруг в ритм шальной!

Уста — к устам, в безмолвии поющих!
Глаза — в глаза, сверкающих слезой!
Всеобжигающий душевный зной!
Жар тел, между собой преграды рвущих!

Остановись, Прекрасное мгновенье!
О нет, теперь уже в ином — спасенье:
исторгнись облегчающей грозой!

Тела безмолвны... Души в упоены
ещё творят высокое паренье...
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.

13.

Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой
и сохрани от бед-болезней разных,
от слов-наветов мелочных и грязных,
от чёрной злобы-зависти людской.

И пусть Любовь их будет для несчастных
лучом Надежды — ледяной зимой,
прохладным дуновением — весной:
нет ничего – безверия ужасней...

И хоть Любовь несёт немало бед,
но всяк живущий с самых юных лет
всё грезит страстной сладостной картиной.

Красивее влюблённых — в мире нет!
И с завистью глядят все им вослед...
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

14.
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!
И время пусть Любовь их сбережёт.
Да здравствует и множится их род
повсюду на Земле навек отныне!

Над ними пусть летит за годом год,
но пусть не горбит, не сгибает спины,
и пусть избавит их от страха и гордыни,
но только от трудов пусть не спасёт

и честь свою, как стяг, нести обяжет,
чтоб дети жизнь сумели строить так же,
перешагнув родительский порог...

У матери на сердце камень ляжет,
но с гордостью о сыне своём скажет:
он – в меру смугл, широкоплеч, высок.

Магистрал

Он — в меру смугл, широкоплеч, высок,
пытлив и лёгок на подъём, подвижен,
на «ты» с самим он даже Солнцем Рыжим,
от лун бессонных — серебрист висок.

Она — бела, стройна и ростом ниже,
певуч и нежен вещий голосок,
как жизнью, дорожит своей косой,
как волны, чувства грудь её колышат.

Две половины красоты земной,
рождающие бурю и покой,
в Любви стремятся слиться воедино!

Он и Она — как ветви меж собой!
Свети ж им, День! Надёжно, Ночь, укрой.
Да будет вечно Женщина с Мужчиной!

Любовь

Венок сонетов

1.

Любовь — одна забвенью не подвластна,
любовь одна не ведает границ;
нисходит робко с трепетных страниц
она впервые к нам мечтой прекрасной

и полыхает тысячью зарниц,
врываясь в явь и в грёзы громогласно...
Себя считая к таинству причастным,
пред ней в пятнадцать лет упал я ниц.

И было всё: и сладость увлечений,
восторг побед и горечь поражений...
Но сколько б счастья в жизни не искал,

я счастлив уже тем, что в день весенний
любовь свела нас с музой песнопений,
и трепетна всегда её рука!

2.

И трепетна всегда её рука,
и вся она в объятьях трепетала,
но я с любви не слёрнул покрывала,
ведь первая любовь всегда робка.

Другая вдруг мой путь перебежала,
с ней закружился, захмелел слегка.
Она ж на всё смотрела свысока
и не любила, а в любовь играла...

Среди ханжей, средь пошлости, разврата
любовь пою, любви сам не утратив,
хоть и была судьба её горька.

В любовь я верю — этим и богатый!
Любовь была и есть, и будет свята
у всех народов и во все века!!

3.
У всех народов и во все века
отважные ромео и джульетты
любовь проносят, словно эстафету,
и нет преград влюблённым голубкам!

И вдохновенно, и умно воспета
любовь давно на разных языках.
О ней звенит торжественно бокал,
о ней трубят закаты и рассветы.

Любовь однажды встретив, человек
её лелеет, не смыкая век,
и днём, и ночью свет любви не гаснет;

и не убьёт её наш пошлый век!
Растает от любви он, словно снег —
вовек не прерывался шопот страстный!

4.
Вовек не прерывался шопот страстный.
Звучал он и на выжженной земле,
и клокотал в верёвочной петле,
в воде, в огне, в смоле — и не напрасно!

И если жизнь становится светлей,
и если в жизнь цветы вплетают ясно,
то всё лишь потому, что в день ненастный
любовь не уступила серой мгле!

А мысли — бесконечной вереницей
мелькают, словно спицы в колеснице:
«но вопль ханжей ведь тоже не смолкал!».

И мне ночами тёмными не спится —
нет, не могу и не хочу мириться:
бушует злобно ханжества река.

5.

Бушует злобно ханжества река
не потому, что лёд растаял где-то,
что вдруг прибавилось тепла и света,
что ветер тёплый землю обласкал —

а потому, что бедная планета
исходит кровью медленно в тисках,
что тонны слёз роняют облака,
что голос разума лишён ответа.

Там нет любви, где ханжество царит,
где деньги властвуют, где правда спит,
где учреждён над всем надзор негласный.

Ложь наводнила мир, во всю шумит,
как водопад ревёт, гремит, бурлит,
всё топит повсеместно ежечасно.

6.

Всё топит повсеместно ежечасно
поток всесветный ханжества и лжи,
так пусть сторицею оплатит жизнь —
играть в любовь, шутить с огнём — опасно!

Любви всегда я ревностно служил,
хоть и была она хозяйкой властной,
хоть гнёт её порой бывал ужасным —
нечасто приходилось мне тужить.

Я верил, ждёт награда впереди,
и жил с надеждой светлою в груди,
и в мир я шёл беспечным, звонким, ясным,

но мир ханжей мне душу бередил,
и с горечью я к мысли приходил:
призывы к дружбе и к любви напрасны.

7.

Призывы к дружбе и к любви напрасны,
убогость чувств словами не прикрыть,
любви без права выбора — не быть,
любое чувство под ярмом несчастно.

Сумеет ли до той поры дожить,
чтоб каждый был способен без боязни
и действовать, не подвергаясь казни,
бороться, ненавидеть и любить!

Чтоб пресса не играла роли пресса,
чтоб применялась в качестве компресса
к болячкам всем крамольная строка?

Тогда исчезнет ханжества завеса!
Но даже в век свободы и прогресса
судьба любви высокой нелегка.

8.

Судьба любви высокой нелегка,
уж слишком гомо сапиенс мудрёный,
учёностью своею ободрённый,
он чувствам рты извечно затыкал!

Воздвигнув трон любви, поползает у трона,
потом, напялив тогу добряка,
любовь оденет в цепи и шелка,
о ней, смакуя, мудрствует недрёмно.

Слепец! Любви опека не нужна,
живя лишь на пределе, как струна,
любовь не терпит умных рассуждений.

Свинцом, слезой и кровью возвращена,
когда речами кормится она,
её воруют немощные тени.

9.

Её воруют немощные тени,
и вот любовь становится, как тень:
всё меньше радости приносит день,
всё больше горечи, тоски, сомнений.

Садится круче шляпа набекрень,
уже немало накопилось пени,
а жизнь — всё в долг, за счёт одних мгновений...
Сумею ль разыскать я свой жень-шень?

Смогу ли разорвать порочный круг,
иль суждено мне век нести недуг
и, утопая в сытости и лени,

не вынимая из карманов рук,
смотреть легко, беспечно, как вокруг
любовь стремятся ставить на колени.

10.

Любовь стремятся ставить на колени
все, кто лишён был радости любви.
Могучий рубль, как спрут, её обвил,
растёт число пред нею преступлений...

Так пусть сильнее вскипает гнев в крови!
Мой стих, ты для грядущих поколений
всех палачей любви без исключений
сегодня во весь голос назови!

И пусть призыв мой эхом отзовется,
а если дон-кихотов не найдётся,
я непрерывно буду бить в набат!

кто — в благодушном сне, пускай проснётся,
никто не смеет спать, когда ведётся
вокруг любви извечная борьба.

11.

Вокруг любви — извечная борьба.
То рыцари историй и коранов
любви законность охраняют рьяно —
и льётся кровь, и пот течёт со лба!

Проклятие законам ку-клукс-кланов!
Позор народам, где любовь — раба,
где в страхе поджимается губа!
Любви не отстоять стадам баранов!

Смогу ли я любовь свою сберечь,
сумею ль сердце избранной зажечь,
дано ли избегать мне злоключений?

Не выпущу из рук я дерзкий меч!
Когда же час настанет в землю лечь,
мою любовь хранит пусть добрый гений.

12.

Мою любовь хранит пусть добрый гений,
на жизненных орбитах столько бед,
могущих вдруг свести любовь на нет,
и столько на планете искушений...

Ни в целомудрии, ни в множестве побед,
ни в опыте любовных ухищрений
я не познал витальных откровений —
ещё придёт счастливый мой билет!

Жизнь — лишь в любви. Любовь одна таит
начала и концы, она лишь разрешит
вопросы смысла жизненных явлений.

Взамен любви — ничто пусть не прельстит!
И что бы я ни встретил на пути,
не уступлю вовек любви мгновений!

13.

Не уступлю вовек любви мгновений:

любовь мала... как Тихий океан,
любовь косноязычна... как орган —
на жизнь не хватит этих сбережений.

Мне океан любви в наследство дан
не для мотовства, не для наслаждений,
не для профессорских нравочений,
не для лечения сердечных ран.

Любовь твердит: не уступи фашизму
и всяким там воинствующим измам,
не гни трусливо перед злом горба.

Слуга, солдат и сын своей Отчизны,
я принимаю бой во имя жизни!

Любовь — мой флаг! Борьба — моя судьба!

14.

Любовь — мой флаг! Борьба — моя судьба,

меня влекут дороги, ширь без края,
и скрип колёс в пути не досаждают,
пуста от барахла моя арба.

Пусть стук колёс всю жизнь не умолкает,
ну, а потом... друзей моих гурьба
пусть разопьёт вина сухого жбан,
а дети пусть в наследство получают

мой дом родной — сибирские края,
пусть дочери мои и сыновья
живут в нём вечно, счастливо, согласно.

И в детях не умрёт любовь моя!
Пусть все уверуют в неё, как я,
любовь — одна забвенью не подвластна!

Магистрал

Любовь — одна забвенью не подвластна,
и трепетна всегда её рука.
У всех народов и во все века
вовек не прерывался шопот страстный!

Бушует злобно ханжества река,
всё топт повсеместно ежечасно;
призывы к дружбе и к любви напрасны,
судьба любви высокой нелегка.

Её воруют немощные тени,
любовь стремятся ставить на колени,
вокруг любви — извечная борьба!

Мою любовь хранит пусть добрый гений,
не уступлю вовек любви мгновений!
Любовь — мой флаг! Борьба — моя судьба!

Любимая

Венок сонетов

1.

Любимую узнаю за пять вёрст —
она на женщин прочих не похожа:
изящней силуэт её и строже,
Хоть не ярчайшая, но лучшая из звёзд.

Лишь для меня её сиянье, может,
и в это верить хочется всерьёз,
вопрос о верности всегда не прост,
однако в принципе решаем всё же.

Я верую в супружеский союз,
взаимностью и верностью горжусь,
и в этом — обоюдная заслуга.

И пусть нелёгок обязательств груз,
и круг желаний ограничен пусть —
легка её походка и упруга.

2.

Легка её походка и упруга,
идём по жизни мы плечо в плечо,
любой крутой подъём нам нипочём,
лишь только крепче держимся за руки.

Пускай ладоням влажно, горячо,
но на вершину не взойти безруким,
высоты покоряют не от скуки —
чтоб повстречаться первыми с лучом.

Не только ведь в трудах проходит жизнь,
и если свои песни петь решит
она под настроенье на досуге,

все замирают благостно в тиши —
своим талантом всех заворочит:
нет голосистее её в округе.

3.

Нет голосистее её в округе,
недюжинный талант стихийно рос,
в сокровищницу песен он принёс
органные пленительные звуки.

Кому её послушать довелось,
готов из благодарности к услугам.
Признание — всеобщая порука
и смеха неподдельного, и слёз.

Эффектом внешним мир не завоеешь,
когда имеешь красоту земную,
нужды нет наводить дешёвый лоск.

Когда веду я под руку родную,
от гордости мужской всегда ликую:
пышнее и длиннее нету кос.

4.

Пышнее и длиннее нету кос —
любви стихия, свёрнутая туго,
способная взорваться знойной вьюгой,
зависнуть, словно ветви у берёз,

и зазвенеть высоким строем фуги...
И я, как виноградарь среди лоз,
снимающий пылающую гроздь,
готов идти по замкнутому кругу

одной любви к возлюбленной одной,
быть преданным и телом, и душой,
с готовностью служить своей подруге.

Воздастся мне сторицею святой:
она умеет жертвовать собой.
Какое счастье быть её супругом!

5.
Какое счастье быть её супругом,
уютное гнездо неспешно вить,
себя для новой жизни обновить,
вовек не знать душевного недуга.

Почувствовав волнение в крови,
подставить тело дуновению юга,
среди запахов некошеного луга
внимать вселенской музыке любви.

Познав любовь, твердить я не устану:
обязанность влюблённых не простая —
беречь любовь свою от бед и гроз.

Чем глубже и отчаянней влюбляюсь,
тем всё упорней, искренней стараюсь
стать навсегда кумиром женских грёз.

6.

Стать навсегда кумиром женских грёз —
что может быть достойнее мужчины?!
Любовь — наивысочайшая вершина,
любимым быть — наивысший в жизни пост.

Чиновников, как тараканов, ныне
так много повсеместно развелось,
что снизился на честь мужскую спрос —
на мерзости готовы ради чина.

Я не завидую удачникам лукавым,
купающимся в роскоши и славе,
кого Всевышний надо мной вознёс,

ведь всяк из нас свой выбор делать вправе,
мое предназначенье мне по нраву —
купаться в неге на волнах волос.

7.

Купаться в неге на волнах волос
и вседозволенностью тайной упиваться,
и на качелях нежности качаться,
и трепетать, как крылья у стрекоз.

Как много в каждом звуке интонаций,
их понимает сердце, а не мозг.
И если слово от любви зажглось,
одним лишь словом можно наслаждаться.

Без нежных, страстных слов любовь нема,
от них она зависит и сама,
особенно важны они в разлуке.

От жарких слов отступит и зима,
они помогут любящим весьма
с годами всё сильнее любить друг друга.

8.
С годами всё сильнее любить друг друга,
быть трогательней, ласковей, нежней,
всё снисходительней и всё дружней —
мудрейшая, труднейшая наука.

Прожить в согласьи до последних дней,
не причинив один другому муки...
Муж и жена, как други и как слуги,
обязаны по сути быть своей.

Желаннее, красивее, нужнее,
незаменимое и всё милее
для мужа может стать тогда жена.

Когда достоинств множество имея,
когда и мужу угодить умея,
и искренна, и женственна она.

9.
И искренна, и женственна она,
не в этом ли секрет очарованья
и прелести её необычайной,
стремленья выразить себя сполна.

Быть мужу в лёгкость, а не в наказание,
послушной так же, как ветрам волна,
не твёрдостью ведь женщина сильна —
податливостью мудрой изначальной.

Не сразу вдруг, а после испытаний,
в час радости большой и в час печальный
проявится природы глубина.

Предела нету для её познания,
и в возрасте любом, и в состояньи
её любовь красот не лишена.

10.

Её любовь красот не лишена
и ритуальности, и вдохновенья,
а потому она меня мгновенно
пьянит и будоражит без вина.

И доверяясь в самом сокровенном,
стремясь любовь до глубины познать,
вдруг понимаешь: в чувствах нету дна,
предела нет идущим вверх ступеням.

Не оттого ли с каждым новым днём
мы с новой жаждой час свиданья ждём,
стремимся к наслажденью ежечасно,

хотя вдвоём семью мы создаём,
семьи очаг всегда силён огнём
глубокой женской мудрости и страсти.

11.

Глубокой женской мудрости и страсти
нельзя ни научиться, ни занять,
с таким приданым, следует признать,
встречаются любимые нечасто.

Не блещет щедростью природа-мать,
корить в несправедливости напрасно,
всё меньше княжеских натур прекрасных
ей удаётся ныне создавать.

Моя родная отстоять сумела
свой сан княгини истинной на деле
из многих сотен, может быть, одна.

Она для доли княжеской созрела:
одновременно с гармоничным телом
гармонией души наделена.

12.

Гармонией души наделена,
и потому, как солнышко, лучится,
улыбчива, румяна, круглолица,
и доброты, и нежности полна.

Моя кудесница и мастерица
прекрасна и желанна, как весна,
хоть кое-где уже и седина
в отдельных её прядях серебрится.

И пусть морщинок больше год от года,
мне кажется, что так и надо вроде,
в них — не моя и не её вина.

Седины прятать — не её забота,
не угодить ей эфемерной моде —
она для высшей жизни рождена.

13.

Она для высшей жизни рождена,
чтобы для многих стать живым примером,
чтоб научить любви, надежде, вере,
духовности посеять семена.

У нас в морали велики потери,
картина бездуховности грустна,
привилась прочно безыдейность к нам,
как в джинсы, влезли в чуждые манеры.

Проста наука — ближнему служить,
с ответной благодарностью ловить
в движеньях, в чувствах, в мыслях соучастье.

Тогда не будет рваться связей нить,
в союзе двух сердец лишь можно жить
для вечной неги, для любви, для счастья.

14.

Для вечной неги, для любви, для счастья
рождается, наверно, человек,
однако на его короткий век
не много ли случается напастей?

Не в том, что выпадет нежданный снег,
беда для нас таится от ненастья,
а в том, что ждём свой рок мы безучастно
и не готовим тщательно ночлег.

Ведь никому путь к счастью не заказан,
но тот, кто выберет его, обязан
входить в жизнь, как хозяин, а не гость.

Хозяин же с хозяйкой тесно связан,
и потому я сердцем своим сразу
любимую узнаю за пять вёрст.

Магистрал

Любимую узнаю за пять вёрст,
легка её походка и упруга,
нет голосистее её в округе,
пышнее и длиннее нету кос.

Какое счастье быть её супругом,
стать навсегда кумиром женских грёз,
купаться в неге на волнах волос,
с годами всё сильнее любить друг друга.

И искренна, и женственна она,
её любовь красот не лишена,
глубокой женской мудрости и страсти.

Гармонией души наделена,
она для высшей жизни рождена —
для вечной неги, для любви, для счастья.

Женщина*

Венок сонетов

*Ты — женщина, и этим ты права
(Брюсов)*

1.

Нежнее уст, очей и рук твоих
нам неизвестно ничего донине.
На что похожим был бы мир без них?
На выжженную злобою пустыню.

Куда деваться от обид глухих
затравленному бедами мужчине?
Чтоб делал он без рук твоих родных,
которые и в горе не отринут.

Пришла ты — и в цветах стоит крыльцо,
и нарожали гнёздышки птенцов,
и стала вдруг тепло везде, как летом.

Мужчина усмехнулся про себя,
он понял, что нежней, нужней тебя
нет ничего и не было на свете!

2.

Нет ничего и не было на свете
желанней — имя избранной узнать,
тебя ещё нетронутую встретить,
случайно взгляд стыдливый перенять,

бороться с искушением запрета
и сердцем чистоту твою понять,
смотреть в уста — и цепенеть при этом,
не в силах пред стихией устоять,

** Венок сонетов Янки Ситакова в переводе с
белорусского Бориса Терещенко*

и радостно шептать «Люблю» — как клятву,
(слова любви всегда и всем понятны)
день распогодится от слов таких,

нести твой свет в душе своей сквозь годы —
и в озарении истина приходит:
в любви даётся счастье — на двоих.

3.

В любви даётся счастье — на двоих,
на двух крылах любовь парить привыкла
и трепетать листвой двух крон густых,
как без волны волна — любовь бы сникла.

К тебе в тиши я, жаждущий, приник,
и ты ко мне, счастливая, приникла,
и радость единенья, словно крик,
на все века одна — одна! — возникла.

Кто мог придумать, что любовь — хомут,
что жить, дышать привольней самому?
Я с ним готов всю жизнь шагать по свету!

С тобой нам не страшны снега и льды:
ты строго поглядишь на нас седых —
мы при тебе добреем, словно дети.

4.

Мы при тебе добреем, словно дети,
и поклоняемся твоей красе.
А если ты изволишь нас приветить,
ручными мы становимся совсем.

Тобой немало песен нам напето,
под них мы забываем о грозе.
Мы даже слышим, как далёко где-то
зелёный лист купается в росе.

Когда же ты поранишь нас, бывает,
сама и лечишь — быстро заживает,
ты как души коснёшься, ран самих.

И снова солнце светит, нас лаская,
и с благодарностью мы отмечаем:
твой век — как молнии ярчайшей миг.

5.

Твой век — как молнии ярчайшей миг.
А грянет громом бой — ты в путь собираешь,
от сердца оторвав, мужчин своих,
а минет похоронка — и встречаешь.

Восстань из пепла, слёз и бед глухих,
дым крематориев навеки проклиная.
Пусть не коснётся он сердец людских,
пусть будет больше свадеб в нашем крае,

новорождённых больше малышей,
и больше новоселий и торжеств,
пусть каждое застолье тебя встретит!

Ты нам нужна, как роще — соловьи.
Пусть очи добрые и светлые твои,
твоя улыбка — век нам в жизни светит.

6.

Твоя улыбка — век нам в жизни светит
и увлекает, и зовёт вперёд.
Когда зимой она коснётся веток,
то дерево доверья — зацветёт.

И где б мы не вмерзали на планете —
любовь твоя гнездо своё совьёт.
Сквозь тюрьмы, голод, холод, лихолетья
твоё тепло домой нас приведёт.

Мы возвратились, победив все войны,
и слушаем, как в тишине спокойной
твой шопот сладкий возле уст притих.

Твоя улыбка плакала от счастья,
что мы всегда, минуя все напасти
спешим к тебе от бед своих, чужих.

7.

Спешим к тебе от бед своих, чужих,
чтоб видеть, как твои светлеют очи,
чтоб груз поднять нелёгкий за двоих,
с собой носить и дни твои и ночи.

Совсем и не боюсь я рук твоих,
когда обнять вдруг ласково захочешь:
я знаю, ты не будешь — ведь жених!
в стыдливости сопротивляться очень.

Любовь — как клетка! Это не беда!
Скорей туда, скорей хочу туда,
чтоб жить с тобой, согласен быть и в клети...

Любить тебя — вот это значит жить,
к тебе, как к солнцу лист, я рад спешить,
как после бурь спешит забыться ветер.

8.

Как после бурь спешит забыться ветер,
так мы спешим припасть к твоим рукам,
Тебя мы ищем, где горят соцветья,
где в росах просыпаются луга.

Как хорошо пугливую приметить
и ладно жить, друг другу помогать,
вливается в жизнь нашу вскоре третий —
великий мир — и ширит берега.

тобой, смущённой, гордо любоваться
и понимать, чтобы тебе признаться,
не хватит во всём мире нужных слов,

и вдруг всем телом ощутить невольно,
что всё-таки тебя мы недостойны,
а ты — святая, как сама любовь.

9.

А ты — святая, как сама любовь,
живёшь уже волнуясь и надеясь.
Ты знаешь: за двоих струится кровь,
и за двоих становишься добрее.

Отяжелела, присмирела вновь.
А взгляд твой всё покорнее, теплее.
Надежду носишь, тихая, без слов,
сама с надежды этой молодея.

Волнуешься и плачешь ты, быть может —
не за себя — а кто всего дороже,
кто вступит в мир наследником отцов.

Прости нас, что в мучении великом —
всегда в слезах, в отчаянии и с криком
рожала фараонов и рабов.

10.

Рожала фараонов и рабов,
героев дерзких, трусов бледнолицых,
сама ж чиста ты испокон веков
и только чистоте могла молиться.

Мы все, мы все — с твоих надежд и снов,
а ты тревожишься, тебе не спится:
так кто же бьётся возле сердца вновь,
великий гений иль подлец родится?

Мать молодят примерные сыны,
и старят, коль нечестные они,
хоть по одним ступали половицам.

И всё же, женщина, рожай, рожай,
корми, расти нас, племя умножай,
чтоб род людской не мог вдруг прекратиться.

11.

Чтоб род людской не мог вдруг прекратиться,
поэтому ты, женщина, живёшь.
Пока ты есть — жизнь наша будет длится
и колоситься, будто в поле рожь.

Неусыхающая, вечная криница,
ты полная всегда — не перепьёшь.
Но жажде никогда не утолиться...
Так где ж спасенье? Сразу не поймёшь.

Мы знаем, часто в жизни так бывает,
что жажда — жажду большую рождает,
добро — неуспокоенность добра.

И мы, до слёз расчувствовавшись сами,
всегда, как дети, рады: ты ведь — с нами:
ты — мать, жена, ты — дочь и ты — сестра.

12.

Ты — мать, жена, ты — дочь и ты — сестра.
Так много лиц являешь перед нами!
Хоть ты — такой же, как мужчины, прах,
но ты — основа жизни, жрица храма.

Мы с дочерью не устаём играть,
по праздникам сестре шлём телеграммы,
жену ласкаем с самого утра,
зовём, когда нам очень тяжело, маму.

Красивы были бабушки когда-то,
от старости не убегут девчата,
да, с возрастом глаза не так горят.

Но, женщина, печалиться не надо,
ведь в каждом возрасте — своя отрада,
в величии — всегда твоя пора.

13.

В величии — всегда твоя пора,
блистает и весною, и под осень.
И паутинки — завязь серебра —
лишь проясняют глаз усталых просинь.

Ты не скрывай года. Годов гора —
ведь это ж — словно зрелые колосья.
Так значит жизнь придумана не зря.
За то, что жизнь сбылась, никто не спросит.

И осенью печальной, и зимой
нам хорошо, стодумная, с тобой
красотам жизни в старости дивиться.

И молодую мне в тебе признать
не помешает даже седина —
позволь мне, женщина, к ногам склониться.

14.

Позволь мне, женщина, к ногам склониться
за то, что ты смогла меня родить,
что я имел возможность ухватиться
за юбку, когда силился ходить,

что помогла любви моей родиться,
что научила всё вокруг любить,
что я способен в жизни удивиться,
а значит — своих внуков удивить,

что девушкой меня поцеловала,
что ты любить меня не уставала,
что честно всё делила на двоих,

что заслоняла лаской от бесславья,
что в жизни переменчивой не знал я
нежнее уст, очей и рук твоих.

Магистрал

Нежнее уст, очей и рук твоих
нет ничего и не было на свете.
в любви даётся счастье — на двоих,
мы при тебе добреем, словно дети.

Твой век — как молнии ярчайшей миг,
твоя улыбка — век нам в жизни светит.
К тебе спешим от бед своих, чужих,
как после бурь спешит забыться ветер.

А ты — святая, как сама любовь,
рожала фараонов и рабов,
чтоб род людской не мог вдруг прекратиться.

Ты — мать, жена, ты — дочь, и ты — сестра,
в величии — всегда твоя пора.
Позволь мне, женщина, к ногам склониться.

Человек

Венок сонетов

1.

«Гомо сапиенс» дал себе ты имя...
вооружась не мыслью, а дубьём,
преград не зная на пути своём,
воссел царём над тварями земными

и суд чинил верховный день за днём:
одев ярмо, поля пахал одними,
к себе приблизив, пировал с другими,
а третьих — непокорных — жёг огнём!

Всех подчиниться ты себе заставил,
возвысил недостойных и лукавых
и почитать их грозно повелел...

Создав закон и суд, мораль и право,
Землёй-планетой правишь ты на славу —
«венец всего живого на Земле»!

2.

Венец всего живого на земле
не всяк, кто «гомо сапиенс» назвался,
кто в пирамиде жизни оказался
в её вершине, в ранге королей.

Известно, что не где-нибудь на Марсе,
а тут на нашей матушке-Земле,
дублённый, дупловатый дуралей
до власти, до чинов, до орденов дорвался.

И мысль, и честь, и совесть — вне закона!
Труби в трубу во славу фанфарона,
бей в барабан — и никаких проблем!

И люди расступаются смущённо
и ропщут меж собою озлоблённо,
природа познаёт себя во мгле!

3.

Природа познаёт себя во мгле
во имя жизни и во имя света.
Хоть всё живое тянется к рассвету,
но как же трудно в жизни от дилемм!

Берут за горло, требуют ответа —
иль свет и жизнь, иль тьма и тлен,
а на поверку всё — лишь миф и блеф:
и день и ночь встают в кровавом свете!

Навек расколот мир на «Да» и «Нет»,
и в этом суть всех войн людских и бед,
и в этом суть вражды неугасимой...

Запомни, Человек, простой секрет:
политики играют с давних лет
и мыслями, и чувствами твоими!

4.

И мыслями, и чувствами твоими
ты должен сам владеть и управлять,
во имя счастья должен жизнь познать
(хотя бы то, что познано другими).

Та жизнь, которую даёт нам мать,
с холодной поковкою сравнима,
и не боясь огня, воды и дыма,
мы сами жизнь свою должны ковать!

Идя своей неведомой тропюю,
пусть каждый откопает свою Трою,
лишь надо быть настойчивей, смелей!

И пусть в пути нависнет вдруг порою
тюрьма, сума иль тьма над головою —
нет в мире головы твоей светлей!

5.
Нет в мире головы твоей светлей!
Нет благородней любящего сердца!
На лица малышей — не наглядеться!
Улыбки материнской — нет теплей!

Но и под Солнцем — всем не отогреться...
И зверя в себе всем не одолеть...
И не избавиться от дурней и калек...
И от болезней никуда не деться...

Тропинка к совершенству — пред тобой,
по ней не устремиться всей толпой,
жми в одиночку силами своими,

борись, но не с врагами, а с собой,
познай себя и мыслью, и душой —
галактики и кварки мысль обнимет!

6.

Галактики и кварки мысль обнимет,
предела нет в мышлении самом,
но мысль, как джин, хлопочет лишь о том,
что было ей приказано другими.

И если джина на борьбу с врагом,
опасностью ли, явной или мнимой,
Инстинкты и Эмоции поднимут,
то джин идёт на дело напролом.

Он красное представит белым враз,
а белое затопчет в кровь и грязь,
предмет дерьмовый — будет словно вымыт!

А если вдруг придёт расплаты час,
он, вёрткою юлою закружась,
умчит иль ввысь, иль вглубь неудержимо.

7.

Умчит иль ввысь, иль вглубь неудержимо
мечта о правде, счастье и любви,
у каждого любовь живёт в крови,
но много ль в жизни истинно любимых?

Постигнуть счастье каждый норовит —
для большинства оно не постижимо!
И счастье, и любовь, и жизнь — всё мимо,
уходит прочь — зови иль не зови.

Мечта напрасно к небесам стремится:
погнули спицы в лёгкой колеснице
гордыня, похоть, жадность, трусость, лень.

Не объяснишь ли, как могло случится,
что всё милее личное корытце,
о ты, Мудрец, сидящий на осле!?

8.
О ты, Мудрец, сидящий на осле,
взирающий на люд с иконостаса,
твоих пророчеств не дождавшись часа,
народ поднялся навсегда с колен

и твоему уже не внемлет гласу,
узнав, как тьмой душил церковный плен,
как от костров небесный свод алел,
лоск озаряя на поповских рясах.

Явившись миру, произнёс ты речь:
«Не мир пришёл я принести, но меч»,
раздул всесветного раздора пламя —

и стали на кострах брат брата жечь
и языки неверующим сечь...

Против Природы правишь ты упрямо!

9.
Против Природы правишь ты упрямо —
кто б ни был ты, иль вождь, или пророк,
без лжи и козней никогда б не смог
ты ездить на ослах, владеть ослами.

На перекрёстках жизненных дорог,
чтоб жар чужими загребать руками,
сшибаешь лихо легковерных лбами,
а людям не идёт наука впрок:

вослед лгунам на площадях орут,
кумира свергнув, нового найдут
и в новый цвет подкрасят тихо знамя.

То красные на белых восстают,
то белые нещадно красных бьют —
себя казня своими же руками!

10.

Себя казня своими же руками,
нисходит человек в пучину зла...
И всё ж тропа к добру — не заросла!
Спасение твоё — не за горами:

религии и партии — на хлам!
(Нахлебников уменьшитесь и хамов.)
А чтоб спалось спокойнее ночами —
избавься от избытка барахла!

Хандра и трусость человека гложут...
Нет, может, гаже в жизни жирной рожи...
Умеренность во всём — продлит твой век.

Любовь и Честь — вот что всего дороже!
И если отстоять ты их не можешь,
несчастья над тобой всю жизнь — как снег.

11.

Несчастья над тобой всю жизнь — как снег,
но этот снег на волосах не тает,
бессонница ночами остужает
озёрца между воспалённых век.

В них – тени лет, как в счётчике, мелькают,
всё ускоряя безвозвратный бег..
Вдруг тихий сон тебя сморит навек,
уходят в Млечный путь, не возвращаясь.

Быть или не быть — «мучительный» вопрос
тобой надуман, он на деле прост:
тебя с рожденья — ждёт могильный камень..

Но устремлён цепочкой ярких звёзд
в неведомое будущее мост —
твой жизни путь от Евы и Адама.

12.

Твой жизни путь от Евы и Адама —
история больших и малых войн,
народы, государства меж собой
жестокою тяжбу ведут веками.

И от войны, и от вражды слепой
не откупиться пышными дарами —
и нива устилается костями,
накрывается тучей грозовой.

Всё лучшее — не детям, а войне!
Убить быстрее, больше и верней! —
вот что всегда давит над умами.

И ничего не сделаешь умней,
хоть всем понятно: путь войны вдвойне
пропитан потом, кровью и слезами.

13.

Пропитан потом, кровью и слезами
новаторский подвижнический труд,
его оценят люди и поймут,
лишь умудрясь попать сперва ногами.

Труды Творцов великих не умрут,
красоты множатся под их крылами,
сверкая красками, звеня стихами,
с собою в Мир Прекрасного зовут.

Дерзать и сметь наука не устанет,
уже навстречу Инопланетянам
набирает космический разбег...

Но большинство – тьма тьмушая — мещане,
в них божий дар не расцветая вянет,
умён ли ты на деле, Человек?

14.

Умён ли ты на деле, Человек,
что стал безропотным рабом мотора,
что слепо губишь фауну и флору,
врываясь в жизнь лесов, морей и рек,

что рабски, словно лошадь, ходишь в шорах
и терпишь над собой и бич, и стэк,
плодишь блядей, уродов и калек,
и пьяниц, подпирающих заборы...

Вся жизнь твоя — ничтожная игра,
ты, о свободе много говоря,
дошёл до лагерей и Хиросимы...

Опомнись уже давно пора,
но ты, увы, не можешь... Значит, зря
«гомо сапиенс» дал себе ты имя.

Магистрал

«Гомо сапиенс» дал себе ты имя,
венец всего живого на земле,
природа познаёт себя во мгле
и мыслями, и чувствами твоими...

Нет в мире головы твоей светлей —
галактики и кварки мысль обнимет!
Умчит иль ввысь, иль вглубь не удержи́мо...
О ты, Мудрец, сидящий на осле,

против природы правишь ты упрямо,
себя казня своими же руками,
несчастья над тобой всю жизнь — как снег...

Твой жизни путь от Евы и Адама
пропитан потом, кровью и слезами,
умён ли ты на деле, Человек?!

Мыс Доброй Надежды

Поэма

Миллионы лет на планете
неустанно и днём, и в ночи
сердце — ткацкий станок — стучит.
Миллиарды невидимых нитей —
человеческих жизней — сплелись.
Дёрнешь нитку — и рвётся жизнь.
Чья и где, ты возьми угадай-ка,
разберись во вселенском клубке!
Может, жизнь свою держишь в руке...
... Ты находишь ниточку пульса,
осторожно сжимаешь её,
тихо слушаешь сердце своё.
Сколько зим, сколько лет неустанно
сердце бьётся в твоей груди!
Сколько зим, сколько лет впереди?
Зим и лет всегда нехватает,
час придёт оглянуться назад...
Кто-то должен когда-то сказать:
«Принимай у ткача работу,
подошёл для этого срок.
Всё ль ты сделал за жизнь, что мог?».

Кто о мысе Доброй Надежды
с юных лет не слышал, не читал?
Кто о нём взахлёб не мечтал?!
Лишь окрепнет мечта, оперится —
унесётся в туманную даль,
а расстаться с мечтою жаль;
и однажды, как бравый будильник,
зазвенит весна за окном
и скамандует властно: подъём!
Застучит беспокойное сердце,

разыграется буйная кровь —
 тесным станет родимый кров,
 устремятся мечте навстречу
 из гнёзд тёплых во все концы
 оперившиеся птенцы
 в небо синее, в море иль в горы —
 каждый верит в свою синеву,
 видит синие сны наяву.
 Каждый волен с волною поспорить
 или, в небо вонзив корабли,
 одолеть притяженье Земли,
 но не каждый в жизненном море
 выплывает на гребень волны,
 хотя каждому шансы даны.
 Нужно лишь безотказное сердце
 без балласта сомнений, тревог...
 Кто же сердце своё уберёт
 от пороков и от порогов,
 от неверных друзей своих
 и от верных врагов своих?

День за днём — и лето проходит...
 Год за годом — летят журавли...
 Жизнь за жизнью — плывут корабли...
 Пронесутся годы, как ветер,
 и осыпятся, как листва,
 и замрут в тиши, как слова...
 Затрепещут подраненной птицей
 в тесных клетках больные сердца
 на ступенях родного крыльца
 и потянутся к мысу Надежды
 подлататься от жизненных бурь,
 а дорога одна — в Гроте-схюр*,

* Гроте-схюр — больница, где произведена первая
 пересадка сердца Кристианом Бернаром

в белый дом под красною крышей...
Белый-белый простынный бред...
Красный-красный скальпеля след...

Много дней под красною крышей,
препираясь со смертью самой,
неподвижно лежит больной.
А над ним тяжелеет туча,
опускается вниз не спеша —
всё трудней, невозможней дышать...
А ему очень хочется Солнца,
но с овчинку — небо над ним,
и уже сочтены его дни.
Белый бред, белый бред — на пороге,
ослабевшее сердце — в огне,
как химера — туча в окне.
И кричит человек: «Помогите!
Не хочу, не хочу умирать!
Помогите дожить до утра...
Помоги мне, милый профессор,
умираю... Чего ж ты стоишь?!
Почему, словно камень, молчишь?
У меня на груди — тяжкий камень,
что-то душит меня давно,
и стучится химера в окно...
Прогони же её, профессор,
моё сердце спаси от огня...
Люди, люди! Спасите меня!».
Вновь и вновь введены лекарства,
и профессор щупает пульс.
Сколько раз проведён уже курс!
Но не крепнет ниточка пульса,
истончается день ото дня:

все исчерпаны силы. До дна.
 Отстучало своё, отболело,
 отгонялось за синей мечтой,
 сердце хочет идти на покой...
 Трудно выдержать взгляд больного,
 трудно правду ему не сказать
 (он узнает её по глазам!),
 и профессор промолвил, колеблясь:
 — Ваше сердце не может жить,
 но возможно... его... заменить.
 Можно дать Вам здоровое сердце,
 молодое, полное сил,
 и вернуть Вам небесную синь.
 Только знайте: никто ещё в мире
 не решался на это пойти,
 хотя многим известны пути...
 Мы готовы шагнуть в неизвестность.
 Первый шаг — самый дерзкий шаг.
 Первый шаг — самый... страшный шаг.
 Мы готовы с судьбою поспорить,
 но последнее слово — Вам,
 покоряемся Вашим словам.
 Отвечайте же, как перед богом,
 можно ль риск такой оправдать?
 И ответил больной: «Да».
 — Есть ли в Вашей душе решимость
 одряхлевшее сердце отдать?
 И ответил больной: «Да».
 — Ради жизни... на смерть готовы?
 Ведь приходит успех не всегда...
 И ответил больной: «Да, да, да!!!».
 Встал профессор, направился к двери
 и задумался на ходу —
 тяжела голова от дум.
 Нет, не тяжки годы исканий,

и не страшен неожиданный враг —
тяжек, трепетен — первый шаг.
Но готов он к нему. Всё готово,
ведь затрачено много лет,
только... сердца лишнего нет.

Где оно, по какой дороге
и о чём беззаботно стучит?
Сердце глупое, помолчи!
За тобой охотятся люди
в городах, на дорогах больших,
в шумной сутолоке и в тиши;
уж повсюду расставлены сети,
где тебя с нетерпением ждут.
Тут недолго накликать беду.
Приутихни же, сердце, послушай,
о чём люди сейчас говорят,
о тебе у них речи не зря.
— Я прошу Вас, профессор, скажите,
когда сердце замените мне?
Моё сердце — словно в огне.
— Когда будет «лишнее» сердце,
знать не может никто из нас,
может, завтра, а может, сейчас...
В миг любой мы всегда наготове.
Лишь придёт операции срок —
в Гроге-схюр позовёт звонок.

Миллиарды невидимых нитей —
человеческих жизней — сплелись.
Дёрнешь нитку — и рвётся жизнь.
Вот опять чьи-то прерваны нити.

Крик и кровь. И визг тормозов.
 Мчится скорая помощь на зов...
 Только сердце живо у Денни,
 но расплющена голова,
 значит Денни уже мертва,
 только сердце её живёт,
 как и две минуты назад:
 Принс промедлил нажать тормоза...
 — Фредерик, Вы не пили виски?
 Вы — убийца прелестной Дениз,
 не завидна, Принс, Ваша жизнь.
 ...Сердце бьётся ещё у Денни,
 молодое, полное сил.
 В толпе кто-то заголосил.
 Молодая, задорная Денни
 на веселье спешила домой —
 лужа крови на мостовой.
 — На носилки её! Осторожней!!
 В Гроте-схюр, в Гроте-схюр скорей!
 Сердце бьётся ещё у ней...

Бегемотовы губы — не дуры,
 бегемотам озеро дай,
 Зековлей* для них — истинный рай.
 Рай бурлит, винтом возмущённый,
 и без ветра гуляет волна,
 воднолыжницу носит она.
 Воднолыжница эта — Дейдра,
 и соперниц у Дейдры нет.
 Пусть завидует Дейдре свет.
 Обезумевший берег в экстазе

* Зековлей — озеро бегемотов (африкаанс)

гложет взглядом тело её
и кричит, и в ладони бьёт.
Как судьба, проносится Дейдра
над взбешённой, вспенённой волной,
будоража покой вековой.
А отец её, доктор, профессор,
не находит покоя себе:
мозг и сердце — в жестокой борьбе.
Первый шаг к пересадкам сердца —
нет мечты другой у него,
нет желаннее ничего!
Он для этого, верно, родился...
Но имеет ли право он сметь,
если рядом рифмуется смерть?..
...Дочь его всё уверенней мчится,
не случаен её полёт,
сердце Дейдры не подведёт!
В волосах её — солнце, как в сетке,
крылья Дейдры — уменье и риск!
А вокруг — феерия брызг!
...И решенье простое приходит:
быть, как Дейдра — на гребне волны!
Для сомнений мосты сожжены...
— Вам звонят с Гроте-схюр, профессор.
— С Гроте-схюр мне звонят?! Я готов!
Я готов, я готов, я готов,
может, с неба звезда упала...
Форд взревел и понёсся стрелой,
распушив дымной шлейф за собой.

Смотрит небо на нашу планету
в ясный день и в тёмную ночь,
видит всё, но не может помочь.

Просияет ли, тучи нахмурит,
 иль смахнёт молчаливо звезду...
 Обошёл бы беду за версту,
 да в неровен час горе встретишь...
 С неба снова скатилась звезда,
 кто желанье успел загадать?
 Ведь ему суждено нынче сбыться...
 В Гроте-схюр в эту ночь суета,
 в Гроте-схюр суета неспроста.
 От людей там в белых халатах
 ночью тёмной белым-бело.
 Смотрит небо на них сквозь стекло,
 они делают всё для Денни,
 только Денни не воскресить,
 не вернуть улетевшей красы:
 бьётся сердце ещё у Денни,
 но расплющена голова,
 значит Денни уже мертва...
 С нею рядом, в смежной палате,
 задыхаясь, больной лежит,
 а ему очень хочется жить.
 Белый бред, белый бред — на пороге,
 ослабевшее сердце — в огне,
 как химера — туча в окне...
 Дать ему здоровое сердце
 обещал профессор, как бог,
 и пришёл обещанию срок.
 Люди в белых халатах склонились
 над больным, над его судьбой
 и вступили с химерой в бой,
 а она львиной пастью вцепилась
 в грудь больную — и сердце в тисках.
 Застучало в набат у виска.
 Это всё, что больной ещё помнил,

его «я» растворилось в бреде...
Скальпель взял профессор-ведун —
грудь раскрылась пред ним, как книга,
и затихло сердце в руках...
Обуял вдруг профессора страх:
перед ним — человек, но без сердца,
там, где было оно — пустота,
там, где билось оно — темнота,
а в руках холодело сердце...
Холодел вместе с ним он сам,
проступила на лбу роса...
Что, безумец, посмел он сделать?!
Его руки дрогнули вдруг.
Но на помощь — двенадцать рук.
Сердце Денни ему подносят,
и ваяет профессор один
сердце новое в старой груди.
Грудь больного вздымается мерно:
трубки, клапаны, шланги шуршат —
аппараты умеют дышать...
За окном розовеет утро.
Улыбнётся больному заря,
значит риск был затеян не зря.
Чу! Минута эта настала —
в сердце новое хлынула кровь!
Но забьётся ли сердце вновь?
За секундой — секунда... Вечность.
Не желает сердце стучать,
люди в белых халатах молчат,
люди в белом — как в мрамор одеты,
будто кто-то шепнул им: замри!
Замер в горле отчаянный крик!
Ощутил профессор всем телом:
взгляды всех скрестились на нём,

опалило лицо огнём...
 Не спеша он берёт электроды,
 к онемевшему сердцу несёт,
 а вдруг ток это сердце спасёт?
 Блеск искры, разбудившей сердце,
 не забыть никому вовек!
 «Иезус, дит гэн вэк!»*
 Сократилось сердце несмело,
 как бы пробуя крепость швов —
 и пошло, и пошло, и пошло!!!
 Снял перчатки профессор и тихо
 чашку кофе лишь попросил...
 Для восторга не было сил.

В декабре шестьдесят седьмого,
 как начало грядущих атак,
 совершён самый дерзкий шаг.
 Прецедент сотворён небывалый!
 Всколыхнулась людская молва,
 понеслась, как девятый вал...
 Время всех, конечно, рассудит,
 отметёт шелуху неспеша
 и оценит тот первый шаг,
 сохранит то прекрасное утро,
 когда солнце заглянет в окно,
 за которым проснётся больной
 с новым сердцем и с новой надеждой,
 с новой жаждой готовый любить,
 с новой силой способный творить;
 он откроет глаза и спросит

* *Иезус, дит гэн вэк* – *Господи Иисусе, оно сейчас пойдёт (африканс)*

у стоящих над ним докторов:
— Неужели я снова здоров?
Это правда, что сердце чужое
теперь стало моим навсегда?
И ответит профессор: «Да».
— И ещё... скажите, профессор,
можно ль сердце своё повидать?
И ответит профессор: «Да».
Он прикажет одними глазами,
и тогда на руках принесут
осторожно стеклянный сосуд.
Своё сердце больной с опаской
у профессора примет из рук —
тишина воцарится вокруг...
«Не разбить бы... Экая тяжесть...
В банке — бывшее сердце моё...».
И вопьются пальцы в неё,
и всё крепче сосуд сжимая,
он к груди его жаркой прижмёт —
тело холод стекла обожжёт...
В тишине, сгущённой до нельзя,
вдруг послышатся колокола —
бьётся сердце об стенку стекла,
достучаться до сердца не может,
хотя рёбер меж ними нет,
хотя клином на них — белый свет...
Отчего так отчаянно сердце
в этот миг забило в набат?
Словно хочет оно передать
нечто ценное сердцу другому,
что-то важное подсказать,
но его разбудить нельзя.
В дряблых стенках — рубцы от инфарктов,
как заплаты, на сердце они,

формалин теперь сердце хранит.
 Всё, что в небо иль в бездну швыряло —
 обесценилось в миг один,
 всё в цене уравнил формалин.
 «Значит, вот оно, сердце какое,
 мне служившее много лет,
 причинившее столько бед...»
 — Уберите несчастное сердце,
 унесите скорей, кто принёс,
 за него мне обидно до слёз,
 за себя ещё больше обидно:
 жизнь на мелочи разменял...
 Что останется от меня?
 Это сердце, разбитое жизнью???

Человек начал спорить с богами
 в тот же час, когда выдумал их,
 недоступных, коварных и злых.
 И сумел он сначала похитить
 с грозowych облаков огонь,
 потом небо отнял у богов,
 а теперь — и за сердце в ответе,
 и не сходит дума с лица,
 мудрено ли делать сердца?
 С каждым шагом смелее и твёрже
 по планете идёт человек,
 с каждым шагом — сильнее разбег,
 и становится тесной планета,
 и короткой кажется жизнь,
 но об этом не стоит тужить,
 жизнь, как нива, красна урожаем,
 уважаем лишь сеятель в ней —
 славных дел и добрых идей!

Песня про янтарный дворец

Поэма

1.
Балтийское море
янтарной волной
о чём-то своём
поёт.
Свинцовую тучу,
как тяжкую мысль,
ветер к нему
несёт.

И пенятся волны,
темнеет вода,
чайки кричат
в тоске,
и как позабытый
солнечный луч,
горит янтарь на песке...

Заплаканных окон
нечёткий квадрат,
линялого неба
лоскут,
песня — как эхо,
эхо — как плач,
тоски безутешной
разгул...

На подоконнике
вянет мак,
листья желты,
сухи.
рядом с вазой
белеет лист —
чьи-то лежат
стихи.

А в них — о призрачном
счастье речь,
а в них — и мечта,
и боль,
и всё это в целом —
чувство одно,
а имя ему —
любовь.

2.
Литовская женщина
пишет письмо,
пишет в Сибирь
письмо.
В дальние дали
слова полетят,
как журавли
весной.

Литовская женщина
пишет письмо,
не слышит, как море
шумит,
что капля за каплей

давно, давно
грустно в окно
стучит.
Задумалась крепко:
литовский язык
не знает совсем
адресат...
(спутившись устало
с покатых плеч,
свернулась в ногах
коса).

Литовскую нежность,
литовскую грусть
оценит, поймёт ли
чужой?
Зачем пробудил он,
зачем бередил
мечту о любви
большой?

Литовская женщина
пишет письмо,
не может его
не писать
(а волосы тихо
струятся на грудь,
сама расплелась
коса).

Вздывается круто
морской волной
тяжёлых волос
прибой.

Под ними — янтарь.
Его на грудь
волна принесла
с собой.
Янтарь — это в море
застывший луч,
янтарь — любви
талисман...
Литовская женщина
пишет письмо,
взор застилает
туман...

И вновь перед нею —
волна за волной —
картины счастливых
встреч.
Всё в памяти сердца,
в памяти тела
сумела она
сберечь!

Он часто трогал
косу её,
при этом всегда
шутил,
гадая, куда
достанет коса,
если её
расплести...

От встреч с ним осталось
тепло его рук
и запах цветов

и смол,
и мак, что с собою
она привезла,
и это её
письмо.
Литовская женщина
пишет письмо,
пишет в Сибирь
письмо.
В дальние дали
слова полетят,
как журавли
весной.

3.
Вокруг — всё, как прежде:
дети и муж,
работа и дом,
цветы...
Но нет лишь покоя
былого покорства,
но вспыхнули вновь
мечты,

проснулись надежды
на счастье любви,
любовь эта
так близка,
только бы сети
суметь порвать...
Сети порвать...
Но как?!

Вопрос — не под силу,
самой не решить,
со стороны —
видней.
К бабушке милой
она спешит,
а та — навстречу
к ней.

«Ой, внучка родная,
случилась беда:
наверно, схожу
с ума —
пришла телеграмма,
а в ней — про любовь...
Возьми-ка, прочти
сама.

Из-за проклятой
ходу мне нет,
смеётся почти
всё село!
В чём тут причина,
мне объясни,
кто мог пошутить
так зло?»

У бабушки внучка
посланье берёт,
взглянула — и ну
хохотать,
и бабушку вихрем
давай кружить,

давай обнимать,
целовать!

«Чу, наважденье», —
старушка твердит,
крестом осеняя
всех,
всё стало понятно,
узнала когда
про внучкин любовный
грех.

А внучка ликует,
песням её
годы — не дни
звучать!
(волос её струны,
счастьем звеня,
играют вокруг
плеча).

Струн звонких коснулась
старушки рука —
и песня пропала
вдруг.
«Ты веришь в ЭТО? —
спросила она, —
не слишком ли поздно,
мой друг?»

4.
Курортный посёлок,
скука, хоть вой,

хоть вызвони лбом
столбы.

Тогда нечто новое
в медные лбы
медь проводов
вдолбит.

Тогда эта новость,
как в омуте всплеск,
поднимет и муть,
и смрад —
и ни объехать
тот омут нельзя,
ни повернуть
назад.

Как ни хранила
тайну свою,
как ни пеклась
о ней,
тайну-отраду
сберечь не смогла —
стало ещё
трудней.

Зачем пробудил он,
зачем бередил
мечту о большой
любви?
Теперь вместе с нею
безудержный страх

в сердце гнездо своё
свил.

С любимым прощаясь,
решила она
о встрече с ним
загадать,
у русской кукушки
спросила тогда,
сколько времени
ждать.

Пять раз пропела
кукушка в ответ,
может, пять месяцев,
может, лет...

Никто не скажет,
не знает никто,
и дать нелегко
совет.

Не знает, как будет,
но знает, как быть...
Пять дней не прошло,
она
с детьми переехала
к бабушке жить,
к морю, в избу
в два окна.

У бабушки снова по горло забот,
любимицу жаль

до слёз:
бог внучке красу дал,
тугую косу,
а счастья в любви
не принёс.

Ах, если бы знала,
где бродит оно,
сама бы за ним
пошла.
Ох, если могла бы
спуститься на дно,
то счастье для внучки
нашла.
Сама не видала
счастья в свой век,
не знала его в глаза —
то пот заливал их,
то вдруг — пелена,
а то набегала
слеза.

А слышать слыхала
от старых людей
о счастье немало
слов,
немало мечтала
о счастье она,
немало увидела
снов.
Где счастье, знает
морское дно,
да, может, ещё
волна,

которая часто
на берег морской
выносит янтарь
со дна.

Янтарь — лишь частичка
большого дворца
и счастья бывшего
след.

Русалка Юрате
в янтарном дворце
жила вне забот
много лет...

Гибкое стройное
тело её,
пены морской
белей,
увидел однажды
рыбак молодой
возле своих
сетей.

Хотела русалка
ему наказать,
чтоб рыбу ловить
не смел,
но только смотрела
ему в глаза...
Такого не было
с ней.

Смутила ль широкая
грудь рыбака
иль жар его
смелых глаз —
притихла Юрате.
Седая коса
вокруг неё
обвилась.

А юноша сети
в лодку втащил,
а с ними —
и деву-красу.
В руках могучих
добычу свою,
как счастье, держал
на весу.

Рыбак ликует:
счастье — в руках!
Мечта, наконец,
сбылась.
Юрате не сводит
с губ рыбака
жёлтозелёных
глаз.

И крепко к сердцу
её он прижал,
слились в поцелуй
уста.
Тут море с небом
смешала гроза

(Перкунас влюблённых
застал).

Ни шума, ни грома
не слышал рыбак,
ни где он, ни что с ним,
не знал.
Себя обнаружил
в янтарном дворце,
когда пробудился
от сна...

Рыбак в объятьях
Юрате лежит,
в сети густых
волос.
Так сладостно, мирно
лежится ему
вдали от тревог
и гроз.

И песнями сердце
тихо звенит,
и счастьем душа
полна,
но тучи всё ближе,
всё ниже над ним,
судьба его
решена.
Нарушил юноша
святость дворца,
в тайну счастья
проник,

велел Перкунас
разрушить дворец,
(хранит теперь счастье
гранит).

Никто не видел
русалку с тех пор,
янтарного нет
дворца,
но в час беспокойный
на берег волна
выносит янтарь
без конца...

А юноша мёртвым
был найден у скал
с большим янтарём
в руке,
с улыбкой счастливой
на бледных устах,
с жемчужной слезой
на щеке...

Литовские женщины
с песней любви
ищут янтарь
по утрам,
но грустны их песни,
в них – горечь разлук
и тяжесть людских
утрат.

С шальной Россией лучше в мире жить

Поэма

В борьбе с Россией потерпевши крах,
уже немало зарекался враг:
«С шальной Россией лучше в мире жить».
Но всякий раз зарока рвётся нить;
врагу всё кажется, что стоит лишь добыть
дубину поувесистей, покрепче —
успех в войне с Россией обеспечен:
ну, кто не знает, русский ведь мужик
так не хитёр, так прост и добродушен,
что хоть верёвки из него вяжи...
Но все ли знают, что солдат он — лучший?!

С времён войны прошло годов немало,
где шли бои — раскинулись поля,
но память о погибших не пропала,
но раны до сих пор ещё болят.
Кто в восемнадцать лет вступал в войну,
из каждой сотни выживало трое...
Не воскресить погибших, не вернуть,
остались навсегда на поле боя.
Мы сохраним навеки узы братства,
большая сила — в братстве боевом,
мужская дружба — верное богатство,
крепилась она кровью и огнём.

Мы защищали Сталинград и этим,
наверное, всё сказано уже,

мы были выше жизни, выше смерти —
стояли на священном рубеже.

Сто тысяч бомб и миллион снарядов
обрушил враг на стены Сталинграда!

Горело всё кругом: земля горела,
на выступах обрушенных домов
горели трупы...

Бомбы вновь летели —
всё полыхало с новой силой вновь.

Нефть из разбитых баков вытекала
сначала чёрной, потом огненной струёй,
стекала в Волгу — и река пылала,
воспламеняя небо над собой...

Сто тысяч бомб и миллион снарядов
обрушил враг на стены Сталинграда!

Горело всё кругом: земля горела,
горела Волга, мать всяя Руси...

Но были — мы! Мы, русские, сумели
не только выстоять, но и врага сразить!

Под Сталинградом всем уж ясно было,
что мы не только выстоим в борьбе —

всему фашизму перебьём хребет,
в развязанной войне — его могила.

Тогда-то враг пустился в дикий раж,
пытались тщетно пьяные команды:

«Пантеры», «Тигры», «Фердинанды» —
в психических атаках взять реванш,

но выходило всё ещё плачевней:
 врага поближе подпустив к себе,
 в упор встречали мы огнём прицельным —
 и дым взмывал от «Тигров» до небес!

Врагу всё кажется, что стоит лишь добыть
 дубину поувесистей, покрепче —
 успех в войне с Россией обеспечен:
 ну, кто не знает, русский ведь мужик
 так не хитёр, так прост и добродушен,
 что хоть верёвки из него вяжи...
 Но все ли знают, что солдат он — лучший!?
 Дубьём или мечом, или ружьём
 врага крушил, не мудрствуя лукаво,
 случалось, что иной раз — кулаком
 со свистом он орудовал на славу!
 Так, Кравченко, гвардеец, старшина
 на тракторном заводе в Сталинграде
 однажды, пробудившись ото сна
 и выпрыгнув на улицу с окна
 почти что без одежд, без автомата,
 вдруг оказался с глазу на глаз с фрицем,
 вооружённым с головы до пят,
 (ведь надо же такому приключиться!)
 «Ах, растудытвою», — успел сказать солдат
 и врезал фрица кулаком по каске —
 враг замертво к ногам его упал...
 А Кравченко же после этой встряски
 и осторожней, и умнее стал.

Погибшим — память, честь, живым — хвала,
пускай подольше поживут живые,
пусть множат свои мирные дела,
и пусть хранят заветы фронтовые.
И если навестить спешит отца
на день Победы сын, то пусть с собою
ещё прихватит внука-молодца,
и пусть застолье отмечают трое.
Припомнят старшие, как вместе воевали
в одной бригаде и в одном строю,
как танки повреждённые спасали,
не думая, как жизнь спасти свою,
и пусть застолье это дольше длится
в беседе неторопкой деловой,
чтоб каждый мог общением насладиться
под нерушимой крышею родной.

Тридцать шестая*

Поэма

1.
 У океана
 испортилось
 настроение,
 а тут ещё туча
 лезет целоваться,
 холодная
 мокрая,
 словно мокрица.
 Отвернулся от тучи
 брезгливо он,
 по скалам барабана
 пальцами волн.
 Но туча насела,
 как тучная туша,
 а он не желает
 ни видеть, ни слушать,
 муссонами полны
 лёгкие могучие,
 подул океан —
 и ключья от тучи.
 В беспамятной злобе
 теперь он шумел,
 в слепом иступленьи

метался,
 волною громил всё,
 штормами гремел
 и воплем смертей
 упивался.
 Вблизи
 от Курильской гряды
 баржа океану
 под руку попала,
 свирепо схватил он её,
 закрутил
 и бросил
 на Чёртовы скалы...
 В барже той —
 команда,
 простые ребята:
 Зиганшин
 Крючковский,
 Поплавский,
 Федотов...
 Небо с овчинку
 парням показалось,
 шансов выжить вроде
 вовсе не осталось.

** Команда баржи №36, потерпевшей крушение, продержалась в открытом море около двух месяцев*

Но руки стальные
спаялись с штурвалом,
работал мотор,
выбиваясь из сил —
остались сбоку
коварные скалы,
от берега прочь
шторм баржу
уносил...
Истошные визги,
как тысяча скрипок,
хватали за нервы
и душу тянули,
шакалами волны
кидались с криком
и в собственной пене
взрываясь,
тонули.
Но начал давать
перебои мотор
и вскоре,
волной захлебнувшись,
затих,
ребят выносило

в безбрежный простор,
истрёпанных штормом,
еле живых.

2.

«Тридцать шестая, я берег, я берег» —
настойчивый голос
в эфире звучит,
но тридцать шестая
молчит.
Тысячу раз
прочитана
короткая запись
в тетрадке —
последняя
радиограмма от них:
«Всё в порядке,
выдержим».
Но многие сутки
молчит она,
и многие сутки
бушует безудержу
океан своенравный,
а силы неравные явно...

И вот
с торжествующем воплем
он доски с баржи
на берег выплюнул...
О, почему они костью
в пасти его
не застряли,
как дно не разверзлось
пропастью,
как молнии
не исписали
огнём
лицо океана!

3.
Курасио,
дочка океана,
подхватила на волну,
баржу,
словно силась
заглянуть вовнутрь,
и в восторге
понеслася вскачь,
с ней играясь.

будто это мяч...
Вдруг оттуда
завучала песня –
нет воистину чуда
чудесней:
швы трещали в барже
по бокам.
её в бездну
и в небо
швыряло,
а теперь Курасио,
сжимая в когтях,
словно мышкою кошка,
играла ...
Но каким должен быть человек,
если песней на муки ответил!?
Не умрёт его песня
вовек,
пока жив человек
на планете!
Курасио
бег свой умерила,
всё глядела —
глазам
не верила.

**Книга
вторая**

**Мужчина
и
Женщина**

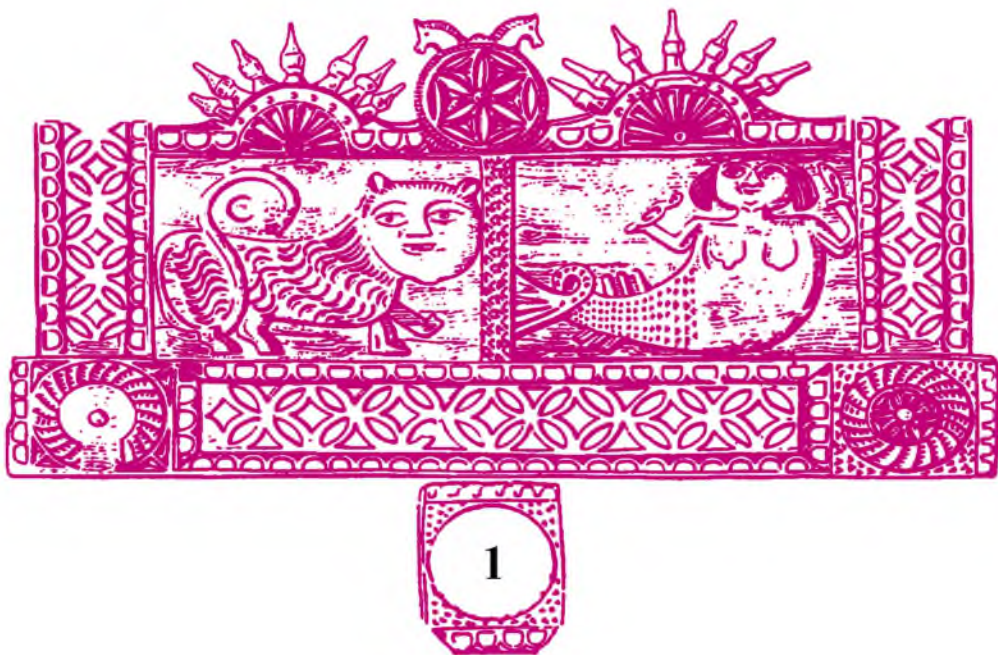

Раздел четвёртый

Мужчина и Женщина
(Вечерние беседы наедине)

Роман в стихах

Истинные поэты —
всегда пророки
(П. Леру)

Глава первая

Влюблённые потому только не скучают друг с другом, что всегда говорят только о самих себе.

(Ларошфуко)

1.
На краю ойкумены
я тебя не искал,
образ твой сокровенный
не считал я с листка,
не списал с Рафаэля,
не привидел в толпе —
я всю жизнь к своей цели
приближался — к тебе!

Примечталось раздолье
мне, родное до слёз:
сарафаны берёз,
вихрь ромашек на поле
и твой след на траве
среди бусинок росных...
Золотились в листве
лучей солнечные космы...
По земле босиком
ты прошла вешней ранью,
но была далеко
от меня, как в тумане...

Не примята трава,
солнце след сцеловало —
потерял я немало:
мне б твой след целовать!

С первым робким букетом
не к тебе я спешил,
своим первым сонетом
не тебя одарил,
свою первую нежность

не донёс до тебя:
не скажу, что — судьба,
лишь — слепая поспешность.
Слишком дерзко в тиши
каблучки простучали...

Я к тебе не спешил —
повстречался с печалью.

Каблучков нервный стук
по асфальту ночному
услыхал за версту —
и отбился от дома.
Блажь на сердце нашла
или спала завеса —
сказка вдруг ожила
о невесте-принцессе.
Лишь к одной к ней на свете
прикипели мечты!
Я дарил ей сонеты,
я таскал ей цветы...
Когда я, как Коперник,
счёт вёл звёздам в ночи,
мой коварный соперник
на меня нож точил.
Разудалым слыл малым,
на счёт рифм был мастак,
не мигнув, рифмовал он
правый с левым кулак!
Заглушить моей страсти
кулаками не смог —
в тридцатое царство

деву я уволок...
 В небе тень пробежала,
 в узел мысли связав,
 небо сморщилось, сжалось —
 разразилась гроза:
 брачной первой же ночью
 мысль — как молния вдруг
 ослепила до боли —
 что святилось любовью,
 оказалось порочным...

Сердца слышен лишь стук
 в тишине наступившей...
 Думал я, что мне честь
 доставляется свыше
 войти в девственный лес
 вдалеке от людей,
 первым видеть и слышать
 тайный трепет ветвей...

Уж не помню и сам,
 что и как я сказал,
 пребывая в смятении,
 был бестактным, возможно,
 после молнии должен
 гром ударить, и вот
 не успел закрыть рот,
 как принцесса сердито
 бьёт меня по ланитам
 и ударилась в плач
 да такой, что всю ночь
 я не знал, как помочь,
 ведь подобных задач
 я ещё не решал

и жену стало жаль,
 могла ж выйти ошибка,
 в таком деле всё зыбко,
 я себе показался
 домостроевским монстром,
 случись это до ЗАГСа,
 то всё было бы просто.
 К чему страсти-мордасти?
 Расслюнявил проблему...
 Решать надо дилемму:
 или — или! И — баста!
 Видя в стане моём
 и разброд, и смятенье,
 слабый пол напролом
 яро кинулся в бой,
 был готов в исступленье
 жизнь покончить с собой!

Смалодушничал, трусил,
 пал я ниц пред женой,
 и закован был вновь
 ею в брачные узы,
 и прощён подконец...
 Утешенье одно —
 не один я — глупец.
 Надо б сразу уйти,
 это проще и чище,
 был я принцем почти —
 с нею сделался нищим,
 ведь она у меня
 всё сумела отнять:
 сперва честь, потом сына...
 До сих пор сердце стынет,
 как начну вспоминать.

Где-то плачет мужчина
(или плакал уже) —
есть на свете причина,
что заставит мужей
разрыдаться навзрыд
и в слезах захлебнуться...
Лишь мгновение взрыв —
век следы остаются!
Пред глазами — глазищи,
и ребячья слеза,
будь ты принцем иль нищим,
а сдадут тормоза...

Так в одной из гостиниц
от великой тоски
у заезжего принца
побелели виски.
С того дня всюду люди
на просторах Руси
«алиментщиком» будут
гневно принца крестить...
Принц живёт в полусне
без любви и без крова,
за него что ли мне
пред людьми молвить слово?
Пред людьми... Боже мой!
Кто не топтан толпой?
Кто не травлен слепой
дикой злобой людской?!
Сон-печаль, тяжелее
чувства все придави,

чтоб затихла скорее
память первой любви...

Напролёт ночь пробредил,
порывался уйти...
Только близко к рассвету
незаметно притих.
Постепенно и стон
приумолк спозаранку,
лишь краснела ладонь,
как крыло у подранка.
На ладони — узор,
стенограмма прорисован.
Прочитай приговор,
хиромант звездочёту.

— Вот на линии сердца —
борозда поперёк,
и едва ли не с детства
испещрён бугорок.
Но Венеры печать
над тобой не печальна,
ты в беде — невзначай,
эта рана — случайна.
Аполлон, Марс, Венера
за тебя ведут бой,
если сможешь поверить,
ставку ставь — на любовь!
Грезить славой поэта —
это, брат, суета;
нашу жизнь по летам
скольцевала розетка.

Аполлона и Марса
от себя не гони,
при любви ежечасно
пусть дежурят они!
Я ещё не сказал,
как любовь свою встретить,
но, наверное, это
я не знаю и сам.
Но совет мой таков:
за любовью не бегай,
как вчерашнего снега,
не ищи ты любовь.
Не заглядывай в очи —
они лживы всегда!
И на складки у рта
ты надейся не очень.
Лишь ладонь лгать не может,
зорко к ней присмотришься,
коль с твоей будет схожа,
за неё и держись!

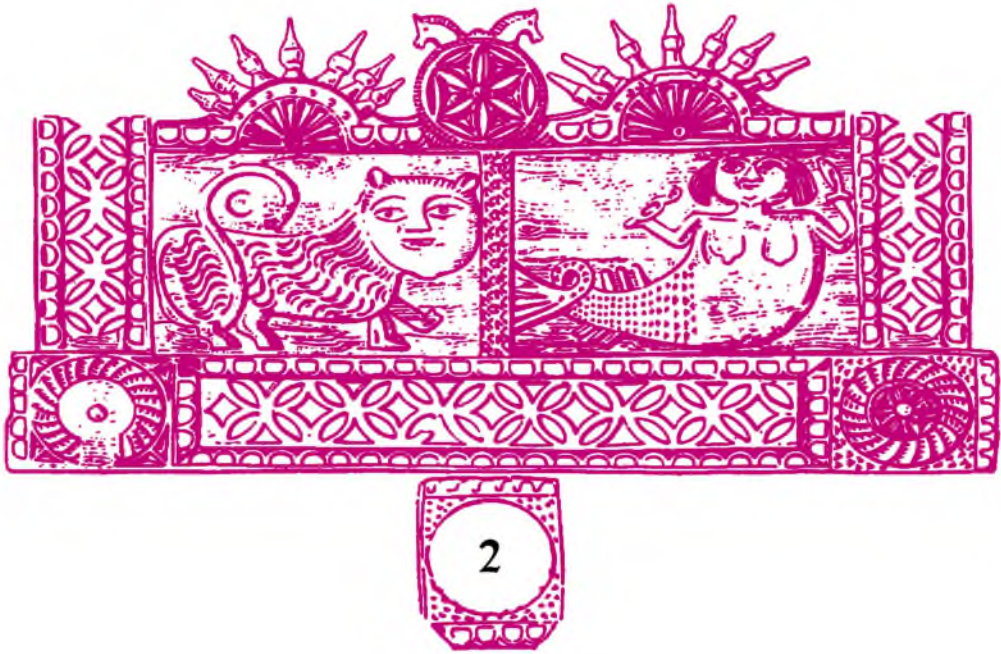
Пробудился я в полдень.
Этот сон-забытьё
выкрал утро моё,
но зато я — свободен!
Со «свободою» вышел
и лет пять бродил с ней,
всё расстаться не смел,
словно с торбою нищий...

Вот таким повстречался
я однажды тебе —

и навеки остался
в твоей трудной судьбе...

Как могла ты измерить
первым взглядом меня?
Как могла ты поверить
сердцу с первого дня?
До мизерности мало
было пищи мечте,
как любовь сохраняла
ты в мирской суете?

Хоть при встрече с тобою
сух по-менторски был,
но нечестной игрою
я любовь не убил
и любовную тайну
разделил на двоих,
и под взглядом твоим
постепенно оттаял.
И свобода моя
опротивела сразу,
вольным быть без тебя
не хотел я ни часа.
Свою торбу-суму,
что «свободою» звал я,
зафитилил во тьму
я бывшего бесславья
и ладонь твою взял,
и сравнил со своею,
улыбнувшись, сказал:
«Будь навеки моею».

Глава вторая

Как много переплелось
спутанных чёрных волос,
бесщётные буйные пряди...
Так смешались думы мои,
так думы мои в разладе.

(Акико)

2.
 Как трава, я была,
 неухоженной, дикой.
 Под дождём — я росла,
 под подошвами — никла...

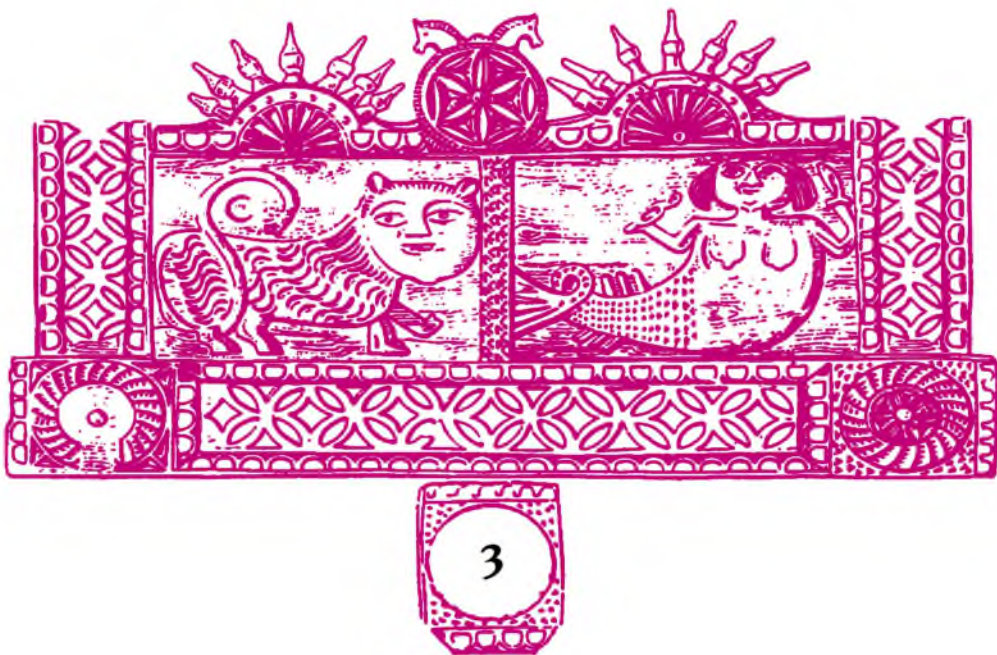
Да, мы бабы — трава,
 мы растём — где придётся,
 поднимаем едва
 наши головы к солнцу.
 Никнем, жмёмся к земле,
 порой сами не зная,
 что собой представляем,
 что нам в жизни милей.

Сколько женщин на свете
 некрасивых, увы!
 Кто былинку приметит
 среди жухлой травы?
 Я травинки значенье
 осознала в себе
 и смогла направленье
 в своей выбрать судьбе...

В детстве, помню, стою
 босиком у калитки,
 чешу ножку свою,
 всю в царапинках, в ципках.
 А по улице с мамой
 дочка гордо идёт,
 в белоснежной панаме,
 словно лодка плывёт.
 В белых туфлях, носочках,

и сама вся бела.
 Эта мамина дочка —
 как с экрана сошла!
 Эта девочка в белом
 мимо шла, как во сне.
 Стать такой же и мне
 хоть на миг захотелось...
 Вдруг захлопали ставни,
 вокруг стало темно —
 и гроза захлестала!
 И померкло кино!
 И в восторге великом
 (где и смелость взялась?)
 я с отчаянным гиком
 мимо них пронеслась!

Как трава, я была,
 неухоженной, дикой.
 Под дождём — я росла,
 под подошвами — никла.
 Я жила не любя,
 но и горя не знала,
 вдруг «среди шумного бала»
 повстречала тебя.
 Ты мою руку взял
 и сравнил со своею,
 «Будь навеки моею»,
 улыбнувшись сказал.
 Не смущай сердце мне
 и меня зря не мучай...
 Разве женщины лучше
 и достойнее нет?

Глава третья

И вечный бой!
Покой нам только снится...
(А. Блок)

3.
 По легенде Платона,
 человек был — как бог.
 Только, богом рождённый,
 он себя не сберёт.
 Видя силу свою,
 возомнил пред богами
 и попрал их ногами!
 Но сражён был в бою
 на мирском поле брани...
 Боги гордых людей,
 раздвоив в наказание,
 расшвыряли по всей
 необъятной вселенной...
 Кто подскажет решенье,
 как из разных частей
 воссоздать тех людей?

В неприкаянном мире
 чахнут полутела,
 и крошечная мгла
 душит души в эфире...

Мельтешат полулюди
 в суете, маяте —
 сколько разных мастей
 лежебок, лизоблюдов!

С полусилы вершат
 судьбы стран полуумки,
 полупьяны с полрюмки,
 выйти в боги спешат.
 Нимбы рьяно куют
 и возводят чертоги,

и пурпурные тоги
 для себя спешно шьют.
 Но от пышных затей
 ещё больше убогость...

Что ж вы, боги, о боги!
 Сделали из людей?!

Что касается лично
 в этом деле меня,
 то и ради приличий
 лгать не стану ни дня.
 Знаю я, всё равно
 быть борьбе между нами,
 мне тягаться с богами —
 на роду суждено.
 Но чтоб силу былую
 я сумел показать,
 половинку родную
 должен я отыскать...

С детства мать мне являла
 светлый мир красоты
 и была идеалом
 моей чистой мечты.
 Я сверялся по ней
 о достоинствах женских,
 когда чувства во мне
 поднимались до всплеска.
 Наши чувства — как реки,
 силу их — не унять,
 если даже навеки
 их плотиной сковать...

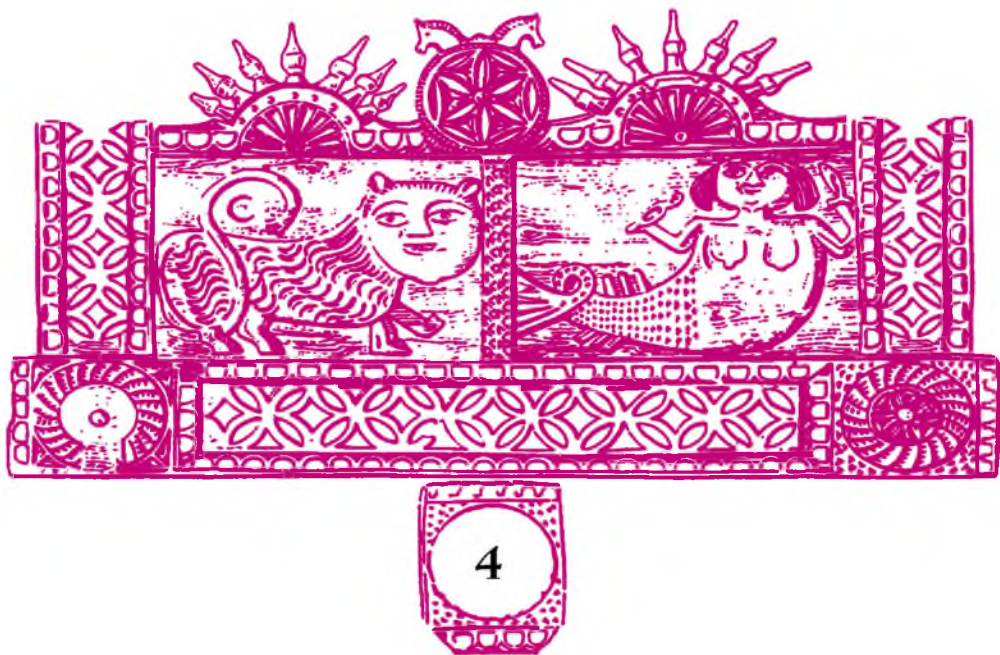
Скован чувственным зудом,
я забыл о мечте
и спешил в суете
в никуда ниоткуда...

Хоть в начале пути
изменил идеалу,
но зато и немало
в моей жизни постиг.

Жизнь, — я понял, — борьба,
чувства наши — как реки.

По реке — и судьба,
и вся жизнь человека!
А при встрече с тобой
убедился, что вечна
в жизни — только любовь!
Что любовь — бесконечна!

Из всех женщин на свете
лишь в тебе узнаю
половинку свою —
я клянусь тебе в этом!

Глава четвёртая

Истинная любовь похожа на привидение:
все о ней говорят, но мало кто её видел.
(Ларошфуко)

4.
Мне легенда Платона
объяснила любовь,
в твоих нежных ладонях
её чувствую вновь...

О любви мне однажды
баян сладостно пел.
Ею в юности каждый,
словно корью, болел.
Помню, как голова
после танцев кружилась,
робко он целовал,
и мне сладко так было...

Помню, поле пшеницы
от села до села,
через поле, как птица,
я летела — не шла.
А колосья вставляли
всё тесней на пути,
а колосья смыкались
над дорогой почти...

А давно ль колоски
лишь травинками были,
припорошены пылью,
вяли, сохли с тоски.
А теперь в позолоте
они гордо стоят,
вышли, как на парад,
и шумят беззаботно.

И вибрирует гул
над пшеницей, как в море,
и как в море, бегут
волны в хлебном просторе.

Средь колосьев пшеницы
я виднелась едва,
аверху — синева,
в синеве где-то — птица...
Но не зря говорится:
хлеб — всему голова!
Цвета колоса — ноги,
и упруги, резвы!

Колоском над дорогой
мне звенеть среди травы!

Зазвенело всё вдруг
от земли и до неба,
то ль во мне, то ль вокруг,
то ли — быть, то ли — небыль,
то ль кузнечик стрекочит,
то ль колосья звенят,
то ли вырваться хочет
песнь с груди у меня...

Но той песне родиться
не судилось тогда:
над вскрылённою птицей
разразилась беда...
Гадко, больно и горько
вспоминать до сих пор,

как жених с падшей Морькой
пропивал мой позор...

Почему же звенела
песнь в дырявых мехах?
— слеза счастья блестела
у меня на глазах...

Почему же ириски
не рассыпались в прах? —
снегом таяли чистым
у меня на губах...

От себя куда деться?
Как сгасить людской смех?

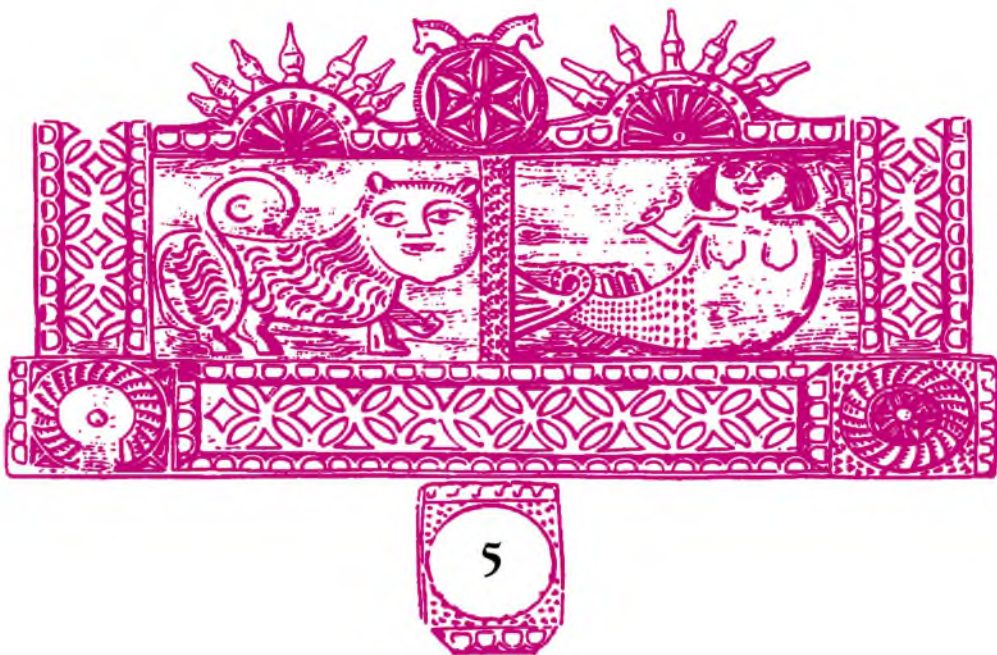
На крючок — дверь.
И сердце я закрыла для всех.

Не стучись же, несчастный,
не свисти под окном.
Просвистел своё счастье,
променял на вино.
И не выйду к тебе я
ни сейчас, ни потом,
и простить не сумею
никогда низачто!

Убивалась мама,
горевала без слов,
от всеобщего срама
убивалось село...

Я ушла в медицину...
Баянисту назло
вышла замуж с кручины.

Так и горе прошло.

Глава пятая

Встреча со злой собакой — не к добру.
(Из «Сонника»)

5.

Говорят ведь не зря:
у судьбы есть печати...
С чёрной тушью — печали,
с красной — радость творят.
А штампует судьба,
говорят, без разбора —
век дрожжи, что тебя
припечатает впору
вдруг по белому — чёрным! —
ни за что! Ни про что!
И заслуг не зачтёт.
И шарахаться будут
от тебя, как от чёрта,
красноштанпные люди...

Но у нас для судьбы —
не один только зад!
Для чего ж тогда лбы?
И другой весь фасад?

Чтоб всегда нам ответ
дать судьбе: Да иль Нет!

Право первого шага
не в талмуд сведено,
не пылится в бумаге —
нам природой дано!
Как нередко небрежны
мы бываем подчас,
шаг наш первый поспешный
нас подводит не раз.

Вспоминать — и то горе,
как жену выбирал...
Подоспела пора —
был я скорым на сборы.
Кандидат в мою тещу
привечала меня,
была день ото дня
всё милее и проще.
В её доме — в красе
трое дочек ходили,
но фамилии все
у них разные были.
За неповиновенье,
не смиряя свой гнев,
их в пылу откровенья
называла «Пся кровь».
Ну, а самой красивой,
той, что нравилась мне,
не скупясь, подносила
всё, что было сытней
(даже рюмку — в обед!),
чтобы дочь пополнила
и скорей чтоб доспела
до шестнадцати лет.
Женихи табунились,
не считая потерь,
и в открытую дверь
днём и ночью ломились...
Знать, сведуща в латыни
моя теща была,
за «розумну людину»
свою дочь отдала.

По мичуринской моде
в тот период я жил,
«переделать природу»
я спешил в меру сил.
Блажь на сердце нашла
или спала завеса —
сказка вдруг ожила
о невесте-принцессе.
Лишь к одной к ней на свете
прикипели мечты.
Я дарил ей сонеты,
я таскал ей цветы...
Ну и что ж, что невеста
«не ходила в княжнах» —
ей понятие чести
объясню на словах.
Ну и пусть, не лежала
её к книжкам душа —
я духовность, пожалуй,
ей привью не спеша.
Ну, а если разлюбит
и предаст за спиной —
пусть пошепчутся люди,
зло смеясь надо мной.
Значит, пылкой любовью
привязать не сумел,
значит, сам и виновен:
сам свой выбрал удел...

Самый глупый и жалкий
неудачник и тот
беспородную шавку
с собой в лес не возьмёт.

На охоте — как в жизни —
так приспичит порой —
ни залаять, ни свистнуть...
И тогда-то и надо
в ситуации той
понять всё с полувзгляда,
с полумысли простой...

И невест и собак
мудрено выбирать,
крепко может судьба
присобачить печать
на ходу на беду...
И всё ж в деле собачьем
процент бóльший удачи:
всё у них на виду,
в паспортах — как у князя —
родословная вся,
и намордник привязан,
и медали висят,
по которым понятно —
пред тобой — лучший пёс,
есть повышенный спрос
на таких, вероятно.
Знать при этом лишь нужно,
чем тебе он услужит.
Поймать надо, к примеру,
понорившихся лис —
выбирай фокстерьера
иль за скотча держись,
ещё злее в норе
басовитая такса,
перед ней у зверей
устоять нет и шанса!
А на тех, кто летает,

есть управа своя.
 Кто легавых не знает?
 Да от их свёрхчутья
 и болото не спрячет,
 не спасёт и вода!
 Стойку делать всегда —
 не из лёгких задача.
 Хоть была бы награда,
 так куда бы ни шло,
 им при слежке ведь надо,
 не жалеючи сил,
 целый день колесить,
 а подняв на крыло,
 замереть, прыть смиряя,
 и смотреть, как хозяин
 дичь расчётливо бьёт
 и навскидку, и влёт...

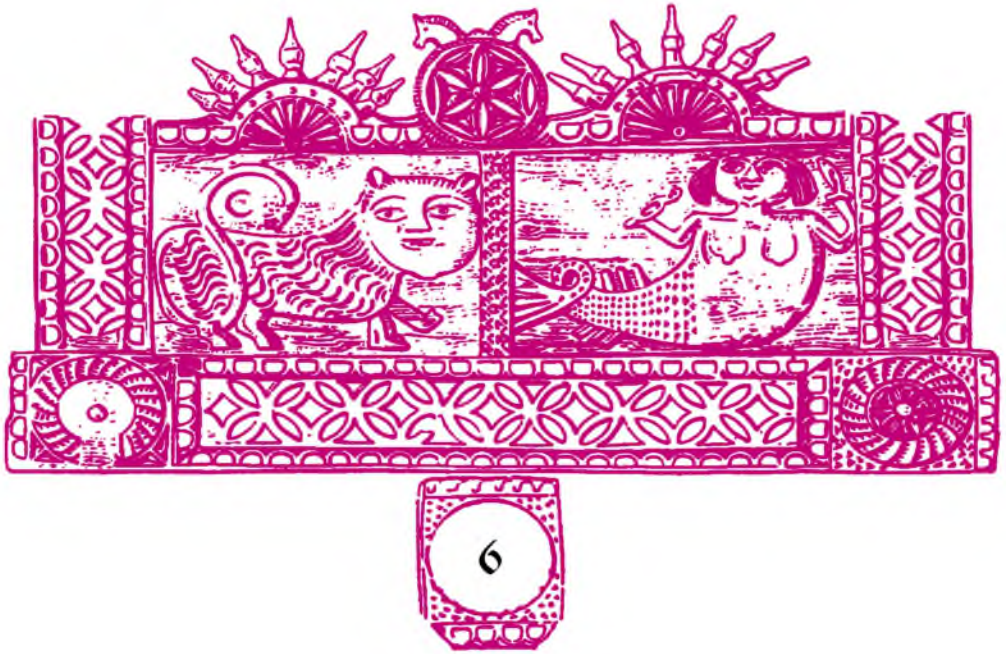
Если в степь уйдёт зверь,
 есть на это борзые.
 Нет им равных в цене
 и поиместей нет!
 Но умолкли теперь
 эти своры лихие.
 Опустив хвост-правило
 живут тихо, уныло
 (не на псарнях — в домах!)
 Лишь ночами во снах
 вновь их души собачьи
 во главе с доезжачим
 сатанеют в степях!

И невест, и собак
 мудрено выбирать.
 Крепко может судьба

присобачить печать...
 Страшней таксы едва ли
 встретишь пса и во сне —
 от медалей-регалий
 на груди места нет.
 Чистокровнейший пёс
 на тебя пасть ощерит —
 корешками волос
 в нём почувствуешь зверя...

У невесты иной
 дивных прелестей столько —
 дух захватит порой,
 вмиг пред ней станешь в стойку.
 А она, словно месяц
 над тобою в ночи...
 И скулишь пред принцессой,
 клянчишь к сердцу ключи...
 И вот яркой звездой
 она с неба слетит
 и тебя ослепит
 неземной красотой...
 Свадьбу не отплав,
 вдруг поймёшь — просчитался:
 эта дева-краса
 пострашнее, чем такса.

И невест, и собак
 мудрено выбирать,
 крепко может судьба
 присобачить печать.
 Но у нас для судьбы
 не один только зад.
 Для чего ж тогда лбы
 и другой весь фасад?

Глава шестая

Печаль — это целое море,
а радость — жемчужина в нём,
которую часто — о горе! —
калечим, пока извлечём.

(Петёфи)

6.
 О печатях судьбы
 рассказал ты занятно,
 что же делать, как быть,
 как навек полюбить,
 всё равно непонятно.
 Разве я не любила
 баяниста? Увы!
 Это чувство разбилось
 от позорной молвы.
 Было зёрнышком звонким
 это чувство моё —
 закатилось в сторонку
 и ушло в забытьё...

Не ушло. Проросло,
 десять лет продремавши —
 всем невзгодам назло,
 наконец, расцвело
 в отношениях наших.

Но умчались года
 в никуда навсегда...
 Неужели должны мы
 десять лет ожидать
 своей встречи с любимым?!

Нет, года — не нули,
 никуда не ушли,
 а на сердце, на плечи
 навалились навечно...
 Ты сказал, первый шаг
 выбираем мы сами.

Может, это и так,
 но порой — со слезами...

Не простила измены
 (нет её злее зла!)
 со слезами ушла...
 Что права я была —
 нет и тени сомнений!

Вот и новый жених:
 много девичьих взоров
 вслед кидалось за ним,
 но лишь мне он покорен,
 терпелив, не спесив
 и к тому же — красив...

Сватовство в моём доме
 вспоминаю, как сон:
 в горле сжалось всё комом,
 а в ушах — будто звон,
 будто я и не я
 у порога стояла,
 будто там не моя
 судьба-доля решалась...

«Любишь?» — чинят допрос.
 На него я взглянула —
 стал противным, как пёс.
 «Да», — я тихо кивнула.
 «Выйти замуж согласна?» —
 Мысль — как ток в проводах:
 «Спать с ним? — Это ужасно!».

Но ответила: «Да».
«Что ж я делаю, боже!» —
всё кричало во мне.
Кто поймёт, кто поможет?
А никто: рядом нет
никого — по душе
(и не будет лет десять,
как известно уже).

Выбирала сама
я свой путь, свою долю —
не сходила с ума,
не наплакалась вволю.
Мне на собственной свадьбе
веселиться, гулять бы:
всем ведь вышел жених,
всем был лучше других!
И черёмуха мне
улыбалась в окне
и звенела — вся в белом.
Свою песнь о весне
передать мне хотела...

Вдруг в проёме дверей
баянист показался,
но порог поскорей
перейти не решался,
ни туда, ни сюда...
На лице — ни кровинки...
«Как же мог ты предать?
Вот устроил поминки...»

«На кого же меня
ты тайком впопыхах,

не гнушаясь греха,
с пьяной рожи менял?»

С новой силой обида
в сердце вдруг ожила.
Всё ещё ненавидя,
вновь любить — не могла...

Была свадьба, но я
не своими губами
повторяла упрямо:
«Не моя... не моя...»

Всё хмелело вокруг,
свадьба ширилась пьяно.
Вырос вмиг лес из рук —
зазвенели стаканы,
громом грянуло бойко:
«Горько! Горько!!» Ох, горько...

А на день на второй
не кормила блинами —
на рассвете домой
прямо из-под венца
убежала я к маме.
К ней уткнулась в ладони,
а она меня гонит
да с родного крыльца!
Я реву, я кричу:
«Замуж я не хочу!...»

Отупела от злости,
от неясной вины...
В доме мужа уж гости,

собрались на блины,
молодых же всё нет...

Это первый концерт.
А второй — я в постели
задавала три дня.
После многих истерик
взял муж силой меня...

Понимала, конечно,
что всё глупо, смешно —
путь один всё равно,
не упрямиться ж вечно...

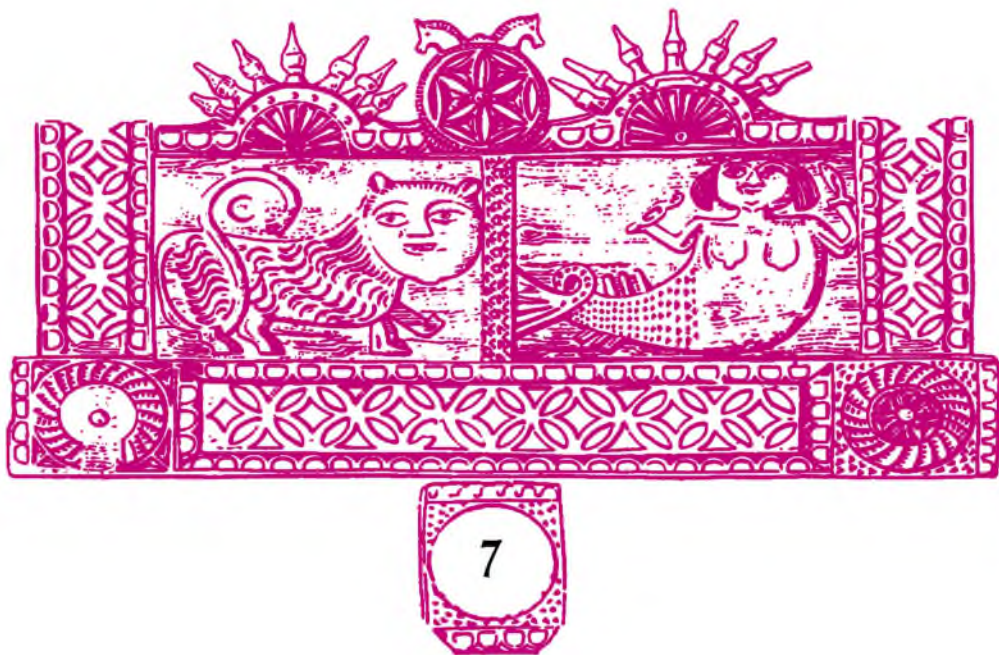
Привыкала и знала:
буду верной женой.
Помогал муж немало
и был ласков со мной.
Но холодность в крови
всё равно оставалась,

и восторга любви
с мужем так и не знала.
Десять лет немоты,
десять лет слепоты.
Поняла лишь с тобой,
что такое любовь!
И сперва — испугалась,
и сознаться стеснялась,
что такая «плохая»
и не скромная я —

я от гордости таю,
что теперь я — твоя!

Но умчались года
навсегда в никуда...

Неужели должны мы
десять лет ожидать
своей встречи с любимым?

Глава седьмая

Кто настоящий человек, у того и
возлюбленный так же настоящий человек.
(Навои)

7.
 Столько лет отшумело
 за плечами — не зря.
 Наступившая зрелость —
 золотая пора.

Что важнее: семья?
 Или труд вдохновенный?
 Что спасает от тлена?
 Где взрастут семена?

Нет удачи в семье —
 и по уши уходит
 человек весь в работу
 (сам по воле своей,
 а верней — поневоле!)

Надо в жизни всегда
 соответствовать роли
 той, которую дал
 нам талант (или доля!)
 И всегда и во всём
 помнить лишь об одном:
 что во что ты посеешь,
 то зато и пожнёшь.
 Если сил не жалеешь,
 выдаст золотом рожь!

Человек видеть должен
 обожающий взгляд.
 Это главное, может,
 из земных всех наград!

Человек чем нам ближе,
 тем в оценке быть выше
 должен в наших глазах,
 и об этом сказать
 в самый нужный момент
 нам не лишне уметь.

Многим кажется большим
 то, что лишь у чужих,
 и становится жизнь
 в чёрной зависти горше.

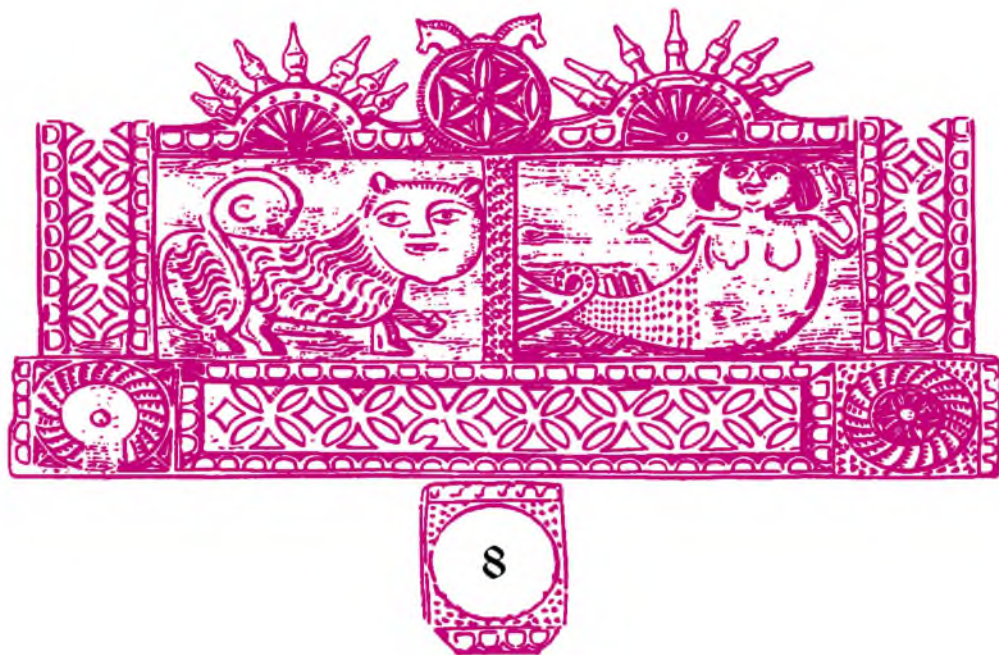
Пусть же каждый зарубит:
 «Жадность фраера губит!»

Философия — мудрость,
 с ней — рифмуется «глупость».
 Они — рядом всегда,
 как со счастьем — беда.
 И несчастье, и счастье
 почти рядом идут.
 За побитого часто
 двух небитых дают!

Много дней и ночей
 я улыбкой своей
 укрывал, как забором,
 от людей своё горе.
 Ни добряк и ни дока
 не раскрыли меня,
 одна ты смогла только —
 сразу, с первого дня.

Не беда, что мы поздно
повстречались с тобой,
допустить невозможно,
какой было бедой,
если б встретиться после
не пришлось бы нам вовсе!
Наша жизнь — как в зерне!

Жить в сегодняшнем дне!
Нет — Вчера и нет — Завтра,
есть Сегодня, Сейчас,
всё Сегодня — для нас!
Не вчерашним, не затхлым
и не завтрашним жить —
нам в сегодняшнем быть!

Глава восьмая

Мужчине нужны основанья,
женщина судит любовью,
если не любит она —
это её приговор.

(Шиллер)

8.
Может, правда, не стоит
горевать о былом:
и не злое, и злое —
всё быльём поросло...

Прижилась к бабьей роли,
рассуждала, как все:
«Обижаться на долю
не резон мне совсем:
муж ко мне благоволит
и не водит друзей...
Раз он любит меня
и заботится нежно,
постараюсь и я
отплатить ему тем же...»

Бабье — первое счастье —
быть хозяйкой-женой,
править в доме одной
выпадает не часто.
Поженившись, мы вскоре
переехали в город,
стали жить-поживать
и добро наживать.
За посильную плату
взять в аренду смогли
не дворец, не палаты —
комнатёнку в пыли,
с ней верандочку, кухню...
На руках нашу рухлядь —
всю зараз принесли
и управились тотчас.
Было радостно очень:

наши стены и окна!
Наша печка! Кровать!
И жандармом никто к нам
не приставлен стоять!
Всем владеть безраздельно,
как владеет княжна!
И в руках — вся казна!
(Не княжна — коль без денег.)
Приняв княжеский чин,
сразу — будто проснулась,
рукава засучив,
я подол подоткнула,
всё освоила быстро,
знала наперечёт
в потолке — каждый выступ,
в полу — каждый сучок!
На пол даже пылинке
не давала упасть —
упивалась властью
я княженьем великим...

Вдруг в безоблачной сини
(так бывает порой)
грянул гром надо мной:

по цене дорогой
поварёжку купила
(мужа в том не спросила!)
Не могла устоять,
ведь зеркальную гладь
поварёжка имела!
Ею стала несмело
мужу щи наливать,
а она — почернела...

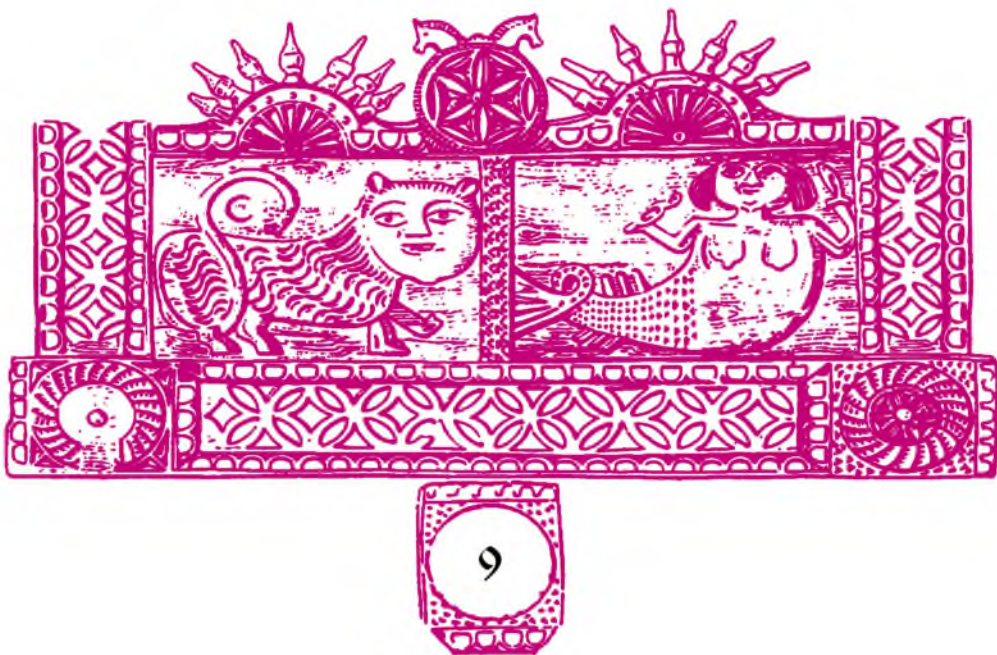
Муж устроил мне бучу!
Ну, бог с ним... Всё же лучше
он был многих других.
Мы сейчас — не враги,
а тогда — и подавно,
и трудились на равных...
Если б чуточку мог он
иногда примечтать —
не желал дальше окон
ни идти и ни звать.
С ним вдвоём было тесно...

Сколько помню себя,
вдаль звала меня песня.
Не сама ли судьба

в моей песне жила,
с мечтой дерзкой сдружила,
много лет всё кружила
и к тебе привела!

Ведь не хлебом единым
человек должен жить,
ему надо — любить,
а ещё — быть любимым...

Без ума полюбить —
бабье счастье второе,
третье счастье, не скрою, —
в любви — сына родить!

Глава девятая

Дерево – на сруб...
А птицы беззаботно
гнёздышко там вьют!
(Исса)

9.
Только задним умом
без ошибок живём.
Но раз так, для чего
старый хлам ворошить?
Может быть, для того,
чтоб по-новому жить.

Как всё в сущности просто,
когда смотришь назад,
не туманит глаза
добротой или злостью;
не тиранят нас бури
ревности и любви,
и нет всплесков в крови
ни от дум, ни от дури...

Человека портрет —
не в лице и не в стати,
и не в модном наряде.
Он красив или нет,
не узнаешь при взгляде;
узнаёшь — при общении,
ещё больше — в труде,
ещё больше — в бореньи,
ещё больше — в беде...

Нету гаже людей —
похотливых блядей,
ещё более — трусов
и предателей гнусных,
ещё больше — льстецов,
ещё больше — глупцов!

Не люби проститутку,
с трусом в бой не иди,
не делись с глупцом шуткой —
и не будет беды!

Сколько лет, сколько дней
провозился преглупо
я с принцессой своей,
словно дурень со ступой...

С методичностью чёткой
дважды в месяц она
была ласковой, кроткой,
и как лебедь, верна
(разве можно быть лучше?)

Свой аванс пред получкой
выдавала сполна!

И любил! И лелеял!
Бисер щедро метал...
Потому что на деле
себе цену не знал.

Нет священной минут,
когда вводишь мадонну
с малышом из роддома
в чистоту, в тишину.
В этом таинстве — вечность,
вера в завтрашний день,
новых чувств бесконечность,
вновь открытый — жень-шень.

Эта ноша — как совесть!
(Сердце, сердце, уймись!)
А в руках — невесомость
(мышцы так напряглись).

Хрупким малым росточком
входит новая жизнь,
новых два огонёчка
в твоих стенах зажглись!
К двум дыханиям — третье
подключилось ещё,
в нём росточек бессмертья
твоего помещён.

На него смотришь ты —
и нельзя наглядеться!
С замиранием сердца
свои ищешь черты.
Дитя ручками цепко
ухватилось, сидит,
присосавшись к груди,
как пиявочка, крепко,
но сосёт нелегко —
со стенаньем и всхлипом,
силясь всё молоко —
всё до капельки выпить.
Своей жизнью всей мать
сохраняет младенца
и готова отдать
для него даже сердце!
Утолив голод свой,
спит дитя человечье.
Над его головой

простирается вечность.
Жизнь пока что — в дилемме:
спать иль есть, есть иль спать.
Уж с пелёнок проблемы
суждено нам решать...

Вот ещё наклонилась
над коляской жена,
спит дитя — убедилась,
лунный свет из окна
рисовал её плечи,
завиток у виска...

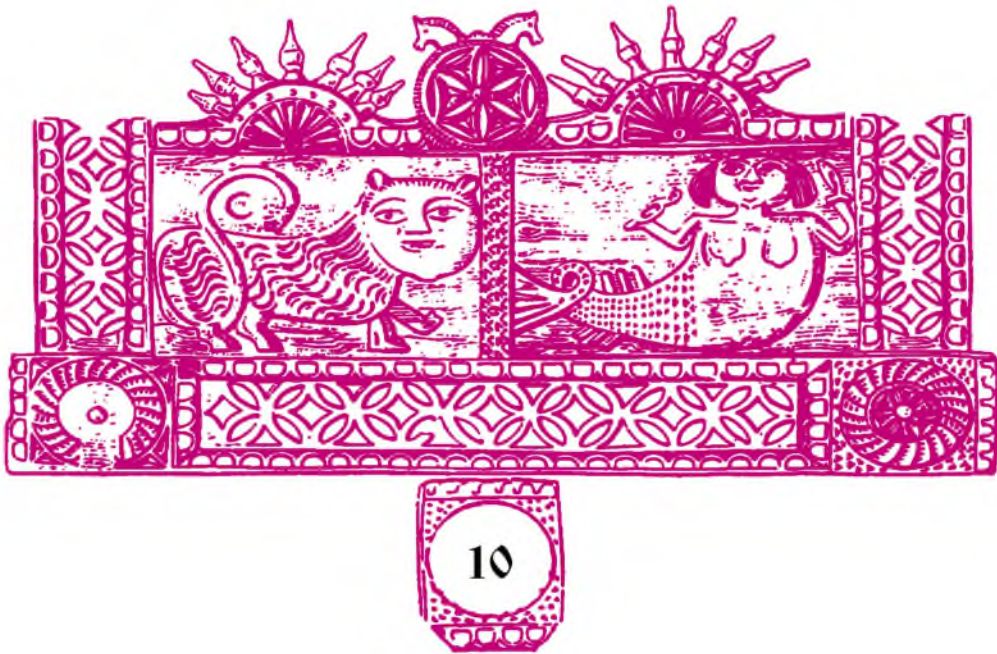
Жить с сегодняшней встречи
начать надо — с листа,
перед главным и вечным
всё — сует суета!
Мысль верна и проста,
только мне-то жить с ней
почему-то непросто.

Снежнобелая простынь
холодит, словно снег,
все обиды, как гвозди,
кровоточат во мне.
Помня всё, всё прощаю
и «Спасибо, родная»
я шепчу в тишине.
Просветлённая мысль
в дивном слове «родная»
для себя открывает
новый — истинный смысл.
В нём заложена вечность,

вера в завтрашний день,
новых лет бесконечность,
вновь открытый жень-шень.
Хрупким малым росточком
вошла новая жизнь,
новых два огонёчка
в наших стенах зажглись,
к двум дыханиям — третье
подключилось ещё,
в нём росточек бессмертья
моего помещён.

В эту тихую ночь
смог себя превозмочь,
я уснул, как грудной
мой сынишка родной,
и витал надо мной
млечный запах парной...

Где-то плачет мужчина
(или плакал уже) —
есть на свете причина,
что заставит мужей
разрыдаться навзрыд
и в слезах захлебнуться,
лишь мгновение взрыв —
век следы остаются.
Надо б сразу уйти,
это проще и чище,
был я принцем почти —
с женой сделался нищим,
ведь она у меня
всё сумела отнять:
сперва честь, потом сына,
до сих пор сердце стынет,
как начну вспоминать...

Глава десятая

Горе на двоих — полгоря,
радость на двоих — две радости.
(Русская пословица)

10.

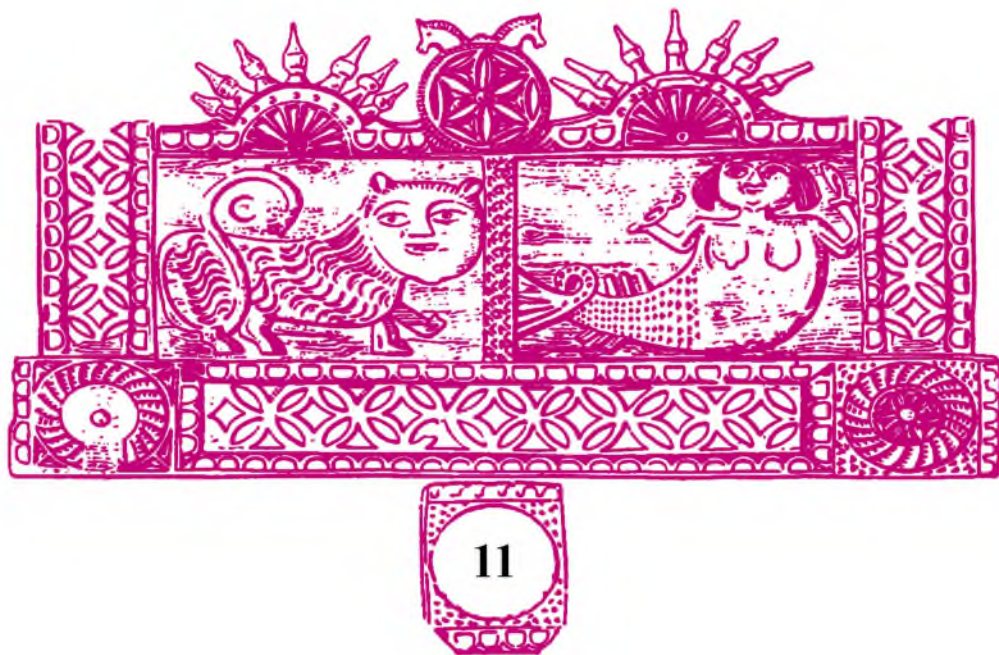
Успокойся, родной,
я навеки — с тобой,
а любимое слово
для меня вспомни снова,
не страдать тебе впредь,
для тебя я готова
хоть на жизнь, хоть на смерть!
Меня в завтра веди,
всё ещё — повторится,
всё ещё — впереди,
прошлое не приснится...
Если сына родного
заиметь ты не прочь
иль красавицу-дочь,
лишь скажи ты мне слово...

И хоть первого сына
нелегко я носила,
получился же он
громкий, как патефон.
Вышел в мир он немного
раньше и — сразу в крик.
Жив-здоров, слава богу, —
отключилась я в миг,
но вдруг в страхе очнулась
и кричу: «Где мой сын?»
Акушер улыбнулась:
«Спит». Велю: «Принеси!»
Посмотрела на сына,
неказистый совсем,
небольшой, некрасивый,
может, хуже, чем все.

Он же, бедный, притих.
За себя стало стыдно,
за сыночка обидно —
чем я хуже других?
Но утешилась быстро —
сморил сон богатырский.
Снято тяжкое бремя,
во всём теле — покой,
на душе — так легко,
даже сны сладко дремлют...
Наступил час кормления,
и прервали мой сон,
сына взяв, на мгновенье
испугалась, но он
присосался уже —
вмиг пронзило истомой,
словно сотней ножей.
Боль любви незнакомой
проступила в глазах —
ни понять, ни сказать...
Ничего уж родней
моей крошечки — нет!
К сердцу сына прижала...
Отчего, не пойму
вдруг возникла к нему
нестерпимая жалость...
На него всё гляжу —
не могу наглядеться.
«Мой красавец!» — твержу,
и сжимается сердце.
Подошёл вскоре муж,
вместе с сыном — встречаю.
Показала ему —

посмотрел муж печально
и сказал мне при людях:
«Может быть, жить и будет...»
Рос мой милый звоночек
по часам — не по дням,
и нередко меня
он будил среди ночи.
Но однажды кормленье
пропустили одно...
Когда стало темно,
дождалась я мгновенья,
проскользнула, как тень,
за спиной у дежурной...
Пробиралась вдоль стен,

но вдруг сделалось дурно,
я прижалась к стене,
и вот слышится мне
в детской — плач неуёмный.
В грудь мне — стукнуло словно,
я в палату вбежала...
Это сын мой кричал,
я схватила, прижала...
Тут и весь персонал
в попыхах набежал...
Хоть потом много дней
меня строго ругали,
но с тех пор сына мне
кормить первым давали...

Глава одиннадцатая

- Где ж конец верёвки этой?
— Нет его: отрубили.
(Народная поговорка)

11.

И в проблемах кормленья
грудничков-сосунков
я силён, без сомненья;
с ними близко знаком:
нянчить чаще ребёнка
приходилось мне,
хоть работали с жёнкой
мы тогда наравне.
Удержать её дома
было мне мудрено,
надо ей — то к знакомым,
то к портной, то в кино...
Бог ребёнка мне дал,
я возился умело,
свои знания всегда
применял я на деле.
Но однажды пришлось
нам обоим претуго,
может, из-за недуга
мальшу не спалось,
может быть, от меня
мою злость перенял —
в свои пять килограммов,
как Поль Робсон, гремел,
сучил нервно ногами,
заходил, синел...
Я шептал, как кудесник,
раскрывал, пеленал...
Пел протяжные песни
и, как лошадь скакал,
и садил «в самолёт» —
ничего не берёт,

ещё громче орёт!
Ничего не пойму —
хоть реви самому,
валерьянку глотай...
Валерьянку? — Давай!
Выпил сам — помогло.
Развёл каплю младенцу —
дух ребёнку светло...
Наконец, задышал он,
успокоился вмиг,
ни обиды, ни жалоб...
Через час — снова в крик.
Молока в доме нет,
что придумать верней?
Из далёкого детства
вспомнил дедово средство.
В марлю хлеб нажевал
и мучителю дал.
Вмиг с ребёнка всё зло,
словно ветром, снесло...

Пред глазами — глазищи
и ребячья слеза,
будь ты принцем иль нищим,
а сдадут тормоза...

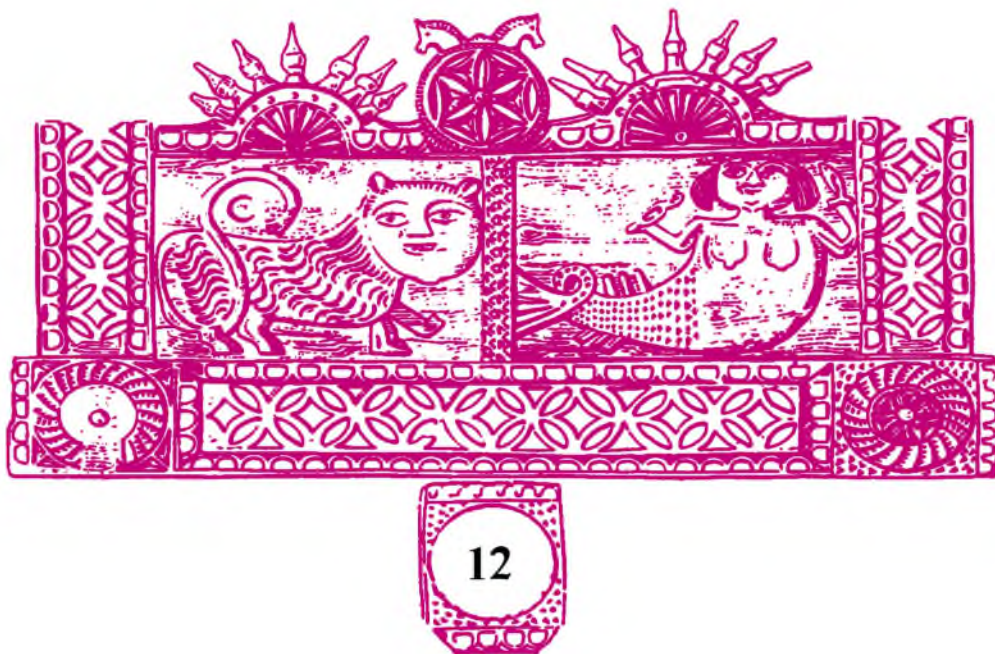
Непутёвой невестой
оказалась принцесса
(«не давала скучать»),
всё по той же причине
из неё получилась
непутёвая мать.

Переделать природу
по мичуринской моде
вознамерился принц, —
непутёвый сюрприз
получил за старанье
принцам всем в назиданье!

Так в одной из гостиниц
от великой тоски
у заезжего принца
побелели виски.
С того дня всюду люди
на просторах Руси

«алиментщиком» будут
гневно принца крестить!

Сон-печаль, тяжелее
чувства все придави,
чтоб затихла быстрее
память первой любви...
Унеси белой птицей
вдаль обратно меня,
дай мне светом умыться
беспечального дня.

Глава двенадцатая

Пусть разгорится сердце твоё, и тело твоё,
и душа твоя до меня, и до тела до моего,
и до виду до моего.

(Берестяная грамота 15 века)

12.

Моё детство и юность
протекали на юге.

Жизнь по сути — борьба,
наши чувства — как реки,
по реке — и судьба
и вся жизнь человека.

Обещал Южный Буг
мне незлую судьбу,
как великая милость,
его воды струились
без крутых поворотов
в полусне беззаботно.

В тёплой той стороне
не нашлось места мне —
тесноват уже мир.
Не весь свет, что в оконце!
Искать место под солнцем
я уехал в Сибирь.
Будто шкура медвежья,
распласталась она
по морским побережьям,
от света до темна.

Я бродил за Байкалом
много зим, много лет,
во мне мало-помалу
пробуждался поэт.
В седых древних пределах
жизнь до дна познавал,
и моя голова

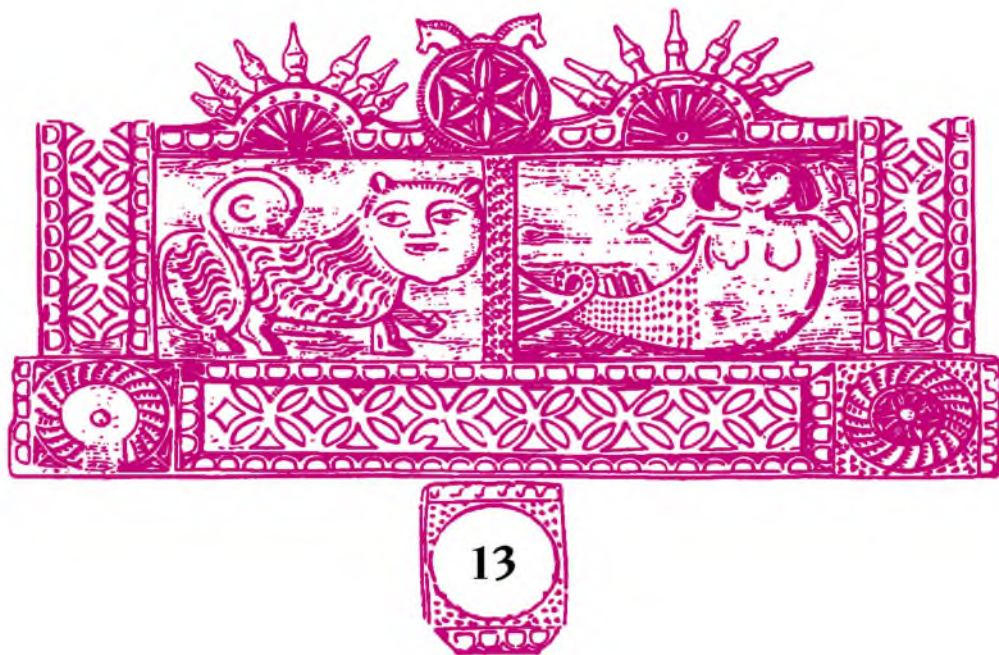
постепенно седела...
Семьи гордиев узел
мне пришлось разрубить,
и о горе забыв,
я решил служить музам.
На седом Енисее
вдруг я встретил тебя,
и твоя тут судьба
слилась вместе с моею,
как слилась Ангара
с Енисеем могучим,
значит, мчалась не зря
по порогам падучим
и не ради забавы
дом оставила свой —
им по силе и нраву
равных нет никого!

Мне запомнился случай,
как в шахтёнке одной
самородок могучий
найден был золотой
и не в штреке — у входа
среди честного народа,
с ним замка там не знали —
в копру дверь подпирали...
Он был очень тяжёл,
и служил хорошо,
но чудак объявился,
пнул легонькой ногой,
колупнул раз-другой —
самородок открылся...

Я ж не сразу, не вдруг
среди ярких подруг
смог, тебя разгадав,
полюбить навсегда.
Ты была вся — внутри,
как сосуд с узким горлом,
знаки тайные стёрлись,
не прочтёшь — не смотри,
был тобой сохранён
клад, почти позабытый,
я узнал лишь о нём!

Хоть облаяны, биты,
пъём за радость побед
освящённый напиток
(как святили — секрет!)
Ведь дано нам немало:
свечка-феникс горит,
шампанское в бокалах
шоколад шевелит.
Наконец, наступил
день, борьбой опалённый,
и вот брак наш законный
ЗАГС печатью скрепил.
Разве это не чудо,
что я — твой, ты — моя?!

Этот день ты и я
никогда не забудем,
как и первую встречу
долгих пять лет назад,
Алые паруса
будут с нами — навечно!
Разве это не чудо —
принять битву в пути,
устоять, победить,
преподав урок людям?!
Это — чудо, родная!
Я — как юноша вновь!
Возрождает, сжигая,
птица Феникс — Любовь!
Пусть не в двадцать, а в сорок,
но с не меньшим задором
я способен любить,
любви нашей служить.
Служить буду — на совесть,
и тебе лишь одной
телом, сердцем, душой —
всем, на что я способен!
Стихи, песни, цветы —
любви нашей созвездье.
Родились под ним вместе:
я и песня, и ты!

Глава тринадцатая

Не уметь петь так же стыдно, как не уметь читать.
(Ф. Аквинский)

13.

В моём сердце, я помню,
песня с детства жила,
уводила из дома
в звонкий мир неуёмный
далеко от села;
превратившись в «артистку»,
начинала я петь,
вся планетная твердь
моей сценой была;
пела я голосисто,
овцы, гуси, жучёчки,
лопушки и жарочки,
солнышко в вышине —
все внимали лишь мне!

В школе — я запевала
в хоре в сто человек!
Был успех и немалый,
и тогда в голове
мысль, как гвоздик, засела:
«Мне б на радио спеть»,
но навек захотеть
стать артисткой не смела.

Только всё же сбылась
та мечта и на деле —
твои песни не раз
я на радио пела...

Помню, как ты однажды
в Дом культуры пришёл,

враз неведомой жаждой
моё сердце обжёл...
Рассказал нам хормейстер,
что ты врач и поэт,
что отныне и впредь
нам трудиться уж вместе,
что ты пишешь для нас
сейчас новые песни,
к юбилею как раз
подготовишь и пьесу.
Хор наш в лауреатах
ходил несколько лет,
содержался богато
в знаменитом селе.
Ты с большим интересом
слушал все наши песни...

Вижу, будто сейчас,
как ты слушаешь нас,
не сводя синих глаз.

Я подружке моргнула,
парень, мол, неплохой,
«Не теряйся», — шепнула,
в сердце ж больно кольнуло
вдруг от мысли шальной:
«Будет мой... будет мой...»
Рядом с мужем стояла
пред тобой — пред судьбой,
про себя повторяла,
не владея собой:
«Будет мой, будет мой!»
и себя проклинала...

Что случилось со мной?
Хоть тут плач, а хоть смейся —
жила с мужем лет десять,
была верной женой —
и вдруг спала завеса...

Быть стараясь беспечным,
ты сказал мне в тот вечер,
у тебя есть семья,
но не верила я,
и, видать, неспроста,
но зачем было нужно,
унижаясь, пытаться?

Шла домой вместе с мужем
и ругала себя,
что глупа, что слаба,
подошла почему
я к мужчине чужому,
ведь есть сын и есть муж,
чаша полная — в доме...

Уже поздний был час,
и сын спал беззаботно,
я не стала пить чай,
шла в постель неохотно,
страх в висках простучал:
вдруг из наших девчат
ты полюбишь кого-то...

Только начал трудиться
в райбольнице у нас,

как все стали стремиться
на приём твой попасть.

Сшила юбку поуже,
«марафет» навела,
проколола я уши
и в серёжках пришла
я к тебе на приём
(изнывало сердечко!)
Ты серьёзно, конечно,
слушал сердце моё...
Мне же было так стыдно
от своей полноты,
и меня понял ты
и сумел не обидеть.
Под глухой сердца стук
я услышала вдруг:
«Ты красива и очень».
А потом между прочим
объяснил, как худеть.
И готова в тот день
я была свернуть горы,
от болезней, от горя
защитить всех людей!
Кровь дала для больного,
через день — дала снова...
Правду, нет ли сказал,
я твердила — спасибо!
Ведь никто так не звал...
Да уж где там — «красивой» —
«симпатичной» — и то
не звал в жизни никто!
Говорили, что любят,

что характер хорош,
красоты ж — ни на грош
не увидели люди...

Говорил ты, краса
ведь в осанке, в походке,
говорил, что коса
для меня, как находка,
ну а главное — нам
с полнотою бы сладить:
бегать бы — по утрам,
есть поменьше бы надо...

С той поры, словно свечка,
стала таять-худеть —
очень ярко гореть
в любви может сердечко!
С той поры на работу,
как на праздник, я шла,
интереснее сроду
не бывали дела.

Немудрёный секрет
от людей не таила —
все пути проходили
через твой кабинет.
Загляну на минуту —
целый день весела,
но тревожная смута
вдруг в душе ожила,
и при встрече с тобой
стала сильно смущаться,
значит, громче стучаться

стала в сердце любовь,
с нею страх: не дай боже
потерять тебя вдруг:
вокруг — столько подруг!
Давай — краситься больше,
одеваться дороже
и спешила занять
к тебе место поближе,
чтобы смог ты понять,
разглядеть и услышать;
и тревогу, и радость
не могла я унять,
и бросало меня
или в жар, или в дрожь...

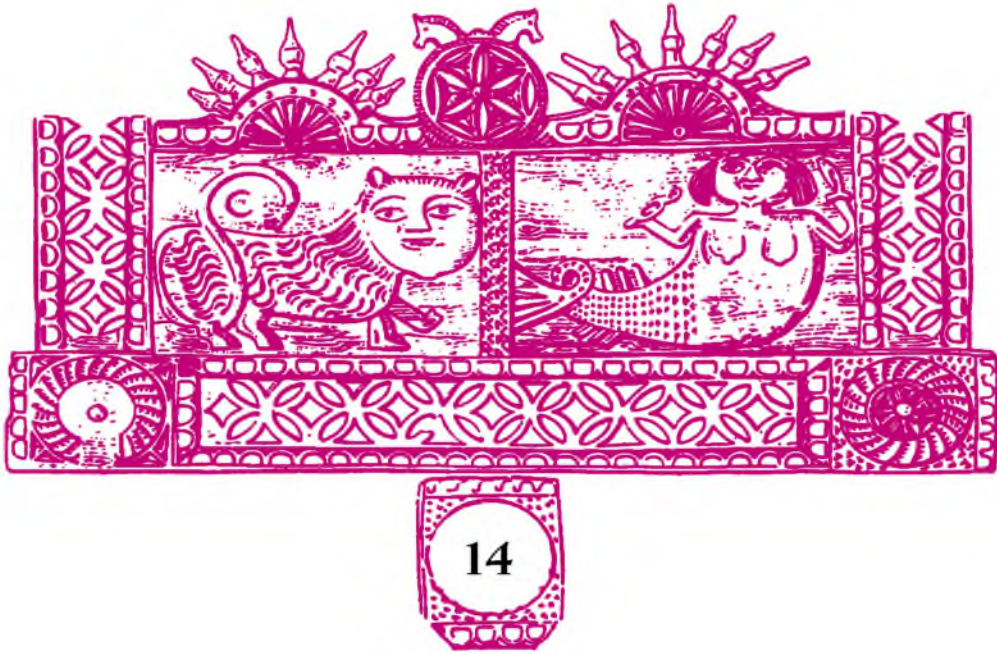
Ты был тоже хорош,
то улыбкой поманишь,
вспыхнешь жарче огня,
то чужим совсем станешь,
словно ночь среди дня...

Не нужна — отгони,
мне уйти — не по силам,
посмотри на красивых,
так ли любят они?!
Знала я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет.
Ты уже был известен
как поэт и как врач,
и немало удач

принесли тебе песни.
 Думал ты, что всевластен,
 что лишь в творчестве счастье.
 Как же был одинок,
 как тебя я жалела,
 если б на огонёк
 вдруг позвал — прилетела б...

Оттого, что затмил
 князцов многих удельных,
 и что был не бездельник,
 независимым был,
 тебя денно и ночью
 они стали травить,
 за тобою следить,
 чтоб расправиться проще.
 Недостатка в лакеях
 никогда не бывало,
 к этой мерзкой затее
 подключилось немало.
 В пёсьем том хороводе
 медсестра вдруг заводит:
 «Он в носках простых ходит»,
 подпоёт санитарка:
 «И в рубашке немаркой».
 А потом средь подлиз
 прозвучит вокализ:
 «Не успел появиться,
 сразу был приглашён
 в телевиденье он,
 будто в нашей больнице
 снимать кроме него

больше нет никого!»
 Пели, всем напевали,
 лишь при мне умолкали.
 И солист был один
 (с тобой дружбу водил),
 часто песенки глухо
 напевал мне на ухо,
 мол, тебе не нужна я,
 у тебя, мол, такая
 раскрасотка — жена...
 Ей — и то — изменял.
 Откажись, отвяжись,
 не губи свою жизнь!
 И тихонько меня
 норовил всё обнять.
 Иль от рук, иль от песен
 стал мне гадок хормейстер,
 а ведь ранее мне
 был он брата родней.
 Сердце наполнилось болью
 за тебя, за себя.
 Что же делать с любовью,
 если так я слаба.
 Я не знала, что делать,
 и не знала, как быть.
 Полюбить я сумела,
 не могла — разлюбить.

Глава четырнадцатая

Зло, которое мы причиняем, навлекает
на нас меньше ненависти и преследований,
чем наши достоинства.

(Ларошфуко)

14.
 В знаменитом селе
 я не вдруг оказался,
 широко намечался
 вековой юбилей,
 и на конкурсе вышел
 победителем я,
 мои песни спел хор,
 село сделалось ближе
 и дороже с тех пор,
 а когда хор послушал,
 увидал Енисей,
 знаменитый музей,
 рассудил: здесь я нужен...

Как скворцу по весне,
 комнатёнку больница
 предоставила мне.
 Взял её неохотно:
 был я вольною птицей
 и её обживать,
 печь топить, обставлять
 представлялось заботой
 для меня неудобной.
 Был в больнице — полдня,
 после — вольный козак —
 с кинокамерой я
 не далече, не близко
 на рысях по стезям
 историческим рыскал.
 В конце дня — к старожилам
 на беседы спешил,

рассказать их просил,
 как живут и как жили.
 Так — словечко к словечку
 то с улыбкой, то с болью
 познавал человечью
 с енисеевой долю.
 А потом до полночи
 беллетристику я
 изучал, чтоб знать точно
 всё об этих краях.
 Отдыхал, сколько мог,
 а с утра — всё сначала...

Было мне невдомёк,
 что и сам я — объект,
 и меня — изучали:
 в чём обут, как одет.
 Оказалось, один
 только я не в престижных
 одеяньях ходил.
 Быть нарядным — не лишнее,
 но удобней кожанки
 ничего в пути нет,
 дай рубашку из байки —
 на край света я в ней!
 Я по первому цензу —
 моде — балл не набрал,
 этим самым давал
 первый повод к эксцессу.
 Мода в жизни — везде
 не простая проблема...

Обтянули людей,
словно стулья, кремпленом,
стянутых по рукам
хлопают по карману
и платформу к ногам
пришпандорили рьяно.
Ум и честь — под замком
в «дипломате» железном,
«жигулёвским» дымком
скрыли новую бездну.
Прорубили окно
в человеческом жилище,
угощают одной
телевизорной пищей,
освещается жизнь
лишь экранным квадратом,
в ящик свой конформизм
самобытность упрятал.

Всегда мода, везде
дрессирует людей.

Неужели не может
человек быть собой?
Неужели забыли
все, что модными были
ридикюли из кожи
самой тонкой — людской?!
Как ни странно для нас,
в медицине как раз
мода злобствует больше:

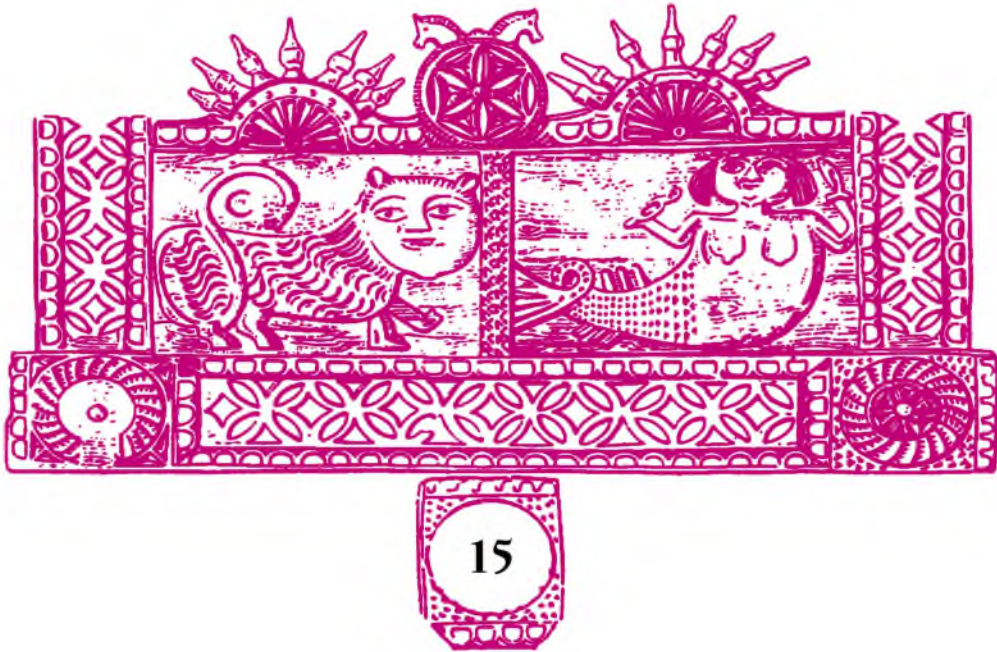
в ней престижность — дороже,
ведь одна только фраза:
«Сам профессор глядел!»
у больных может сразу
вызвать море надежд,
потому он назначит
дефицит — всем подряд,
помодней — препарат,
посильней — не иначе,
лишь бы был результат!
Что потом — не задача.
Поступить с ним вразрез
ты почти что не в праве:
постарается съесть
и костей не оставить.
С ним возможен ли спор?
Жизнь урок преподаст —
по земле идёт мор
от лекарств и от явств!

Болезнь почек — не в моде:
в институтские годы
учат их мимоходом,
между тем, к сожалению,
почки очень ранимы,
лень, белки, воспаления,
сахар, водка, соленья —
расправляются с ними.
Большинство из коллег
и весьма именитых
до меня на селе

не лечили нефриты,
вместо них — «миозиты»,
«пневмонии», «циститы»
или «радикулиты»,
при давлении также
доктора, как нарочно,
почему-то о почках
и не думали даже.
Никому по душе
не пришлись мои взгляды:
наносился ушиб
их мундирам парадным,
между мной и невеждой
был конфликт неизбежен...

Всяк из штатных лакеев
и внештатных подлиз
с каждым днём всё больше,
всё нудней меня грыз,
главврачѣвские замы
на планѣрках терзали,
то не то записал,
то не это сказал...
Если б только не хобби,
из больницы ушёл бы.
Впрочем, я не тужил,
отдавался весь пьесе,
киноделу и песням,
дышал ими и жил.
Моѣ имя в газетах
начинало мелькать,

и уже называть
меня стали «поэтом».
Был мой главный экзамен —
Юбилей — впереди,
только он в этом звании
мог меня утвердить.
Значит всё остальное
отступить должно,
в ожидании боя —
отложиться на дно.
И по этой причине
не мечтал о дивчине.
Правда, рядом с тобой
отдыхал я душой,
ты ведь песни мои
лучше всех запевала,
словно деточкам, им
жизнь вторую давала.
Но с другой стороны —
ты так красилась ярко:
губы — красным красны,
брови — чёрным черны,
получалось так жалко...
Я ведь знал, ты добра,
и что любишь, быть может,
но с тобою играть,
понимал, невозможно
за вниманье, заботу
платил тем же охотно,
с тобой ласковым был,
но тебя не любил.

Глава пятнадцатая

Девушка у них, когда войдёт в лета,
перестанет повиноваться отцу, и сама
по желанию своему выбирает себе
кого-либо из мужчин для сожития с ним.
(Абу-Али Ахмед бен омар ибн Даст —
о буртасах, предках мордвы-мокши)

15.

Над собой столько слёз
мне пролить довелось,
что не верится даже...
Много было причин:
то не взглянешь, смолчишь,
то обидное скажешь...

На концертах ты с нами
выступал со стихами,
декламировал скучно
(писал песни ты лучше).
Но зато я любила
всегда слушать тебя,
и сердечко, любя,
тихо сладостно ныло,
когда с губ всё слетали
и слетали слова,
и преграды сметали.
Так порой размечтаюсь —
кругом шла голова.
Но имелась причина
для моих беспокойств
деликатнейших свойств;
и однажды открылась,
вдруг сказав нарочито
безразличнейшим тоном:
«Знаешь, я ведь мордва»,
и поникла смущённо,
моё сердце застыло,
я дышала едва...
Вот сейчас резко встанешь
и презрительно взглянешь
на меня, как на грошь,

и навеки уйдёшь...
Ты ж меня — отругал,
мол, зазорно стыдиться
нам своих матерей,
ими надо гордиться...

И моя вдруг рука
оказалась в твоей.
И поведал ты мне,
что, наверное, редко
встретить можно в стране
такой древности предков,
как у мокши-мордвы,
стойких и боевых...

Мордва знала сарматов,
хазар, половцев, скифов —
родовитых, богатых...
Зыбки судьбы людские,
уже тысячи лет
тех кочевников нет,
а мордва — процветает.
Ну, а главный секрет
свой мордва сохраняет...

На безбрежных просторах
меж Уралом и морем
жило племя лихое,
но, увы! — не мужское,
там воительниц стаи
проносились, как птицы,
после боя устало
плели косы девицы...
Эти женщины были
амазонки-мордва,

и по свету ходила
о них слава-молва...
И опять ты счастливой
сразу сделал меня,
будто, взяв рукой сильной,
подсадил на коня.

Мчись быстрее, конь шальной,
я теперь — в твоей воле!
И ковыльное поле
пусть гудит подо мной!
Пусть со свистом в ушах
улюлюкает ветер,
и слеза на глазах
пусть слепит знойным спектром —
безоглядно любя,
я домчусь до тебя!

Наступил день рожденья.
Я проснулась в смятеньи
и спросила у мужа:
будем, нет отмечать?
И кого приглашать?
«Приглашай, кого нужно».

Пригласила подружек
и решила — тебя!
Мой восторг — не объять!
Всё — в мгновение ока
приготовила я,
всё — от пола до окон
улыбалось, блестя,
всё — подъезд и площадку

обмела моя тряпка...
Вот и час наступил,
большинство — уже в сборе,
жду тебя с нетерпеньем,
чиню мужу допрос:
Пригласил? — Позабыл.
Мне обидно до слёз,
поглядела с укором:
Я хочу, чтоб он был,
это — мой день рожденья...

И тебя муж привёл.

Извинился ты, мол,
догадаться не мог
и не знал, что к чему,
пришёл к дню моему
без цветов, без подарка...

Чуть побыл для порядка,
пил, сидел втихомолку,
слушал, как «Перепёлку»
пела я — для тебя,
прядь свисала со лба,
повздыхал потихоньку
и ушёл в мглу и серость.
Без тебя мне не пелось...
Принялись все опять
о тебе рассуждать,
что живёшь ты с хозяйкой,
словно муж и жена,
хоть она и судья,
а жирна, как свинья,
полон золота рот,
нагло взятки берёт...

Что узнать довелось,
было горько до слёз,
в горьких мыслях полночи,
не могла я забыться:
«Неужели он хочет
на той бабе жениться?»
И себя убеждала:
он не может так вдруг...

Всё сильнее одеяло
налегало на грудь...

На второй день с коробкой
ты явился ко мне,
приняла её робко,
«Что же может быть в ней?»

Извинясь, ты ушёл,
я коробку — на стол,
сорвала враз тесёмку,
предо мной почти сразу
статуэтки предстали —
«Баянист и Певица».
Я смутилась вначале,
даже стало неловко:
«Мог бы и разориться
на хрустальную вазу...»
На них долго глядела
сбоку, сверху и снизу
и решила несмело,
место им — телевизор...

Через день или два
я увидела вас:

ты — в берете, в кожанке,
на ней — тоже берет,
на ней — тоже кожанка,
на толстенных ножищах —
сороковки-туфлища,
и грудаста, здорова —
баба — хуже коровы,
гадко было смотреть,
как мелькали рейтузы
из-под юбочки узкой...

На меня взгляд метнула
и скривилась она,
я стояла одна —
как в грязи потонула...
Ненависть, а не ревность
разрывала меня!
Знаешь, что предпринять
в ту минуту хотелось?
И её, и тебя
пострелять, как собак.

Не последовал выстрел —
успокоилась быстро.

И в злорадстве — отрада:
«Надо так... Так и надо!»

Но никак не пойму,
что же в ней он нашёл?
Всё же... как он дешёв!
Так и надо ему!
Прихожу я домой,
статуэтки — долой!

По квартире не раз
деловито прошлась,
в уме мало-помалу
смелый план набросала...
Заменю я сперва
этот старый сервант,
куплю стенку я также
и хрустальную вазу,
и неплохо б — торшер...
И оттаяло сразу
у меня на душе;
как не знала я раньше,
что домашний уют
осчастливит семью...
Нынче ж праздничный торт —
своей фирмы пирог —
схлопочу за часок,
посидим вместе с мужем,
вместе с сыном — втроём,
песню трио споём,
и никто нам не нужен!

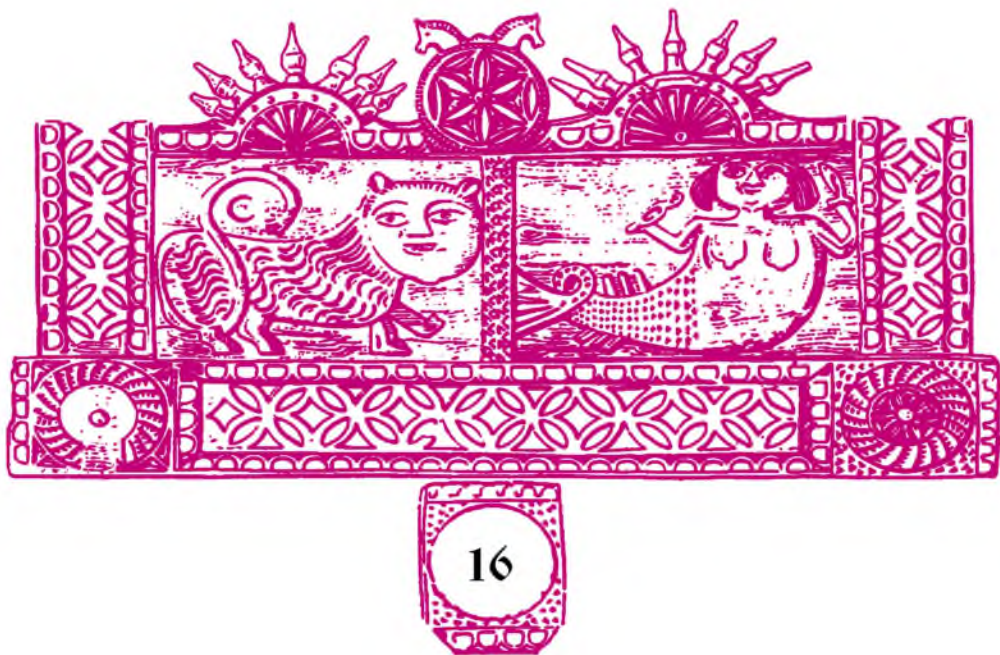
Ох, и сука я, сука,
чёрт попутал меня,
с кем могла я равнять
золотого супруга:
и высок, и хорош,
и не пьёт, и не курит,
и верней не найдёшь
(для такой ещё дуры!)
Я ж во всём виновата,
а с любовью проклятой
развяжусь, и опять я
начну тихую жизнь...

Вот и все собрались,
сразу муж — к пирогу.
«Правда, вкусен?» — «Угу.»
К пирогу я на стол
перед мужем и — план,
гениальный почти.
Он вдруг взвёлся: «Постой!
Или я, паря, пьян,
иль объелася ты!
Для чего? Для кого?
Деньги некуда деть?!»
— «Для тебя самого!
Чем мы хуже людей?»
— «Люди, дура, — глупы,
лишь пускают всем пыль.
Небольшой мы народ,
нам не нужен хрусталь,
был бы жир на устах
(ложка рот не дерёт).

Песни трио не пели —
пирог молча доели...

Через месяца два
был и новый сервант,
и хрустальным огнём
ваза искрилась в нём.
Долго я любовалась,
всё ж грустинка была,
говорить если честно.
Так чего ж не хватало?

Статуэтки нашла,
положила на место.

Глава шестнадцатая

Пишем, что наблюдаем, а чего
не наблюдаем, того не пишем.

(Старое правило русских гидрографов)

16.
Связь с хозяйкой-судьёй
мне, наверно, нельзя
оправдать пред тобой,
понимаю и сам,
объяснить её всё же
объективно я должен.
Это вышло случайно
(может быть, для меня).
Как-то раз в конце дня
приглашенье вручают
мне прибыть в МВД.
Заглянул в тот же день
я уже часов в пять,
много не говорили,
тут же мне предложили
судмедэкспертом стать.
Я сказал между прочим,
что жильём озабочен,
мол, топить недосуг.
И тут женщина вдруг
подзывает меня,
предлагает пожить
у её стариков,
у них — свой особняк,
уговор же таков:
должен их я лечить...
Так с хозяйкой-судьёй
я впервые столкнулся,
в тот же час с головой
в омут я окунулся.
А на завтра с утра,
подготовившись наспех,
я уже — судмедэксперт

и судьи квартирант.
Я вошёл в опергруппу,
с ней бросало меня
среди ночи, среди дня
и к убийцам, и к трупам.
Имел больше зарплату,
больше жизненный круг
и — что важно — досуг
(я же ведь — литератор).
Но на этом пути
мне пришлось и платить.
Платят, как всем известно,
не монетой, а честью.
Капитан ко мне как-то
на часок заглянул
с иезуитским контрактом —
я его подмахнул.
По контракту обязан
быть народным слугой,
выводить всю заразу
и народных врагов.
А хозяйка-судья
намекала смелее,
чтобы в партию я
поступал поскорее,
ведь иначе топтаться
мне на месте всю жизнь,
не пора ль за ум браться,
идти вверх, а не вниз.
Я сказал, что в больнице
с главврачом не в ладах,
что на первых порах
не могу с ним ужиться.
Мне она отвечает:

я давно его знаю —
хуже нет дураков!
Но зато у друзей
достаёт он шенков
самых чистых кровей
и начальство снабжает...
Если быть откровенней,
подоспеет замена —
его сгонят взащей:
псы у всех есть уже!

Дальше в лес — больше дров,
я на всё был готов...

Судмедэксперта часто
называют — «хирург».
Хоть различен их труд
(он лишь трупных дел мастер),
их профессии ставят
над юдолью земной,
им обоим дано
необычное право...
(будь то труп иль больной,
резать их — не забава!)

На железном столе
пред тобою — покойник...
Сколько зим, сколько лет
он потратил в погоне
за конечной мечтой,
за конечным желаньем,
и теперь он — никто,
тихо, как на экране,
когда кончен сеанс

(его крутят лишь раз)
Что же делал вчера
на заветной земле
этот бывший жилец,
а сегодняшний прах?

Дулся, пыжился, якал,
телефонами звякал?
Копал яму кому-то
(даже мне, может быть!)

Не уйти от судьбы —
лежит, тленьем раздутый...

Как вилок у капусты —
грудь пружинисто с хрустом
вскрыта — скорбный обряд
люди чинно творят...

Кем он был и чем стал?
Кто с кого теперь взыщет?

Судмедэксперт в аннал
своё мнение запишет...

Если б мог видеть каждый
это хоть бы однажды,
вряд ли он в этот день
о суетном галдел.
Но смотреть ежедневно
на гниенье, распад
невозможно, наверно,
без душевных затрат.
И не будь я поэтом,

не пошёл бы на это,
а поэт ведь — охотник
в человечесьем лесу,
увы, творческий зуд
подбивает на подвиг.
И тогда, и потом,
как в тюрьме оказался,
не жалел я о том,
что по мукам скитался.
Нашу жизнь не с парадной
видел — с разных сторон,
факты впитывал жадно,
пропустив их сквозь строй
своих мыслей и чувств,
обработав чуть-чуть,
возвращал их обратно.

Никогда к детективам
не лежала душа,
за подобное чтиво
не отдам ни гроша.
Когда сам оказался
в детективных лесах,
ещё больше смеялся
над потугой писак...
Но не так и смешны
борзописцы удачи,
если в моде они,
значит, кое-что значат.
Кто из самых великих
лишь за книгу одну
получал миллиард,
как сверхмодный Форсайт?

Стоит лишь Фредерику
чиркануть одно слово —
тысяч двадцать готово!
(Если в лирах хапнуть.)

Детектив — не игра,
ему платят не зря.

Детектив для народа —
самый верный наркотик,
это прутик и пряник,
чтоб толпу в хлев загнать,
обмануть, обкорнать,
обгалдеть, оболванить...

Чем сильнее загнивает
в стране правящий класс,
тем дружнее насаждает
детектив среди нас.
Всё в нём сплошь субъективно,
хаотично, случайно,
всё заумно, жеманно,
всё не ново и лживо —
рыцарские романы
проросли в детективе!

Мне звонят раз, что нужно
собираться в тайгу,
кем-то труп обнаружен
на глухом берегу,
и что надо учесть,
опергруппа большая —
человек пять иль шесть

(ясно мне намекают).
 Поняв сходу задачу,
 заявленье строчу,
 к сестре главной лечу,
 спирт беру «квантум сатис»,
 прихватил ещё кстати
 свой «НЗ» и заначку.
 Через час — готов ехать,
 этанол, инструмент,
 фото-кино-доспехи
 и кожанка — на мне.
 В газик плотно набились,
 все — бывалые люди,
 ружья — не позабыли!
 (дело жаркое будет).
 С нами — новый Начальник,
 он угрозыск возглавил,
 и наверно, по праву:
 стаж большой за плечами.
 Оказались мы рядом,
 вскоре — разговорились,
 вроде бы — подружились
 (в пути много ли надо!)
 Переехал недавно,
 всего пару недель,
 но квартиру уж дали,
 ждёт семью с дня на день.
 Старший сын — на орбите,
 депутат и парторг,
 со студенческих пор
 общепризнанный лидер.
 Младший — нынче как раз
 подоспел в первый класс.
 Малышу мудрено ль

среди чужих ступешаться
 и вообще — затеряться?
 Нам немало дано,
 значит и для детей
 мы должны постараться,
 чтоб смогли поскорей
 к своей цели добратся.
 Остряки — наши детки,
 мать-отец для них — «предки».
 Нет, не предок — родитель,
 он — ракетоноситель!

Через два часа газик
 был уже возле ГЭС,
 здесь намечено сразу
 в катер всем пересесть
 (вверх пути нет иного)...

Тут как тут — Страж порядка,
 у него — всё готово:
 катер, пару сетей,
 карабин и палатка.
 У реки холодной
 и поветренней стало,
 чтоб согреться, чуть-чуть
 причастились по малой
 и отправились в путь...

Улуг-Хэм! Енисей! —
 младший брат Океана!
 Кто сравнится с твоей
 красотой первожданной!
 Ты — родной сын Сибири,
 прост, бесхитростен ты,

словно меч у батыра...
Рассекая хребты,
атакуешь твердыни
и несёшься по миру
через злые пороги,
сквозь глухие плотины...
Не сбиваясь с дороги,
устремлён к своей цели —
сбросить цепи... Все цепи!

Катер вверх по течению,
весь натужно дрожа,
шёл вперёд, не спеша,
с деловитым терпением.
Под гуденье мотора
пассажиры примолкли,
и от брызг очень скоро
вся одежда отволгла,
а саянские ветры
продували насквозь...
Часов десять пришлось
идти сто километров...
По бокам — цепи гор,
в волнах — солнце, как рыбка,
сверху — облаком зыбким
комаров гнусный хор.
В диком царстве глуши
на крутых берегах
от воды до вершин —
всё тайга и тайга...
В этом море зелёном,
где не счесть всех чудес,
словно всплеск до небес —
реют кедров знамёна...

А над ними — Тасхыл
снежной шапкой своей
глухо темя накрыл
от палящих лучей...
За Тасхылом — Тасхылы —
взглядом всех не объять!
Величавая сила —
Енисею под стать!
И чем круче Саян
над рекою вздымался,
и чем гуще туман
по воде расстился,
тем безудержней сам
Енисей становился,
тем отчаянней бился,
громил, рушил, кромсал
и бульжной картечью
все преграды сметал,
и обломки от скал,
словно стадо овечек,
по дну с грохотом гнал!

В енисейских корчагах,
в тех уловах бездонных
скрыто много печальных
горьких судеб безмолвных...

И одна из таких
горьких судеб людских
приоткрылась немного
у Большого Порога,
позвала нас в дорогу,
чтоб последнюю дань
ей с печалью отдать...

Кто же он? Как погиб?
По вине ли своей?
Иль по злобе других?
Иль сгубил Енисей?

Пред Порогом Большим
мы на берег сошли.
Здесь стоит вечный рёв,
вечный стон катастроф,
здесь стоит вечный мрак,
здесь господствует страх...

Русло стиснуто втрое,
искорёжено камнем...
Енисей со скалою
спор ведёт здесь веками.
Два потока ложатся
друг на друга почти,
вверх готовы подняться,
как от плуга — пласты.
В центре — ниточный стрежень —
острие у ножа,
лишний в сторону шаг —
и все рухнут надежды...
Левый берег — стена
вверх на полкилометра,
справа — на валунах
то ль от горя, от ветра ль
покосилась часовня,
высится невесомо,
и давно крест на ней
высох и почернел...
В той часовенке бывшей,
над Порогом застывшей,

с незапамятных пор
всё служили молебны
смельчакам на потребу,
с Енисеем вступившим
в неприкаянный спор,
чтоб исход упредить,
к богу с жаром взывали
смельчаков пощадить...

Здесь же их отпевали...

Есть теперь у Порога
настоящий хозяин,
он — один из немногих,
кто его подчиняет.
Он — Рыбак и Охотник,
здесь избушку завёл...
Я заснял, как прошёл
он Порог тот Большой
на своей дерзкой лодке...
И часовню удалось
удержать в кадре мне —
уникальный момент
получился, пожалуй!
За Порогом причалил
залихватски и чётко
в устье горной речёнки,
их немало таких
на пути мы встречали,
её выделишь вряд ли
среди многих других,
между тем Казыр-су
(так зовут эту речку)
в своём роде — одна,

за порожной преградой
затерялась в лесу,
к Енисею дорогу
по Медвежьему Логу
проторила она...

Этот девственный край
для всей живности — рай.

Таймень, стерлядь, ленок
да ещё харюзок
испокон в енисейских
отчих водах ходили,
жировали, плодились
и курьерский поток,
и ревущий Порог
будоражили всплеском,
рыбьей удалью дерзкой.
И по виду, по нраву,
и на вкус — искони
назывались они
царской рыбой по праву.
Стало быть и цена
им, конечно, — красна.
И мережил рыбак
рыбьи заводи, устья...
Улыбнётся судьба —
ближе к фарту подпустит.
Самоловная снасть,
хоть и зла — прижилась,
нет орудья у нас
на стерлядку иного.
Так хитры самоловы —
зазевался чуток —

сам попал на крючок.
Но ни сети-мережи,
ни крючки-самоловы,
и ни хитрости здешних
рыбаков всех фартовых
с причиндалами всеми —
не смогли изгубить
рыбье царское племя,
выжить их из глубин,
из всех вод Енисея...
«Вихри» сделали это
и каскад плотин ГЭС
(одним словом — прогресс).
Вихрачи всё смелее,
всё назойливей рыщут
по речным закоулкам,
по угожьям заветным,
по таёжным затишьям —
всюду шастают гулко...
«Вихри» всё разбудили:
и реку, и тайгу,
им и дива — не диво,
не до див на бегу,
ведь расчёт их простой
и простая забота:
хапнуть сходу с налёта,
после них — хоть потоп...

В наши дни очень мало,
к сожаленью, осталось
на реке и окрест
не обгаженных мест,
куда б «Вихрь» не проник.
Казыр-су — среди них.

Этот харюзный рай
 уцелел невзначай.
 «Вихри» знают о рае —
 да Порог не пускает,
 к тому ж тут есть Хозяин.
 Кстати он и приметил
 труп в реке на рассвете...
 Принял он нас радушно
 в своей чистой избушке...

Хоть всё тело и ныло,
 я собрался уж было
 с инструментами к трупу —
 рассмешил опергруппу:
 «Не спеши — не уйдёт
 труп в тайгу — не медведь,
 сколько надо, пусть ждёт,
 надо совесть иметь...»

Поусердствовал слишком —
 невпапад как-то вышло...

Промах вмиг исправляю —
 спирт на стол выставляю,
 ведь естественно здесь
 в честь прибытия в лес
 и хозяину в честь
 нужно выпить, поесть...

Дело тут закипело,
 завертелось быстрей,
 уха вмиг подоспела,
 на столе ждал гостей
 харюзок малосольный —

и в таёжном приволье
 разгорелось застолье...

Казыр-су под ногами,
 как дитя, щебетала
 и доверчиво с нами
 поласкаться пыталась.
 А Порог так гремел —
 как оркестров всех медь,
 нет, он просто ревел,
 как в капкане медведь...

И нам было смешно,
 как сердился Порог,
 как ласкалась у ног
 Казыр-су — «харюзок».

Что Порог для нас значил?!
 Ведь мы — правящий класс,
 мы — закон, у нас — власть
 и оружие — впридачу!

Свой «Медведь»-карабин
 зарядил Страж Порядка
 и готов без оглядки
 косолапых всех бить.
 У Начальника — «Белка»,
 нижний ствол — нарезной,
 чек — убойный и меткий,
 калибр — двадцать восьмой.
 Преотличная штука
 для гусей и для уток.
 Разузнал он, что здесь
 озерко близко есть,

и уже не сиделось,
взял меня и — на дело.
Выбрал «тозовку» я,
(нет милее ружья!)
аккуратненько бьёт
без балды и без шума,
артистично своё
дело делает, умно.
Презаядлый рыбак
Прокурор — не иначе,
ублажая себя,
он остался рыбачить.
Казыр-су всю сетями
в устье загородил,
харюзок в них упрямый,
как в карман, угодил...

Мы с Начальником шли
по горам два часа,
вдруг воды полоса
заблестела вдали.
Вышли, как по наитью —
прямо на озерко,
с лихорадочной прытью
подбирались тайком.

В камышах жизнь кипела,
гоготала, плескалась...
Появилась в прицеле —
тишина вдруг настала...
Но дымилось ружьё,
и дыхание спёрло,
слышно было, как в горле
билось сердце моё.

И вот всплеск, и вот свист —
птица в небе зависла,
опираясь крылами,
но другой не дождавшись,
снова кинулась вниз.
Стало дурно от мысли:
это лебедь-шипун...

По воде — кровь и пух
расходились кругами.
Словно пёс настоящий,
я полез за добычей
(труд легавой обычный).
Сломал сук подлинней,
чтоб убитую птицу
захватить половчей,
не успел погрузиться,
как вторая — живая,
страшно клюв раскрывая,
на меня налетает.
Из-за вязкого дна
я не мог с ней сразиться,
палкой всё ж отогнал,
и Начальник вогнал
пулю в белую птицу...

Страж Порядка ни с чем
возвратился с охоты
и ещё горячей
принялся за работу:
взял другой уже план,
как медведя добыть —
он решил заманить
сперва зверя — в капкан...

На другой день мы с трупом
 провозились изрядно,
 было трудно и очень
 доставать из запруды
 труп, разбухший, как бочка,
 так он смрадом мутил,
 что на ум приходил
 только мат от досады...

А вокруг — красота:
 корней Марьиных пламя,
 у воды — краснотал
 и черёмушник пряный...
 Прелью пахнет в лесу
 и щекочет в носу,
 и несёт с буераков,
 с шараг, пойм, логов, падей
 тайной терпкой прохладой...
 Наверху стоят кедры,
 как степенные деды,
 в мхах, лишайниках сизых,
 как священники в ризах...
 Всё — пронизано гудом,
 духом полнится пьяным,
 на себе отовсюду
 чуешь глаз постоянно.
 Выдаёт себя первым,
 стрекотнув, бурундук,
 белка цыкнула нервно,
 взгромоздилась на сук
 с тошным окриком птица
 (это кукша наверно).
 На мгновенье застыли

на цветке Иван-чая
 стрекозиные крылья,
 один шаг, один жест —
 стрекозы нет уже,
 взглядом даже за ней
 невозможно угнаться,
 и качает печально
 головою кипрей...
 Жаль, нельзя раствориться
 здесь, в таёжной красе:
 недосуг нам глазеть —
 надо в трупе копаться...

Шест с верёвкой, багор —
 вся механика наша,
 наконец, из воды
 мы на берег втащили
 труп не труп — бочку гнили,
 и у каждого страшно
 клокотало в груди.
 Рядом с трупом костёр
 небольшой разложили...
 Пауты, мошкара
 и весь гнус поднебесный
 от реки и от леса
 к нам слетались с утра.
 Лишь в дыму чабреца
 довели до конца
 все формальности мы.
 Документов при трупе
 никаких не нашли,
 из ведра труп обмыв,
 всё, как надо, засняли,
 тем не менее трудно

хоть кому разрешить
с опознанием вопрос.
Всё же не обошлось
даже здесь без улик:
в межреберьях застряли
две уды с поводками,
остальная же снасть,
в том числе и хребтина
может быть, порвалась
иль запуталась в камнях...
Вывод ясен почти нам:
загубил, видно, жизнь
сам своим самолетом.
Впрочем, мог ведь и после
труп крючки подцепить...

Сколько звеньев в цепи,
столько знаков вопросов,
малых, жирных, больших...

Вместе с трупом и их
навсегда схоронили
в неглубокой могиле,
крест воткнуть не забыли...

Тут как тут — стрекоза,
на кресте примостилась.
Неужели постыла
ей живая краса?
Чтобы это могло
означать, я не знал сам,
что её привлекло?
Ей цветов разве мало?
Может, просто устала...

Стрекозиным крылом
крест и холм содрогался...

В эту ночь мы проснулись
от ужасного рёва
(от Порога Большого
не слышали такого!).
Раздирающий рёв
холодил в венах кровь.
Мы спросонок все дружно
похватались за ружья,
из избушки гуськом
вышли с ружьями бойко —
рёв стоял далеко
где-то выше Порога...

Вдруг Охотник сказал:
«К нам пожаловал Сам,
да в капкане — не сладко!»
От восторга плясать
дико стал Страж Порядка.

А когда на рассвете
заалела заря,
из «Медведя» в медведя
он всадил весь заряд...

Кончен бал и все враз
как-то вдруг заспешили
(может быть, убоясь,
чтоб добыча не сгнила).
На душе у меня
было скверно, пожалуй,
и Охотника я

ублажал, сколько мог
пройти вместе Порог,
мне заснять не мешало б
крупным планом его...

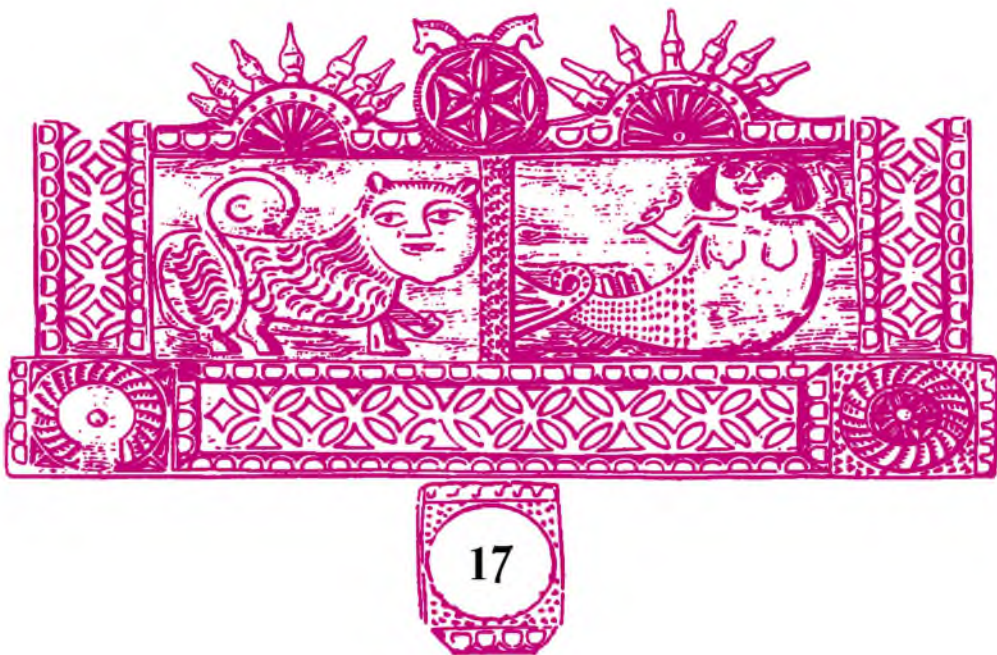
Каково торжество!
Вызов сделан Порогу —
и прошёл я! Ей-богу!!

Но запомнил меня
навсегда Енисей

среди этих людей...
Это позже понять
смог я в жизни своей.

Вот такие дела...
Всё ль сказал тебя я?
Хочешь знать ты, была ль
там хозяйка-судья?

Да, конечно, была...

Глава семнадцатая

Главное в эффективности слова –
честность, дети тонко чувствуют
правду, ещё тоньше – лицемерие.
(Сухомлинский)

17.

Я душой понимала,
ты не низок, не прост,
про тебя же плелось
грязных сплетен немало,
и во мне вызывали
они ярую злость...

Всё ж надежд не теряла,
знала я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет,
ни красотка-жена,
ни корова-хозяйка,
пускай я не нужна,
всё равно тебя жалко.
Видно было, конечно,
что тебе стало легче,
и тебя уж в больнице
перестали травить.
Ты был прав, может быть,
так могла ли я злиться?

А тут вышла беда...
Из детсада сынишку
в первый класс проводили,
форму, книжки купили —
оказался вдруг лишним.
В детском садике кончил
подготовку к учёбе,
целый год знали точно,
что стоит на учёте

в первом «А», и не раз
с педагогом встречались,
и она обучала
педагогике нас:
детям как помогать,
проверять как тетрадки
и как искоренять
у детей недостатки.

Не могла я понять
слово «искоренять».
Чем же сын виноват,
что на нас он похожий,
от макушки до пят —
весь для нас прехорош он.
Я сомненьями с мужем
поделилась, а он:
«Я не шибко умён,
чтоб премудрость одюжить,
но ума ещё меньше
у тебя, коль до слёз
принимаешь всерьёз
всё, что люди набрешут»

В День учителя в школе
состоялся концерт,
сын мой вышел в конце
в ученической роли
и стихи прочитал
об учителе мудром
(повторял их всё утро —
и строчил, как с листа!).
Выступал тогда он

как уже первоклассник,
и вот вдруг — исключён
он из списка, к несчастью.
(Я узнала потом,
что Начальника сына
взяли вместо него.)
Педагога спросила,
но она мне в ответ:
«В списках нет, значит нет
и семи полных лет!
Переполненный класс,
лишних мест нет у нас!»

Почему, отчего
стал ребёнок мой лишним?
Нехватает всего
дней лишь десять мальчишке!
Вы же знаете сами
и знакомились с нами,
после стольких стараний,
после всех ожиданий
объяснить как ему,
что его не возьмут?!
Если б видели вы,
как он ждал этот день,
как он к мысли привык,
что уже — ученик,
всем сказал уж везде...
Сам проснулся и встал,
ранец свой перебрал,
всё ль, что нужно, на месте,
к сожаленью, нехватки
дней своих до десятка
он, как все, не заметил.

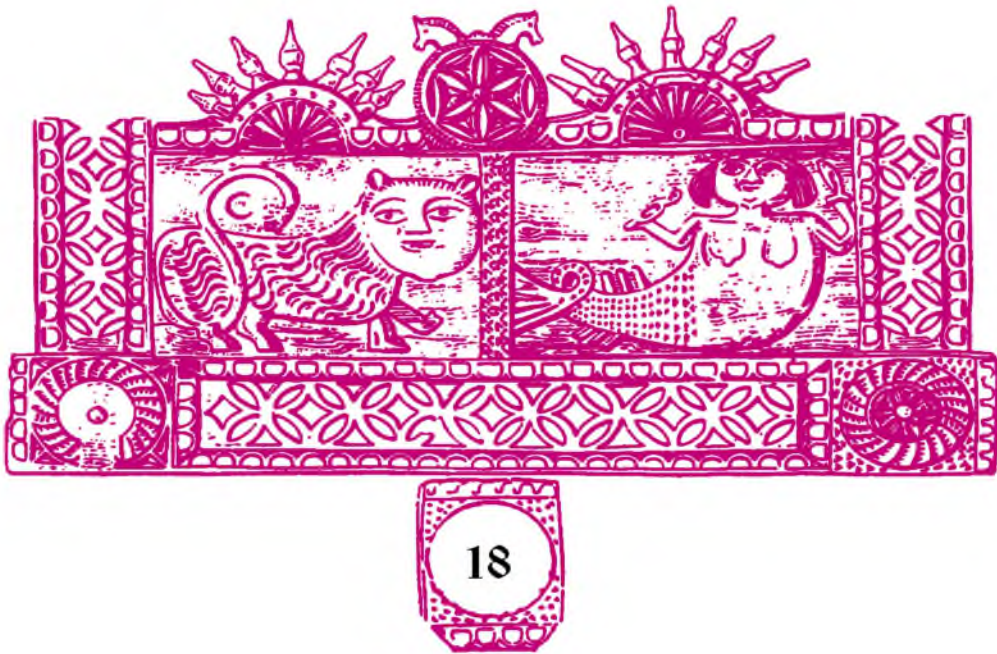
Не повздорил ни разу,
в школу шёл, как на праздник!
И за руку не взялся:
себе взрослым казался...
Он с друзьями с детсада
на линейке стоял
и с учителя взгляда
ни на миг не спускал.
Вот поздравил Директор
всех с торжественным днём,
его речью согреты
оглашения ждём
окончательных списков...
Но фамилии близко
нашей нет в них уже.
Есть у всех малышей —
нашей только и нет!
Мой глазёнками водит,
силясь что-то понять,
молча молит меня
и учителя молит...
Объясняю с улыбкой
сыну: вышла ошибка,
а сама я боюсь,
что быстрее разревусь,
у самой сердце ploжет.
Может, завуч поможет?
Ей толкую несмело,
объясните, в чём дело,
что не приняли нас?
Вся надежда — на Вас.
«Ничего я не знаю —
списки не составляю.

В списках нет — значит нет
и семи полных лет!
Переполненный класс,
лишних мест нет у нас!»
Я — к Директору, он
не хотел даже слушать,
мол советский закон
соблюдать нам всем нужно.
В списках нет — значит нет
и семи полных лет...

Сын приходит домой,
швырнул ранец долой,
не покушав, сбежал.

Жалко так малыша —
наревелась я вволю...
Ни в детсаде, ни в школе —
целый год! Куда деть?
Лишь рукой махнул муж,
нам ли с кем-то тягаться?
Не до жиру тут уж,
лишь бы живу остаться.

И к тебе я пришла,
и защиту нашла.
Через день отвела
сына в класс, в первый «А».

Глава восемнадцатая

«Всё в Риме ужасно, всё вывернуто наизнанку...И это тем более опасно и пагубно, что город Рим избрали столицей церкви и воздвигли в нём того бесстыжого идола — папу, — коему разрешается всё без изъятия...»

(Гуттен)

18.
Сердце, может, и слепо,
только с сердцем не спорят:
если радость — как небо,
если горе — как море...

Когда ты вдруг пришла
со своею обидой,
лишь тебя я увидел,
понял: плохи дела...
Почему-то подумал,
видно, кто-нибудь умер.
Но когда я услышал,
что не взяли сынишку
в первый класс, то едва
удержался от смеха
(надо ж, так горевать!).
Но беда — не потеха,
сердце сжалось от боли,
с твоей просьбой пустился
в тот же вечер к начальству,
тот с директором школы
в тот же час созвонился,
и вопрос твой, на счастье,
в ту ж минуту решился...
Власть, знакомство и блат
вершат быстро дела...

Всех людей разделила
ты на добрых и злых,
на красивых — дурных,
на здоровых — больных,
но не так всегда было...

Вот — всеобщая мерка:
большинство — меньшинство.
Меньшинство — всегда сверху
стережёт олимп свой.
Кто внизу — всем, кто выше
угождай, улыбайся,
тогда люрикс престижа
жизнь лакея украсит...
И сомнения червь
жизнь лакея не сглохнет,
она станет теперь
и сытней и надёжней.

Мест всегда за столом
нехватало для всех,
вот откуда всё зло,
вот откуда весь грех!

Стол людей собирает —
стол людей разделяет!

И в домах, и в дворцах
живут тени незримо
пресловутого Рима...

Вот застолье Лукулла,
ему нет и конца:
реки вин, горы блюд,
гости шумно ликуют,
и девчонки танцуют
среди острых ножей...
А когда кто-нибудь
есть не сможет уже —
сам себя выручает:

очищает желудок —
есть садится сначала,
и рабы подают,
а рабы подают
ему новые блюда...

Чем роскошней пиры,
тем разнузданней Рим,
тем сильнее у рабов
гневом полнится кровь!
И на тайных вечерах,
скромных трапезах люд
стал выковывать веру
и Спасения Путь...

И пришёл к ним Христос —
знамя Веры вознёс...

Миллиард — в христианстве,
его путь — перед нами,
весь отмечен крестами,
а затем и кострами...
От кумранских общин
и от трапез убогих —
до всевластья вершин
и лукулловских оргий,
от смиренья — до чванства,
от убогого братства —
до великого папства.
Вокруг папы — легаты,
возле них — куртизаны,
магистрат, сикофанты —
челядь папская рьяно

папский культ воспевают,
власть его охраняет
(заодно — свою шкуру)
и взамен получает
от него — синекуру.

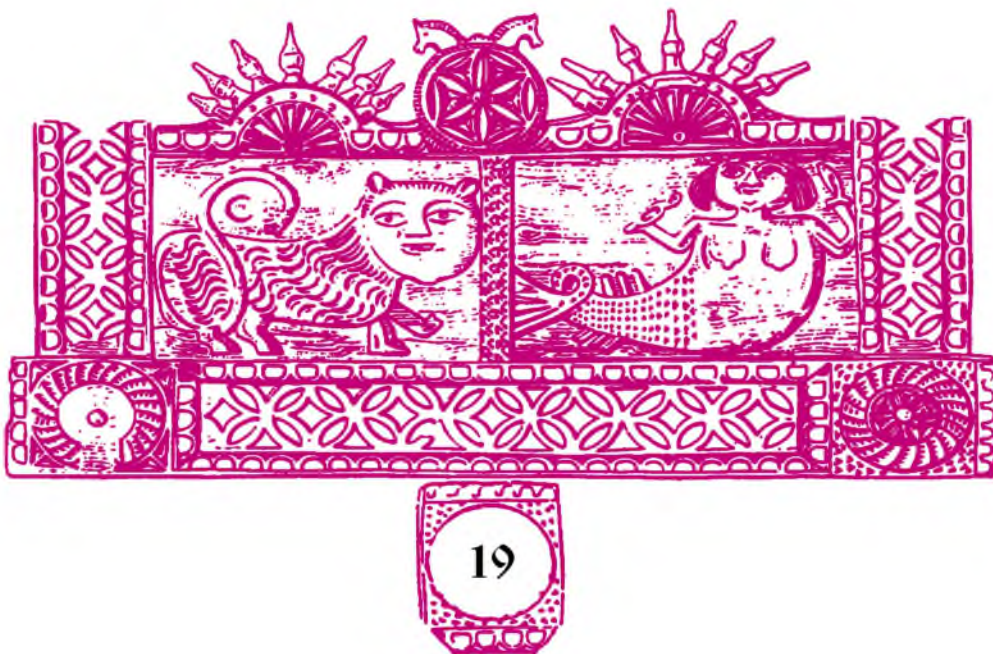
Церковь правит повсюду,
церковь всех и вся судит,
всё разумное давит...
В руках церкви — вся жизнь,
на неё — нет управы:
папа — непогрешим,
папа — ум, папа — честь,
папа — свет, папа — сила,
если ты выше папы,
поскорее — согнись,
коль умнее — заткнись,
а сильнее — сожмись,
а иначе — страшись
инквизиторской лапы!
Заклеймит конформизм
тебя власти в угоду,
соответственно моде
будешь ты «еретик»,
«диссидент», «враг народа»!
Сколько их на цепях
в подземельях истлело!
У скольких рвалось тело
в освящённых клещах?!
Сколько их на кострах —
невиновных! — сгорело?
Сколько же интересно?
Миллион или десять?

Если б каждый из этих,
обречённых на смерть,
одного б хоть посмел
палача предать смерти,
то за сотню бы лет
при подобной расплате
уж не быть на земле
ни религий, ни партий.

Жизнь — за жизнь,
смерть — за смерть!

Помышлял об убийстве
и содеять посмел —
плати собственной жизнью!
Если б этот закон
на Земле был введён,
сколько б подлых правительств
было б в землю зарыто
или выслано б на хрен
поскорей из страны!

Пусть на каждого шаха
будет свой Хомейни!

Глава девятнадцатая

Верь в великую силу любви!
Свято верь в её крест побеждающий,
в её свет, лучезарно спасающий,
мир, погязший в грязи и крови...
Верь в великую силу любви!

(Надсон)

19.

Когда сына от двери
отшвырнули ногой,
не могла я поверить,
что так можно со мной
обойтись, ведь врагов
я почти и не знала,
людям зла не желала,
чем могла, помогала,
даже кровь отдавала —
не могла быть другой...

Значит, прав ты, о людях
лишь по должности судят,
и моя доброта
принималась — как дань...

Но в тебе не ошиблась
и поддержку нашла,
любовь столько тепла
в жизнь мою привносила,
что не долго, не шибко
обижаться могла...

В Ленинград собираясь,
передал ты записку.
В кулачке её стиснув,
всё раскрыть не решалась,
походила сначала,
от нахлынувших чувств,
успокоилась чуть
и тайком прочитала.
Сообщал, что на месяц

уезжаешь, и если
нужно что-то купить,
то просил сообщить,
дома будешь ты в десять...
Значит надо идти
мне к хозяйке-судье,
ты ведь жил тогда с ней...
Не могу — хоть убей!
Но раз ты пригласил,
может, будешь один...
Если всё же сходить,
чтоб тебя попросить
купить белые туфли,
здесь такие найду ли...
И чего мне — судья?
С ней детей — не крестить!
Неужели же я,
побоявшись кого-то,
не решусь по делам
на минутку зайти?!

Отпросилась с работы,
приделалась, пошла.

Вот и дверь... Только дверь
между нами теперь...
Чует сердце — должно
всё сегодня решится,
и всё громче стучится...

Преодо мною — звонок.
Я приблизилась робко,
и сама не своя

нажимаю на кнопку,
открывает — судья...
Стоит в шлёпанцах рваных
и в переднике грязном,
с лицом бледным, помятым,
не причёсана явно...
А я чувствую в теле
и упругость, и жар,
куда делась несмелость,
стало легче дышать...
Обменялись мы обе
быстрым взглядом опять,
и я требую, чтобы
пригласила тебя.

И потопала молча
за тобою она...

Появился ты тотчас
в трико, в майке помятой
и чуть-чуть виноватый,
ещё тёплый от сна.
И таким ты домашним
показался, родимым,
появилась интимность
в отношениях наших.
В свою комнату ты
проводил меня быстро...

Были тут и цветы,
было в общем-то чисто,
но виднелись стежки
на подрубленных шторах,
в полосатых разводах

были все потолки,
и была уже майка
на тебе не свежа...
Мне тебя стало жаль,
если бы не хозяйка,
я б могла постирать
твою майку тотчас.
Отчего же с утра
она не на работе,
почему не уходит, —
рассуждала я, злясь...

Объяснил, зачем едешь,
расспросил, что купить —
деловая беседа
вилась тонко, как нить.
Записал размер туфель,
деньги нехотя взял,
и немного подумав,
улыбнувшись, сказал:
«Чтобы туфельки впору
для тебя подыскать,
я обшарю весь город...
Только как угадать?
Твои ножки ведь я
не видал никогда...
Мне на них бы... взглянуть,
ну, хотя б — на одну...
Где же ножка твоя?»

«Вот она, — я сказала,
ножку чуть показала.

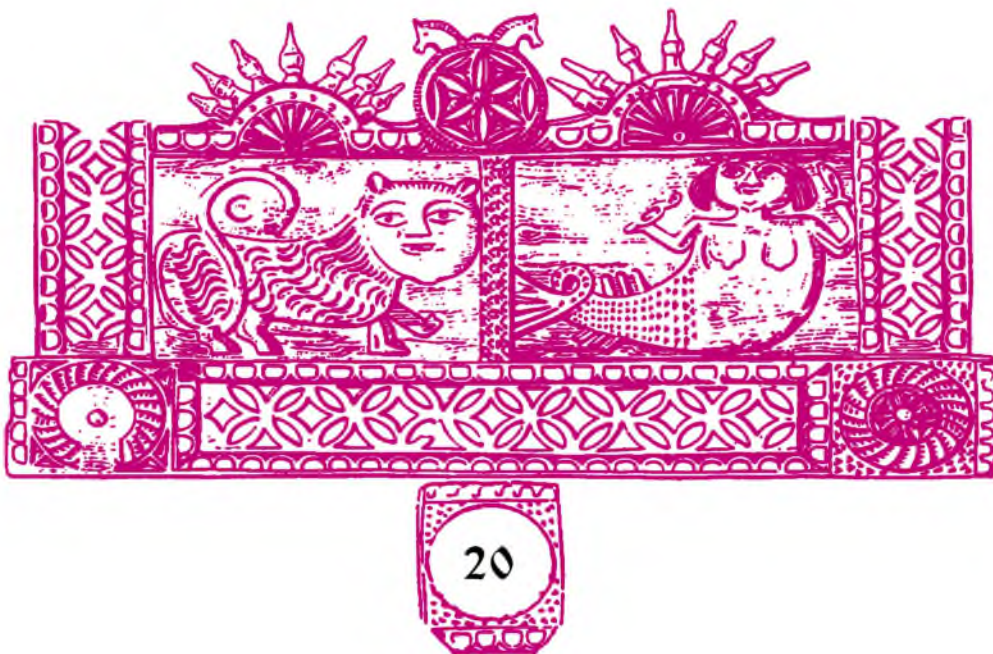
Ты, коснувшись едва,
её четвертью смерил,
оглянувшись на двери,
нежно стал целовать.
«Ну, зачем так?» — сказала,
я почти со слезами.

А ты стал объяснять,
что красивее ножки
встретить вряд ли возможно,
что размер — «тридцать пять»
стал сказаньем библейским,
что сравнить меня не с кем,
ведь француженки носят
нынче тридцать восьмой,
немки — сороковой,
уж не девы — колоссы,
уж не ноги — колонны,
от Москвы до Парижа
топот явственно слышен,
топчут землю, как танки,
с детских лет аксельрантки,
на платформе — их обувь,
их утроба — как торба,
жадно жаждает пищи,
по прилавкам глазищи
рысью яростно рыщут,
всё хватают ручищи
и толкают в ротище,
ненасытный, как омут...
Потом стонут, как свиньи,
и под ними всё стонет,
стонут все вместе с ними...
«Гомо сапиенс» — люди

называют свой род,
может быть, всё же будет
и «разумным» народ,
но сегодня живущий
можно звать лишь «жующий».
Говорил ты сердито,
а потом вдруг умолк,
не могла взять я в толк,
понимала едва,
кого этим судил ты,
но была я готова
у тебя до утра
просидеть, но ты снова
нежно поцеловав,
прошептал мне: пора.
Тебе туфли куплю,
но не белые, нет,
так как я белый цвет
на ноге не люблю...

Проводил до дверей
ты меня поскорей,
а хозяйка гремела
зло кастрюлей на кухне...

Моё тело всё млело
от заботы твоей,
сердце сладостно пело:
«Милый купит мне туфли!»
уходила и знала,
что ты к женщине той
до отъезда, пожалуй,
не коснёшься рукой.

Глава двадцатая

«Человек не птица, крылья не имать. Аще же представит себе аки крылья деревянны противу естества творит то не божье дело, а от нечистой силы. За сие содружество с нечистою силою отрубить выдумщику голову, тело окаянного пса смердящего бросить свиньям на съедение. А выдумку, аки дьявольской помощью снаряженную... огнем сжечь»
(Иван Грозный)

«Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции, которые будут жить так, как мы им прикажем»
(Ленин)

20.

Так бывает порой
человеку тревожно,
что почти невозможно
в стенах сладить с собой,
и тогда он стремится
воскрылиться, как птица...

Древних предков ли зов
в путь его поднимает?
У меня так бывает
часто перед грозой.
Пути дальние с детства
полюбил навсегда,
был бродяжничий дар
мне оставлен в наследство.

Больше года прошло,
как приехал в село,
знаменитое ныне,
и конечно законным
был вояж на Неву,
чтоб познать мир огромный
не из книг — наяву.
В бывший Санкт-Петербург
в глубь времён был мой путь.

Город новых традиций,
город громких имён,
никому не забыться,
что испытывал он.
Отплывая всё дальше
в глубь времён, видел я —
шёл в блокадных боях

второй год войны страшной:
в сутки тысяч по десять
умирало зимой,
но с врагом вели бой
и не сдвинулись с места!

И тверды не гранитом —
тверды скорбью земной
пискарёвские плиты
с цифрой «сорок второй».
Не найти испытаний,
столь же скорбных, печальных.
Путь всё дальше в былое,
что увижу, не скрою.
Город, славный из славных,
как ты был обезглавлен?
Киров подло убит,
уничтожен обком...
Почему шопотком
всяк о том говорит?
Не вернулось со съезда
рокового тогда,
испарясь без следа,
большинство, кроме тех,
кто расправу творил,
кто взял на душу грех.
Из всей тысячи той
не пустых, не остывших
тридцать два только места
оставалось всего.
Так под чьими задами
сохранились места?
(Уцелеть им недаром
удалось, неспроста!)

Сколько их, казнь творивших,
было там, обагривших
свои руки в крови?
Кто-нибудь, назови
волчьих их имена.
Им зачтётся вина.

Сотни лет Петербург
утверждал свое имя,
не страшась грозных бурь,
шёл путями своими.
При Петре — была крепость,
а потом — и тюрьма,
ум и совесть России
в ней надёжно хранились;
как царям всем хотелось
ум под зад свой подмять...

Под романовским гнётом
с крепостною уздой
русич в вечных заботах,
в непосильных работах
жребий нёс роковой.
Таким образом долго
вёл селекцию царь,
выживали в дворцах
лишь коварство и подлость
да немая покорность,
да бесстыжая лесть...

Царь трудился не зря,
в крови нашей бесспорно
до сих пор что-то есть

от раба, от царя.
А главное того,
что в элитной среде
до недавних времён
лишь четыре процента
было русских всего.
Не найти прецедента,
чтоб великий народ
среди прочих людей
где-нибудь на планете
имел чуждых господ,
вечно был устранён
от решения проблем,
судьбоносных дилемм.
Потому-то господским
был не русский язык,
как когда-то — французский,
и как ныне — английский;
не мог русский мужик
быть хозяином в русской
уникальной стране,
с миром жить наравне
и не знать понуканий,
поучений, насмешек;
их он слышал веками,
слышит их и поныне,
будто он — вечный грешник.

Да, красив несомненно
гордый город Петра,
но как раньше Евгений
посмел статуе вызов

в возмущеньи послать,
я готов повторять
то же снова и снова,
но не из-за каприза —
Петр — виновник утрат
нашей русскости древней,
он свой город суровый
заложил здесь не зря —
чтоб на русской земле
насаждать всё чужое,
для Руси от царя
нет деянья подлей.

Чем сам город теперь
виноват предо мной?
Нёс он столько потерь,
что не веришь порой.

Я бродил по проспектам,
по музеям-дворцам,
вдохновенно воспетым
и опять без конца
воспеваемым кем-то.
Хотя мне — наказанье
от толпы, от машин,
должен был помотаться
в круговерти торговли,
ценами ужасаться
в бутиковой тиши,
чтоб сдержатъ обещанье
и французские туфли
помоднее достать.
Ну, а главной заботой
было встретить кого-то,

чтоб побольше узнать,
по ночам полистать
книг, журналов страницы.
Мудрено ли забыться —
чуть глаза призакроешь,
и встают пред тобою
всем знакомые лица.
Тени ль гениев пали,
прочертив резко путь,
мы идём их стопами,
не пытаюсь свернуть...
Вот свою Натали
кто-то вновь ублажает,
та ж на бал вновь пылит,
на балу и рожает.
Кто-то вновь Натали
всё пышней наряжает,
а её то и дело
кобели окружают.
И вот лавой вскипает
в сердце буйная кровь —
выгорает любовь,
стынет брненное тело...
Снова кто-то Марию,
(богом данные крылья!)
ради денег, чинов
от себя отрывает
и в огонь их бросает
(сквозь толпу лезть мешают!)
Без любовных оков
свою цель достигает
и на пепле, подлец,
пышный строит дворец...

Человечья крылатость
проржавела от лжи,
зудят в уши ханжи,
в том цари виноваты.
Ими сгублено было
много русских затей.
Ещё помнят, как встарь
смерд Никитка взлетел
на содеянных крыльях.
Христианский наш царь
Иван Грозный со свитой
зрил на смерда Никиту,
и когда, приземлившись,
тот на ноги смог встать,
царь Иван разозлился:
«Нам летать не годится,
человек бо — не птица,
крыл ему не имать.
Сию дьявольску штуку
сечь огнём, а Никитку
аки пса обезглавить,
бросить свиньям в корыто
и следов не оставить —
буде смердам наука!»
От царя куда деться?
(То же деется ныне.)
И никиткино сердце
жадно счавкали свиньи...

Нет случайностей в мире
ни во зле, ни в добре,
коль народ от кумиров
отказался своих —

получает чужих
и богов, и царей!

Всё ж судить не могу,
обвиняя славян,
не способных хранить
честь и веру свою,
не сумевших в бою
предпочесть умереть,
но не сдаться врагу.
Осуждать предков всех
в малодушии — грех.
Пришли к церкви славяне
не по воле своей,
ведь из них перебита
была лучшая треть,
но сие злодеянье
почти всеми забыто.
Мир славянский простил,
как Владимир крестил
непокорную Русь,
как сжигал он волхвов
и писания их,
как крушил он богов
вместе с храмами их,
на кострах, на костях
насаждая Христа.

Так на русской земле
вместо солнечных свастик
в схоластической мгле
зачернели кресты,
так палач всей Руси
стал славянским святым.

Разумеется, в святцы
 палачей имена
 заносились не тотчас,
 но за тысячу лет
 и злодейств, и геройств
 затеряется след:
 кто-то что-то припишет,
 перепишет не так,
 кто-то истину скроет,
 кто-то нагло соврёт,
 и глядишь, превратятся
 в черноту — белизна,
 в благодетеля — враг,
 станет русским — варяг,
 церковь станет — святою,
 а романовский род
 станет русской судьбою.
 Через церковь напасть
 от кобыльего рода
 душегубов порода
 навалилась на нас.
 Алексея царя,
 хоть он звался Тишайшим,
 забывать не резон,
 ведь «прославил» свой род
 крепостничеством он.
 Стенька Разин не зря
 смог поднять весь народ
 против подлых господ.
 Пётр пошёл весь в отца,
 хоть тишайшим и не был,
 из мальчика-удальца
 реформатором стал,
 но радел не о хлебе,

чтоб голодных кормить,
 он в Европу окно,
 напрягаясь, рубил
 и дворцы заодно
 на костях возводил.
 В разорительных войнах,
 в подавляемых бунтах
 царь четвёртую часть
 населения сгубил.
 Не за это ль Петра
 величают Великим?
 Иль за то, что он с шиком
 обеспечил в России
 лож масонских засилье?
 Катерининский век
 «Просвещённым» прозвали,
 оттого ли, что блуд
 стал всеобщим в стране?
 Ведь и правда при ней
 блядства не было горше,
 оттого гнёт монарший
 тяжелей был вдвойне.
 В блядоблудстве Великом
 императрица-немка
 просвещённой слыла,
 и в толпе многоликой
 ухажёров-мужчин
 ненасытной была.
 Путь во власть и к богатству
 был один — через блядство.
 И опять на Руси
 взбунтовался народ,
 терпеть не было сил
 непотребство и гнёт.

Бунт — цена «просвещения»,
Бунтари — отраженье
самодурства господ.
Стенька Разин, Булавин,
Емельян Пугачёв
приходили не зря,
не случайно, не вдруг,
каждый шёл на царя,
не жалел ни о чём
и не думал о славе.
На Руси бунтарей
было больше царей.
Не скажу, что впервые
я в поездке узнал
имена роковые.
Но чуть ракурс сменился,
новый смысл вдруг открылся,
час сомнений настал.
Когда ночью не спится
одинок в тиши,
всех царей вереница
предо мной мельтешит,
все — нерусские лица,
все — нерусской души.
И совсем не боюсь я,
что открою секрет —
больше тысячи лет
чужаки правят Русью.

Как унять грусть свою?
Хоть во сне бы забыться,
встретить там Гамаюн,
вездесущую птицу,

лишь она только сможет
правду всю рассказать
об истории русской,
о Словене и Русе,
города основавших
тысяч пять лет назад
и державу создавших
от седого Поморья
вплоть до устья Оби
и до Чёрного моря.
Разве можно забыть,
что держава славян
была первой в Европе,
что славяне смогли
и межи сохранить
своей отчей земли,
и в далёких походах
среди множества стран
среди многих народов
свою власть утвердить,
а с ней — знания, опыт
и письмо, и ремёсла.
Русы тысячи лет
просвещали весь свет.
Слава русичей — костью
в еврозападном горле,
в нём — дыхание спёрло
от досады и злости.
Лишь за чтение «Сказанья
о Словене и Русе»
«благодетели» русских
из кобыльего рода
и кололи глаза им,
и язык вырезали!

Больше тысячи лет
идёт травля славян,
стал изгоем в России
кровнорусский Иван.

Сколько ж можно терпеть
царский гнёт вековой,
свой позор роковой;
сколько можно бояться
наказаний Христа?
Час давно уж настал
захотеть и посметь
с чуждым богом расстаться
и вернуться к родным
древнерусским богам,
к родокровным вождям,
верным быть им одним,
им одним поклоняться!

Есть немало религий,
но один лишь ведизм
означал жизнезнание.
По «Велесовой книге»
становленье славян
продолжалось «две тьмы»^{*}.
Был у всех северян,
проживающих жизнь
среди долгой зимы,
свой особенный шик,
склад ума, строй души;
поклонялися яро

^{*} «Две тьмы» — 20 тысяч лет

Солнцу, Небу, Огню,
Зорям, каждому Дню,
оттого-то славяне
слыли как огнищане,
и была изначальной
у них связь с Заполярьем,
где был истинный Рай;
и отнюдь не случайно
у народов всех стран
сохранились навеки
знанья северных тайн:
как молочные реки
безмятежно струились
в берегах-киселях,
и как дети резвились
во дворцах-хрусталах,
и как Солнце вставало
лишь раз в год, а не — в сутки
(у людей год по сути
равен дню у богов).
В Заполярье немало
было прочих чудес:
Алатырь — гора-камень,
с водой чистой криница,
чудо-яблони, груши,
мощный Дуб — до небес,
по которому в Вырий,
то есть в истинный Рай,
с земли можно подняться
и богам всем и душам.
Охраняли веками
Райский Сад чудо-птицы:
Алконост, Финист, Сирин.
Этот сказочный край

Беловодием звался,
всем он вечным казался,
но однажды для Рая
приключилась беда...
Надо ж было случится —
с метеором столкнувшись,
вся Земля содрогнулась,
и волною накрывшись,
жизнь на ней захлебнулась.
Навсегда Райский Сад
поглотила вода,
всё сильнее холодало,
льдом все воды сковало,
не вернуть Рай назад.
И славяне, страдая
от морозов и вьюг,
потянулись на юг
косяком птичьей стаи.
Крит смогли обустроить
и великую Трою,
и богов грекам дали,
и гекзаметров строй.
Куда только порой
их судьба не кидала,
где б они ни бывали,
куда б только ни шли,
о потерянном Рае,
о родном, отчем крае
грусть унять не могли.
На чужой стороне
в песнях грусть изливали,
струны душ задевали
и страдали вдвойне.
В чужедальнем краю

разделить горе не с кем,
может лишь Гамаюн,
вездесущая птица,
в чутких снах появиться,
весть пробаять свою
о великом народе,
о святом Беловоде,
тайне отчей земли,
где молочные реки
безмятежно текли
в берегах-киселях,
и где пращуры жили
во дворцах-хрусталих
и Дажьбогу молились.
А еще Гамаюн
напеть песни могла
о героических делах
воев-русичей ярых,
прославлявших в бою
свой народ в должной мере,
о пророках-волхвах,
сохранивших недаром
древнерусскую веру.
Самый славный герой —
Александр Македонский,
самый славный пророк —
мудрый Бус Белояр...
Было всё у славян:
и свой Рай, и держава,
и всемирная слава,
песни, эпос героический,
власть волхвов и бояр,
и свой Праведный путь;
кто ж о том ведать мог,

что придётся славянам
 с Пути Прави свернуть,
 что у них чуждый бог
 Вседержителем станет,
 что в России самой
 кровнорусский Иван
 не хозяин — изгой.
 Больше тысячи лет
 чужаки правят Русью,
 принося много бед.
 Разве может быть строй
 и порядок такой
 не кровавым, не гнусным,
 не слугой сатаны?
 Не запомнить всех бед,
 не измерить их чем-то.
 Сколько ж можно терпеть?
 При крещении — треть
 уничтожено русских,
 при Петре — одна четверть
 населенья страны.
 План масонский стал круче,
 его Ленин озвучил:
 «К девяноста процентов
 геноцид довести».
 О таком прецеденте
 всем известно давно —
 с открыванья Америк.
 Там индейцев сгубив,
 овладели страной
 с минимальной потерей.
 Нет людей — нет проблем,
 это ведомо всем.

Если в первое время
 своего становленья
 Петербург слыл окном
 из России в Европу.
 (Высший свет стал завязато
 сквозь оконце глядеть,
 по-французски гундеть.)
 То уж в веке двадцатом
 стал двором проходным
 из Европы в Россию,
 куда ринулся скопом
 сброд еврейских кровей:
 социал-сионисты
 и сионо-бундисты —
 одним словом, бомбисты,
 палачи всех мастей,
 возжелавшие кровью
 всю Россию залить,
 только так подчинить
 можно русичей снова.
 Вот — и новый Владимир
 со словами благими,
 и картавинка вновь,
 снова — пламя и кровь.
 Большевицкая каста,
 разделивши народ
 на своих, то бишь красных,
 и на белых господ,
 чтоб дорваться до власти,
 лбами стравливать стала
 во вселенской грызне
 и в резне небывалой

всех «хороших» с «плохими»
в общей отчей стране,
жаром войн опалённой.
И опять все славяне
слепо, словно бараны,
в скотобойне сошлись,
вновь — на смерть, не на жизнь,

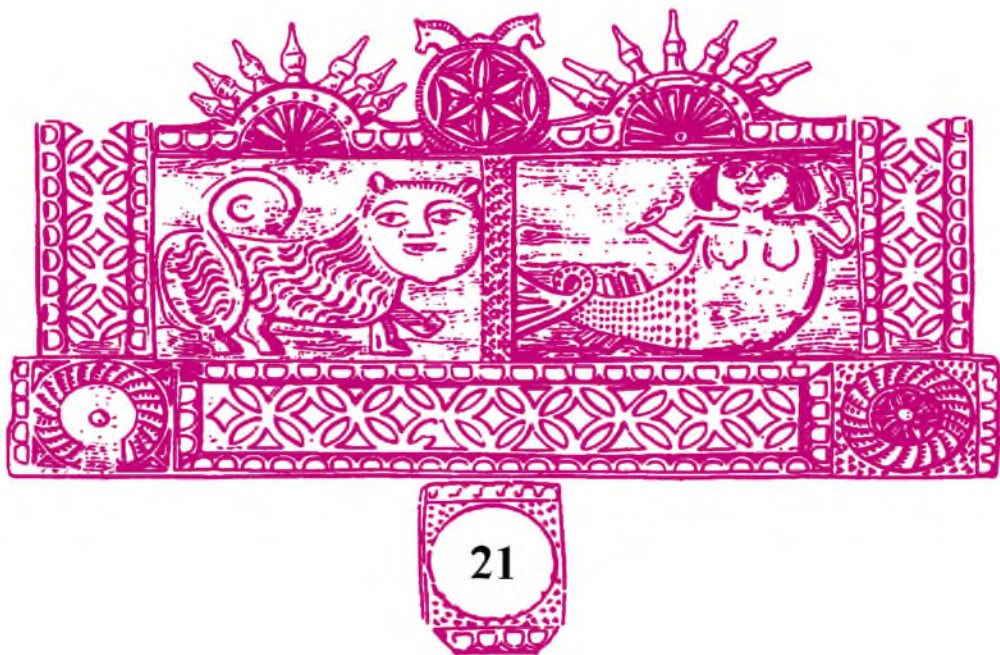
Пятьдесят миллионов
стали жертвой картавых,
не за честь, не за славу,
не за цельность земли —
за масонскую власть
в свою землю легли.

Хоть от партии бог
мою честь уберёт,
хоть расстался уже
с комсомолом давно,
но марксизм — как идея
коммунизма — в душе
всё ещё был в законе.
Каково же узнать,
что марксизм-ленинизм —
лишь масонства синоним?!
Тут и впрямь — не до сна
от вранья иудеев,
свой былой оптимизм
сохранить мудрено...

Заглянуть во вчера,
в позапрошлые годы —
не пустая игра,
получается вроде

намеренья пройти
через минное поле,
под угрозой — вся жизнь,
захандришь поневоле.
От сомнений и дум,
невзначай на беду
захлестнувших меня,
становилось в душе
горше день ото дня.

Продолжался семь дней
мой вояж вглубь времён,
показался же мне
почти вечностью он.
Каждый хлопотный час
посчитать можно за три;
память искренних встреч,
аргументы и факты
сохранить можно как-то...
Как себя уберечь?
Как сегодня идти
мне из прошлого в завтра?
В голове и в ногах,
и во всём брэнном теле
всё уныло гудело
хуже, чем в проводах.
На обратном пути
надо б выпить немного,
ресторан приютил
на железной дороге.
Приземлился надолго
я, не чувствуя ног,
с них способен был только
отряхнуть прах дорог...

Глава двадцать первая

Бояться горя — счастья не видеть.
(Гёте)

21.
Как мне грустно порою
вспоминать о былом:
в душу грусть намело
не сдуваемым слоём...

Неспособен мужчина
видеть женщину так,
чтобы мог навсегда
жить с ней жизнью единой.

Когда звал ты меня
в час заветный прийти,
мог ли чувствовать ты
то же, так же, как я?!
Когда я, не дыша,
перед дверью стояла,
постучаться страхась,
вряд ли помнил в тот час
под чужим одеялом,
что меня приглашал...

Но спасибо хотя бы
от души — и за то,
что ни разу меня
ни тогда, ни потом,
среди ночи, среди дня
не унижил за слабость.
В сердце не было зла,
оттого не могла
от тебя отвязаться,
ты же мог разобраться б
при желаньи и раньше
в отношениях наших.
Ко всему — тебе дело:

к судьбам стран, городов,
ради них ты готов
на рожон идти смело,
но моя лишь судьба
не смущала тебя.
Говорил о поездке,
не жалел умных слов,
в том рассказе лишь места
для меня не нашлось.
А кто может горою
за тебя постоять,
кто от зноя укроет,
кто согреет зимою,
твой царь Пётр или я?!

Уезжал ты, и грустно
я смотрела вослед,
без тебя сразу пусто
стало в нашем селе.
Вскоре я захандрила
не на шутку — всерьёз,
сердце ныло до слёз,
даже тело всё ныло.
Я — к врачу одному,
на другой день — к другому,
но плечом лишь пожмут,
мол, кому не знакомо
то, о чём ты грустишь,
пред людьми хоть престиж
соблюдала б умело...
И покой мой и сон —
куда это всё делось,
объяснить не умела,
что конкретно болит,
пока не — пожелтела...

Поняла сама всё:
 у меня — гепатит...
 Онемела от горя:
 украдёт он бесспорно
 целый месяц почти,
 страшно даже поверить —
 через месяц — концерт
 юбилейный, премьера —
 наша общая цель!
 Ради пьесы и песен
 не жалела я сна,
 мне недаром дана
 роль заглавная в пьесе.
 Как Саяну хотелось
 мне в премьеры сыграть!
 (Героинею стать
 в твоей жизни сумела б!)
 Этим я и жила,
 но беда вдруг пришла,
 как со мною заразной
 иметь дело теперь?
 Нет досадней потерь,
 столько бед и все сразу!
 Что же делать? Как быть?
 К лаборантке являюсь,
 чтобы сделать анализ:
 кровь на билирубин.
 Хоть умом понимаю
 болезнь Боткина есть,
 налицо — синдром весь,
 но надежд не теряю,
 дать желтушность порой
 могут камни, застой...
 Лаборантка-подруга
 со слезами в глазах,

ничего не сказав,
 берёт тихо под руку,
 усадив пред собой
 говорит: Есть помада?
 — А зачем тебе? — Надо!
 Достая свой набор,
 и она самой яркой
 красит губы мои...

Так себя стало жалко —
 побежали ручьи...

Но не сразу в больницу,
 не в тот день я легла —
 надо с сыном проститься,
 кончить бабьи дела,
 чтоб мои от белья
 не смогли заразиться,
 и чтоб смена была,
 постирала всё с хлором,
 к концу дня не могла
 я уже шевелиться...

Побежал муж за «Скорой»,
 врач дежурная мне
 прочитала мораль,
 что болезнь запустила,
 сама помня едва ль,
 ведь я именно к ней
 на приём приходила!

Проводили в палату,
 пришлось долго просить
 персонал, чтоб халат мне
 свой покамест носить...
 Потолок и кровать,

и четыре стены...
Здесь и ночи, и дни
суждено коротать.
На оконном стекле
от мороза — узоры,
словно тканью кремплен
образованы шторы —
нету прока от стёкол:
сквозь промёрзшие окна
не проходят лучи...
Хоть кричи, хоть молчи
уж не выйти до срока.
Целый месяц быть здесь,
вне семьи, вне работы,
вне любви, вне свободы —
отняла всё болезнь.

Совершенно одна
в молумгле я лежала,
без движений, без сна,
без желаний, без жалоб.
Мне казалось, мешали
руки, ноги — всё тело,
никого не хотелось
мне ни видеть, ни знать;
повелось на веку —
до своих — нету дела,
для меня пожалели
вести сыворотку
(была только в НЗ),
я же крови немало
не жалела — сдавала
для больных, для друзей
(и заразу поймала!)
У врачей у знакомых

долежалась до комы,
лишь медсёстрам-подружкам
и обязана многим,
они начали дружно
трубить всюду тревогу,
спохватилось начальство,
всполошилось, сбежалось —
появились лекарства
и забота, и жалость...

Светлым днём, тёмной ночью
сколько капельниц я
переделала срочных! —
пришла участь моя,
внутривенно три дня
мне лекарства вливали,
а иначе б едва ли
можно было меня
у болезни отнять...

Ты вернулся с поездки —
не показывал глаз,
я ждала-заждалась.
Заглянуть недосуг,
видно, было тебе,
в довершение бед
состояние вдруг
вновь ухудшилось резко...

Может, песня уж спета?

Мне потом рассказали,
когда утром сестра
доложила об этом
на планёрке, то в зале
тишина вдруг настала,

любопытство и страх
потом всех всколыхнули,
на тебя все взглянули,
низко голову ты,
опустив, покраснел,
ведь меня навесить
до сих пор не сумел...

И ещё всю неделю
не могла я дожждаться;
на тебя обижаться
я конечно не смела,
но ждала ночью, днём...
Если б знал, как мне нужно
было слово твоё —
словно щит и оружие!
И настал этот час —
я тебя дождалась.
Помню всё, как теперь,
открывается дверь,
ты заходишь в палату
в белой шапке, в халате
и с улыбкой ко мне
ты идёшь, как во сне,
берёшь руки, волнуясь,
жмёшь и нежно целуешь...
Боясь жалкой казаться,
что мне делать тогда,
я не знала: рыдать,
обижаться, смеяться...
Ты ж спешил оправдаться.
Я не слышала слов,
на тебя всё глядела,
будто видела вновь,
всё запомнить хотела:

каждой чёрточки росчерк,
жеста каждого путь,
взглядов всех многоточье —
всё запомнится пусть!
Оглянувшись на двери,
ты с улыбкой сказал:
«Очень жаль, что нельзя
твои туфли примерить, —
приподнялся со стула
и мою ножку взял, —
что ж, французские туфли
этим ножкам — как раз!
Только будешь здорова,
их наденешь тотчас
и на сцену ты снова
выйдешь в лучшей обнове!
Туфли — блеск, не обман,
одним словом — шарман!»

Вкратце мне рассказал,
как ты пьесу спасал,
сколько раз ездил в город,
как привёз режиссёра,
нынче всем уже ясно,
пьеса сделана классно,
не по штампу, свежо:
музыкальная пьеса,
в ней участвует хор,
танцевальный кружок...
Шутки, танцы и песни
и большой разговор
о народной борьбе
и трагичной судьбе...
Под конец нашей встречи
ты уж в роли врача

слушал, пальцем стучал
и пальпировал печень.
Так теплы и нежны
твои руки казались,
будто сроду они
труда вовсе не знали.
Мне подумалось вдруг,
значит, сам не стирает —
и тепло нежных рук
вызывает испуг:
«Он хозяйку ласкает»...
Ты сказал, уходя,
вновь придёшь уже на дом,
и добавил, шутя,
материть печень надо,
чтоб она не ленилась
и скорей сократилась,
знаешь, как материться?
Говорил, не спеши
выходить из больницы,
пока держат, лежи,
и весьма не мешало б
с этой целью на случай
напридумывать жалоб,
чем побольше, тем лучше,
тут не важно лечение,
болезнь очень коварна,
вся беда — в осложнениях,
если выпишут рано...
Лишь пришёл и меня
вздурожить сумел ты,
выдать кучу советов,
настроенье поднять...
Ты ушёл и меня
уж ничто не томило,

и болезнь проходила
по часам — не по дням.

На вопрос же, что вечно
задавали мне: «Был?»
Теперь гордо отвечаю:
«Он мне туфли купил!»

Быстро я поправлялась,
встать спешила уже,
и обида в душе
со мной вместе вставала:
«Там ему — хорошо,
до меня — нету дела,
один раз лишь пришёл...
Если бы заболел он —
каждый день я сумела б».

И премьера уж скоро,
а я тут залежалась,
сдам последний анализ —
не удержат запоры.
Дома, как говорят,
помогают и стены,
трачу время лишь зря
я в больничной постели.

Смастерила причёску
и накрасилась ярко,
с таким видом не жалко
и — на доску Почёта.
Вдруг поблизости где-то
слышу шум от машины,
почему-то решила,
что за мной едут это,

и в приёмный покой
я крадусь коридором,
вижу вдруг — предо мной
две подружки из хора.
Замахали руками,
на ловца, мол, и зверь,
всё в порядке теперь,
мол, поедешь ты с нами.
Но ушам я не верю:
— Куда ехать? — К друзьям,
ведь сегодня — премьера!
— Не оформилась я,
да и ехать смогу ли...

Но с торжественной речью
мне французские туфли
преподносят в коробке,
дают ворох белья,
с деловитой сноровкой —
полушубок на плечи...
(Реквизит весь артистов
привезли они мне!)
Я стою, как во сне:
туфли — блеск, не обман,
одним словом — шарман!

— Одевайся же, быстро!
— А, была не была! —
я сказала беспечно
и обулась, оделась,
и смеясь, полетела
приключенью навстречу.

Как ни силилась я
на ногах устоять,
как в душе ни храбрилась,

голова закружилась...
Подоспели подруги,
подхватили под руки
и в машину вложили...

В Дом Культуры пришлось
дефилировать гордо
мне с почётным эскортом,
стало быть, рановато
свой оставила пост
я в больничной палате.
И зачем я решилась
в Дом Культуры прийти?
Ведь не будет зарплаты,
если врач не простит
нарушенья режима...

Как давно, мне казалось,
в этих стенах была.
Всё блестело, сияло,
всё звенело вокруг,
ещё миг — я попала
в окруженье подруг,
в дорогих новых платьях
даже трудно узнать их.
Обступили меня,
обнимают, жалеют,
слёз не в силах унять,
я реву всё сильнее,
на мой рёв подошли
баянист и хормейстер,
еле-еле все вместе
успокоить смогли.
Потом ты появился,
руку сжал мне чуть-чуть

и сказал, что врачу
ты уже объяснил всё,
так что здесь ты легально,
что идёт всё нормально,
хоть сегодня в премьере
и не будешь ты петь,
сможешь хоть посмотреть,
всё же меньше потеря...

Вся комиссия — в сборе,
всё начальство пришло,
зал шумит, словно море...

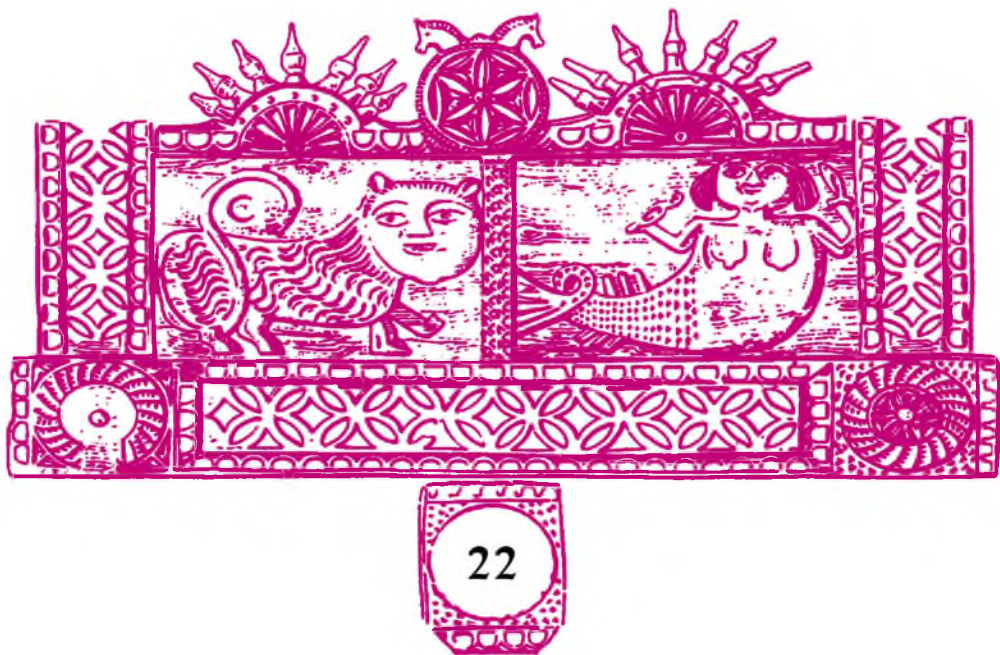
Каков будет улов?
Как хористы раскинут
песни-сети свои?
Как артисты поднимут,
не уронят ли их?
Смогут, нет — до конца
дотянуть свои сети?
И забьются ль сердца
в них уловом заветным?

И вот началась пьеса
грустной искренней песней,
как туман по реке
расстился густой...
У меня не в одной
застучало в виске.
О себе забывали,
когда в жизнь мы вживались,
здесь кипевшую раньше
целых сто лет назад,
обо всем ты без фальши
в пьесе смог рассказать.

Когда в цепи событий
заплелись в узел нити,
песню-плач хор запел,
и никто не сумел
устоять перед горем...

Зал дышал, словно море,
и вздыхал без конца...
Трепетали упорно
в сетях-песнях сердца...

Шумно, бурно встречал зал
всех, кто создал спектакль...
Ты на сцену поднялся
бледный весь неспроста:
гамму авторских мук
испытать пришлось вдруг —
от накладок в картинах,
в мизансценах и фразах,
ведь от драмы да фарса
путь не так уж и длинен.
В тот восторженный вечер
всё во мне повернулось
новой гранью к тебе —
ведь тогда прикоснулась
я к великой судьбе,
в ней осталась навечно.
Знала я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет.
Я смотрела из зала
на тебя, мой родной,
без конца повторяла:
«Будет мой! Будет мой!»

Глава двадцать вторая

«А буде восхотят чего сочинить,
первым делом показывают пускай
магистрам нашим и получают от них
дозволение печатать. А ежели магистрам
нашим сие не покажется, то надобно
не печатать, но сжечь.

(«Пётр Тупп»)

22.

Из всех «звёздных» мгновений,
что я в жизни имел,
что держу я в уме,
самым ярким, наверно,
был мой школьный триумф,
когда стал знаменосцем.
И не до, и не после
не могло уж ничто
взбудоражить так ум,
воскрылить мои чувства...
Сходным было потом
по накалу и буйству
сил душевных и мыслей,
когда чуть не загрызли
на судах крючокотворы,
но от бешеной своры
я сумел отлягаться,
невредимым остаться...
Что касается пьесы
и её постановки,
то хоть было и лестно
от сознания успеха,
и хотя ещё долго
сладкозвонкое эхо
повторялось в прессе,
торжества бытия
не испытывал я.
Объяснить это сложно,
отдал пьесе, быть может,
много сил до премьеры...
Только смог я проверить
на себе смысл успеха,
его зыбкость, суетность

и его эфемерность.
Пока пьеса на сцене
моим словом жила,
ею жил я всецело,
но премьера прошла,
и как будто надежды
все с собой унесла.
Отшумел юбилей,
пьеса ставилась реже,
всё осталось, как прежде,
и во вне, и внутри,
лишь медаль на груди
стала новью моей.
Рассуждать я о славе
не имел ещё права,
только кто запретит
о ней думать, мечтать,
свет её я почти
ощущал иногда,
ведь центральная пресса,
ряд газет и журналов
мною не без интереса
занимались немало.
Ощутил её свет,
но узнал очень скоро,
что тепла-то в ней нет.
Всё так в мире условно,
всё, увы, не бесспорно:
звеньевая Заглада
получала награды
и с трибун выступала,
причём — с самых высоких,
и печатались строки
её звонких тирад

в самых толстых журналах...
 Но кумир её свергнут —
 вмиг Заглада померкла,
 превратилась в прах.

Слава — ложь и туман,
 слава — самообман.
 Обитает она
 не во мне, не в тебе,
 а в безликой толпе,
 хоть и выдана нам,
 вроде б наша она,
 да живёт не у нас,
 и мы ей — не указ.
 Ну и чёрт с ней, и пусть,
 без неё — легче путь.
 Шутки — шутками, но
 с ней ведь больше дано,
 потому бес лукавый
 искушает всех славой...

Хоть и поздно, быть может,
 но сказать тебе должен,
 как стыжусь за себя,
 что оставил тебя
 без поддержки в беде...
 Для меня — не секрет,
 как ждала ежедневно...
 Хоть почти каждый день
 начинался с дилеммы
 навестить или нет,
 но я медлил и ждал
 поудобнее повод

и спешил себя снова
 всякий раз оправдать
 то поездками в город,
 то другим сходным вздором...
 Когда ты угасала,
 а медсёстры спасали,
 философствовал я,
 честь и совесть тая,
 как премудрый пескарь,
 а ведь мог бы искать
 и найти путь к спасенью,
 я ж поопытней тех,
 у кого ты лечилась,
 кома ведь без сомненья
 не могла беспричинно
 лишь тебя наказать,
 где-то вышел огрех,
 например, ты могла
 в сладком переборщить —
 много соков пила,
 чтобы печень лечить,
 а ведь сладости ей
 любой пищи вредней...
 Когда ты угасала,
 а подруги спасали,
 я порог оббивал
 то в районе, то в крае,
 свою пьесу спасал,
 о тебе забывая.

Что сказал я — не новость,
 и подобная повесть
 повторялась не раз,
 но у нашей-то всё же

финал лучше, быть может:
пьесу спас, ты спаслась...

Кто спасёт мою совесть?

Что сумею сказать
я в своё оправданье?
Только то, что тогда мне
не дано было знать,
что мне в жизни дороже.
Думал: счастье возможно
в самом творчестве лишь.
Холостяцкие годы
между пальцев текли,
как песок из ладони.
И не жалко их вроде,
только где ж оно, счастье
без семьи и без дома?
Пьесы ставят не часто,
чем заполнить досуг?
И окажется ль вдруг
рядом преданный друг,
как ударит ненастье?
Всем и всюду готов
повторять вновь и вновь:
слава — ложь и туман,
слава — самообман.
Но при славе возможно
благ житейских урвать
несомненно побольше,
оттого-то так часто
грызня в творческих сферах.
И не трудно понять,
как пробил я премьеру,

секрет в том, что меня
поддержало начальство.

Вскоре я получил
от двух комнат ключи.
Возмутился вначале:
Мне же три обещали!
Не дождавшись рассвета,
я за комнатой третьей
прибегаю в райком,
а в приёмной — битком
голосящих просящих:
кто пришёл с костылями,
кто с детьми-грудничками,
я ж — с ладонью зудящей,
чтоб «своё» отстоять...
Было это не море —
капля только лишь горя,
встал, как вкопанный я.
Иль пройти через строй
не осмелился, или
мысли важные всплыли
в ситуации той,
только больше туда
не ходил никогда.
Как умел, рассчитался
за хлеб-соль и жильё
я с хозяйкой-судьёй,
и в ячейку свою
в стоквартирном раю
в тот же день перебрался.
Сам — один в целом мире
я бродил в тишине
по пустынной квартире,

привыкал молча к ней
и к себе привыкал,
и себя познавал...
Вечерело меж тем,
пожелал включить свет —
ламп конечно же нет,
так бродил в темноте,
сесть ведь не на что было
(лишь один унитаз
мог сгодится на раз).
От окошка к окошку
проторил я дорожку,
и луна в тишине
одинокая мне
безмятежно светила.
Ветер злился снаружи,
а в квартире моей
от систем батарей
было сухо и душно.
От одежд всех почти
вскоре я отказался,
мой невольный стриптиз
и в душе продолжался.
Вот он я, Человек...
Седина — в голове.
Не тщедушен, не тучен,
может быть, многих лучше.
По натуре — я лидер,
а по духу — творец,
ни подлец и ни льстец
с меня сроду не выйдет.
Чтоб спокойно мог спать,
должен я уважать
своё слово и дело.

Хоть всегда над собой
я работал умело,
но мечты голубой
никогда не имел я.
Ни одна мною страсть
не владела без меры,
и не вызовет страх
никакая потеря,
я не вижу причин
суетиться, ловчить,
но в звезду свою верю:
я родился не зря.

В стенах голых жилья
в окнах голых стоял
и, наверно, не знал,
каков в зеркале я,
но узнал я другое
той порою ночью,
что мне в жизни нужна
только ты лишь одна.
Ночь, длиною в полжизни
заменялась зарёй,
над далёкой горой
солнце вскоре зависло.
В алом свете зари
отряхнулся от дум,
принял утренний душ,
чтобы тело взбодрить.
Предстоял мне упорный
тяжкий труд муравья,
пустоту должен я
побыстрее заполнить.
Я сумел очень скоро

навести красоту,
приобрёл гарнитур
и сервизы, и тюль,
и портьеры, и шторы.
Начертил чертежи
и по ним стеллажи
я для книг заказал.
(Мог бы сделать и сам,
только — не с чего, не чем.)
План дальнейший в уме
я примерный имел:
по готовности их
возьму книги свои
у хозяйки-судьи
(уже бывшей, конечно),
и уют обеспечен!
А пока на веселье
закачу новоселье.
Как решил, так и сделал:
пригласил я начальство,
с кем свела уж судьба,
и друзей, а на счастье
пригласил и тебя,
разумеется, с мужем,
и твоих двух подружек.
Только из-за концерта
получилась заминка —
появилась в конце ты
на моей вечеринке.
Ты и муж, и подружки
появились так робко,
вас встречали радушно,
дружно, шумно, по-русски,
пододвинули стопки

и тарелки с закуской.
Приходилось едва ли
быть в компании раньше
столь солидной, и вы
присмирели вначале.
Я в смущении вашем
сразу суть уловил,
если честно признаться,
ведь могло показаться,
что к застолью, увы,
вы причастны отчасти,
что я вас пригласил
лишь за тем, чтоб начальство
угостить в меру сил
на десерт русской песней,
дав концерт с вами вместе,
потому-то, не скрою,
я с твоим лишь приходом
при честном всём народе
извлёк «Остров сокровищ»
(рома нет лучше вроде)
Я открыл сундучок,
в нём — кувшинчик из глины
и печать с сургучом,
схема карты старинной.
Оглядел всё сначала,
и держа на весу
узкогорлый сосуд,
сбил сургуч и печать я,
и волшебный напиток
в твою рюмку стал лить,
клокотал он сердито,
а потом забурился
и в конце в тишине

ручейком зазвенел.
 Мой кувшин круг привета
 за столом оббежал —
 в каждой рюмке луч света
 засиял, задрожал...
 Я сквозь рюмку смотрел
 на тебя, на гостей,
 в ней огонь, как в костре,
 разгорался сильнее,
 и я вдруг произнёс
 неожиданный тост:
 «Всё плохое во мне
 пусть сгорит, как в огне!»
 Ромом «Остров сокровищ»
 всех хотел уравнивать,
 под вечерним покровом
 ниспослать благодать,
 хоть на время создав
 теплоту и уют
 от напитков и блюд,
 от бесед интересных,
 от улыбок и песен.
 Но такого сюрприза
 ждал ли кто от меня?
 Молодёжь — приравнял,
 а начальство — принизил.
 А ведь как повелось?
 Чем масштабнее гость,
 тем кусочек — сытнее
 и тем рюмка — хмельнее
 подаётся ему
 в именитую руку,
 и на этот-то счёт
 даже целой наукой

обзавёлся народ:
 как разделить барана,
 часть какую кому
 дать, чтоб сердце не ранить...
 Вечно служит жратва
 главным пунктом престижа,
 живот, видимо, ближе
 к сердцу, чем голова.
 Никому и не в новость,
 знаю это наверно,
 нынче деликатес
 лишь начальство и ест
 да ещё браконьеры,
 потерявшие совесть...

Человек сам идёт
 к своему вырождению —
 при его становлении
 вышел грубый просчёт:
 самый мудрый и сильный
 у животных — вожак,
 у людей — и кретины
 могут судьбы решать,
 лишь дорвётся до власти
 распоследний дурак,
 не дурак он — начальство,
 человеческий вожак.

И градаций у женщин
 существует не меньше,
 но лишь только любовь
 на правах первородства
 ей даёт превосходство
 в положеньи любом!

Любви вечной звезда
никогда пусть не меркнет,
нелюбимая блекнет
пред любимой всегда!

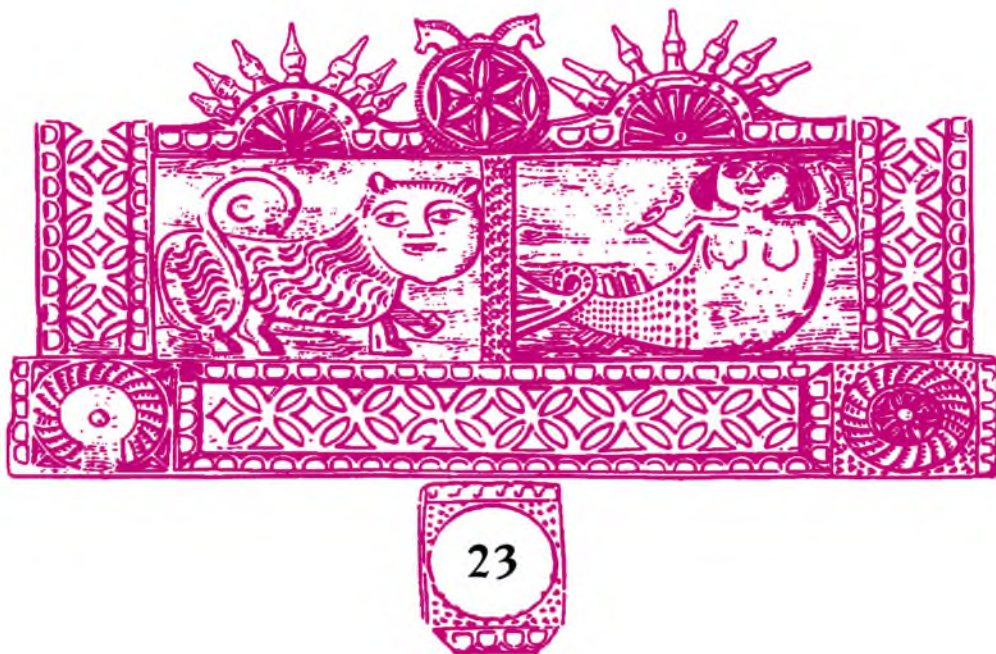
Хоть влюблённые верят,
что скрывают искусно
от людей свои чувства —
как на блюде, их тайна!
Как их можно умерить
и не выдать случайно?!

Всё уверенней был
голос твой и звучней,
и сдувалось с гостей
их солидности пыль.
Чтоб солидности массу
для себя сохранить,
гости вздумали сразу
нас оставить одних.
И хозяйке-судье
(бывшей, как уж известно)
даже в кухне моей
не нашлось теперь места,
ты и мыла посуду,
и готовила чай...
Помню я, как сейчас,
и вовек не забуду,
как впервые пришла
ты в мой дом и с собой
навсегда принесла
и мечту, и любовь.

Что хранилось в моих
закромах, погребках,

всё ташил для тебя
и подружек твоих.
Ну, а самым чудесным
стало то, что всю ночь,
разгоняя сны прочь,
мы горланили песни.
Сколько их нами спето!
И напрасно твой муж
увести вас старался,
пристыдить вас пытался,
но пришлось и ему
песни петь до рассвета.

А когда новый день
наступил, разглядел
я подарок твой тайный
(и отнюдь не случайный).
По квартире один
с ним я долго ходил,
обнимал он мой стан
широко и упруго,
как ковбой, теперь стал,
первый парень в округе!
Ну, а если серьёзно,
то ковбойский ремень
мне хотелось иметь,
ты об этом, возможно,
от меня и узнала
и ремень мне связала.
Ну, а вдруг этот пояс
от Венеры самой?
Ведь пока он — со мной,
от любви я не скроюсь.

Глава двадцать третья

Я на этом берегу,
ты стоишь на том.
Хочешь перейти сюда?
Стану я мостом.
(Японская народная песня)

23.

Не успела поверить
в нашу близость, как ты
по дорогам крутым
вновь отправился мерить
километры и дни —
расставанья одни,
а свиданий всё нету.
В этот раз обещал ты,
что пришлёшь мне письмо,
но что надо самой
мне сперва написать.
Указал адресат
и подал мне намёк,
чтоб старалась читать
я письмо между строк.

Я в Малеевку шлю
в Дом писателей письма,
вновь тревожные мысли
надо мною нависли,
если надо стерплю
и лишения, и боль,
и разлуку с тобой,
лишь бы ты не увлёкся
без меня там другой,
лишь бы ты не отрёкся
и не предал любовь.

Две недели я очно
отмечалась на почте,
а письма нет и нет,

стал не мил белый свет.
А потом уж во сне
примерещилось мне,
что письмо получила.
Тушью ты — не чернилом
пишешь шрифтом печатным,
только смысл непонятный,
хоть и выпранный слог.
Но зато я узнала,
обо мне ты мечтал,
на письмо ведь немало
ушло времени там.
Прибралась, приделась
и на почту несмело
вновь — который уж раз! —
за письмом подалась.
Рассуждаю в тревоге,
если нет и сейчас,
больше я никогда
не приду уж сюда,
и почти-что с порога
говорю, мне должно
быть сегодня письмо.
Наблюдаю в окно,
как к ячейке заветной
потянулась рука,
пролистана конверты,
задержалась слегка
на одном — я стою
не дыша и боюсь,
что опять скажут: нет,
но в окошечко мне

подаётся конверт,
я схватила его,
словно птицу живую,
почерк — твой, адрес — твой,
я от счастья ликую!
(Его скрыть невозможно.)
Я спешу с глаз людских
поскорее уйти,
всё сильнее в груди
бьётся сердце тревожно,
отдаётся в виски
неуёмною дрожью.

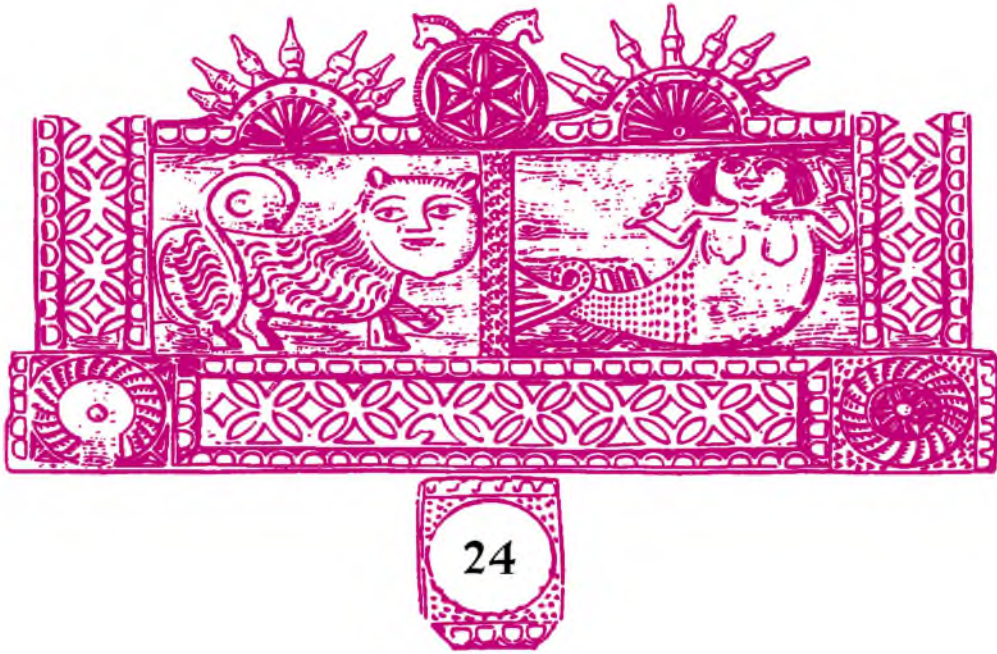
Мысль в висках молоточком:
где бы можно найти
поукромней местечко?

Шатким зыбким мосточком
перешла через речку
и среди тополей
с тайной ношей своей
я для всех затерялась.
Там сперва отдышалась,
подождав, сколько можно,
вскрыла тёплый конверт
и листочек на свет
извлекла осторожно.

«Здравствуй, Солнышко!» — сразу
промелькнуло в глазах.
Так никто ведь ни разу
мне ещё не писал!

Раз письмо прочитала
и второй раз, и третий,
уяснить смысл конкретный
не могла я вначале.
И читаю я вновь:
всё как будто на месте,
слышу музыку слов,
ритм, мелодию текста,
слышу сердца биенье —
твоего ль? моего?
Не пойму ничего,
в чём причина волнения.
Почему вдруг предлог
пишешь с буквы заглавной?
И начало всех строк
тоже выделил явно?
Словно громом, испуг
оглушил меня вдруг —
поняла всё сама,
что начальные буквы
и конечные буквы
каждой строчки письма
с откровенностью всей
составляли признание
и ещё — предложенье
стать навеки твоей...

Эта фраза, как взрыв,
жизнь швырнула вверх дном...
Что же делать? Как быть?
Над собой, над письмом —
разрыдалась навзрыд.

Глава двадцать четвёртая

Так захотелось просто быть в пути
и ехать в поезде! Поехал.

А с поезда сошёл, и некуда идти.

(Такубоку)

24.

Семинар драматургов
счастлив был для меня
сразу с первого тура
до последнего дня.
Я прошёл невзначай
сквозь чистилище в рай.
Решено, что в Союз
по статьям всем гожусь.

Браво, верный Пегас,
ведь сейчас и у нас
право есть на Парнас.

Я конечно успел
пьесу дать в своё время:
юбилейная тема,
постановки успех,
дружный отклик в газетах,
слово нужное где-то —
и вот я на волне!
Увы! Стало трудней.

Вновь пришлось уже дома
по приезду начать
все пороги парткомов
много дней оббивать;
и в издательстве местном
пьесу взяли в печать
с резолюцией веской,
мимоходом и песни
я пристроил свои,
в телевиденьи место —

целый час — отвели.
А вернулся домой —
пусто, волком хоть вой.

Благо, выдалось дело —
стеллажи подоспели.
Беру «Скорую помощь»
и — к калитке знакомой.
На стук вышел старик,
я хотел войти в дом,
чтобы взять у хозяйки
свои книги, но он,
кашлянув, говорит:
«Книги — тама-ка, в стайке».
Скрипнув дверью, исчез,
я же в стайку полез
без проклятий, без жалоб...

Я не верил глазам:
мои книги лежали,
где свиней лишь держали,
И мне даже казалось,
там не книги валялись,
а валялся я сам...

Горький счёт у потерь...
Как отмыться теперь?

Хоть навоз — не огонь,
а ведь тоже — не тронь!

У кого есть ребёнок,
знают, с ним полон рот
самых разных хлопот:

то корми, то купай,
то пелёнки меняй.
Мне же — снова хоть вой:
пришлось книгам сменить
уйму грязных пелёнок,
кроме них ведь родни
рядом нет никого,
я — родитель для них.
Не успел их из ванны
в спальню перетаскать,
как — несчастье опять —
принесло Капитана.
Тайный гость — в горле кость,
а принять довелось!
С далека он подъехал,
мол, поздравить с успехом
лишь пришёл... Что ж, спасибо.
Спирт был. Выпили. Салом
хорошо закусили,
чтоб скорее ушёл,
я налил пососшок.
Он уже у порога
между прочим сказал:
«Нам бы знать не мешало
всё, что видел ты сам
или где-нибудь слышал
вот об этих, немногих...» —
и подал список лиц.
«Может, пару страниц
сейчас сходу напишешь?»

«Вот так влип, вот так влип» —
про себя повторяю,
а что делать, не знаю,

но одно знаю лишь,
если вдруг напишу
хоть какой пустячок,
сразу я окажусь,
как в коробке сверчок.

Ведь донос — не навоз,
честь свою — не отмоешь.

Неужели так прост
Капитан, что со мною
церемониться даже
не желает, а вдруг
не войду я в игру...
Я порядочный малый,
мне терять не пристало
своего антуража.

Пока с мыслями я
кое-как собирался
(был я несколько пьян),
между тем Капитан
за столом оказался,
лист бумаги и ручка
уже ждали меня.
Над бумагой склоняясь,
я спросил: «Может, лучше
сочинить мне стихи?
Но сейчас не могу
даже парочку строк...
Этот белый листок
чистым я сберегу...»
«Выйти хочешь сухим?» —
Капитан улыбался.

«Отчего же...По малой
выпьём вновь...» Обожгло.

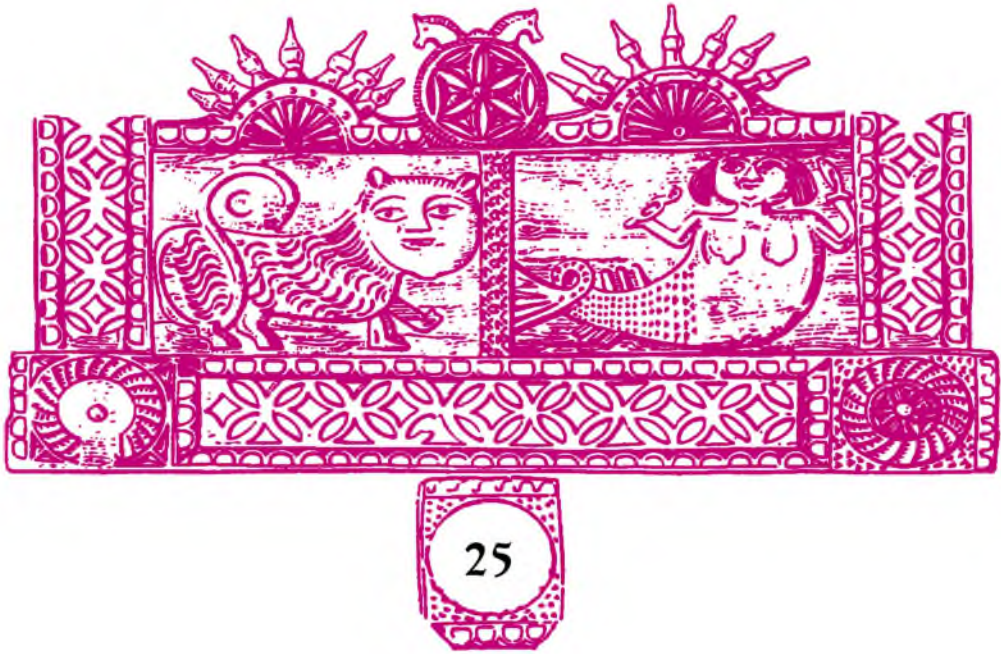
И на том с ним расстался.
Мне неплохо дремалось,
ведь всю ночь тепло
изнутри согревало.

Как всегда поутру
встал не сразу, не вдруг —
прокрутить я сумел

день вчерашний в уме
до малейших деталей...
Сколько мерзости в нас!
Каждый день отмывайся —
жизни хватит едва ли...

Отдал много б сейчас,
чтоб себя не стесняться.

К чёрту всё! Лишь любовь
возродит меня вновь.

Глава двадцать пятая

Любовь ли то, иль что-либо иное?
И что же это, ежели любовь?
Коль в ней добро — что цепенеет кровь?
А если зло — в чём действие благое?
(Петрарка)

25.

С той поры, как письмо
я твоё получила,
приходить уже было
всё труднее домой:
как могла отказать
мужу в ласках постылых?
Всё тесней становилась
наша спальня, кровать...

Ко всему — приходилось
судьбу сына решать.
Ведь сама я росла,
как трава, при дороге,
в безотцовщине много
сама горя снесла.
Разве может отца
вдруг у сына отнять
настоящая мать?
Разве может она
своевольно насильно
у отца отнять сына,
тёплого ото сна
оторвать от подушки,
от весёлых игрушек,
от родного крыльца,
увести за собой
в дом далёкий чужой?

Из-за этой проклятой
пресловутой любви
впору только завывать:
ведь кругом — виновата.
Виновата — что я,

не любя, замуж вышла,
потому что судила
о любви понаслышке,
виновата — и тем,
что мой муж не влиял
на меня так, как милый,
виновата совсем,
что когда мне — за тридцать,
когда есть уж семья,
я посмела влюбиться...

Каждый день виновато
я письмо доставала
и украдкой читала,
как молитву, как клятву,
и о встрече мечтала...

И приехал и вышел
ты опять на работу,
в кабинет к тебе вроде
забежала по делу,
но не справясь с одышкой,
долго молча стояла...
Пробежал жар по телу —
на меня не глядел ты,
слишком был озабочен
ты своей пациенткой,
продолжал с ней беседу,
вдруг на бланке рецепта
что-то быстро отметил
и дал мне между прочим
и сказал, чтоб лекарства
пусть к пяти приготовят...
Всё и больше — ни слова!

Никогда я такого
не встречала коварства...
Слёзки еле сдержала
и пошла одиноко,
как во сне, как в бреду,
но рецепт на ходу
прочитать попыталась,
ведь лекарства достать
я обязана к сроку...
Что такое опять?
«Жду тебя ровно в пять!»
Боже мой! Дура я,
стоеросовая!
В тридцать лет не понять,
чего ждут от меня!

Клином — весь белый свет!
И лечу я на свет,
словно бабочка слепо...
Как знать, будет иль нет
для меня конец света?

Не боюсь я огня,
и ничто в целом мире
не удержит меня!

Всё успела к пяти:
приготовить обед
и в порядок квартиру,
и себя привести —
и ушла, будь, что будет,
и судачат пусть люди!
Всё же было мне страшно:
все, казалось, глядят

мне в глаза и вослед,
а у двери твоей,
мне казалось, стоят
все соседи на страже.

Ну и пусть, лишь бы ты
не боялся людей
и любовь смог спасти
и от подлых наветов,
и от гаденьких сплетен.
Знала я лишь одно,
что любить тебя больше
и верней всё равно
никто в жизни не сможет.

Твой подъезд. Всё в порядке.
Поднялась на площадку.
Твоя дверь. Я одна.
Вдруг открылась она —
лишь успела вбежать я,
очутилась в объятьях!
Ласки щедрой твоей
никогда не забыть мне,
Всё, что было — открывшем
было в жизни моей...
Так затмил всё бывшее
лишь один день с тобою!
Я не помню уже,
что пила и что ела,
помню праздник в душе,
помню, свечи горели
(ты заветный подсвечник
«Алый парус» — купил
специально для встречи).

Помню речи в тиши
и тепло, и уют,
и стихи в честь мою
(если это был пир,
то лишь пир — для души).
До последнего дня
буду помнить мгновенье,
что пронзило меня
неземным откровеньем...

Мне порой страшно станет,
когда вдруг я представлю,
что тогда иль потом
не пришла б к тебе в дом,
что могла свою жизнь
в суете я прожить
без высокого чувства,
вне красот, вне искусства,
не горя, не любя,
без познания тебя...

О своём доме вспомнить
я смогла только в полночь.
Собралась со слезами.
Если б ты приказал мне
не идти никуда,
я, быть может, тогда
не пошла бы, не знаю,
в тот момент и сама я
не готова была
хоть что-либо решать...
Ты меня провожал —
на закланье я шла.
Не пред мужем — пред сыном

я казнила себя...
«Спят они иль не спят?» —
я тревогу гасила...
Проводил ты, и молча
мы расстались той ночью,
а она быть могла
для меня — и последней.
Дверь открыла. Вошла.
Раздеваюсь в передней.
Вдруг вопрос: «Где была?»
«Где? На улице». «С кем?»
«Ты же знаешь и сам»
«Что вы делали там?»
«Говорили о жизни...»
Надо мною зависли
кулаки, а затем
в ванну он уволок,
стад душить в темноте,
но до смерти не смог:
когда я, задыхаясь,
вдруг обмякла в руках,
обуял его страх,
принялся тормошить
и пытался дать пить...

Мне же было не страшно
и не жаль ничего —
жил в душе образ твой
и свидание наше.
А когда в горле спёрло
мне дыханье совсем,
холодком пронеслась
мысль, что утром уж мёртвой
буду я, и что все

с облегченьем вздохнут,
кроме сына, конечно,
и тебя, может быть...

Я в комок собралась,
даже думать сумела:
«Буду жить... Буду жить...»
Смогло выскользнуть тело
из объятий смертельных...
Через пару минут
полегчало немного,
может, с помощью бога
я осилила вечность?

Если мне помог бог,
значит бог тот — Любовь.

Поднялась, чтоб уйти —
муж раздел, не пустил.
Прилегла рядом с сыном,
он ручонками сильно
обхватив, прошептал:
«Мам, не плач, никому
я тебя не отдам!»
«Спи любимый, хороший,
не отдам тебя тоже...»

В темноте до утра
половицы скрипели,
не ложился спать муж,
всё вздыхал сокрушённо...

Ни о чём не жалела,
ведь любовь — не игра!

Уходя на работу,
муж сказал: «Не спеши
уходить, всё решим
стало быть, по закону...»

И с тех пор — повелось:
что ни день — новый гость.
Сперва мужа родня
всё пилила меня
каждым взглядом и словом.
Приходилось мне молча
всех выслушивать их.
«С нами знаться не хочешь,
признавать за своих?
Хоть твой муж и не врач,
но не пьёт и не курит,
и красив, и без дури.
За таким ведь любая
побежит девка вскачь...
Ну, а то, что горяч,
эта с кем не бывает?
Хоть маленько побил,
так зато и простил,
где же встретишь таких ты,
чтоб прощали разврат?
Кто другой — аккурат
кровь обоим пустил,
оба были бы биты,
пошшитал бы вам рёбры,
ведь грешили-то оба —
быть обоим в ответе!
Может, врач дал таблетку
и твой мозг замутил —
десять лет жила с мужем,
и вдруг стал он не нужен?!»

Если ж я уходила,
принимались над сыном
причитать, голосить,
слёзы лить крокодилы:
«Что творится-то, люди?!
Сиротинушкой стынет
у родителей сын!
Ой, да что же с ним будет?
Мать сменяла его,
да сынка своего
на мужчину чужого,
на разлучника злого.
Обещал ей разлучник
жизнь в медвяной росе,
в изумрудной красе,
перевитую хмелем,
переплетену цветом,
в шёлке-бархате-мехе
будет мать шеголять
лишь себе на утеху —
будет сын одевать
рубашонку в заплатках,
не постирану, мяту...
Хоть с отцом будет жить,
да при мачехе лютой,
будет с каждой минутой
сердце больше студить...»

От светла до темна
всё поют-напевают,
только кончит одна,
начинает другая —
на дому, на ходу
шепчут, ропщут, грызут...

Надо что-то решать,
ведь накличут беду,
да к тому ж ещё тут
появляется мать
(муж тайком от меня
отослал телеграмму
срочно, как на пожар) —
и моя вся родня,
как один всполошилась:
знать, беда приключилась
с их сестрою меньшей,
моя мама и вовсе
свой покой потеряла,
да к тому ж сон плохой
перед тем увидала.
А река уж вставала
в заберегах, в шуге,
мать кого ни просила
сплавить через реку...
(с красненькою в руке
к мужикам подходила),
но никто ни за что
не решался рискнуть,
чертыхаясь при том:
«Сошла баба с ума!»
Плюнула на мужичков —
плыть решила сама,
но не прямо, а вкось
по теченью почти,
чтоб со льдом не пришлось
ей столкнуться в пути...
Пронесло сквозь шугу,
лишь на том берегу
кромка льда помешала

ей удачно причалить,
пришлось выйти сначала
ей на заберег свежий,
тонкий лёд неокрепший
под ногой проломился,
и тащить довелось
лодку, стоя в воде.
Ничего приодеть
про запас не взяла,
прознобило до слёз,
пока к трассе дошла,
её счастье, что сразу
подобрали на трассе,
довезли, куда надо...
К дому в страхе подходит,
всё по-старому вроде,
не толпится народ,
а с ногою ей сладить
всё трудней — не идёт.
Как пришла — не поймёт,
зять открыл на звонок.
— Дочка где? — На работе.
И сползла на порог.
Проявляя заботу,
раздел тещу зятёк,
на диван приволок
и пытался дать пить,
но лишь только она
приоткрыла глаза —
всё, что знал и не знал,
обо мне рассказал...
Я с работы пришла
лишь раздеться смогла,
не успела умыться

и присесть не успела —
на меня мать орлицей
с высоты налетела:
«И бесстыжая ты!
И негожая ты!
Взяла на душу грех —
опозорила всех!»
«Разве первая я?
И последняя я?
С мужем был с давних пор
промеж нас уговор:
коль из нас кто полюбит,
тому зла не чинить!»
«И не стыдно тебе
о любви говорить?
Вас я вывела в люди,
потому что все годы
и всю жизнь о себе
я не думала сроду.»
«Сына я не оставлю,
но и здесь — не останусь!»
«Я никак не пойму,
муж-то в чём виноват?!
Где найдёшь ты достойней?»
«Говорила ему:
если пальцем хоть тронешь —
не прошу никогда!»
«Дурья ты голова,
ведь сама ж провинилась!
Как тебе не поддать,
раз такое случилось?»
«За любовь убивать, —
так советует мать.
Оттого-то не знали

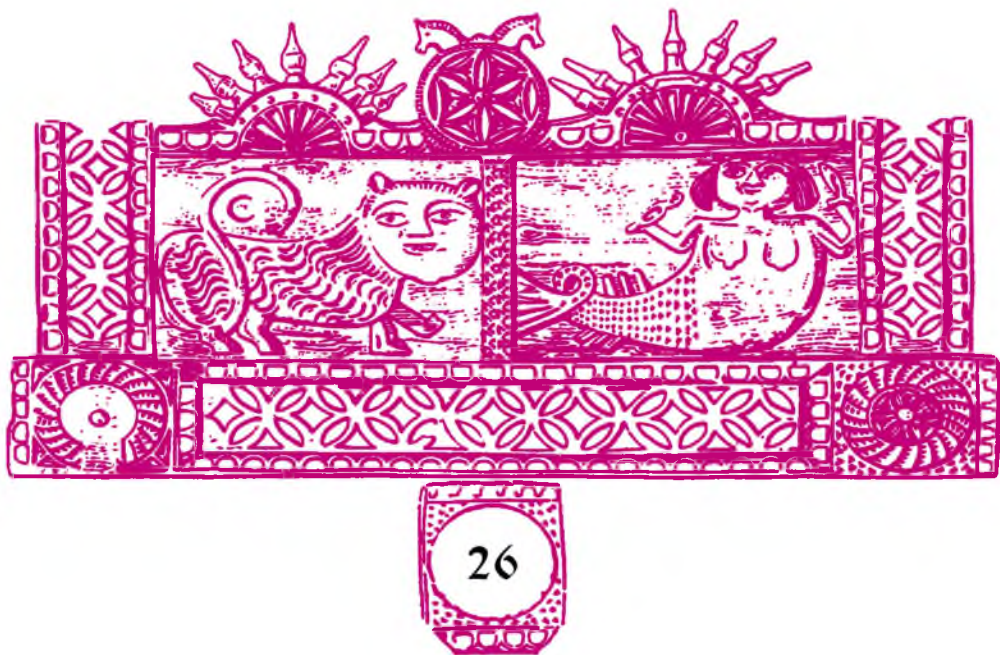
вы любви, что всегда
за любовь — убивали!»
«Я б на мужнином месте
ничего б не дала:
ни добра, ни дитя.
Любви надобно если,
убирайся к чертям
в том, в чём мать родила!
Из-за вас стыдно людям
мне в глаза посмотреть,
никогда уж не будет
тут ноги моей впредь!»
«Ну и пусть! Не ходи!»
«А умру — чтобы ты
не являлась ко мне!»
«Не приду и не жди!»

Поругались мы с ней,
и пришлось ей уйти...
А на утро опять
появилась чуть свет
и давай убеждать
по-хорошему, мягко.
«Ужель мужа не жалко,
с ним жила десять лет!
Да с какими глазами
в дом чужой ты придёшь?
Здесь — нажили всё сами,
там — чужой каждый грош...»
«Не к грошам я иду,
а иду к человеку.»
«Навеку безответных
мало ль плакало дур?»
Их заманят, повозят,

надсмеются и бросят!»
«Если б ты его знала,
не плела б чепухи!»
«Погляди-ка на кралю,
все ей стали плохи!
Мужа, сына и мать —
всех готова сменять!»
«Сын есть сын, мать есть мать,
вы — моих два крыла,
но должны ж вы понять,
наконец, и меня!
Если счастье нашла,
в чём моя тут вина?
Почему отказать
в нём себе я должна?
Ты — имела своё,
сын — получит своё,
ну, а где же — моё?!
Если я не решусь
отказаться от счастья —
сыну будет обидно,
а тебе будет стыдно...
Где же логика тут?
Хочешь ты упрекнуть,
что я тщусь о себе,
почему же сама
и к любви, и к судьбе
ты моей — безучастна?
Если счастья лишусь,
ни тебе, ни себе —
никому не прощу!
Ну, останусь, допустим,
в этом доме — для вас,
кто забудет из нас

о случившейся встрече?!
Как всё это ни грустно,
пострадать лучше раз,
чем страдать втайне вечно.
По статистике, мама,
это вечная драма
только в нашей стране —
в каждой третьей семье.»
«Ты статистика дай
мне сейчас твоего —
так отчистю его —
чтоб не лез никогда
он в чужой огород!
Будет знать наперёд.»
«И опять, и опять
только — бить, убивать!»
«Да, о боже ж мой, боже!
Да ужель я не мать?!
Но тебя невозможно
совершенно понять,
ведь сама погляди,
ты живёшь лучше всех:
муж не курит, не пьёт,
всю зарплату несёт,

на других не глядит —
недовольной быть — грех.
Есть — богаче живут.
Если в этом беда,
да я ради семьи
сбереженья свои
до копейки отдам!»
«Мама, я... разревусь...»
«Лишь останься, с тобой
хоть сейчас поделюсь,
купишь шапку соболью
и красивую шубу,
муж тебя вновь сполюбит...
Для семейного мира
подберёшь в ювелирном
перстенёк с изумрудом,
он покой хранить будет,
про любовь и забудешь...»
«Мама, милая мама,
ты прости, я упряма,
вся люблю — без остатка
на всю жизнь, навсегда!
Вместо шубки и шапки
ты мне милого дай!»

Глава двадцать шестая

Немногих, проникавших в суть вещей
и раскрывавших всей души скрижали,
сжигали на кострах и распинали,
как всем известно, с самых давних дней.

(Гёте)

26.

Мы в своей суете,
в мире мелких утех
и желанье, и грусть,
и инстинкт, и игру —
всё «Любовью» зовём...

Разве искру огнём
величает кто-либо?
Скачут искры-колибри
на зелёных ветвях,
отразившись в глазах,
рассыпаются в прах.
Но рождает порой
искра пламя костра,
от костра может лес
загореться окрестный —
и огонь до небес
польхает живой...

Кто любовь познал, скажет,
и в любви — почти так же.

Безответной любви
быть не может, и если
нет взаимности, значит
не Любовью — иначе
своё чувство зови.
Ведь к понятию Любви
приложимо лишь «наша»
и отдельно мою
или только твою
ты Любовь не зови.

В настоящей Любви
кто-то третий не страшен,
если есть треугольник,
то его чем угодно —
не Любовью зови.

Жертвы ради Любви —
лишь её проявление,
если кто-то сдаётся,
то Любовь не вернётся,
хоть зови, не зови.

Жить во имя Любви —
наше предназначенье,
вне Любви, кто б ты ни был,
чистой, мудрой, счастливой
жизнь свою не зови.

Как теперь я считаю,
жизнь свою в сорок лет
сознавать начинал я,
столько ж зрел как поэт.
(Если б Пушкин так зрел,
мы его — и не знали б!)

Может быть, не во мне
тугодумья причина?
Я с друзьями своими
был всегда наравне,
даже больше того —
был одним среди первых,
был делами загружен,
как искатель жемчужин,

добывал своего
 воспитания перлы.
 В комсомольские годы,
 например, я газеты
 так штудировал, что
 знал вождей всех народов,
 и пусть знания эти
 побледнели потом,
 я отмечен был в росте
 политзнаний зато,
 школьным стал знаменосцем...
 В институте, как в школе,
 в нас стремились вложить
 знания, словно кассеты,
 и зубрить поневоле
 пришлось снова газеты,
 изучать по ним жизнь
 и толочь, словно в ступе
 нашей мудрости зёрна
 и выбрасывать смело
 на помойку плевелы
 кибернетиков вздорных
 всех генетиков вкуче,
 ведь Мичурин Природу
 переделывал вроде,
 а Лысенко доил
 и коров, и ВАСХНИЛ,
 и корой полушарий
 наших — стал пролетарий...
 Хоть галдеть не велели,
 но Ивашки галдели,
 и за эту промашку
 исчезали Ивашки...

Никогда не забуду,
 как ещё в институте
 философский экзамен
 мне пришлось пересдать,
 ассистенты и сами
 растерялись тогда.
 Выпал первый билет
 о материи мне.
 Всё, что надо, сказал я,
 а потом в тишине
 по своей простоте
 вдруг добавил, смелей,
 может быть, чем хотел:
 «Только я не согласен
 с общепринятым мнением...
 Всем, мне кажется, ясно,
 что материя шире
 человеческих чувств,
 и нельзя сквозь их призму
 делать определение:
 много познано в мире
 форм её, но мы в жизни
 не всё знаем о них,
 не все чувствуем их,
 в связи с чем дать хочу
 свою формулировку...»
 Но в лицо мне зачётку
 тут профессор швырнул,
 рот, как кляпом заткнув,
 крупной жирною двойкой...

Хоть полжизни прошло,
 бери в руки весло

и гребни от причала,
только чтоб не снесло
по теченью опять...
Сколько раз начинать
приходилось сначала...

Навсегда я запомню,
как почти в сорок лет
вдруг пришёл мне на помощь
наш родной женсовет.
Сколько выслушал я,
посчитать бы, сердец,
сколько сделал добра,
сколько спас я людей
от болезней как врач...
Жил, как знал, не таясь,
и вот вдруг, не спросясь,
кто-то должен решать
скопом сходу за нас,
какой делать нам шаг.

Получил я повестку
по всей форме — с распиской,
посчитав неуместным,
чтоб кого-то и близко
подпускать к делам личным,
и не вышло чтоб стычки,
я решил не ходить,
как-нибудь и один
я способен решить,
не любить иль любить.
А потом передумал,
может, лучше явиться,
всё равно ведь не скрыться

от скандала, от шума,
чтоб не тешился мыслью
кое-кто, что я струсил,
и что может зависеть
и судьба, и любовь
от интриг чьих-то гнусных,
и что может любой,
не обмыв свои лапы,
влезать в душу нахрапом...
Ты со мной согласилась,
и мы вместе явились
в сей общественный орган...

Если б только дать власть
женсоветам у нас,
вновь бы вспыхнула страсть
инквизиторских оргий!
Матюгованы, биты,
бабы с жалкой судьбой,
стали вдруг деловито
рыться в жизни чужой,
словно свиньи в корыте.
Как понять всплеск их злобы?
Добро б — случай особый...
Кто из нас не любил,
кто любимым не слыл?
С исступленьем кликуш
поносили меня,
с губ — летела слюна,
лезла всякая чушь:
отбиваю, мол, жён
у рабочего класса,
в огород, мол, чужой
я залез — и попался,

жаль, что с пёсьей любовью
невредимым остался,
иной муж мог бы в клочья
разорвать нас обоих...
Чтоб не вышло беды,
должен выехать я,
неприменно один
и к тому ж ещё — срочно! —
сохранится семья,
сам смогу уцелеть я...

Если б не в поссовете
находились — в лесу
или на пустыре,
или где-то у речки,
женский кончился б суд
не словами, конечно,
нас сожгли б, утопили,
забросали б камнями...
Это есть, это было,
это будет веками.
Ещё в каменном веке
гнал инстинкт человека
на добычу — гурьбой,
роем, стайей, ордой...
Так вошёл в нашу жизнь
страшный зверь — конформизм.
Во главе с доезжачим
злойной стайей собачьей
в своей алчной корысти
ждут сигнал конформисты!

С женсоветом затея
мне понятна вполне,

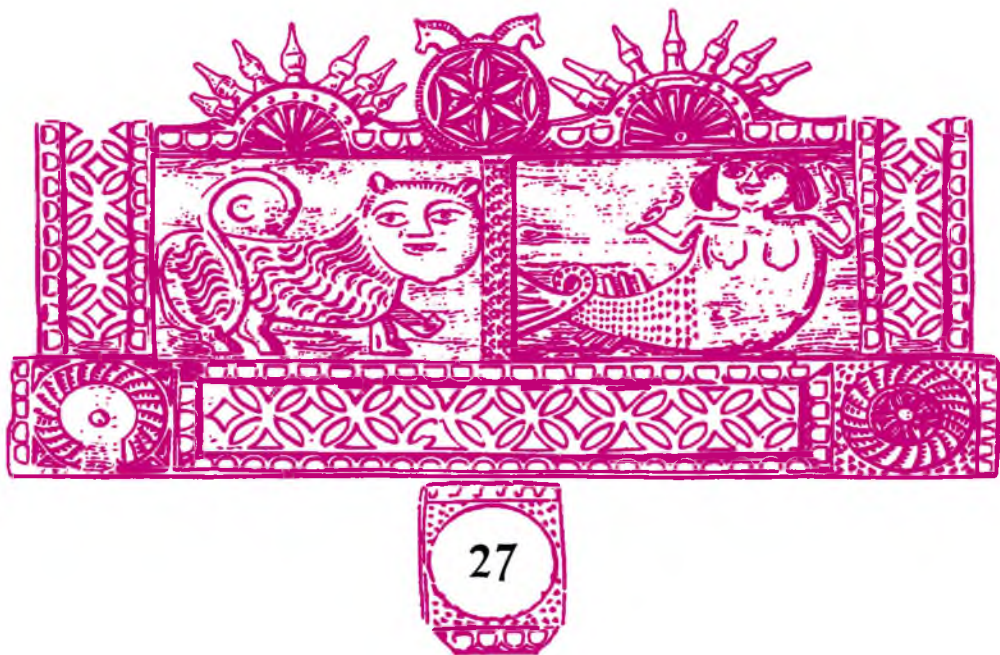
знал наверное я,
кто за нею стоял,
но пути назад нет,
ни о чём не жалею,
ведь решила всё ты
в речи краткой своей,
заявив, что ко мне
ты должна перейти
и как можно скорей...

Несмотря на преграды,
мы на завтрашний день
на работу шли вместе
под огнём косых взглядов
встречных кумушек местных.
Очень многих людей
наш поступок задел:
бесновался твой муж
и хозяйка-судья
(моя бывшая уж).
В огонь масла к тому ж
тут добавил и я:
отослав в поссовет
на открытке красивой
свой сердечный привет —
всего несколько строк:
«Женсовету — спасибо,
что жениться помог!»
Только эта открытка
стала больно уж приткой:
промелькнув в поссовете,
а потом в райсовете,
полетела в райком,
а оттуда тайком

ещё дальше и выше...
О себе вскоре слышу,
мол, над властью советской
издевается он...
Этим доводом веским
я под корень сражён.
Враз не стало друзей,
будто их подменили,
сразу стал я обузой,

в Литиздате, в Союзе
и в редакциях всех
меня сразу забыли,
без улыбок встречали,
вроде вовсе не знали...

Перед носом моим
дверь закрылась сим-сим.

Глава двадцать седьмая

Нам сказали: «Нельзя»,
но мы всё же вошли.
(Рерих)

27.
Сколько раз собиралась
я к тебе перейти:
всё бельё постираю,
переглажу, сложу —
всё готово почти,
вдруг головка у сына
разболится, и я
с ним, конечно, сижусь...
Кто бы ведал, как сильно
не стихая, болела
голова и моя?
Как я выжить сумела?
Муж, казалось, готов
примириться с судьбою,
не ругался со мною,
не корил ни за что,
даже нрав смягчил свой
и пытался ласкать,
хоть почти допускал
мой уход от него.
Обсудили с ним даже,
что и как нам делить...
Вдруг повестка пришла
в Женсовет, чтобы наше
дело личное кто-то
смаковал, ворошил,
всех послать надо б к чёрту —
ты меня убедил
приготовиться к бою,
и пока шла грызня,
одна мысль у меня
не сходила с ума,
не давая покоя:

вдруг отступишься ты,
как я выйду сама
без тебя с поля боя?
Сожжены все мосты,
перекрыты пути,
что случится со мною?
С честью ты устоял,
поняла тогда я:
жить смогу лишь с тобою.
Было жалким, презренным
положение мужа.
Что мог выдумать хуже —
в женсовет обращаться?!
Чтобы, значит, жену
ему кто-то вернул,
сидеть чинно, смиренно,
слушать, как измываться
станет всяк надо мной,
в белье грязном копать...

С женсовета, конечно,
в его дом не пошла,
уходя — и навечно! —
я сказала ему:
«Ты мне больше не муж,
стыдно мне, что была
я твоею женой».
Лишь успела порог
твой тогда перейти,
разревелась — и ты
ничего уж не мог
предпринять, чтоб меня
хоть немного унять,
и меня не корил ты,

а подставил мне грудь
ты свою, на которой
могла б выплакать горе...
Наревевшись досыта,
я сумела уснуть...

Это горе — ещё
лишь цветочки, не зло,
скоро время пришло
и до ягод — в подарок...
Сделан верный расчёт —
чтобы крепче ударить.

Я без тени сомненья
в суд сдала заявление,
чтоб оформить развод,
но ему вдруг сумели
дать иной оборот.
В целях большей огласки
Дом Культуры района
вдруг стал местом суда —
мне «концерт» преподавать
решено для острастки;
на той сцене просторной,
где обычно я пела
и нередко на «бис»
появлялась повторно.
Это — первый сюрприз,
и второй ожидать
себя долго не дал —
вдруг мой сын появился.
Испугалась невольно:
«Почему ты не в школе?
Как ты здесь очутился?

Почему? Для чего?»
«Меня папка привёл...»
«Иди в школу сейчас же!»
«А что папка мне скажет?»
Подошёл и отец,
я ему: «Ты — подлец,
женсоветов тебе
ещё мало, ребёнка
в эту грязь ты вовлёл?!»
«Принесла столько бед
ты нам с этим подонком,
на всю жизнь пусть урок
суд тебе преподаст!»
Осенило меня:
«Хотят сына отнять» —
и я враз обомлела,
и обмякло всё тело...
«Только бы не упасть» —
про себя я твержу
и в упор, не мигая,
я на мужа гляжу...
Взгляд не выдержал мой,
сник, прошёл стороной...

Собралась, как могла,
приняла валерьяну,
как ни шли бы дела,
унижаться не стану.
Я не знаю, как мать
поступила б другая,
что могла предпринять,
чтоб ребёнка вернуть...
Можно ведь — разорвать,
коль обоим тянуть...

А народ валит валом
на концерт небывалый.

Зря я, видно, пришла,
чую всею душой —
это суд — надо мной...

А в ушах всё стоят
слова сына сквозь слёзы:
«Для чего, для чего ты меня
сюда силой привёл?»
И шипенье с угрозой:
(тоже врезалось сходу)
«Сказал надо — и всё тут,
скажешь, как повелят!»

Суд идёт — прошу встать!

Я очнулась, я встала,
и опять, и опять
те глаза повстречала,
полоснувшие сталью...

Судья строго одета
в тонкий чёрный костюм,
на судейский сев стул,
хищно зал оглядела...
Нет кожанки, берета —
нет в помине той бабы,
и я вновь перед нею
отчего-то робею,
себя чувствую слабой,
некрасивой и жалкой.
Но чем больше она

говорила, тем больше
становилась всё той же
жирной бабой в кожанке.

Я хотела узнать,
кто затеял спектакль
при честном всём народе,
дело ведь — о разводе?
Это — личное дело!

Объяснили мне так:
«Может суд заседать
и по месту работы
обратившихся в суд...»
Причин нет для отвода,
да и в этом ли суть,
поскорее хотя бы
отряхнуться от срама,
пусть творят, что хотят...
Ходатайств не имела,
а у мужа — охалка
и дипломов, и грамот,
разных характеристик,
и хотя меня смело
назвать можно артисткой
(не всю жизнь ли я пела?!)
но как муж мой — сыграть
всё равно б не сумела...

Вновь вопрос: «Вот Вы мать,
что заставило Вас
бросить сына и мужа,
разве сын Вам не нужен?»
«Сына я должна взять».

«Если суд вам позволит.
Сам он скажет сейчас,
с кем быть лучше ему.»

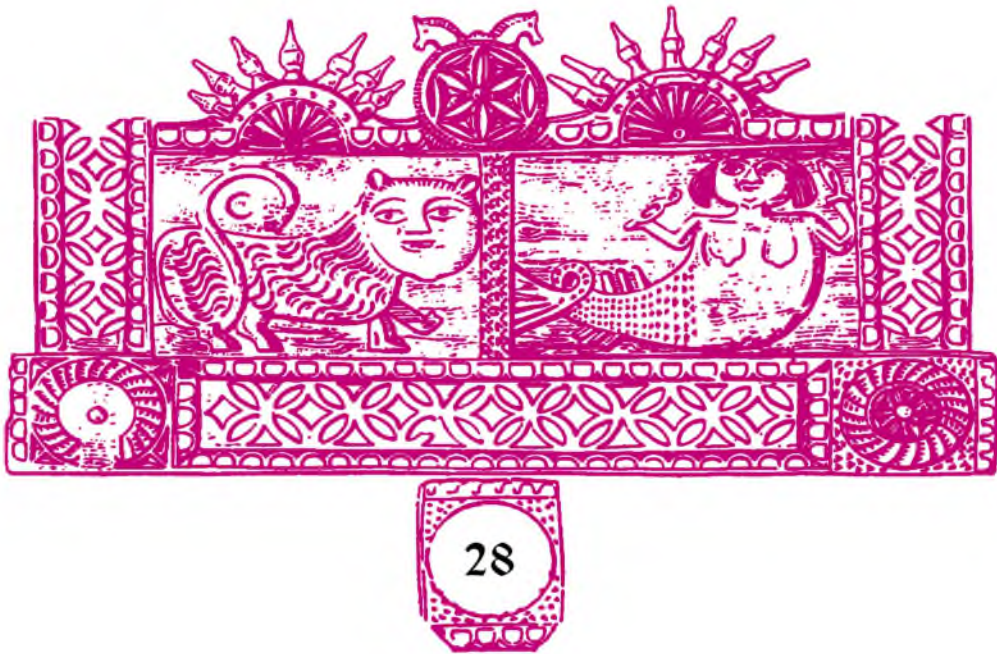
И выводят сыночка —
сердце сжалось от боли...
Говорить он не хочет,
всё косит на меня
и не может понять,
для чего, почему
все — и тёти, и дяди
вдруг пристали к нему
с лихорадочным жаром,
что им собственно надо?

А вопросы — как осы,
а вопросы — как град:
звала ль мама тебя?
день рожденья справляют?
кто тебе приподносит
в день рожденья подарок?
а гостей приглашают?
а пускают ребят
в дом с тобой поиграть?
а кто книги читает?
кто дневник проверяет?
кто обеды готовит
и бельё кто стирает?
часто, нет ли обновы
тебе мама справляет?

хочешь, нет ли отца
бросить так же, как мать,
и с родного крыльца
в дом чужой убежать?
Что тут делалось в зале!
Охи, вздохи и стоны!
Пеплом всё извергалось,
что сумели исторгнуть
из толпы, ставшей вдруг
столь послушной от рук
дирижёрских, готовых
в любой миг сделать знак
и спустить всех собак!

Что творилось со мной,
только вспомню — и вновь
становлюсь я больной.
Слышу крики и свист,
голоса, что когда-то
вызывали на «бис»,
теперь слали проклятья...

Судья — вместе с толпой,
что могла, всё отняла:
сына, честь и покой —
и под аплодисменты
приговор зачитала:
сына мне не давать,
а с меня — алименты
в пользу мужа взимать!

Глава двадцать восьмая

В землю копье мы воткнём.
Окончена первая битва.
Оружье моё было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
(Рерих)

28.

Шёл к тебе очень долго
и мучительно трудно,
и, возможно, не столько
из-за сына, семьи,
просто в мыслях моих
червь сомнения подспудно
не давал мне покоя...

Мне казалось порой,
что не создана ты
для духовного взлёта,
не способна к крутым
на пути поворотам,
что не сможешь уйти
от житейских расчётов...

То казалось, что сам
не смогу возродиться,
одно дело — влюбиться,
изменя в часах
встречи, ласки, беседы —
разойдясь напоследок,
а другое — к упряжке
быть пристёгнутым в паре,
когда мысли и тело,
когда слово и дело
пред тобой — нараспашку!
Не остынет ли жар,
не померкнут ли чары?
От жены убежал
я от первой — недаром.
Первый опыт сорвался,
знаю, в чём просчитался:

вознамерился сдуру
переделать натуру...

Убеждён теперь в главном:
истероидность явно
для семьи не подходит,
монотонность семьи
для истериков — пытка,
хватит пороха им
на одну только вспышку.
Кто такой истероид,
всем известно в народе.
И для всех не секрет,
часто внешний портрет
истероидов — броский.
С людьми сходятся быстро
на ходу, на бегу,
но скандальны, как выстрел,
дым пускают и лгут.
Их сердца — как авоськи,
наготове всегда
на любом перекрёстке
полюбить и предать.
Носы правят — по моде,
нет иных важных дел,
разговоры заводят,
в чём и как кто одет.
Лишь бы быть на виду,
наступают на горло,
не колеблясь пойдут
на подлог и на подлость.
Злость срывают на близких,
дарят ласки чужим,
с истероидом жизнь

не получится чистой.
Чтобы в счастье любить,
надо выбрать героя,
лишь бы это не был
психопат-истероид.

По понятиям чести,
кто кого выбирает:
жениха ли невеста,
иль невесту жених,
кому больше из них
в том любовь доверяет?

Идеальный пример,
хоть и взятый из сказки,
когда ломаются в дверь
претенденты — к царевне,
гнев смирия и ревность,
уповая на ласку,
на любовь и на счастье
(заодно и на царство!)

Чтоб невеста наверно
идеал нашла свой,
надо быть ей самой,
если и не царевной,
то хотя бы княжной:
неподкупной, достойной,
верной, нежной и стойкой.

С первой, кажется, встречи
ты свой выбор на мне
задержала навечно,
но прошло много дней,

пока смог я понять,
что достойней тебя
никого нет на свете,
и что ты для меня
не случайность — судьба.
Очень много по свету
я бродил — и встречал
разных женщин немало,
и ничто не мешало
с кем-то снова начать
жизнь, любовь — всё сначала.
Но пять лет я один
не женатым ходил,
потому что всегда
ты была где-то рядом
и светила мне взглядом,
как маяк, как звезда.
Но ни я, и не ты
ход событий ускорить
не старались почти:
что ждёт, счастье иль горе,
вряд ли кто-то из нас
мог заранее знать.
Тем не менее травлю
да такую — не ждали,
но теперь уже вряд ли
можно что-то поправить.

Тебе было трудней
и намного, чем мне,
но старалась меня
подбодрить ты, обняв:
«Мы любовь сбережём,
будет всё хорошо!»

Только снова
 пришла ты
 вся в слезах и опять
 мне пришлось виновато
 грудь свою подставлять.
 Кто смог снова обидеть?
 И теперь уже я,
 твердил, скорбь затая:
 «Будет всё хорошо,
 мы любовь сбережём,
 вот увидишь, увидишь,
 мы сумеем ещё
 за себя постоять,
 травят нас? Ну и пусть!
 Не боюсь я угроз,
 драк любых не страшусь,
 в драках с детства я рос.»
 Но когда я узнал,
 что случилось с тобою,
 дух борцовский, не скрою,
 сразу чуть приупал:
 имел подлость сказать
 муж: «Убила ты мать»

Если раньше о смене
 места жительства я
 не желал думать даже,
 то теперь непременно
 я решил настоять,
 чтоб уехать подальше.
 Муж твой стал запрещать
 встречи с сыном тебе,
 чтобы, мол, не губить
 и ребёнка — как мать.

«Неужели убить
 мы смогли горем мать?» —
 беда — горше всех бед!
 Но откуда он взял
 эту страшную весть?
 Из письма... Но прочесть
 его так и не дал!
 Ложь иль правду сказал?

Но была ещё нить
 утешенья у нас:
 он, наверно, в бессильи
 лжёт, старается сына
 от тебя отстранить.
 Один выход сейчас,
 путь-дорога одна —
 ехать к матери нам,
 хоть задача пройти
 к ней теперь не проста;
 на реке — ледостав,
 перекрыты пути.

Собрались налегке
 и пошли пилигримы,
 людской злобой гонимы,
 к своенравной реке.
 С каким страхом вначале
 мы ступили на лёд,
 сердца робко стучали,
 если б знать наперёд,
 впереди что нас ждёт...

Льды реку заковали
 не в единый момент —

в енисейской воде,
в злой, лихой кутерьме
их крутило немало,
но мороз был сильней —
присмирел Енисей,
сдался иль притаился...

Покорёженный панцирь,
весь в торосах, наплывах
под ногами гудел.
Риск деля на двоих,
по нему боязливо
шли, невольно впадая
в ритм шаманского танца,
сперва медленно, шатко
с дрожью мелко зябкой,
а потом ускоряя
все движенья свои...

Вот уже позади
стрежень, скоро и берег,
потеплело в груди,
шаги надо б умерить,
но сдержать их не мог:
как магнит, берег влёт,
тем сильнее, чем ближе...

Меж торосов я вижу
поровнее площадку,
и ступить не успел,
не успел я и вскрикнуть —
подо мной лёд осел...

Лишь минуты шла схватка
между мной и рекой,

руки в стороны вскинув,
я повис над водой.

«Шарф! — кричу, — брось конец!»
Шарф ты бросила мне.
В нежно-розовый шарф
я вцепился зубами
и на лёд влез ногами,
распластавшись на льду,
лишь мгновенье лежал,
а потом откатился
от смертельной беды,
от бурлящей воды,
за торос ухватился...

Только здесь смог понять,
что тут ждало меня.

На лице твоём ужас
прошёл мелом по коже.

Я, наверно, от стужи
исходил мелкой дрожью.

От одежды ручки
на лёд тихо стекали
и вокруг ног моих
на бегу застывали.

Огляделся вокруг —
ледяная пустыня...

Только нам не простыть бы
на морозном ветру.

Покорбились сразу
 брюки, ноги гудели.
 Носки были в запасе,
 мы решили одеть их.
 На спине я лежал,
 в позе истинной йоги,
 подавал тебе ноги,
 ты на них подышав,
 горячо растирала
 и к груди прижимала,
 повторяя при этом
 очень нежно и мило:
 «Ноги мы сбережём,
 будет все хорошо!»
 А ботинки — газетой
 изнутри устелила.
 Когда на ноги встал,
 я наверное знал:
 мы себя сбережём,
 будет всё хорошо!

Енисей одолев,
 почти семь километров
 мы прошли против ветра
 по заветной земле.
 И подкралась опять
 к нам тревога за мать.
 Вот и кладбище. Нет ли
 не нём свежих могил?
 Твои губы заметно
 шевелились упрямо:
 «Боже мой, помоги
 сохранить мою маму.»
 Возле дома — безлюдно.

Открываем калитку.
 Басовито и сытно
 лает пёс дружелюбно,
 твой дружок лопоухий.

Входим в дом и на кухне
 видим: мать режет лук,
 в седине голова,
 но здорова на вид.

Кричишь: «Мама! Жива?!»

Заклучила в объятия,
 а она всё на зятя
 поглядеть норовит,
 ведь впервые приехал.

Я стою перед ней
 в заскорюзлых доспехах,
 объясняю шутливо:
 окрестил Енисей,
 значит буду счастливым.

В тёплом доме, в селе,
 на пути-перепутьи,
 на планете-Земле
 не мог долго заснуть я.

В заре кутаясь алой,
 истомилась земля
 и стенала, стонала...
 С ней томился и я.

Сколько слёз, сколько крови
 по земле разлилось!

Под багряным покровом
расплескалася злость.

Полтора миллиона
лет живёт человек
в вечных кознях и войнах!
С новым веком — новей
лишь оружие смерти,
многочисленной жертвы,
во всём прочем — всё то же
на планете людей,
и ничто и нигде
измениться не может,
несмотря, что извечно
грезит люд о любви
и о дружбе сердечной,
но любовь не привить
к миру лжи и корысти,
к чувствам, к мыслям нечистым.
Миллиарды людей
миллиардами жизней
подтверждают лишь мысли
о суетности дел
их и чувств, и идей.

Человек необъятен,
хоть, увы — не без пятен,
чем похож он на солнце;
хоть разумным зовётся,
но себя он не знает,
вопреки поступает
он законам природы
и лишается рая,
вокруг кружит, рыдая...

Новый век — новый круг,
человек хороводит,
ни покоя, ни рая
он в себе не находит.
Мышцы сцепленных рук
болью судорог сводит.
Кто-то вскинет крылато
их над шумной толпой
иль в тиши — над собой...
Не часы ль он заводит?
Стрелкой по циферблату
человек в круге ходит...

Слышу, как ты и мать,
подойдя, наклонившись
надо мною с тревогой,
ещё чем-то накрыли
и укутали ноги,
и тихонько опять,
не спеша, удалились.
Речь у вас — обо мне...
И душою, как в детстве,
в безмятежности дней
снова смог отогреться.
Вновь поверил в тепло
человеческих рук
и в любовь, как оплот
счастья, в творческий труд.
Разных книг о любви
понаписано много,
не имеют иного
окончания, кроме
смерти или женитьбы,
трафарет всем знакомый,

но ни смерть, ни женитьба
не венчают Любовь:
смерть берёт всё с собой,
а женитьба — начало
лишь её иль конец.
Сколько в жизни сердец
лишь женитьбой разбито?!
Вот и наша любовь

в нашем будущем скрыта...
С этой вечною мыслью
о любви и о жизни,
о семье, об Отчизне
не мог долго заснуть я
в тёплом доме, в селе,
на пути-перепутьи,
на планете-Земле.

Раздел пятый

На музыкальной волне

Чтобы красоту создать,
надо самому быть
чистым душой.

(М. Глинка)

1. ЛУКОМОРЬЕ

Слова Александра Пушкина Музыка Валентины Терещенко

1. У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом;
идёт направо — песнь заводит,
налево — сказку говорит;
там — чудеса: там Леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том.

2. Там на неведомых дорожках —
следы невиданных зверей,
избушка там на курьих ножках
стоит без окон, без дверей;
там королевич мимоходом
пленяет грозного царя,
там в облаках перед народом
колдун несёт богатыря...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том.

3. В темнице там царевна тужит,
и серый волк ей верно служит;
там ступа с Бабою Ягой
идёт-бредёт сама собой;
там царь Кашей над золотом чахнет,
там — русский дух, там Русью пахнет...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом.

ЛУКОМОРЬЕ

Слова Александра Пушкина Музыка Валентины Терещенко

♩-88

У Лу - ко - мор - я - дуб зе - ле - ный, зла - та - я цепь на
ду - бе том, и днем и ночью Кот у - че - ный все хо - дит по пе - пи кру - гом. И -
дет на - право - песнь за - во - дит, на - ле - во - сказ - ку го - во - рит, там,
чу - де - са, там Ле - ший бро - дит, Ру - сал - ка на вет - вях си - дит. У
Лу - ко - мор - я - Дуб зе - ле - ный, зла - та - я цепь на ду - бе том.

2. ГИМН СВЯТОЙ ЗЕМЛИ (БЕЛОВОДЬЯ)

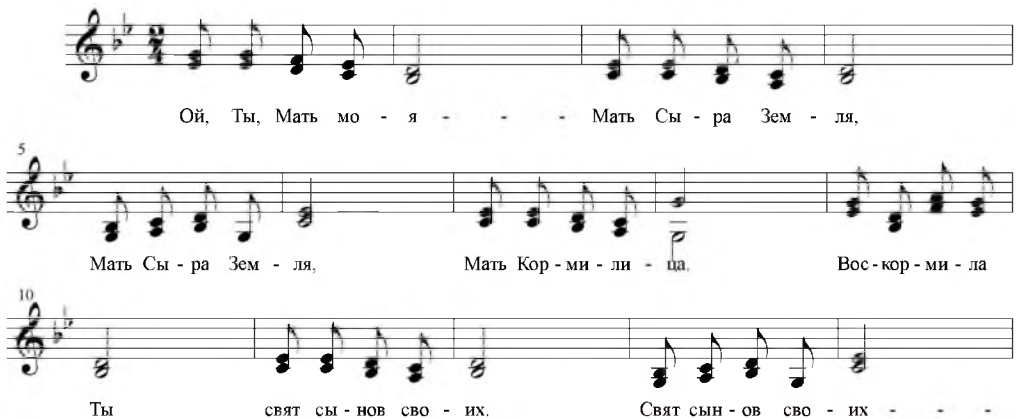
Слова народные Музыка Валентины Терещенко

Ой, Ты, Мать моя — Мать Сыра Земля,
 Мать Сыра Земля, Мать Кормилица.
 Воскормила Ты свят сынов своих,
 Свят сынов своих — воев, орочей.
 Ой, да те сыны Свет Святой Земли,
 Свет Святой Земли — Русы, Белы.

Не бывать в саду лютым ворогам,
 Лютым ворогам с Пекла тёмного,
 Не гулять в полях силе вражеской,
 Силе вражеской, смерти сеющей.
 Отстоят Роды — Роды славные,
 Роды славные — Мать Сыру Землю.

ГИМН СВЯТОЙ ЗЕМЛИ (БЕЛОВОДЬЯ)

Слова народные Музыка Валентины Терещенко

Ой, Ты, Мать мо - я - - - Мать Сы - ра Зем - ля,
 5 Мать Сы - ра Зем - ля, Мать Кор - ми - ли - ца. Вос - кор - ми - ла
 10 Ты свят сы - нов сво - их. Свят сын - ов сво - их - - -

15
во-ев. о - ро - чей. Ой, да те сы - ны Свет Свя-той Зем - ли,
21
Свет Свя - той Зем - ли - - - Ру - сы, Бе - лы.

3. МОЛЕНЬЕ О ЛЮБВИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Поднимаясь всё выше в зенит,
отливая всё меньше медью,
словно колокол, солнце звенит,
как звонарь, созывая к обедне.

Для моления час наступил,
поспешим же на гору крутую
или к старому дубу в степи,
или в светлую рощу святую.

О Царь-Солнце, о Бог наш живой,
просвети наши тёмные души,
чтобы солнечный лик огневой
согрел нас не только снаружи —

изнутри чтоб любовью сиял
взором солнечным, ясным и светлым,
О Царь-Солнце, услышь россиян
и внемли их желаньям заветным!

МОЛЕНЬЕ О ЛЮБВИ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Под - ни - ма - ясь все вы - ше взе-нит, От - ли -

3 ва - я все мень - ше медь - ю. Слов - но ко - ло - кол, сол - ниц зве-нит,

5 как зво - нарь, со - зы - ва - я ко - бед - не.

4. СВЯТАЯ РУСЬ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Необъятны просторы России,
неизбывны богатства её,
Русь издревле духовные силы
не растратила в сердце своём.

Оттого и святою зовётся,
оттого и судьба не проста.
Пусть пребудет её чистота
и сторицей в душе отзовётся.

Ярче пусть полыхают зарницы,
чтобы Русь в темноте осветить,
пусть Жар-птицей нам Родина снится
или тройкой на снежном пути.

И берёзки у поля пшеницы,
и тальник над бегущей волной
с каждой новой пришедшей весной
не устанут мечтать о Жар-птице.

СВЯТАЯ РУСЬ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

♩. 88

Не-объ - ят - ны про - сто - ры Рос - си - и, не - из - быв - ны бо -
гат - ства е - ё, Русь из - дrev - ле ду - хов - ны - е си - лы не рас - тра - ти - ла
всер - дце сво - ем. От - то - го и свя - то - ю зо - ве - тся от - то -
го и судь - ба не про - ста, пусть пре - бу - дет е - ё чис - то - та и сто -
ри - цей в ду - ше от - зо - вет - ся

5. РУСЬ

Слова Бориса Тереженко Музыка Серафима Щукина

Доля-долюшка, доля горькая,
знать не век тебе — с Русью обруку,
горе-горюшко да с оскоминкой,
разойтись с тобой Русь надумала.

Сиротела Русь и вдовела Русь,
Ярославны плачь всё в ушах звенит,
солона земля от горючих слёз
и от кровушки сыновей её.

И топтала Русь нечисть лютая,
и душила Русь тьма татарская,
довелось Руси чашу горькую
пить-хлебать до дна всю до капельки.

На закуску ей цари-ироды
кандалы вручить всё старались,
но пробил наш час, и ударил гром,
ветры буйные разгулялися,
пронеслась гроза, пролились дожди —
обновилась Русь великая.
Будто Золушка дождалась она
своего денька мира-праздника,
распрявилась, улыбнулась —
и другой такой нет на всей Земле!

РУСЬ

Слова Бориса Тереженко Музыка Серафима Щукина

До-ля - - - до-люш-ка, до-ля горь-ка-я, знать не век те-бе с Русью об-ру-ку, го-ре-

го - рюш-ко да сос - ко-ми-ной, ра-зой - тись сто-бой Русь на - ду-ма-ла го-ре - го-рюш-ко да сос-

ко - ми-ной, ра-зой - тись сто-бой Русь на - ду - ма - ла. Си - ро

те ла Русь и вдо ве ла Русь я рос лав ны плач все ву шах зе нит со ло

на зем ля от го рю чих слез и от кро вуш ки сы но вей е ё

Будь то Зо луш ка до жа лась о на сво е го день ка ми ра праздни ка распря

6. МАТЕРИНСКОЕ ПЛЕМЯ РОССИИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Где гремела война,
там гуляет волна,
колоски до земли наклоня,
и тайком колоски
от неясной тоски
зёрна в ниву, как слёзы, роняют.
Но откуда им знать,
где гремела война,
и чьей кровью поля обагрила,
как один за одним
в грозовые те дни
всех из дома мужчин уводила?
Уходили мужа,
вслед им шли сыновья,
и свинцовым дождём их косило.
Беззаветно любя,
забывало себя
Материнское племя России.
Кто вернулся с фронтов,
не забудет о том,
как остаться в живых мать просила.
Мы тебе принесли
свой поклон до земли,
Материнское племя России.

МАТЕРИНСКОЕ ПЛЕМЯ РОССИИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

♩ 88

Где гре-ме-ла вой-на, там гу-ля-ет вол-на, ко-лос-ки до зем-ли
4
нак-ло-ня-я, и тай-ком ко-лос-ки от не-яс-ной тос-ки зёр-на
7
вни - ву, как слё-зы. ро-ня - - - ют.

The musical score is written in treble clef with a 2/4 time signature. It consists of three staves of music. The first staff begins with a tempo marking of quarter note = 88. The lyrics are written below the notes. The second staff starts with a measure rest of 4 measures. The third staff starts with a measure rest of 7 measures. The piece ends with a double bar line.

7. РЕКВИЕМ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

В годы свершений,
в годы лишений
все наши мысли — о Родине.
Ветры, метели
злбно шумели
выли, свистели над Родиной.
В путь мы поднялись первые,
смерть мы встречали первыми,
грудью — на дзоты,
на пулемёты,
лишь бы жила вечно Родина!
Вечная память,

память героям,
век не забудет их Родина!
Вечная слава,
слава героям,
жизни отдавшим за Родину.
Жертвы упали первые
встанем за ними первыми...
Гибель солдата
Родине свята,
это бессмертие Родины!

РЕКВИЕМ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Сдержанно Cm6 Cm6 Cm6

В го - ды свер - ше - ний, В го - ды ли - ше - ний все на - ши мыс - ли о Ро - ди - не.

Fm6 Fm6

Вет - ры, ме - те - ли Злоб - но шу - ме - ли Вы - ли, свис - те - ли над Ро - ди - ной.

9 Fm6 D7 D7

Впуть мы под - ня - лись пер - вы - е, смерть мы встре - ча - ли пер - вы - ми,

13 Cm6 D7 Cm6

грудь - ю - на дзо - ты, на пу - ле - ме - ты, лишь бы жи - ла веч - но Ро - ди - на!

для повторения

17 для окончания D7 C F C C
Э - то бес-смер - ти - е Ро - ди - ны!

8. ПЕСНЯ ОБ ОТЦЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

В белорусских лесах, топях, мхах, камышах,
как туман, стоит память о павших.
Сколько там лежит свинца,
утопил он и отца...
Пётр Гаврилов — лишь в памяти нашей.

Припев: Сибиряк удалой —
вечный парень молодой —
на стене фотографией светит,
а старушка у окна —
то не мать ему — жена...
Стали старше отца его дети.

Сколько лет пронеслось,
сколько слёз пролилось,
как в тумане, и горе, и радость...
Только фото на стене,
только письма на столе —
от отца нам наследство осталось.

Припев: Сибиряк удалой —
вечный парень молодой —
на стене фотографией светит,
а старушка у окна —
то не мать ему — жена...
Стали старше отца его дети.

ПЕСНЯ ОБ ОТЦЕ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

В бе-ло - - - рус - ских ле-сах, то-пях, мхах, ка-мы-шах, как ту -

ман сто-ит, па - мять о пав - ших. Сколь-ко там ле - жит сви-ца, У - то -

пил он и от-ца... Пётр Гав - ри - лов-лишь впа - мя-ти на - шей.

Си-би-ряк у - да - лой - Веч-ный па-рень мо-ло-дой - на сте-не фо-то-гра -

фи-ей све - тит, а ста-руш-ка у ок-на - то не мать е - му - же-на...

Ста - ли стар - ше от - ца е - го де - - - ти.

9. КОМИССАРЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Проходят комиссары по страницам книг сквозь годы,
а тех, кто их любил — всё меньше с каждым днём.
И одиноко вестникам свободы, почти чужим в краю родном.

Припев: О комиссарах судят не по чину,
не по одежке и не по словам,
они шагают поступью былинной,
сверяя с совестью свои дела.

Нет партизанских троп и нет дорог войны, наверно,
где б комиссары не оставили свой след.
Кто мог бы, как они, быть всюду первыми?
Подобных не было и нет.

Припев.

КОМИССАРЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Про - ход - ят ко - мис - са - ры по стра - ни - цам книг сквозь го - ды, а

4
тех, кто их лю - бил - всё мень - ше с каж - дым днём. И о - ди - но - ко

7

 вест - ни - кам сво - бо - ды, поч - ти чу - жим в кра - ю род - ном.

10

 О ко - мис - са - рах су - дят не по чи - ну, не по о дёж - ке и не по сло -

13

 вам, о ни ша - га ют по - ступь - ю бы - лин - ной, све - ря - я

17

 с со - весть - ю сво - и де - ла.

10. ДЕНЬ — НОЧЬ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Пеленают землю зори алые,
 но кричит и мечется Земля,
 день — ночь, ночь — день
 голосит, заходится она,
 ночь — день, день — ночь
 нет покоя, отдыха и сна.

Отчего Земля так растревожена,
 отчего на ней покоя нет?
 День — ночь, ночь — день

всем живым повсюду правит страх,
ночь — день, день — ночь
вся Земля — в пылающих кострах!

То не зори полыхают чистые —
то костры разбойничьи горят.
День — ночь, ночь — день
над планетой дым войны чадит,
ночь — день, день — ночь
пеленает Землю этот дым.

ДЕНЬ — НОЧЬ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня «День — Ночь» в тональности ми-бемоль мажор, 4/4 метр. Музыка написана Валентиной Терещенко, слова — Бориса Терещенко. Песня состоит из 12 тактов. В начале первого такта — аккорд ми-бемоль мажор. В 6 такте — повторение фразы «День — ночь, ночь —» с двойной точкой. В 12 такте — повторение фразы «за - хо - дит - ся о - на, от - ды - ха и сна» с двумя вариантами исполнения (1. и 2.).

Пе - ле - на - ют зем - лю зо - ри ал - ы - е, но кри - чит и
ме - чет - ся Зем - ля. День - ночь, ночь -
день го - ло - сит, за - хо - дит - ся о - на, от - ды - ха и сна.

11. ЗА МИР НА ПЛАНЕТЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Наша планета мчится, бег ускоряя свой,
в завтра своё стучится дерзкой мечтой.

А над землёй нависли тучи войны опять,
тучи опять, землю опять, тянут вспасть.

Припев: Люди, слышите, люди!
Детям мир на планете дайте,
дайте планете мир!
За мир на планете, за всё
мы в ответе,
люди, слышите, люди!

Если придётся снова меч в свои руки взять,
если пути иного нам не сыскать,
тот, кто посеет ветер, бурю себе пожнёт,
бурю себе, бурю пожнёт, пусть пожнёт!

Припев

ЗА МИР НА ПЛАНЕТЕ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

15

тя - нут вспять. Лю - ди, слы - ши - те, лю - ди! Де - тям

20

мир на пла - не - те дай - те, Дай - те пла - не - те мир! За

24

мир на пла - не - те, за всё мы в от - ве - те, лю - ди, слы - ши - те, лю - ди!

12. УТУШКИ БЕЛЫЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

Как собирались к реке Енисею
с илачем-горем утушки-иташечки.
Горевали они, причитали они,
горе, горе нам пташкам залётным.

Как собирались к реке Енисею
да молодушки-утушки белые,
горевали они, причитали они,
ох, ты горькая долюшка женская.

Ты ль за батюшкино согрешение,
ты ль за матушкино немоление
горюч-камнем на грудь навалилася,
ночкой тёмной на нас опустилася.

Енисей, подсоби ночь прогнати,
горюч-камень в омут столкати!

Рад помочь Енисей, да не может:
сам закован во льды и пороги.

Как собирались к реке Енисею
да молодушки-утушки белые,
горевали они, причитали они:
«Сыра мать-земля нам поможет...»

УТУШКИ БЕЛЫЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

13. СИБИРСКИЙ МАРШ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

По лесам, лесам дремучим да по болотам,
через реки, горы всё вперёд, вперёд,
эх да, по земле нехоженой сибирской
шёл в мороз и зной отчаянный народ.
В молодых сердцах горячих кровь закипала,
не брала их стужа, смерть их не брала,
эх да, сквозь невзгоды, холод, голод, годы
всех одна мечта заветная звала.
Если ж вдруг беда-злодейка их настигала,
то никто, никто не хныкал, не роптал,
эх да, каждый только, затаивши горе,
как молитву, имя женское шептал.
Не шептал один упрямец женское имя —
всем смертям назло он всюду распевал:
«Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!
Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!»

СИБИРСКИЙ МАРШ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

По ле-сам, ле - сам дре-му-чим да по бо-ло-там, че-рез ре-ки, го - ры,

всё впе-рéd, впе-рéd, эх да, по зем-ле не - хо - же-ной си-бир - ской

14. БАЛЛАДА О ПАРТИЗАНАХ ЩЕТИНКИНА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

А кто эти люди, а кто эти люди,
в руках — иль топор, иль ружьё? .
Идут отовсюду, спешат отовсюду
в тайгу, покидая жильё.
А кто у них главный, а кто у них главный,
куда и зачем их ведёт?
Владеет топориком ладно и славно,
в зарубку без промаха бьёт.
Быть может, собралась артель лесорубов,
чтоб лес вековой корчевать? .
А что будут строить, хоромы иль клубы,
кто мог бы о том рассказать?
Наверно, расскажет топор дровосека,
и пуля сумеет пропеть,
чья кровь пролилася, зверья ль, человека ль,
об этом поведает смерть.
Сумеет сказать и тайга вековая,
как встал повсеместно народ,
как шёл с топором он, от гнева пылая,
на лес на ходячий — господ!

БАЛЛАДА О ПАРТИЗАНАХ ЩЕТИНКИНА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальная партитура в нотном формате. Пять строк нотного записи на пятилинейных скрипичных станах. Под нотами расположены русские слова, соответствующие мелодии. Первая строка начинается с ноты G4, вторая с F4, третья с E4, четвертая с D4, пятая с C4. Слова: А кто э - и лю - ди, а кто э - ти лю - ди, в ру -

6
ках - иль то - пор, иль ружь - ё? И - дут о - то - всю - ду, спе - шат о - то -

12

15. МАМА НЕСРАВНЕННАЯ РОДНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Я всё чаще к прошлому взываю,
хоть и не вернуть былые дни.
Мама несравненная, родная,
ты вернись, хотя бы в мои сны,

дай мне счастьем надышаться снова
беззаботной юности моей,
любоваться в праздники обновой,
по утрам блинов твоих поесть.

Не успею в сладком сне забыться,
прогуляв почти что до утра,
а твой голос в сны мои стучится:
«Деточка, вставать давно пора».

Не забыть, когда ты на колени
на овчину ставила меня
и дала своё благословенье,
в безрассудстве дочку не вина,

в долгую дорогу проводила
и смотрела долго мне вослед...
Кажется, во сне всё это было,
без тебя сошёлся клином свет.

Ныне под осиротевшей крышей
как забыться с ночи до утра —
голос твой я больше не услышу:
«Деточка, вставать давно пора».

МАМА НЕСРАВНЕННАЯ РОДНАЯ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Я все ча-ше к прош-ло-му взы-ва-ю, хоть и не вер-нуть бы-лы-е

дни. Ма-ма, не-срав-нен-на-я, род-на-я, ты вер-нись, хо-

тя бы в мо-и сны, сны

16. ОЙ, ДА РАССТИЛАЛСЯ ТУМАН

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

Ой, да расстился туман
по Енисею-реке,
по крутым берегам,
по зелё...
эх, по зелёным лугам.

Ой, да застилал туман
очи зоркие —
не видать, не сыскать
путь-доро...
эх, путь-дороженьку.

Ой, да ты явись, приди,
добрый молодец,
одолей, развей
силы тё...
эх, силы тёмные.

Ой, да и пришёл человек,
высек искру он.
В пламя искорка
разгоре...
эх, разгорелася.

Ой, да и взошло ему вслед
солнце красное —
и туман над рекой
порассе...
эх, порясеялся

ОЙ, ДА РАССТИЛАЛСЯ ТУМАН

Слова Бориса Тереженко Музыка Серафима Щукина

Ой, да рас-сти - ла - - - - - ля ту - ман

по Е - ни - се - - - - - ю - ре - ке,

по кру - тым бе - ре - гам, по зе -

по кру - тым бе - ре - гам, по зе -

ле... Эх, по зе - ле - ным лу - гам.

17. РЕЧКА ШУША

Слова Бориса Тереженко Музыка Серафима Щукина

Речка Шуша, родная мне, близкая,
к Енисею, прошу, не спешу,

ты помедли впадать в речку быструю,
помечтаем с тобою в тиши.

Посмотри ты на зорьку вечернюю,
не о счастье ли зорька поёт,
не торопит ли жизни течение,
не в дорогу ль большую зовёт?

Улетаю вослед за мечтами я,
но мне намять твоя дорога,
пронесутся и годы скитания,
и вернусь я к родным берегам.

Речка Шуша, родная мне, близкая,
к Енисею, прошу, не спеши,
ты помедли впадать в речку быструю,
помечтаем с тобою в тиши.

РЕЧКА ШУША

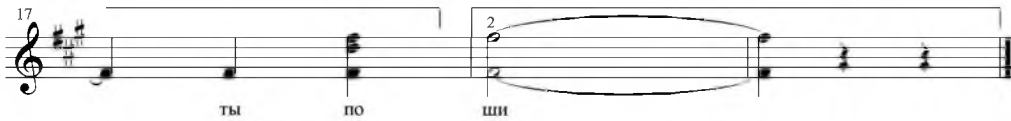
Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

Реч - ка Шу - ша, род - на - я мне, близ - ка - я, ке - ни -

се - ю. про - шу, не спе - ши, ты по - мед - ли впа - дать вре - ку -

быст - ру - ю. по - меч - та - ем с то бо - ю в ти - ши.

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The melody starts on a whole note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5. The accompaniment consists of chords: G4, A4, B4, and C5. The second staff starts at measure 6. The melody continues with quarter notes D5, E5, and F#5, followed by a half note G5. The accompaniment consists of chords: D5, E5, and F#5. The third staff starts at measure 12. The melody begins with a quarter note G5, followed by quarter notes A5, B5, and C6. The accompaniment consists of chords: G5, A5, B5, and C6. The score ends with a final chord of G5.

18. ОЙ, ТЫ, РЕЧКА, РАЗБОЙ-ПЕРЕКАТЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Ой, ты, речка, разбой-перекаты,
 тальниковая тихая грусть,
 уезжают на службу ребята
 охранять свою светлую Русь.

Ла-ла, ла-ла.
 ла-ла, ла-ла-ла.

Не тужи, мать, в разлуке ты крепко,
 у тебя ведь немало забот,
 на стене пусть шофёрская кепка
 возвращенья хозяина ждет.

Ла-ла,ла-ла,
 ла-ла,-ла-ла-ла.

Ой, вы, други мои хоккеисты,
 придержите сухим порох свой,
 где бы ни были вы, отзовитесь,
 чтобы вместе нам ринуться в бой,

Ла-ла, ла-ла,
 ла-ла, ла-ла-ла,

Ой, ты речка, разбой-перекаты.
 тальниковая, тихая грусть.
 уезжают на службу ребята
 охранять свою светлую Русь.

Ла-ла, ла-ла,
ла-ла, ла-ла-ла,
ла-ла, ла-ла,
ла-ла, ла-ла-ла.

ОЙ, ТЫ, РЕЧКА, РАЗБОЙ-ПЕРЕКАТЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ой, ты, реч - ка, раз - бой - пе - ре - ка - ты, таль - ни -

ко - ва - я ти - ха - я грусть, у - ез - жа - ют на служ - бу ре

бя - та ох - ра - нять сво - ю свет - лу - ю Русь. Ла - ла, ла -

ла. ла - ла, ла - ла - ла.

19. АНГАРА ТЫ, АНГАРА

Слова Бориса Терещенко Музыка Михаила Шрамко

Енисей невесту сватал
Ангару-красавицу,
осыпал её он золотом,
чтобы ей понравиться.

«Ангара ты, Ангара,
 будь моей навеки,
 не нужны мне, Ангара,
 все другие реки!»
 А Байкал шумел сначала
 и гремел воинственно,
 расставаться не желал он
 с дочерью единственной.
 «Ангара ты, Ангара,
 будь со мной навеки,
 не нужны мне, Ангара,
 все другие реки!»
 И увёл её и спрятал
 за семью порогами,
 чтоб на пелись никогда там
 песенки задорные.
 «Ангара ты, Ангара,
 будь со мной навеки,
 не нужны мне, Ангара,
 все другие реки!»
 Но лишь звонче песни эти
 над рекой красивою.
 Разве сила есть на свете,
 чтоб любовь осилила?!
 «Ангара ты, Ангара,
 будь со мной навеки,
 не нужны мне, Ангара,
 все другие реки!»

АНГАРА ТЫ, АНГАРА

Слова Бориса Тереженко Музыка Михаила Шрамко

Е - ни - сей не - вес - ту сва - тал Ан - га -

6
ру - кра - са - ви - цу, О - сы - пал её он зла - том.

12
Что - бы ей по - нра - вить - ся. "Ан - га - ра ты, Ан - га - ра, будь мо -

18
ей на - ве - ки, не нуж - ны мне, Ан - га - ра, все дру - ги - е ре - ки!" -

24
ки Э - Эх

20. ХАНКИРЕ*

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Кружит птица Ханкире
в синеве безбрежной,
обернулась на ковре
в голубой подснежник,
колокольчик зазвенел
и сорвался с места,
и завис он в вышине
жаворонка песней.
Вдруг сойдут на степь с дождём

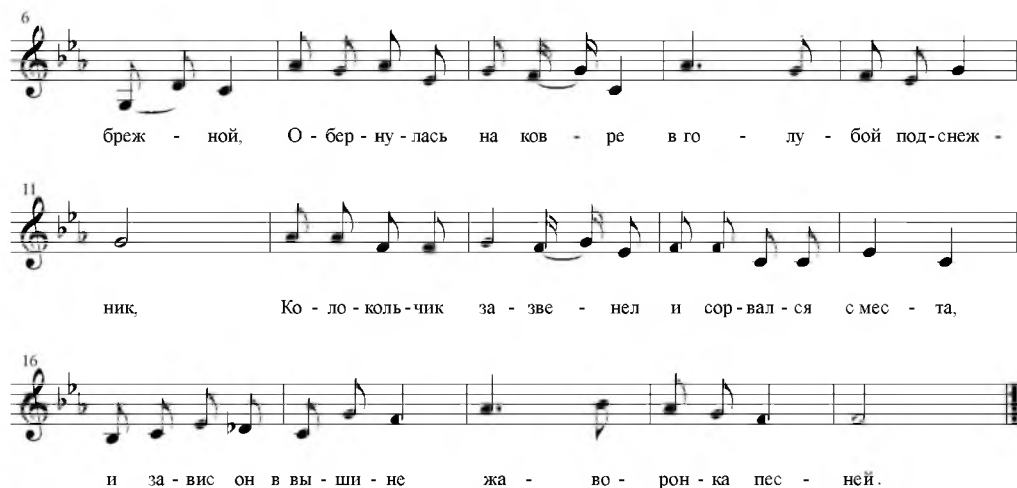
* Ханкире — дух силы и благородства в хакасском фольклоре

звёзды-огонёчки,
 вспыхнут яростным огнём
 яркие жарочки.
 Кружит, кружит Ханкире
 над землёй хакасской,
 оживает на ковре
 тень её, как в сказке.
 И от взмахов крыльев вдруг
 вырвутся на волю,
 пронесутся на ветру
 перекати-поле.
 И беглянок тех найдёт
 ветер лишь под вечер,
 их в распадке соберёт
 табунком овечек.
 Поспешите же, верный конь,
 друг мой златогривый,
 донеси меня домой
 поскорее к милой.
 Кружит птице Ханкире,
 приближая вечер,
 мчится конь мой всё быстрее,
 мчит любви навстречу!

ХАНКИРЕ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

6
бреж - ной. О - бер - ну - лась на ков - ре в го - лу - бой под - снеж -
11
ник, Ко - ло - коль - чик за - зве - нел и сор - вал - ся с мес - та,
16
н за - вис он в вы - шн - не жа - во - рон - ка пес - ней.

21. ОЗЕРО ШИРА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Небо и земля, звёзды и заря
влюблены не зря, не зря
в озеро Шира.
Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тахпах,
сердцу станет веселей.
Почему же вновь
он спешит к волне,
ведь моя, моя любовь
глубже и нежней.
Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тахпах,
сердцу станет веселей.

Много мест святых
на земле любой,
но лишь там моя судьба,
где живёт любовь.
Расскажи мне, хайджи,
о родной моей земле,
спой, чатхан, мне тахпах,
сердцу станет веселей.

ОЗЕРО ШИРА

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Не - бо и зем - ля, звез - ды и за - ря Влюб - ле - ны не

зря, не зря в о - зе - ро Ши - ра. Рас - ска - жи мне, хай - джи, о род - ной мо -

ей зем - ле, спой, чат - хан, мне тах - пах, серд - цу ста - нет ве - се - лей.

22. ВЕСТНИК НАДЕЖДЫ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Прошелестела шинами машина,
растаяла усталая в ночи.
Кого же ночь так поздно всполошила?
Чьё сердце вновь о помощи кричит?

Вестник Надежды из Нашего Дома,
вечно спешит он к вашим сердцам,
Вестник Надежды — до боли знакомый,
душою России он стал до конца.

А темнота — всё гуще, всё плотнее,
дорога — всё неровней, всё трудней,
но фары, словно скальпелем, умеют
прорезать путь в застывшей тишине.

Вестник Надежды из Нашего Дома,
вечно спешит он к вашим сердцам,
Вестник Надежды — до боли знакомый,
душою России он стал до конца.

А город спал и, нежась на пружинах,
не слышал, сон не в силах превозмочь,
как шелестела шинами машина,
не ведал он, как боль уходит прочь.

Вестник Надежды из Нашего Дома,
вечно спешит он к вашим сердцам,
Вестник Надежды — до боли знакомый,
душою России он стал до конца.

ВЕСТНИК НАДЕЖДЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Про-ше-лес - те - ла ши-на-ми ма - ши - на, рас - та - я - ла ус -

6
та - ла - я в но - чи. Ко - го же ночь так поз - дно вспо - ло - ши - ла? Чьё

11
сердце вновь о по - мо - щи кри - чит? "Вест - ник На - деж - ды" из

16
На - ше - го До - ма, веч - но спе - шит он к ва - шим серд -

21
цам, "Вест - ник На - деж - ды" - до бо - ли зна - ко - мый, ду - шо - ю Рос -

27
си - - и он стал до кон - ца.

23. ПРОСТО ПРАСКОВЬЯ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Над Чёрным Озером встаёт заря,
она пылает красотой жар-птицы,
сюда стремятся многие не зря —
здесь суждено надеждам возродиться.

Сколько ж в России благодных мест,
где возвращают здоровье!
Такое на Чёрном Озере есть,
зовётся — просто Прасковья.

Шумят здесь рукотворные леса,
тая о людях светлые преданья,
и наших братьев меньших голоса
в сердцах людских находят пониманье.

Сколько ж в России благодных мест,
где возвращают здоровье!
Такое на Чёрном Озере есть,
зовётся — просто Прасковья.

Стремятся люди, как ручьи, сюда...
И там, где озеро шумело прежде,
отныне и, наверно, навсегда
бушует море веры и надежды.

Сколько ж в России благодных мест,
где возвращают здоровье!
Такое на Чёрном Озере есть,
зовётся — просто Прасковья.

ПРОСТО ПРАСКОВЬЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Над Чёр - ным О - зе - ром вста - ет за - ря, О -

на пы - ла - ет кра - со - той жар - пти - цы, Сю - да стре - мят - ся

мно - ги - е не зря - здесь суж - де - но на - деж - дам воз - ро - дить -

ся. Сколь - кож в Рос - си - и бла - гост - ных мест, где воз - вра - ша - ют здо -

ро - вье! Та - ко - е на Чёр - ном О - зе - ре есть, Зо -

вёт - ся - прос - то Прас - ко - вья.

24. КУБАНСКИЕ ЗОРИ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Небо зорями сияет серебристыми,
и дрожат-звенят, как струны, их лучи,
очи милой под ресницами пушистыми,
словно зори, мягко светятся в ночи.

Припев:

Зори-зорьки, кубанские зореньки,
разве можно вас не любить?
Проведу к вам пути-дороженьки,
станут ярче мне зори светить.

Без любви твоей большой, моя желанная,
было много зим и было много лет,
но к тебе всегда стремился неустанно я,
маяком в дороге был мне звёздный свет.

Припев.

Звуки ночи в мощный дивный хор сливаются,
всё звучит: поля и море, и Кавказ,
а над нами в небе зори загораются,
нас они сдружили и влюбили нас.

Припев.

КУБАНСКИЕ ЗОРИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

17

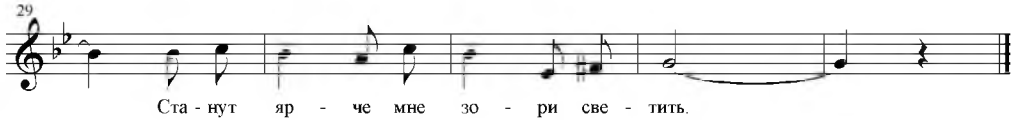
Зо - ри - Зорь - ки, ку - бан - ски - е зо - рень - ки, Раз - ве мож - но вас

23

не лю - бить? Про - ве - ду к вам пу - ти - до - ро - жень - ки,

29

Ста - нут яр - че мне зо - ри све - тить.

25. ГЕЛЕНДЖИК МОЙ, ГЕЛЕНДЖИК — БЕЛАЯ НЕВЕСТОЧКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Повстречалась на счастье иль горе
на морском берегу краса,
на ресницах — две капельки моря,
и смешинки — в лукавых глазах.

Припев:

Здравствуй, здравствуй, Геленджик,
и девчонка Светочка,
запах моря, чаек крик,
винограда веточка,
Геленджик мой, Геленджик —
белая невесточка.

Ну, зачем же ты смотришь с опаской,
и тревога в глазах видна,

будто с гор я спустился Кавказских,
будто вышел с морского я дна.

Припев:

Что за город Геленджик
и девчонка Светочка,
запах моря, чаек крик,
винограда веточка,
Геленджик мой, Геленджик —
белая невесточка.

То, что Светой зовут тебя, знаю,
этой встречи полжизни я ждал,
я полсвета прошёл в край из края
и немало я свет повидал.

Припев.

И не знал я, что в городе этом
вспыхнет сердце моё огнём,
о единственной в мире, о Свете
буду грезить я ночью и днём.

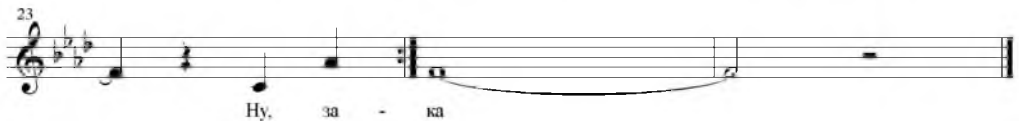
Припев.

ГЕЛЕНДЖИК МОЙ, ГЕЛЕНДЖИК — БЕЛАЯ НЕВЕСТОЧКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Повс - тре - ча - лась на счас - тье иль го - ре на мор - ском бе - ре - гу кра -

26. ДЕВЧОНОЧКА-КАЧЁНОЧКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Или времечко настало
вспыхнуть чувству, как бывало,
или речка нашептала про любовь,
мой покой любовь украла,
а девчонке — горя мало,
что же делать
мне с собой?

Припев:
У речонушки Качёнки
невзначай
я весёлую девчонку
повстречал,
полюбил с тех пор речонку,
где мне встретилась девчонка,
по речонке и девчонку
я Качёнушкой назвал.

Может, речка путь укажет,
слово верное подскажет,
может быть, научит даже,
как мне быть,
как девчонке мне признаться,
как к сердечку достучаться,
как заставить полюбить.

Припев.

Как Качёнка ни блуждает,
а в Чикой всегда впадает,
от судьбы, я это знаю,
не уйти.
И в любви бывает то же,
ведь любовь всегда поможет
сердце к сердцу привести.

Припев.

ДЕВЧОНОЧКА-КАЧЁНОЧКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

27. ЗА ГОРАМИ, ЗА ЖЁЛТЫМИ ДОЛАМИ

Слова Сергея Есенина Музыка Валентины Терещенко

За горами, за желтыми долами
протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя,
и обвитый крапивой плетень.

Не за песни весны над равниною
дорога мне зелёная ширь —

полюбил я тоской журавлиною
на высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
как повиснет заря на мосту,
ты идёшь, моя бедная странница,
поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя
жадно слушаешь ты ектенью,
помолишь перед ликом Спасителя
за погибшую душу мою.

ЗА ГОРАМИ, ЗА ЖЁЛТЫМИ ДОЛАМИ

Слова Сергея Есенина Музыка Валентины Терещенко

За го - ра - ми, за жел - ты - ми до - ла - ми Про - тя -
ну - лась тро - па де - ре - вень. Ви - жу лес и ве - чер - не - е по - лы - мя, И об -
ви - тый кра - пи - вой пле - тень. Ви - жу лес и ве - чер - не - е по - лы - мя, И об -
ви - тый кра - пи - вой пле - тень. Не за

28. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Потерянный рай, потерянный рай...
 Полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.
 Мы с детства о рае слышали немало,
 мы грезили раем не только во сне,
 взрослея из гнёзд мы родных улетали
 вослед за мечтами о райском житье.
 Но жизнь не щадила нас, может, по праву,
 остались ни с чем мы совсем невзначай,
 ушли в никуда и мечты, и забавы,
 осталась тоска да потерянный рай.
 Потерянный рай, потерянный рай,
 полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.
 Развеесть грусть, уймётся тоска,
 с души тяжкий груз твоя снимет рука,
 как в детстве, опять мы сможем мечтать,
 потерянный рай обретём невзначай.
 Потерянный рай, потерянный рай,
 полнее, мой друг, бокал наливай,
 на дне ли бокала, в глазах ли твоих
 отыщем свой рай, один на двоих.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

По - те - рян - ный рай,

по - те - рян - ный рай...

Пол -

не - е, мой друг, бо - кал на - ли - вай на дне ли бо - ка - ла, в гла -
зах ли тво - их о - ты - щем свой рай, о - дин на дво - их. Мы
сдет - ства о ра - е слы - ха - ли не - ма - ло, мы гре - зи - ли ра - ем не
толь - ко во сне, взрос - ле - я из гнезд мы род - ных у - ле - та - ли во -
след за меч - та - - - ми о рай - ском жить - е.

29. ГДЕ БЫЛА ТЫ, МУДРОСТЬ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Вёснами шальными,
душными ночами
«Выбери подругу!» —
юность мне кричала.
«Выбери подругу,
уведи под руку,
юную, шальную,

судьбинушку хмельную!»
 Осенью холодной
 в слякоть, дождь и серость
 «Выбери подругу», —
 мне шептала зрелость.
 «Выбери подругу
 из равного круга,
 ласковую, верную,
 мастерицу первую».
 Но пройдёт и осень,
 и тогда мы спросим:
 «Где была ты, мудрость,
 почему молчала,
 как кричала юность,
 зрелость как шептала...»

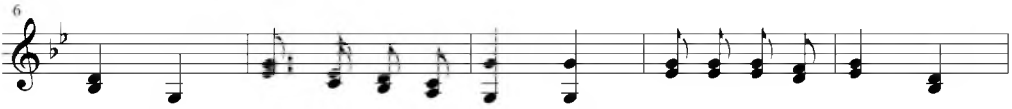
ГДЕ БЫЛА ТЫ, МУДРОСТЬ?

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Умеренно

Вес - на - ми шаль - ны - ми, Душ - ны - ми но - ча - ми "Вы - бе - ри под -

ру - гу!" - Ю - ность мне кри - ча - ла. "Вы - бе - ри под - ру - гу,

У - ве - ди под - ру - ку, Ю - ну - ю, род - ну - ю, Судь - би - нуш - ку хмель -

30. АХ, ЛЮБОВЬ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, любовь,
ах, любовь — неусыпные ноченьки,
что ни день, то сомнения вновь,
ох, любовь,
нету сил моих, нету моченьки,
всё тобой лишь одной озабочена
очень я.
На меня,
на меня — все оглядки, все шёпоты,
все подряд — и корят и бранят,
и меня
за любовь мою травят с хохотом,
только в книгах любовь не запретная,
светлая.
Милый мой,
ты приди, моё солнышко красное,
отогрей, приласкай, успокой,
мой родной,
на любые заботы согласна я,
лишь бы ты перед ними выстоял,
я — с тобой!

АХ, ЛЮБОВЬ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Ах, лю - бовь, ах, лю-бовь-не-у-сып-ны-е но-чень-ки, что ни день, то сом-

не-ни-я вновь, ах, лю - бовь, не - ту сил мо - их, не - ту мо - чень-ки, лишь од -

ной то - бой о-за - бо - че-на о - чень я.

31. КОЛЫБЕЛЬНАЯ (НЕ ХНЫЧЬ, СЫНОК)

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Не хнычь, сынок, тебе пора уж спать,
и заждалась давно тебя кровать,
быть может, справлюсь с колыбельной я,
спою, как мама пела для тебя.

Мама не вернётся к нам с тобой, сыночек,
ласки и заботы у неё — другим,
может быть, когда-то встретиться придётся,
мы тогда достойно с ней поговорим.

Как мал ещё ты у меня, сынок.
но так же, как и я, ты одинок,

ведь мама нас оставила одних,
теперь живёт среди людей чужих.

Мама за любовью устремилась слепо,
такова, наверно, у неё судьба...
Но в окошке нашем разве мало света?
Счастье нужно строить в доме у себя.

Хоть грустновато, может быть, порой,
но разве плохо нам вдвоём с тобой?
Не зря ведь мужиками родились,
сумеем заново наладить жизнь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Не хнычь, сынок, тебе пора уж спать, и ждалась
4 лась давно тебя крова, быть может, справлюсь со слезной
7 я, спую, как мама пела для тебя. быть может, справлюсь со слезной я, спую, как мама
12 пела для тебя. Мама не вернется к нам стобой, сыночек.

32. СВЕТЛЯЧКИ

Слова Бориса Тереженко Музыка Серафима Щукина

Солнечные зайчики
прыгают в лесу,
скачут, словно мячики,
жадно пьют росу.

Я сгребу в охапку
маленьких зайчат —
будет сыну шапка,
праздничный наряд.

Мы с ним в день рождения
выйдем на простор,
погуляем с песнею
в шапке непростой.

Взрослым на планете
радостно идти —
светлячками дети
светят им в пути.

День рожденья праздновать
светлячки сошлись,
в небе лампы разные
празднично зажглись.

Кажется, уж поздно,
тише, детвора.
Выключите звёзды,
спать давно пора.

СВЕТЛЯЧКИ

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

Сол - неч - ны - е зай - чи - ки Пры - га - ют вле - су, Ска - чут, слов - но

мя - чи - ки, Жад - но пьют ро - су. Я стре - бу во - хап - ку

ма - лень - ких зай - чат - - - бу - дет сы - ну шап - ка, празд - нич - ный на -

ряд. празд - нич - ный на - ряд.

33. ДЕНЬ УГАС, И НОЧЬ ПРИШЛА

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

А-а- а- а- а- а,
а- а- а- а- а,
день угас и ночь пришла,
спать пора настала.
Вышел в свой обход
Месяц, сторож вечный,
с фонарём идёт
по дороге Млечной.
Смотрит Месяц, кто не спит,
кто ночами плачет,
может, что-нибудь болит,
может, неудачи.
Держит свой обход
Месяц, сторож вечный,
с фонарём идёт
по дороге Млечной.
Светит Месяц, чтоб в пути
ночью нам не сбиться,
чтоб уверенней идти,
видеть встречных лица.
Держит свой обход
Месяц, сторож вечный,
с фонарём идёт
по дороге Млечной.
Слышит Месяц, говорят
про любовь на круче,
чтоб любви не помешать,
завернул за тучи.

ДЕНЬ УГАС, И НОЧЬ ПРИШЛА

Слова Бориса Терещенко Музыка Серафима Щукина

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня в тональности ми-бемоль мажор, 4/4 такт. Музыка начинается с ноты ми-бемоль (Bb) на первой линии. Текст песни:

А - а - а - а - а - а - а, а - а - а - а - а, день у - гас и
ночь приш - ла, спать по - ра на - ста - ла. Вы - шел в свой об - ход
Ме - сяц, сто - рож веч - ный, С фо - на - рём и - дёт по до - ро - ге Млеч - ной.

34. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

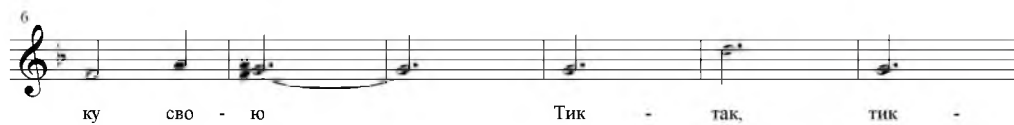
Тик-так, тик-так — песенку свою
Тик-так, тик-так — часики поют.
Тик-так, тик-так — времечко идёт,
Тик-так, тик-так — крошечка растёт.
Тик-так, тик-так — в жизни малыша
Тик-так, тик-так — сделан первый шаг.
Тик-так, тик-так — в путь, малыш, вперёд!
Тик-так, тик-так — счастье где-то ждёт.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Песня в тональности ми-бемоль мажор, 3/4 такт. Музыка начинается с ноты ми-бемоль (Bb) на первой линии. Текст песни:

Тик - - - так, тик - - - так, пе - сен -

35. ГДЕ-ТО БРОДИТ МОЁ СЧАСТЬЕ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Было счастье, любовь, встречи,
было море тепла, света,
только ветер нагнал тучи,
счастье скрылось с тех пор где-то.

Где-то бродит моё счастье
по дорогам судьбы слепо,
нет над счастьем моей власти —
нету дружбы огня с пеплом.

Моя песня, верни друга,
блекнет цвет моих глаз синих,
студит душу мою вьюга,
тихо тронул виски иней.

ГДЕ-ТО БРОДИТ МОЁ СЧАСТЬЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Пес - ня ты рас - ска - жи лю - дям, Счас - тье, счас - тье со мной
бы - ло, Толь - ко вдруг про - нес - лась вью - га, Толь - ко, толь - ко у - шёл
ми - лый Счас - тье скры - лось стех пор где - то
Толь - ко, толь - ко у - шёл ми - лый.

36. ДЕВЧОНКА, НО НЕ МОЯ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Годы,
быстрокрылые птицы,
где вы?
Жизнь — слезой на ресницах
белых,
не мигая гляжу я вдаль...
Может, не всё я изведал в те годы,
может, прошёл их не так;
юность шальную кидало в походы,
в пламя швыряло атак...
Вышел я целым, живым из огня,
вернулся я с песнею звонкой,
встречала меня в родимых краях
девчонка,
девчонка, но не моя...
Не до любви было в годы тревоги,
снились о ней только сны,
годы водили меня по дорогам,
тяжким дорогам войны.
Грустно при встрече с девчонкой иной,
бреду одиноко сторонкой,
шепчу я порой,
тоску затая:
Девчонка,
девчонка, но не моя...
Мимо проходит девчонка чужая,
в грёзах девичьих — не я,
славная милая, но не родная,
но не судьба ты моя!
Только, девчонка, с ума не своди,

мне хочется крикнуть вдогонку:
Постой, погоди,
ты сон иди явь,
девчонка?
Девчонка, но не моя...
Годы,
быстрокрылые птицы,
где вы?
Жизнь — слезой на ресницах
белых,
не мигая, гляжу я вдаль...
Годы...
Отшумели метелью
годы,
отсвистели шрапнелью
годы,
годы, годы...

ДЕВЧОНКА, НО НЕ МОЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

Не до люб-ви бы-ло вго-ды тре-во-ги, Сни-лись о ней толь-ко сны,

Го-ды во-ди-ли ме-ня по до-ро-гам, Тяж-ким до-ро-гам вой-ны.

Вы-шел я це-лым жи-вым из ог-ня, Вер-нул-ся я с пес-не-ю звон-кой, Встре-

7

 ча - ла ме - ня в ро - ди - мый кра - ям Дев - чон - ка, Дев - чон - ка, но не мо -

11

 я... Го - ды, Быст - ро - кры - лы е - пти цы,

17

 где вы? Жизнь - сле - зой на рес - ни - цах Бе - лых,

23

 Не ми - га - я гля - жу я в даль...

29

 Го - ды от - шу - мс - ли мс - тель - ю Го - ды -

35

 от - свис - те ли - шрап - нель ю Го - ды. - - -

41

 го ды. го - ды...

37. ПРОЛЕТАЮТ МЕСЯЦЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Николая Полонникова

С пылью придорожную
первый снег порошит,
может быть, хорошего
и не будет больше.

Пролетают месяцы,
время не догонишь,
доля моя просится
на твои ладони.

Проступила изморозь
на моём оконце,
повелось так исстари,
в нём — всё наше солнце.

Пролетают месяцы,
время не догонишь,
доля моя просится
на твои ладони.

Стужу могут вытеснить
доброта и ласка,
приходи же, витязь мой,
в быль из доброй сказки.

Пролетают месяцы,
время не догонишь,
доля моя просится
на твои ладони.

ПРОЛЕТАЮТ МЕСЯЦЫ

Слова Бориса Тереценко Музыка Николая Полонникова

Спылью придо - рож - но - ю Пер - вый снег по - ро - шит, Мо - жет быть, хо -

ро - ше - го и не бу - дет боль - ше. Про - ле - та - ют ме - ся - цы, Вре - мя не до -

го - нишь, До - ля мо - я про - сит - ся на тво - и ла - до - ни.

38. НЕВЕРНЫЕ СЛОВА

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнётся, так и забудутся
твои неверные слова.

Боюсь, что запоздали нежности,
и нам уже не по пути,
уйду я от твоей неверности...
Смогу ли от себя уйти?

И не на самой людной станции
пути и судьбы разошлись,

не стоит, думаю, печалиться,
что заново начнётся жизнь.

А если доведётся встретиться,
смогу ли я тебе сказать,
ведь ничего уж не изменится,
ушедший поезд не догнать.

Был для меня ты лишь попутчиком,
и эта новость не нова,
как вспомнятся, так и забудутся
твои неверные слова.

НЕВЕРНЫЕ СЛОВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Был для ме - ня ты лишь по - пут - чи - ком, и э - та

но - вость не но - ва, как вспо - мнят - ся, так и за - бу - дут - ся тво - и не -

вер - ны - е сло - ва, как вспо - мнят - ся, так и за -

бу - дут - ся тво - и не - вер - ны - е сло - ва.

39. КАК В РЕКЕ БОЛЬШОЙ ВОДА ПОДНИМАЛАСЯ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Как в реке большой вода поднималася,
 замуж девка молода собиралася.
 — На чём будет милый спать?
 — На правой руке.
 — Чем же будешь укрывать?
 — Рукой левою.
 Туча по небу плывёт, тяжелеючи,
 бьёт гроза над головой, не жалеючи.
 — Чем милого защитить?
 — Рукой правою.
 — А беду чем отвести?
 — Да другой рукой.
 Ходит рядом и вокруг, ох, разлучница,
 уведёт милого вдруг — будешь мучиться.
 — Правой, левой ли рукой мил-дружка держать?
 — Мне известно лишь одно: я умею ждать.

КАК В РЕКЕ БОЛЬШОЙ ВОДА ПОДНИМАЛАСЯ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Как вре - ке боль - шой во - да под - ни - ма - ла -

5
 ся, За - муж дев - ка мо - ло - да со - би - ра - ла - ся. - - -

10
На чем бу - дет ми - лый спать? - - - На пра - вой ру - ке - - -

14
Чем же бу - дешь ук - ры - вагь? - - - Ру - кой ле - во - ю.

40. АХ, ЗАЧЕМ Я ЕГО ПОЛЮБИЛА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ах, зачем я его полюбила
и зачем его взгляды ловлю,
знаю ведь наперёд, что мой милый
никогда мне не скажет: люблю.
Почему же его я люблю?

И напрасно о нём я мечтаю,
не приходит он даже во сне,
к сожаленью, ему не нужна я,
и не думает он обо мне,
моя жизнь от его — в стороне.

Как былинка, живу неприметной,
как же трудно вечерней порой,
когда мимо тропинкой заветной
он спешит на свиданье к другой...
Как вернуть мне свой сон и покой?

Та, другая, любовью играя,
не способна быть верной ему,
и когда он об этом узнает,
то придётся страдать самому.
Почему ж к ней спешит, почему?

АХ, ЗАЧЕМ Я ЕГО ПОЛЮБИЛА

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

41. ОГОНЁК НАДЕЖДЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Виктора Денисова

Девушка с улыбкой светлой, нежной
улицей заснеженной прошла,
принесла любимому надежду,
свет зелёный в горенке зажгла.

Припев:
Огонёк надежды,
бережно хранимый,
помогай влюблённым,
береги любовь.
Свет неугасимый,
мы живём тобой.

Не терялся дом во тьме безбрежной,
тщетно билась лютая зима,
рядом с другом верная Надежда
с огоньком работала сама.

Припев.

Девушки, подруги дорогие,
перед вами — тысячи дорог,
зимы не страшны в пути любые,
если не угаснет огонёк.

Припев.

ОГОНЁК НАДЕЖДЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Виктора Денисова

Де-вущ-ка су - луб-кой свет-лой, неж - ной У - ли - цей за - сне-жен-ной про -

шла, При - нес-ла лю - би - мо - му на - деж - ду, свет зе - лё - ный

11
в го - рен - ке зажг - ла, ого - нёк на - деж - лы, бе - реж - но хра - ни - мый, по -

16
мо - гай влюб - лён - ным, бе - ре - ги лю - бовь. Свет не - уга - си - -

21
мый, мы жи - - - - - всм то - бой.

42. ДВА ДРУЖКА

Слова Бориса Тереженко Музыка Николая Полонникова

В девушку влюбились
два дружка однажды,
будто сговорились,
будто на заказ.
Никому невесту
не уступит каждый,
на свиданье вместе
ходят всякий раз.
Девушке досадно,
девушке обидно,
всё у них нескладно,
всё не так у них,
друг за другом ходят,
а конца не видно,
не разделишь сроду
сердце на двоих.

От большой печали
девушке не спится,
где-то прокричали
третьи петухи,
под её окошком
шелестят страницы —
два дружка читают
про любовь стихи.

ДВА ДРУЖКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Николая Полонникова

В де - вуш - ку влю - би - лись два друж - ка од - наж - ды,
буд - то сго - во - ри - лись, буд - то на за - каз. Ни - ко - му не -
вес - ту не ус - ту - пит маж - дый, на сби - днь - е вмес - те
хо - дят вся - кий раз. хо - дят вся - кий раз.

43. ПЕСЕНКА ЭЛЕКТРИНЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

По улице я скромненько пройду —
толпа мужчин за мною устремляется,
наперебой бормочат, как в бреду,
и как один, понравиться стараются,
к ногам моим бросаются
и возле увиваются,
а мне смешно, ха-ха-ха, смешно!

Работайте, нам всюду говорят,
жизнь человека в этом заключается.
Какая чушь! Какой отсталый взгляд!
Ведь жизнь — одна и вновь не повторяется.
Пусть труд вознаграждается,
пускай трудяги славятся,
а мне смешно, ха-ха-ха,
смешно!

Пусть болит и тело, и душа,
пусть гром гремит, пусть смерть к нам приближается,
я в ателье направлюсь не спеша
последний сшить наряд, как полагается.
Пусть другие каются,
в слезах своих купаются,
а мне смешно, ха-ха-ха,
смешно!

ПЕСЕНКА ЭЛЕКТРИНЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Владимира Голованова

По у - ли - це я скром - ненько прой - дусь - - - Тол - па муж -
чин за мно - ю у - стрем - ля - ет - ся, На - пе - ре - бой бор -
мо - чат, как вбре - ду, и как о - дн, по - нра - вить - ся ста - рают - ся,
кно - гам мо - им бро - са - ют - ся и воз - ле уви - ва - ют - ся, а мне смеш - но,
ха - ха - ха - ха, смеш - но!

44. ПО ЗЕМЛЕ ИДЁТ БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

*Посвящается народному художнику России
Мешкову Владимиру Ильичу*

По земле идёт Большой Художник,
всем доступный, добрый человек,

без него представить невозможно
силу дружбы в наш суетный век.

По-мужски, без лишних слов и стонов
терпит в сердце или в ранах боль,
принимает мудро и достойно
и вражду, и зависть, и любовь.

По Земле идёт Большой Художник,
в жизни наши входит и в сердца,
без него, наверно, невозможно
красоту постигнуть до конца.

ПО ЗЕМЛЕ ИДЁТ БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

По зем-ле и - дет боль - шой ху - дож - ник, всем до - ступ - ный

доб-рый че - ло - век, без не - го пред - ста - вить не - воз - мож - но

си - лу друж - бы в наш су - ет - ный век.

45. АЛЁНУШКА

Слова Петра Шубина Музыка Валентины Терещенко

Всё, что видывал-не видывал,
что забыл-не позабыл,
что давно в уме прикидывал —
я бы в песню всё вложил.

В ней бы плыли гуси-лебеди
над Окою в забытьи,
в тополином тихом трепете
замирали б соловьи.

За избушкой в два оконышка
сам не знаю уж о чём,
возле пёнышка Алёнушка
горевала б над ручьём.

Только песня есть красивее,
и придумана не мной,
и зовут её Россиюю
и родимой стороной.

АЛЁНУШКА

Слова Петра Шубина Музыка Валентины Терещенко

Всё, что ви - ды - вал - не ви - ды - вал,

Что за - был - не

6
по - за - был, Что дав - но в у - ме при - ки - ды - вал - - Я бы в пес -

12
нно всё вло - жил.

46. ДОВЕРЯТЬСЯ ЛЬ АПРЕЛЬСКОМУ СОЛНЫШКУ?

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.

Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой, и сладенькой.

И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!

ДОВЕРЯТЬСЯ ЛЬ АПРЕЛЬСКОМУ СОЛНЫШКУ?

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Музыкальный фрагмент в нотной записи с русскими текстами. Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 4/4 такта. Фраза состоит из 18 тактов, разделённых на четыре строки по 6 тактов каждая. В начале каждой строки есть номер такта (6, 12, 18). Текст песни:

До - ве - рять - сья ап - рель - ско - му сол - ныш - ку? Е - щё
снег у - па - дет на го - ло - вух - ку. До - ве - рять - сья друж -
ку то - роп - ли - во - му? Ско - ро - спел - ка - лю - бовь -
не - счаст - ли - - - - - ва - я.

47. КОГДА КО МНЕ ПРИШЛА ВПЕРВЫЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Когда ко мне пришла впервые
ты на свиданье в поздний час,
две свечи блики огневые
бросали трепетно на нас.

И с парусами наш подсвечник
горел над нами в тишине...
С тех пор донине и навечно
святыней стал тебе и мне.

Пришлось пройти такие смерчи
и нам, и алым парусам,
что жизни, а не только свечи
могли погаснуть в полчаса.

Но мы живём, и алый парус,
как в первый вечер в первый раз,
своей горячей свечной парой
ласкает и лелеет нас.

КОГДА КО МНЕ ПРИШЛА ВПЕРВЫЕ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Ког - да ко мне приш - ла впер - вы - е

ты на сви - дань - е в позд - ний час, две све - чи бли - ки ог не -

вы - - - е бро - са - ли тре - пет - но на нас.

48. ЗА КАЗЁННЫМ СТОЛОМ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

За казённым столом при свечах
просидели с тобой до рассвета,
соскользнула бретелька с плеча,
только ты не заметила это.

И мерцал перед нами хрусталь,
и на дне его капли искрились,
увлажняли с тобой мы уста,
но всё суше они становились.

Не унять за казённым столом
сумасшедшие, пьяные грёзы...
Неужели с рассветом уйдём
в суету, в повседневную прозу?

За казённым столом при свечах
просидели с тобой до рассвета...
Соскользнула бретелька с плеча,
только ты не заметила это...
За казённым столом...
При свечах...

ЗА КАЗЁННЫМ СТОЛОМ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

18

э - то. Со - сколь - зну - ла бре - тель - ка сле - ча, Толь - ко

24

ты не за - ме - ти - ла э - - - то, За ка - зен - ным сто - лом

30

для окончания

при све - - - - чах

49. МЫ ЕЛИ ЯГОДЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Мы ели ягоды, и руки
 торили свой привычный путь,
 и было некогда взглянуть
 в глаза друг друга.
 На стол луч солнца падал круто,
 и ваза с ягодой на нём
 искрилась девственным огнём,
 как угли будто.
 И каждый пальчик твой при этом
 высвечивал себя насквозь,
 горел, как винограда гроздь
 при ярком свете.
 Коснулись пальцы наши в вазе —
 спешили к ягодке одной,
 и между мною и тобой —
 как искра сразу.

И я почувствовал упруго
биенье сердца своего,
и тотчас силой и теплом
налились руки.

МЫ ЕЛИ ЯГОДЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мы е - ли я - - го - ды, и ру - ки То - ри - ли
свой при - выч - ный путь, и бы - ло не - ког - да взгля - нуть ягла -
за друг друга. На стол луч

50. НАРЯЖУ Я ТЕБЯ, КАК НЕВЕСТУ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Наряжу я тебя, как невесту,
и за праздничный стол усажу,
лёгкий ужин подать поспешу,
блюда все мы готовили вместе.
Перед тем, как фарфор нас согреет,
как хрусталь свою песню споёт,
проследим гладиолусов взлёт,
полюбujemy розой своею.

В саду срезав последнюю розу,
я принёс её в дом отогреть,
ведь в Сибири уже в сентябре
ночью могут ударить морозы.
Меня ж греет уют наших комнат,
а забота твоя и любовь
без вина горячит мою кровь,
и под взглядом твоим так легко мне.
При свечах запоют бриллианты,
на твоей лишь руке в них — краса,
сразу виден твой княжеский сан,
для меня же — богиня всегда ты.
Пятьдесят тебе нынче родная,
до краёв я бокалы налью,
ещё больше тебя я люблю,
ещё страстней тебя я желаю!

НАРЯЖУ Я ТЕБЯ, КАК НЕВЕСТУ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Музыкальная запись песни. Первая строка нот содержит текст: На-ря - жу я те-бя, как не-вес-ту, и за празднич-ный стол у-са- жу, лёг-кий. Вторая строка нот начинается с цифрой 6 и содержит текст: у-жин по-дать по-спе-шу, блю-да все мы го-то-ви-ли вмес-те.

51. ЛИРИЧЕСКАЯ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Мне тревожат душу думы разные,
помоги же сердцу моему.
Почему сегодня ты не ласковый,

на меня не смотришь почему?
Беспокоюсь, может быть, напрасно я,
ты скажи мне, милый, я пойму.

Быть смогу тебе всегда полезною
в радостях и горестях твоих
и навек хочу с тобою вместе я
всё делить, что будет, на двоих,
и навек хочу с тобою вместе я
всё делить, что будет, на двоих.

Пусть морщинки все на лбу расправятся,
узелок в надбровье развяжи,
подскажи, что больше тебе нравится,
я умею чувством дорожить.
Хочешь сына или дочь-красавицу —
будет так, лишь только ты скажи.

ЛИРИЧЕСКАЯ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мне тре - во - жат ду - шу ду - мы раз - ны - е, По - мо - ги же серд - цу мо - е -

му. По - че - му се - год - ня ты не лас - ко - вый, на меня не смот - ришь по - че - му? Бес - по - ко - юсь,

мо - жет быть, на - прас - но я, ты ска - жи мне, ми - лый, я пой - му.

52. ПЕСНЯ ВАЛЕНТИНЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Я мечтала о счастье большом,
повстречалась я с ним на пути,
полюбила с тех пор всей душой, всей душой,
от себя никуда не уйти.

Знаю, нравятся косы ему,
У меня — золотая коса.
Почему же тогда до сих пор, почему
о любви ничего не сказал?

Знаю, нравятся песни ему,
Нет девчат голосистей, чем я.
Почему же тогда до сих пор, почему
безответная песня моя?

Для тебя моё сердце стучит,
для тебя мои песни звенят,
только ты не молчи, только ты не молчи,
что живёшь на земле для меня!

ПЕСНЯ ВАЛЕНТИНЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Владимира Голованова

Я меч - та - ла о сча - сье боль - шом, по - встре -

6
ча - лась я сним на пу - ти, по - лю - би - ла е - го всей ду - шой, всей ду - шой, от се - бя ни - ку - да не уй - ти. По - лю
12
1.
18
для повтора для окончания
да ти - - - ле для ме - ня

53. ТЫ ПОСМОТРИ, МОЙ МИЛЫЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Ты посмотри, мой милый,
как я нарядна, правда?
Ты посмотри, любимый,
как я красива, да?

Как выступаю гордо,
ведь ты меня любишь,
как взгляд мой глубок и ясен,
ведь я тебя так люблю!

Сама связала платье
из пряжи, что ты дарил мне,
в нём мне тепло, уютно,
оно мне — так к лицу.

Любуйся мной, любимый,
Тебе я нравлюсь, правда?
Одно я знаю наверно,
я счастлива с тобой!

ТЫ ПОСМОТРИ, МОЙ МИЛЫЙ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Ты по-смот-ри, мой ми - лый, как я на-ряд - на, прав - да?

3
Ты по-смот-ри, лю - би - мый, как я кра-си - ва

54. УЖ Я ЛИ НЕ КРАСИВА

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Уж я ли не красива, уж я ли не умна?
Глаза — как небо синее, как сосенка стройна!
Пускай говорят, что я, говорят,
весной, говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.
Уж я ли не способна походкою завлечь,
и реченьке подобна, журчит девичья речь.
Пускай говорят, что я, говорят,
весной, говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.

Всё к солнцу устремилось, чтоб звонче прогреметь,
уж мне ли не судилось дружка, как солнце, греть.
Пуускай говорят, что я, говорят,
Весной, говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.

УЖ Я ЛИ НЕ КРАСИВА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Уж я ли не кра-сива, уж я ли не ум -

на? Гла - за - как не - - - бо си - ни-е, как со - сен - ка строй -

на! Пус - кай го - во - рят, что я, го - во - рят, вес - ной, го - во -

рят, влю - би - ла - ся. Сне - га в го - рах рас -

та - я - ли, дож - ди сне - бес про - ли - ли - си.

55. НА РЕКЕ, РЕКЕ ЗАВЬЮЖЕННОЙ

Слова Бориса Тереженко Музыка Николая Полонникова

На реке, реке завьюженной — шуга,
а меня сегодня суженный ругал,
он ругал меня да выговаривал
и грозил, что больше никогда,
никогда
наперёд
солнышком меня не назовёт.

Так зачем, зачем я верила словам,
ах, зачем от них кружилась голова
и зачем я на любовь ответила
и цвела-алела, словно мак?
Я никак
не пойму,
чем я разонравилась ему.

Без него мне стал чужим родимый дом,
без любви мне, как реке под крепким льдом.
Если любит он по-настоящему,
гнев его растает, словно лёд.
Он придёт
всё равно:
солнышко на свете ведь одно.

НА РЕКЕ, РЕКЕ ЗАВЬЮЖЕННОЙ

Слова Бориса Тереженко Музыка Николая Полонникова

4
ня се - год - ня су - жен - ный ру - гал и гро - зил, что звать не бу - дет

7
сол - ныш - ком звать не бу - дет боль - ше ни - ког - да,

10
ни - ког - да на - пе - рёд сол - ныш - ком ме - ня не зна - ло -

13
1. вёт. 2. вёт так за

56. ПОЗЁМКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала.
«любовью» меня называл он
его я «судьбою» звала.

Могла ли подумать я разве,
что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.

С другой он выходит из дома,
под руку с ней мимо идёт,

взгляд женщины той незнакомой
 позёмкой по сердцу метёт.

Взглянул он, как солнце в ненастье,
 и мимо прошёл милый мой,
 и жалкое тихое «здравствуй»
 хлестнуло, как плеть, надо мной...

Я знала слов нежных немало,
 любимому все отдала,
 «любовью» меня называл он,
 его я «судьбою» звала.

ПОЗЁМКА

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

$\text{♩} = 84$ задумчиво

57. МОЙ ВЕНОЧЕК ДОРОГОЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мой веночек дорогой
из жарков сплетён,
говорил мне милый мой,
лишь в меня влюблён
и дарил цветы-жарки
он мне каждый раз,
их так много у реки
расцвело сейчас.
Для чего мне жаркий цвет,
коль милого близко нет.
Енисей — моя судьба,
Енисеюшка,
как сниму веночек со лба
да слева ушка,
в руку правую возьму
веночек девичий,
кину в встречную волну,
напеваючи:
«Если верен мне жених,
то веночек мне верни».

МОЙ ВЕНОЧЕК ДОРОГОЙ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Мой ве - но - чек до - - - ро - гой из жар - ков спле - тён,

5
 го - во - рил мне ми - лый мой, лишь вме - ня влюб - лён, и да - рил цве -

10
 ты жа - рки он мне каж - дый раз, их так мно - го у ре - ки рас - цве -

16
 ло сей - час. Для чего мне жар - кий цвет, коль ми - ло - го близ - ко

21
 нет. Е - ни - сей - - - - мо - я судь - ба

58. Я ПОМНЮ ЗАЛ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Я помню зал, зелёные обои,
 горели свечи среди кромешной тьмы...
 Здесь в первый раз мы встретились с тобою
 и здесь впервые целовались мы.

От поцелуев, сорванных укладкой,
 бросало в жар, кружилась голова,
 и было упоительно и сладко,
 слетали с губ безумные слова...

Минули годы, мы с тобой поныне
не забываем встречи при свечах,
и стали свечи нашею святыней,
романтика не гаснет в их лучах.

Я помню зал, зелёные обои,
горели свечи средь кромешной тьмы,
здесь в первый раз мы встретились с тобою,
и здесь впервые целовались мы.

Я ПОМНЮ ЗАЛ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Проникновенно

Я пом-ню зал, зе-ле-ны-е о-бо-и, Го-
ре-ли све-чи средь кро-меш-ной тьмы... Здесь впер-вый раз мы
встре-ти-лись сто-бо-ю и здесь впер-вы-е це-ло-ва-лись мы.

The musical score is written on a single treble clef staff with a key signature of one flat (B-flat). It consists of three lines of music. The first line starts with a 2/4 time signature and changes to 3/4. The second line starts with a 3/4 time signature and changes to 2/4. The third line starts with a 2/4 time signature and ends with a 7-measure rest. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across notes.

59. ПРОХОДЯТ ЛЕТА ЧЕРЕДОЮ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Проходят лета чередою,
как в небе осенняя стая,

любое веселье земное,
любая тоска роковая,
любой день в потоке унылом —
уйдут в никуда непреложно,
вернуть даже миг невозможно,
как время его бы ни длило.

В сомнениях некуда деться,
но вдруг (может быть, не случайно) —
на помощь холодной печали
приходит горячее сердце,
и вот уже снова и снова
рождается вечное слово,
с которым отрадней и легче
по жизни идти скоротечной.

Любовь — первородное слово,
любовь — необъятное чувство,
великое в жизни искусство —
навек сродниться с любовью,
пускай же годов вереница
к любовным высотам стремится,
любимых крылом осеняя,
от бед и тоски укрывая.

ПРОХОДЯТ ЛЕТА ЧЕРЕДОЮ

Слова Бориса Тереженко Музыка Валентины Тереженко

Про - ход-ят ле-та че-ре - до-ю, как вне-бе о - сен-ни - е ста-и, лю -

5
бо-е вс-сель-е зем - но-е, лю-ба-я тос - ка ро-ко-ва-я, лю - бой день в по - то-ке у -

9
ны - лом - уй - дут в ни - ку - да не-пре-лож-но, вер - нуть да-же миг не-воз -

12
мож-но, как вре-мя е - го бы ни дли-ло.

60. СЛАВИЦА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Где шумят леса рукотворные,
где зовут края беловодные,
в знатной семье,
у отца, у матушки
появился сын
для доброй славушки.

Слава Майе, звёздной заступнице!
Слава матери-земле кормилице!
Слава матушке, породившей сына!

Быстро рос сынок в учёбе да труде,
пробежали годы, как единый день.

Он задумал силу свою измерить,
заодно и друзей на верность проверить.
Стал он лук тетивою натягивать
и стрелу за стрелю прилаживать,
и пускать свои стрелы во все края,
чтоб явились на пир друзья.

А пока именинник гостей дожидается,
в Беловодье работа разгорается,
скатерть-самобранка расстилается,
кубки до краёв наливаются.

В первом кубке — Сома волшебная,
во втором кубке — Сурица лечебная,
в третьем кубке — Абрита небесная.

Время между тем неторопко идёт,
матушка сыну наказ отдаёт:
ты бы, сыночек, на охоту ходил,
добычу себе подстрелил —
иль куницу, иль лисицу,
но лучше всего жар-птицу.

Зачем же, мама, в добычу стрелять,
не лучше ли нам на свирели сыграть?

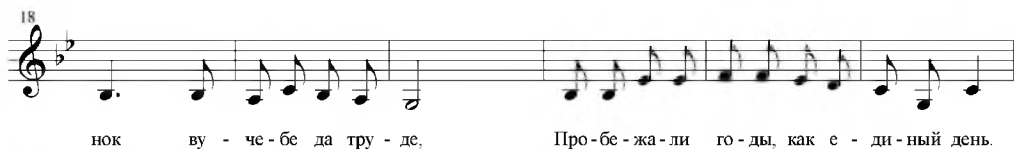
Заиграла свирель, понаехали гости,
и девицы, и князя возглашали им тосты.

Пировали друзья, пили, ели
и славицу пели:

Слава отцу именинника, слава!
Слава матушке его, слава!
Слава молодцу доброму, слава!
Слава!! Слава!!!

СЛАВИЦА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

30

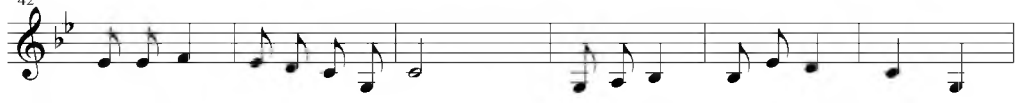
вер - ность про - ве - - - - рить. Стал он лук те - ти - во - - ю на - тя -

36

ги - вать и стре - лу за стре - ло - ю при - ла - жи - вать, и пус - кать

42

сво - и стре - лы во все кра - я, чтоб я - ви - лись на пир друзь - я.

48

А по - ка и - ме - мин - ник гос - тей до - жи - да - ет - ся, вБе - ло - воль - е - ра

54

бе - та раз - го - ра - ет - ся, ска - терть - са - ме - бран - ка рас - сти - ла - ет - ся,

59

куб - ки до кра - ев на - ли - ва - ют - ся. Впер - вом куб - ке -

65

Со - ма вол - шеб - на - я, во вто - куб куб ке - Су - ри - ца ле - чеб - на - я,

71
втреть - ем куб - ке - Аб - ри - та не - бес - на - я. Вре-мя меж-ду

77
тем не - то - роп - ко и - дет, Ма - туш-ка сы - ну на - каз - да -

83
ет: ты бы, сы - но - чек, на о - хо - ту схо - дил, до - бы - чу се -

89
бе под-стре - лил - иль ку - ни - цу, иль ли - си - цу. а

95
луч - ше все - го жар - пти - - цу. За -

101
чем же, ма - ма, вдо - бы - чу стре - лять, не луч - ше ли нам на сви -

107
ре - ли сыг - рать? За - иг - ра - ла сви-рель, по - на - с - ха-ли гос-ти,

113
и де-ви-цы, и князь - я возг-ла-ша - ли им гос-ты. Пи - ро - ва - ли друзь-я.

пи-ли, е-ли и сла-ви-цу пе-ли. Сла-ва от-
 125
 цу и-ме-нин-ни-ка, сла-ва! Сла-ва ма-туш-ке е-ге, сла-ва! Сла-ва мо-
 131
 лод-цу доб-ро-му. сла-ва!

61. В САЯНАХ КРУЖАТ ОРЛЫ

Слова Бориса Тереженко Музыка Николая Полонникова

В Саянах кружат орлы,
 вольные веют ветры,
 и на вершине скалы
 солнце встречают кедры.

К солнцу и свету маня,
 белеют вдали тасхылы,
 будьте же парусом для меня,
 тасхылы мои, тасхылы.

Раздвинув горы, спешит
 вдаль Енисей могучий,
 галькой гулко шуршит,
 плещет волной певучей.

В путь неоглядный манят
 просторы моей Отчизны,
 будь, Енисей, всегда для меня
 широкой дорогой жизни.

В САЯНАХ КРУЖАТ ОРЛЫ

Слова Бориса Терещенко Музыка Николая Полонникова

В Са - я - нах кру - жат ор - лы, воль - ны - е ве - ют вет - ры, и свер -

ши - не ска - лы солн - це встре - ча - ют кед - ры. К солн - цу и све - ту ма - ня, бе - ле - ют вла -

ли тас - хы - лы, будь - те же па - ру - сом вы для ме - ня, тас - хы - лы мо - и, тас - хы - лы.

62. НА КРАЮ СЕЛА ХАТЁНКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
И какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Дым кругами над хатёнкой,
а войдётся в неё едва,
сколько б ни было силёнки,
закружится голова.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

НА КРАЮ СЕЛА ХАТЁНКА

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

На кра - ю се - ла ха - тён - ка не ма - ла, не ве - ли - ка, в ней ве - дёт - ся

ра - бо - тён - ка не тяж - ка и не лег - ка. Чья ха - тён - ка, кто в ха - тён - ке И ка - ка - я

ра - бо - тён - ка? Мо - я ха - та с кра - ю, Ни - че - го не зна - ю.

63. ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

Посвящается композитору Владимиру Голованову

Наш друг уже
не сможет никогда
аккордеон обнять
привычно,
когда в душе
вдруг неспроста
нахлынут чувства
жизни личной.

Он жизнь любил
и дружбой дорожил,
но не всегда, увы,
взаимно,
и с болью жить
в душе привык,
творя любви и дружбе
гимны.

И он живёт
и вечно будет жить
в мелодиях своих
чудесных.
Акордеон
нам не забыть,
как не забыть
душевных песен.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

Наш друг у - же не смо - жет ни - ког - да ак -

кор - де - он об - нять при - выч - но, ког - да вду - ше вдруг не - спрос - та на -

хлы - нут чув - ства жиз - ни лич - ной. ког - да вду - ше вдруг не - спрос -

та на - хлы - нут чув - ства жиз - ни лич - ной.

64. КВИТКО-ДИВЧИНОЧКО

Слова Бориса Тэрэценка Музыка Володымыра Голованова

Витер повияв з Днипра прохолодою,
писню скинчыла дивчына спивать,
дывытыся в воду, мылується вродою,
хочу ии прывитать.

Приспів: Ой-ёй, сэръэ замліється,
ой-ёй, тэмно в очах,
як волошковиі очи зустрінуться,
як усміхнэтыся дівча.

Ты не лякайся мэнэ, квітко-дивчиночко,
сонячна, ясна волошка моя,
прошу побуты зи мной хоч хвылыночку,
вичність чэкав тэбэ я.

Приспів.

К зорям на нэбо вжэ бильшэ не лыну я,
бо я волошки зустрив на зэмлі,
бо зустричаюсь з одною дивчиною
в гаї, у поли, в сэлі.
Приспів.

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

КВИТКО-ДИВЧИНОЧКО

Слова Бориса Терещенка Музыка Володымыра Голованова

Ви - тер по - ви - яв з Дни - пра про - хо - ло - до - ю, Пис - ню скин -

чы - ла див - чы - на спи - вать. Ды - выть - ся вво - ду, мы - лу - еть - ся

вро - до - ю, Хо - чу и - и пры - ви - тать. А - -

18
а, сэр - цэ зам - ри - еть - ся, а - - - а, тэм - но в о -

24
чан, як во - лош - ко - ви - н о - чи зус - три - нуть - ся, як ус - мих -

30
нэть - ся див - ча,

65. ЗОРЯНЭ ЩАСТЯ МОЕ

Слова Борыса Тэрэценка Музыка Володымыра Голованова

Нич засива
зорямы нэбо замриянэ,
писню спива
щирый коханий мэни,
тэпли слова
сповнюють сэрсэ надиямы,
радисть кохання,
щастя нэсуть воны.
Прыйды,
прылынъ, коханий мий,
на свити —
тылькы я и ты,
шляхамы
нэсказаннымы
разом повсюды,
разом навикы,

разом з тобой нам иты.
В завтрашний дэнь
мрии уводять мэрэжани,
завтрашний дэнь
в сонячним сйиви встае,
будэм лышэнь
з ным мы завжды обэрэжнымы,
любый мий, ридный, зорядэ щастя мое.
Прыйды, прылынь, коханий мий,
на свити — тилькы я и ты,
шляхамы нэзгаданнымы
разом повсюды, разом навикы,
разом з тобой нам иты!

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

ЗОРЯНЭ ЩАСТЯ МОЕ

Слова Борыса Тэрэщенка Музыка Володымыра Голованова

Нич за - си - ва Зо - ря - мы нэ - бо зам -

ри - я - нэ. Пис - ню спи - ва Щи - рый ко - ха - ный мэ -

ни. Тэп - ли сло - ва Спов - ню - ють сэр - цэ на - ди - я -

66. ДОЛЭ МОЯ

Слова Борыса Тэрэценка Музыка Валэнтыны Тэрэценко

Дэсь шляхамы Вкраины
ходыть доля моя,

в нѣи облик дивчыны,
а душа соловья.
Занѣдужав писнямы
я про ридни краи,
сумовав до нѣстямы
всѣ по вас, соловьи.
Сумовав по дибровам,
по вышнѣвым садкам,
ще й по хвѣлям днiproвым,
матѣрынськым рукам,
по очам тым дивочым,
що свитылы мѣни
и в безмовний пивночи,
и в чужий сторони.
Я нѣ знаю, як сталося,
моя мрия збулася,
уви сни не гадав я,
алѣ доля знайшлася.
Я почув ридну мову,
глянув в очи твои —
загулы у диброви
соловьи, соловьи.

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

ДОЛЭ МОЯ

Слова Бориса Тѣрѣщенка Музыка Валѣнтыны Тѣрѣщенко

Дѣсь шля - ха - мы Вкра - и - ны

Хо - дить до - ля мо - я,

В нэ - и об - лик див - чы - - - ны, а ду - ша со - ло - вья.

За - нэ - ду - жав пис - ня - мы я про рид - ни кра - и, су - мо - вав до нэс -

тя - мы все по вас, со - ло - вьи.

67. ДЭ ТЫ ХОДЫШ, ДЭ ТЫ, МИЙ КОХАНЫЙ?

Слова Борыса Тэрэценка Музыка Володымыра Голованова

Чом погаслы очи, чом воны не сплять,
чом болыть сэрдэнько, начэ рана,
чом воно рыдае, начэ нэмовля,
дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?

Вжэ высоко в нэби зиронька зийшла,
долэ моя, зиронько жадана!
Чом жэ на зэмлі я шастя не знайшла?
Дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?

Для мэнэ зирваты зирку обищав,
ой, нэ трэба рваты, бо краса завьянэ.
Свитла мэни досыть з твойого лыщя.
Дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?

Подывысь, вид зиркы нэбо зайнялооь,
нэ барысь, приходь, бо вжэ нэ рано,
щоб мэни казаты бильш нэ довэлось,
дэ ты ходыш, дз ты, мий коханий.

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

ДЭ ТЫ ХОДЫШ, ДЭ ТЫ, МИЙ КОХАНИЙ?

Слова Бориса Тэрэценка Музыка Володымыра Голованова

Вжэ вы - со - - - ко внэ-би зи-ронь-ка зийш - ла, До - лэ

6
мо - я, зи-ронь-ко жа - да - - на! Чом жэ на зэм - ли я

12
шас - тя не знайш - ла? дэ ты хо - дыш, дэ ты, мий ко - ха - ный?

68. ЗАПАШНЭЕ ЗИЛЛЯЧКО В ЦВИТУ

Слова Бориса Тэрэценка Музыка Валэнтыны Тэрэценко

Хвylieми бурхлыво Днипр вночи гуркочэ,
смутнэе дивча вин знай журбыть,
нащо воно ходыть тута сэрэд ночи,
що надумало з собой зробыть.

И була снытлыва одповідь дивоча,
я шукаю щастя свое тут,
тут я загубыла рутяный виночок,
запашнэе зиллячко в цвиту.

Ой, вы, бэрэжэчкы, квитамы повыти,
прытуга, прынада молодым,
хто ж тут в барвиночку, в рути, в оксамыти
в запашнии дыва нэ ходыв?!

Нэ бурчы, Днипро, ты в свои сыви вуса,
бо записние твоя вода,
нэ жэны вид сэбэ, всэ одно ты мусыш
запашнэе зиллячко виддаты.

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

ЗАПАШНЭЕ ЗИЛЛЯЧКО В ЦВИТУ

Слова Борыса Тэрэценка Музыка Валэнтыны Тэрэценко

Хвы - ля-ми бурх - лы - во Днипр в но - чи гур - ко - чэ,

3
Смут-нэ-е див-ча вин знай жур - быть, На-що во-но хо-дять ту-та сэ-рэд но-чи,

7
що на-ду - ма - ло з со - бой зро - быть.

69. ПЭРШИЙ СНИГ

Слова Бориса Тэрэцэнка Музыка Володымыра Голованова

Цвит вышнэвый билымы кружляе шмэлямы
буйно квитнэ мий садочок по вэсни,
а мэни здається, що в садку вышнэвому
выпав нэнароком рано пэрший сниг.

Годи, дивчыно, тоби до сонця ластыться,
сонцэ – ничые, воно горыць для всех,
нэ цураись, лэты, прылынь до мэнэ ластивко,
нэ дывысь, що скрони вкрыв вжэ пэрший сниг.

Ты ж сама для мэнэ, начэ проминь сонячный,
тыльки заглядаеш в хату уви снй,
тыльки гриешь нэ мэнэ, и сэрцю болячэ,
покрывае скрони вжэ нэ перший сниг.

(Украинский текст передан посредством русского алфавита)

ПЭРШИЙ СНИГ

Слова Бориса Тэрэцэнка Музыка Володымыра Голованова

Цвит выш - нэ-вый би - лы - мы круж - ля - е шмэ - ля - мы буй - но

квит - нэ мий са - до - чок по вэс - ни, а мэ - ни зда - еть - ся,

11
що всад - ку выш - нэ - во - му вы - пав нэ - на - ро - ком ра - но пэр - ший

16
сннг. пэр - ший сннг.

70. ЗА ОТЧИЗНУ, ЗА РОССИЮ

Слова Бориса Тереценко Музыка Валентины Тереценко

За Отчизну, за Россию
мы сумеем постоять,
вражью силу мы осилим,
всем отпор сумеем дать.

Вспомним, как врага косили
на Руси у нас всегда,
кто бы ни был враг, осилим
всем отпор сумеем дать.

И не сможет враг заклятый
одолеть нас никогда,
мы верны Отчизне свято,
всем отпор сумеем дать!

ЗА ОТЧИЗНУ, ЗА РОССИЮ

Слова Бориса Терещенко Музыка Валентины Терещенко

За От - чиз - ну, за Рос - си - - - ю

6
мы су - ме - см по - сто - ять. враж - ю си - лу

12
мы о - си - лим, всем от - пор суме - см дать.

СПИСОК ПЕСЕН

1. Лукоморье.
2. Гимн Святой земли (Беловодья).
3. Моление о любви.
4. Святая Русь.
5. Русь.
6. Материнское племя Россия.
7. Реквем.
8. Песня об отце.
9. Комиссары.
10. День – ночь.
11. За мир на планете.
12. Утушки белые.
13. Сибирский марш.
14. Баллада о партизанах.
15. Мама несравненная, родная.
16. Ой, да расстилался туман.
17. Речка Шуша.
18. Шуша-речка, разбой-перекаты.
19. Ангара ты, Ангара.
20. Ханкире.
21. Озеро Шира.
22. Вестник Надежды.
23. Просто Прасковья.
24. Кубанские зори.
25. Геленджик мой, Геленджик.
26. Девчоночка-Качёночка.
27. За горами, за жёлтыми долами.
28. Потерянный рай.
29. Где была ты, мудрость?
30. Ах, любовь.
31. Колыбельная (Не хнычь, сынок).
32. Светлячки.
33. День угас и ночь пришла.
34. Колыбельная.
35. Где-то бродит моё счастье.
36. Девчонка, но не моя.
37. Пролетают месяцы.
38. Неверные слова.
39. Как в реке большой вода.
40. Ах, зачем я его полюбила.
41. Огонёк надежды.
42. Два дружка.
43. Песенка Электрины.
44. По земле идёт Большой Художник.
45. Алёнушка.
46. Доверяться ль апрельскому солнышку?
47. Когда ко мне пришла впервые.
48. За казённым столом.
49. Мы ели ягоды.
50. Наряжу я тебя, как невесту.
51. Лирическая.
52. Песня Валентины.
53. Посмотри, мой милый.
54. Уж я ли не красива.
55. На реке, реке завьюженной.
56. Позёмка.
57. Мой веночек дорогой.
58. Я помню зал.
59. Проходят лета чередою.
60. Славица.
61. В Саянах кружат орлы.
62. На краю села хатёнка.
63. Песня о друге.
64. Квитко-дивчиночко.
65. Зорянэ щастя мое.
66. Долэ моя.
67. Дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханный?
68. Запашнэе зиллячко в цвиту.
69. Пэрший снег.
70. За Отчизну, за Россию.

**Книга
ТРЕТЬЯ**

*Борис Терещенко.
Солнце — Бог и Отец наш.
Масло, ДВП, 125×60 см., 2009 г.*

Русичи изначально — солнцеклонники, огнищане, т.е. арии. Арии — не этническое понятие, а мировоззренческое. Первослово Ра у русичей обозначает творящую, оплодотворяющую силу Солнца. Ра-си — сыны Солнца (Ра-сичи). Корневая система звучала по-разному: рус, рос, рас, рес, при обратном чтении: сар, сир, сэр. Обратное прочтение Ра — ар (яр), т.е. арий, ярый. Лексемы ра, ар, яр в первоязыке — вездесущи, входят в обозначение и богов (Ярило), и имён (Рада, Ярослав), и профессий (виноградарь, повар), и социального положения (сударь, государь) и психоэмоционального состояния (разум, ярость), и повседневной деятельности (пора, рано).

*Борис Терещенко.
Лада, богиня-мать.
Масло, картон, 59×60 см., 1990 г.*

Культ «рожаниц» (рожениц) — матери и дочери — один из самых древних и самых устойчивых у русичей; до наших дней он дошёл из Триполья (V-IV тысячелетия до н.э.).

*Борис Терещенко.
Леля, богиня-дочь.
Масло, картон, 32×24 см., 1984 г.*

В старинных песнях славянорусов обращения к Ладе и Леле были почти постоянными. В ковёрных узорах, в вышивке они изображались в виде стилизованных фигурок, чаще вместе с первобогиней Макошью.

*Борис Терещенко.
Злата Майя, супруга Даждьбога, соткавшая звёздное небо.
Масло, ДВП, 78×54 см., 1998 г.*

*Борис Терещенко.
Рада, родившая Каму, бога любви.
Масло, ДВП, 76×55 см., 2009 г.*

*Борис Терещенко.
Коло-ксай.
Масло, ДВП, 70×50 см., 1991 г.*

По легенде Русичей (русичей), пересказанной Геродотом (V в. до н.э.), с неба на славянские земли упали золотые пылающие предметы: плуг, чаша и меч. Царь Таргитай (первопредок) послал трёх своих сыновей овладеть священными предметами, но покорить огненный металл смог лишь младший, который и основал Золотое царство, став его царём — Коло-ксаем (коло — солнце), поэтому подданных своих он назвал сколотами; старшие братья основали Серебряное и Медное царства.

Плиний Старший (I в. н.э.) подтвердил наличие трёх славянских царств: на Борсфене (Днестре) — Золотое царство во главе с Коло-ксаем, на Тирасе (Днестре) — Серебряное царство во главе с Арпо-ксаем, на Гипанисе (Южном Буге) — Медное во главе с Липо-ксаем.

*Борис Терещенко.
Портрет матери.
Масло, ДВП, 122×65 см., 2009 г.*

*Борис Терещенко.
Свет неугасимый.
Масло, картон, 68×50 см., 1991 г.*

*Борис Терещенко.
В Михайловском.
Масло, ДВП, 81×109 см., 1999 г.*

Борис Терещенко.

Вилла вода.

Масло, картон, 50×36 см., 1986 г.

Первая рецензия на картину — искусствовед Наташа, 2,5 года: «А баба Валя сняла колготки и плавки».

*Борис Терещенко.
Медной горы хозяйка.
Масло, ДВП, 1572×87 см., 1998 г.*

*Борис Терещенко.
«БУКВА»-рь.
Масло, ДВП, 40×50 см., 2009 г.*

Анатолий Петрович Стагейнов — писатель, журналист, создавший издательство «Буква С», которое за первые десять лет выпустило более пятисот высокохудожественных патриотических произведений. Опора в его творчестве — семья: супруга, дочь, сыновья.

*Борис Терещенко.
Академик.
Масло, ДВП, 78×58 см., 1997 г.*

*Борис Терещенко.
Народный певец.
Масло, ДВП, 134×78 см., 1998 г.*

*Борис Терещенко.
Черёмуха цветёт.
Масло, ДВП, 95×70 см., 1999 г.*

*Борис Терещенко.
В священной роще.
Масло, ДВП, 157×80 см., 2002 г.*

Борис Терещенко.

Бабые лето.

Масло, холст, 43×56 см., 1983 г.

*Борис Терещенко.
Сибирячка.
Масло, ДВП, 58×43 см., 1995 г.*

*Борис Терещенко.
Сестрицы.
Масло, ДВП, 128×88 см., 1996 г.*

*Борис Терещенко.
Семь-Я (Староверы Мартюшевы).
Масло, ДВП, 102×75 см., 1992 г.*

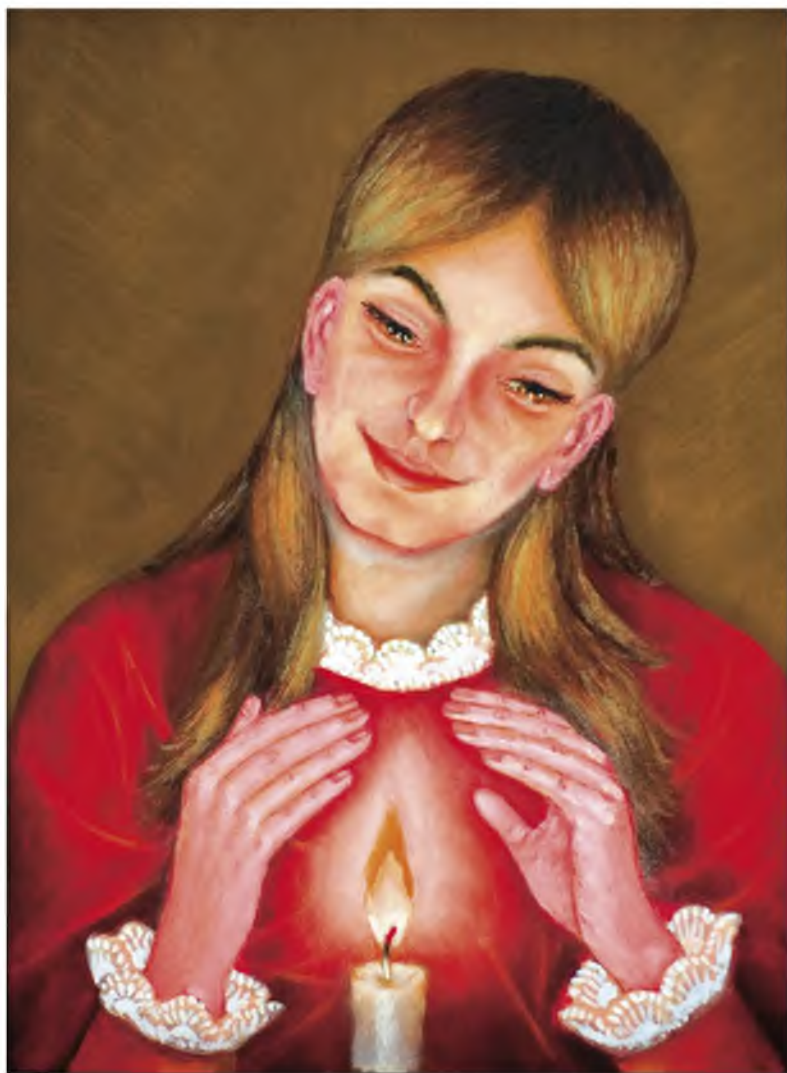
*Борис Терещенко.
Фольклористы.
Масло, 69×49 см., 1992 г.*

*Борис Терещенко.
Грёзы.
Масло, ДВП, 63×98 см., 2009 г.*

*Борис Терещенко.
Дружок.
Масло, ДВП, 122×72 см., 1999 г.*

*Борис Терещенко.
Огонёк.
Масло, ДВП, 54×40 см., 2001 г.*

*Борис Терещенко.
Чайка.
Масло, ДВП, 50×46 см., 1991 г.*

*Борис Терещенко.
Леший.
Масло, ДВП, 113×49 см., 1991 г.*

*Борис Терещенко.
На Бирюсе.
Масло, картон, 75×45 см., 1993 г.*

*Борис Терещенко.
Глоксинии.
Акварель, бумага, 42×51 см., 1978 г.*

*Борис Терещенко.
Гладиолусы.
Акварель, бумага, 42×58 см., 1980 г.*

Борис Терещенко.

Заклание.

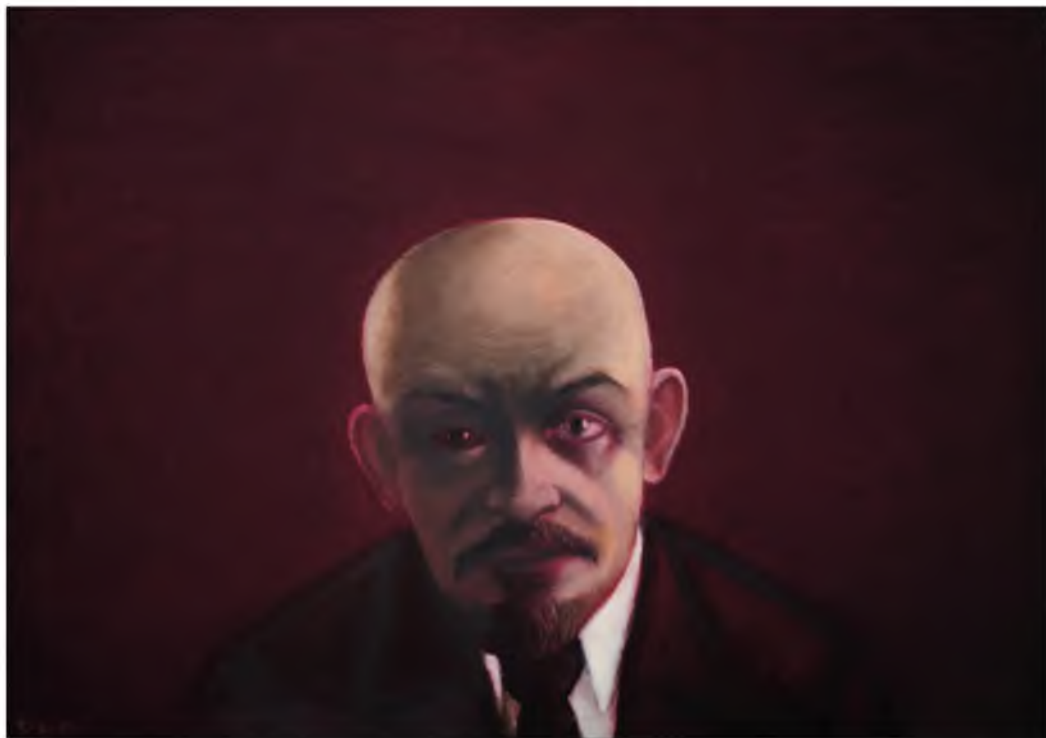
Масло, картон, 50×70 см., 1985 г.

«Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции, которые будут жить так, как мы им прикажем». (Ленин.)

На стыке 1897-1898-х годов были образованы три партии: сионистская, Бунд и РСДРП, имевшие единое руководство, единое материальное обеспечение, и все они — три полка единой дивизии — оказались в России для организации революции.

«Революция — это применение конституции масонских лож к обществу» (Папюс).

На обычном языке это война и хаос, буза и террор, вооружённый захват деморализованной власти и физическое устранение противников.

Борис Терещенко.

Суд присяжных.

Масло, картон, 48×67 см., 1990 г.

Вождь русских (вернее, антирусских) революций Ленин первый соединил массовую пропаганду и агитацию с массовым террором, результаты которого были чудовищны. Лишь за 1905-1907 гг. в борьбе «за свободу и счастье» революционеры погубили более 17 тысяч человек, из них случайных прохожих и детей — 8 тысяч, чиновников и государственных служащих — 7 тысяч, бизнесменов — 2 тысячи, генерал-губернаторов — 43, градоначальников — 26, министров — 3.

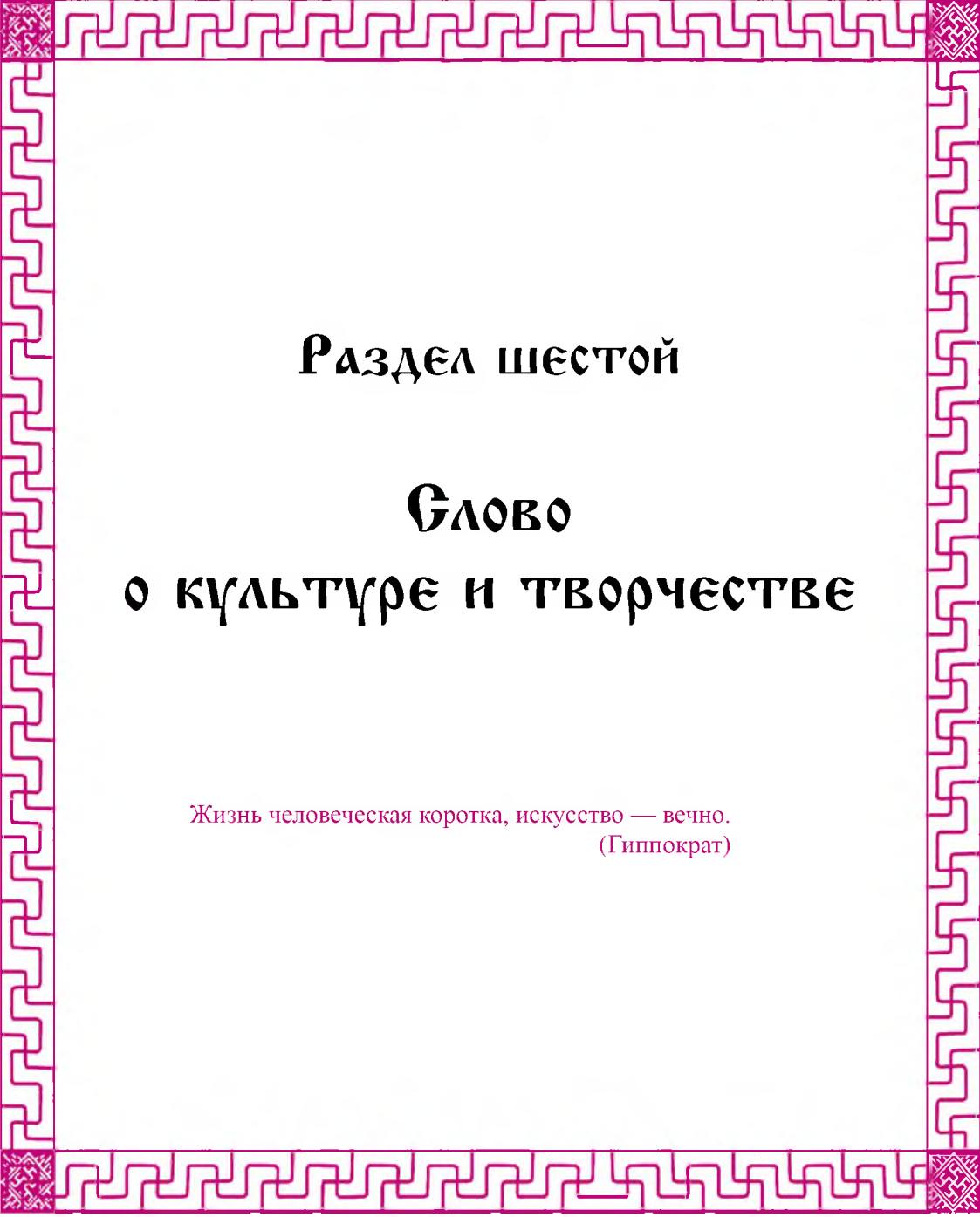
Всего же революционеры, «борцы за светлое будущее России» — уничтожили более 32-х тысяч человек в развязанном им терроре, благодаря чему и дорвались до власти в Октябре 17-го, а после революции погубили ещё более 50 миллионов россиян.

*Валентина Терещенко. Одиночество.
Масло, картон, 32×24 см., 1983 г.*

Живопись

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

СЛОВО

О КУЛЬТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

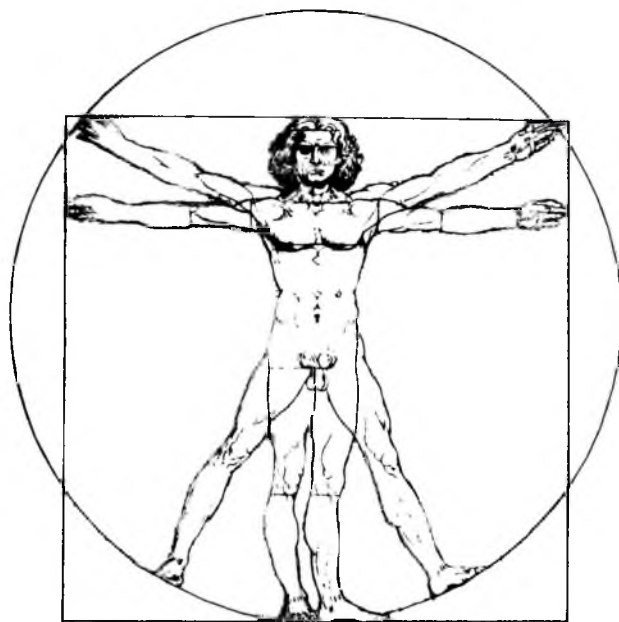
Жизнь человеческая коротка, искусство — вечно.
(Гиппократ)

Прошлое человечества и его будущее разделяют буквально мгновения. Прошло событие — и вот уже нет его. И если настоящее столь эфемерно, а будущее неопределённо, непредсказуемо, то единственной реальной точкой опоры в человеческой жизни является прошлое, то есть история, критерием истинности которой могут служить народные традиции, архетипически обусловленная культура, этническое мировоззрение. Именно традиционность лежит в основе всей человеческой эволюции. Более того, принцип соблюдения видовых привычек, то есть традиционности, составляет всеобщий биологический закон;

отказ от видовых привычек приводит к деградации вида с последующим его угасанием. Применительно к человечеству это значит, что перспективы в будущем для своего развития будут иметь те народы, которые сохраняют свою архетипическую культуру, своё национальное самоосознание.

При этом приходится упомянуть Освальда Шпенглера, который в своём труде «Закат Европы», с одной стороны, по своему произволу выделил восемь культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западно-европейскую, майя, а с другой — всем им предрёк гибель после тысячелетнего цикла развития с переходом в свою противоположность — цивилизацию. По Шпенглеру, у прочих народов, в частности, у славян не было своей культуры, а следовательно, не может быть и своей цивилизации.

У Шпенглера, как и у прочих западников относительно славянской культуры получается, как в басне Крылова: «Слона-то я и не приметил». Эти потуги не замечать «славянского слона»: ведическую культуру, ведическую религию, ведическую ци-

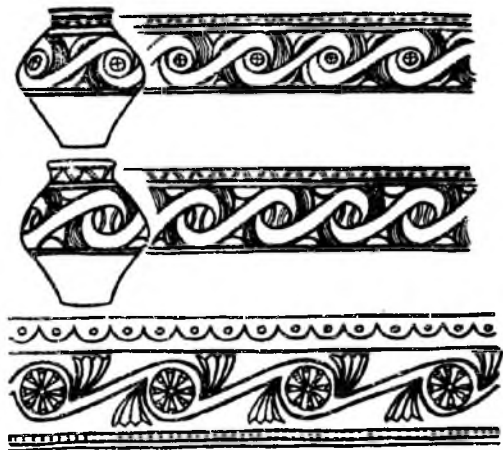

Отражение славянского культа двух «рожаниц» — матери и дочери, Лады и Лели. (V-III тыс. до н. э., Триполье.)

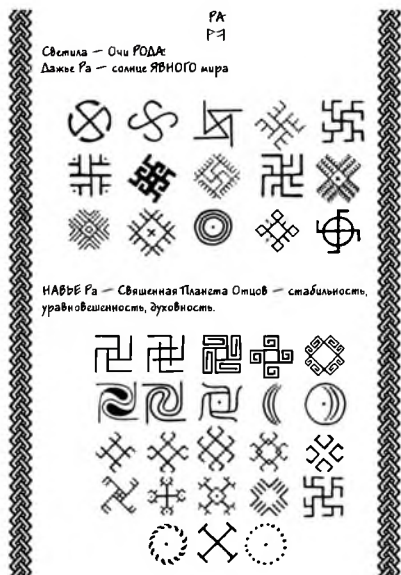
визацию (не имевшую стадии рабовладения) — длятся уже более тысячи лет, в результате чего даже доморощенные историки ничтожеше не сумняшесе заявляют: «...если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год... Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие» (академик Д. С. Лихачев, «Новый мир», № 6, с.257). Но западникам показалось этого мало — грянуло явление русскому народу в лице Н. Морозова, А. Фоменко, Г. Носовского и примкнувшего к ним фантаста А. Бушкова, которые на зависть всем раввинам планеты обрезали русскую историю (и не только русскую) на все тысячелетия, в течение которых Русь обходилась без хазар, без варягов, без немцев; у Бушкова книга так и называется: «Россия, которой не было»; то есть они утверждают, что история всего человечества начинается с Ветхого и Нового Заветов, а современная цивилизация выросла из Крестовых походов.

Хочешь не хочешь, а придётся заглянуть в евразийское прошлое достаточно глубоко — во времена, когда там ни евреев с их Библией, ни немцев и в помине не существовало.

Из академических источников по истории и археологии (Б.А.Рыбаков, Ю. Д. Петухов и др.) известно, что уже с пятого тысячелетия до н.э. на огромных просторах от Одера до Волги встречаются археологические культуры, носящие славянские черты. Трипольская культура земледельцев, пастухов, гончаров оставила женские фигурки, четырёхгрудые сосуды, символизирующие двух богинь-берегинь, которые позднее у славян стали называться Ладой и Лелей.

*Картина мира на Трипольских сосудах.
Наверху — земля с растениями, небо со светилами, в верхней части — капли будущего дождя. На среднем сосуде в верхнем ярусе — запасы воды («верхнее небо»), в среднем ярусе («среднее небо») — движущееся солнце и дождевые полосы, внизу — земля. На нижнем рисунке — спиральный бег солнца, символизирующий бег времени (причелина русской избы XIX в.)*

Орнаменталистика — код национального сознания (третье положение биосоционики).

великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своем Словенск, иже ныне зовется Великий Новгород».

В «Сказании о Словене и Русе», которое было при Рюриках и Романовых запрещено под страхом смерти, говорится: «И всех лет от сотворения света до начала словенского 3099 лет (2591 г. до н.э.). Словен же и Рус между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев... Обладаша же и северными странами, и по всему Поморью, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими непроходимыми горами во стране, рекома Скир по велицей реце Обве, и до устья Беловодной реки, ея же вода бела, яко млеко...

Хождаху ж и на Египетские страны воеваху, и многое храбрство показующе во еллинских и варварских странах, великий страх от сих тогда належаше».

Можно найти полное подтверждение этим словам, прежде всего топонимическое, более того, славянорусы (как же иначе называть потомков Словена и Руса, братьев по крови) на протяжении III-II тысячелетий до н.э. господствовали и в Евразии,

Белогрудовская и Тшинецко-Комаровская культуры (II-е тысячелетие до н.э., бронзовый век) также относятся к славянской цивилизации. Имеются и письменные свидетельства о славянах — скифах-пахарях (Геродот и др.).

Археологические раскопки, клады, погребальные украшения, топонимика, этнографический материал, фольклор, вышивка, ремёсла дают возможность проследить славянские археологические культуры всего I-го тысячелетия до н.э.: Чернолесская (X-VII вв. до н.э.), Сколото-Скифская (VI-IV вв. до н.э.), Зарубинецкая (III-I вв. до н.э.), Черняховская (I-III вв. н.э.), культура Великого переселения славян (IV-VIII вв. н.э.).

Мазуринский летописец свидетельствует: «Лета 3113 (2578 год до н.э.) ве-

Отражение макрокосма в микрокосме женского убора. XII-XIII вв.
Языческая символика княжеско-боярских украшений

и в Передней, и в Малой Азии, создав великие царства: Крито-Микенское, Русену, Троаду (Трою) и др.

Начало античной религии и цивилизации заложил русич-волхв Олен(ь), который создал изначальный Дельфийский религиозный центр с древнейшим храмом и оракулом Аполлона Гиперборейского, этим самым привнёс в местные традиции пантеон славянорусских богов, прежде всего культ Солнца и двух рожениц, матери и дочери, но и прочие боги и герои были кровно связаны с ведической (гиперборейской) мифологией: Геракл, Антей, Персей, Тезей. Медуза Горгона, Минотавр, Эней и др.

Рисунок солнца на Тазминской стеле (Южная Сибирь, IV-III тысячелетия до н. э.). Абсолютное сходство рисунка современного ребёнка и неолитического художника не случайно, а по закону архетипа.

Особенности мироощущения наших далёких предков-солнцепоклонников навсегда закрепляется на подсознательном уровне потомков (онтогенез повторяет филогенез). Для правильного и здорового развития детей их воспитание должно проводиться в рамках этнического мировоззрения и культуры, то есть на основе ведизма. Естественно, и творчество должно проходить в архетипическом традиционном русле

Солнышко. Рисунок современного ребёнка мелом на асфальте (прорисовка фотографии А. Афонина, опубликованной в «Неделе», 1983, № 22, с. 16)

Олен(ь) передал своим последователям Аборису (Божественному Борису) и Аристею (Аршо истинному) своё поэтическое мастерство: «Он первым пророком был вешего Феба, первый, песни которых составил из древних напевов». Именно славянонорусы привнесли в Грецию гекзаметры, которыми были составлены великие эпосы — «Илиада» и «Одиссея», поэтому можно не сомневаться, что Гомер был русичем, а его известный «гомерический смех» разве не направлен против хищных и жадных греков в лице Одиссея? В 1952-м году А. Ф. Масанов доказал, что Н. Минский и Н. Гнедич при переводе «Илиады» сделали более тысячи искажений, чтобы затушевать её русское происхождение.

Подобные попытки присвоить творчество, деяния, славу славянонорусов не единичны. Царь славянской Македонии Александр Великий сначала покорил Грецию, а потом и весь мир, восстановив древнейшую славянскую цивилизацию III-II тысячелетий в своих территориях. С какой стати греки объявили его своим полководцем? Величайший знаток санскрита Б. Тилак доказал, что и индийские Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа), и иранская Авеста имеют одни и те же гиперборейские источники — славянонорусские Веды.

Нас на протяжении тысячи лет убеждают, что грамотой русичей одарила Церковь, поэтому как великий праздник отмечается обретение Русью письменности, предложенной Кириллом; на самом же деле сей Кирилл, посланный патриархом Фотием в славянские земли для их колонизации, в Херсонесе «нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и сравнил ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему» («Житие Кирилла»).

Из реестра, опубликованного А. И. Сулакадзевым, можно судить о древности русских книг из библиотеки Анны Ярославны: «Боянов гимн» IV века, «Путник» IV века, «О китоврасе: басни и кошуны» (На букowych досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, V века на славенском), «Каледник V века дунайца Яловца, писан в Киеве о поклонениях Тройским горамъ, о гаданиях въ печерахъ и Днепровских порогахъ русалами и кикиморами», рукопись «Перуна и Велеса вешания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...», относящаяся к V или VI веку, «Волховник...рукопись VI века Колота Путисила, жившего в Русе граде, въ пещере», «Поточник VIII века, жреца Сонцеслава», «Криница, IX века, Чердыня, Олеха вишерца, о переселениях старожилых людей и первой вере», «Патриарси.

Вся вырезана на букowych доскахъ числом 45» (Ягипа Гана смерда в Ладогѣ IX вѣка, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и исьменахъ, въ Моравию увезено).

Последняя — это Священное писание славян — «Велесова книга», найденная полковникомъ Белой Армии Теодоромъ Артуровичемъ Изенбекомъ в разорѣнномъ гражданской войной имени на Харьковщинѣ, скопированная Юриемъ Петровичемъ Миролюбовымъ и опубликованная имъ в 1953-мъ году в журналѣ «Жар-птица», издаваемомъ русскими эмигрантами в Сан-Франциско, и отвергнутая какъ фальшивка «русскими славистами»: Л. Жуковской, П. Филинымъ, О. Твороговымъ, Д. Лихачевымъ.

В 1831-мъ году в Санкт-Петербургѣ вышла составленная южнославянскимъ учёнымъ-славистомъ С. И. Верковичемъ книга «Вѣды славянъ» (Обрядные песни языческаго времени, сохранившіеся устнымъ преданіемъ у македонскихъ и фракійскихъ Болгар-Помаковъ). Помаки помнили и о своихъ древнихъ храмахъ, разрушенныхъ византийцами, и о своихъ священныхъ книгахъ, сожжѣнныхъ Церковью: «Звезнице» (славянская астрология), «Ясной книгѣ» (ритуалъ жертвоприношеній), «Земницѣ» (исторія славянъ), «Петицѣ» (птичья книга). Общее названіе всехъ книгъ — Вѣты, то есть те же Вѣды, известные всему миру по индоевропейской культурѣ. Французскіе учёные побывали в Родопскихъ горахъ и удостоверились в подлинности рюдопскихъ песенъ, а «русскіе слависты» сразу же объявили ихъ фальшивкой, также какъ это делалось «русскими славистами» после опубликованія Мусинымъ-Пушкинымъ «Слова о полку Игоревѣ», также какъ столетіе спустя после публикаціи «Велесовой книги» это сделали лихачѣвцы. Разумеется, всё, что и в дальнѣйшемъ будетъ раскрывать веки древнѣйшей исторіи русичей (по «Велесовой книгѣ», ей — «две тьмы», двадцать тысячъ лет!), будетъ объявляться подделками. Кроме Вѣт (Вѣд) известны сугубо специализированные пособия: Травникъ, Знахарь, Лекарь, Ягарь (яга — йога), Волшебная кулинарія, Волхварь, Вестарь, Букварь, Пономарь, Богатырь и т.д.

Именно Вестарь и Волхварь стали основой иранскихъ Авесты и Ведевдаты, Ягарь — индійской йоги, Букварь — еврейской Каббалы, а Вѣтхій Заветъ разве не Вѣд-хій?

На стыкѣ прошлыхъ тысячелетій формировались три искусственныя религіи, появившіеся не из народныхъ душевныхъ глубинъ, не из архетипическихъ особенностей этноса, а авторитарно (от Моисея, от Иисуса, от Мухаммеда), и преследовали они с самого начала политическія, захватническія цели с общей доктриной «своичужіе» (сыны божьи — рабы божьи, христіане — еретики, мусульмане — неверные). У всехъ авраамическихъ религій — одинъ фундаментъ: Тора (Закон), который у

христиан как Ветхий Завет вместе с Новым Заветом составил Библию, объявленную изначальной книгой всех времён и народов.

Из Библии следует, что евреи — богоизбранный народ, что от него пошли все остальные, менее полноценные (гои), не способные ни распорядиться своим имуществом, ни править своей страной, поэтому всем миром должен рулить «первонарод».

Крещёный иудей Дизраэль, сделавшийся премьер-министром Англии, заимевший статус лорда Биконсвилда, заявил на весь мир: «Мы дали вам Бога! Наша Тора (Закон) является вашим «Ветхим Заветом». Всё христианство, вся ваша культура выросла на корнях иудаизма. Вы в неоплатном долгу у еврейства за благодать, которую он принёс человечеству».

Лукавит Дизраэль, как будто ни разу Библию не открывал, а может быть, под «благодатью» он подразумевает главный эзотерический закон «Библии»: «Истребите все места, где народы которыми вы владеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Второзаконие, гл. 12, с. 2, 3).

Именно так насаждалось христианство, например, в России незаконный сын великого князя Святослава и ключницы Малуши, изгнанной из княжеского дома за прелюбодеяние, внук раввина Владимир уничтожил 10 городов, 500 весей лишь в Моравии, где не захотели принимать чуждую религию. В общей сложности было истреблено треть русичей; волхов, княжеские роды — почти поголовно.

Уже более тысячи лет на Руси принятие христианства отмечается как великий духовный праздник, также завзято празднуется Великая Октябрьская революция, уничтожившая в общей сложности более 50 миллионов россиян, а также Великая Перестройка, которая геноцид русичей довела до одного-полтора миллиона в год.

Почему народ способен с ликованием праздновать дни своей гибели и возвеличивать своих палачей? («Святого» Владимира, братоубийцу, развратника и растлителя, имевшего 7 жен, 800 наложниц, разрушителя русской культуры, истребителя русичей; «Великого» Ленина, призывавшего: «Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции».)

Потому что возможно отшибать память, перечёркивать прошлое. Вот почему иудохристиане с первых шагов своих объявили войну всей добиблейской культуре, прежде всего письменным источникам. Уничтожены: протошумерская библиотека

в Вавилоне, этрусская в Риме, царьградская в Византии, Александрийская в Египте, кладовые папирусов в Фивах и Мемфисе; Киевская. Новгородская, Московская — в России. Почему стал возможным перестроечный религиозный ажиотаж? Потому что никто ничего не помнит о Крестовых походах, об Инквизиции, о пытках и убийствах в церковных подземельях.

Свидетельств «духовности» церкви — сколько угодно. Соборное постановление: «Подвергать ослушников наитягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать носы и уши, вырезать языки, отсекаль руки» (1666 г.).

О ростовском епископе Фёдоре: «Не милостливый был мучитель, одним головы рубил, другим глаза выжигал и языки резал, иных распинал по стене и мучил немилостливо... женщин варил в котлах, выдумывал казни... рычал как лев, был величественен как дуб, язык имел чистый, велеречивый; мудрование козненное» (Полное собр. летописей. Т. 11, СПб., 1843, с. 102).

Всевластие церкви в Средневековье было абсолютным — в кострах, котлах, в водоёмах, в пыточных подземельях, в Крестовых походах было уничтожено 13 миллионов «ведьм и еретиков» и прочих «врагов народа», в том числе таких светочей человечества, как Джордано Бруно, Ян Гус, Сервет и им подобных.

Сейчас Церковь снова рвётся к власти, и мы, забыв о её мракобесии, смиренно и благостно помогаем ей в этом; разве не говорил в своё время великий князь Святослав: «Вера христианская уродство есть»; разве не писал в позапрошлом веке Ницше: «Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, — я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества».

Даже если мы и не согласимся с радикальными антирелигиозными высказываниями, то это не значит, что можно продлить эпоху религиозного мракобесия, остановить религиозные драчки за Передел мира, за мировое господство.

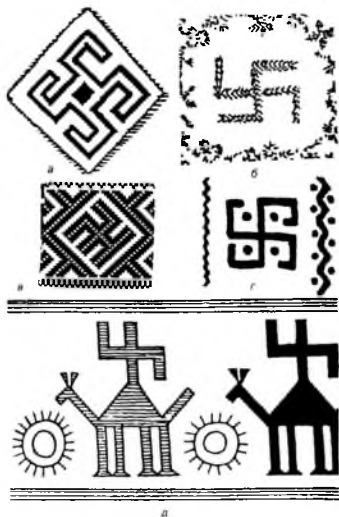
Религии в XXI-м веке — анахронизм. Религии возникали в дописьменную эру человечества, когда господствовало правополушарное сознание, способное к «расщеплению» (появлению слуховых, зрительных галлюцинаций), к повышенной внушаемости, импульсивности. Этот филогенетический период соответствует детскому дошкольному периоду в онтогенезе, когда ребёнок часто не способен различать правду от вымысла, реальность от фантазии, поэтому и бывает нередко бит за «врагъ». Но с возрастом, с постижением грамоты и прочих наук человек переходит на

левополушарный тип сознания, для которого характерно инициатива, критицизм, творчество, и все его детские фантазии становятся смешны. Почему же человечество никак не может расстаться со своей «детскостью»?

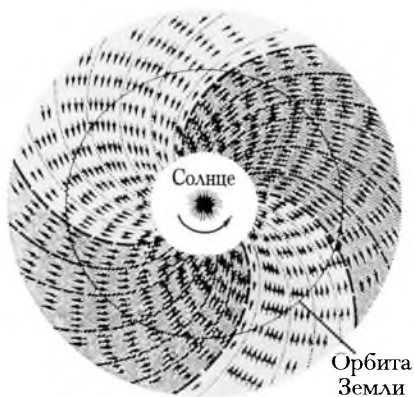
Потому что более действенного механизма зомбирования людей ещё не придумано. Новый «взрыв» религиозной «духовности» был инспирирован Даллесом: «Если нам удастся сделать Россию наполовину верующей, мы совершим там тихую контрреволюцию». Идею эту расшифровывает профессор Вашингтонской школы международных отношений Поль Лайнбарджер: «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее лёгкий и надёжный путь проникновения в страну».

Выполняя волю западноамериканских хозяев, иудеодемократы-перестройщики нанесли России материальные потери почти в два раза большие, чем в Великой Отечественной войне: разрушена была экономическая структура страны, прежде всего тяжёлая и военная промышленность, развалено сельское хозяйство, нагло захвачены сырьевые ресурсы, в результате чего в руках «прихвизаторов» оказалось 90% государственной, общенародной собственности; россияне были обкраданы до нитки, оставлены без сбережений, без зарплат и пенсий, без работы, без бесплатной медицины и образования, без перспективы, в полной безысходности. Если иудобольшевики, захватив власть и богатства России погнали россиян в Светлое Будущее, то иудеодемократы, сделав то же самое, послали русичей — к Богу.

Неужели для России нет иного пути? В 1999-м году на Пражском научном симпозиуме теоретической основой новой духовно-творческой цивилизации была названа БИОСОЦИОНИКА, которая представляет собой синтез наук о человеке, природе, обществе и народных архетипических традиций, а также методик самосовершенствования. В основе биосоционики — семь положений, позволяющих ориентироваться в прошлом, настоящем и будущем. 1. Вектор человеческой эволюции направлен от человека-зверя к Богочеловеку, т. е. к накоплению удельного веса духовности. Это значит, что нынешняя капиталистическая цивилизация безудержного потребительства обречена на крах и следовать в её фарватере — это ошибочная политика российского президента и правительства. Будущее России — в духовно-творческой цивилизации, на которую необходимо работать уже сейчас. 2. Развитие индивида обусловлено генофено-архетипом, т. е. наследственно опосредовано морфологически и функционально. Это значит, что нельзя своих детей отрывать от народных архетипических традиций, нельзя воспитывать их в условиях чуждой культуры, чуждой идеологии, ведь разру-

*Свастика в вышивке: а — русский Север;
б — Белоруссия; в — Таджикистан;
г, д — Индия*

*Секторная структура межпланетного
магнитного поля, выявленная амери-
канским спутником «IMP», объясняет
происхождение свастики.*

шение национальных традиций (видовых привычек) ведёт к деградации и вырождению, что мы и видим на примере так называемой рок-поп-рэп-культуры.

3. Жизненный потенциал этноса заложен в языковой, обрядовой культуре, фольклоре, орнаменталистике, которые составляют код национального самосознания.

Вот почему целью любой внешней или внутренней агрессии является подавление национальных обычаев и культур.

4. Жизнь и культура индивида являются продолжением жизни и культуры его родителей, его предков. Искать счастье за «бугром», в чужой среде, в модной религии, в престижной тусовке — бесперспективное дело.

5. Крепкое здоровье — фундамент жизни, основа счастья. Жизнь детей должна начинаться не с удовольствий, а с нагрузок и самоограничений, без чего крепкого здоровья в принципе создать невозможно. 6. Через любовь — к счастью. В результате сексуальной революции в мире за каждые сутки происходит более 600 тысяч венерических заражений.

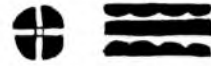
Единственная альтернатива вселенское катастрофе — это упорядочение сексуальной жизни, что уже человечество когда-то сделало, перейдя от промискуитета через групповые браки к моногамной семье. Учение о трёх составляющих любви (взаимности, верности, жертвен-

ности) способно обеспечить и счастье в любви, и здоровье.

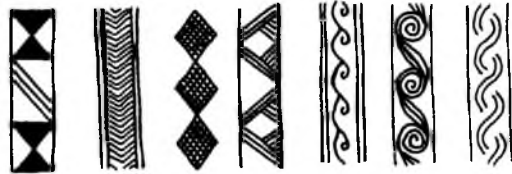
7. Единство микро- и макрокосма. Данное положение биосоционики на фоне нынешних мировых экологических проблем не требует комментариев.

Семь положений биосоционики — ключ к решению всех жизненных проблем, положения биосоционики, укрепляя этнический традиционализм, вместе с тем способствуют объединению, сплочению народов и государств, поскольку они являются реальными факторами общечеловеческой, этнической эволюции, а также индивидуального саморазвития. Это наука и практика культуры, социальной жизни, любви, здоровья.

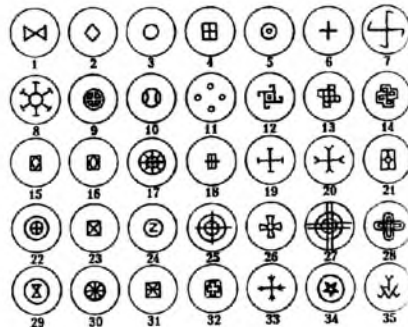
Призыв к духовно-творческой цивилизации — это поиск выхода из кризиса нынешней цивилизации безудержного потребительства, основанной на олигархическом капитализме, который является самым уродливым экономическим строем. В России несколько десятков олигархических кланов владеют 90 процентами финансовых и экономических ресурсов страны, причём захвачены они были криминальным путём. Надеяться, что россияне когда-нибудь смирятся с этим глупо, во избежание будущих социальных потрясений президент и правительство обязаны пересмотреть итоги «прихватизации».

Декоративные геометрические мотивы и стилизованный лист на критских сосудах. Средний Миной I

Декоративные геометрические мотивы на критских сосудах. Древний Миной III

Образцы клейм на днищах славянских сосудов из Чехии и России 1-6 — Желенице; 7 — Мельник; 8-16 — Гнездово; 17 — Тверская; 18-22 — Левый Градич; 23-24 — Часлав; 30-34 — Кралов Градец; 35 — Ча

Приказчики капитализма пытаются убедить мир, что социализм исчерпал себя, что вроде бы подтверждает распад Советского Союза и мирового лагеря социализма, но замалчивают, что крушение это стоило западноамериканским спецам по «цветным революциям» 90 миллиардов долларов. За последние 60 лет ими проведено полсотни переворотов с пятидесятипроцентным успехом. Одна из первых удачных «цветных революций» состоялась в 1953 году по свержению Моссадыка в Иране, который не оправдал англо-американских надежд. В 1956-м году была проведена подобная «операция» в Венгрии, а в 1968 — в Чехословакии. Россияне до сих пор стыдятся, что эти путчи были подавлены союзными войсками Варшавского договора по соглашению о взаимопомощи. Это не позор, а мощь социалистического лагеря, его дееспособность, ведь у путчистов (не у народа — у террористов) было отобрано: 182 тысячи единиц стрелкового оружия, 3178 пулеметов, 40 орудий и минометов, 64 тысячи гранат и снарядов! Разве можно назвать такой мятеж стихийным, вызванным народным неприятием социализма? Разве мог он осуществиться без материальной «накачки» извне и без предательства премьер-министра Имре Надя, завербованного американцами. По такому же сценарию, но с ещё более тщательной подготовкой под руководством суперспеца по России Бжезинского был проведён путч в Чехословакии — с таким же бесславным результатом.

Наученные этими неудачами, американцы нашли, наконец, самое слабое место — Польшу, где зависимость от католического Рима и папы была почти абсолютной.

Почему Америка всем и всюду навязывает свою «демократию»? Да потому, что только при «демократии» можно с помощью силы и денег влезть куда угодно, захватить что угодно.

В «Великой» холодной войне СССР проиграл прежде всего потому, что не разглядел «внутреннего врага» — Пятой колонны. Разрушение лагеря социализма не было обусловлено объективными причинами. Социалистический Китай не только не распался, но используя экономические реформы, опережает в своём развитии самые передовые капиталистические страны.

Западно-американский империализм не мог смириться с реальным гегемоном в Европе — с панславянством, о котором когда-то (XVII век) мечтал хорват Крижанич: «Русский народ и имя — всем прочим начало и корень». Не только Россия, Украина и Белоруссия составляют великую славянскую мощь, Великая Югославия заслонила собой Европу от османского ига, Гитлер так и не мог покорить Югославию, хотя зверствовал против неё люто («Удар по Югославии должен быть нане-

сён с беспощадной жестокостью» — приказ от 27 марта 1941 г.). Поэтому главная задача Запада была всегда одна и та же — недопустить объединения славян, как внутри каждого государства, так и между славянскими странами. В конце концов ему это удалось с использованием религии. Изначально много тысяч лет славяне исповедовали свою исконную религию — ведическое язычество, на основе которого формировалась славянская культура, архетипическое сознание, менталитет. С христианской и мусульманской экспансией славянам были навязаны чуждые религии: русским, украинцам, сербам, черногорцам — православие; полякам, хорватам — католицизм, боснийцам — мусульманство, Коран исповедовали также албанцы, которые оккупировали Косово (при лимите в 70 тысяч довели свою численность до многих сотен тысяч, а затем и свыше миллиона, вытеснив таким образом сербов).

Стравить народы, используя религиозный фактор — легче всего. Самые большие потери понесла Югославия; албанцы завладели Косово, потому что там образовался военный форпост НАТО.

Каждый россиянин обязан знать, что западная политика направлена против славянского союза, против России и её народов. Каждый россиянин должен, наконец, понять, что капитализм — уродливый, антинародный строй.

Олигархический капитализм порождает транснациональные компании, которые «пожирают» всё на своём пути. Даже и прилизанный капитализм в корне порочен и разрушителен. О нём славословят из-за высокой продуктивности, но это достигается «запрещёнными» методами (химия, гормоны, антибиотики, генная инженерия), подрывающими здоровье потребителей; с другой стороны, непосредственно на производство тратится лишь треть капитала, а две трети идёт на распределение и удержание неравенства. До сих пор порочится практика совхозов и колхозов — с их малой продуктивностью, но они держали всю сельскую «социалку» на своих плечах (детские сады, школы, больницы, дома культуры, спорт) без чего современному селу не выжить, без чего русскому народу придётся покинуть родные места, с которыми связана вся традиционная культура нации.

В вопросах культуры следовало бы навести более чёткий порядок, потому что это явление одно из самых важных в общественном сознании, потому что появилось с самого начала эволюции человечества. В понятие культуры входит прежде всего способность индивида интегрироваться в общность, подчинить свои интересы задачам коллектива. Природа наделила всё живое инстинктами для выживания и продления рода, а культура призвана уравновесить их человеческими качествами — морально-волевыми, социальными, поскольку культура не индивидуальное понятие, а социаль-

ное, она создаётся внутри общности, ведь во всех популяциях видовое всегда главенствует над индивидуальным, пропаганда индивидуализма (как и космополитизма) — преступна.

Параллельно с материальными потребностями (изготовление орудия, одежды, жилища) развивались и духовные в виде тотемных понятий, магических, ритуальных действий, сопровождающихся имитацией, пантомимой, плясками, песнопениями, играми с изготовлением костюмов и разрисовкой лица и тела, что в конце концов вылилось в устойчивые ритуально-обрядовые действия, обобщившиеся в знаках-символах и мифах. Поскольку это продолжалось многие десятки тысяч лет, поэтому закрепилось в коллективной психоэмоциональной жизни в виде архетипов, которые стали наследственным фактором (видовыми привычками), и которые навсегда остались для человека самым мощным биоэнергетическим потенциалом, пусковым знаком-символом раскручивания психоэмоциональной жизни (для русичей свастичные знаки — важнейшие). За долгую историю своего развития культура усложнилась настолько, что для многих ускользает истинный её смысл, её суть — первооснова, которая состоит из первоэлементов и первокомпонентов. Первоэлементов — пять: язык, либидо, ритуал, миф, знак-символ. Это не что иное, как пять признаков сущности человеческого развития, создающих для каждого этноса психоэмоциональную жизненную энергию (архетипы). Существует кроме того и составные первокомпоненты культуры: социальность, традиционность, эволюционность. Без сохранения первоэлементов и первокомпонентов ни о какой культуре не может быть и речи. Мы ещё помним жалкие потуги Пролеткульта зачать и родить «новую» советскую культуру, попытки РАППа создать «пролетарскую» литературу; те же потуги мы видим и у современного рок-поп-рэп-ширпотреба.

Как любое другое явление, культура имеет форму и содержание. Форма — это материальные и духовные ценности её, содержание — это развитие и совершенствование самого человека, поэтому культуру можно определить так: «Культура — это мера продвижения индивида, общности по траектории человеческой эволюции от человека-зверя к Богочеловеку путём воспитания-самовоспитания, образования-самообразования, совершенствования-самосовершенствования своих сущностей: физической (через труд, спорт), эмоционально-волевой (через обрядовые действия, фольклор, орнаменталистику, через обуздание инстинктов), интеллектуальной (через тренировку памяти, сосредоточенности, осознания)»

Культура — больше внутреннее состояние человека, а не его внешний антураж, более того — это постоянное непрерывное движение к совершенству без оглядки на кого бы то ни было, без команд и указаний партийных и религиозных вожаков.

Культура либо есть, если она сохранила свою первооснову (пять первоэлементов, три первокомпонента), либо её нет. В настоящее время имеет место кризис цивилизации безудержного потребительства, которая в принципе исключает культуру (духовное развитие). Задача номер один для России — переход на рельсы духовно-творческой цивилизации с идеалами социализма, теоретической основой которой способна стать биосоционика.

Из биосоционики вытекает необходимость пересмотреть все системы общественной жизни. Эстетическое воспитание детей нужно перевести на традиционную фольклорную основу (в Китае традиционная опера стала обязательной школьной программой). В образовании необходимо новое структурирование знаний на основе семи положений биосоционики.

Теоретической предпосылкой для системы обучения и воспитания служит положение о том, что развитие индивида в целом повторяет этапы развития всего человечества (онтогенез повторяет филогенез). Причём первым включается физическое развитие, потом нравственное и интеллектуальное — ни в коем случае нельзя менять эту последовательность, поскольку каждый предыдущий этап является фундаментом для последующего (ранняя «компьютеризация» детей приводит к морально-нравственному уродству).

Основополагающим является также понятие о диалектическом развитии культуры, включающем три этапа: синкретический, дифференциации (на котором мы сейчас находимся) и обобщения (биосоционики — грядущем этапе).

Человеческая эволюция, увы, не идёт по восходящей. Наибольший духовный подъём наблюдался в середине первого тысячелетия до н.э., когда появились великие учения вождей человечества: Рамы, запретившего человеческие жертвоприношения и утвердившего культ Огня; Гермеса-Трисмегиста, великого царя, законодателя и жреца; Заратуштры, основателя дуализма с верой в торжество Добра и Справедливости; Орфея, создателя культа торжества жизни, автора жизнеутверждающих гимнов Зевсу, Аполлону, Дионисию; Пифагора, создавшего школу знаний, воспитания и развития; Эпикура, автора идеи гармонического развития личности, великого педагога и мудреца; Конфуция, проповедовавшего высокую этику и мораль; Лао-цзы, утвердившего безбожественный путь к совершенству через слияние

с природой; Богумира, носителя высокодуховного ведического мировоззрения (мирознания), главным принципом которого было поклонение богам-предкам и следование по пути Прави — пути Правды и Совести.

Все истинно духовные учения не агрессивны, а потому абсолютно не защищены, поскольку их сила не в миссионерстве, а в личном примере служения Добру, Духовности и Любви.

Появившиеся позже авраамические религии свою «духовную» деятельность начали с Крестовых походов, с уничтожения библиотек и произведений искусств, в результате чего в Средневековье в пору Инквизиции человечество было отброшено назад — на целое тысячелетие.

Любой тоталитаризм: и церковный, и политический — извращает культурное и духовное развитие общества, уродует литературу и искусство, развращает даже очень талантливых творцов, но проходит время, и многим авторам становится стыдно за участие в шабаше по прославлению преступных режимов и вождей. В России нет ни одного города, улицы и площади которого не носили бы имён врагов русичей — иудобольшевиков. И хотя их прославления в литературе и искусстве давно превратились в макулатуру и мусор, но они всё ещё остаются «живее всех живых».

В советские годы бытовала народная ирония: на анкетный вопрос, имелось ли когда-либо отклонение от линии партии, следовал ответ: отклонялся только вместе с линией партии.

Конформизм — не только собачья, но и человеческая «доблесть». В стае выжидали даже не самые сильные, в партийном и религиозном рвении способны сделать карьеру даже самые недостойные и никчёмные.

На протяжении одной лишь человеческой жизни мы наблюдаем удивительные метаморфозы: дореволюционные христиане по мановению большевистской руки вдруг превращаются в ярых атеистов, сжигающих иконы, взрывающих храмы, но ещё более «вдруг» преображающихся в благостных ельцинских последышей, приносящих свои кровные одному из «христов» дюжины разновидностей церквей и сотни сект.

И это происходит на всех уровнях социальной лестницы, потому что конформизм — общечеловеческая черта, генетически обусловленная для подавляющего большинства популяции, ведь биологических лидеров (вождей, гениев) рождается единицы процентов, но и их судьба не однозначна.

Пушкин и Лермонтов — гении, но значение их для русского общества не однозначно и не только из-за разницы в продолжительности жизни и творчества.

Существует правило треугольника, по которому можно судить о культуре и творчестве. Основание треугольника — обозначает традиционную культуру, середина — персональное творчество, вершина — элитные достижения.

Пушкин достиг совершенства во всех ипостасях: в традиционном (сказки), персональном и элитном творчестве; благодаря Арины Родионовны он познал фольклор, русский дух, ведическое язычество, став по сути пророком.

У Лермонтова не было тесной связи с фольклором, с традиционной культурой, поэтому его «треугольник» наполнен лишь персональным и элитным творчеством; для сравнения — у Ершова, создавшего на уровне пушкинского мастерства сказку «Конёк-горбунок» в «треугольнике» заполнена только нижняя — традиционная ниша. а у Маяковского — только средняя.

Из вышесказанного следует вывод — для создания непреходящей творческой ценности необходимо прежде всего глубоко и широко постичь свою традиционную национальную культуру, чтобы чувствовать, мыслить, творить, как собственные отцы и деды; нужно постоянно совершенствоваться в своём творчестве, чтобы максимально выразить себя в нём, тем самым оказаться интересным не только в родном Отечестве.

Не менее ярким примером правильности выбранного пути в искусстве является творчество гениального балетмейстера Игоря Моисеева, создавшего ансамбль народных танцев мира, неповторимый, недостижимый, непостижимый. «Треугольник» раскрывает его тайну: за основу берётся народный танец (традиционное искусство), насыщается театрализованными элементами и доводится до высочайшего уровня балетной техники — и треугольник забит до отказа.

Нынче среди попсы популярен «балет Тодес» — без традиционного начала, без профессионального мастерства — это даже не производственная гимнастика. Не что подобное уже было: и Пролеткульт, и РАПП, и весь поп-рок-рэп-ширпотреб. Всё это, как коровяк на скотине, подсохнув со временем, отпадёт самопроизвольно. Это же надо умудриться — маразматический «Чёрный квадрат» Малевича признать художественным шедевром!

Литература и искусство как формы общественного сознания призваны способствовать духовному развитию общества и личности, их влияние настолько велико, что их всегда стремились использовать не только для благих дел, но и для утверждения тоталитарных режимов, и религиозных, и политических. В эпоху Средневеко-

вья изобразительное искусство было полностью подчинено церкви (фрески, иконостасы, росписи), даже в салонной станковой живописи все углы картин были густо утыканы ангелочками и херувимчиками, абсурдно висящими в воздухе. И только после XV-го века в эпоху Возрождения произошло освобождение от церковного гнёта. Литература и искусство восчеловечились. Божественность, духовность не в подвешенных чёрт знает на чём ангелочках, а в «Спящей Венере» Джорджоне, в «Джоконде» Леонардо да Винчи, в «Венере и Адонисе» Тициана.

Ренессанс принёс миру величайшие образцы во всех видах творчества, казалось бы — «чего же боле» — твори, стремись сравниться с образцами вдохновенного творчества, но уже к XIX-XX вв. на всех уровнях общественного сознания (творчества в том числе) появляются кризисные явления, конечно же связанные с крахом надежд и чаяний из-за пороков капиталистического общества. Эпоха оптимизма, гуманизма, восчеловечивания сменилась эпохой пессимизма и дегуманизации. Когда нечем увлечь общество, нечего ему сказать, ломают голову — «как сказать», появляются один за одним модные и супермодные течения с общим знаменателем модерна, авангарда, абстракционизма вплоть до сюрреализма — полным уходом от реальной действительности. И вслед всем этим «измам» не могли не грянуть всяко-разные революции, в том числе и сексуальная. Дико ошибаются те, кто думает, что «революции» приходят без планирования, без мощного финансового и материального обеспечения. «Коммунистический манифест» — не единственный, ставший притчей во языцех.

«Через национальные революции и разрушение исторически сложившихся государств, а также смелое перечёркивание прошлого — к революции интернациональной, и создание затем условий для сверхнациональной власти. Путь к достижению: перевоспитание человеческого общества в промасонском духе космополитизма» (Конвент Великой Ложи Англии). Даже сексуальная революция имеет свой «манифест»: «Мы смешали молодость, музыку, секс, наркотики и дух бунтарства с предательством, а такое сочетание трудно побить» (Д. Рабин).

И вот на таком фоне мирового очумления да с ещё даллесовским планом пятидесятипроцентного оцерквления России попробуйте призвать к архетипическому национальному сознанию, к исконной ведической вере русичей, к духовному пути Правы (Правды и Совести), к возвращению традиционной культуры на всех уровнях общественной жизни — засмеют, затравят, ведь в России криминально захвачены не только сырьевые и производственные ресурсы россиян, но и все виды СМИ, производствен-

ные мощности творческих союзов, издательства. И речь уже тут идёт не об идеалах, а о коммерческой рентабельности, которая невозможна без стрелялок, страшилок и секса.

Масонские кукловоды понимают, что путь к «золотому миллиарду» лежит через уничтожение «прочего» человечества не только военным путём, но и через декаданс, сексуальную революцию, гомосексуализм, наркотики, сатанизм.

Многие народы и государства понимают сложившуюся кризисную ситуацию в мире, не только Китай, но некоторые страны Латинской Америки выбрали альтернативный, социалистический путь развития, что вселяет и для россиян веру в приход к власти патриотических национальных сил с тем, чтобы использовать необъятные богатства России в её собственных интересах, чтобы снова медицину и образование сделать бесплатными, чтобы на сценических площадках, на радио и телевидении не тусовалась попса, а воцарилось архетипическое традиционное искусство, способное не только в России утвердить новую эпоху Возрождения.

СПИСОК КАРТИН

1. Солнце – Бог и Отец наш.
2. Лада.
3. Леля.
4. Злата Майя.
5. Рада.
6. Коло-ксай.
7. Портрет матери.
8. Свет неугасимый.
9. В Михайловском.
10. Вилина вода.
11. Медной горы хозяйка.
12. «БУКВА»-рь.
13. Академик.
14. Народный певец.
15. Черёмуха цветёт.
16. В Священной роще.
17. Бабье лето.
18. Сибирячка.
19. Сестрицы.
20. Семь-Я (Староверы Мартюшевы).
21. Фольклористы.
22. Грезы.
23. Дружок.
24. Огонёк.
25. Чайка.
26. Леший.
27. На Бирюсе.
28. Глоксинии.
29. Гладиолусы.
30. Заклание.
31. Суд присяжных.
32. Одиночество.

**Книга
ЧЕТВЁРТАЯ**

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
И НАУЧНАЯ ПРОЗА**

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ

ЮНОШЕНСКАЯ ПОВЕСТЬ

Жизнь ничего не дарует
без тяжких трудов и волнений.
(Гораций).

Первая часть

Глава первая

Волин проснулся среди ночи и долго ворочался в постели, безуспешно пытаясь вернуть сон. Он мысленно считал до тысячи, он представлял в уме знакомые картины, интерьеры и лица, он замедлял и углублял дыхание — всё напрасно. Предстоящие события не выпускали его мысли, всё его существо из своих цепких объятий. В конце концов он забился с головой под одеяло и затих, карауля сон, который пришёл к нему только под утро. Когда Волин открыл глаза вновь, то из-под одеяла увидел свои ярко освещённые ноги. Он снова закрыл глаза, но теперь спать не давала мысль: «Какого чёрта включили свет?»

Встать и выключить свет самому означало окончательно спугнуть дрему, однако навязчивая мысль продолжала сверлить сонную голову. А ему очень хотелось ещё понежиться часок-другой, но свет действовал на него раздражающе. «Надо бы выключить»... Постепенно мысль о бесполезности света овладевает им полностью. Волину уже не до сна. Он распахнулся и зажмурил глаза: яркий сноп солнечного света, отскочив от белой стены, ослепил его.

«С добрым утром, Волин, с первым весенним утром!»

«Здравствуй, весна, моя шестнадцатая весна!»

Весна нетерпеливо стучится в окно. Солнечные лучи, пробившись через оконные стёкла, ласкают босые ноги. Лёгкие облака почти неподвижно висят над окном, наверное, им очень хочется, чтобы их потрепали за пышный ослепительно белый загар, погладили по нежному серенькому брюшку, но они не в состоянии втиснуть себя в небольшой прямоугольник окна, разделённый рамами на ещё меньшие прямоугольники и квадраты. Окно, выхватив из внешнего мира куски небесной синевы, крыши соседних домов, одинокие верхушки деревьев, зажало их в прямоугольную рамку и запрятало под стекло. Волин подошёл к окну, распахнул его и почувствовал, как хлынувший навстречу поток пряного весеннего воздуха обдал его бодрящей прохладой. В комнату вослед ворвалось ликующее чириканье воробьёв. Пусть чирикают о весне, пока не появятся её истинные певцы.

Весна идёт.

Солнце поднимается всё выше, печёт пуще. Далеко, далеко простёрло оно свои звенящие раскалённые лучи, гоня прочь сон, пробуждая мечты о любви и счастье. Весна идёт!

Школа выстроена на торжественную линейку. За шеренгами школьников выросла толпа родителей и любопытствующих. В центре образованного классами каре расположился строгий подтянутый учительский коллектив во главе с Иннокентием Никитичем. Окинув оком в последний раз всех присутствующих, директор школы произносит слова команды. Звучит труба, рассыпается дробь барабана. Из школы выносятся расчехлённое знамя, школьная реликвия. Торжественный, сосредоточенный, знаменосец с двумя ассистентами чётко печатает шаг.

«На зна-мя смир-но!»

Всё ближе и ближе знамя, всё чаще бьётся сердце у Волина. Ещё несколько минут, и в его руках зазвонит древко с трепещущим красным знаменем. Волин шепчет слова клятвы, которую должен произнести. После короткой напутственной речи знаменосец, кончающий нынче школу, из рук в руки передаёт знамя своей смене. Волин принимает знамя, целует его и глухим неровным голосом читает:

Клянусь я, что знамя
Стальными руками
Твёрдо я пронесу,
Чистым его пронесу.

Его принимая,
Клянусь, оправдаю
Доверие школьных друзей,
Верных и строгих друзей.

По родному городу Волин не шагал, а нёсся, словно на крыльях, и земля лишь изредка касалась его ног. «Я знаменосец школы, я знаменосец», — не уставал повторять он.

«Я знаменосец», — пела его душа.

«Я знаменосец», — звенела каждая клеточка его организма.

И в унисон человеческим эмоциям сияли счастьем знакомые улицы, звенело небо голосами ликующих птиц и трепетом солнечных лучей.

«С кем он поделится хлещущей через край радостью!? Кому изольёт восторг поющей души!? Попадись мне навстречу, Гордая Незнакомка! Слышишь? Нет, не слышит. Не желает слышать. И пусть. Я счастлив и тем, что я знаменосец!»

Любимая река, приветливая, ласковая. Ты всегда рада своему старому другу, всегда готова разделить с ним и радость, и горе. Волин подходит к самой воде и присаживается на камень. Река светится вся до глубины дна тихой голубой радостью, плещется игриво у его ног и всё норовит лизнуть подошвы. Незаметно юношей овладевает минорное настроение. Как после грозы наступает затишье, так и обновляющая благодатная гроза чувств сменяется умиротворённой задумчивостью и лёгкой приятной грустью. Волин чувствовал себя частицей природы; о чём-то своём беседовала с ним река мелодичным языком волн, что-то нашёптывал ему на ухо переменчивый ветер, на что-то намекали пушистые облака, проплывающие над его головой. Юноша внимал им, но думал о своём. «Можно ли его состояние назвать счастьем? А разнообразные чувства, которые дарит любовь? Или борьба? Или творчество? Или обыкновенная, самая простая человеческая жизнь? Что же такое счастье, если у него не одно лицо?

Я чувствую себя счастливым, что это значит? Чувствую ли я себя взмывающим в небо пигаргом с добычей в когтях? Жаждущим, погрузившим свои потрескавшиеся обпалённые губы в холодный ручей? Путником, прилёгшим в душистую мягкую траву? Носильщиком, сбрасывающим с онемевших плеч непомерный груз? Измученным бессонницей, который, наконец, заснул? Каково бы ни было это чувство, оно не вечно. Наступило — и нет его. Пигарг снова высматривает добычу; утолившие жажду губы сплёвывают остаток влаги, а глаза уже не замечая ручья, шарят вокруг; отдохнувший путник с повеселевшими мыслями и ожившими надеждами снова шагает вдаль; носильщик с удвоенным азартом переваливает кули; сон вновь сменяется явью. Но было ли желанным, если б эти мгновения растянулись во времени, целиком заполнив собою жизнь? Вечно видеть перед собой цепенеющий ужас, чувствовать охлаждающее тело добычи; пить не переставая; лежать без движения; лежать без мысли; навечно уснуть?

Тогда, быть может, лучше охотиться, не зная успеха; жаждать, не получая ни капли влаги; идти, тупея от усталости, неметь от тяжести; деревенеть от бессон-

ницы? Это ли счастье? Что же оно? Жар-птица? Мираж? Мечта? Цель? Желание или свершение? Кто стоит ближе к счастью: глупец или мудрец? Мещанин или творец? Возможно ли существование индивидуального счастья, счастья, предназначенного для каждого в отдельности с тем, чтобы каждый шёл к нему своей дорогой, или счастье есть нечто, присущее человеческой жизни вообще? Человечество не может не стремиться к тому, что утверждает жизнь. Не значит ли это, что каждый живущий счастлив? Счастлив я, мама, Незнакомка... Я пью, ем, отдыхаю и сплю, чтобы с новой силой бороться, творить и любить. Когда я не ем, не пью и не сплю, во мне просыпаются и напоминают о себе жизнеутверждающие инстинкты.

Я восхищаюсь любимой и разочаровываюсь в ней. Но бегу я от неё, может, только за тем, чтобы ещё сильнее, ещё более страстно возжелать её. А если нет преград, если желаний и стремлений нет, если не зной и не холод, не голодно и не сытно, если не одиноко и не людно, если не сон и не явь? Если выравниваются жизненные противоречия, наступает мертвящий покой, застой мыслей, желаний и чувств. Жизнь замирает. Даже смерть брезгует такой жизнью. Прочь, прочь равнодушие, долой тишину и покой. Я живу и хочу, чтобы все знали, что я живу, все чувствовали, что я где-то рядом. Я хочу говорить, спорить и убеждать, хочу переделывать и утверждать, хочу много видеть и чувствовать, искать и творить новое, хочу быть выше других, чтобы смотреть дальше, видеть больше, об этом и говорить, спорить, это и утверждать!

Волин и Френин — противники. Но чувство вражды распределилось между ними не поровну — оно навалилось целиком на узкие плечи Френина, невидимым, но гнетущим покрывалом спеленало все члены маленького человека, оттянуло плечи, затемнило взор.

Долго, очень долго всё валилось у него из рук, долго не делались домашние задания, даже по алгебре, хотя математику и её жреца, старого Шульца он очень любил.

Беда пришла неожиданно. Лев Леонтьевич, преподаватель химии, посвящал восьмиклассников в новую науку.

Школьники с интересом слушали его. Френин, сидя на первой парте, исподлобья испытывающе следил за движениями учителя, не вникая в содержание

излагаемого материала. В этот момент химик с увлечением объяснял суть эмпириокритицизма.

— Представьте, — говорил он, — что я эмпириокритик. Я подхожу к столу, на котором стоит чернильница. Я говорю: «Я вижу чернильницу, значит, чернильница существует. Она отражается в моём сознании при участии органа зрения, но если я отвернусь...»

Маленький, толстый, с красным прыщеватым лицом, Лев Леонтьевич лихо повернулся спиной к ученикам. Розовую лысину весело обрамляло несколько вьющихся, похожих на пружинки, волосков. — «...Я не вижу больше чернильницы, — продолжал химик, — она не отражается в моём сознании, следовательно, чернильница не существует...»

Но тут учителю, наверное, показалось, что в классе рухнул потолок. Нет, потолок был цел, это, корчась от смеха, грохотал класс, потому что чернильницы на столе действительно не существовало; при последних словах преподавателя Френин схватил её и спрятал к себе в парту. Добавить ещё что-нибудь об эмпириокритицизме оказалось невозможным. Льву Леонтьевичу оставалось только пригрозить Френину коротким толстым пальчиком.

За проказой должно следовать наказание. Проступок Френина обсуждался на классном собрании, но должного осуждения, по мнению директора, не получил, а потому собрание проходило повторно уже с участием комсомольского вожака, знаменосца школы.

Волин блестяще провёл карательную миссию и был весьма доволен собой, наказ директора он выполнил, собрание вынесло Френину строгий выговор с предупреждением, хотя многие восьмиклассники про себя недоумевали: «За что?»

«Если б не мои выступления и реплики, они все опять бы посмеялись и разошлись. Я заставил всех по иному, как требуется, взглянуть на хулиганскую выходку Френина, сорвавшего урок. Я один пересилил класс», — так думал Волин, возвращаясь после собрания домой. Он упивался своей силой, энергией, ему дышалось легко и свободно, хотелось петь или пуститься с кем-нибудь наперегонки, и он знал наверное, что обгонит любого.

В памяти снова вставали картины дня. Кабинет директора... Массивный письменный стол с бронзовым чернильным прибором... «Хорошо, Иннокентий Никитич, я всё сделаю». И сдержал слово! На кого-кого, а на него, Волина можно положиться полностью.

В то же время по той же Заречной улице в тёткин дом возвращался Френин. Сам себе он казался жалким безответным щенком, которого в порыве досады зло швырнули ногой. Несправедливость одноклассников возмущала, оскорблённое самолюбие восставало, сжатые в кулаки пальцы немели, но он не чувствовал даже боли от ногтей, врезававшихся в кожу ладоней, к горлу подкатывался комок, а он и без того задыхался; ненависть, злоба вскипали в нём неудержимо. Вспоминать о Волине без страдания он не мог, и не думать о нём Френин не мог. Перед глазами стояла самодовольная физиономия знаменосца. Френин стонал от бессилия, и бессилие убивало в нём человека. «С каким наслаждением вцепился бы в эту ненавистную рожу! Запустил бы камнем в гнилую башку дебила! Самый большой булыжник не был бы слишком большим для его чугунного лба! Да, да булыжник...» И Френин, решившись, заметался в поисках камня. Дрожащими руками схватил кирпич и, сжимая его в руке, побежал обратно. Он гнался за врагом, и сознание его захлёстывалось яркими картинками мести. «Догнать и размозжить кирпичом голову... исполосовать морду бритвой... сбить с ног и бить ногами в виски, в живот, между ног...»

Когда волна ярости отступала, молоточком стучали мысли:

«Он сильнее меня... ну и пусть...»

«Тётка услышит, прибьёт — ну и пусть»

«В школе узнают, выгонят...»

Следующая волна злобы слизывала все мысли и ещё быстрее гнала его вперёд. Френин добежал до последнего перекрёстка, но никого не увидел, замедлил шаг, остановился.

Теперь он слышал своё тяжёлое дыхание, чувствовал, как бешено стучит сердце; оно билось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвётся на части, Френин сдвинул левый бок ладонью, ощутив ею отчаянные удары своего сердца. А на улице ни души, кажется, втайне он этого и желал. Нет, нет, он, Френин, отомстит обидчику! Но Волин исчез, как чернильница со стола. И Френин продолжал стоять на перекрёстке, одной рукой придерживая сердце, и всё ещё не выпуская из другой кирпич, который почему-то вдруг стал быстро тяжелеть. Он поднёс кирпич к самому лицу, но почти не видел его. Френин плакал, плакал потому что понял: он ничего, ничего не может сделать Волину в отместку за свою обиду.

После собрания Френин ещё больше замкнулся в себе. Волина он не желал знать, но через несколько лет их жизненные пути встретились вновь.

Глава вторая

На одной из окраин города во дворе старого двухэтажного дома за сараем девочка-подросток возводит из грязных трухлявых досок, гнилой фанеры и ржавого железа сооружение, нечто в духе поп-арта.

Юный зодчий трудится без энтузиазма. Кажется, девчонка не имеет ни на йоту того, что называется творческой жилкой, и если она всё ещё прикладывает кусочки жести к многочисленным дырам, то лишь потому, что не нашла повода, чтобы размахнувшись худой длинной ножкой в коричневой туфельке, в миг разделаться с ещё не созданной, но уже ненавистной ей «будой».

Она уже давно заметила долговязую фигуру Юрки, босые ноги которого описывали вокруг неё всё меньшие и меньшие круги, наконец, его ширококостная лапища с содранным ногтём на правом большом пальце остановилась напротив её туфелек, прижалась пальцами к земле, словно искала опоры понадежней.

— Давай помогу.

— И без сопливых обойдёмся.

В голые подошвы Юрки будто впиалась тысяча колючек.

— Роза...

— Я тебе не Роза, дурак, а Розетта.

— Ну, Розетта... я давно хочу сказать...

— Говори.

— Давай дружить.

— Вот ещё что придумал, умойся сначала.

— Не смейся надо мной, Розка, я серьёзно... ты нравишься мне, слышишь.

Я ещё никому такого не говорил и никогда не скажу, если ты прогонишь меня, мне не жить, но и тебе жизни не будет... Приходи на свидание сегодня в парк, придёшь?

— Отстань, не видишь, я «буду» колочу.

Юрка ещё хотел что-то сказать, но к Розетте кралась сзади подруга. Вот она приподнялась на цыпочки — Розетта почувствовала на своих глазах потные ладошки.

— Галка? Галка! Отпусти, слышишь, я же знаю, что это ты. Отпусти, Галка, а то — как дам!

Юрка потоптался нерешительно ещё немного, потом круто повернулся и большими шагами направился прочь.

— Галка, подлая, где ты пропадала? Больно интересно мне одной возиться с нашей «будой».

— Не сердись, Розка, я не виновата, мама заставила в магазин сбегать, а по дороге я Валю встретила.

— Подумаешь...

— Приглашала уроки делать, пойдём?

— А ну её, далеко очень.

— У них же сад свой... Там даже грецкие орехи есть. Идём, что тебе стоит?

— Разве что орехи...

Валя оказалась дома одна, матери, по её словам, не будет ещё часа два.

Пойдём, Валечка, в жмурки поиграем, — весело предложила Галя.

— Мама не разрешает, давеча вы попортили весь крыжовник. Мало того, что ягоды ещё не зрелыми сглодали, да к тому же кусты обломали, землю каблуками и подбородками перепахали, мне от мамы тогда из-за вас знаете как влетело? Давайте лучше математику делать.

Гостям взгрустнулось, они уже горько сожалели за длинный утомительный путь, проделанный зря. Розка толкнула Галку в бок и прошипела: «Я тебе говорила, не надо было идти, а ты: орехи, орехи, а я-то послушала дуру».

Школьницы склонились над учебниками. Вместо ожидаемых орехов им пришлось разгрызать задачку по алгебре, а математика, даже в самые лёгкие минуты их жизни была для обеих тяжким наказанием. Первой творческую тишину прервала Галя:

— Валечка, я на кухню схожу, попью.

— Я принесу тебе воды.

— Не беспокойся, я сама. Ты, Валя, не отвлекайся, задача трудная, думай лучше.

Через минуту Роза тоже захотела пить, Валя осталась одна на одну с математикой. Пока хозяйка корпела над задачей, гости не теряли времени, ловко обшаривая кастрюли, банки, ящички.

— Смотри, котлеты! Возьмём одну?

И Галка схватила котлету всей, редко бывающей чистой пятернёй, однако на сковороде предательски остался след от застывшего жира.

— Заметно, положи обратно.

Пришлось водворить котлету на законное место и обсосать пальчики.

— Ой, Розка, смотри, малина!

— Ай!

Забыв обо всём на свете, лакомки облепили широкогорлую бутылку, вылавливая из неё по ягодке. Розовые от малинового сиропа кулачки бойко сновали от горлышка бутылки, где они подчас затевали молчаливую борьбу из-за очереди, к розовым губкам и обратно. Малиновый сироп, между тем, подбирался до их локтей, с локотков, кулачков и губ сироп капал на стол, на пол, на платье.

— Что вы там заснули? — послышался раздражённый голос хозяйки.

Проказницы кинулись смывать следы преступления, наскоро вытерлись и, глотая тягучие слюнки, появились в гостиной, бочком приблизились к столу, молча юркнули в свои стулья и уткнулись в учебники липкими сладкими мордочками. Обе благоухали тонким малиновым ароматом, но теперь и вовсе им было не до занятий. Девочки тосковали по воле, ведь Валина мама могла прийти в любую минуту.

— Откуда такой запах приятный, — недоумевала хозяйка. Гости и вовсе заторопились.

— Ну, мы пойдём, Валя.

— Куда же вы? Мы ещё и задачу не решили... Оставайтесь.

— Нет, не можем, мама будет ругать, мы и так засиделись у тебя. До свидания, Валечка.

— До свидания, девочки, приходите почаще.

Девочки что-то пролепетали и выскочили из Валиного дома, как пробки. Домой подружки шли грустные, терзаемые раскаяньем: «Всё-таки мы с тобой большущие свиньи», — констатировали они, облизываясь.

На следующий день, как только Валя вошла в класс, подружки, как по команде, уставились на неё, настороженно и виновато.

— Девочки, знаете вы кто? Нахалки! Мне опять из-за вас от мамы попало: сожрали всю малину, выпачкали новое полотенце. Ягода же почти не отстирывается, паразитки вы бессовестные!

— Ой, Валечка! Ты думаешь, нам не попало? Ещё как! Даже больше чем тебе, но мы ведь не плачем. У тебя только полотенце, а у нас платье в малине испачкались. За испорченное платье мама так отхлестала полотенцем, до сих пор сидеть больно!

Глава третья

Юрка страдал. Огромные кулаки Юрки зудились. Угрюмый взгляд его тяжело падал на встречных, и те торопливо уступали ему дорогу. Вот впереди показался верзила под ручку с дамой, прямой, как стрела, путь Юрки надломился. Юрка оказался перед верзилой и его спутницей. С петушиной отвагой он врезался между ними. Юрка ожидал отпор и был готов к нему, он чувствовал, как что-то внутри стиснуло грудную клетку, сердце застучало тревожно и весело, ощущение, будто он подошёл к краю вышки и через мгновение должен ринуться головой вниз, и чем опаснее предприятие, тем полнее будет нервная разрядка, а ещё Юрка нуждался в самоутверждении, он должен доказать, что не хуже, нет, а лучше, достойнее многих, всех!

Если бы Роза оказалась теперь здесь, она, наконец, поняла бы, кем она пренебрегает, она узнала бы, что только он способен защитить её, оберечь от обид и невзгод, только он, а не хлюпик какой-нибудь, жалкий трус и подлец, если бы она только видела...

Юрка чувствовал лёгкость в теле необыкновенную, запрыгали пружины мышц и сжатые замерли, готовые к молниеносному выбросу тяжёлых кулаков.

«Обманное движение правой... удар левой под ложечку, потом правой в скулу...»

Юрка ждал, глядя с вызовом на здорового детину снизу вверх. Тот растерянно поморгал маленькими глазками и разжал пальцы, бережно сжимавшие руку дамы и что-то промямлил ей. Пропустив Юрку между собой, пара снова сомкнулась и продолжала свой путь. С презрением Юрка посмотрел им вслед и с омерзением сплюнул. И-И-Г-Гнида.

На месте спутницы этого типа он бы сгорел от стыда, а она позволила снова взять себя за руку, которую тот так слабодушно выпустил и топает с ним, как будто ничего не случилось; нет, Роза не такая, она бы не простила труса.

Роза-Розетта умела постоять за себя, в чём Юрка убедился при первом же знакомстве с ней. Однажды он с друзьями увидел школьницу с белыми капроновыми лентами в белом передничке, с большим жёлтым портфелем. Встречная вызвала у всех неподдельное восхищение.

«Юрка, глянь, чувишка — пальчики оближешь! Ух, хороша, стерва!»

Юрку словно толкнули в спину. «Она будет моей», — бросил он и направился девчонке наперерез. В несколько прыжков оказался перед ней, бесцеремонно оглядев её сверху вниз, ухмыльнулся, расклабился. Девчонка попробовала обойти нахала, но очутилась в его объятиях.

— Погоди, крошка, дельце есть...

Но дела своего Юрка так и не изложил, не успел: в глазах мелькнул жёлтый портфель, и в голове у него зашумело; казалось, портфель содержал в себе не тетрадки и учебники, а кирпичи да чугунные болванки. Перед глазами Юрки сверкнули не молнии, не искры, а быстрые, как молнии, сверкающие, как искры — глаза девчонки. А позади себя он слышал обидный смешок дружков. Стоял Юрка перед пылающей, как мак, Розкой красный, как рак.

— Прочь с дороги!

Юрка, безобидный телёнок, посторонился. С тех пор Роза, как заноза, в юркином сердце.

Глава четвёртая

Время неумолимо течёт, и неумолимая действительность заполняет наши «табуля раза». От кого зависит смысл и направленность этой записи. С чьих слов ведётся она? Кто её автор? Нам не нравится написанное, но как стереть его? Кто может это сделать? Время?

Ведь время стирает не только написанное, но и тех, кто пишет.

С возрастом, с годами меняются взгляды. Многое, перед чем мы преклонялись вчера, сегодня предстаёт перед нами жалким, ничтожным. Сегодня мы любим или ненавидим, как завтра отнесёмся к сегодняшнему предмету нашей любви или ненависти?

Жизнь в мединституте шла своим чередом, только четвёртая группа третьекурсников шумела и волновалась, как потревоженный улей. Вчера на партбюро курса постановили исключить из института студента четвёртой группы Френина.

- Комсорг, объясни нам, в чём дело.
- Сам ни черта не знаю. Они не нашли нужным пригласить меня.
- Что Френин мог опять учудить?
- Говорят, Краевскую избил.
- Не избил, хотел только.
- Жаль.
- Исключить из института лишь за то, что человек хотел. Это уж слишком.
- Не поясничай.
- Я взываю к справедливости.
- Глас вопиющего в пустыне.
- Сколько можно нянчиться с этим шизофреником?
- Не шизофрения, деревня, а схизофрения.
- Не спорю, тебе лучше знать, тебе до неё рукой подать.
- Мальчики, бросайте острить, надо что-то делать.
- Прежде всего, скорбно снять шляпы.
- Комсорг, нужно идти в деканат.
- Подожди, Наташенька, будет ещё бюро института.
- Я слышала, он в отчаянии.

— Не выкинул бы фокус какой, от него всего можно ожидать.

— Волин, сходи к нему, ведь ты же комсорг.

— Комсорг — не сестра милосердия.

— И всё-таки ты обязан пойти.

— Обязан, должен... — ворчал комсорг. К Френину ему идти не хотелось. Он с Френиным в одной группе уже третий год, но живут они, как кошка с собакой. Разве виноват он, что на комсомольском собрании выбрали комсоргом его, Волина, хотя Френин из кожи лез, чтобы не допустить этого. Неприязнь Френина выглядела, по мнению Волина, по меньшей мере несерьёзной. Ну, хорошо, когда-то, ещё в школе при его участии Френину вкатили выговор. Но ведь сам заработал его! Надо же как-то наказывать за проступки. Не он первый, не он последний.

А Френин? Он не представлял себя без института, без группы, без товарищей. Но почему они так несправедливы к нему? Все эти годы он трудился, словно каторжный, и никто по знаниям не мог сравниться с ним, не оттого ли они преследуют его? Они ленивы, тупы, завистливы, сами погрязли в своём невежестве и хотят, чтобы все хрюкали рядом с ними. Попробуй, не похрюкать, попробуй выбраться из этого болота — утопят, рта не успеешь раскрыть. Ну, подождите, скоты! Придёт моё время. Вы у меня завизжите! — говорил он себе после очередной стычки с ними.

И ещё глубже зарывался в книги. Они ему заменяли всё, почти всё. Время от времени Френин вырывался из их цепких объятий и оказывался на улице. Долго стесняемая физическая энергия изливалась бурно, безудержно, в случайных ситуациях, со случайными товарищами. В тёткин дом он возвращался побитый или оскорблённый, или впутанный в какую-нибудь историю. Снова и снова он давал себе зарок ни с кем не иметь дела, запирался в четырёх стенах и священнодействовал. Он врезался в дебри премудростей, медленно, но с фанатическим упорством продвигался вперёд. Следующий шаг он делал лишь тогда, когда в памяти его застревал каждый факт, каждая деталь; второстепенного в его процессе познания не существовало и ясной цели, быть может, тоже; словно скупой рыцарь, скрупулёзно складывающий монету к монете, накапливал знания, факт за фактом, понятие за понятием, испытывая наслаждение и удовлетворение в самом процессе познания. Френин принимался за дело благоговейно, с трепетом озирался вокруг; расчистить в тропических зарослях науки, где деревья и кустарники растут в несколько этажей, где стволы

образуют непроходимый частокол, где всё переплетено, перевязано — адский труд. Но лишь такой труд приходился ему по душе, только в нём он находил радость и забвение. Когда же силы Френина истощались, на него находил безотчётный страх, он искал выхода, но не находил, он звал на помощь, но никто не откликнулся. С каким жаром и признательностью схватил бы он руку друга, какую бы жертву он принёс великой дружбе, только не быть с самим собой, только уйти от навязчивых мыслей, от умственного и душевного разлада. Порой ему казалось, что рассудок покидает его. Френина преследовало непонятное беспокойство, от которого он не умел избавиться, а юноши и девушки равнодушно проходили мимо.

«Проходите, идите своей дорогой, умственные импотенты, жалкие ублюдки с дизрафическими знаками!»

Френин был очень одинок, но колюч, как ёж. Идеиные менторы курса окрестили его хулиганом, идеалистом и даже сектантом.

Чувствуя на себе его презрительный, насмешливый, но чаще ненавидящий взгляд, укреплялись в своем мнении всё больше и больше, втайне боялись Френина и мечтали от него избавиться. Поводом для расправы над ним послужила жалоба Краевской, которая обвиняла Френина в попытке изнасиловать её. Она не погнушалась передать и все его письма к ней.

Волина покорило, так ярко он представил как на бюро в присутствии Краевской и Френина читались интимные письма; сальное лицо Сердюка, смешки, улыбочки, неумело скрываемые маской важности и благопристойности. Группа, несмотря на то, что Френин приносил ей много хлопот и огорчений, сочувствовала ему в случившемся несчастье. Но Френин не верил больше никому, боялся и ненавидел комсорга, щенком он забился в угол, в любое время и отовсюду ожидая удара.

Волин подошёл к особняку с палисадником, ограничивающим большой дворик и фруктовый сад, открыл калитку, но не успел сделать и нескольких шагов, как дверь в доме скрипнула, приоткрылась, и через образовавшуюся щель лениво протиснулась огромная овчарка. Оба застыли от неожиданности и уставились друг на друга. «Хоть бы деревцо какое», — с грустью подумал Волин, но продолжал смотреть на проклятого пса в упор и призывать всё своё самообладание, собака не сводила с него глаз, шерсть у неё стала дыбом, но она пока не кидалась на непрошенного гостя и

не рвала его на куски. «Что с неё возьмёшь, собака, хоть и овчарка. Ишь ждёт, пока я пятки покажу. Не дождёшься, выкуси, я тоже умею кусаться».

Волин приободрился немного, но всё ещё допускал возможность остаться без штанов в столь пикантной ситуации. Значит ему оставалось одно: убедить животное в том, что он сильнее и не боится его. Напряжённый тет а тет обоим был в тягость и оба обрадовались, когда дверь отворилась вторично, на крыльце появилась хозяйка с холёным, интеллигентным, когда-то очень даже не дурным лицом. Противники, при виде её, образно говоря, завили хвостами.

— Что вам угодно?

— Я к Френину, здравствуйте.

— Кто вы такой?

— Студент. Мы с ним в одной группе.

— Проходите.

Собака с достоинством посторонилась, человек, не скрывая перед ней своего превосходства, продефилировал мимо. Волин постучался и вошёл. Первое, что бросилось ему в глаза, были книги. Книги лежали на столе, на этажерке, на шкафах, просто на полу. Серые с позолотой, потрёпанные фолианты и обтянутые бордовым шёлком тома, новые издания с новыми обложками и книги совсем без обложек с тонкой пожелтевшей бумагой. Среди букинистических залежей Волин заметил несколько знакомых по обложкам учебников.

Френин лежал на диване. Он повернулся к вошедшему и посмотрел на него настороженно и придирчиво, пытаясь прочесть на лице или в движениях комсорга скрытое торжество, но не нашёл ничего подозрительного, сел и показал гостю на кресло.

Волин проявил к книгам живой интерес. Френин, отвечавший сначала неохотно и односложно, но незаметно для самого себя увлёкся, с гордостью показывал свои сокровища. Он был счастливым обладателем богатой медицинской библиотеки, которая досталась ему от дяди, в ней можно было найти труды почти всех корифеев медицины, в первую очередь германских, о своих любимцах Френин говорил взахлёб. Всё, что волновало его не чуждо было и Волину. Они тонко и быстро понимали друг друга, но как только разговор коснулся главного, Френин впал в дисфорию.

— Сука, шла рядом до самого общежития и смеялась, как ни в чём не бывало, мерзкая тварь, понимаешь, в душу грязными руками...

Френин вдруг умолк, наверное, вспомнил, с кем имеет дело. Комсоргу стало жаль его, он вспомнил комсомольское собрание в 8-а, «хулигана», забившегося в угол класса, недоумевающие лица восьмиклассников. Волин почувствовал крайнюю неловкость, когда представил, что должен был испытывать Френин тогда, после экзекуции на классном собрании, устроенной знаменосцем школы.

Френин, между тем, смотрел на него недоброжелательно, даже враждебно, для него Волин был только одним из представителей армии головопатыства и клеветничества, слушал он комсорга молча, угрюмо.

— Ты видишь в окружающих тебя лишь недоброжелателей. А кого они видят в тебе? Что ты приносишь им своей встречей? Насколько я знаю, не радость. Ты унижаешь или оскорбляешь их. Неужели ты надеешься на иную реакцию с их стороны, чем отпор. Ты претендуешь на исключительность, пусть даже не без оснований, но и всякий другой имеет на это право, так оставь свой гений и его притязания при себе, не наноси ран чужому тщеславию, не ущемляй чужое самолюбие, что же касается Сердюка, то судьбами вершит не он. Завтра состоится партбюро института, там и решится твоя участь.

— Да. И решать её будут сердюки.

— Решать будем мы все, кстати, и ты тоже.

Распрощались холодно. Френин метался почти всю ночь, визит комсорга растранил начавшую тупеть боль и отчаяние. «Что ему ожидать от этих людей? Они чужие для него, ненавидят его, встреча с ними не сулит ему ни сочувствия, ни участия, ни добра».

Бюро состоялось на следующий день. Просторный кабинет секретаря парткома института, массивный двухтумбовый стол, к которому перпендикулярно в качестве ножки в букве «Т» подставлен другой, поменьше, но подлиннее, покрытый зелёным сукном. Над первым столом возвышался, кроме секретаря, солидный чугунный чернильный прибор с богатым содержанием, изображающий московский кремль — всё как и полагается в кабинетах секретарей. Френин сидел в стороне от буквы «Т». Наголо стриженная голова его низко опущена. При электрическом освещении рельефно вырисовывался крутой неровный френинский череп с широким лбом, с особенно хорошо выраженными теменными и лобными буграми. Его нервический рот с несколько толстоватыми губами и пожелтевшая кожа выдавали страдания, не-

большой правильный нос разделял глаза, взгляд которых обычно дерзкий, теперь выражал беспокойство; несколько впереди от него сидела Краевская, готовая в любую минуту смущённо улыбнуться. На лице у неё застряла нерешительность, исходящая от некоторой неуверенности, но ни капли волнения, хотя она непрочь была его показать. Сердюк в синем мешковатом костюме, бледный, сидел на краюшке стула и поминутно с готовностью вскакивал. Он уже доложил дело и присутствующие начали задавать вопросы. Волин сидел спокойный, всех внимательно слушал, с интересом наблюдал за ними, себе он ещё в доме Френина дал слово отстоять его и сейчас с чувством удовлетворения слушал Ивана Ильича, представителя деканата. Удивительный человек! Он с нескрываемым интересом изучает Френина, как врач больного, глаза у Ивана Ильича живые, на лице часто играет улыбка, которая в зависимости от вопросов и ответов становится то лукавой, то добродушной, то насмешливой, то задумчивой и печальной.

«Да его к нам сам бог послал», — с удовольствием отметил Волин.

Выступление комсорга 4-й группы, основной смысл которого заключался в том, что комсомольская организация группы достаточно сильна, чтобы положительно повлиять на Френина, явилось той точкой, что ставится в конце законченной мысли. Сердюк недоумевал, он окончательно растерялся, ему всё казалось, что сидящие вокруг него чего-то недопоняли и делают ошибку, но как это сказать, как объяснить им это?

Френин ожидал комсорга на улице, как только Волин вышел, он схватил его и потащил к себе, он и сам бы не мог сказать в тот вечер, чему больше радуется, тому ли, что остался в стенах института, или тому, что приобрёл друга; возбуждённый с чувством благодарности, Френин совал гостю первые попавшиеся под руку книги, но тот наотрез отказался от щедрого подарка, не подозревая, что ещё выше вырастает в глазах друга. Второй раз Волин чувствовал себя неловко перед Френиным, и чтобы скрыть свою неловкость повторял: «Вот чудак, рассентиментальничался, как котёнок».

Глава пятая

Солнце вырабатывает слишком много тепла, чтобы тратить его только на себя, и потому оно охотно несёт энергию на своих лучах, которые щедро деляют ею всякого на своём пути. Они пробивают толщу льда и вдыхают жизнь в водные артерии. Вскипают, пенятся реки, умоется природа вешними водами и преобразится вся: разгладятся морщины, нальются жизненными соками её формы, облачится она в наряд изумрудный, белая вьюга цветения фатой прикроет ей стыдливые очи, вспыхнут на челе её самоцветами яркие полевые цветы — и нет краше невесты на земле! Кто влюблён в природу, тот ни за что на свете не променяет свиданий с ней.

Когда впервые мальчишкой Волин погрузил своё тело в прохладные и ласковые волны, и когда, замахав руками, «поплыл», одной ногой нащупывая дно, он уже знал, что вода — это его стихия. Река стала его вторым домом. Он таскал из её вод уклейку и карасиков, а когда река выходила из себя и заливала огороды и сады, он дразнил её, катаясь на льдинах; горячилась река и таяли льдины, тогда худенькие плечи мальчишка рассекали её во всех направлениях. Заплыть вдоль реки можно далеко, но самое интересное всегда впереди, и туда можно уйти на байдарке. Но волновали его всё же не берега, остающиеся позади, а весёлый, задорный бурун, вскипающий на носу байдарки. Чем больше скорость, чем горячий пот со лба, тем радостней поёт бурун. Ох, не любил он соперников. Лишь появится другой рядом — зашипит, зашумит, запенится. Вцепившись в серо-голубую толщу, гнётся весло, как ужаленная рвётся из воды байдарка, угрожающе кипит бурун. Вскоре тесными стали гребцу родные берега, начал появляться он на Днепре и на Неве, чтобы померяться своими силами на стороне.

С первых шагов в гребной секции Волин оказался правой рукой тренера. Выдержка и находчивость последнего всегда приводила спортсменов в восторг. Фамилия тренера Ангелов, словно дана ему богом, и сам он находился, очевидно, под покровительством свыше. Работая на воде, Ангелов всегда выходил из неё сухим. Понятно, что человек со способностями Ангелова не мог долго прозябать на мокром месте. Он преодолел несколько ступенек и присел в областных органах. А место тренера в «Спартаке» досталось Волину. Горячо и самозабвенно повёл он работу в гребной секции и скоро надоел руководству общества то протестами против сдачи собственного спортзала в аренду в ущерб гребцам, то требованием новой

спортивной посуды, то желанием участить тренировки и раньше обычного выходить на воду и ещё многим другим. Да, Волин любил греблю, но не только любовь к спорту подогревала его тренерское усердие. Ему выпало на долю поднять былой престиж спартаковцев. Последнее время Ангелову было не до гребцов, и спартаковцы впервые потеряли кубок области. Волин решил вернуть его и немедленно. Если раньше тренеры по гребле из Динамо и Авангарда приходились ему только соперниками по веслу, то теперь между молодыми горячими головами вспыхнуло и тренерское соперничество. Подготовка к областному первенству шла взапуски, каждый напряг все свои силы. Предстоящее соревнование сулило напряжённую борьбу. С четырёх часов и до темна пять раз в неделю Волин пропадал на водной станции. Занятия в институте у него постепенно отошли на второй план. Иногда молодому тренеру казалось, что кто-то ставит ему подножки, слишком много сил приходилось тратить на разрешение простых, самых насущных для спорта вопросов. Ангелов по неизвестным причинам охладел к нему. «Но это всё пустяки, выиграть бы областные...»

Волин ещё издали узнал авангардовский катер, который через несколько минут уткнулся в спартаковский бон.

— Привет Спартаку.

— Авангарду привет.

— Загораешь?

— Как видишь.

— Команды твоей не вижу.

— Все львы у вас, вы и наших перетянули, приходится сидеть и ждать, пока новые подрастут.

— У меня к тебе дело, Борис.

— Какое?

— Согласись, лучшие байдарочники у нас, они и вырвут Кубок. Кстати, так говорит Ангелов.

— Ангелов? — протянул Волин.

— Но каноисты наши намного слабее твоих и бороться будут лишь с динамовцами. Конечно, на гробах наших они наверняка проиграют. Хочешь второе место, заключим союз: ты нам лучшие каноэ, мы тебе лучшие байдарки. Они ведь тебе нужны? Нужны. Таким образом, Динамо мы затолкаем на третье место. Идёт?

— Я подумаю, — ответил Волин и мысленно улыбнулся: совсем недавно динамовец с точно таким же предложением приставал.

— Подумай хорошенько!

— Добро, пока, — Волин толкнул авангардовский катер ногой.

Катер перехватило течение и начало разворачивать. Как назло мотор долго не заводился, и долго над рекой висела ругань и пыхтение авангардовцев.

Ситуация перед соревнованиями действительно складывалась не однозначная; с думами о скорой схватке Волин вставал и ложился. Об этом же шла речь и на тренировках, каждому спартаковцу он пытался внушить прежде всего чувство ответственности и жажду победы. Накануне соревнований разговор должен быть особым. Команда уже собралась в комнате отдыха. Через несколько минут в ней сделалось шумно и тесно. Больше всего галдёжу вокруг Иванова, который без ужимок даже кашлять не станет. Ему уже удалось задеть всех девчат, и каждая успела отбить об него руку, после чего он принялся демонстрировать походку каноистов. Виляя тазом и хромая на левую ногу, он прошёлся перед сидящими на скамейках, наступил кому-то на ногу, за что получил удар веслом ниже спины, схватился за побитое место и завизжал. Вошёл Волин, все захохотали. Иванов принял смех как поощрение и продолжал поясничать, но в него полетели тапочки, пропочные подушки, тряпки. Он обернулся, увидел тренера и стушевался.

— Итак, друзья, соревнования — на носу. Борьба предстоит тяжёлая. Завоевать кубок нелегко, но мы должны это сделать. Я прикинул предполагаемые результаты, вот что получается по моим подсчётам: Спартак набирает 31 очко и забирает кубок, Авангард — 30 очков и занимает второе место, Динамо — 28 и третье. И так будет, если мы не пожалеем, как говорится, живота своего. Если вопросов нет — по коням. Сегодня со мной в двойку сядут Нона, потом Иванов, через час для всех отработка стартов. Кстати, Иванов, ты сидеть можешь?

Новый взрыв хохота, послышались отовсюду советы.

«К печке прислонись, отойдёт».

«Лучше к солнцу».

«Ерунда, — деловито посоветовал опоздавший Димка, — присыпь нюхательным табаком, чего смеётесь, знаете, как помогает? Или лучше взять кипяток...»

«Сесть, и, главное, глубоко дышать».

«...Чего ржёте? В кипяток бросить мелко нарезанный чеснок и принимать паро-

вые чесночные ванночки, от геморроя здорово помогает, сам пробовал, или вот ещё, вставить однодольчатый пареный чеснок...»

«Перед стартом! С чесночной начинкой можно и скутер обогнать».

Шутки и смех стихли только тогда, когда последний гребец вышел на воду. Время проходит быстро, река потемнела и поблекла, но ещё живёт продолговатыми отблесками городских огней, да неожиданным всплеском неугомонной рыбёшки, да мерным всхлипом весла, да журчанием серебряного бурунчика, вслед за которым из темноты показывается силуэт гребца. На берегу спортсмены разминают одеревеневшие мышцы, смывают соль с кожи лица, медленно вытирают лодки. Все члены требуют заслуженного покоя, двигаются с трудом. Меньше всех страдает язык, и к концу тренировки он остаётся единственным источником энергии.

Месяц пролетел в упорном труде, срок областных соревнований по гребле наступил. С волнением и надеждами к завтрашнему дню устремили взоры десятки гребцов. Ещё одно физическое усилие, ещё одно моральное напряжение — и произойдёт разрядка, кто-то счастливый и гордый поднимется на пьедестал почёта, кто-то досадуя на себя, сетуя на случай, исподлобья будет смотреть на удачливого соперника и жаждать с ним встречи вновь на голубой дороге. В эти дни всё зачтётся: и то, что ты бросил курить, и то, что лишал себя лишнего стакана, даже газированной воды, и то, что тёплыми весенними вечерами не встречал луну, и то, что соорганизовав энергию мышц, нервы свои, волю свою, ты создал чудесную машину, вырабатывающую скорость, и ещё многое, многое зачтётся тебе. Не очень надеясь на свои нервы, Волин принял снотворное накануне. Проснулся он бодрым, весёлым, всё утро выла арию Ленекого. На водную станцию явился задолго до соревнований, сел в байдарку и медленно покатил её, мерно работая веслом. Ему хотелось мысли свои увести от предстоящих событий, а мышцы, тело подготовить к соревнованиям, ввести в их русло, так как считал, что разминка за два-три часа до старта весьма полезна; когда он причалил к бону, спартаковцы были уже в сборе.

— Кто разрешил купаться?! Марш из воды! Кого мы выставяем, команду гребцов или мокрых куриц? Поберегите силы для своих противничков. Они, видно, давно нас заждались. Для одежды и прочего берём две гички. У меня просьба к вам: чтобы ни случилось на соревнованиях, не лезьте на рожон. Вашим языком на это время будет представитель. Работающие сегодня не должны пыхтеть над посудой.

Снести и вынести её обязаны те, у кого завтра заезды. И вот ещё что: криком своим мы должны так подбадривать своих, чтобы голоса нашего хватило ровно на два дня. А теперь в путь!

Маленькая флотилия через несколько минут подошла к противоположному берегу. Обмениваясь пытливыми взглядами, приветствиями и насмешками, спартаковцы неспешно раскинули свой лагерь. На берегу появились козлы, на них лодки. Потянулись неторопливые часы и минуты подготовки к стартам. Бывалые спортсмены тщательно ухаживали за своими лодками, оберегали их и от воды, и от солнца, и от ударов. Старательно прошкурив ходовую лакированную часть, они наносили на неё мастику, которую затем обливаясь потом тщательно растирали тончайшим слоем, чтобы уменьшить сцепление с водой, словом, они делали всё, чтобы увеличить скорость. И если бы крик петухом или хрюканье свиньёй хоть на секунду увеличили скорость лодки, то не нашлось бы гребца на берегу, который бы не кукарекал или не хрюкал. Всё чаще разносится через мегафон или, как его называют гребцы, матюкальник, голоса судей. Ангелов явно злоупотребляет техникой. Он переговаривается через мегафон даже с рядом сидящими. Наконец, судьям и представителям объявлено собраться на совместное заседание. Ангелов огласил программу и положение соревнований, судьи и представители доложили о своей готовности. Началась жеребьёвка.

От её результатов мало что зависело, а потому проходила она формально, без кипения страстей.

С нагрудными номерами и флюгарками Волин поспешил к своим.

Берег оживился. Мальчики в предчувствии боевого зрелища с воинственными криками как угорелые носились по берегу. Останавливались любопытные прохожие. Репродуктор замер, оборвав песню Робертино Лоретти, послышалось шипенье треск, шелчки, и торжественный голос Ангелова прогремел: «Участникам областного первенства по гребле на байдарках и каноэ выстроиться для участия в параде в честь открытия соревнований. Порядок построения команд: Авангард, Спартак, Динамо». Спортсмены неторопливо строились в две шеренги, тренеры ревниво оглядывали своих питомцев.

Перед гребцами на столике, покрытом красным бархатом горел в лучах солнца хрустальный кубок. Но ярче, чем хрусталь, блестели глаза трёх тренеров, бросавших на кубок алчные взоры. Их вождения прервались новой командой: «На флаг смирно! Волину, Черных, Светловой поднять флаг соревнований».

Оркестр грянул гимн.

Чемпионы прошлого года медленно перебирали шнур в шестеро рук. Флаг соревнований поднят. Он затрепетал на мачте радостно и призывно. Соревнования начались. На старт вызываются женщины на одиночках-байдарках, дистанция 500 метров. Вот они одна за другой потянулись к стартовой линии. Волнуются. Нервничают. Байдарка под ними нет-нет да и покачнётся, накренится.

Самые нетерпеливые болельщики растянулись вдоль берега, чтобы подзадоривать соревнующихся с самого начала дистанции. Основная же масса болельщиков и зрителей — на финише, отдельными группами и группками они облепили наиболее выдающиеся части берега, заняли лодки, боны; они то и дело вытягивают шеи и спрашивают друг друга: «Уже?» Но вот вдоль берега волной прокатывается магическое «пошли», и каждый чувствует, как пробежавший вдоль реки электрический ток бьёт и его. Откуда-то из глубины проникает низкий неясный гул, он нарастает, набирает высоту.

До сих пор истинный болельщик ещё помнит себя, замечает даже, что делается вокруг него, слышит окружающих. Он видит, как по берегу бежит двухметровый детина в майке динамовца и, срываясь на фальсет, кричит: «Ни-на, ча-ще!» Болельщик замечает также, как только что соскочивший с велосипеда тренер Спартака, краснея от натуги хрипло повторяет: «Ва-ля, к берегу, ближе к берегу». Но там, на водной дорожке почти ничего не меняется. Болельщику начинает казаться, что гребцы недопонимают указаний своих тренеров или не слышат их. И вдруг он ярко осознаёт, что только он один сможет помочь тому или иному гребцу. Болельщик несмело кричит. Голос его срывается. Он кричит сильнее, но не слышит даже самого себя из-за крика соседей-болельщиков. Тогда он набирает в лёгкие столько воздуха, на сколько горазд и, синея от натуги, истошно визжит: «Ни-на! Ча-ще! Ли-да! Ва-ля! Мо-ло-дец!»

Берег гудит, всё приходит в неистовство. Теперь можно спокойно раздеть каждого болельщика до гола, он даже не поймёт, почему ему стало так хорошо. Он будет продолжать кричать, прыгать от радости, а в кульминационный момент — обнимать и целовать рядом стоящего и орущего соперника. Спортсменки учащают темп гребка. Чаше. Хорошо. Ещё чаще. И вдруг они замолотили изо всех сил. Это финиш. Равных именно здесь поджидает победа. Берег корчится в экстазе. Крики сливаются в сплошной вой. Кто, наэлектризованный до этого момента ещё бежал по берегу, иступлённо крича и дрожа, вдруг останавливается у самой воды, готовый

при первом ударе гонга излиться в последнем вопле. Имеются и хладнокровные наблюдатели, чаще они лежат в холодке и жуют или мечтают: «Неплохо бы опустить всех болельщиков, накалённых до бела в речку, через минуту вода вскипела бы, хлебай даровую уху и поплёвывай рыбы косточки».

Отзвучал гонг. Лыкующие спартаковцы вытаскивают из байдарки обессилевшую, но счастливую Валю. В байдарку садится Волин внешне совершенно спокойный. Он знает, многие наблюдают за ним, на пожелания друзей отвечает шуткой, отчаливает от бона, медленно гребёт, краешком глаза наблюдая за берегом. Большинство уверены, что первым придёт именно он. На коротких дистанциях спартаковцу нет равных. Динамовцы другого мнения и ставят пари на своего Юрку; он намного моложе Волина, однако огромные руки его с мощным комплексом мышц плечевого пояса внушают к нему уважение; к старту они подходят вместе. Катер с судьёй-стартёром долго не появлялся. Гребцы, выстроившиеся было на линии старта, снова разошлись.

«Как прошла женская двойка? — беспокоился Волин. Чтобы отвлечь себя, стал наблюдать за соперниками. Динамовец балагурил, прикидываясь казанской сиротой, авангардонец сидел в байдарке молча и угрюмо смотрел перед собой. «Неужели проиграю, — мелькнуло в голове, — нет, выиграю, — твёрдо сказал себе и скромно добавил, — на старте». Однако мандраж подавлял с усилием.

Подъехал судейский катер. «Все на месте? Готовы?» «Готовы».

— Все вперёд, — командует стартёр.

Волин делает сильный выдох, ещё и ещё. Для него это вроде заклинания от мёртвой точки. Сильный выдох в некоторой степени устраняет спазм бронхов, который бывает у спортсмена на каком-то отрезке дистанции.

— Все вперёд!

Гребцы приближаются к невидимой стартовой черте осторожно крадучись, не выходя вперёд и не отставая друг от друга ни на сантиметр. Каждый знает, ещё мгновение, и вода вокруг закипит. Не прозевать, уловить момент между словами «Внимание — марш!» Сорваться сразу после «Внимание» — явный фальш-старт, а после «марш» поздно, отстанешь на треть корпуса лодки. Опытные гребцы берут старт, когда у судьи рождается с языка «марш». Доля секунды выигрывается, что нередко и решает исход гонки.

Юрка на старте слишком напряжён, плохо, он ещё не умеет, где следует расслабляться, он ещё не постиг многих премудростей спорта, но зато он крепко вдолбил

себе одно: он должен прийти первым, первым во что бы то ни стало! Там, на берегу — Розетта. Опозориться ему никак нельзя. Или победа, или дно речное!

Команда дана.

Вместе с «марш» весло спартаковца резко ушло в воду и потянуло его за собой, рука погрузилась в волны по локоть, байдарка легла на бок, легла и лежит. Резкое движение корпусом — байдарка выровнялась. Волин отчаянно заработал веслом, но внутри что-то оборвалось, вроде струны у балалайки, на такой балалайке можно только выстукивать, но не играть, но и стучащая в висках единственная мысль «всё пропало» не вызывало никаких эмоций, он грёб с тупым чувством, рассекая волны, оставляемые противниками. Доносившееся с берега «Боря, Боря, догоняй» — почти не трогало его. Он устал, не хватало воздуха; байдарка, не чувствуя гребца, замедлила свой бег, но и противники, он это видел, сбавили темп.

Прошло не больше минуты, почти половина дистанции позади, видны створки финиша, судья на финише занимает своё место. Хронометристы поглядывают на секундомеры. Борис обнаруживает, что идёт почти вровень со второй лодкой. «Врёшь, не уйдёшь», — выдавил он из себя и резким крутым гребком начал набирать скорость; на носу байдарки ободряюще запел бурун, вот спартаковец злорадно улыбнулся обойдённому авангардовцу и уже не выпускал из вида сгорбленной спины динамовца, расстояние между ними сокращалось на глазах. На берегу ободрённые спартаковцы с подъёмом скандировали: «Боря, обходишь. Ура!»

Уже Волин слышал тяжелое дыхание Юрки, уже бурун под байдаркой спартаковца ехидно нашёптывал динамовцу беду, уже тот заметался, подставляя свой зад под нос наседаящего соперника. Разбесившийся спартаковец спуртанул и поравнялся с лидером. Ещё несколько гребков и...

Прозвучал гонг. Стон досады вырвался у спартаковцев: «Еще бы маленькую чуточку...»

Волин опустил одеревеневшие руки в воду, горело лицо, горела изнутри грудь, губы стянуло плёнкой. «Уплыть как можно дальше» — малодушная мысль, конечно, но как горько быть битым!

Приближаясь к берегу, Волин мимо воли искал взглядом Юрку. Он стоит, окруженный восторженной толпой, хвастливо размахивает руками.

Вот возле него появилась изящная девичья фигурка, в огромной ручище Юрки заалел маленький букетик полевых цветов, вокруг его потной шеи обвилась тонкие ручонки...

Страсти улеглись поздно вечером. Последний заезд байдарок завершён. Ангелов объявляет результаты первого дня борьбы — все три соревнующиеся команды набрали одинаковое количество очков: шестнадцать. «Кубок мой», — улыбнулся Волин и поймал на себе красноречивые взоры соперников.

Сомнений ни у кого не осталось: завтра каноисты Спартака вырвут победу, и Кубок поменяет прописку.

Прощаясь с друзьями, вместо принятых при расставании слов Волин произнёс: «Кубок наш!» «Кубок наш», — вторили спартаковцы. Однако ликовали они преждевременно.

Дома мать встретила Бориса привычными словами:

— Где тебя нечистая сила носит? Ты погляди на себя, один нос остался.

— А чем плохо иметь хороший нос? Не горюй, мама, будет нос, будет и все остальное. Ты лучше скажи, чем потетишь меня на ужин. Кефира, случайно, нет, умираю от жажды.

— Есть две бутылочки трёхдневного.

— Это самый крепкий напиток, который я позволяю себе. Ах...блаженство... Больше нет?

— Нет.

— Жаль.

— Куда же ты? А ужин?

— Спасибо, не хочу. Иду спать, можешь меня поздравить, мама, кубок будет мой.

— Не рано ли?

— Нет, самое страшное позади, а завтра их от разгрома не спасёт и сам бог.

Насчёт бога, Волин, вероятно, был прав, бог не поможет, ну а менее державные, Ангелов, например?

Не раздеваясь, не стелясь Волин хлопнулся на кровать. Лежать без движения — какое наслаждение после напряжённого ратного дня! Он находился в чудесном состоянии успокоения, умиротворения, полного равновесия душевных и психических сил. Всё было хорошо: и дома, и на работе, и в институте. А с Френиным он поступил благородно, правильно, человечно и, кажется, заимел друга: «Предлагал мне книги, чудака».

На другой день ярко сияло солнце. Свежий ветерок весело гулял по водной поверхности, покрывая её мелкой рябью, погода благоприятствовала гонкам.

Черных — лучший каноист области, он без напряжения выигрывает на любой дистанции, он единственный гребец, которому пока не приходится испытывать горечь поражений. Черных высок ростом, пропорционально скроен, единственным, пожалуй, недостатком его является медлительность, из-за неё он замешкался на первом разряде и никак не поспевает за постоянно растущей нормой мастера спорта, сегодня он решил показать заветное время.

— Толик, Иванов, сядь в байдарку, будешь говорить время, вот мой секундомер.

— А Борис Евгеньевич разрешил?

— Борис Евгеньевич, Борис Евгеньевич... Друг ты мне или нет? Может, сегодня моя судьба решается.

Первый заезд второго дня соревнований — одиночки-каноэ 1000 м. особого интереса не вызывал, все наперёд знали, что спартаковец придёт первым.

Волин хлопотал на берегу в подготовке к эстафетам.

Черных кончил дистанцию с огромным, чуть ли не 200-метровым разрывом. По радио объявляют результаты первого заезда. Волин не верит своим ушам. «За нарушение правил соревнований, заключающемся в лидировании спартаковца, последний снимается с дистанции, а его результат аннулируется».

— Кто лидировал Черных ?

— Иванов.

— Ну и задам я этому скомороху.

«Нет, во всём виноват он, тренер, ведь знал же, знал, что Ангелов ищет зацепку, ведь ожидал подвох, так почему же не глядел в оба, почему проглядел Черных с Ивановым, дал Ангелову повод, чёрт! Но и Авангард вам не проташить, друзья! Если снят Черных за лидирование, то снять авангардовскую двойку-каноэ, сделавшую навал, и сам бог велел». И Волгин строчит протест.

Заседание судейской коллегии совместно с представителями команд проходило бурно, ослеплённый циничной несправедливостью Ангелова, Волин не видел ничего лучшего, как обрушиться на судейскую коллегию, обвиняя в пристрастии, ведь нарушения были и посерьёзнее, невозможно предъявлять самые жёсткие требования к командам, составленным сплошь из новичков. Но поскольку спартаковский тренер касался личностей и открывал истинное лицо их, он только восстанавливал

большинство против себя, и хотя раздавались отдельные голоса, поддерживающие Волина, Ангелов не отменил своего решения, но был вынужден дисквалифицировать авангардовоую двойку-каное. Волин подрывал авторитет Ангелова, не желал считаться с его указаниями. «Получай своё, выскочка! А мы ещё подумаем, на своём ли ты месте?»

Что мог Волин противопоставить против хитросплетений опытного и прожжённого дельца: горячность, напористость?

Впоследствии, когда он обдумывал снова и снова ход заседания и свои выступления, то раскаивался в своей горячности. Ему следовало бы вести себя более сдержанно, более гибко, менее резко, ему нужно было бы дольше говорить, больше убеждать, убедительнее доказывать. Но случившегося не вернёшь. Спартак потерял три очка и Авангард потерял три очка. Пока они в борьбе за первое место и кубок, сцепившись руками, ногами, языком, обескровливали друг друга, Динамо спокойно со своими двадцатью девятью очками заняло первое место, и улыбающийся двухметровый тренер унёс заветный кубок. У Спартака оказалось двадцать восемь очков и второе место, у Авангарда— двадцать семь и последнее место. Исход борьбы решился не на водных дорожках. Утолить боль от раны, нанесённой из-за угла, залечить её Волин не мог ничем, слишком много он вложил самого себя и затратил в дело, которое проиграл так глупо.

На собрании секции товарищи достойно оценили эгоистический поступок Черных, который пренебрёг интересами команды, и постановили исключить его, однако руководство общества не поддержало их, не желая лишаться лучшего спортсмена. Поднятая Волиным кампания против Ангелова обернулась против него самого, о нём заговорили, как о склочнике, смутьяне. Как говорят гребцы, грёб он против течения.

Глава шестая

Пришла суббота — желаннейший день в неделе. Субботу ждёт с нетерпением каждый: школяр и рабочий, учёный и домохозяйка, политический деятель и авантюрист, человек искусства и пьяница. Но разве ждёт её кто-нибудь так, как ждёт студент?! Нет, нет и ещё раз нет! Студент начинает ждать субботу не с пятницы, как, например, второклассник какой-нибудь или второгодник, не с четверга, как дочка какая-нибудь или девица, озабоченная предстоящей завивкой и маникюром с педикюром; студент начинает ждать субботу в понедельник утром, когда ещё лежит в кровати и наблюдает, как на полустёртом циферблате выдавшем виды будильника минутная стрелка вместе с часовой неумолимо приближается к цифре «девять», как большая стрелка догоняет маленькую и вырывает вперёд, хладнокровию студента нет предела, и когда кажется, что последний момент упущен, время безвозвратно потеряно, студент срывается с постели и развив первую космическую скорость, успевает не только шмыгнуть в лекционный зал перед самым носом профессора, но иногда даже позавтракать!

Насколько студент обожает субботу, настолько он ненавидит понедельник — препротивнейший, препакостный день. За короткое воскресенье не то, чтобы истмат одолеть — выспаться не успеешь, а ответ держи в понедельник, вот и сыпятся на бедную голову студента и двойки, и разные другие напасти. Хоть бы уж двойки, куда бы ни шло, а то и страхи за шаткую стипендию, и опасения за сверхтесное общежитие, и боязнь немилости курсового начальства — всё это начинается с понедельника. И мало ли ещё что подстерегает студента с началом недели. Но и то, что перечислено выше, разве не говорит красноречиво и убедительно, что понедельнику не место в студенческом календаре?!

Другое дело суббота!

В субботу никогда и ни у кого, даже у декана, не возникает ни мысли, ни желания взяться за студента как следует. В субботу немало мероприятий, а значит и достаточно уважительных причин, чтобы выкрутиться от неизбежных ответов, но главное всё-таки в другом! В субботу назначается девяносто процентов всех свиданий, в том числе девяносто девять процентов всех первых любовных свиданий, не потому ли, что именно на шестой день, прежде, чем уйти на отдых, бог сотворил свои божественные создания для блаженства и неги, вот почему суббота для каждого, а в первую очередь для студента — наижеланнейший, архилюбимейший день!

Однажды именно в такой день Борис спешил на студенческий вечер. Сегодня там будет Наташа, возможно только ради него. Если бы не карандаш, если бы не мучительный труд в поисках тех единственных слов, которые он должен приподнести ей, смог ли он дожить до назначенного часа?! Душа родила ему нужные слова, чувство оперило их, необходимость дала им крылья, получилась опять клятва.

О, без любви твоей и взгляда,
Я клянусь,
Нет в мире, в жизни мне улады,
Я клянусь.
И без тебя, моя отрада,
Ничего
Во всей вселенной мне не надо
Ничего:
Улыбки солнца, тени сада —
Ничего.

В последнее время Борис заметил желанную перемену в отношении к нему Наташи. Она то вдруг беспомощно краснела, когда он подсаживался к ней, то смешно и мило сердилась, когда он нашёптывал ей разный любовный вздор, а вчера вдруг проявила живейший интерес к предстоящему вечеру отдыха. По сути она ничем себя не обязывала перед ним, но Борис знал цену Наташиного целомудрия. Она ещё никого не любила и не интересовалась никем, троим уже ответила «нет», и Борис услышал его первым. Временами ему казалось, что Наташа к нему весьма благосклонна. Борис вновь загорался надеждой, которая сменялась отчаянием, когда он замечал, что Наташа со всеми, а не только с ним, приветлива и любезна. Борис страдал от неопределённости, но боялся нового объяснения, чувствуя, что снова получит отказ, который бы убил в нём всякую надежду, а ведь ею он жил и дышал. Он испытывал неодолимые приливы нежности к милой девушке, он обожествлял в мечтах предмет пылкой юношеской любви, он ночи напролёт шептал сладкое девичье имя, но при встрече с Наташей бывал дерзок и груб, наверное, оттого, что юношеское самолюбие было раздавлено первым же чело-веком, которого он боготворил, и которому открыл душу, а ещё имелся ложный стыд за свою сентиментальность, чем так богаты юноши, и от чего спешат они поскорее избавиться, обедняя себя и своих подруг. Постепенно чувство Бориса к Наташе внешне

вылились в неровное, на первый взгляд, легкомысленное поведение, отношение «на грани любви». Никто не понимал, что за личиной ухарства, дон-жуанства скрывалось чистая, светлая душа. И вот теперь, кажется, она поняла его, с непосредственностью неискущённого сердца сумела отличить искреннее от наигранности, настоящее от на-ностного, постоянное от эфемерного, а может, просто проявился житейский закон: дверь, в которую стучатся, обязательно откроется с тем, чтобы впустить в дом или спустить с лестницы. Как бы там ни было, но Борис подходил к институтскому клубу переполненный радостным предчувствием. Он с надеждой и волнением ринулся в открывшуюся дверь и оказался в водовороте танцующих. Когда звуки вальса растаяли, то на месте водоворота заблестел паркет танцевального зала, напоминавший песчаное дно после спада воды, на котором стояли девушки, словно русалки, собравшиеся хороводить. И среди них Борис сразу увидел ту, единственную, несравненную: с гладко расчесанными длинными волосами, уложенными в тугую косу, в бледнорозовом платье из креп-жоржета. Наташенька, его русалочка, стояла то ли у ствола древнего явора, то ли у колонны. Во сне ли, наяву ли Борис приближался к ней. Перед глазами стояло розовое пятно, всё было розовым для него: и платье Наташи, и её щёки, и губы, и руки, и всё окружающее казалось розовым, в розовых кругах.

— Добрый, вечер, девушки.

— Добрый вечер, Борис. Знакомься, моя подруга, Валя.

— Очень приятно.

Зазвучала музыка. Играли «Аленький цветочек»».

— Наташенька, со вчерашнего дня мечтаю пригласить тебя на танго.

Борис торжественно обнял трепетный стан Наташи. Мягкая рука девушки легла на его плечо. Какое счастье танцевать с любимой, чувствовать теплоту её рук, в сладостном томлении ожидать прикосновения к девственной груди!

— Наташенька, — Борис нежно привлёк девушку к себе. Она отпрянула решительно и сердито.

— Как мне хорошо с тобой, Наташенька.

— Борис, я не люблю этого...Зови меня просто Наташа.

— Ты обрекаешь меня на страдания своей нелюбовью.

— Ну почему ты такой, Борис? Что тебе от меня нужно?

— Мне от тебя? Ни-че-го. Я ничего не прошу, успокойся, и просить не собираюсь.

— Пожалуйста, сделай одолжение.

— С превеликим удовольствием.

Обое надулись и замолчали.

«Вот и объяснился вторично... Ну чего ты пристал к этой кукле, будто свет на ней клином сошёл? Стоишь, молишься, мямлишь, сюсюкаешь, к чёрту, точка!»

С трудом скрывая досаду и обиду, Борис остался на вечере, хотя интерес к нему совершенно исчез. На следующий танец он пригласил первую же попавшуюся под руки партнёршу, дородную девицу с красными клипсами, которая незамедлила навалиться на него, как пахарь на плуг. И Борис, чувствуя на себе укоризненный взгляд Наташи, начал проваливаться от стыда сквозь землю. Ему приходилось беспрестанно кружить девицу с красными клипсами, чтобы хоть часть её энергии направить в сторону, но завидное пышное тело барышни точно прилипло к партнёру. Борису начинает казаться, что на него уже все обращают внимание, многозначительно переглядываясь, кривя рты в улыбочки. Оставаться дольше хоть на минуту оказалось свыше его сил. Он промычал партнёрше нечто вроде извинения и бросился из зала вон.

Куда деться от роя слов, беспощадно жаливших его самолюбие?

«Собственно говоря, кто ты? — Жалкий, никчёмный студентшко, цена которому — грош. Что ты значишь для окружающих? — Ноль! Нет, чуточку больше, ведь от тебя, комсорга, кое-что зависит в судьбе некоторых. Заговорила совесть — отстоял Френина, не заговорила — пошёл против. Ты судья, ты ментор. Ты учишь Френина жить, жить так, как тебя самого учат. Без тебя он, конечно, не обойдётся. Или ты готов на большее? На гражданский подвиг? Ты способен улучшить жизнь народа? Ты её уже улучшаешь... разговорами о светлом будущем. Bravo, с тебя достаточно! Но, может быть, ты дерзаешь в науке и скоро всколыхнёшь мир своими открытиями? Что ты сделал в свои два десятка с гаком? За плечами работа по осциллографии... проку от которой ни уму, ни сердцу. Ага, всё ясно! Ты посвятил себя самому великому, самому сладкому чувству — любви! Так отчего у тебя такая горькая физиономия?»

Изливавшаяся из глубины души горечь иссякала. Мысли, тысячами роившиеся в воспалённом обидой мозгу, улеглись. Как ни как, а осенняя прохлада хорошо освежала разгорячённую голову. Борис обнаружил, что стоит возле четырёхэтажного здания с большими квадратными окнами. «Не забыты, оказывается, тропки к родимой. Первый этаж ярко освещен. Значит, в школе сегодня тоже проводится вечер. Вполне понятно, торжественная дата. Вряд ли изменилось здесь что-нибудь, директор всё тот же, Иннокентий Никитич, а старшеклассники так же его недолюблива-

ют. Странно. Лично мне он не сделал ничего плохого, даже наоборот, и секретарём комитета, и знаменосцем школы меня выбирали по его указаниям. Да, на многое с годами мы смотрим иначе».

Рефлексия юного философа была прервана не позабытым ещё звуком — скрипом парадных школьных дверей. «Боже мой, какой неудобоваримый визг, какой фальшивый тон, а ведь когда-то он казался нам сладкой музыкой».

На крыльце появилось двое юношей. На мгновение осветилось одно чубатое лицо, потом другое. Спрятав красные огоньки в кулаки, они солидно заговорили о чём-то своём, поминутно затягиваясь табачным угаром и принимая самые неудобные позы. Пусть гремит над их непутёвыми головами директорский гром, пусть сыпется град нотаций и нравочений, но душа у них налегке, а на мир они смотрят восторженно, ожидающе. Розовая пора! Неповторимая пора! Просто необходимо, чтобы в памяти она: в памяти мозга, в памяти сердца, в памяти тела — сохранила свой первозданный, чистый, девственный цвет — розовый. Будьте осторожны, друзья, берегите свой розовый мир от чернильных клякс действительности.

Между тем вечер в школе начался, как обычно, с торжественной части, с доклада. Под черепной коробкой школяра должны быть только глубокие мысли, высокие идеи. Докладчик уже открыл рот, чтобы вдолбить всё это в легковесные головы аудитории, но вдруг она нервно вздрогнула. В дверях показалась Розетта. Её ждали с нетерпением большинство ребят. Одноклассники в надежде услужить ей занимали для неё места и преданно отстаивали их до конца. Поскольку услуги безропотных поклонников юной красавицы простирались и на домашние задания, и на ряд других её школьных обязанностей, то Розетту такое разделение труда вполне устраивало. Появилась она, словно ветерок прошелестел по залу: одни ревниво заерзали на занятых для неё стульях, другие повскакивали на ноги, чтобы уступить ей своё место, девочки недовольно зашущукались, учитель английского языка метнул на тоненькую ученицу хищный взгляд, Иннокентий Никитич строго вытянул шею из президиума. Розетта исчезла в задних рядах. Аудитория успокоилась. Голос докладчика зазвучал уверенно и убедительно. Время, оглянувшись, присело на свободный стул и... задремало. Пробудилось оно от всеобщего вздоха и вскочило, так сказать, вовремя, поскольку стулья уже растаскивались ребятами в стороны и складывались вдоль стен, чтобы освободить место для веселья.

Время — лучший врачеватель сердечных ран — текло предательски медленно. Мысли густели и останавливались почти полностью, мышцы деревенели, так что пальцем шевельнуть не было сил. Лежать отрешённым от мира сего в состоянии прострации, словно ты индийский йог, лежать и не знать, живёшь ты ещё или нет, лежать вне времени и пространства стало, наконец, невыносимо. Борис попытался засесть за работу. После крушения своих юношеских мечтаний стгоряча решил он в свои два десятка лет уйти совсем от мирских радостей, надеясь в упорном труде найти забвение. Огромных усилий стоило ему сосредоточиться над книгой, и вечер кое-как проходил. Зато ночью лавиной обрушивались на его голову пылкие грёзы, яркие видения. Склонись в такие минуты над его изголовьем та единственная, несравненная, созданная послушным воображением, он изошёл бы весь от несказанного восторга и упоения. Но она не являлась, не склонялась над ним, и он страдал, а возвращаясь к действительности, страдал вдвойне. Тогда правильно рассудив, что клин вышибается клином, Борис решил:

«Отхвачу красотку на зависть людям, на зло чертям», — и очутился на танцплощадке. Не часто доводилось ему бывать здесь. Чувствуя себя новичком, он силился постичь здешние законы, но до сознания доходила лишь музыка да толчки, наносимые со всех сторон. Борис затерялся в пёстрой толпе, превратившись в ничтожную, бестолковую, беззащитную молекулу, совершающую от бесчисленнейших соударений хаотическое движение. Вокруг — всё незнакомые чужие лица. Бросилась в глаза курносая девчонка, танцевавшая в паре с подружкой в самом центре танцевальной площадки. Она была очень, очень курносой, такой курносой что носик, задравшись кверху, потянул за собой и верхнюю губу, похоже, что вослед ему устремилась и вся её стройная, лёгкая подвижная фигурка. Танцевала девчонка с вдохновением. Вот она доверчиво подалась вперёд, но, почуяв опасность, отступила, вот пошла по кругу, поменялась местами с напарницей и вдруг, тихонько взвизгнув, начала вращаться, как юла на малых оборотах, вот она и её подруга разошлись в стороны, встретились, снова разошлись и встретились опять, кивнули головками и стали обходить одна другую спина к спине. До-за-до, красивая и эффектная фигура танца, глазки их сияли, а на обоих лицах расписался румянец, удостоверяя наличие блаженства, которое проистекало не от физической чувственности, а от упоения ритмом, от слаженной работы всех мышц и всех членов, от освобождения стеснённой энергии. Борис потерял из виду милых девчат, перед глазами замелькали огромнейшие, тяже-

лейшие икры, он тупо уставился на них, соображая, как можно успевать так часто скидывать вверх этикие ножища. Их обладательница и её партнёр, молодой тощий кретин с низким покатым лбом, достававший лишь до подбородке своей дамы, массивного и прыщеватого, держались браво; они великодушно предоставили друг другу полную свободу, не глядели один на другого и тряслись вполне самостоятельно, беспорядочно перемещаясь по залу. Они-то бесцельно расходились, теряя друг друга, то неожиданно сталкивались. Лицо юного кавалера щедро орошалось потом, который он небрежно смахивал рукой на пол.

Борис оказался оттеснённым почти к самой стене. Здесь танцевали по-старому, у одних он видел в глазах старательно состроенное пренебрежение к модникам, другие любознательно наблюдали за ними, стараясь впитать в себя всю мудрость нового танца. Лишь одна-две пары осмелились оказаться в самом центре бурлящего моря чарльстонистов да так и остались среди него одинокими островками. Обнявшись и о чём-то сугубо своём беседуя, они невозмутимо переминались с ноги на ногу.

На танцевальной площадке становилось всё тесней, казалось, что она сжималась под каблуками, ведь её топтали подошвами, колотили дрыгающими конечностями, мяли пружинистыми ногами, по ней шаркали носками и пятками.

Но вот, как почудилось Борису, она глубоко со стоном вздохнула — танец кончился, и зал поляризовался: на одном конце преимущественно мужской пол, на другом — женский.

«Одна из этих девушек может стать моей».

Они стоят в ожидании следующего танца и партнёра, рассеянно переговариваются. О чём? Вряд ли это имеет значение для слушающих и говорящих. Перекидываясь замусоленными словечками, они не слушают друг друга, постоянно кидают взоры из-под лобья, через плечо, с кем-то здороваются, кого-то ищут, чего-то ждут. Гремит оркестр — и снова движение.

Но как бы стремительным оно ни было, всё остаётся на том же месте.

Борис пробовал приглашать девушек, пытался бойко и непринуждённо заговаривать с ними, но чувствовал, что фальшивит, а потому злился и на себя, и на партнёрш. Почему у него не получается так, как у других, он не хуже других, а лучше, он умел блеснуть острой мыслью или яркой шуткой, и не был он уродом, так почему всё, что он ни говорил, всё, что он ни делал, не вызывало у собеседниц ни улыбки, ни интереса?

«Что ищет он в этом круговороте пустых черепов и расхлябанных конечностей? К чёрту всех!»

Борис оказался на улице, побрёл бесцельно, куда глядят глаза. Домой идти не хотелось. Мать, очевидно, обо всём догадывается, сочувствует, даже жалеет его, предлагает деньги, как будто они смогут ему помочь. В кармане у него два билета на завтрашний концерт, мечтал пригласить Наташу и заранее взял лучшие места. Старался зря. Завтра на концерт придётся идти одному, один билет лишний. А лишний билет говорит о многом. Только сопернику своему можно желать иметь лишний билет. Лишний билет означает, что и владелец его лишний, просто лишний или третий лишний. Лишний билет творит множество бед, сколько судеб, сколько надежд им разбиты, сколько горьких дум, сколько тяжких сомнений несёт он с собою, сколько беспросветных вечеров, бессонных ночей и безрадостных дней следует за ним. Человечество просто обязано бороться с этим злом. Если уж невозможно не продавать лишние билеты, то следовало бы запретить покупать их!

«А может быть, всё-таки позвонить Наташе, вдруг согласится» — мысль эта весь следующий день преследовала Бориса, но он, как настоящий мужчина, бежал от неё. Вечер приближался крайне медленно. На концерт Борис собрался задолго до начала, около часа бесцельно бродил по городу. Ещё не доходя до театра, он вытянул из кармана лишний билет — тонкий розоватый бумажный прямоугольничек, движение не ускользнуло от целой толпы несчастных безбилетников, которые тут же чуть не разорвали в клочья и билет, и его обладателя. Счастливчик, завладевший билетом, а с ним и возможностью собственными ушами услышать впервые столичный симфонический оркестр во главе со знаменитым на весь мир дирижёром, быть может, впервые в жизни поверил в удачливую свою звезду; Борис, избавившись от лишнего билета, призабыл о своем сплине. А звон серебра в кармане саккомпанировал мысли: «Мир не так уж плохо устроен, и быть свободным что-нибудь да значит!»

Фойе быстро заполнялось праздничной публикой. Женщины облепили каждое зеркало, как осы медовый пряник, копошатся, жужжат, толкают друг дружку.

Отзвучал третий звонок. Фойе и коридоры опустели. Проходя к своему месту, Борис обратил внимание на одинокую тоненькую девичью фигурку. Девчонка нервно

теребила уголок платочка, видно, кого-то ждала, но бедняга безнадежно опаздывал. «Где я видел её? — ломал себе голову Борис. — Я где-то встречался с ней, но где?». Он напрягал память, но безуспешно, и прежде, чем полностью окунуться в безбрежное море музыки, усаживаясь поудобнее в своём кресле, подумал: «Дождалась или нет?». Ему не хотелось чтобы тот, кого она высматривала, явился. В антракте Борис тщетно старался встретиться с незнакомкой. «Дождалась», — умозаключил он и бросил якорь у буфета. Ну как не побаловаться «Жигулёвским», если из-за него аматоры затеяли настоящую драку. Борису вдруг до зарезу захотелось пива, и он мужественно ринулся туда, где звенело, хлопало и пенилось. Лишь после первого звонка он дотянулся до заветной бутылки. Наполнив стакан до краёв прохладным напитком, он макнул в пену губу и обнаружил, что не очень-то хотел пить, а пиво тем более. Тоненькая горьковатая струйка нехотя процеживалась сквозь зубы. «Дрянь, а не пиво. Зря только силы тратил», — комментировал мысленно дегустируемый напиток. «И пить неохота и вылить жаль». И вдруг у окна прямо перед собой Борис увидел загадочную незнакомку. И, о чудо! Сразу вспомнил, что видел её вчера на танцплощадке, танцевавшей в паре с курносой королевой чарльстона. Тоненькая, стройная, полуразвитые формы, острые плечики. Девчонка стояла одна, ни на кого не обращая внимания. Только что она разделалась с одной порцией мороженого и принялась за другую.

Борис двинулся по направлению к знакомой незнакомке. На мгновение её тёмные быстрые глаза остановились на нём. Самый удобный момент заговорить с ней, но подходящий повод к этому так и не нашёлся, Борис не на шутку расстроился. «Вот всегда так. Девушку встретишь — повода не находишь. Повод найдёшь — девушку потеряешь. Не лучше ль подходить и знакомиться без всякого повода? Попробуй, подойди, иная так ошарашит, сквозь землю провалишься, странные, непонятные существа эти женщины!»

А между тем незнакомка скучала. А ещё думала о том, почему не пришёл Юрка. Ей с самого начала не хотелось идти сюда, ведь для этого нужно шикарно одеться, а у неё даже часиков не имеется. Но Юрка заявил, что порвёт билеты, а ещё он сказал, что у неё будет всё. Смешно и глупо. Чтобы иметь всё, нужно выйти за старика Хоттабыча. Но Юрка не Хоттабыч, а простой, грубоватый парень, у которого за единственной приличной сорочкой бьётся преданное сердце — всё, что он может подарить ей. Розетте стало жаль Юрку, и она согласилась пойти с ним на концерт, ведь он так старался угодить ей, ради неё он перестал хулиганить, вернулся в школу.

Когда-то Юрка отталкивал от себя неаккуратностью, но теперь тщательно следит за собой и нередко бывает очень мил, что же могло стрястись с ним? «Верно опять подрался или возится со своей байдаркой, а я тут торчи, как дура, лучше бы с Галкой на танцы пошла...»

Несмотря на то, что прозвучал давно третий звонок, торговля «Жигулёвским» шла полным ходом.

Когда погас свет, раздался дружный шум негодования.

А на сцене музыканты уже настроили инструменты и ждали сигнала своего дирижёра.

Пять коротких взмахов волшебной палочки – пять громовых тактов... Симфония началась.

Всё тревожнее и мрачнее музыка. Ассоциации выхватывают из памяти пушкинские образы, строку за строкой.

«Помутилось синее море».

Вой скрипок, рев засурдиненных тромбонов и труб, резкие диссонирющие звуки, пилящие нервы.

«Почернело синее море».

Не верится, что случится непоправимое, не может этого быть, ведь...

Как последняя надежда мелькает среди водяных глыб одинокий парус. С замиранием сердца ждёт человек беду, ждёт...

«Вот идёт он к синему морю, видит — на море чёрная буря, так и вздулись сердитые волны...»

И вот нет паруса, нет надежды, а есть ненасытная морская пучина, есть остервеневшие водные громады, сметающие всё на своем пути.

Что же делать? Что делать? Ждать чуда, ждать явления волшебной золотой рыбки? Но чудес на свете не бывает, а есть правда, есть мужество, есть сила. Силу пере-силит только сила. Об этом оркестру рассказал фагот.

«Да, это так, — подтверждают духовые, и крепнет сила, способная противостоять силам зла! Корчатся они от злобы, мечутся в жажде крови. И льётся кровь и будет литься ещё. Да, это не бумажные тигры, а страшные чугунолобые чудовища, роботы без мозга, без сердца, готовые удерживать власть свою любой ценой. Но не удержаться им кровавыми руками за трон. Жизнь не стоит на месте. Будущее принадлежит силам обновления. А пока их удел – траурное шествие.»

Необычная симфония, потрясающий финал.

Зал чего-то ждёт, хотя уже прозвенели колокольчики челесты, хотя уже бессильно опустились руки и плечи дирижёра, и он окаменел, опершись на пюпитр. А чего ждёт он? Ах, да... аплодисментов...

Довольно чинно публика разбирала в гардеробной своё барахло.

— Позвольте я возьму Ваше пальто. Розетта постеснялась не позволить, но уже раскаивалась, что отдала номерок первому встречному. Парень совсем незнакомый, вдруг сбежит вместе с одеждой.

А вдруг он уже исчез? Нет, стоит, она подошла к нему ближе. Он улыбнулся ей дружелюбно и мило.

— Вам понравился концерт?

— Я заметил, что Вы ждали кого-то.

— Подругу ждала.

— Так и не пришла?

— Нет.

— А вот и Ваш плащ, разрешите?

— Нет, не надо, спасибо. Я сама.

— Я хотел просить Вас... я хотел спросить, могу ли я Вас увидеть ещё?

— Зачем?

— Я должен, я должен Вас видеть! Я понимаю, моё желание выглядит нескромным, эгоистичным, даже смешным. Я бы не хотел быть назойливым и вынуждать Вас поступать против воли. Но если Вам всё равно, разрешите где-нибудь встретиться с Вами. Наверное, я говорю вздор, но только потому, что не могу собраться с мыслями, потому, что однажды встретив, боюсь потерять Вас, потерять навсегда.

— Вы хотите со мной познакомиться? Меня зовут Розетта, а Вас?

Девичий непосредственный вопрос прозвучал так неожиданно для Бориса, что он даже имя своё вымолвил с трудом и не сразу. Новый вопрос вывел его из замешательства.

— Разве мало девушек в нашем городе?

— Девушек не мало, но не с каждой хочется говорить, не в каждой находишь необходимость в этом.

— Что же Вы нашли во мне?

— Это трудно выразить словами... по крайней мере сейчас, но мы ещё встретимся, неправда ли?

— Не знаю... мне сюда.

- Я провожу Вас.
- Я очень спешу.
- Быстрее пойдёмте вдвоём.
- Вы где работаете?
- Учусь в медицинском, а Вы?
- В четвёртой.
- Правда? Как хорошо. Я тоже из четвёртой!
- Ничего хорошего. У нас одни зубрилы и паиньки... скучища ужасная.
- Как ни как, а знания наша школа даёт отличные, самая короткая дорога в вуз
- из четвёртой.
- Ещё бы! Ведь в четвёртой детки всех начальничков собраны.
- Вы путаете следствие с причиной.
- Ничего я не путаю, каждый старается определить своё чадо, куда надо.
- Это дурака, дебила нужно определять, тянуть за уши. Но дебил останется дебилем, куда бы не поступил. Знания — вот ключ ко всем дверям.
- Кто не имеет ключа, пользуется отмычкой.
- Я предпочитаю иметь ключ и Вам желаю того же.
- Мой ключ потерян.
- На танцплощадке?
- Да, я люблю танцевать, ну и что?
- Ничего, танцуйте себе на здоровье, лишь бы ничего не теряли..
- Борис почувствовал, что раздражает спутницу и поспешил перейти на индифферентную тему.
- А Вы знаете, Розетта, я и симфония, которую исполняли сегодня — ровесники.
- Ну и что?
- Разве не интересно? Мы родились в один год!
- Вам за это хорошо заплатили?
- Борис обиделся. Некоторое время шли молча.
- А я родилась двадцать второго июня... в сорок первом... За это пришлось платить мне... с пелёнок. Мать прошла со мной огонь и медные трубы. Родного отца я никогда не видела... Он погиб в первом же бою...
- Простите меня...
- Чего уж там, валяйте, но если хотите знать правду, мне всякие Ваши симфонии — до лампочки.

— Вы не правы, симфония – это вершина человеческого духа, сплавить в единое целое великие мысли и великие чувства возможно только в симфонии.

— Откуда Вы знаете?

— Мне так кажется. Когда я увидел Вас перед началом концерта, мне почудилось, что мы уже где-то виделись, и Вы уже были дороги для меня...Слушая музыку, я видел перед собой Вас, стройную, красивую. Потом Вы исчезли, и появилась она...

— Ваша девушка?

— У меня нет подруги.

— Вы сказали «Появилась она».

— Всё это глупости. Мне так хотелось подойти к Вам, я уже собрался духом, но прозвенел последний звонок.

— Я еле-еле досидела до конца концерта и жалею, что вообще пришла.

— Но без симфонической музыки невозможно одолеть вершины человеческой культуры, которая начинается с детских считалок, с колыбельных песен и проходит все стадии, всё более сложные вплоть до симфоний, балетов и опер.

— Вы говорите длинно...

— Я не выразил и сотой доли того, что чувствую...

— Может быть, Вы скажете, что Вам и Дувалиан не по душе?

— Это какой? Тот, что из Парижа вернулся?

— Да, из Парижа.

— Мне не нравятся ни подобные исполнители, ни их песни. Ритм и мелодия в последних имеют отношение друг к другу такое же, как модная артистка и платье: голый ритм только в самых ненадёжных местах прикрыт просвечивающейся мелодией, но отнюдь не воздушной. В индуктированном ритмом весельи, доходящем порою до экстаза, сквозит нечто первобытное, низменное. Не скрою, я говорю с предубеждением, но, сознайтесь, нельзя с уважением смотреть на большей частью уже лысых людей, которые на сцене делают ужимки, подстать провинциальной жеманнице, а что стоят их песенки — мыльные пузыри по сравнению с жемчужинами классической лирики.

— Ну и подавитесь своими жемчужинами...

И Розетта исчезла в тёмном подъезде серого двухэтажного здания. Борис долго стоял перед неприветливым домом с одиноким клёном. Кажется он недоумевал, но, может, в уме наслаждался романсом Чайковского «Сомнения» на слова Кукольника — жемчужиной вокальной классики? А, может быть, просто ему надоело всё и он думал: «Скорее бы экзамены».

Глава седьмая

В длинном коридоре кожно-венерологической клиники бродили студенты, ожидая своей участи. Вцепившись в конспекты, как в спасательный круг, они лихорадочно перелистывали их, в последние минуты забывая до отказа свои и без того захламлённые головы. После полудня, как всегда, явился Волин. Зубрящие лишь на секунду оторвали от конспектов мутные свои взгляды, а счастливики, те, кто уже сдали экзамен, потянулись к свежему человеку, чтобы с ним поделиться своей радостью.

— Итак, мы успешно одолели первый барьер — инфантильный... Дай бог, удачно переметнуться и через второй, склеротический.

Шутка Волина вызвала некоторое оживление в коридоре, действительно, о профессоре Старкове ходили среди студентов и передавались из курса в курс слухи полуполюгендарные, но больше анекдотичные. Рассказывали, например, что однажды на Учёном Совете Старков должен был выступить с коротким сообщением. Он только начал говорить, как среди присутствующих пробежала волна недоумения, сменившаяся вскоре ропотом. Учёный остановился, надел пенсне.

— Уважаемые коллеги, я догадываюсь, что немецкий язык для большинства из вас не весьма понятен. Извольте, я буду докладывать на английском.

Аудитория не унималась.

— Говорите яснее.

Профессор с английского перешёл на французский.

Учёный Совет считал себя оскорблённым. Председательствующий любезно остановил докладчика и предложил перейти на русский язык. Старков окончил по-русски.

— Меня просили выступить на Учёном Совете...

Старик явно волновался, зачем-то полез в карман и извлёк оттуда коробок спичек.

— Куда я попал? — продолжал он и чиркнул спичкой о коробок. В дрожащей руке профессора заплясал маленький проказливый огонёк.

— Где же он? — вдруг ядовито и неожиданно громко выпалил Старков и посмотрел поверх пенсне на сидящих перед ним учёных мужей. В следующее мгновение он издал какой-то неопределённый звук и одернул протянутую перед собой руку, потому что пламя лизнуло кончики пальцев, сжимавших горящую спичку. Разгневанный старик круто повернулся и, ни на кого не глядя, направился к двери.

Лекции профессор Старков не читал, а диктовал, тщательно подбирая слова и многократно нюансируя мысль. Прежде, чем выдвинуть более или менее сложное положение, он требовал от слушателей абсолютного внимания. Далее он разжёвывал тезисы и клал их в разинутые рты студентов. Не очень многим не нравилась пережёванная пища, Волина от неё тошнило, скулы сводило страшно зевотой, скрывать которую он не мог, а потому избегал подобные лекции. Старков и от студентов требовал совершенной точности изложения материала, а поскольку точность такая имелаась только в записях под его диктовку, то удовлетворительным мог быть лишь ответ, составленный из механически заученных формулировок профессора. Благодаря широкой эрудиции и долголетнему богатому опыту, познавший многие тонкости наблюдаемых явлений и фактов, он не мог переносить легковесного отношения к сокровищнице знаний; оно резало его изощрённый, утончённый интеллект. Профессор считал своим долгом высказывать и предпочитал выслушивать даже от студентов известные истины исключительно в совершенном выражении, точно так же, как пресыщенный прелюбодей желает получить женское тело лишь в особо изысканном оформлении. За всем этим стоял гипертрофированный индивид, не способный понять ничего, что не касалось бы самого дорогого и значительного, его венценосного «я». Профессор Старков, проживший долгую жизнь в постоянном кропотливом труде, в вечных поисках истин, так и не понял, что у педагога — одна задача: привить интерес учеников к знаниям, научить их дерзать, сметь, призвать их к самостоятельным исканиям, показать с чего и как начинать, что старый поводырь в этом деле не годиться, он — хороший советчик, но плохой спутник.

Это был глубоко интеллигентный, широкообразованный, но бесплодный профессор. Недолюбивая старика, Волин не любил и его предмет, и сегодняшний день не сулил ему ничего хорошего, тем более, что перед самым экзаменом, когда он надеялся наверстать упущенное, дьявол искушения подсунил ему небольшую книжицу в незатейливом переплёте, он машинально открыл её, пробежал глазами по первой странице, прочитал вторую, и — прощай подготовка к экзамену! Очнулся он не сразу после прочтения романа, снова открыл книгу на первой странице, а потом долго смотрел на портрет Лермонтова.

С самого утра Волин терзался запоздавшим раскаяньем. Ведь мог же перечитать книгу и после экзамена, а теперь не видать мне пятёрки, то бишь повышенной стипендии, как своих ушей. Эх, если бы превратиться в миловидную студентку или

хотя бы иметь аккуратные конспекты и красиво оформленные письменные работы! Правда, профессору передали список руководства группы и отличников, ведь он всегда говорил, что не испортит зачёток. Несмотря на грустные размышления, Волин не переставал шутить, так легче переживать.

— Ты не боишься, Борис? Только честно!

— Волноваться мне здоровье не позволяет.

— Так мы тебе и поверили, но ты всё равно получишь пятёрку: комсорг, наукой занимаешься, спортсмен.

— Не беспокойся за него, он ещё раньше тебя всё вызубрил.

— Что правда, то правда.

В кабинет вызывают следующую тройку, последнюю. Постучали, поздоровались, предстали перед грозным ликом экзаменатора этаких три святых агнца и уставились безвинными глазами своими в водянистые слезящиеся глаза склеротика.

— Да вы садитесь, садитесь. Ваша фамилия? Как? А билет? Как? Что Вы знаете о хронической крапивнице, расскажите по моей лекции, читали?

— Конечно читал, уважаемый профессор. Значит так, первичным элементом её являются уртикарные высыпания величиной...

— Нет, не так я говорил. А у Вас что? Как? Неправильно. Коллеги, можно ещё задать вам вопросы без билета.

— Пожалуйста, дорогой профессор, задавайте, сколько, Вам будет угодно.

Последняя тройка отвечала не более блестяще, чем все предыдущие, но держалась нагло, будучи уверенной в отличной отметке...

— Как Ваша фамилия? Как?

— Волин.

— Где Ваша зачётка?

Дрожащей рукой, букву за буквой размашисто, крупно профессор выводит заветное «отлично».

— Я к мнению общественности прислушиваюсь. Я же не садист. Я тонкости Вас спрашивал.

Волин подтолкнул коленом соседа слева, тот краснеет, дуется, вот-вот лопнет, Волина тоже начинает разбирать, соседке справа — плохо, она изо всех сил сдерживает припадок истерического смеха.

Взглянув на неё, Волин пугается от мысли: «вдруг расхохочется ему в лицо», но соседку справа уже прорвало, она хихикнула и замерла, ожидая грома.

— Что такое? — Старков поднял глаза и круто повернулся к студентам. Они растерянно смотрели на профессора, и странное дело, теперь он им не казался страшным, они видели перед собой немощные старческие плечи, сухую, складчатую с пульсирующими сосудами шею, поддерживающую трясущуюся голову с извитыми пляшущими жилками на висках.

— Ну и что же, если путалась, историю болезни написала очень культурно.

— Любимый профессор, Вы очень благородны, горячо благодарим Вас, до свидания.

— Идите-ка сюда, рассказывайте, что с ними, — Старков держит в руке списочек студентов, недовольных полученной оценкой. Клочок бумажки дрожит в его руке, как осиновый лист.

— Мы сами удивлены, профессор, они очень хорошо занимаются. Наверное, перед Вами волновались очень. Если б Вы вторично побеседовали с ними...

— Зовите.

— Ваша фамилия? Как? Ваш отец директор завода? Вы свободно можете передать на «4» или «5». Приходите 24-го.

— Профессор, я согласен на тройку.

— Тройку я могу поставить и сейчас.

Наташа, общая любимица, тоже засыпалась. Уже тянула три билета, растерялась окончательно и вовсе была не способна сказать что-либо. Борису было неловко видеть её в столь униженном положении. Он будто нечаянно подсмотрел Наташу при таком занятии, которое низводило любимую с почётного пьедестала и не только равняло её со всеми смертными, но и роняло ниже их. Божественный нимб вокруг наташиной головки бледнел от нескрываемого страха потерять несколько бумажек с водными знаками. И хотя это был обыденный страх, присущий почти каждому студенту, получающему стипендию, которая являлась для многих основным источником существования, а для большинства источником личных расходов, но которой студент мог лишиться и за пониженную отметку, и за непосещение лекций, и за различные формы непослушания; видеть именно Наташу в мольбе за стипендию, сердцу было невыносимо больно, разве нельзя обойтись без унижения? Разве нельзя жить свободно и независимо?

Профессор надел шляпу и направился к выходу, но попал в окружение студентов, злых студентов, слова которых обрушились на его голову, как несчастье.

— Профессор, она в отчаяньи, если б Вы знали, как она впечатлительна, от неё всего можно ожидать, мы очень боимся за неё.

Старков растерянно смотрел на незнаемые физиономии, изменённые наскоро намалёванным чувством беспокойства, подкрепляемого цыганской настойчивостью.

С подобными людьми до сих пор он, видимо, не имел счастья встречаться и совершенно не знал, как ему следует поступить.

— Коллеги, я проработал до двух часов, я устал и должен пойти пообедать, я же не машина, я не могу штамповать отметки, вот Вы, молодой человек, путались, но я поставил отлично, так как спрашивал Вас тонкости, вот Вы, девушка, отвечали очень хорошо, а ведь она ни на один вопрос, ни на полвопроса не ответила, я же не могу нарушать правила.

— Уважаемый профессор, она волновалась, но она всё знает, спросите, пожалуйста, ещё раз, это и пяти минут не займёт.

Несчастный старик не знал, что делать, беспомощно опустился на стул, заботливо подставленный тут же, умоляюще смотрел вокруг. Он и в самом деле верил всему и был напуган возможными последствиями, страх за своё моральное благополучие, за своё имя, страх попасть в историю давлел над ним и оказался в конце концов сильнее шепетильности в вопросах принципа, и он уступил; разумеется, Наташа не ответила и на этот раз.

— Ну, коллега, ничего не могу сделать. Подготовьтесь лучше и сдадите. Зачётки Вашей я не испорчу, я же не садист. Но сейчас не могу, Вы же, уважаемая девушка, ничего не знаете. Вы, товарищи, свидетели, вы все слышали, я не могу иначе.

Старик окончательно расклеился, все поняли, что игра зашла слишком далеко, и изо всех сил старались успокоить его, разубедить и утешить.

«Мне бы пройти два барьера,— говорил Волгин, —инфантильный и склеротический, а там я хозяин своей отметки».

И вот он отлично сдаёт два первых экзамена, а на третьем, где требовались глубокие знания и ясность мышления, он споткнулся, получил «четыре».

Ему предстояло отвечать на ходкие вопросы, у каждого профессора есть такие коньки, о которых предприимчивые студенты знают заранее. Волин никогда не интересовался ими, надеясь на свою сообразительность и даже бравировал этим. И несмотря на то, что к экзамену подготовился добросовестно, он сидел перед экзаменатором и отвечал таким языком, корявым и убогим, тугорожающим, что самому себе был противен.

Он ругал себя и экзаменатора, который не беседует с ним, как с равным, а усердно старается помочь ему и нисходит к ещё более простым истинам и понятиям,

стараясь вывести его за ручку на широкую дорогу знаний из научных дебей — трёх-четырёх сосенок-фактов. Очень трудно простить себя за такое унижение, остальные экзамены Волин сдавал оптом. На последнем, психиатрии встретился с Наташей. Она пропустила его вперёд себя. Волин отвечал легко, непринуждённо. Экзаменатор был доволен своим любимцем.

— Добро, добро, отвечайте на последний вопрос.

Волин рассказывал о психопатиях.

— Между прочим, двигателями и носителями моды в её наиболее ярко кричащей форме являются истероидные психопаты, которых в народе окрестили «стилягами». Но даже это название они носят незаслуженно, так как слова «стиляга», «стильный» в данном смысле означают изящный, тонкий вкус, каковым обладал де Стил — законодатель моды домашнего интерьера; стильно меблировать комнату или стильно одеться, значит продемонстрировать эстетический вкус, проявить чувство меры, учесть веяния времени. Лучше бы сверж модниц и модников называть своими именами, то есть психопатами-истериками, людьми с уродливым характером, трагикомическими актёрами в жизни, которые во что бы то ни стало стремятся играть заглавную роль. Ведь можно выделиться среди серой массы и не обладая особыми талантами, достаточно натянуть на себя хламиду поярче.

Ответ окончен. Борис, ожидая, пока освободится Наташа, раздумывал, как быть дальше, он так и не понял, что следовало предполагать за её внешней любезностью, корректностью. Равнодушие? Уважение? А может быть, всё-таки интерес к нему или даже любовь, сдерживаемая ложным стыдом, либо какими-нибудь другими мотивами? Сколько раз он пытался приласкать её, и всегда она охлаждала его пыл. Раскалённая сталь закаляется от быстрого охлаждения, закаляется, возможно, и любовь; но бесконечную смену температур не вынесет и металл.

«Нет, не любит она меня. Почему же я должен её любить?!»

«Сердцу не прикажешь», — подсказывает поговорка, что ж, возможно, и так, но мне известно стало иное: «Не прикажешь сердцу, съешь немало перцу!»

Дверь, наконец, отворилась, Борис поднял глаза и увидел перед собой очень знакомое и очень милое лицо: лучистые карие глаза, пухлый девственный рот, прямой тонкий нос. Как он любил смотреть на него, просто смотреть! Тогда глаза её опу-скались, а головка наклонялась вперёд и чуть набок. Как она похожа была в такие минуты на леонардовскую мадонну Литту! Сейчас на этом лице играл румянец, а златорусые волосы ярко светились, Борис даже не сразу понял, что причиной этого

оказалось солнце, заглянувшее в окно. Волин смотрел на румянец щёк, на золотой нимб кудрей, смотрел на алые и нежные, как лепестки розы, Наташины губы, смотрел так, словно прощался с ними навеки. А Наташа всё говорила, говорила, какой попался билет, какие задавали вопросы.

— А при конце профессор поинтересовался, почему сдаю досрочно.

«Выходите замуж?»

«Нет.»

«Перед Вами отвечал Ваш жених?»

«Нет.»

«Он бы Вам весьма подошёл.»

Борис не ответил сразу и только тогда, когда подал Наташе пальто, стоя за её спиной обиженно пробормотал:

«Тонко подметил. Со стороны всегда виднее.»

Наташа затихла. Борис сделал шаг вперёд и взял её сзади за плечи. Она молча высвободилась и засеменила к выходу. Они вышли на улицу.

«Что ж, — почти вслух подумал Волин, — значит, так тому и быть!»

— Кончено, ура!!

Волиным овладела буйная нервная весёлость, оттого ли, что с экзаменами покончено, оттого ли, что с Наташей, зазнобушкой, всё кончено; шутки его переходили в издевательства, в балагурство. Наташа выглядела несколько обескураженной, она ожидала от него подобострастных взглядов, несмелых намёков, мучительных объяснений, отчаянной мольбы и подготовила себя к ответу заранее. Но припасённые ею слова негодились.

По каким-то законам образования пар или, наоборот, из-за отсутствия этих законов соединение Бориса и Наташи оказалось не стойким.

Глава восьмая

Река Южный Буг ждёт своего певца. Он пройдёт по её приветливым берегам, окупётся в ласковые тёплые волны и затихнет в её лоне, полном блаженства и неги, а потом встрепенётся, взберётся на высокий гранит и прозвенит радостной, восторженной песней. Поэтому и не торопится река, нехотя течёт она меж своих невысоких берегов, бугрящихся нередко гранитной или известняковой плешью. Порой лиственный лес подбирается к самой воде. Глянет какой-нибудь дуб или граб в водное зеркало, зашумит, высматривая, нет ли где поблизости ивушки или берёзки. В иных местах господствует орешник, густо разрастается он, образуя труднопроходимые чащи, но как бы густы они ни были, в них всегда находится место дикой розе. Река в таких местах как бы замирает, хочется и ей послушать страстный шёпот орешника, хочется и ей помечтать о чём-то своём, тихом и неглубоком. Тогда в реке легко уживаются белая лилия и водяная крапива. Хочет не хочет река, а плыть приходится дальше! И плывёт, но ещё медленней, ещё неохотней, роща вдруг расступается перед бесконечным пышным ковром, где на зелёносалатовом фоне и лютиковой желтизне искусная и могучая рука природы набросала удивительные, неповторимые рисунки и скрепила их белой вязью. Кажется издали, что белый узор образуется ромашками, но вблизи выясняется иное: белые мотыльки капустницы густо облепили влажную землю вокруг лужицы. Изумлению нет предела: неужели всё белое — бабочки? Но следующая белая фигура оказывается россыпью ромашек. У самой воды шелестит камыш, забрёл он в воду по колена, а счастлив по макушку. Вода здесь почти неподвижна и хорошо прогревается солнечными лучами. Внизу о камыш кто-то трётся. Это выбирает себе место поудобней сом. Он позавтракал жирными карасями и разомлел, лёг на ил, подставив своё отяжелевшее тело под солнечные лучи, пригрелся и задремал. Золотистые стрекозы носятся над водной гладью и над камышом, вот застывают на мгновение на одном месте, как бы раздумывая, сесть или не сесть на прямой, как луч, стебель камыша, и в последний момент отдают предпочтение звонкому солнечному лучу. Как ни медленно, но река меряет километры. Впереди показывается роща. Всё чаще мелькают в воздухе красавцы-мотыльки. Вот роскошный махаон сел среди цветов на поляну, раскрыл свои крылья — и ахнули цветы в один голос: откуда такой наряд? Вот ведь как умеют иные жить!

Высоко над поляной печально пропорхнула траурница с большими, тёмнокоричневыми крыльями с жёлтобелой каймой. По какой утрате она скорбит? Отчего не

летит прочь от этой поляны? Многое, очень многое можно увидеть ещё вокруг, но сейчас недосуг: река приближается к городу. Через город она течёт торжественно, вся подобравшись и сосредоточившись. Хотя сгущаются сумерки, её с воодушевлением встречает городской лягушечий джаз. Реке трудно скрыть ликование, она вся искрится вечерними огнями. Да, этот город ей определённо нравится!

Через город река следует вместе с Заречной улицей. Пройдя около трёх километров, они расходятся. Река, поворачивая налево, нехотя покидает город. Заречная же улица упирается в двухэтажный дом; обойдя его, она уже под названием Хлебного переулка пробирается дальше мимо неказистых глиняных домиков, купаясь в зависимости от погоды или в пыли, или в грязи.

В окна упомянутого дома заглядывает клён. Через раскрытое окно можно увидеть премилое создание, стоящее перед трюмо. Даже изрядно потрёпанный балахонистый байковый халат не в состоянии скрыть прелесть стройного гибкого девичьего стана. Не потому ли битый час Розетта вертится перед зеркалом. Её терпеливо дожидается на письменном столике стопка книг и тетрадей. После того, как все возможные и невозможные варианты причёсок из собственного и подручного материала были воссозданы, она приступила к моделированию платья. С халатика возьмёшь не много, и она забросила его на диван. Зато шёлковая рубашечка служила прекрасной основой для воспроизводства разнообразных фасонов вечернего туалета. Особенно экстравагантным получался наряд, если одной рукой захватить комбинацию на спине, изобразив таким образом глубокое декольте, а другой — несколько ниже, дабы платье имело сужение книзу. «Высокая причёска...спички... — Закачаешься!»

Борис медленно подошёл к знакомому серому зданию, остановился у одинокого клёна, посмотрел на окна, что привело его сюда? Возможно то, что и клёна — одиночество. Одиночество? Разве недостаточно иметь мать, для которой весь мир воплощён только в нём одном, чтобы чувствовать себя целым миром? Почему же осталась она одна коротать длинный летний вечер в пустынной комнате. Но если мужчина устремляет все свои помыслы к женщине, которую случайно встретил, но не к той, что дала ему жизнь, есть ли в этом его вина? А Розетта, конечно, уже забыла о нём. Он лишь эпизод в её жизни. А вдруг — её судьба? От кого зависит, чтобы эпизод превратился в судьбу? Такой эпизод у него уже был — Наташа, но она не стала его

судьбой. Возможно, он оказался не достаточно настойчив или мало опытен, чтобы заставить её покориться. С женщиной, с которой не сможешь сладить, лучше не связываться. Но покоряют не только силой, но и опытом и даже слабостью. Так что же нужно, чтобы добиться взаимной любви?

При знакомстве о Розеттой он вёл себя по меньшей мере глупо. Чего ради начал говорить о вопросах, в которых сам был дилетантом в худшем значении слова? Чтобы возвысить себя. Что она могла подумать о нём? Нет, он просто обязан поговорить с ней. Если бы Розетта согласилась пойти с ним на вечер, ведь она любит танцевать, кое у кого глазёнки бы сделались круглыми и даже квадратными.

Преодолеть дюжину ступенек было легко, гораздо труднее оказалось нажать на кнопку звонка. Задрезжал звонок.

Теряя на ходу шлёпанцы, Розетта прискакала к двери.

— Кто там?

— Это я.

— Кто?

— Борис...

Через минуту дверь отворилась.

— А...это Вы... — разочарованно протянула Розетта.

— Не ждали?

— Нет.

— Жаль.

— Заходите.

— Да нет, пожалуй, не стоит.

— Не бойтесь, наших нет дома.

— А может быть, именно Вас я и боюсь.

— Я не кусаюсь.

— Но вы можете отказать в моей просьбе, а это страшнее.

— Интересно, какая такая просьба?

— Дело в том, что у нас в институте вечер, не согласились бы Вы пойти со мной?

— В мединститут? Вот здорово! Когда?

— Сегодня, сейчас.

— Мне бы хотелось...да удобно ли?

— Вот пригласительный.

— Но я никого там не знаю.

— И слава богу! Для меня же лучше. Народ ведь знаете какой нынче пошёл? Чуть зазевашься, из рук вырвут. Так я Вас жду.

— Хорошо, ждите, я сейчас, я мигом!

Огромный зал. Душно. Тесно. Снова и снова гремит музыка, снова и снова всё в зале приходит в движение. Борис встаёт против Розетты, ласково смотрит на неё, чуть наклонив голову. Розетта протягивает к нему руки, он подхватывает их, и они становятся в круг. Вступают в танец медленно, как бы нехотя, кружатся свободно и плавно. Сначала замечались обгоняющие и отстающие пары, потом в глаза кидались только самые яркие, но скоро и они превратились в серые, пёстрые, огненные полосы. Розетта полностью доверилась своему партнёру. Крылатая мелодия легко подхватила их, крепко сжимая в своих невидимых объятиях, понесла стремительно по эллиптической траектории. Всё чаще бились их сердца, ярче пылали губы, жарче становилось дыхание, ноги уже едва касались паркета, стены и люди исчезли для них, в сознание врезалось лишь то, что касалось их непосредственно, они всё больше и больше освобождались от всего, что ещё связывало обоих с повседневщиной, оба находились во власти танцевального ритма и мелодии, соединяясь в нечто единое и неделимое, в более гармоничную сущность. Не всякая пара образует связь устойчивую, долговечную. Некоторые закономерно не выдерживают жизненных напряжений, рушится гармония, разлетаются в разные стороны он и она элементарными частицами, жизнь которых эфемерна. Но как бы ни был закономерен факт разрушения, каждой элементарной частичке хочется избежать его. Понадобится, очевидно, немало сочетаний, чтобы образовать надёжную связь. И в основе её окажется, возможно, не внутреннее родство, а скорее наоборот, внутренняя противоположность. «Мы с ней разные люди, но это несколько не мешает нам парить на седьмом небе.» — думал Борис, вглядываясь в черты лица Розетты. Он находил их прекрасными и от этого испытывал такую буйную радость, что было просто необходимо безудержно мчаться куда-нибудь и кружиться, кружиться... Ему казалось, будто музыка возникает у него внутри, струится по сосудам, проникая в каждую мышцу, и оттого нужные движения совершались сами собой, оттого танцевал он без усталости. Как в сущности всё просто в жизни, если не мудрить, если не усложнять её всякими условностями, если не подходить к ней

предвзято. С Розеттой ему не менее хорошо, чем с той недотрогой. А сколько он унижался? Истинная любовь не терпит унижения, кто допускает его, тот лишается права на любовь. Розетта по крайней мере не скрывает своих чувств. Сейчас ей приятно с ним. В шустрых, как белочки, глазах её искрится благодарность. А давеча при знакомстве, как меня ошарашила...

Надо же такому милому созданию иметь язычок, острый, как бритва, коварно притаился он за пунцовыми губками, которые влекут к себе с магнетической силой, но только коснёшься их — и пропал навеки, как несчастное насекомое в мертвящих объятиях росянки

Борис улыбнулся невольно пришедшему вдруг в голову неожиданному сравнению. Розетта ответила ему искренней обворожительной улыбкой. Ей было очень хорошо, и она испытывала потребность отблагодарить Бориса за доставленное ей удовольствие, а ещё Розетта гордилась, что её пригласил студент на институтский вечер, одноклассницы рты раскроют, когда узнают об этом. Ротик её приоткрылся, губы пылали, и она всё чаще увлажняла их слюной, от чего они блестели и атели всё пуше. Кроме них Борис уже ничего не видел. Как ни стремительно кружились они, перед его глазами неподвижно стоял огненный цветок, пылая, разгораясь всё ярче. В зале становилось просторнее, и они неслись всё быстрее, всё стремительней. Танцевали они с упоением, вдохновенно, забыв обо всём на свете. Это было их первое объяснение в любви.

Домой Борис и Розетта возвращались поздно, шаги их одиноко звучали в вечерней тишине.

— Боря, спасибо за вальс.

— Благодарю тебя за всё, Розетта.

— Вот мы и пришли.

Двухэтажный дом смотрел на них своим единственным освещённым окном холодно, осуждающе. Розетта притихла. «Ой, мне попадёт от мамки», — жалобно протянула она.

— Я объясню, что мы были на вечере, хочешь?

— Нет, нет, лучше я сама. Хоть бы отчима куда-нибудь чёрт побрал. Ну-ка подсоби, — с последними словами Розетта начала карабкаться на дерево.

— Ты куда? — удивился Борис.

— Хочу заглянуть в окно.

— А я подумал, что живёшь ты на дереве, как белка, хотя...на клёне нет шишек...

— Шишки будут...дома от мамки.

Шутка развеселила обоих. Чувство вины несколько поразвеелось.

— Ну, как?

— Ничего не вижу.

— Тогда падай.

— Ой, — и Розетта скользит по стволу клёна вниз прямо в руки Бориса.

Он подхватывает её и крепко прижимает к груди. Высвободиться из жарких объятий у Розетты не хватило сил, и она присмирела, а Борис не переставал горячо шептать ей в пылающее ушко: «Белочка моя, Белочка моя...»

На следующий день Борис нажимал на заветную кнопку, загадочно улыбаясь. Дверь отворилась. Перед ним предстала школьница в коричневой форме, худенькая, маленькая, с тонкими косичками, вплетёнными в них белыми капроновыми лентами, которые она не успела завязать в бантики. Борис впервые видел Розетту в школьной форме и не верил своим глазам. Она ведь совсем, совсем ещё девчонка! А вчера...в праздничном наряде Розетта выглядела невестой, друзья Бориса не давали ему прохода, упрашивая познакомить с ней. Удивительное преобразование! И только ли в наряде тут дело?

«И всё-таки она ещё ребёнок», — отметил про себя Борис с неловким чувством не то сожаления, не то какой-то непонятной тревоги и даже вины.

— Что же ты стоишь? Проходи, — приветливо предложила Розетта.

— Боюсь, — повторил Борис прежнюю шутку.

— А всё-таки пришёл.

В голосе девчонки зазвучали игривые нотки. Это уже была вчерашняя Розетта, обещающая, пьянящая.

— Пришёл, потому что мне страшно хочется тебя видеть.

Борис бережно извлекает из кармана свёрточек, протягивает Розетте.

— Ой, что это? — не удерживается от восклицания она.

— Китайские птички, называются райскими.

— Где ты достал их?

— Райские птички можно достать только в раю.

— Какие миленькие! Тебе нравятся?

— Особенно пунцовая...птичка Лю.

— Почему Лю?

— Потому что Любовь выражается таким цветом.

— Чудненько! А как мы назовём беленькую?

— Давай назовём её птичкой Ра. Это символ Раздора.

— Как интересно, птичка Лю и птичка Ра, — Розетта на секунду задумалась, серьёзна и спросила вдруг:

— Птичка Лю сильнее птички Ра, правда?

— Правда, — также серьёзно подтвердил Борис, но подумав добавил: впрочем они себя сами покажут.

— Просто как в сказке. Боря, ты знаешь сказки? Расскажи мне какую-нибудь.

— Я не знаю сказок.

— Знаешь, знаешь, ты умный.

— О, если ты так думаешь, придётся поддержать фасон, слушай: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том, и днём, и ночью Кот Учёный всё ходит по цепи кругом...»

— Нет, нет, расскажи мне, Кот Учёный, другую сказку, какой я ещё ни от кого не слышала.

— О, моя Белочка, очень трудно рассказывать новые сказки. Но всё же я поведаю тебе об одной истории, очень старинной, но вечно новой...

В некотором царстве, в некотором государстве заболел принц, заболел очень серьёзно. Опечаленный король пригласил наилучших эскулапов со всех городов и стран, но те только разводили руками: «Мы бессильны». А несчастный принц всё слабел и таял, как тонкая восковая свеча с чрезмерно толстым сердечником. В теле принца чахла в тяжком разочаровании и неверии большая чувствительная душа. «Что жизнь? — думал он, — если всё в ней обманчиво. Был я несмышлёным ребёнком — я изнемогал от нетерпения скорее стать взрослым. Возмужал — и жалею, что детство кануло в невозвратное. Я ничего не знал и страдал, что книги для меня немые, а мир непонятен. А когда прочитал горы книг и познал мир — лучше б я оставался в неведенье! Я кинулся вослед пророкам, но узнав их поближе, смутился, обнаружив, что они лживы и преступны. Я верил в науку, в учёных мужей, но вот они стоят вокруг меня, немощные и жалкие. Я благоволил к друзьям, а они оставили меня в недуге. Я думал, что душа и мысли женщины так же прекрасны как её плоть...

Принц настолько ослабел, что даже сетовать на жизнь дольше не мог, веки его устало смежились, прядь жёстких прямых светлых волос упала на его бледный высокий лоб, на котором блестели маленькие жемчужные капельки пота. Принц забылся тревожным сном, но вскоре пробудился от звонкого жизнерадостного смеха. Слуг не было вокруг, они покинули покои принца в надежде на его долгий сон. Принц облегчённо вздохнул, хоть на часок-другой представлялась возможность отдохнуть от этих подобострастных бесхребетных бесхарактерных пресмыкающихся. С усилием он поднялся и, держась за стены, приблизился к окну. Перед глазами принца поплыли жёлтые круги. Он распахнул окно. В покои ворвался пряный терпкий весенний воздух. Голова его закружилась, и потемнело в глазах. Сознание ему вернуло весёлое щебетание птиц, радостное вибрирование солнечных лучей и дивный, как показалось принцу, давно знакомый голос. А на аллее он заметил и ту, кому принадлежал очаровательный голос и смех. Маленькая грациозная принцесса старалась поймать перламутровый мотылёк. Принц, позабыв, что он тяжело болен, спустился в сад и приблизился к ней.

— Прекрасная принцесса, не скажете ли Вы, кому я обязан счастьем видеть Вас у себя в саду?

— Я возвращалась домой с прогулки, добрый принц, увидела чудного мотылька и погналась за ним, и, кажется, заблудилась.

— Имею честь, самая желанная гостья, пригласить Вас в мой замок.

Принц учтиво поклонился, одной рукой коснувшись к тому месту груди, под которым билось его благородное сердце, другой показав на мраморные ступени, ведущие в покои замка.

— О милый принц! Вы очень любезны, но я не вольна распоряжаться собой, к тому же родители, наверное, подняли уже всех на ноги, разыскивая меня.

— Вы огорчены, позвольте сопровождать Вас к ним.

Принц с почтением взял принцессу под ручку и повёл её осторожно, обходя все неровности на пути, ведь он был настоящим рыцарем, который мог не только оберегать свою спутницу, но и увлекать сердечными разговорами.

— Говорите же, благородный принц, говорите, я пойму Вас, — подбадривала принцесса, и принц говорил... Говорил горячо, интересно, красиво. Говорил о людях и о себе, о предметах возвышенных и низменных, смешных и печальных. Как широко раскрывались её глазёнки и впивались в принца, а принц упивался своим

могуществом. Не чародей ли изумляет мир волшебными превращениями, не певец весны ли поёт и зовёт к счастью, не искуситель ли коварный ловко заманивает беззащитную жертву в свои страшные сети? Да, он походил и на волшебника, потому что зачаровав юное создание, как хотел играл её мыслями, чувствами; и на певца, потому что, забыв о собственных разочарованиях, о своём недуге, раскрывал перед непорочной душой мир упоения и восторгов; и на искусителя, ведь где-то в глубине души просыпался и грыз её червь сомнения, заставляя принца очнуться и призадуматься: ради прихоти своей, любопытства ради, ты стремишься преждевременно раскрыть нераспустившийся бутон. Будь осторожен принц! Но принцесса своей красотой затмевала солнце и должна была заменять его. Проходил день за днём, принцу всё необходимее становилось общество красавицы-принцессы, которая отвечала ему взаимностью. Ей нравился самый смелый и самый умный на свете принц...

— Ты не хочешь, чтобы он был и самым красивым, — озабоченно интересуется Розетта. Волин, мысленно представив свою не весьма блестящую внешность, неохотно подтверждает версию о необыкновенной красоте принца.

— Как часто случается в жизни и обязательно в сказке, — продолжает сказочник, — любовь их подверглась тяжким испытаниям. У принцессы появился новый друг, нескромный и коварный, которому она доверилась всецело. Принцесса беседовала с ним, забывая о своём принце, она советовалась с ним, не доверяя принцу, она внимала вкрадчивому льстивому голосу, который нашептывал ей: «В целом мире нет краше тебя. Никто не достоин твоей любви, кроме тебя самой». И ещё много других пышных и красивых слов говорило принцессе Зеркало. А принцесса не могла отвести от него свой восхищённый взгляд. Бедный принц, совершенно оправившийся было от тяжкого недуга, вновь загрустил, но никак не желал верить, что последняя его надежда оставляет его. «Нет, нет! Я не отступлю, — в сердцах вскрикивал он, — я буду бороться за свою любовь, я отстою её!»

Борис заметил, что Розетта ослабила внимание к его сказке. То ли он перестарался и слишком глубоко спрятал смысл под старомодные словечки и выражения, то ли, действительно, копаясь в своих мыслях, чувствах, он отстал от жизни, что в ней давно произошла переоценка ценностей, что он со своими рыцарскими замашками просто смешон. И рассказчик начал закругляться.

— Отважный принц отстоял свою любовь, вырвал из цепких когтей своих врагов

прекрасную принцессу, которая забыла всё ради храброго, умного принца. Свет не видел пира великолепнее, когда они соединились. Везде: в роскошном саду, во всех двустах залах необыкновенного замка звучала божественная музыка.

— Рок-н-ролл! — догадывается Розетта, и в тёмных глазах её запрыгали озорные огоньки. Серьёзному места уже не было.

— В самом большом и роскошном зале, почти целиком сработанном из пластмасс — а нужно сказать тебе, что тогда их ещё не было — восседали виновники торжества и тьма гостей, званых и незваных. На столе из полиметилметакрилата горами возвышалось бесконечное количество редкостных блюд и напитков (никакой другой стол не выдержал бы подобной нагрузки). С невиданной быстротой исчезали со стола салат «ассорти» в таралетках и фаршированные гогошары, салат сабза-кукю и яйца, фаршированные паюсной икрой. Из-за густых паров украинского борща с пампушками, супов: харчо и горохового — лиц почти не было видно, зато хорошо слышалась усердная методичная работа челюстей, право, ни поросята в желе, ни гуси, фаршированные черносливом, не заставляли себя ждать, а баранина, шпигованная курдючным салом, шекотала ноздри. Кокиль из судака пренебрежительно косился на чохохбили из курицы, зато гатчинская форель исходила от зависти в своём голландском соусе к лососине, жареной фри. И уж можно представить, как сердились и ссорились между собой из-за очереди гурьевская каша, кисель из красного вина со взбитыми сливками, яблоки печёные с брусникой, взбитые сливки с шоколадом, пломбир да целая армия самых редкостных фруктов, как например, гранат и фиг. Пока рты поглощали еду, мозги ещё работали и кое-как запоминали некоторые даже самые мудрёные блюда, но коль скоро начались поглощаться напитки, безалкогольные, но особенно алкогольные, то мозги разбухли и сползли набекрень и не в состоянии были запомнить ещё хоть самую малость. Но можно всё-таки представить масштабы пира, если учесть, что там имелись даже амброзия и нектар.

— А что такое нектар, — вяло интересуется Розетта.

— Нектар, — поясняет Волин, — это напиток богов.

— Водка!?! — оживляется Розетта.

Обое: и слушатель, и рассказчик залились счастливым беспричинным смехом.

Вылез Учёный Кот из белочкиной норки глубокой ночью, было тепло, тихо и даже светло от фонарей и звёзд. Медленно побрёл он по пустынной улице, задирая голову, любуясь звёздами и заговаривая почти с каждой.

Ночь такая пьяная и тёмная,
что боишься голову свернуть,
а Луна, стеснительная, томная
с третьим Спутником уж держит путь.

Ночь такая тихая, беспечная,
так и лезут в голову мечты,
спят сады и улица Заречная,
в руки так и просятся цветы.

А захочет милая, хорошая
не цветов, а ярких звёзд букет,
я на небо с шапкою, непрошенный,
без труда залезу, без ракет.

Если же разлюбит, разуверится,
если охладает, скажет — нет,
и тогда не стану с горя вешаться —
буду я таскать цветы — Луне!

Город почти не спал в предпраздничную ночь, но вскочил на рассвете бодрый, жизнерадостный, вскочил и смотрится в небо, и любит себя собой. Ничего не скажешь: красив, наряден, ещё бы: годовщина Великого Октября!

Солнце, бросив косой взгляд на улицы, удивляется: скучные, серые, они прямо на глазах превращались в пёстрые яркочерные весенние луга. Радио спозаранку разносит по городу праздничные поздравления, призывы, торжественные мелодии. Людские ручейки выливаются из домов на улицы, образуя шумные потоки, стремящиеся в единое русло народной воли.

У милиции свои хлопоты. Она готовит для праздничного парада главную улицу. Машины своими задами затыкают все щели, откуда мог бы просунуться любопытствующий праздный нос.

Нарядная трибуна давно готова принять руководителей. Через два часа начнётся парад войск и демонстрация трудящихся. Улицы живут обычной праздничной жизнью.

«Проходите, гражданочка.»
 «Сыночку, нэ жэны, я здалэку.»
 «Не разговаривать, проходите.»
 «Мальчик, мальчик, назад.»
 «Я домой еду.»
 «Поворачивай, говорю!»
 «С наступающим Вас!»
 «И Вас также.»
 «Ой, девочки, кого я видела!»
 «Не забудьте же, ровно в пять!»
 «Граждане, проходите, не задерживайтесь.»

И граждане спешат на места сбора, несколько возбуждённые, нарядные, с фотоаппаратами, с флагами, с транспарантами, с макетами, с цветами.

Колонна мединститута формируется у Дома Офицеров. Хлопочет институтское начальство, суетится курсовое. Сердюк переписывает отсутствующих. В четвёртой группе налицо лишь половина студентов. Волину как комсоргу обидно за группу и неприятно за совершаемую процедуру, в конце концов, энтузиазм демонстрируется не из-под палки, но праздничное настроение берёт верх, отгоняя ненужные мысли. На язык просятся шутки, эпиграммы, остроты. Вскоре вокруг него собираются любители посмеяться, группа растёт, взрывы смеха становятся чаще, продолжительнее. Сердюк начал поглядывать в их сторону, его ревностная натура, наконец, не выдерживает, он подходит к «могучей кучке» зубоскалов как раз в тот момент, когда в его адрес отпустили уничтожающую остроту, снисходительно становится в круг и тоже смеётся «заодно с массами», не понимая, почему хохот разгорается ещё пуще. Но вот откуда-то спереди докатывается «пошли». Колонна вздрогнула, зашевелилась. Сердюк моментально смахивает с себя остатки смешочка, со всех ног бросается на своё место. «Товарищи, берите макеты, транспаранты, пошли». Колонна продвигается ещё на несколько метров и снова останавливается, и опять движение, но теперь уже равномерное, безостановочное. Колонна заняла своё подобающее место в общем потоке и приближается к трибуне, гордо подняв над собой почти неменяющийся с годами реквизит.

«Да здравствуют советские медики!» — льётся из трибуны.

«У-у-рр-а-а-а!» — расплывается по колонне так, словно это последняя капля, ко-

торая наполняет до краёв чашу праздничного счастья. Прокричав своё долгожданное «ура», Волин переулками, дворами пробирается домой, бухается в постель. Сегодня он должен хорошо выглядеть, быть бодрым, весёлым, неистощимым на комплементы, сегодня он проведёт вечер с Розеттой.

В семь часов вечера Борис с замиранием сердца нажимает на заветную кнопку звонка. В последнее время он всегда переступает этот порог с волнением, но сегодня его нервы напряжены до предела, так что он не в силах сдержать внутреннюю дрожь. Всё, что творится с ним настолько значительно, торжественно, как большой праздник, настолько радостно, волнуяще, как рождение человека, настолько чисто, ясно, как умытое небо. Какое счастье ждать с подобным чувством, пока откроются двери! Он слышит, как по ту сторону заливается, захлёбываясь радостью, звонок, чувствует, как нетерпеливо стучит его сердце. Кто-то спешит открыть дверь, шаги тяжёлые, властные. Это не Розетта. У неё шаг лёгкий, хотя несколько неровный, капризный. Наверное, это Анна Станиславна, её мать. Щёлкнул замок. Дверь широко распахнулась.

— Здравствуйте, Анна Станиславна, поздравляю с праздником, желаю Вам вечного цветения.

— Спасибо, Борис, а тебе я желаю счастья. Проходи, садись. Она сейчас выйдет. С уборкой завозилась.

Действительно, в коридорчике воздуха нехватало.

Ждать ему почти не пришлось. В своём незаменимом халатике появилась Розетта, торжественная приблизилась к нему и, крепко обняв, поцеловала.

— С праздником тебя...

Наспех вымытые ручки у неё были холодненькие, как ледышки.

— С праздником... Закрой глазки.

Розетта с готовностью исполнила просьбу Бориса. Он подвёл её к трюмо. Она почувствовала, как по груди поползла змейка и обвила её шейку. Она приоткрыла глаза, глянула в зеркало и тихонько взвизгнула. На её груди блистало великолепное кольцо. Розетта подпрыгнула, словно козочка, и её цепкие ручонки крепко обвились вокруг шеи Бориса.

— Ну-ну, неудобно, увидят, — смущённо бормотал он

— Пусть видят, пусть все видят, — повторяла она.

На вопрос Розетты «Куда мы идём» Борис, загадочно улыбаясь, отвечал: «Сюрприз.» всю дорогу, снедаемая любопытством, она гадала «Мы идём к тебе? Я твою маму боюсь.» «Наверное, к твоим друзьям?»

«Знаю, знаю, мы идём в театр.»

Всё стало ясно, когда они вдруг оказались перед рестораном.

— Нет, нет, туда я не пойду.

— В вестибюле об этом говорить поздно.

— Но меня могут увидеть учителя!

— Не беспокойся, учителя в рестораны не ходят, они заняты общественной работой. Рискнём?

— Что потом скажут?

— А кто лишь полчаса тому назад заявлял: «Пусть все видят?»

На лице у Розетты борьба, она и не пытается её скрыть. Ей хочется бежать отсюда немедленно, пока никто не заметил, но её ноги приросли к паркету. Девчонку и пугал и манил неведомый зал наверху, откуда доносилась волнующая музыка. Соблазн оказался слишком велик, а Борис слишком настойчив, обидеть его Розетта не могла.

В то время, когда Борис в ожидании своей дамы прохаживался по вестибюлю, Розетта, краснея от смущения, возбуждённая дикой радостью, которая то и дело вскипала у неё в груди, копошилась в туалете перед зеркалами, стараясь подавить неловкость свою, не выдать перед деловито хлопочущими рядом женщинами, что она здесь новичок. Появилась она перед Борисом торжественная, строгая, с замираньем сердца поднималась по лестнице, выложенной коврами. Рука Бориса и музыка, льющаяся сверху служили ей точками опоры. Им указали на столик под пальмой. Беспомощно начали вертеть в руках меню.

— Выбирай, Белочка, самые вкусные орешки.

— Боря, закажи лучше сам.

Заказали самые непонятные блюда и самые дорогие.

— Розетта, мне понятно, что я смешон, когда говорю о чувствах, но всё равно выслушай мою старомодную исповедь. Если б ты знала, как я благодарен тебе за всё: за то, что ты такая, какая есть, за то, что ты со мной. Нет, я не стыжусь своей сентиментальности, рад положить к твоим ногам всё, чем богат. Я пронесу любовь свою, как знамя, отдавая всё, всего себя, чтобы сохранить её. Я люблю

тебя, потому что всё в тебе пышет огнём: и взгляд, и смех и проказы. Я люблю, но именно поэтому никогда не унижусь перед тобой: или любовь и счастье, или ничто; или только я, или забудь меня навсегда. Но если выберешь меня, я буду, как сто ангелов, как тысяча демонов. Безумство и остроумие, страстные порывы и целомудрие, добрые советы и действенная помощь, тело моё и мысли мои, шутки и упрёки, и ещё тысяча моих слуг будут служить тебе верой и правдой.

— Я выбрала тебя навсегда, мой милый.

— Любимая!

На помощь Волину приходил оркестр. Танцуя, Борис жарко шептал в раскрасневшее лицо своей любимой, замолкал оркестр — Борис продолжал изливать свой восторг. Подыскивая орнамент для очередного тоста повеликопнее, он вдруг обнаружил с досадой, что содержимое графина улетучилось. Сомнений быть не могло, пока он шептал слова любви во время танго, с их мускатом разделалась вот эта красавица с бегающими глазками, а вот тот субъект находящийся в состоянии умиротворённого самосозерцания вылакал из коньяка все звёздочки. Субъект повёл невидящими посоловелыми глазами и осведомился, не перепутал ли кто случайно графины, мол, за столиком случается всякое. Борис повернулся к Розетте:

— Вот оборотная сторона медали. Но забудем о них, приглашаю тебя на вальс. Посмотри, какой я сильный, кружась с тобой в руках, я свободно поднимаюсь в небо, к звёздам. Всё ближе, ближе они, уже до них я могу дотянуться руками, даже губами. Ах, прости, я думал, что звёзды, а это твои глаза, — так говоря одновременно Борис умудрялся плавно, спокойно кружить подругу мимо столиков с обедками в пепельницах и окурками в тарелках, мимо столиков, под которыми валялись пустые чекушки и пол-литры из-под водки, занесённые сюда в кармане, чтобы напиться подешевле.

— Любимая, твоё дыхание так горячо, что в нём воспаляются мои губы.

— Не говори, любимый, больше ни о чём.

Они продолжали танцевать молча, прильнув друг к другу. Если бы стены вдруг заговорили, то можно было бы услышать примерно следующее.

«Вот она, современная молодёжь...ни стыда, ни совести! Только подумать, школьница шляется по ресторанам...спуталась со студентом, бестыдница!»

«Милая пара. Интересно, кто они? Как они влюблены друг в друга! Нет, что ни говори, а настоящая любовь существует!»

«Роскошная малютка! Если через две недели она не попадёт в мои руки, можете назвать меня ишаком.»

«Сколько бы с них содрать... жаль, пили мало. Ничего, подсчитывать всё равно не станут.»

Перед расставанием Розетта грустила:

— Ты скоро уедешь на практику и забудешь свою Белочку. А я всё равно буду ждать тебя, много-много дней и ночей. Если ты не подашь о себе весточку, я выйду на дорогу и буду расспрашивать о тебе всех прохожих; не разужнаю от них, выведу от ветра. Я обращаюсь к нему: «Ветер, ветер, где мой любимый, скажи, думает ли он обо мне, или забыл свою бедную Белочку? Подуй, ветер, в его сторону, чтобы я знала, куда идти, дуй сильнее мне в спину, чтобы шла я быстрее. Пешком я доберусь до него, и он не прогонит свою маленькую девочку».

Розетта притихла. Голова её кружилась, глазки, подёрнутые поволокой, блуждали, она ничего не могла поделать с телом своим, с растекающейся по членам истомой, бёдра тяжелели, коленки подкашивались, было душно, хотелось лечь, раскрыться, сладостно замирало сердечко, пылающий ротик жадно хватал воздух, с воспалённых губ срывались бессвязные безумные ласковые слова. Стоит перед юношей девчонка с косичками, с лебединой шейкой, алая словно заря, жаркая, как костёр, и запёкшимися губками лепечет:

«Я хочу ребёночка.»

Почему человеку не дано удержать миг? Почему не дано возвращать его?!

Плакать ли от умиления, смеяться ли от счастья, Борис не знал, он только сильнее прижимал к сердцу своё сокровище.

Всё, чем увлекался он до этого, против чего боролся, что отстаивал или отвергал — ничто по сравнению с великим и священным чувством любви! Ничего в мире нет равного и достойного чувству любви — единому, неизменно-му, жизнеутверждающему чувству! Появлялись и исчезали общественно-экономические формации, а с ними и политические, философские, религиозные мировоззрения, появлялись, видоизменялись, заменялись, исчезали, неся с собой смерть, увлекая за собой в могилу тысячи и миллионы человеческих жизней. Фанатики-инквизиторы уничтожили более десятка миллионов «еретиков», в крестовых походах за гроб господень отправлено в ад тысячи ты-

сяч неправовверных; улучшая расу, германские нацисты за несколько лет списали двенадцать миллионов «неполноценных», а большевики в погоне за мировой революцией – более 50 миллионов, но человеческая жизнь существует не для уничтожения, а для продления жизни человечества, и только любовь даёт новую жизнь. Если же человек не может жить без веры, без религии, без мечты, пусть верует в любовь, она его не больше обманет, чем вера в будущее или посмертную жизнь.

Сонет

Твоя мне форма по душе, сонет,
словам в нём тесно, мыслям же свободно,
когда ж рождается сонет бесплодный –
в чернилах и листах убытка нет.

Цветущим садом стал бы край безводный,
когда бы из поэм и из газет,
что наводнили бурно этот свет,
излилась бы вода в поток природный.

С приходом опьяняющей весны
из рамок рвусь в порыве вдохновенья
и раздвигаю их по своему хотенью,

так точно мы и в чувствах, и в поступках
границы расширяем предрассудков,
когда они становятся тесны.

Сонет

Встречаясь с Солнцем за беседой жаркой,
коньяк с ним пил я, отгоняя мух.
Чуть-чуть кружилась голова от чарки,
а от жары — захватывало дух.

Меня похлопав по плечу лучом
(от излишней жарких мне досталось —
не мог от боли шевельнуть плечом),
в любви к Венере Солнце мне призналось.

И я не скрыл, что от любви сгораю
к одной девчонке, юной, но бедовой,
что от сомнений тяжких мне невмочь.

Сказало Солнце, сердце озаряя:
«Скрестив лучи и руки, мы готовы
друг другу всюду и всегда помочь!»

Сонет

Моя любимая, с каким восторгом
ловлю в слова я каждый шум в тиши,
и все те звуки, что душа исторгнет,
пойдут на светлый памятник души.

То будет песня радости и счастья,
и будет то самозабвенья крик!
Так пусть же, пусть он возвеличит миг
любви счастливой и безумной страсти!

Для этого я выбрал стих Петрарки,
изящный, вечно юный, вечно жаркий,
как и душа прекрасного поэта.

Любимая, лишь для тебя пою я,
лишь для тебя я с рифмами воюю,
лишь для тебя звучат слова сонета!

Сонет

Собака утопила своей кровью
врага хозяина, и я люблю,
откликнись, и приду на первый зов я,
лишь только прикажи — и утоплю,

а после приползу к ногам твоим,
чтоб их согреть ещё горячим телом,
и загляну в глаза твои несмело,
прошу лишь, не пытайся утаить

ни чувств, ни слов своих; меня обидеть
не сможешь ты, любить иль ненавидеть
имеет право каждый; и я рад,

что пользуюсь правами сердца смело,
что сердце верить и любить сумело,
в награду, может, ты мне бросишь взгляд.

Сонет

Из всех времён в году милей мне лето.
За вольность шаловливую твою
люблю тебя я, лето, и пою,
в дар принося тебе свои сонеты.

Люблю с волной беседовать в реке
и любоваться небом, рошей, ножкой;
вон промелькнуло платье в далеке,
не разойтись на узкой нам дорожке.

О если б солнца твоего мне, лето!
Всех на земле бы грел своим стихом
и был бы знаменитейшим поэтом,

но не считаю я большим грехом,
что неизвестен всем, зато все силы
свои я перелью в стихи для милой.

Сонет

Мой милый человек, тебе шестнадцать,
шестнадцать ясных, беззаботных лет!
И в этот день волнуясь я, признаться,
и в этот день я радостью согрет.

Я этот день ждал также, как и ты,
с души своей срывал стихи-цветы,
букет их скромный не увянет вечно,
как не погаснет и огонь сердечный.

Ты, только ты живёшь в мечтах моих,
ты, только ты душой моей владеешь,
тебе служить одной мой будет стих!

Ты, словно роза, над толпою рдеешь,
цвети же буйно и собой затми
весь этот скучный, суетливый мир!

Сонет

О здравствуй, здравствуй, первый день зимы!
Сверкайте среброкрылые снежинки!
От белизны деревьев смущены,
замлели со снежинками в обнимку.

Вокруг всё превратилось в мир иной,
кристально чистый, свежий, как снежинки,
и все в нём — тайна, всё вокруг — новинка,
пойдём, любимая, в него со мной.

Ты слышишь, с крыш упало по слезинке,
безмерно жаль листочки на ветвях,
они во льду и грустно так звенят,

но посмотри, как кружатся снежинки
и тают быстро на твоих губах,
как сердце, что встречает милой взгляд!

Сонет

Любимая, скорей дай руку мне,
мы тоже станем в хоровод снежинок,
закружимся, и не жалея ботинок,
забудемся с тобою в сладком сне!

Не бойся, что устанешь в буйной пляске,
перину приготовят нам из снега,
ты не гляди, любимая, с опаской,
ведь это ложе радости и неги!

Недаром снег так густо повалил
и мир весь занавескою закрыл,
быстрей же в вихре страсти понесёмся,

а после, переглядываясь жадно,
словами, словно снежками играясь,
из снега бабу вылепим мы, ладно?

Сонет

Прости, вошел к тебя я, не стучась,
в своем обычном простеньком наряде
как хороша ты, милая, сейчас,
а сколько страсти и огня во взгляде!

Прильну к пылающим твоим губам
с одним желаньем — сжечь или обжечься.
Как жаль, что нам не часто по утрам
дано судьбой немножечко развлечься.

Над ушком локон свесился небрежно
и что-то шепчет ушку горячо,
я к локону готов приревновать!

Ждёт всех нас в жизни жребий неизбежный,
мне прядью быть бы над твоим плечом,
чтоб день и ночь шептать и целовать!

Сонет

Когда ночью по улицам дремлющим
от любимой счастливый бреду,
вновь и вновь Звёздный мир всеобъемлющий
хочет выкрасть из сердца звезду,

ведь сияет она даже днём,
равной ей ни в одном созвездии
не найдёшь, если даже с огнём
взад, вперед Млечный путь весь изъездишь!

Небо пусть не мигает во мгле,
не грозит постоянно бедою,
самому мне звезда по плечу!

Для меня ей сиять на Земле!
Когда ж вспыхнет на небе звездою,
я за ней в Звёздный мир полечу!

Часть вторая

Глава первая

Во дворе военкомата собрались студенты-медики для отбытия в военные лагеря: кто бренькал на гитаре, кто задумчиво жевал, кто мирно беседуя, прохаживался с товарищами или подругами. Время шло утомительно медленно. Наконец, всех построили, пересчитали и повели на вокзал: «Запевать!» Отныне ты солдат, прочь рассуждения, долой заботы. Всё, что понадобится, будет предоставлено, а что понадобится, старшине лучше знать. «Равняйся, смирно! Не разговаривать! Кто имеет воинское звание, шаг вперёд». Щёлкают каблуки. «Ефрейтор Палкин», — рапортует широкогрудый красавец. «Назначаетесь командиром первого отделения». «Есть!» — кричит Палкин и лихо поводит оком на десяток сокурсников, составляющих первое отделение. Лицо у него строгое и внушительное, команду он отдаёт с наслаждением. Голос Палкина, раскатистый, металлически звенит в ушах. «Бравый солдат», — одобрительно кивает старшина. На лице Палкина каждый безошибочно может прочесть: «Счастливчик».

Слово «наряд» живёт двойной жизнью. На гражданке оно порхает капризным мотыльком, садясь на плечи самые холёные, самые хрупкие. На воинской службе оно метит в каждого солдата ниже спины, успевай лишь почёсывать ушибленное место.

Но иной раз...

На утренней поверке после ритуала, предусмотренного уставом, случается, старшина спросит: «Художники есть?» Тут непременно ты должен побороть природную застенчивость, сделать шаг вперёд и гаркнуть, сдерживая радость: «Есть!» И надобно сделать это как можно скорее, ведь чаще всего нужен только один художник. А если ты уже вышел и вдруг слышишь, что тебе отводится наряд в художественную мастерскую для выполнения картин масляными красками, не пятайся раком назад, а держись независимо, браво, словно всю жизнь ты только и делал, что малевал маслом картины. Зато отныне ты для ненавистного командира отделения будешь пер-

сона грата, как бы тот не плакал от досады, что не может занарядить тебя чистить картофель или какой-нибудь очень важный армейский объект. Отныне тяжёлые солдатские будни едва коснутся твоих пяток. Отныне ты — человек творческого труда, уважающий себя, уважаемый начальством.

Могут быть и другие варианты солдатского везения, но с Волиным случился именно этот. Правда, в масляных красках он разбирался не лучше, чем в псалмах, что заставило его крепко задуматься. Вспомнился аналогичный случай: как-то принимал он зачёты — прыжки в воду. У десятиметровой вышки тоскливо переминалась с ноги на ногу стайка ребят. «Ну, кто первый», — уже несколько раз повторил он. Наконец, нашёлся самый смелый. «Боря, — говорит он Волину, — мы не знаем, как прыгать, покажи нам». Ребята облегчённо вздохнув, уставились на тренера, своего спасителя, совершенно не подозревая, что сам-то он никогда с вышки не прыгал. «Жаль, плавок не взял», — озабоченно протянул Волин, но несколько ребят тут же начали стягивать свои. Он придирчиво перебирал плавки. «Вряд ли налезут...» Однако плавки налезли, и ему пришлось вскарабкаться на десятиметровую высоту. Сбоку — ребята с запрокинутыми головами, прямо перед ним — холодная каменная поверхность воды. Волин никак не ожидал, что речная вода, мягкая, ласкающая, может выглядеть так зловеще. «Только попробуй», — казалось, цедила она. Но дорога назад была только через позор. Что делать? И Волин начал лекцию о технике прыжков в воду, а пятки всё крепче прирастали к доскам. С каждой секундой промедления оторвать от площадки налившиеся свинцом ноги становилось всё труднее. Свинцовая, поблёскивала внизу вода. Волин распротёр руки, как это делают молящиеся мусульмане, и начал терять точку опоры.

«Пока всё идёт хорошо», — успело промелькнуть в голове. В воду он вошёл туго, зато вынырнул, как заправский ныряльщик.

Пока Волин проделывал мысленную экскурсию в своё прошлое, редактор институтской газеты, вместе с Волиным назвавшийся художником, успел отказаться от завидной судьбы живописных дел мастера: он собаку съел в акварели, но масляных красок даже не нюхал, вспомнить же что-нибудь о прыжках вниз головой ему, наверное, было нечего.

«Присмотрюсь...поучусь», — рассуждал Волин, еле поспевая за старшиной. «Художника привёл», — сказал старшина ещё на пороге мастерской и исчез. Волин огляделся. Небольшая комната, множество щитов, предназначенных для оформления под наглядную агитацию, на некоторых имелись уже наброски будущих картин.

Вот лихой старшина показывал ещё ненарисованной рукой на результаты стрельбы: мишень густо изрешетена в самом центре. Картина говорила красноречивее слов. Перед другой картиной, изображающей учения (надпись над ней, наверняка будет: «Тяжело в учении — легко в бою») сидел человек с кистью в руках. Кажется, Волин впервые видел живого художника за работой. А тот даже не повернулся к вошедшему, только кивнул в сторону старшины: «Заканчивай». «Как же так вдруг», — чуть было вслух не обиделся Волин. Он мысленно поносил себя последними словами, проклинал минуту, когда назвался художником, представил другую, когда его с позором погонят вон из мастерской... Но делать нечего: «Назвался груздем, полезай в кузов». Новоиспеченный художник несмело сел за мольберт, начал оглядываться вокруг. На полу валялись кисти, куски стекла, заменяющие палитру, банки с какими-то жидкостями, краски. И творческий хаос и запахи, и безмятежная тишина — всё импонировало Волину. Вообще-то рисовать он мог, ведь недаром в школе тянул редакторскую лямку почти бессменно, и в детстве кое-кто прочил ему славу художника. Пусть это было давно, пусть техника масляной живописи и отличается от акварельной...

С чувством совершаемого таинства Волин выбрал подходящую кисть, промыл её в керосине, взял почище стекло и потянулся к краскам. Так рецидивировала его старелая болезнь — увлечение изобразительным искусством.

Была ли в этом виновата сама живопись? Вряд ли... Стесняемая творческая энергия на сей раз устремилась в художническое русло, но она могла бурлить и в другом ремесле, в производстве гробов, например...

«Подъём!» — как можно страшнее старался громыхнуть дневальный. Зарядка, утренний туалет, поверка. «Первое ат-деление, смирно! — грохотал Палкин. — Руки вперёд, ладони вниз!» — и проходил вдоль сокурсников, вонзая свой взгляд каждому под ногти. «Ва-ратнички рассте-гнуть!» — и проходил вторично, заглядывающая будущим офицерам за шиворот.

Френина вначале всё это весьма забавляло, но усердие Палкина не иссякало со временен.

«Френин, выполнять команду!» — Палкин, может быть, впервые конкретно взглянул Френину в глаза и сразу всем нутром своим в рядовом Френине почувствовал человека, подавляющего своим превосходством, вселяющего неприятное чувство скованности, неуверенности, что ставило под сомнение его командирскую власть. Палкину хотелось поскорее избавиться от обжигающего презрением взгляда, он от-

вёл глаза, но услышал: «Я с детства не выношу грязи и .. глупости». Взгляды Палкина и Френина скрестились. «Руки вперёд, растегнуть воротнички!» — багровея, сжимая огромнейшие кулаки, заорал Палкин. «Уж лучше я ширинку расстегну, ты туда ещё не заглядывал», — говорить Френин старался спокойно, но это ему плохо удавалось. «Выйти из строя, три наряда на кухню, я тебя...»

С тех пор Френин из нарядов почти не вылазил.

Френину всё больше доставало Волина, особенно здесь, в лагерях, где он чувствовал себя не лучше, чем рыба, выброшенная на песок. Досуг свой они проводили обычно в спорах. Не раз разлетались в пух и прах досужие системные нагромождения Френина: слишком опрометчиво он взлетал вослед за первой удачной мыслью, которая вскоре превращалась у него в доминанту. А Волин впервые в противоборстве с Френиным, подавляемый лавиной новых сведений, вдруг почувствовал, что во все эти долгие, долгие годы учения – его обкрадывали, что наука преподносилась ему односторонне, нередко с подтасовкой фактов. Многие бесспорные истины просто игнорировались и на многие было наложено табу. Волин оказался в состоянии ребёнка, который вдруг обнаружил, что в копилке у него звенело не серебро, а ржавые гвозди. Впервые от Френина он услышал о страшной расправе над Вавиловым и его сторонниками. Разве только с Вавиловым? Политика прокрустова ложа... Её не избежал никто. И чаще всего лишней оказывалась голова... Только сейчас, на последнем курсе института Волин понял, что изучать многие науки нужно сначала, даже те догмы, в правильности которых он мог поручиться головой, трещали по швам. Многие в них шилом белыми нитками. Так случилось, например, с одним из основных положений павловцев об исключительной роли коры головного мозга в процессах выработки условных связей, факты, противоречащие данному положению, просто не доходили до сих пор по назначению. Оказывается, ретикулярная формация — вот ключ ко многим ещё неразгаданным тайнам психики. Когда-то как вершина остроумия воспринимался им ответ Сталина на вопрос, что является основой мышления у него, которому неведомы слова, Сталин с достоинством провещал, что имеет дело только с нормальными людьми. Да, споры с Френиным Волину открывали многое. Но в спорах Френин вёл себя пренесносно, соскальзывал на личности и уж очень носился со своим «я», что не могло не бесить оппонента, спор мельчал и заканчивался взаимными колкостями, если не оскорблениями. Тогда Во-

лин, по Френину, «кретин»), давал себе слово никогда больше не связываться с этим «шизофреником». Но на следующее утро они уже искали повода заговорить друг с другом. Порой Френин бывал не узнаваем. От его самоуверенности не оставалось и следа. Он тихо говорил: «Зачем всё это? Солдаты, офицеры, танки... Армия — враг Человека, Армия создана Человеком... Нелепо, противно. Она, словно заразная болезнь подминает под себя всё новые и новые жертвы, которые будучи безнадежно больными, не сознают нависшей над собой опасности и, как игроки в домино, чем больше заражаются, тем громче стучат...

Знаю, знаю, что ты хочешь возразить... Я ведь и сам понимаю. В войне я потерял родителей, всех родных, сам остался в живых чудом... Тётке обязан всем... В том-то и вся беда, что армия — необходимость, от неё зависит наша жизнь, поэтому от жизни отнимается лучшее...»

Человек! Разве ты сыт и одет? Разве ты обеспечил себе крышу над головой и оградил себя от болезней? Зачем ты калечишь себя нравственно и физически? Зачем лучших работников ты делаешь лучшими едоками? Зачем те, кто наиболее способен давать жизнь, разрушают её? Ты отрываешь от своих детей масло, чтобы смазывать им пушки; ты заботливо и надёжно укрываешь пушки и ракеты, оставляя неприкрытыми детские головки. Человек! Почему ты так безрассуден, так жесток? Ты ещё ответишь за свою глупость, гомо сапиенс.

Глава вторая

Уже около часа Розетта сидела за письменным столом, а учебник всё не был раскрыт. Вот она потянулась к нему — в который уж раз! — но на стол с жужжанием упали две мухи. Книга в руках оказалась вовремя. Короткий удар — и от мух — лишь мокрое место! «Бляха-муха», — брезгливо проворчала Розетта и принялась вытирать стол промокательной бумагой. Вытирала она долго и тщательно. На уборку ушли все «промакашки» из её тетрадей. Розетта осмотрелась: нет ли ещё мух. Мух не имелось. Книгу пришлось всё-таки раскрыть, но тут лихорадочно забренчал звонок, и Розетта с облегчением захлопнула учебник и побежала открывать дверь.

— Ой, Розка, — ещё с порога воскликнула Галя, — знаешь, с кем я подружилась, знаешь?

Розетта с удивлением смотрела на подругу, возбуждённую, вспотевшую, горячую. Видно, что она всю дорогу бежала, боясь не донести столь важную новость.

— Рассказывай, только всё по порядку.

— Ой, подожди, дай отдышусь... На улице духотища — страшная.

— На вот попей... — Розетта наполнила большую кружку водопроводной водой. Галя пила с упоением, долго и шумно. Из-за кружки виднелся только лоб с прилипшей к нему чёлкой да счастливые прыгающие глазёнки.

— С Вальдемаром, вот с кем! — окончив пить, единым духом выпалила Галя.

Розетте Вальдемар был хорошо известен.

Он был хорошо известен почти всем девушкам города, которые жестоко осуждали его за легкомысленное поведение, взхлёб мечтая о нём.

Розетта ярко представила его в машине за рулём... Его прикосновения... Молчаливую борьбу с ним... Это было... год тому назад. Ровно год. Она до сих пор жалеет, что не залепила ему тогда затрещину... Вот чем можно было б сейчас похвастать перед Галкой.

— Он тебя катал на машине? — настороженно спросила Розетта.

— Завтра! Завтра мы поедем в Пятничаны, — Галин рот ещё шире расплылся в улыбке.

— Может быть, он просто так...

— Да нет же, нет. Честное слово! — запальчиво убеждала Галя. — На вечере он приглашал меня, только меня, понимаешь? Ну, если ему меня просто так при-

глашать, зачем? Скажи, зачем? Ах, если б ты знала, какой он... Когда он взял меня за руки, у меня даже коленки начали подкашиваться, а он всё смотрит из-под лобья, всё смотрит... Розка, глаза у него чёрные, как смоль, а белки блестят, даже страшно. Нет, ты скажи мне, почему он меня пригласил? Ну, почему, меня?

— Откуда мне знать...

— Я такая счастливая... бесстыдно счастливая. Розочка, пойми... У тебя также было, да?

— Не знаю.

— Борис твой ещё не приехал?

— Скоро явится — вот будет потеха. Женька только о нём и говорит...

— Женька, конечно, красивее, чем Волин, но...

— Раньше мне Женька был совершенно безразличен. Но однажды... Ты знаешь моё местечко на пляже... Так вот завалилась я, книгу — в руки, но солнце чуть пригрело — и я готова. Сплю не сплю, но чувствую, кто-то заслонил мне солнце. Хочу выругаться, приоткрываю глаза, смотрю через ресницы, глазам не верю. Стоит передо мной Женька, весь в радужных кругах, чёрный бостоновый костюм, ослепительно белая рубашка, галстук-бабочка, и сам — чернющий, как жук. Высоким он мне показался — страшно. Галка... поднимаюсь я, заспанная, помятая, растрёпанная. А он застеснялся, смущённо улыбается, плечами так передёргивает — ты же знаешь его привычку.

— Будь здоров, — говорю, — куда собрался?

— К тебе.

— Ко мне? Слишком велика честь... А Татьяна как же?

Вижу, обиделся...

— Ладно, топай за мной.

Повела его в дом. Все соседи повылазили, а мне смешно. Он меня так никуда и не вытащил в тот день, но с тех пор зачастил ко мне. Я и гоню его, пугаю Борисом — ничего не помогает, упрётся, как бык, и стоит на своём. Как-то пришла Таня, спрашиваю, как дела у неё с Женькой, видно, хочется ей похвастать, но соврать не может. Да я и сама не знаю, — говорит, — один вечер внимательный, в другой — рассеянный какой-то, всё по сторонам смотрит, будто ищет кого-то. Она подурнела...

— Моя мама ох и ненавидит её, — оживилась Галя, ещё порог не переступит, спрашивает маму, дома я или нет, а сама через неё в зеркало заглядывает, чёлку свою поскубывает...

— Слушай, Галка, что дальше было... Мало-помалу мы с Танькой разбесились... Я как раз новую пластинку достала... Вкрутила на всю катушку... Наяриваем твист... Вдруг звонок. Мне как током между лопаток ударило. Я выпрямилась и замерла на мгновение. Отряхнулась, иду к двери, а у самой предчувствие недоброе. Открываю — так и есть — он, рот до ушей. А из гостиной всё видно: дверь стеклянная, нечего делать, впускаю. Танька словно пластинку проглотила, глазёнки округлились, часто-часто моргает. Представляешь моё положение, в ту минуту я готова была прибить Женьку. А он как увидел Татьяну, сразу заикаться начал. Воды ему захотелось — выскочил на кухню. Но не за кружку — за голову ухватился. Женька — за голову, сестра моя — за живот держатся. Танька теперь не разговаривает со мной, но причём тут я, если она кавалера своего удержать не способна.

Военно-медицинская практика закончилась. Шестикурсники разъезжались по домам офицерами медицинской службы запаса. Комната Волина уже через несколько дней превратилась в художественную мастерскую, пахло красками, растворителями, лаками, треть комнаты занимал неуклюжий скрипучий мольберт, сколоченный из тонких досок.

Он понимал, конечно, что сходу насаку живописную технику не освоишь, что нужны системные знания и занятия, и кисти из рук почти не выпускал, хотя на последнем курсе института это было непозволительной роскошью. В нём проснулась страсть к коллекционированию всего, что так или иначе относилось к живописи. Таким образом он посвящался в её таинства. Итальянские гиганты Возрождения приводили Волина в экстаз. Он молился на леонардовских мадонн, влюбился в спящую Венеру Джорджоне, грезил Розальбой Карьера, с благоговением склонялся перед Тицианом. Первые сладостные минуты упоения явственной гармонией сменились растерянностью, когда он погрузился в стихию голландских и фламандских гениев. Вновь испечённый аматор не мог не чувствовать их мощи, но, изумляясь великолепием одежд персонажей Терборха и Метсю, величием героев Ребрандта, он никак не мог смириться с их физическим несовершенством, а рубенсовские красавицы даже раздражали юного мецената, возможно, он просто ещё не подозревал о преимуществах такого рода женщин. Увы, знания приходят лишь с практикой. Но если гениев судить нам не дано, то обзревая портреты доарок современных ребрандтов отнюдь не убеждаешься в мысли, что именно такой

должна быть женщина: большие руки, мясистые пальцы, грубые черты лица... Никто не отнимает у них способности без усталости трудиться, никто не принижает их трудовую славу, но вряд ли этого достаточно для художественного портрета. Ещё больше Волина озадачила французская живопись. Чем дальше он заходил в знакомстве с нею, тем больше терялся в художественных школах. Он узнал, что такое пленэр. Воздушность, мимолётность, призрачность начинали обретать перед ним свои черты. В тупике он очутился перед Сезанном и Гогеном. Что это стремление выбиться из художественного штампа или недостаток в органах чувств? (Врубель, говорят, был дальтоником...). Мы не так воспринимаем мир, как они. У Сезанна персик предстаёт перед нами прежде всего как геометрическое и физическое понятие. Но персик не фантом для изучения геометрических моделей, персик пищевой продукт, персик лакомство. Полная гармония у Серова: девушка и персик. Природу, людей мы воспринимаем богаче, объёмнее, чем даются они Гогеном. Но если очень важно передавать геометрическую форму или цвет, то абстракционизм — лучшее средство для этой цели, но в чём же тогда смысл искусства? И всё же французская живопись, пожалуй, самая многогранная. Она-то бьёт восторженным опьяняющим фонтаном в творчестве Пуссена, то вдруг подавляется тяжёлым серым потоком Шардена и Милле, но вот снова дышит величием в творениях Давида и взматывается к небу символом свободы с кистью Делакруа, то замирает вдруг и в наступившей тишине безмятежно струится в картинах Мане, манит к его Олимпии или в роскошь лесов и лугов барбизонцев, чтобы потом закружится вихрем вместе с голубыми танцовщицами Дега...

Пикассо — как хамелеон, неузнаваем в разные периоды жизни и творчества. Да, искусство имеет свои законы, не совпадающие с законами природы. Важно подействовать на воображение, и тогда будут хвалить Куинджи за колорит, Шишкина за фотографичность, Моора за народность, Репина за то, что видит классы, а Брюллова за то, что их не видит. Часто сокрушаются по поводу убогости, невыразительности человеческой речи, но ещё чаще случается обратное, на словах или на бумаге герои более красивы и благороднее и утончённее, чем в жизни.

В какие дебри психики нормальной и патологической не забирается иной изощрённый писательский ум. И что только не пригрезится иному комментатору в нехитростных творениях живописи или музыки, или литературы. Он ослабляет вожжи своего красноречия, его воображение мухой взлетает ввысь и садится на потолок, он обнаружит нюансы нюансов, он услышит и перескажет, как звенит солнечный

луч, как сжимается сердце и разрывается грудь при виде той или иной картины (при сём он бегло бросает взгляд свой на воспеваемый шедевр и тычет в него указкой) и переходит к следующему, повторяя те же слова на новый лад. Внимающие ему слишком примитивны, чтобы самим так много увидеть или услышать, они только робко следят за указкой искусствоведа, сами выполняя роль абразива, об который ораторствующий ещё более оттачивает своё мастерство, дающее ему, знатоку полигнотов и палестринов кусок хлеба и место под солнцем.

День за днём всё более четко вырисовывались контуры будущей картины в сознании Волина, но он не приступал к ней, так как творческий замысел стоял за пределами его возможностей пока...

Полотно средних размеров, две трети которого занимает серая мрачная массивная стена, небольшое зарешётченное отверстие в виде амбразуры, это окно темницы, первый солнечный луч выхватил из мрака лицо узника...

За углом тюрьмы видна часть площади, центр её – это треть холста. Там уже приготовлено всё для казни через сожжение. Собирается народ. Через час на костёр взойдёт Великий Магистр ордена Тамплиеров Жак де Молэ. Узнику осталось жить ровно час. Лицо его поднято вверх, глаза обращены к небу. Высокий лоб, орлиный нос, плотно сжатые тонкие бескровные губы.

Что написано на лице? Что скрывает оно? К кому обращены последние мысли и слова?

Созданный после первого крестового похода орден Тамплиеров (храмовников, бедных рыцарей), спаянных обетом безбрачия и нестяжательства, с каждым новым походом умножал свою силу и могущество.

Строжайшие правила, жёсткая дисциплина укрепляли могущество слуг Всевышнего. Прошло немного времени, и они уже не только защищали паломников от грабителей, но и сами грабили грабителей и... паломников. В результате орден «бедных рыцарей» превратился в крупнейшего ростовщика. Именно они, «бедные рыцари» изобрели вексель, именно они оказались самой великой силой в Европе, сделав должниками почти всех европейских государей; именно они оказались в шаге от своей цели — установлении своей власти на главном континенте, что равносильно завоеванию мирового господства.

Главным должником тамплиеров оказался король Франции Филипп Красивый,

которому легче было уничтожить кредиторов, чем расплатиться с ними, что он и сделал. Печальная участь постигла ломбардийских ростовщиков, еврейских банкиров и, наконец, тамплиеров. Великий Магистр и члены Капитулы приглашены в Париж, встречены с великими почестями и... посажены за решётку. Несметное богатство ордена должно было перейти к королевской казне.

О чём думал Великий Магистр, диктатор Европы, перед казнью?

Конечно, проклинал себя, что попал как «кур в ощи́п», но усомнился ли хоть на йоту в бесперспективности идеи мирового господства?

Волин поделился своими планами с Розеттой, и ему показалась её равнодушие оскорбительным. Разговор вообще как-то не клеился. Возможно, поэтому Розетта предлагала оставить душную комнату. В кино? В парк? Просто погулять?.. Волину никуда идти не хотелось, а уговоры Розетты почему-то раздражали... Самым лучшим, очевидно, было пойти домой. Он начал собираться и в прихожей столкнулся с юным франтом. По тому, как Розетта переглянулась с ним, по тому, как держались они, Волин понял всё. Ему оставалось кинуть «прощай» и осторожно закрыть за собою дверь.

Сонет

О самом главном так и не сказав,
уходишь ты, о чём-то намекая,
идёшь к другому, вижу по глазам,
что ж уходи, ко мне придёт другая.

Я не жалею о былом ничуть,
а с плеч, как будто вдруг гора свалилась.
и снова петь, смеяться я хочу,
такое счастье лишь во сне мне снилось.

Пылал любовью у колен твоих,
и мне казалось — от тебя стораю,
когда ж огонь немного приутих,

увидел, как на угольях в огне
шипит твоё сердечко, не пылая...
И вот уходишь ты, жалеть – не мне.

Сонет

Весною ранней, размечтавшись, я
о милой пел не хуже соловья:
«Открой мне, солнце, тайну моей милой,
не ты ль ей щёчки, ножки позлатило?»

Вы, звёзды в небе — сёстры её глаз,
но только её глазки лучше вас,
уста нежнее лепестков у розы,
росы прозрачней влага губ и слёзы.

О ручеек! Без устали поешь ты,
кружишься, падаешь, бежишь звеня,
как капли две, на милую похож ты!»

Так говоря, расшибся я о камень...
«Постой, не ты ль по сердцу ей родня?»
Над камнем стал я, разведя руками.

Сонет

Глядишь ты раздражённо на меня,
и дышит взгляд холодной неприязню,
ты снова подвергаешь меня казни,
всё светлое бывшее хороня.

Однажды испытав, я не боюсь
ни казни, ни угроз твоих, ни плача;
когда смотрю я на тебя иначе,
я над влюблённостью своей смеюсь.

Когда мой ум пред чувством не слабеет,
я вижу слабое и злое существо,
какими так богат наш белый свет;

смешон самовлюблённый взгляд твой,
такая мысль печаль мою развеет,
и в голове уже готов сонет!

Сонет

Настала ночь, пора бы спать ложиться,
но я хожу по улицам в тиши,
в уме стихов листаю я страницы,
и фонари советуют: пиши.

Пиши о чудных искорках во взгляде,
о вспыхнувших огнём любви сердцах...
Все фонари стоят — как на параде,
один другого лучше молодца.

Согласен с фонарями я вполне,
совет хорош, ведь улица уснула,
вдруг в голове мысль-молния сверкнула:

что предо мной — не фонари горят,
а ухажёры милой встали в ряд...
Иль, может быть, то чудится лишь мне?

Глава третья

Учение — свет, неученье — тьма. Тьма-тьмушая развелась нынче учёных, а сколько ещё лезут туда же! Вот мимо вас проходит молодой человек, лицо его бледно, глаза блестят голодным блеском, ведь его постоянно мучит жажда знаний, он живёт светом светочей, в талмуды которых он остервенело вгрызается, он вбирает их догмы. Пухнет его голова. Пищеварение у него под контролем, он питается только пережёванной пищей, поэтому он не страдает расстройством пищеварения. На него можно положиться полностью, это опора государства, его надежда.

С противоречивыми чувствами входил Волин в кабинет доцента.

— Можно, Мария Иосифовна?

— А Борис! Проходи, проходи, изменник.

— Что вы, Мария Иосифовна, какой я изменник, скорее я жертва, Ваша жертва...

— Не хитри, знаю таких... Но как ты, умный парень, не соображаешь, что зацепиться можно только здесь, в нашей клинике?

— Я понимаю, но менять что-либо уже поздно, да и кандидаты в аспирантуру у Вас уже намечены: председатели, секретари...

— И для тебя местечко найдётся... Знаешь, Борис, нет у меня студентов, которые бы ради науки не жалели ни времени, ни сил. Мы налаживаем новейшие биохимические исследования, дел — непочатый край.

«Нема дурных, — мысленно отвечал Волин, — быть даровой рабочей силой, выполнять черновую работу... Нет, он не попадётся в эти цепкие беспардонные лапы, да он и не создан рабочей скотиной, хотя Мария Иосифовна и думает, что именно такую роль выполняет он при её сопернице.»

— Как у тебя с векторкардиографией?

— Полностью отдалась мне. Вы меня простите, Мария Иосифовна, я Вашего диссертанта распотрошил на обществе, но его работа на уровне вчерашнего дня, он даже терминологией пользуется устаревшей.

— Он приехал из Одессы уже с готовой диссертацией, а я поспешила его принять... А ты тоже подкачал, не ответил на мой вопрос, почему тонус крупных артерий при гипертонической болезни ослаблен. Знаешь почему? Компенсаторно, в связи с тем, что повышается тонус прекапилляров и мелких артерий.

— Но Вы не уточнили вопрос, в какой именно стадии гипертонии, ведь в поздних стадиях её развивается склероз крупных сосудов, а следовательно, и повышение их тонуса. Мария Иосифовна, я, собственно, по делу, от шефа — принёс кровь для исследований, как все условились.

А условия этих исследований, между прочим, были торгашескими.

Мария Иосифовна знает тысячи способов делать карьеру и о хлебе насущном не забывает.

«Вот как делается нередко наука, — думал Волин, — фанатиком не рождён, а делать вид, что занимаюсь чем-то значительным, не могу. Кто мне подскажет, чего я хочу? Эй, самодовольный прохожий, научи, как жить. Завидую Френину. У него вся жизнь в одном, в неврологии. Все силы в одну точку. Только так можно сделать что-то стоящее, только таким должен быть учёный. Мария Иосифовна — делец от науки с хорошо развитым чутьём, она тоже далеко пойдёт. А я не могу ни так, как он, ни так, как она... Возможно, поэтому мне по-настоящему никогда не везёт, чем бы я ни занимался. Так мне и надо. Выгодно верить в судьбу. Какой человек скажет: «Я серенький никчёмный мышонок, участь моя — мышеловка». Никто не скажет, и я не скажу, а бодро изрекаю: «Что ни делается, всё к лучшему».

Елена Адамовна, несмотря на свой солидный врачебный опыт, немела перед Френиным. Он буквально подавлял своими знаниями, она предпочитала в совместной работе с ним находиться в роли слушательницы. Рядом с Еленой Адамовной Френин чувствовал себя легко, в нём пробудилось желание покровительствовать ей — настоящее мужское желание. А однажды он даже погладил её по голове, как делающую большие успехи ученицу. Его дальнейшие намерения, очевидно, не были скрыты за семью печатями — Елена Адамовна вдруг отпрянула и быстро заговорила:

— Нет, нет, только не это, Борис Ильич, я Вас очень уважаю и дорожу Вашей дружбой, Вы мне нужны как друг..

— Я тоже Вас уважаю, Елена Адамовна, я тоже дорожу Вашей дружбой, и Вы мне нужны...как женщина...

Елена Адамовна сразу не нашлась что ответить, и некоторое время шли они молча.

— Почему Вы молчите? — спросила, наконец, она.

— Я не открою рта, пока не поцелую Вас... пока Вы не позволите мне это сделать.

— Это так на Вас не похоже, Борис Ильич.

— Вы хотите сказать, что я не мужчина, — Френин старался вложить чувство обиды в свою фразу и небезуспешно, и всё больше и больше удивлялся себе: он и не подозревал о своих артистических способностях. Нельзя сказать, чтобы он нагло лукавил, нет, он действительно испытывал нежность к этой женщине, но в их отношения проник элемент игры, каждый взгляд, жест, слово стали означать, кроме того, что содержали в себе непосредственно, нечто большее, полное намёков и символов.

У Френина была и осталась единственная страсть — страсть к неврологии. Женщины могли быть только гостями в его сердце, по крайней мере так случилось до сих пор. Почему он затеял опасную игру с Еленой Адамовной? Бывалый сердцеед сразу бы определил: с этой женщиной каши не сварить. А Френин, мальчишка, пошёл на штурм крепости, не имея ни малейшего представления о тонкостях подобного дела. Его наивность и дерзость явились наименее ожидаемыми ходами...

Елена Адамовна не знала, как ей поступить. Она очень уважала Френина, ведь этот лобастый мальчик имел массу знаний, он несомненно — будущая знаменитость. А Елена Адамовна питала слабость к знаменитостям. Она всегда мечтала о вращении в высших сферах, старалась и в мелочах подражать великим мира сего.

Между тем она имела чувственную экзальтированную натуру. Возможно, эксцентричность Френина волновала её воображение, поэтому не сумела противостоять ему, хоть и старалась:

— Неужели, Борис Ильич, Вы не допускаете чистых отношений между мужчиной и женщиной?

— Для чего они?

— Что?

— Чистые отношения.

— Странно, неужели Вы не понимаете! Разговаривать, делиться мнениями...

— Если бы бог создавал мужчину и женщину для разговоров, они бы многого не досчитались.

И эту фривольность Елена Адамовна простила Френину.

— Ой, — вскрикнул Френин.

— Что с Вами? — встревожилась Елена Адамовна.

— Я ведь дал слово не раскрывать рта, пока не получу от Вас поцелуй, а сам болтаю... Всё, отныне я нем, как рыба.

И Френи действительно на все вопросы и просьбы Елены Адамовны только мычал и делал знаки, что вот, мол, уста его запечатаны и распечатать способен только её поцелуй. Выходка капризного ребёнка. Попробуй объяснить ему, что поведение его не тактично, не скромно, что он слишком много на себя берёт и так далее. Но Френи даже не желает слушать, а только мычит и показывает на губы. Елене Адамовне пришлось поцеловать их. Пройдя несколько шагов, она сердито сказала:

— Добились своего... Если Вам это так необходимо, пожалуйста, — и поцеловала Френина вторично.

Глава четвёртая

Волин шёл по знакомой улице. Да, он идёт к Розетте, досадуя на себя, на свою слабость. Конечно, если бы не колхоз, он бы к Розетте не явился, как ни как уезжает на два месяца, и их отношения должны быть уяснены.

В глазах парня, с которым столкнулся в дверях у Розетты, он прочёл тогда раздражение и немой упрёк, обращённый к Розетте: «Почему он здесь, ведь он же знает, что ты предпочла меня?»

А её взгляд как бы отвечал: «Почём я знаю, я его не хочу, но он приходит.» Существует ли состояние, более унижительное, чем то, которое испытывает обманутый в любви? Существует ли чувство, более грубое, более низкое, столь необузданное, алчущее мести, чем ревность, и не дай бог, если дорога, на которой должны разойтись вчерашние влюблённые, недостаточно широка. Одного не мог никак понять Волин: «Если любви нет, зачем кривить душой? Ведь их ничто не связывает? Но прав ли он, не выдумал ли он измену? Что может служить подтверждением его подозрений? Перехваченные взгляды? Говорят же, что ревнивые глаза видят дальше, чем орлиные... Нет, нет, всё это ересь...глупо...боже, как глупо, ну разве Белочка способна на коварство? Да она ещё совсем дитя. Немного наивное, немного непутёвое. Она шалунья, проказница...» Волин обычно представлял Розетту именно в амплуа белочки-шалуньи, и тогда нежность переполняла всё его существо... Но, видимо, не в такие минуты он подходил к её дому, потому что вдруг круто повернулся и почти бегом заспешил обратно.

На следующее утро явился на сборный пункт, гудевший, как потревоженный улей. В осеннем воздухе звенели комсомольские песни. Студенты-медики направлялись на уборку урожая.

Наверное, группе, в которой оказался Волин, повезло меньше всех. В колхозе к приёму студентов не подготовились. День целый водили по селу, устраивая их на ночлег, а к ночи на улице оставались трое: Волин, Френин, Петухов. Для них ложе наскоро приготовили в конторе. Утомлённые юноши быстро уgomонилась и крепко заснули на полу, опьянённые душистой соломой. Первым проснулся Френин.

Холод продубил кожу, прошёлся по челюстям и опустился на низ живота.

Френин встал, натянул ботинки и через товарищей начал пробираться к двери. Сонные языки заворочались, а через минуту-две уже слышались даже остроты, правда из той области, которая не имеет доступ к бумаге, впрочем, это не совсем так, даже совсем не так, но не в том суть... Ребята долго стояли на крыльце и смотрели на звёздное небо.

— Какое оно... — неожиданно мягким голосом несмело произнёс Френин.

— Посмотрите, какая луна соблазнительная, — вторил ему Волин,

— О невежда, городской житель, да знаешь ли, какая здесь бывает луна?

Как вымя коровы! Протяни руку, хватай за соски и соси.

— Тут в колхозе пососёшь... лапу... — Френин опять вошёл в свои берега, — хорошая штука патриотизм, всё вывезет...

Вдруг перед любителями ночного неба вырос огромный лохматый пёс.

Откуда он вылез, никто не заметил, но когда он приблизился к крыльцу, то успел лишь поймать ноздрями жидкие струйки пара, лениво подымающиеся от влажной земли, всё ещё блестящей под луной.

Пёс долго стоял, принюхиваясь и прислушиваясь. До него доносились какие-то звуки. Чуткое ухо улавливало три разных тембра, звенящих на высоких нотах. Пёс стоял в нерешительности перед крыльцом, не зная, что ему предпринять, гавкнуть или пройти мимо.

И наступивший день не принес «друзьям по несчастью» ничего определённого, не находилось не только жилья, но и работы, целый день слонялись из угла в угол.

Пожинав, чем бог послал, «лишние люди» отправились, куда глаза глядят; вышли за околицу и если не ахнули от «красоты земной», то и не могли остаться к ней равнодушными.

— Я вырос в городе, но меня всегда манила природа первозданная, меня всегда тянуло в леса, в степи... в небо... Несчастные городские жители, смотрящие на жизнь через экран телевизора... Вот экран, через который нужно смотреть на жизнь, — Волин простёр руки к небу.

— Уйду из города, где суета сует и всяческая суета, уйду в пустыню, в леса и буду слушать ровное здоровое дыхание жизни. Прочь честолюбие, долой самообольщения! Вадим, я и тебе советую уйти в пустыню, ведь ты только кажешься добрым малым, безобидным болтуном и паяцем. О! Это лишь временная дань твоему алчущему

честолюбие, которое ты никогда не сможешь насытить. Иди, Вадим, в лес, и ты не будешь страдать и не исковеркаешь жизни другим. Френину бы тоже надобно в лес, но он не пойдёт. В лесу его обгложут даже мотыльки. Он — интеллект, и без людей он не может, но и с людьми он не может, потому что он не знает, для чего живёт человек, думает — чтобы изучать ретикулярную формацию. Нет — чтобы родить себе подобного и вырастить его, тем самым сохранить Человечество. Вот зверь, ради которого мы живём, и на которого работаем. Это немилосердное существо, перемальвающее в своей утробе индивидуумы, ничтожные молекулы, претендующие на самостоятельность и права. Смешно, когда такая молекула вдруг возомнит себя центром жизни, единственным её выразителем, единственным образцом. Жалкая молекула, такая же, как и вот эта скирда. Посмотрите, как гордо возвышается она, неприступная, единственная на этом клочке земли. Каждой соломинкой твердит она о своём величии одно и тоже из дня на день. А время идёт, неумолимо идёт...

— Правильно! И надо подумать о ночлеге. Давайте заночуем сегодня здесь в скирде. Вот будет здорово! — Не дожидаясь ответа товарищей, Вадим побежал к скирде. Френин и Волин потянулись за ним.

— Братцы, нам на неё не залезть, экая высоотица, — разочарованно протянул Вадим.

— Я залезу, — кричит Френин.

— И я, — подхватывает Волин.

— Спорю на Давыденкова, — ловит их на слове Вадим.

Френин и Волин ринулись на отвесно нависающую рыхлую стену.

— Стоп, какие ставите книги? Я даю ещё Бехтерева, — Вадим увеличил ставку, заранее уверенный в выигрыше, — против Давыдовского и Мясникова, идёт?

При первой же попытке Волин сорвался и шмякнулся на землю так, что из него вышибло половину уверенности в возможность преодолеть четырехметровую расширяющуюся кверху скирду. Он разминал затёкшие руки и уже сожалел о потерянных книгах. Попытки Френина оказались ещё более безуспешными.

— Вы можете помогать друг другу, — великодушно разрешил Вадим.

— Боря, может полезу я, — предложил свои услуги Френин.

— Нет, тёзка, я все-таки спортсмен. Подставляй-ка свои могучие плечи.

И Волин полез. На спину, на плечи товарища...на голову...

— Голова у тебя...ничего... держит. Вот что значит интеллектуально развитый человек, всегда поддержит своей головой.

Но игривость Волина напускная. Он чувствует, если не залезет сейчас, значит не залезет вообще. Товарищи внизу притихли, Френин — от напряжения, Вадим — не желая выдавать своего злорадства, которого ему всё равно не скрыть, он ждёт только минуты, чтобы расхохотаться и кстати напомнить о книгах. Но Волин не срывается, он лезет. Руки немеют. Он старается засунуть в подгнившую солому руки по локоть и глубже, так можно удержаться на них, пока не примостишь как-нибудь ноги. Сильно стемнело. Там внизу через какие-то промежутки времени раздаются реплики.

— Только сумасшедшие могут лезть на стену...

— Нэ тратьтэ, кумэ, сылы, зпускайтэся на дно...

— Прошло уже четверть часа...побесились, хватит... Бросайте, говорю, скирду повредите...

— Здесь где-то сторож ходит, мотаем удочки, пока не влипли...

— Упадёшь!

Потом молчание, и вдруг со скирды ехиднейший голос: «Гони, Вадим, книги».

— Ух, мужики, вот это здорово! Вот это упорство! Да за это и книг не жалко.

Про книги Вадим в восторге хватил, книги он зажмёт, правда, Френин?

— Истинно так.

— Можешь оставить их при себе. Разве в них дело? А в скирде ночевать не придётся. Прогнила до основания.

Когда фельдшер не мог подняться на ноги, которые отказывались повиноваться хозяину частенько, посылали за доктором, а докторов, приехавших на село ломать кукурузу, было навалом.

Волин едва поспевал за семенившей впереди девчонкой.

— Отец заболел?

— Не.

— Мать?

— Не.

— Брат, сестра?

— Не.

— Так кто же?

— Бабка Киселиха, вот её хата.

Волин остановился перед маленькой, покосившейся набок подслеповатой хатёнкой. Вошёл. Огляделся. На топчане в ворохе тряпья лежала грудка костей, туго обтянутых сухой жёлтой кожей.

— Помираю, доктор, — прошамкала она.

— Да ну...а я свататься пришёл, — подбадривая себя, пошутил доктор.

— Кабы чуток раньше, соколик.

В глазах у старухи Волин заметил подобие искорок.

— Как живём, мать?

— Туго, дитятко, ой как худо. Стара, работать не могу — никому и ненужна.

— Кто же за Вами смотрит?

— А никто.

— А дети? Дети у Вас есть?

— Ох, есть, аж трое...ни один нос не кажет который уж год, а ведь я их вот этими руками... кормила...

Из-под тряпок показались руки Киселихи, потянулись к Волину. Черные, скрюченные, сухие, как клешни. Держать руки навесу Киселиха не могла, и они безнадежно опустились.

Старуха засморкалась в грязную тряпочку, а потом долго вытирала ею сухие выцветшие глаза.

Волин смотрел на руки Киселихи с тайным страхом. «Природа, природа, как ты умеешь издеваться над человеком. Ведь то, что я вижу сейчас — костлявые руки смерти — уму непостижимо! — было розовыми пухленькими ручонками, невинными, слабыми, а годы спустя — вот он первый трепет тонких худых пальцев, звонких, словно струны, от прикосновения сильных мужских рук. Женские руки созданы для ласк, для любви... женские руки созданы для того, чтобы кормить, одевать... Сколько горячих губ на земле жаждут припасть к ним, сколько колен на земле готовы преклоняться перед ними!

Но сколько на земле ещё женских рук без опоры, без ласки, без помощи!

Собрание студентов проходило бурно. Почти каждый выступавший задавал один и тот же вопрос: «Зачем?» Зачем было шестикурсников отрывать от больницы, ведь здесь без них вполне могут обойтись, они не обеспечены даже работой, не говоря о нормальных человеческих условиях и питании. Правление колхоза заверило сту-

дентов, что положение выправит. И действительно после собрания дни потекли веселее. Волин, Френин, Вадим почти не разлучались и держались несколько обособленно. Теперь всё чаще слышалось «шизофреник» уже во множественном числе.

— Друзья, нас окрестили, нам остаётся только оформить это высокое звание организационно.

Сели друзья, долго не думали, создали Общество шизофреников.

А на следующем заседании Общества уже занимались разбором заявления, т. е. конкретными делами. Заявление зачитал Председатель Общества, Волин.

— Итак, уважаемые члены, разрешите зачитать сей документ. «Естественные тела, наполняющие пространство мира сего, все без исключения наделены по неперемнным законам природы некоторою силою, направленною на продление своего существа, в разных формах проявляющуюся; подлежит доподлинно ведать, что я испокон веков влачу честное одинокое существование, но нет в моей жизни радости и утешения, яко одинокому существу, а по сему беру на себя смелость и усердие просить вас принять на себя заботу о предоставлении мне спутника, который бы по весу мне весьма подходил. Число и подпись, Бесспутникова Луна Небовна». Какие будут суждения, прошу. Слово предоставляется Учёному Секретарю.

— Я заслушал сие с глубоким вниманием, и у меня мелькнула мысль...

— Мысль, — перебил Френина Волин, — странно, даже удивительно.

— Не мысль, а сомнение.

— Это другое дело. Что ж доложите.

— Зачитанный глубокоуважаемым Председателем с большим чувством документ по крайней мере я считаю несколько неполноценным, как и всё, что меня окружает. Если говорить об адекватности данной неполноценности, то несомненно последняя может быть по плечу только нашему любимому Председателю...

— Уважаемые члены, в связи с переходом на дебаты, прошу всех лечь, — продолжайте, Секретарь, Вы очень тонко понимаете суть дела.

— Так вот я и говорю...о чём я говорю, Председатель?

— Заведующий, о чём говорит Секретарь?

— Секретарь, о чём Вы говорите?

— Я говорю о том, что...с одной стороны, Луна—это Луна, а с другой Луна — это Месяц. Так кто же, я вас спрашиваю, Луна? Луна или Месяц, т.е. она или он? Что делать, спутника или спутницу?

— Не будем делать ни то, ни другое. Народ не одобрит нас за такое расточительство.

— Позвольте, а не может здесь быть явления, носителем которого является наш Заведующий? Я говорю о гермафродитизме.

— Прошу слова!

— Слово имеет Заведующий.

— Я решительно отклоняю предположение Секретаря как идиотское. Что касается сути дела, то данный вопрос имеет две стороны: научно-философскую и морально-этическую. Имеется ли возможность существования вышеупомянутого небесного тела в свете представлений современных достижений пытливей мысли человечества, выражаясь ещё более просто, в двух состояниях, а именно: в состоянии Луны, назвём его состоянием А, и в состоянии Месяца, т.е. в состоянии Б. Чтобы ответить на поставленный вопрос, разберём все потенциально возможные комбинации и варианты форм существования затронутого тела... Итак, комбинация АБ...

— Уважаемые члены Общества, я должен приостановить содержательное, глубокомысленное выступление Заведующего для важного сообщения. Только что мы получили фотографии Луны...её всех, так сказать, сторон, все её формы и линии присутствия телам женского рода, особенно, если смотреть на неё сзади. Что касается вопроса, возникшего от употребления слова «месяц», то он оказался просто напросто недоразумением. Многие наблюдая полулуну и рога, ошибочно называли это Месяцем. Как выяснилось вышеупомянутые рога ставит Луна по земной привычке.

— Слово вновь предоставляется Заведующему для окончания своей речи.

— Секретарь, о чём я говорил?

— Председатель, о чём говорил Заведующий?

— Заведующий, о чём Вы говорили?

— Я нуждаюсь в перерыве, чтобы освежить память.

— Объявляю перерыв — коллективное посещение сада.

Заправившись яблоками, друзья вышли на широкий шлях и двинулись за горизонт. Их сопровождал хозяйский пёс.

Компания подошла к лесу. Граб, ясень, дуб, берёза, сосна, дикая яблоня перемежались с боярышником, шиповником, алычой.

Местность с холмами и оврагами придавала лесу сказочную причудливость: луна светила изо всей мочи.

Все предложения Волина отвергались как безрассудные: никто не хотел, спрятавшись, выслеживать друг друга, никто не пожелал идти через лес до конца его. Лишь пёс, казалось, был готов на всё. Что такое романтика? Ряд последовательных

или непоследовательных глупостей? И в самом деле, чего ради ночью, когда положено спать, когда воздух прохладен и влажен, идти в лес, на край леса или света, в пустыню, тайгу, тундру, лишая себя человеческих условий существования на час или вечность, теряя здоровье, ущемляя интересы семьи, детей... Что заставляет человека лишаться уюта и подвергать себя испытаниям? Что же человеку нужнее в жизни, стремиться к совершенству и страдать от несовершенства жизни, посвятить себя альтруистическим идеалам и страдать от эгоизма окружающих, или спрятаться в скорлупе личного покоя и материального благополучия, оградившись от разрушающих порывов жизненных бурь и невзгод? Для кого и для чего те герои или чудачки устремляются, очертя голову в неведомое, в призрачное, сознательно уничтожая себя постепенно или мгновенно, довольные уж тем, что имена их пригодятся обывателю для назидания потомкам. Эти герои или чудачки презируют сытость и благополучие, но разве на место палаток, вьюг и лишений не приходит тепло, покой и уют? Каждый делает своё дело; орёл охотится, курица клюёт просо. Поменяйте их местами, обое поморщатся: «Постная пища не для меня». «Мне чужой крови не надобно — своя горячая».

Хорошо мечтается, когда лежишь в душистой соломе. Проплывают над тобой облака, парусит паутина, и кажется, что не на шкире ты лежишь, а стоишь за штурвалом большого корабля, который бороздит небо. Большому кораблю — большое плаванье. Куда вести свой корабль? Куда направить свои паруса? Бросить ли вызов силам, сковывающим всё леденящей рукой консерватизма и ханжества, врезаться в полувековой лёд — и пусть что будет?! И если позади тебя останется светлая полоска пути, и если вослед устремятся другие, значит ты с честью выполнил свой долг, капитан!

А может выждать в спокойной бухте непогоду, капитан? Развесить на мачте белё и загорать в тропических широтах? Да, да, загорать, это так хорошо. Солнце непоскупится на лучи, главное, чтобы кожа потолще была.

Но ты подумай, что останется твоим детям, какую эстафету передашь ты им. Ты думал об эстафете, капитан?

Убери с мачты поскорее то, что уже успел развесить, не бросили бы этим в лицо тебе. На свете мы живём не для себя, и потому не имеем права жить плохо. Не имеем права плохо питаться и плохо работать, мало любить, творить и дерзать. В путь,

капитан, пусть взметнётся к небу чистый трепетный стяг, пусть никогда не долетит до него тлетворная пена ханжества и пошлости!

— Вот он сачок! Сюда, Френин! На скирде наш Председатель.

— Без стука не входить.

— Секретарь, какой сегодня у нас день?

— Суббота.

— Какой язык у нас официальный в этот день?

— Английский.

— Слышал, Заведующий? За нарушение устава ты лишаешься ужина в пользу общества.

— Мальчики, умоляю, только не это. У меня и так от здешних харчей уже штаны не держатся.

— Работать надо больше, мышцы нагуливать.

— Я протестую.

— Но что ты можешь предоставить в своё оправдание?

— Я принёс поэму.

— Ян Коллар, Пушкин давно уже не пишут, а моя поэма ещё не завершена, всё же остальное меня не интересует.

— Нет, серьёзно, стоящая вещь, о загробном мире.

— Когда Данте создавал пламенные терцины, он имел в виду и тебя, Вадим, читай же, несчастный, может и сгладишь пороки, которыми щедро наделила тебя природа. Мы поплачем над тобой, и наши слёзы хоть немного притушат пламя в преисподней, отчего смола, приготовленная для тебя, не будет слишком жгучей.

— Может, нам удастся выменять Вадима на Сердюка?

— Нет, в преисподней не пойдут на компромисс. Бойся и ты, Френин, за свою животную ненависть к Сердюку. Он — клевет, каких много, но не самый худший; ретивый, безмозглый исполнитель. Я ведь тоже исполнитель, правда не столь ретивый, как раньше. Я всё тот же, но мои знания о жизни расширились. Я начал понимать поступки людей и условия, в которых они совершаются. А понимать — значит прощать. Но вполне возможно, что я стал хуже. Раньше моя непримиримость вытекала из чистоты моих поступков и убеждений. Сейчас мне труднее судить других... Да и может ли вообще один человек или группа людей судить остальных? Правда, когда в руках — неограниченная власть, такие мысли в голову не приходят.

— Вот, вот, об этом я и говорю.

— Я могу возразить и тебе, и себе. Ты знаешь участь первых рентгенологов, ещё в больших масштабах происходит это сейчас с теми, кто штурмует атом. Каждый шаг вперёд в науке, в социальной жизни требует жертв. Гибнут индивидуумы, которые так или иначе обречены на смерть, зато Человечество подымается на новую, высшую ступень.

— Коллеги, совсем забыли о поэме.

— И правда, читай, Вадим, ведь споры наши всё равно бесконечны.

— Слушайте.

«Тридцати неполных лет
любо ли нелюбо
прибыл Тёркин на тот свет,
а на этом убыл...»

Волин закрыл глаза. Монотонный голос Вадима усыплял. Легко бойко лились строки поэмы. Пригревало солнце, ветерок шевелил под ухом соломинку. Френин придавил ему ногу, но освободить немеющую конечность Волин не решался, чтобы не нарушить редкое состояние растворённости в окружающем мире. Вот так лежать вечность! Но что с ним?словно тысяча мурашек пробежала по телу, словно тысяча молний пронзила сердце. Уж не лёжа слушал он поэму, а вскочив на колени. Вот они, долгожданные слова, которые он мучительно искал и не находил. Как всё оказывается просто! Просто, потому что автор носил в своём сердце каждое слово многие годы, потому что мозг, надрываясь, работал беспрестанно над каждой мыслью, а ещё потому, что не дрогнула душа, не поддалась инстинктам.

Жалкие стихоплёты-пигмеи, поэтические кастраты, раступитесь, падите ниц, згиньте. Идёт Поэт с высоким вдохновенным челом, с посеребрёнными висками. Вглядитесь в глубину и ясность его взгляда, всмотритесь в скорбный чуть насмешливый рот, знайте, мимо вас прошёл Гений.

Поэму кончили читать, когда солнце — огромный оранжевый диск — коснулось туманной синевы горизонта. На разгорячённых чтением, взбудораженных наплывом мыслей и чувств молодых людей пахнуло прохладой.

— А мы, мы кривляемся, словно юродивые, тощие умом и духом, оставляя после себя единственный след, на который и обернуться не прилично. Тридцать лет — это расцвет всех сил и талантов, это апогей, и вот мы приближаемся к нему... С чем?

Глава пятая

«Здравствуете, Елена Адамовна!

Со временем я всегда не в ладу. Вот и сейчас оно струится так быстро, что не замечаешь его, а я смотрю на это, и обидно до слёз становится, что проводить его нам приходится порознь — теряется столько волшебных мгновений. Но ещё более досадно, что время течёт не достаточно быстро, и наша встреча ещё так далека. Сейчас я постоянно думаю о Вас, думаю с безграничным уважением и неиссякаемой нежностью. Закрою глаза — и вижу Вас, умную, добрую, ласковую — и мне становится легко, я чувствую себя настоящим мужчиной, но, к несчастью, такой Вы предстаёте далеко не всегда, чаще я вижу Вас строгой, холодной и неприступной с обжигающим презрительно-насмешливым взглядом, тогда мне хочется оставить Вас, исчезнуть, испариться, что и случилось бы, если Ваши руки не были так горячи, губы так сладки... Я преклоняюсь перед Вами, Женщина!

Что-нибудь хорошего о себе мне писать нечего. Меня всегда преследуют неприятности, я всегда на плохом счету у начальства. Всегда и везде так: что непонятно, то плохо. Но кто виноват, что глупцов на земле, как звёзд на небе! Вот и выходит, что дорога жизни похожа на Млечный путь.

Ваш непутёвый друг, Борис Френин».

«Борис Ильич!

В моих руках — письмо, не Ваше, нет! Письмо из Москвы от друга, с которым я делилась своими чувствами, пришедшими ко мне вместе с Вами, мой мальчик. В этом письме — чёрным по белому:

«Чувства человека неисповедимы, мерой не обмеришь, на весы не положишь. И всё же, если сильна духом, если хочешь сохранить светлую память о своём чувстве, остановись сейчас, потом будет поздно».

Ты слышишь, что советует мне мой друг?

Я и сама это прекрасно понимаю, но мне так хочется ещё поговорить с Вами, в Вас есть что-то, присущее только Вам, и это Ваше бесконечно дорого мне.

На Ваше письмо я бы не ответила, но мне сейчас просто необходимо тёплое сло-

во. Дома неприятности: сын, которого я так обожаю, решил разойтись с женой, муж незаслуженно грубо оскорбил меня...

С уважением Е. А.»

«Дорогая Елена Адамовна!

Я, наверно, очень виноват перед Вами, но постарайтесь меня понять. Среди крикливой безликой толпы бесцельно брёл я, не сливаясь с ней, и я гордился, что не запродам совесть корысти, не сделался ни идолопоклонником, ни рабом. Так почему все сторонились меня? Почему я был чужим среди близких, диким среди людей? Почему мне нехватило места под солнцем? Безусый юнец, опустив плечи, я шёл, не зная, куда и зачем, смешной в своей гордости, жалкий в своём одиночестве. Когда Вы встретили меня, худого и мрачного, я изнемогал от телесных и душевных мук. Вы нашли в своём большом сердце столько тепла и света, сколько понадобилось, чтобы вернуть мне силы и дар речи, который я очевидно должен был употребить для моей благодарности за тепло и свет. Моя речь лилась легко, слова звучали убедительно, Вы внимали мне, Вы, женщина, познавшая жизнь и не растратившая веру в неё, слушали речи младенца о том, что мир холоден и мрачен, что люди эгоистичны и злы, и в Ваши артерии проникал тлетворный яд неверия и тоски. Зачем Вы отогрели меня и дали возможность говорить?

Ваш Френин»

«Мой мальчик, родной мой!

Вы мой нежный хрустальный сосуд, который я несу на вытянутых руках и так боюсь разбить... Вы мой Бог, моё счастье! Когда у меня горе или радость на душе, я читаю Ваши письма, вспоминаю Ваши полуопущенные веки, пронизывающие глаза, красивые тонкие руки. Меняется природа, люди, вкусы, взгляды, не меняется лишь любовь, но любовь — не вечна... Когда уходит любовь, жизнь теряет смысл... Мальчик, помните, жизнь шутить не любит. О встрече мечтаю и боюсь её, боюсь Вас разочаровать. Я Ваш друг очень большой, надёжный в Вашей жизни и борьбе! Порою женщина может сделать очень и очень много. Я живу интересной полноценной жизнью, мой факел — Вы! Ах, как хорошо жить на свете!

Горячо любящий Вас, Ваш друг»

«Мой мальчик

Я не писала тебе и не отвечала на твои отчаянные письма потому...потому что я умирала. Да, да, и это было ужасно! Месяц тому назад у меня появились...в общем всё так, как бывает при раке. Описывать всё, что творилось со мной— у меня нет сил. Я подсчитала, что в ноябре должна умереть, подготовила к сдаче все дела, написала посмертные письма сыну и другу в Москву... Каждый день я писала прощальное письмо к тебе, но так и не смогла написать его. Ноги едва слушались меня, пролито море слёз. Можешь представить, на кого я была похожа...Мысленно я решилась на всё...не ждать, а сделать самой несколько шагов навстречу... Я ждала окончательного результата, уже примирившись с судьбой. И вот я снова живу, дышу, радуюсь! И наконец, я сумела написать тебе письмо, мой желанный! Приезжай!

Твоя Е. А.»

Глава шестая

Осень нагрянула внезапно и бесцеремонно начала насаждать свой беспредел. В этом хаосе Волин не находил себе места. Было что-то потеряно, а может быть, не найдено. Была неопределённость, была тоска. И несмотря на непогоду, он вышел из дома и по шиколотку в грязи побрёл по Заречной. Но после деревенского раздолья городские улицы казались тесными, и его потянуло к реке, как будто она одна могла его успокоить, утешить. Он видел, как ветер хватал несчастные деревца и крутил ими, как собака хвостом, срывал золотые листочки и, швыряя наземь, втапывал их в грязь. Серые волны тихони Буга волками набрасывались на берег, который раскис и расползлся от яростных набегов. С пеной на волнах река грозно рычала. Ледящийся дождь своими длинными, худющими руками старался схватить за шиворот, отчего Волин ёжился, а по спине пробегал предательский холодок. Мутные лужи вокруг шамкали своими коробящими поверхностями. Волин наступал на них, погружаясь во что-то липкое и холодное. Он старался не замечать их, тогда видел небо, которое постоянно менялось в лице.

«Что ему нужно от меня, — раздражался Волин, — я никого не боюсь!» И он глядел на небо в упор, вызывающе и гордо, и ничто не могло помешать этому суровому поединку взглядами.

Он ждал Волина возле института. Волин сразу узнал своего соперника, хотя видел его однажды, столкнувшись с ним в прихожей у Розетты. Тонкие правильные черты лица, не-помужски яркоалые губы, капризный рот, бледный лоб, горящие глаза, яркий румянец по обе стороны потного носа. «Психопат» — сделал заключение Волин с чувством собственного превосходства. Но что Волин знал о нём? Зовут Евгений, учится в техникуме. Из интеллигентной семьи.

А Евгений между тем говорил, говорил торопливо и очень неестественно. Он хотел быть на уровне с Волиным, и никак не мог взять нужный тон. Он стремился произвести эффект, и потому всё было фальшиво, всё шло не так, как он воображал. «Простите моё бесцеремонное нарушение Вашего покоя, но прошу, выслушайте меня. От Вас зависит очень многое в моей судьбе, поэтому я и обращаюсь к Вам. Это случилось семь месяцев и семь дней тому назад. Это был незабываемый вечер.

Мы с товарищами стояли возле танцевальной площадки, решали проблему, идти или не идти на танцы. И вдруг каждый из нас повернул голову в одном направлении. К танцверанде приближалась девчонка. Одета она была скромно, но со вкусом, высокая причёска с чёлочкой подчёркивала её стройность, ситцевое платьице с неглубоким вырезом облегалo её покатые нежные плечи, красные туфельки на тонком каблучке четко стучали в такт сердца. Проходя мимо, она так мило и непосредственно ответила на моё приветствие, что я на коленях готов был идти за нею вослед. И сколько Вы думаете было ей лет? Пятнадцать, всего пятнадцать. Это была она, Розетта, Ваша невеста. Мы, конечно, все остались на танцах, но танцевать с Розеттой посчастливилось только мне. Как мне завидовали друзья! С тех пор я живу только ожиданием встреч с ней, с тех пор я знаю, где она находится почти в любое время суток, знаю все её маршруты. Она ко мне относится хорошо. Однажды она рассказала мне о Вас. И когда позже я увидел Вас вместе в парке, именно таким я Вас представлял с её слов. В свои годы Розетта очень содержательна, развита. Но кого благодарить за это, как не Вас? Но мне всегда казалось, что ей в Вас что-то не нравится. Послушайте, Борис, Вы хороший чистый парень, вы найдёте себе достойную жену... Об одном прошу Вас, откажитесь от Розетты, отдайте мне её. Ну, что Вы хотите за неё? Всё отдам, всё что есть у меня. Ну, скажите ей, что встретили девушку, что Вам придётся расстаться или...в общем Вы умный парень и сможете всё устроить. Всё равно же Вы её не так сильно любите, как я. На коленях умоляю, уступите её мне! Ну, если хотите, вот сберегательная книжка, все деньги до копейки будут Ваши. Клянусь, никогда в жизни она не узнает об этом! Я как дурак, радуюсь при одной только мысли, что Вы уйдёте с нашего пути. Простите, если моё предложение оскорбляет Вас, но другого выхода у меня нет, я в отчаянии. Я не знаю, что я сделаю с собой, если она не будет моей, если она достанется Вам; запомните, что от таких несчастных, как я, Вам не избавиться всю жизнь. Что же Вы молчите?

— Просто мне нечего сказать.

— Что же мне делать?

— Бери её...если сможешь.

Наверное, ещё никогда Евгений не выглядел так хорошо, как в этот вечер. От кожи исходил легкий аромат огуречного лосьона, волосы удачно уложены в перманент, чуть-чуть надушены Красной Москвой. Сегодня очень важный день у него, сегодня

будет решаться вопрос жизни. Евгений полон решимости объясниться с Розеттой до конца. Он чувствует в себе и силу, и способность настоять на своём. Твердя почти вслух слова, которые он скажет ей, Евгений пускается в привычный маршрут. Он знает, что Розетта обычно находится дома одна в эти часы, но замер у двери, прислушиваясь. Наверху послышался шум, Евгений отскочил от двери, когда наступила тишина, снова приблизился к ней и опять прислушался. Сзади послышались шаги, Евгения с площадки словно ветром сдуло. Но вот заветный звонок, наконец, прозвучал, и дверь открылась. На пороге стояла Розетта в своём неизменном халатике.

— Можно?

— Проходи.

— У меня выдался свободный вечер, решил зайти.

— Я уроки делаю.

— А у меня — билеты... в кино, не пойдёшь?

— Но ты же знаешь, если я пойду в кино, уроки будут не выучены.

— Прости, я действительно эгоист... Я ничего не делаю хорошего людям... но что хорошего делают мне? Ты, например?

— А что я могу?

— Ты можешь сделать для меня всё, понимаешь, всё!

— Но что?

— Я хочу, чтобы ты была со мной, только со мной.

— Но у меня есть друг.

— Борис?

— Да.

— Борис ушёл от тебя, он ведь не приходит к тебе сейчас? Он мне сам сказал...

— Так это ты ему наговорил на меня, ты?

— Я ничего, я..

— Я знаю, ты все усилия приложил, чтобы развести меня с Борисом, но и с тобой я дружить всё равно не стану. Я не могу, ну, веришь не могу тебя уважать, не говоря о любви, я тебе даю честное слово, что ты мне уже больше двух месяцев безразличен, да и сначала я тебя не любила, а просто было увлекательно. Я же тебе сказала, что если ты поссоришь меня с Борисом, то я возненавижу тебя. Я себе никогда не прощу той глупости, в которую ты завлёк меня своей горячкой. Мне никто не сможет заменить Бориса, никто, никто! Я не разрешу никому больше даже прикоснуться ко мне из-за любви к нему. Раньше я просто не давала отчёт своим поступкам,

но теперь я многое поняла. Но ты! Не подойдешь ты и близко к моей двери, иначе я сделаю такое... что в голову взбредет! Я ненавижу тебя, а его люблю, меня всюду окружают вещи Бориса, так что мысль о нём не остановится никогда! Уходи! В настоящее время ты мне самый противный, самый лживый, самый... самый...

В квартире Розетты загремела дверь, задребезжало стекло, и стало тихо, совсем тихо.

Борис давно решил, что с Розеттой всё покончено, но странное дело, стоило ему сказать это вслух своему сопернику, как мысли о ней вспыхнули с новой силой. Яркие картины, героями которых были Евгений и Розетта, стояли перед глазами. Сколько он ни отмахивался от них, сколько ни издевался над собой за собственные замашки, избавиться от страданий не мог. В первую очередь страдало самолюбие; при одной мысли, что она смеялась над ним, у него сжимались кулаки, с пересохших губ его срывались грубые грязные слова. Дело, конечно, не в том, что она предпочла другого, хотя и это оказалось мучительным, но как можно, не унижая друга, встречаться с другим? Сколько порочного должно быть заложено в ней, если она уже теперь способна на это. Припоминались всё новые и новые оттенки в её поведении, в словах, которые сейчас красноречиво говорили о лжи, измене. Может их набралось не так много в потоке чувства, но они песчинками осели на душу и царапали её. Да, в последнее время её мысли и чувства стали уставать вращаться вокруг него, всё чаще и чаще отвлекались от своей орбиты, выписывая всё более неверные круги. Он должен был давать ей пищу для ума и сердца постоянно, и он делал это, пока тщеславие питалось мыслью, что он является единственным наездником, который не только может усидеть на своенравной лошади, но и править ею. Он стал замечать, что она приходит к нему, раздарив игру глаз, смех и улыбки другим, растрапив нежные слова и шутки, потеряв тепло рук и сердца, приходит опустошённая, уставшая, похолодевшая, чтобы согреться, отдохнуть и вобрать в себя жизнь. Только для этого он нужен ей, но он сам хочет пожинать и смех, и огонь, и улыбки.

Так ли беззаботен её смех, так ли игривы её глаза теперь? Борис, представил Розетту несчастной, слабой, больной, что и вправду может быть. Да нет! А если... да. Но ведь эта взбалмошенная девчонка предала его, постоянно предавала, позволяя каждому ухаживать за собой. Почему же он должен думать о её здоровье, о её душевном благополучии? Ерунда всё.

Как таскались за ней, так и таскаются... Вакантное место у неё на диване не пустует... А если всё-таки больна?

Опять совесть... В конце-то концов... Всё ясно, любви больше нет, ему ничего не нужно от Розетты, осталось только одно: убедиться, что он ей не нужен, что он не причинил ей вреда... Одним глазом взглянуть... Да разве такая способна страдать? Кокетничает, как всегда...

Волина вдруг подняло с постели, одело, обуло и погнало к окошку Розетты. Как кошка, единым духом вскарабкался он на клён и заглянул в окно. Розетта сидела за столом, за раскрытой книгой... Да, эта упрямо склонённая головка может хоть у кого поубавить решимости. «Вот так дела, брат», — вслух проговорил Волин, обращаясь, видимо, к клёну. — Как хотел бы видеть всё, знать всё, как хотел бы я стать клёном под окном любимой... Быть клёном под окном милой — удачная метафора!» Возвращался домой Волин почти бегом. Бумага и карандаш ему были просто необходимы, как воздух для горения. Ночь напролёт в комнате у него горел свет, всю ночь лихорадочно рылся он в словах, выбирая лишь самые необходимые.

Сонет

Тревога за тебя, быть может, и смешна,
быть может, опасения нелепы,
но, милая, жизнь наша так сложна,
а сердце (им ведь чаще мыслят!) слепо.

Чтоб видеть мог тебя я день и ночь,
хотел бы под окном твоим быть клёном,
я всей листвой старался бы помочь,
иначе сгинуть мне в тоске зелёной.

Смотрел бы я в окно твоё влюблённо,
стучал в окно, когда б споткнулась ты,
а если б пала вдруг — в окно бил иступлённо...

И пусть тогда засохнут корни клёна,
и пусть осыпятся тогда листья,
пусть их развеет ветер разозлённый...

Сонет

Люблю тебя я страстно, беззаветно,
но не унижусь я, обиды не стерплю,
и если ты любовь оставишь без ответа,
то в гордости — её я утоплю.

Так точно и поэт влюблён в стихи,
они уносят от земных стихий
к его стихии вымысла чудесной,
и он парит на крыльях звонкой песни,

и свой направив над землёй полёт,
о звездах вдохновенно он поёт
и страстно к солнцу, к свету призывает,

но вот, спустившись вниз на землю, он
всеобщим равнодушием смущён
и, оглянувшись, скорбно умолкает.

На следующий день, как только стемнело, Борис и клён встретились вновь. «Подсобика, браток», — бубнил, карабкаясь на подоконник. Розетта стояла посреди комнаты в шубке. То ли откуда-то пришла, то ли собиралась уходить. Он впился взглядом в её лицо, стараясь прочесть на нём всё, что было скрыто от него временем и расстоянием. Она стояла посреди комнаты, как будто не зная, что делать, как будто вспоминая что-то. Взгляд её, обычно быстрый, живой, сейчас растерянно блуждал по комнате. Вот он скользнул по окну, за которым дрожа от напряжения притаился Борис. Она ничего не заметила. Так и должно быть, в освещённой комнате вечером окна черны. Но вдруг, словно что-то вспомнив, она вторично бросила взгляд на окно, но уже быстрый внимательный. Ещё мгновение, и она бросилась к двери. Борис слетел вниз и через снежные сугробы метнулся к сараям. Когда Розетта прибежала к окошку, то увидела лишь следы на снегу.

Она пошла по ним, стараясь попадать туфельками в оставленные на снегу отпечатки ботинок. Звёзды весело перемигивались, снег добродушно поскрипывал под но-

гами, шекотал лодыжки. Выбежала Розетта за сарай, но и там — никого. Обиженная побрела в дом. Вот она скинула шубёнку. Тоненькая, бледная. Дует на окоченевшие ручонки. Села. С лукавой сердитостью исподлобья глянула на окно. Голова Бориса чётко вырисовывалась за ним на фоне фонаря. Розетта улыбнулась. Снова сердито глянула. Показала язык. Потом начала манить пальчиком. «Нет», — закачала голова. Тогда пальчик спросил, можно Розетте выйти к нему. «Да», — закивала голова.

Розетта выбежала во двор в одном ситцевом платье. Никого нет. Она сердито фыркнула и замахала тонкими голыми руками, как птица крыльями, но не полетела, а как-то неуклюже запрыгала к своему крыльцу.

В окне взоры их встретились вновь. Розетта поинтересовалась, трудно ли держаться на подоконнике. Борис соорудил страдальческую гримасу и дал понять, что в любую минуту может сорваться и разбиться на смерть. Потом она спросила, как он сдал зачёты. «Отлично». А как дела у неё? Она жестами мимикой рассказала, что на литературном вечере читала монолог Чацкого, что на новогодний бал-маскарад шьёт печальный наряд — костюм «Ночь», а ещё она благодарит за то, что он пришёл, наконец.

Да, первый шаг сделан. И всё опять стало ясно и просто. Любовь существует, она в самих нас. От неё не уйдёшь, не спрячешься, потому что никому не дано уйти от самого себя.

Ни одна книга ещё не будоражила так Волина, как этот маленький розовый томик демона. Обычная из века в век повторяющаяся история: пылкая юношеская любовь-песня, сердце без раздумий отдаётся в обожаемые руки с мыслью, что бы ещё дать в придачу. А с беззащитным сердцем поиграют небрежно и выбросят. Сердце побьётся в пыли, потрепешет, обольётся кровью, и затихнет под образовавшейся оболочкой из грязи и крови, но не умрёт, а будет платить злой насмешкой всему, что ранее для него было ценно и свято.

Не сразу Волин услышал звон монет об оконное стекло и оторвался от книги.

Он бросился к выключателю, а в следующее мгновение — к окну. К деревцу напротив его дома прижималась знакомая фигурка. «Она». Несколько раз мигнув лампочкой, Волин быстро оделся, и прихватив с собою яблочко, вышел. Его Розетта стоит с портфелем в руках — уроки пошла делать — губки холодненькие, нос влажненький.

— Добрый вечер, Белочка.

— Добрый вечер... Я кидаю, кидаю, а тебя всё нет. Столько денежек забросила...

— Сочувствую, но не горюй, ешь яблоки.

— Спасибо... А куда мы пойдём?

— Куда-нибудь. Хочешь, пойдём к реке? Ты не замёрзла?

— Нет.

Они вышли на старгородский мост. Река лениво растянулась под ним. Ей было душно, и она сбросила в некоторых местах ледяное покрывало. Ветер, свернувшись в клубок, дремал, словно собака, и оттого, что эта собака во сне произвольно шевелила хвостом, струились жидкие потоки сырого воздуха, которые запутывались в волосах, ресницах, в воротниках людей. С противоположного берега с небольшой скалистой горы сползал белый туман, обволакивая кусты, деревья, дома.

— Давай, Белочка, на гору взберёмся, давай?

— Давай.

Снег был мягкий, слегка осевший, но всё ещё глубокий. Молодые люди проваливались в него, скользили, скатывались вниз, набивая снег в обувь до отказа, но карабкались снова, где на четвереньках, а где как попало, помогая друг другу, хватаясь за кусты, камни, за малейшие выступы почвы. Ещё усилие — и вершина взята. Вырвавшийся было победный клич оборвался. Волин даже затаил дыхание из-за боязни нарушить тихое очарование увиденного. Подружка прильнула к нему и тоже притихла.

— Вот он, наш город, как есть!

Тысячи огоньков вдоль реки, знакомых и незнакомых. Улица Заречная кажется Млечным путём. А по сторонам его — созвездья огоньков, целые миры и мирки, и отдельные солнца! Одни из них загораются на глазах, другие гаснут.

И над россыпью вечерних мигающих огоньков нависло нечто огромное, необъятное. Безмолвно разглядывает оно мириадами своих глаз пылинку, возымевшую дерзость уподобиться этому нечто. Но оно не замечает город и не ведает о нём ничего, ведь город — это песчинка, живущая мгновение и превращающаяся в прах, эта песчинка не в состоянии удержаться на одном луче, идущем оттуда миллионы и миллиарды световых лет.

— Боря, я лучше.

— О как я мог хоть на минуту забыть это! Ты, моя любовь, лучше всего на свете! Ты и солнце, и звёзды, и Млечный путь, и Вселенная, и я, я — властелин всего этого!

— Что-то прохладно...немножечко, — Розетта поёжилась, и плотнее прильнула к Волину.

— Иди сюда...

Волин между камней растелил своё пальто, сел и потянул к себе Розетту.

— Сейчас тебе хорошо?

— Да, милый.

— Я тебе не милый, а строгий профессор, и ты сдаёшь мне экзамены. Не засыпишься?

— Нет, — Розетта залилась серебряным колокольчиком. Волин вторил ей медным. Розетта беззаботно резвится. Вот она упёрлась коленками в живот Волину и качается, как будто сидит она на диване, а не на живом человеке.

«Сейчас лопну», — кажется ему.

Розетта склонила набок головку с мыслью «Что бы ещё натворить». «Вот она вся предо мной, — думает между тем Волин, — со всем хорошим и плохим, именно такую её и люблю!»

Возвращались они домой за полночь. Борис довёл Розетту до подъезда и собрался уже уходить, как вдруг услышал резкий и властный: «Борис, а ну-ка войди!» Ему ничего не оставалось делать, как войти в дом.

— Добрый вечер, Анна Станиславна, — поздоровался он.

— Садись, Борис. Ты знаешь, что у нас творится? Моя дочь через ноги переступила, пошла. Одежду её закрыла — плевать, говорит, на неё, всё равно буду ходить. Борис, ты знаешь, как я больна, а она до двенадцати, до часу ночи ходит, я все углы оббегала, все сроки прождала...Думаю, почему Борис сам к нам не заходит, ведь есть и квартира, есть куда пригласить, есть, на что сесть... Всё хорошо было, пока этот сопляк Женька не появился, я бы загрызла его; белогорячечный, вечно по углам торчал...Я вообще не думала, чтоб она с таких лет гуляла, но если попался человек...Ой, Борис, ты мне полюбился, я к тебе относилась лучше, чем к сыну, я так рада была, что ты ходишь с ней, я верила вам, может, зря. . Но что случилось, или обидела тебя?

— Нет, конечно; не приходил, потому что ещё не принял твёрдого решения...

— Тебе этот молокосос наплёл всякое. Ты не знаешь, как я переживала, ведь мне пришлось к его матери бегать... Его ведь бес таскал пятеро суток где-то, поскандалил с отцом...

— Не был бы Евгений, был бы другой...

— Я уж думала, думала, ты вот институт кончаешь, жениться пора, а ей ещё в

школе учиться да учиться. Встретила я знакомую, жалуется мне, студент взял дочь её десятиклассницу, зачали ребёнка и разошлись, а я слушаю и думаю, а ведь у меня тоже студент.

— Мне очень жаль, что с дочерью у Вас нет контакта, но дело это поправимое. Я надеюсь, что Вы не будете возражать на наш брак.

— Я и сама не знаю, как поступить с ней... А в день рождения мы все тебя ждали. Когда звонок вдруг зазвенел, она со всех ног бросилась открывать, думала ты. А это припадочный позвонил, и убежал, воткнув в дверь брошь, подарок, значит. Ох, смех да и только.

— Уж третий час, Вы, Анна Станиславна, ложитесь, а я верну беглянку. Она там оконечела, наверно. До свидания.

Выйдя во двор, Борис сразу увидел Розетту, тоненькую, хрупкую. В груди у него зашевелилось, защемило, и он чуть не захлебнулся вдруг от нахлынувших на него нежных чувств, и вместе с тем он не мог удержаться от улыбки, уж больно забавно выглядел родной человек, маленькие ручки сунувший в рукава лёгкого пальтеца, мерно постукивающий башмачками, тщетно стараясь отогреть оконечевшие ноги. Ему захотелось отогреть её своим дыханием, но она была колючая и холодная, как сто сосулук.

— Отстань, иди к ней.

— Ты думаешь, что говоришь.

— Иди, иди, развесь уши и слушай, думаешь всё правда, что она говорит?

— И ничего не думаю, а хочу согреть тебя.

— Я не могу больше, вечно она упрекает меня, если не куском хлеба, то тряпками.

А ты учил меня по другому на них смотреть.

— Но зачем бежать из дома, зачем скандалить?

— Извини меня, я так плакала, так плакала...

— Бедненькая...

— Скажи, любимый, как я могу доказать свою любовь к тебе?

— Сладкая моя, я верю, что нас больше ничто не разлучит. А мать не трогай, она прожила жизнь, полную унижения, нищеты. Она создала, наконец, свой долгожданный мир, а ты выпорхнула из него, потому что этот мир слишком тесен для юных, слишком беден для любознательных, слишком непрочен для сильных, но тебе в нём приходится жить, бойся стать рабыней его, не будь упрямой, уступи в мелочах, но будь твёрже алмаза, если заденут твоё сокровенное!

Весна идёт. Весна приносит новые надежды, новые желания. Если они не исполнятся в одну весну, наступят другие вёсны, надо только уметь ждать, надо уметь верить в весну. Весна — лучшая пора в природе, поэтому лучшую пору жизни человека называют весной, поэтому лучший период жизни страны называют весной.

Пусть не дано нам рождать весну, но кто запретит говорить и мечтать о ней!?

Птицы не приносят весну на крыльях, но сами летят на крыльях весны и приносят весной свои песни, ведь весны без песен не бывает. Весна открывает дверцы клеток, вот за это и славят птицы весну!

Разные пути-дороги открылись перед выпускниками института, пусть в выборе своего пути не всё зависело от каждого в отдельности — иначе вряд ли возможно — но разве не зависит от каждого, чтобы путь его был достойным песни!

Френин блестяще сдал вступительные экзамены в аспирантуру Киевского неврологического института. Волину предстоял далёкий путь в Сибирь, он сам выбрал место работы. Друзья распрощались, и кто знает, возможно, навечно. Волин и Розетта перед тем, как отправиться в самостоятельный путь сыграли скромную свадьбу.

— Неужели у всех медовый месяц проходит так, как у нас? Мёда почти не видно, один хрен да редька.

— Не смейся надо мной, а то кушать не буду!

— Ну и не ешь, я твоим капризам не потатчик!

— И не буду.

— И не ешь... — Чувство юмора начало покидать Волина, может быть, потому, что рот его уже давно был затоплен слюной, под ложечкой сосало, завтрак остывал, но поднять с постели жену он так и не мог.

— Без сопливых обойдёмся, — сказал он и сел завтракать сам. Розетта притихла. По мере насыщения злость у Волина проходила, но настроение с самого утра было испорчено. Всё ещё продолжая жевать, он снова и снова возвращался в мыслях к их отношениям. «В чём дело? Лишь стоило им расписаться, всё пошло кувырком. Неу-

жели супружество несовместимо с любовью? Ещё недавно, он шёл на свидание, как на праздник, торжественно готовился к нему, его воображение вскипало... А сейчас они — рядом день и ночь. О чём мечтать? Нет, нет, не то, не то... При слиянии двух жизней, как двух рек, поднимается муть, песок, камни со дна, образуются водовороты, чем мельче реки, тем больше мути, чем глубже реки, тем опаснее водовороты...»

Розетта тем временем начинает всхлипывать.

Видя, что муж не обращает на это внимание, причитает:

— Кроме мамы никому до меня дела нет...

Волин наевшись, уходит в другую комнату, едва сдерживаясь от смеха, наблюдает, как Розетта, оставшись одна, подбегает к столу и смачно уплетает завтрак за обе щёки.

«Она ещё совсем ребёнок, как я буду с ней?» — думает Волин. «Ребёнок?» — вдруг с ожесточением чуть ли не вслух повторяет он. В памяти вспыхнули картины, связанные с Евгением, другими поклонниками её — всё то, что он уже знал, а что ещё скрыто от него! Ведь то, что становится известно, всегда лишь ничтожная часть совершаемого. У неё нет принципов... что такое стыд, кажется, ей тоже неведомо... Но зато есть смазливое личико и спесь. Что же тебе ещё надобно?»

Нерадостные мысли Волина были прерваны стуком в дверь.

— Кто там, — Волин подошёл к двери, прислушался.

— Кто там, — повторил он.

— Открой, это я.

Первая мысль была о Френине. «Да нет, не может быть, он в Киеве». Волин открыл дверь, в комнату ввалился пьяный человек.

— Что Вам нужно? — загораживая дорогу, спрашивает Волин

— Не узнаете, Борис Евгеньевич?

Волин смотрит на незваного гостя. Покачиваясь, перед ним стоит здоровенный детина, грубое широкое лицо, отёчные красные веки, глаза маленькие, мутные, блуждающие, в уголках губ слюна... Волину знакомо это лицо.

— Ты не смотри на меня, как буржуазия, — гость делает попытку пройти дальше.

Волин берёт его за плечо и вдруг слышит из-за своей спины:

— Юрка!?

Волин оглянулся на жену. Розетта стоит бледная, растерянная. Связь между этой растерянностью и этим визитом очевидна. «Что, что ещё?»

— А, не забыла, значит... Ну-ка пусти меня к ней, разговорчик есть...

— Борис, не пускай его, он же пьяный!

Страшные подозрения ослепили и оглушили Волина.

Он посторонился. Юрка приблизился к Розетте.

— Ну, Розка, посмотри на меня, ты ни с кем меня не путаешь?

Розетта вся дрожа закричала Волину:

— Ну, Борис, я буду иметь дело не с ним, а с тобой, я тебе этого никогда не прощу!

Волин уже понял, что поступил мерзко, но ему всё ещё казалось, что он узнает о жене что-то очень важное и потому не мог сдвинуться с места.

— Перекинулась к чистеньким, сука.. А ну-ка спроси меня, где я был эти три года... Тебя не интересовало, куда я исчез... Ты день рождения справляла, хохотала, а меня били...

Юрка всхлипнул, растёр слезы и слюни по лицу.

— Знаешь, как били... А ведь я для тебя старался, часы золотые достал... К дню рождения...

Юрка угрожающе двинулся на Розетту. Волин кинулся навстречу и закричал:

— Уходи, уходи быстрее, Розетта!

— А, и ты за неё, сука! Ну, погоди... А ну ни с места! Если она уйдёт, тебе не жить!

Рука Юрки заскользила вдоль брюк и исчезла в правом кармане. Юрка стоял, широко расставив ноги, всё ещё покачиваясь, но глаза его густо налились кровью, вид его был страшный, как у гусака, готового к бою.

— А ну, падла, стань здесь!

Одной рукой Юрка показывал на середину комнаты, другую, вынутую из кармана держал за спиной.

«Неужели я буду ранен?» — думает Волин и настороженно смотрит в мутные глаза Юрки.

В голову ничего не приходило лучшего, как стоять — весь внимание, стоять и смотреть, глядя на противника в упор и твердить про себя: «Не посмеешь, скотина».

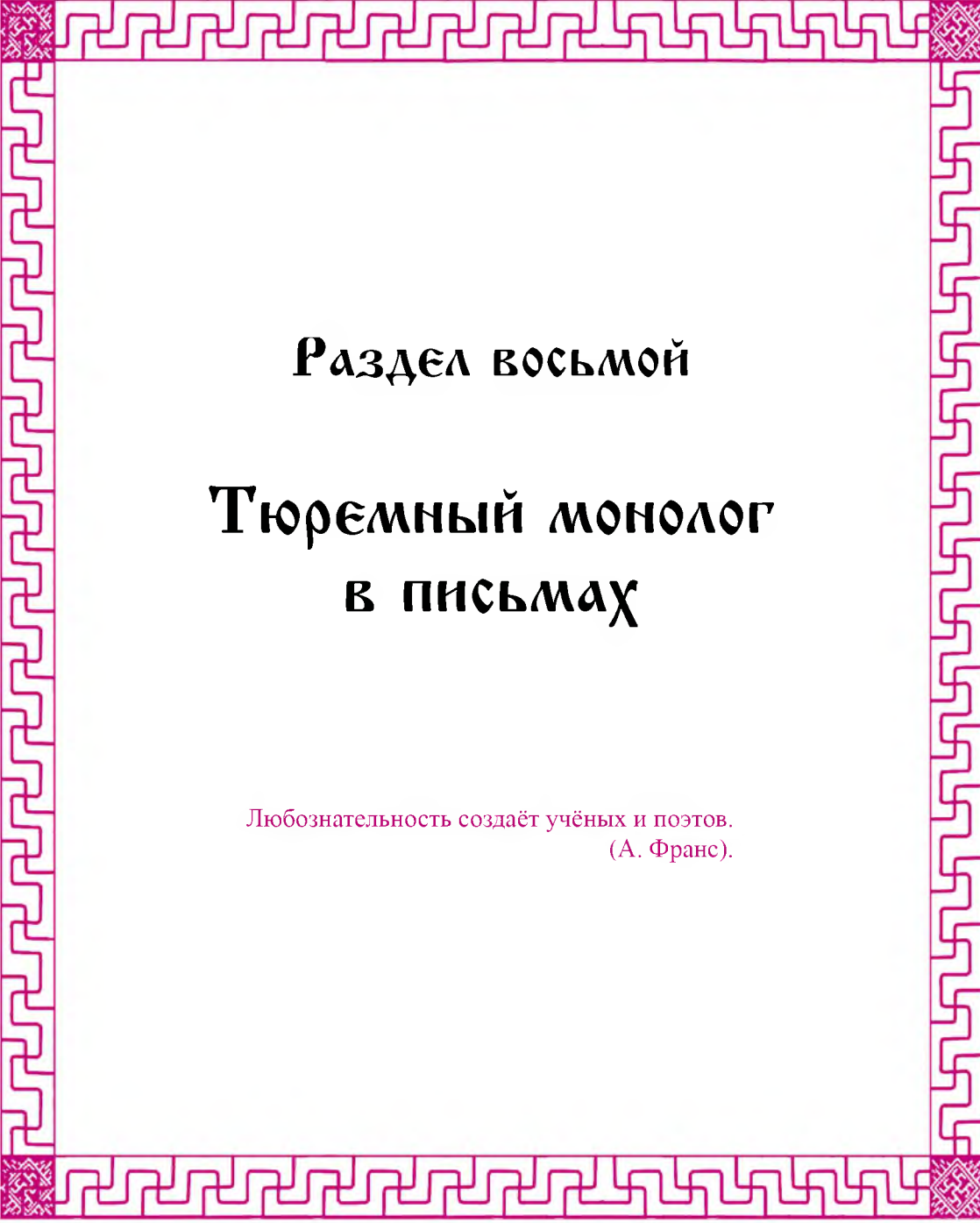
Розетта тоже не двигалась с места. Сколько это продолжалось?

— Боря, беги! — закричала, наконец, она.

Юрка вздрогнул и повернулся к ней. Волин метнулся к Юрке, и уже ничто не могло задержать непрошенного гостя ни в комнатах, ни в коридоре. Волин даже не сразу заметил, что Розетта помогает ему. Все трое они оказались на пороге. Но тут Юрка ухватился за ручку двери и, казалось, никакая сила не могла разжать его руку. Волин, наверно, тоже терял человеческий облик. Вдруг кепку с головы Юрки, как

ветром сдуло, а туфелька Розетты своим каблучком-гвоздиком стала вбивать в непутёвую голову Юрки последние напутствия. Глаза Розетты потемнели, заволоклись слезой, а она всё колотила и колотила. Прежде, чем спустить гостя с лестницы и захлопнуть дверь, Волин неприязненно подумал: «Зачем она его так».

Остаток дня супруги провели в разных углах квартиры. Каждый мысленно прокручивал вновь и вновь уже пройденный отрезок своего жизненного пути.

РАЗДЕЛ ВОСЬМОЙ

**ТЮРЕМНЫЙ МОНОЛОГ
В ПИСЬМАХ**

Любознательность создаёт учёных и поэтов.
(А. Франс).

Первое письмо

Третье утро встречаю в камере предварительного заключения Ширинского РОВД. Прямоугольная три на четыре метра обшарпанная комната с цементным полом, с бачком воды и парашей в левом углу, с деревянными нарами на всю длину, так что уместиться на них может до дюжины арестантов. Постельных принадлежностей — никаких...

Передо мной — глазок в массивной железной двери, над которой днём и ночью горит стоваттная лампа — моё солнце. На ночь я закрываю его алюминиевой тарелкой, чтобы не слепило глаза. Надо мной — узкое, как амбразура дота, окно из двухмиллиметрового железа с просверленными через каждые два сантиметра в три ряда отверстиями. В пять часов утра через оконное решето солнце начинает продавливать свои лучи, кончающиеся на противоположной стене солнечными зайчиками, величиной с тюремный глазок. Дрожащие солнечные струны-лучи образуют между двумя стенами камеры ткацкую основу из параллельных солнечных нитей. Это феерическое явление рождено солнцем и начальником милиции, приказавшим окно, через которое сбежали однажды из камеры заключённые, «застеклить» металлом с просверленными дырами. Свет и свежий воздух проходят, а фраера уже не пройдут. Хотя до зимы ещё далеко, но и осенний сибирский утренний воздух, стекающий по стене через оконную «мясорубку» на непутевые головы «пассажиров», вполне способен их освежить.

Просыпаться рано утром и часами лежать без движения — моя извечная привычка. За время утренних «смотринок» и на себя налюбуйешься, и на людей поглядишь, и в прошлое присмотришься, и в завтрашнее заглянешь. В тюрьме утренние бдения особенно дороги. Они позволяют мне хоть на короткое время, хоть мысленно прочертить вокруг себя меловой круг..

Чем ближе утро, тем меньше становится моего личного пространства вокруг меня. Вот одна из солнечных лучиков-нитей задрожала, и, как в камере Нильса Бора, проявился силуэт паука. Он с остервенением пытался сплести свою паутину с опалесцирующей солнечной струной. Вспомнилось четверостишие, написанное мной несколько ранее:

Я паутину рву, и мне смешно,
как сердится паук, судьбу кляня,
но, может, где-то ткутся сети,
покрепче сети — для меня.

Чем больше света, тем наглее мухи. Всё мушиное племя из отхожих мест, что находятся во дворе милиции, слетается в камеру через отверстия в оконном железе на ночной покой. Внутренняя, более теплая стена почти полностью облеплена насекомыми. В первый же день я начал непримиримую войну с ними с помощью газетной хлопущки: «Правда» в камеру доставляется регулярно.

Хотя мухи, просыпаясь, уже досаждали изрядно, о хлопущке не может быть и речи, пока не проснутся сокамерники.

Справа от меня бесшумно спит однорукий подонок с лицом Рафаэля, размноживший голову своему дружку-собутыльнику. Вчера он посвящал нас в тонкости уголовного кодекса и почти убедил, что ему сто вторая статья никак не подходит. Он среди тюремной публики самый ухоженный: всегда тщательно выбритый, умытый, причесанный, даже не помятый. Как удаётся ему с одной рукой не только держать себя в холе, но и растлевать девок, но и уничтожать дружков?

Соседу слева подходит кличка «Бывалый». Почти всю свою сознательную жизнь он провёл в тюрьмах. А начинал с камеры смертников, где в окружении мрачных стен с кровавыми разводами провёл не дни, не месяцы — годы. А ведь судьба поначалу вроде бы складывалась весьма и весьма благополучно. Работал взрывником на Саяно-Шушенской стройке, получал хорошие деньги. У жены и дочери — всё, что пожелаешь. Жена возжелала другого, ушла вместе с дочерью. Пришлось платить алименты. Не так уж и долго платил, а получает вдруг письмо от бывшей жены, что они уже и «Жигули» купили, и что от счастья на седьмом небе находятся.

Вспомнил строитель одной из величайших в мире ГЭС, что у него в записке взрывчатка имеется, написал жене и её хахалю о своём желании передать им свой набор «инструментов» к машине. Заложил в посылку взрывчатку, приладил к ней, что полагается — и владельцы «Жигулей» оказались в воздухе. Кстати, и моя первая жена тоже расплачивалась за машину моими алиментами, но врачу далеко до взрывника, на врачебные алименты моя благоверная с новым мужем, секретарем горкома ВЛКСМ, еле-еле сколготилась на «Запорожец»...

Камера № 1 — для самых отъявленных. Меня специально бросили сюда, чтобы закоренелые уголовники имели возможность «пообщаться» с интеллигентом. Третьи сутки держать меня в КПЗ без ордера на арест — вопиющее беззаконие, но держат и посмеиваются, ведь сам первый секретарь крайкома партии сказал: «Делайте, что хотите». И делали. Сначала нехотя, лениво. С должности заведующего отделением, имеющего переходящее Знамя победителя в социалистическом соревнова-

нии, освободили. Восстановился. Сняли вообще с работы — за «прогул». В пятницу я действительно уезжал к жене, с которой случилось несчастье — кровотечение, о чём я уведомил главврача и приём своих больных обеспечил. И всё-таки уволили. Собрали курортную интеллигенцию, даже председателя поссовета пригласили для крепости законности и, конечно, председателя Курортного Совета. Говорю я ему после процедуры «узаконивания» увольнения: «Неужели Вы не понимаете, что это беззаконие?» — «Жаловаться будешь?» — «Разумеется». А он мне с улыбочкой: «Ску-ша-ют». А я ему: «Подавятся». Он: «Ску-ша-ют». Я: «По-да-вят-ся».

Ночку напролёт председатель тешился в люксе с дамочкой, а я строчил заявления. И меня восстановили. Тогда за меня принялись, засучив рукава. На фоне ежедневных придинок, наглых материальных ущемлений акции варганились одна за одной: клеились ярлыки «антисоветчика», даже «браконьера», конечно же — «нарушителя дисциплины», «хулигана». Именно на «хулиганстве» меня и зацепили: на общекурортной планёрке обидчиков своих в ответ на оскорбления назвал «жополизами», а они дружно покинули планёрку, продемонстрировав её срыв. «За грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу» согласно статье 206, части 1, я получил год исправительных работ. «Ушлём туда, откуда не возвращаются», — обещал начальник милиции, очевидно имея в виду радиоактивные рудники.

Я апеллировал, мне подсовывали «защитников», но я защищался сам. Каждый чётный суд я выигрывал, но последующий возвращал мне наказание. Траектория судебной эпопеи вышла на седьмую ступень: Ширинский районный народный суд — Областная судебная коллегия — Орджоникидзевский районный народный суд — Президиум Хакасского областного суда — Городской Абаканский народный суд — Президиум Хакасского областного суда — Орджоникидзевский районный народный суд... Почему снова в Орджоникидзевский? Потому что даже среди советских судей не все способны на грязную работу. Судья Белякова из тех, кто выполняет любые поручения.

В процессе борьбы, начавшейся, вроде бы с сугубо медицинских проблем, а именно с обнаружения мною просчётов в лечении больных концентрированной озёрной водой, допущенных курортным начальством и профессорами-консультантами, я пришёл к открытию, которое иначе, чем «системой матрёшек» не назовешь. Снова и снова ретроспективно раскручивая в сознании трёхлетний путь активного противоборства беззаконию и самодурству, я понял, что логика борьбы

должна вывести меня на самую крупную «матрёшку». Профсоюзный курорт — это «откормочная площадка», «заправочная станция», «профснаб». Затронул главврача — забеспокоились районные, потом областные, за ними — и краевые руководители. На случай опасности меньшая «матрёшка» могла спрятаться в большей, так что с каждым новым боем приходилось иметь дело с противником более крупного калибра. Сейчас я упёрся вплотную в председателя крайсовпрофа, главаря «курортной малины», который, в свою очередь, призвал на помощь первого секретаря крайкома партии, заимевшего дачу за счёт строящегося нового санатория.

Жена (мое счастье, моя отрада и опора) умоляет: «Давай уедем!», а ведь именно этого и добиваются «матрёшки» — с единой гримасой, с едиными словами, брызгая слюной встречающие и провожающие меня: «Уезжайте, если хотите уцелеть!» Но ведь в других городах и всях — те же «матрёшки»! Вот и встречаю свою сороковую осень в камере с железными окнами...

Как не вспомнить утро моего совершеннолетия двадцать пять лет назад. В то время я стал знаменосцем школы. Я испытал тогда бурные, как половодье, чувства. Земля лишь изредка касалась моих ног.. Но, может быть, более органична — другая картина из моего далёкого-далёкого детства, когда я ловил солнечные зайчики и пускал их в самые тёмные и мрачные закоулки, и если на дворе напротив появлялась грузная баба, грязная и неряшливая, и подставив своё лунообразное лицо под солнечные лучи, блаженно зевала, просто невозможно было удержаться, чтобы не послать и ей солнечный зайчик и наблюдать, как он соскользнёт с железной крыши, зацепится за оконную раму, высветив в законной тьме внушительную фигуру хозяина, затем зайчик сбегит с рамы на подоконник и шлёпнется в спутанные бабьи волосы, будет долго барахтаться в них, потом выскочит на лоснящийся лоб и остановится в нерешительности. Заплывшие щели для глаз с трудом расширятся, и оттуда выглянут два злых зверька. Зайчик, вместо того, чтобы вмиг исчезнуть, вцепится в одного из них, а именно в правый. Бабьин правый глаз закроется, левый же быстро-быстро завращается, забегает, пока, наконец, не остановится на проказнике. «Хулиган, — просипит баба, но зайчик не исчезает, — ворюга, злыдень треклятый, я тебе посветю, стерва, рвань ты вонючая, поймаю — так взбутетено, зубоскал несчастный, осколков не соберёшь!» Но видя, что словами не прошибёшь мальчика, а руками не достанешь, баба даже растеряется на мгновение, но потом её осенит, и она победоносно выпалит: «Посвети мне в другое место, дурак!» И повернёт к ребёнку свой широчайший бесформенный зад...

Детство, сверкая пятками, удаляется всё дальше и дальше — в невозвратное. Сейчас же передо мной — одна задача: уцелеть, сохранить от повреждения психику, ведь в Томской психбольнице, куда меня везут, по определению судьбы Беляковой, на стационарное освидетельствование на предмет принудительного «лечения», мне наверняка не избежать инъекций. В США для «усмирения» применяют валиум, либриум, торазин, проликсин. Я ещё не проиграл, жена, знаю, ни на минуту не прекращает попыток спасти меня, но основная моя надежда — на йогу. Каждое утро и каждый вечер я делаю дыхательные упражнения и асаны, резко усиливающие обмен веществ и способные ускоренно сжигать яды в организме. Но ещё больше беспокоит меня, что мои новые идеи могут не дойти до россиян: учения о биосоционике, о рено-васкулярной системе, о трёх составляющих любви.

Семь положений биосоционики — ключ к решению всех жизненных проблем, как отдельного человека, отдельного народа, так и всего человечества в целом.

Учение о рено-васкулярной (почечно-сосудистой) системе по-новому объясняет болезни и их лечение.

Учение о трёх составляющих любви впервые даёт критерии любви и пути её сохранения до конца жизни.

Мне легче смириться с мыслью о каторге, чем о «жёлтом» доме, но ещё не всё потеряно: у меня есть йога, у меня есть жена, с их помощью, возможно, я и сберегу свою биосоционику, которая может пригодиться, если не в нынешние времена, то в будущем...

Солнце поднимается всё выше, и зайчики на тюремной стене скользят по мухам все ниже, на глазах угасая, «размазываясь» по стене. Дрожащие солнечные струны-лучи постепенно растворяются в тюремной серости. Заслонять тюремное солнце уже не имеет смысла, и я снимаю с лампы над дверью алюминиевый колпак. А в коридоре — своя жизнь, и она приближается к нам. Вот что-то властно зашумело, забрюжало, заматюгалось, и в тюремном глазке я увидел глаз врага: крупный, навывкате, полинявший, отекший, холодный и злой. Очередные матюги начальника милиции и издевательский вопрос: «Уголовники все на месте?»

Я сижу в йоговской позе полулотоса напротив двери, соседи мои тоже — как на ладони, но я отвечаю: «Нет, не все на месте».

«Кто же?» — вдруг растерянно прозвучало за дверью.

Я делаю царственный указующий жест перстом: «Ты!»

Второе письмо

Четвёртое утро моего пребывания в камере предварительного заключения началось, как обычно. Нас вывели во двор для отправления своих нужд. Парашу мы выносили с Бывалым. Когда вернулись, то увидели, что вещички, которые оставались на нарах, разбросаны, а шахматы растоптаны на цементном полу. Делали мы их с Бывалым из хлебного мякиша, в одну партию подмешав пепел из папирос и газет. Доску нарисовали непосредственно на нарах.

Бывалый оказался неплохим шахматистом, цепким, упругим и изворотливым. Я в шахматах — дилетант, до сих пор не изучил ни одного дебюта, но зато у меня смелое воображение, и я всегда готов рисковать, поэтому играть нам друг с другом было увлекательно. Недостаток комбинационного мышления мы пытались восполнить словесной игрой, изображая из себя истинных джентльменов: «А не позволите ли мне, милейший, Вашу пешечку скушать?» — «Не советую, сударь, она замешена на пепле — можно и погореть...»

Растоптали, курвы, наши шахматные фигурки из хлеба, ну что ж, подождём до обеда, сделаем новые. И я принимаюсь за свои обязанности — избиение мух.

Но вот и первая для меня радость — передача от жены: белоснежная рубашка, платочки, салфетки бумажные и целая авоська еды: колбаса, зелень, батоны, банки с маслом и мёдом и даже апельсины. Записок ни от неё, ни от меня не приняли, и всё-таки разве это не праздник?! Бывалому на какое-то мгновение стало жаль меня, когда я всю эту снедь выложил на середину нар, но упрашивать и его долго не пришлось. Обед у нас получился на славу, и камера не казалась уже столь мрачной, а будущее — безысходным. Да, стол соединяет людей, но, увы, он и разъединяет их. Самый прямой путь к сердцу — через желудок. Быстрее всего обижаются и глубже всего возмущается человек при ущемлении его в вопросах питания. Нет ничего аморальнее в обществе, когда существуют спецлавки, спецснабжение, спецслужбы. Большая или меньшая доступность потребительских товаров должна регулироваться ценой, а не спецраспределением, тем более, что «деликатесность» в питании не путь к здоровью, скорее наоборот. Слово «Восток» ассоциируется с определением «мудрый», но на Востоке существует целая наука «величания пищи»: кому какой кусок подавать за столом. «Мудрость» превратила питание не только в чревоугодие, но и в предмет тщеславия. А соблазнительный лозунг: наиболее полное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей разве не

ориентирует на безудержное потребительство, разве не воспитывает мещанство и стяжательство? Спрашивается, по каким законам природы потребности какой-либо особи должны постоянно расти? Неужели волку завтра потребуется больше зайчатины, чем вчера и сегодня?

Человек же с каждым новым десятилетием тратит энергии все меньше и меньше, а условия жизни становятся всё комфортнее, так почему должна расти постоянно его потребность в пище, одежде?

Вся беда — в жадности, в тщеславии, в неинтеллигентности. Награбив несметные богатства, древнеримский полководец Лукулл закатывал многодневные оргии с сотнями блюд и напитков, а когда желудок чревоугодника отказывался принимать всё новые и новые яства, каждый имел возможность освободиться от уже съеденного и выпитого с помощью рвотного рефлекса в специальных помещениях и снова поглощать напитки и пищу. В естественных условиях насытившийся зверь теряет всякий интерес к добыче, о пище он вспомнит лишь, когда кровь его вновь станет «голодной», а «человек разумный» способен есть почти безостановочно. Можно привести сколько угодно примеров этого, ведь именно злоупотребление белковой, жирной, сладкой пищей привело к тому, что человечество погрязло в болезнях и бедах. На психику драматически воздействуют болезни великих людей. Глухой не кто-нибудь, а Бетховен! Обездвиженный, не способный удержать кисть в руке — Ренуар! Разбитый (слава богу) неоднократными параличами — Ленин. Неужели действительно судьба столь несправедлива? Судьба — не причём! Бетховен должен был оглохнуть, поскольку поглощал пересоленную, жирную, белковую пищу. При подобном пороке «бетховенская болезнь» встречается не так уж редко. Ренуар неумолимо обязан был «закостенеть в суставах» из-за постоянного с детских лет злоупотребления бульоном и мясом. А пристрастие Ильича к ветчине с яйцами вызывает серьёзные сомнения в мудрости «вождя мирового пролетариата», то бишь палача русской нации.

А между тем пути к здоровью и совершенству были известны многие тысячелетия назад.

Пика духовности человечество достигло в середине первого тысячелетия до новой эры, когда появились величайшие учения: Богумира, Гермеса, Рамы, Пифагора, Орфея, Эпикура, Зороастра, Будды, Конфуция, Лао-цзы. Это было закономерное развитие естественных религий (ведического язычества, шаманизма, тенгрианства, даосизма, тантризма) на пути человеческой эволюции от человека-зверя к Богочеловеку. Но одновременно в самых тёмных подвалах человеческой психики вызревало

экспансивное мировоззрение, генетически связанное с неандерталоидами, вымершими из-за своей агрессивности и эгоизма. Теософически оформилось это мировоззрение в виде «Торы» (Закона), основы искусственной религии иудаизма, поставившего своей целью достижение евреями мирового господства, чему активно способствовало и способствует ещё одна искусственная религия — христианство, созданное на основе иудаизма; ислам, сложившийся на той же основе — третья искусственная религия. Искусственные религии, а также секты, создающиеся для захвата власти и удержания её, всегда фанатичны, непримиримы, противоестественны. Именно иудаизм и христианство стали камнем преткновения на пути духовного развития человечества. После великого творческого взлёта античной цивилизации наступила мерзкая эпоха Крестовых походов и средневековой Инквизиции.

Только во времена Возрождения Европа смогла оправиться от христианского церковного фанатизма, что произошло в силу научного прогресса, поэтому перед человечеством снова открылась дорога к духовно-творческому развитию. Вторая половина XIX-столетия стала ареной моральных, духовных, интеллектуальных исканий человека. Самоограничение и вегетарианство стали не только модой, но и осознанной необходимостью. Во все века мудрецы истинные тяготели к вегетарианству (Платон, Гиппократ, Авиценна, Сен-Симон, Вольтер, Ньютон, Суворов, Репин, Ганди и др.).

Никто никогда не способен сохранить здоровье без правильного, т.е. естественного питания (для человека — преимущественно молочно-растительной пищи). Никто и никогда не достигнет гармонии тела и духа без самоограничения, без постоянной работы над собой, над своим телом, душой, интеллектом.

Никогда ещё человечество не уходило так далеко от естественного питания, как в современном «развитом» обществе, потому что не способно подчиняться диалектическим законам ни в социальной жизни, ни в быту, ни в медицине. Самые ярые сторонники диалектики устанавливают кровавые диктатуры; в погоне за удовольствиями, люди обрекают себя на страдания; а в бедах и болезнях своих они никогда не перестанут уповать на панацею.

Если бы овца стала учёной, то с помощью электронного микроскопа, биохимических, биофизических, биоэлектрических исследований она пришла бы к выводам, что ей, овце для лучшего расплода необходим токоферол, имеющийся в растительных маслах; что ей, овце для лучшего роста шерсти обязательна сера, которой немало имеется в яйцах; что ей, овце для продления жизни нужны фосфолипиды,

коих предостаточно в твороге — одним словом ,ей, овце без масла, яиц и творога жить полноценно никак невозможно!

Именно по такой логике создаются академиями наук «нормативы питания», но почему отечественная академия рекомендует 100 граммов белка в сутки, а шведская — 28-33? Да потому, что рассматривает эту проблему через задний проход, т. е. определяет данную «норму» белка по белковым шлакам, находящимся в человеческих выделениях. При этом не учитывается, что организм способен постоянно использовать свои собственные белки повторно (отмершие клетки эпителия желудочно-кишечного тракта, белки секретов, гликокаликса, микробные клетки), вот почему академические нормативы завышены в два-три раза.

Пытаясь беседовать с пациентами по вопросам питания, всякий раз наталкиваешься (что удивительно!) на одни и те же фразы: «Так что, вовсе не есть, что ли?», за которой обязательно следует другая: «Так ноги быстро протянешь». Столь трафаретно думают и реагируют люди всех возрастов, любого пола, самых разных профессий и общественного положения, разного уровня образования. Лишь двое из десяти отваживаются на самоограничение в еде (15-20% — коэффициент интеллигентности общества), но почти у всех после подобных бесед развивается отчуждение к доктору, особенно на фоне обильного из трёх-четырёх блюд санаторно-курортного питания, при котором трижды в день подаётся мясо, на закуску — колбаса, сыр, яйца, масло и постоянно — творожные блюда, сметана, т.е. самая вредная пища. Переедание ведёт не только к ожирению, но и к самым различным заболеваниям, в том числе и раку. У народов-вегетарианцев и групп населения, придерживающихся растительной малокалорийной пищи, практически не бывает аппендицита, гипертонии, злокачественных опухолей, обменных нарушений. Диетологи должны исходить не из досужих вымыслов, не из лабораторных выкладок, а из познания и обобщения жизненной практики долгожителей. Правильное здоровое питание (и воспитание!) немыслимы без ограничения в еде, без голодания, чего никак не могут допустить современная медицина и педагогика. Непоправимый вред здоровью нации наносит современная педиатрия, требования которой исключают нормальное естественное развитие ребёнка. Вот почему так неудержима лавина детской заболеваемости, даже в экологически благополучных регионах, даже среди обеспеченных семей. Причина детских бед — прежде всего в неправильном питании, ведь уже с 2-4-месячного возраста грудничкам дают творог, потом яйца, бульон, а к 5-6 месяцам — мясные и рыбные блюда, в том числе консервированные. Белковые концентраты

(творог, яйца, бульоны, колбасы, сыры) наряду с мясом и жирами (сливочное масло, сметана, сливки), а также сладости (сахар, варенье, конфеты, пряники, сдоба, сладкие напитки и соки) вызывают всю гамму детской патологии: желудочно-кишечные заболевания, кожные, почечные, лёгочные, все виды аллергий. Без резкого ограничения перечисленных продуктов ни о каком здоровье детей (да и взрослых, особенно пожилых и стариков) не может быть и речи.

Пищевой стереотип формировался миллионы лет. Это многоэтапная последовательность действий, обусловленных биохимическими, эмоциональными, психофизическими факторами. Его основа — голодание. В естественных условиях сытое существо теряет всякий интерес к пище, и только современный человек — «человек жующий» — способен жевать, сосать, хлебать с утра до вечера, а многие, так называемые «больные» — ещё и ночью. Волк — хищник, у которого и желудочный сок более кислый, чем у человека, и кишечник намного короче, что исключает загнивание белковой массы, позволяет себе есть мясо в среднем один-два раза в неделю, а человек, вегетарианец от природы, мясо принимает два-три раза в день!

Особенности живой ткани любых органов таковы, что они способны нормально работать 8 часов в сутки, для восстановления своей функции им требуется в два раза больше времени, т.е. 16 часов. Что получается, если мясные блюда даются три раза в день? На переваривание мяса в среднем идёт 5 часов работы, значит в сутки желудочно-кишечный тракт должен работать 15 часов — в два раза больше, чем допустимо; за укороченный в два раза отдых органы не успевают восстановиться, постепенно развивается их усталость, истощение и поломка (гастриты, холецистопанкреатиты, колиты и пр.) По этой же причине недопустимо и так называемое «дробное» питание, когда желудочно-кишечный тракт находится в непрерывной работе без отдыха. Учитывая ещё и кислотно-щёлочное соотношение продуктов: одна часть окисляющих (сладости, жиры, белки) — четыре части щелачивающих (молоко, овощи, фрукты), выходит, что мясная или рыбная пища не должна приниматься чаще двух-трёх раз в неделю (в зрелом возрасте) при условии, если не будет перегрузки прочими белковыми концентратами (творог, сыр, яйца, колбаса), а также жирами и сладостями, злоупотребление которыми имеет место постоянно. Разумеется, не должно быть никакого «режима питания», т.е. еды по часам, в связи с чем нарушается естественный механизм пищеварения — безусловно-рефлекторный, когда выделяется сок только на пищу, в то время как при «режиме питания» развивается условно-рефлекторный механизм пищеварения, когда сок выделяется не

на пищу, а на установленное время её приёма, что заставляет — хочешь не хочешь — принимать пищу, но при отсутствии аппетита этого нельзя делать, поскольку пищеварение будет неполноценным; в случае задержки приёма пищи в твёрдо установленное время желудочный сок станет изливаться в пустой желудок и повреждать его. Вредно и многоблюде, и очень горячая, и очень холодная пища.

Грустно смотреть на детей, как их обуревают жадность и нетерпение: дай это, купи то, а при покупке сразу начинают есть на ходу грязными руками — нет моченьки дождаться прихода домой, нет желания немного постоять в транспорте — сразу прикипают задницей к сиденью. На каждом шагу сталкиваются два понятия — здоровье и воспитание. Невоспитанный, несдержанный, жадный, эгоистичный, ленивый и скучный человек никогда не будет здоровым.

Другие причины детской патологии: остервенелое укутывание, недооценка физических нагрузок, преодоления препятствий. Ориентировка на удовольствия от пищи, переедание, изнеженность, тепличные условия разрушают ребёнка изнутри, физически и морально. Продукты питания не должны быть средством поощрения или наказания и тем более предметом тщеславия, спеси. Приём пищи — коллективное занятие, праздник. Именно за столом чувствуется локоть друг друга, пища должна подаваться порционно, всем поровну. Наиболее вкусная и полезная пища та, в приготовлении которой участвовали все едоки.

И здоровье, и воспитание (а это ещё постоянные обязанности и посильные физические нагрузки!) прежде всего зависят от роли главы семьи, когда речь идёт об отдельной семье, и от политики главы государства, когда речь идёт о здоровье и благополучии нации. Ни здоровье, ни воспитание не могут быть обеспечены силами соответствующих органов — здравоохранения и образования. Более того, и здоровье, и образованность можно приобрести лишь собственными усилиями (самолечением, самоограничением, самообразованием, саморазвитием) потому, что человек — это самонастраивающаяся, саморазвивающаяся система, эволюция которой проходит поэтапно и лишь за счёт собственных усилий. Здоровье — это соблюдение технологии жизни (пользоваться только полезными продуктами и действиями, избегать вредных, разрушающих организм).

Жизненными навыками можно овладеть не с помощью прислуги, а только собственными усилиями.

Просматриваю написанное с досадой: сколько упущенного, вот уж воистину — нельзя объять необъятное.

Почему-то не даёт покоя вчерашний сон: я нахожусь в лавке, на стенах которой до самого потолка висят жирные туши, на прилавке передо мной — груды мяса, я не изъявляю ни малейшего желания что-либо заполучить, но очередь движется, и вот я — у весов, и продавец бросает на них жирнющую вырезку...

Между прочим, тюремный рацион, на котором я в настоящее время нахожусь, гораздо ближе подходит к здоровому питанию, чем певзнерские «лечебные» диеты. Единственно чего мне нехватает — свежей зелени, фруктов, молока, орехов, сухих вин. Во всяком случае, ни атеросклероза, ни гипертонии, ни остеохондроза, ни колита в тюрьме не заимеешь, так что я ничего не потерял, поделившись с сокамерниками колбасой и маслом. И авторитет я у них не зарабатывал, потому что подачками ничего не добьёшься. И тем не менее со мной считаются в камере, не потому, что я посмел спорить с сильными мира сего и вести на равных с ними борьбу в течение трёх лет, а потому, что не был, как говорится на тюремном жаргоне, сухой — не требовал для себя места потеплее и чище, не тянул первым к еде, не брал самый большой кусок...

Письмо третье

Снова и снова оглядываюсь на своё прошлое в поисках рокового шага, приведшего меня к насильственной транспортировке в «психушку». Могло ли быть иначе — вот вопрос. Меня резко отличает от остальных абсолютная независимость в суждениях и полное отсутствие такой собачьей черты (да и людской тоже) как конформизм, но позволительна она лишь княжескому сословию, а не рядовым гражданам, поэтому за все годы учёбы и работы я не помню, чтобы начальство покровительствовало мне. Национальное самосознание никогда не позволяло мне пускать слюни перед иноземным сертификатным шармом (джинсами, кроссовками и прочей фирменной блажью).

Задатки лидера во мне неистребимы: в детстве я главенствовал над ватагой шпаны, в спорте выполнял обязанности тренера, в школе был знаменосцем, в институте — комсомольским вожаком. Но уже в вузе биологические лидеры не вписывались в систему «матрёшек», и обо мне говорили: «Группа подобралась хорошая, а вот комсорг — не соответствует». Биологическое лидерство не следует смешивать с эгоцентризмом истероидных психопатов, которые стремятся во что бы то ни стало занять центральное положение в коллективе, чаще всего за счёт сверхмодных аксессуаров и увлечений.

Так вот в институте я почувствовал себя чужеродным элементом; я почти всегда делал не то, что от меня требовалось. На пятом курсе, занимаясь наукой на кафедре госпитальной терапии, я опубликовал первые научные работы и приступил к накоплению материала для диссертации. Однажды профессор (женщина), под руководством которой я занимался, исследуя больного в нашей группе, нашла у него ревматический порок сердца. Ревматизм был её «коньком», и она находила его почти у каждого. Студенты вслед за профессором стали выслушивать сердце больного, но никто систолического шума не уловил. Тогда для доказательства своей правоты пригласили меня, но я — сама невинность — извинился и сказал, что никакого шума там нет, и попытался сесть, но меня заставляли слушать сердце снова и снова, пока под общий иронический шумок я с пафосом не произнёс: «А шумок действительно наклёвывается».

С этого инцидента кафедра потеряла ко мне интерес, место в аспирантуре досталось другому. Ещё более «ненормальной» оказалась моя выходка на государственном экзамене по философии. Очень интересная деталь, почти символическая: заведующий кафедрой философии был слепым. И вот я отвечаю ему на вопрос о материи, разумеется, начал с ленинского определения: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существует независимо от них»; и если бы на этом остановился, то дело бы кончилось пятёркой, но случилось нечто непредсказуемое — я вдруг начал критиковать ленинское определение материи и не столько за корявую стилистику (то «дана человеку», то «отображается нашими ощущениями»), сколько вообще за неправомерный подход давать определение материи, которая необъятна во всех отношениях, через призму ощущений какого-либо существа, будь то блоха или человек. Я не видел глаз профессора — вместо них мерцали чёрные очки, но я не мог не заметить, как его рот всё больше и больше кривился в иезуитской ухмылке. Святая простота, я попытался привести свое определение материи, как мне тут же, словно кляпом заткнули рот злой инквизиторской фразой: «Если не сегодня, то завтра непременно ты именно через «свои ощущения» прочувствуешь, что такое «материя». Судьба моего диплома зависла на волоске, и то, что я всё-таки получил его, можно объяснить не великодушием идейных менторов, а общей незаинтересованностью в скандале, ведь я же был комсоргом.

Именно в институте я и услышал впервые в свой адрес: «Шизофреник!» Подобных мне на курсе подобралось ещё пару человек, и когда нас, шестикурсников вместо врачебной практики, погнали в колхоз ломать кукурузу, там на лоне природы упомянутая троица, шутки ради оформилась в «Общество шизофреников», которое я и возглавил.

Прежде, чем заняться медициной, я в 1955-м году попытался попасть на философский факультет МГУ. Потерял лишь один балл (четверка по сочинению) и не прошёл по конкурсу (предоставлялось в тот год на общих основаниях лишь двадцать мест). Я был спасён провидением, ведь окажись я в большевистском философском логове с моим критиканством, если и не сожрали бы заживо, то в психушку наверняка упекли. Но и медицина — философия, а потому всё равно мой путь — к жёлтому дому. У каждого — своя судьба: у Диогена — бочка, у Ницше — психбольница, у Фёдорова — богодельня и могила, на которой было устроено гульбище.

Николая Фёдоровича Фёдорова считала своим духовным отцом вся христианствующая элита России. С отроческих лет он избрал путь Христа, ибо уверовал в сентенцию: «Дела, которые Я творю и он сотворит и больше сих сотворит». Всю жизнь — только хлеб и чай (прожил 74 года), сон — 3-4 часа на сундуке, изучил все книги Румянцевской библиотеки, которой заведовал, создал учение — «Новую Пасху» (философию общего дела), поставив задачу воскресить всех живших на Земле (не менее восьмидесяти миллиардов!), призывал приступить к сбору их праха. Брызжа слюной, Бердяев и Соловьев превозносили «Новую Пасху» до небес. И в самом деле, если Иисус Христос мог воскреснуть, при жизни позволяя себе многие вольности (и пост нарушать, и вино попивать, и блудниц привечать), то если всего этого не делать, а ещё больше аскетизировать свою жизнь, то возможность появится не только воскрешаться самому, но и других воскрешать, в том числе и в мировом масштабе — вплоть до первопредков. А где их размещать? В космосе, вестимо. Многие скажут, это сумасшествие, врач подумает — паранойя, а вслух можно лишь сказать — зомбирование. Любая религия делает из людей зомби, как же иначе тогда объяснить, что такой эрудит как Фёдоров, московский Сократ, как его величали учёные, потому что постоянно пользовались его консультациями, мог прийти до такого бреда? Но в том-то и дело, что никакого сбоя в логике Фёдоров не допускал, он лишь довёл до логического конца христианские догмы (воскресение Христа, второе его пришествие с воскресением всех для Страшного суда). Если в самую совершенную ЭВМ ввести ошибочную программу, она будет врать безбожно.

Вот образцы подобной программы: «Бог создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего; но завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают её принадлежащие к делу Его» («Книга Премудрости Соломона», 2,23).

Человеческий мозг можно схематически представить в виде комплекса из трёх типов ЭВМ, введите в него вышеприведенную «премудрость» — и получится, как у Фёдорова со товарищи. Только зомбированный человек не видит ложных посылок любой религии, но если к тому же присовокупляются ещё и политические бредни, то появляются религиозно-политические химеры: «Пролетариат — победитель буржуазии, смерти и природы», «Пролетарское человечество, конечно же, не ограничится осуществлением бессмертия только живущих, оно не забудет погибших за осуществление социального идеала» («Манифест биокосмистов», «Известия», 4, 1, 1922 г.).

Всё это было бы смешно, если бы жизнь самих биокосмистов прошла бы по человечески нормально, но иные — расстреляны, другие — сгинули в неведеньи. Призывать к воскресению всего человечества и не замечать звериный геноцид граждан своей страны — это не только цинизм, а подлое, иезуитское участие в истреблении собственного народа. Что же касается вообще идеи бессмертия, то нужно быть неисправимым невеждой, чтобы не понимать элементарных диалектических законов: жизнь без смерти невозможна, в любой данный момент без омертвевших клеток, составляющих поверхность кожи, организм сразу погибнет; собственными омертвевшими клетками эпителия желудочно-кишечного тракта он питается, без омертвевших эритроцитов не получится жёлчи и т.д. и т.п. Если бы не было смерти, жизнь на планете не продвинулась бы дальше одноклеточных существ. Именно смерти обязана вся биологическая эволюция на Земле.

В бронзовом веке, когда начали появляться религии, немудрено было поверить в самые немыслимые чудеса. Но христианство, основанное на иудаизме и призванное облегчить завоевание мирового господства, сознательно ставило цель не восхититься божественной природой, а охмурить человечество, вызвав в нём страх и безропотность перед новоявленными сверхчеловеками, карающими и оживляющими, прощающими любые грехи и обеспечивающими райскую жизнь по благу.

А кто из людей безгрешен, кому не желается прожить на халяву? Все мошенничества и преступления на Земле основаны на страхе и человеческой жадности — природных качествах не только гомо сапиенс, но и братьев его меньших, но лишь у человека сформировалась самая богомерзкая черта — фанатизм, потому что только у него существует религиозная и политическая нетерпимость.

Христианство на Руси насаждалось огнём и мечом враждебной русичам силой — греками (извечными врагами русской земли) с помощью иудея Владимира и его дяди, воеводы Добрана: славянских богов жгли, дробили, топили, языческие славянские капища разрушались, а на их месте возводились церкви; были разрушены не только все славянские святилища, но изничтожено и жреческое сословие, а языческие сказания — кощуны, на которых воспитывались поколения славянорусов в течение многих тысячелетий, сделали пугалом, в результате чего на Руси вспоминать предания старины глубокой стало чёрным делом — кощунством.

Вот как описывает введение христианства в Новгороде Ипатьевская летопись: «Идолы сокруши — деревяннии сожгоша, а камении в реку вергоша и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видивши тое, с воплем великим и слезами, просяще за ня, яко за сущие их боги».

Но были не только слёзы: «Тогда тысяцкий новгородный Угоняй, езда всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неж боги наши дати на поругание!». Народ же оная страны, рассвирепев, дом добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких сродник его избиша...»

Почти треть киевлян и прочих русичей, не желавших исповедовать чужих богов, были истреблены. И вот теперь, когда изначальные зверства церкви по истечении тысячи лет призабыты, попы на всех перекрёстках призывают русичей придерживаться «исконной православной веры своих отцов», передёргивая по-шулерски исторические факты: «исконной верой отцов русичей» на протяжении двадцати тысяч лет (по «Велесовой книге», Священном писании славян — «две тьмы») было ведическое язычество, на котором сформировались славянские архетипы, славянский менталитет, славянская культура, славянское мировоззрение.

Христианство же принесло русичам ханжество, вероломство, нетерпимость, разврат — главные достоинства византийской цивилизации. Первый христианский император Константин, зачисленный к лику святых — убийца своих родственников; десятилетия его правления — это годы лжи, двурушничества, вероломства и подлости. В христианской Византии впервые появился Порнай — театр, где лицедействовали обнажённые куртизанки. И самая отъявленная из них — Феодора стала супругой византийского базилевса (императора) Юстиниана.

По христианскому обычаю все подданные при встрече с ними должны падать ниц и целовать их ноги. Немало пришлось Феодоре потрудиться, чтобы стереть с

лица земли всю её многочисленную куртизанскую клиентуру. А в общей сложности при Юстиниане (527-565 гг.) было уничтожено около пяти миллионов человек (то бишь христианских душ).

Вот какую цивилизацию должна была воспринять Русь, вот какое счастье привалило ей вместе с христианством.

Проходит одно столетие за другим, но не приносит христианство улучшения жизни на Руси, и русичи ропшут всё громче и нетерпимей. В Киеве в 1068-м году убит епископ Стефан, «свой его холопи удавиша». Архиепископа Арсения выгнали из его палат. В Новгороде в 1071-м году появился волхв, «творяся акы бог», и «людие вси идоша за волхва»; пришлось самому князю Глебу подняться на него с топором, чтобы защитить христианство.

В этом же году два волхва вернули свою власть на огромном пространстве от Волги до Белоозера. В 1157-м году был изгнан ростовский епископ Нестер. Возрождение язычества приняло такие размеры, что пришлось хвататься не только за топоры, но и разжигать костры и бросать в них волхвов. В лето 6735 (1227) «сожьгоша волхвов 4 — творяхут их повторы деюще».

Но истинно национальный всеохватный протест был в другом — в тайном исполнении языческих ритуалов, и с этим самым упорным протестом церковь безуспешно боролась на протяжении шести-семи веков, вплоть до XVIII века. Даже грозный Иван Васильевич жаловался на своих соотечественников: «В Троицкую субботу по сёлам и по погостам сходятся мужи и жены на жельниках и плачутся по гробам умерших с великим воплем. И егда скомрахи учнут играти во всякие бесовские игры и они от плача преставше, начнут скакати и плясати и в ладони бити и песни сотонинские пети на тех же жельниках, обманщики и мошенники».

Демонстративный факт — самый преступный, самый кровавый царь российский Иван Грозный оказался и самым ярым сторонником христианства на Руси. Жестокость и ханжество — абсолютные черты христианства. «Се же суть злая и скверная дела — плясание, гусли...игранья... Пляшущая бо жена — любовница диавола».

Главный языческий праздник — русалии и Купала: «бьяху в бубны, друзии же в сопели сопаху, инии же возложиша на лица скураты (маски, хари) и деяху на глумление человеком. И мнозии оставшие церковь, на позор течаху и нарекшие игры те — русальи».

Церковь с помощью феодальных правителей расправлялась с народом, угрозы и запугивание не прекращались никогда: «Вас же, покинувших меня, забывших мою

святую гору, готовящих пир в честь Рода и рожаниц, наполняющих ковши свои на потребу бесам, — вас я предам мечу и все вы падёте пронзённые!»

Не могла простить церковь своей пастве и прежде всего русичам, что они «кошумы и блядословие любят более книг». «Проклят всяк, иже кто оставит церковь божию и последует русалиямъ».

«Не подобает хрестяном игор бесовских играти иже есть плясба, гульба, песни бесовские, и жертва идольская, иже огневи молятся под овином: и Перуну, и Роду, и Рожаницам, и всея иже суть им подобна». «Подвергать ослушников наитягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылатъ, бить говяжьими жилами, отрезать носы и уши, вырезать языки, отсекаать руки» (из Соборного постановления 1666 г.).

Таким образом к началу XX-го века церковь заявила о всеобщей христианизации всей России, и русский народ иначе как христианским и не мыслился, поскольку родился, мол, в христианстве, как в рубашке.

Но как только в 1916-1917-х годах обязательность церковных богослужений была отменена, то сразу — в единый миг — охочих прикладываться к поповским жирным ручкам сократилась до 9% (более, чем в десять раз!)

Как мог целый народ, которого называли буквально «богоносным», всего за год-два оказаться безбожником, как могли 120 миллионов россиян, исповедующих христианство, позволить комсомольцам разрушать храмы, жечь иконы, расправляться со священнослужителями; как мог патриарх, сложив руки на животе, неоднократно заявлять о нейтралитете?

Сколько же было пролито крокодиловых слёз, когда с церковью стали расправляться безбожно, но разве она сама безжалостно не искореняла язычество?

Разве сама Церковь не уничтожала жреческие и княжеские роды, оставляя страну без национальной элиты, без этнической культуры, сжигая библиотеки и музыкальные инструменты? Почувствовав, что укорениться самостоятельно на Руси невозможно, Церковь обратилась за помощью к татаро-монголам, заключив договор с ними, установив над Русью 300-летнее двойное иго, которое для Церкви, по свидетельству Карамзина, оказалось истинным раем.

Большевики с не меньшим оптимизмом методично и напористо, широкоохватно стали вытравливать архетипы русичей, уже через пару десятков лет объявив о рождении нового народа — советского; церковь — и за тысячу лет не могла переделать русича!

Духовно-нравственное и интеллектуальное развитие человечества шло по траектории: магия — религия — наука, при этом такие понятия как мораль, нравствен-

ность, духовность, которые призваны возвысить человека над звериной, животной сущностью, вовсе не вытекают из понятия религиозности.

Можно быть атеистом и высоконравственным человеком, и это высшая форма нравственности, вытекающая из состояния внутренней свободы.

О нравственности священнослужителей на Руси существует твёрдое мнение, начиная с фольклора. Поп: «И прилетели ко мне три ангела — комар, пчела и муха, взяли меня за волоса и потащили на небеса. А там всё не по-нашему: церковь блином покрыта, а образа из пряников, а я хам-хам, да и поел всё!» Наши отечественные классики народному мнению не противоречили: А. С. Пушкин — «Сказка о попе и его работнике Балде», Т. Г. Шевченко — поэма «Сон», И. Е. Репин — портрет «Протодиакона», «Крестный ход в Курской губернии», В. Г. Перов — «Часпитие в Мытищах», «Сельский крестный ход на Пасху» и т.д.

Характерна для церкви духовность или нет — это ещё вопрос, а вот насчёт нетерпимости к фанатизму её — разговор должен быть особый. От Крестовых походов содрогалась Европа и Малая Азия, в инквизиторских кострах сожжены миллионы «еретиков» (только большевики «переплюнули» христиан по ликвидации «врагов народа» (какого народа — вот вопрос). Символы России — Есенин и Вавилов, загубленные большевиками, не могли быть врагами русского народа, и какой резон русичам истреблять лучших своих представителей?

Христианство загубило более тринадцати миллионов человек в Средневековье, но разве истребление ста миллионов индейцев при колонизации христианскими конкистадорами Америки не на совести Церкви?

Что значит для нации, для народа — лишиться исконных жрецов, носителей многотысячелетней культуры? Это значит — остаться без знаний, без памяти, без музыки, без обрядов, без народной традиционной медицины, без кощун, заговоров, календарей и пр., потому что волхвы, кудесники, кощунники, облакопрогонители, потворники, чародеи и чародейки, знахарки и матери-ведуньи на протяжении многих тысячелетий слово к слову, зёрнышко к зёрнышку, крупица по крупице собирали, хранили и множили национальную культуру. Сколько российских гомеров изведено церковью. Покончив охоту на волхвов, принялись за их наследников — скоморохов, хоть их самих и не жарили на кострах, но русские музыкальные инструменты жгли возами.

Если во время татаро-монгольского ига с русичей дань-десятина собиралась триста лет (многие и не подозревают, что хазарское иго для Руси было и более продолжительнее, и более тягостнее и трагичнее), то церковь ту же дань — десятину

— взимала с россиян в течение более тысячи лет. Может показаться, что в результате ига хазарского, ига варяжского, ига церковного, ига татаро-монгольского, ига романовского — с русичами как с этносом самобытным, создателем самого высокодуховного мировоззрения — ведического язычества, творцом первописьменности и великих цивилизаций : Гиперборейской, Южноуральской (Аркаим), Трипольской, Крито-Микенской, Малоазийской (Троя, Русена, Митанни и др.) — покончено навсегда, ведь именно этого добиваются носители сиономасонской идеологии, стремящиеся к мировому господству.

Покончено ли в самом деле с идеями ведизма, создателями и носителями которого являются славянорусы, исповедующие путь Прави, путь Правды и Совести? Не поздно ли говорить о возрождении России и россиян?

Что касается непосредственно русичей, то, несмотря на тысячелетнюю нивелировку славянорусской самобытности, русского характера и мирозерцания, все-таки главное коренное ещё сохранилось, т.е. то, что называется гено-фено-архетипом. Русичи сохранили свой богатейший в мире фольклор: мифы, сказки, легенды, были, небывальщины, кошуны, былины, песни, заклички, плачи, частушки, хороводы, танцы, пляски, игры, загадки, пословицы и поговорки, заговоры, народные наигрыши и напевы, обрядовые действия, народное искусство и промыслы, в том числе традиционные вышивки и вязания. Можно сказать абсолютно определённо, что по широте и глубине, по утончённости и всеохватности, по красоте и парадоксальности, ироничности и бравате, по силе страсти и бесшабашности, по бескорыстности, по эротизму и духовности, но самое главное — по высокой гражданственности и самоотверженности русского характера в мире ничего не было и нет.

Нам говорят, что русский мужик — ленивый, небережливый и выпить не дурак. Но с одной стороны, более тысячи лет его не допускали к власти в собственной стране хазары, варяги, немцы, евреи, грузины; а с другой — душевное общение с природой не большая ли ценность, чем трудяжество; а уж что-что, но русский никогда не позволит, чтобы в гости к нему со своим сэндвичем приходили.

Славянское мирозерцание — светлое, солнечное, праздничное; душа славянорусов открыта солнцу и всей природе, ведь недаром главные боги их связаны с культом солнца, света и жизни.

Христианские миссионеры выставляли своё учение как символ света, язычество — как тьму. И если судить в общем по их делам, то действительно свет от христианских инквизиторских костров полыхал в Европе во всю мощь, и в их огне потухали,

превращаясь в золу, черноту даже такие светочи рода человеческого, как Джордано Бруно и ему подобные. А сколько замордовано так называемых ведьм, сожжено на кострах, сварено в котлах, утоплено в водоемах...

Сравним это явление с религией советской эпохи — марксизмом-ленинизмом, с охотой большевиков на новых «ведьм» — врагов народа, и станет ясно, что христианство и марксизм — близнецы-братья, одного поля ягоды — масонского.

Наш век — последний век фанатизма, и религиозного, и политического. Мозг современного человека перешёл на левополушарный режим работы. Это мозг учёного, мозг предпринимателя, мозг творца. Если для правополушарного типа мышления (религиозного и детского) требуется слепой авторитет (жреца или родителя) или какое-нибудь «знамение», то современный мозг — это способность к сравнению, к анализу и синтезу; это сомнение и дерзость.

Разумеется, мировые религии не отомрут в одночасье, традиция — инертная сила, но как говорится, «кесарево — кесарю», а «детское — детству», ведь развитие индивида повторяет развитие всего человечества (онтогенез повторяет филогенез), значит детство человека должно протекать в атмосфере национальной мифологии и обрядности, но верить в непорочное зачатие даже у своих дочерей вряд ли кто способен сегодня, а надеяться на воскрешение всех умерших на Земле да ещё для Страшного Суда, это нужно быть полноправным пациентом палаты №6, и тем не менее находятся же тьмы тёмных людей, запуганных церковью или сектой, мечтающих попасть в заветное число 144 тысячи спасённых от Страшного Суда, в то время как все остальные (живущие и воскрешённые) обречены будут на дьявольские мучения в аду. Воскресить 80 миллиардов, отобрать 144 тысячи по 12 тысяч от каждого из 12 колен израилевых, а остальных — более 79 миллиардов, ввергнуть в геенну огненную, где их тела сожрут всякие страшилища, а оставшиеся кости 79 миллиардов трупов предоставить в полное распоряжение 144 тысяч спасённых счастливых райских жителей, которые будут иметь лишь одну обязанность — захоронить скелеты «врагов народа» — по 555 тысяч — на каждого райского жителя.

Кто-то скажет — бред, а ведь это суть иудаизма: мировое господство, уничтожение гоев (неевреев), захват всех богатств на Земле. Из иудаизма (Торы, Талмуда) возникли и христианство, и ислам; и все эти три религии — «одним мирром мазаны», т.е. по сути являются не естественно-историческими религиями, как ведизм, шаманизм, синтоизм и др., а искусственными религиозно-

политическими программами, направленными на завоевание (и удержание) мирового господства на Земле, не удивительно, что и между ними, и внутри их (между католиками и православными, между шиитами и суннитами) — идёт с самого начала их возникновения борьба не на жизнь, а на смерть, как это всегда бывает между группами, рвущимися к власти, отсюда и непримиримость, отсюда и фанатизм.

Естественно-исторические религии формировались на протяжении многих тысяч лет и организовывали внутриплеменную жизнь, поэтому и не стремились к экспансии, к миссионерству.

Поскольку истинная религиозность, основанная на правополушарном сознании ни в настоящее время, ни в будущем уже невозможна, поскольку человечество минуло период своей «детскости», стадию дописьменного развития, то современный бум «религиозности» (ажитажное возникновение десятков разновидностей религиозных и сектантских организаций) объясняется только одним — новым переделом мира.

Религии не способны принести спасение — они сами являются источником наиболее непримиримых противоречий; его не может дать и наука, которая сама выпустила химического и атомного Джина из бутылки, ни тем более отдельные, даже «самые демократические» государства, ведь именно США и Израиль являются неиссякаемым источником мировых конфликтов, переворотов и войн; именно американо-израильская цивилизация установила во всём мире культ богатства и силы.

Воспитанное в течение двух тысячелетий на множестве разновидностей христианства, население многих стран не представляет, что возможны иные, более естественные варианты мировоззрения; видя и чувствуя на себе порочность христианской цивилизации, всё ещё надеется на сказку о новом пришествии мессии, не понимая, что любого, кто посягнёт на существующий олигархический порядок, ждёт преследование и уничтожение, но в мессию всё ещё хочется верить, и по дорогам России плутает около сотни Иисусов (некоторые из них — в женском облике), а ротозей стайками бегают, то за одним иисусом, то за другим, бросая семью, своё дело, нередко — Родину, не умея разобраться ни в словах, ни в делах конфессий и сект, которые создаются не для духовных исканий, а для «ловли человек», чтобы поиметь с них, как минимум, всю ту же пресловутую «десятину».

Боги как символы вряд ли покинут наше сознание, но злобствующие боги чужды русской душе, для русичей символ-бог — это берёзка, дуб, олицетворяющие силы родной природы. Я был свидетелем случая, когда истинная россияночка не могла про-

жить в Самарканде среди роскошных восточных базаров даже несколько дней — так угнетала её тяжёлая аура чуждой природы и психологии. Воспрянула она лишь тогда, когда по дороге в родные места увидела первую берёзку. Многие, очень многие не учитывают специфику национальной души. Я, будучи атеистом, готов молиться богу, если этим богом окажется Любовь, и при всём при том я никогда не перестану интересоваться делами своих предков, историей великой Руси. Я не перестану интересоваться и достижениями науки, которой уже сейчас известны такие глубины строения материи и всего мироздания, что для сверхъестественных сил места не остаётся совсем. Периодически в различных галактиках происходят такие чудовищные взрывы, энергия которых превосходит излучение всех звёзд Вселенной, вместе взятых, но это лишь «спичка» в руках материи, от которой могут возгораться новые галактики. Механизм подобных явлений науке ясен: звёзды — огромные образования с колоссальными скоплениями звёздного вещества, которое, по законам гравитации, стремится сжаться, но внутри каждой из звёзд в результате сверхвысоких температур, появляющихся при сжатии, возникают термоядерные реакции синтеза с последовательным выгоранием всё более тяжёлых элементов, с образованием энергии такой мощи, что она уравнивает гравитационное сжатие звезды. Но при необычно быстром выгорании ядерного горючего или при необычно большой потере энергии, что может случиться, например, при интенсивном испускании нейтрино, гравитационные силы становятся неуправляемыми — происходит взрыв.

Вселенной правят материальные силы. Материя везде, всегда была, всегда и вечно будет, о чем знали ещё древние греки, в частности Эмпедокл писал: «Нет на свете нигде пустоты — и откуда ей взяться?»

Даже то, что когда-то называлось пустотой, вакуумом, оказывается «началом всех начал». Вакуум — море Дирака — это мировой материальный фон. В нём постоянно появляются и исчезают элементарные частицы, которые живут так мало, что их назвали виртуальными (возможными). В обычных условиях море Дирака — пустота, но если вдруг на него подействует сверхмощная энергия, гравитационная ли по типу взрыва звезды или электромагнитная, то «пустота» способна «выдать на гора» целые галактики, которые появляются во Вселенной постоянно, разумеется, без помощи бога. В мире властвуют четыре материальные силы: гравитационная, электромагнитная, слабого и сильного взаимодействия, которые и определяют всё, что было, что есть и что будет во Вселенной, а точка их приложения — вакуум, который является началом и концом всего. Пустота — это вроде бы ничто, никак не

даёт о себе знать, но она способна родить и элементарные частицы, и миры, если будет «возбуждена» сверхэнергиями.

Вакуум обладает огромнейшей затаённой силой, весь мир погружён в эту затаённость. В бесконечном и всеохватном пространстве вакуума обнаруживаются одномерные магнитные потоки, образующие постоянный галактический магнитный момент, которым можно попытаться объяснить механизм проявления энергосиловых, парапсихических явлений (телекинез, полтергейст и др.) Вполне возможно, что экстрасенсорная информация (мгновенная, не зависящая от расстояния) тоже передается через вакуум; другое объяснение — торсионные поля.

При малых знаниях с материей отождествлялось лишь то, что действовало на человека, «производя ощущения», но теперь известно, что вся Вселенная пронизана энергетическими полями, космическими частицами, и всё это взвешено в материальной «пустоте», т.е. нематериального во Вселенной ничего нет.

Ранее человек разделял всё существующее в мире на материальное и духовное, потому что различал видимую и чувственную часть бытия. Но вот он познал радиоволны, создал соответствующие приборы и открыл радиозвёзды, а когда обнаружил радиоактивность, стала понятной энергетика звёзд. С появлением квантовой механики многое снова стало почти непонятным: как элементарная частица, одновременно может быть ещё и волной. Понятие материи как нечто осязаемого, растяло, как снежинка на ладони. Материя почти бесконечна в своем структурном дроблении, когда она превращается почти в ничто (вроде бы установлен предел структуры материи на уровне десяти в степени минус 33). Одним словом, нельзя расщепить нечто сущее на материальное и нематериальное («духовное», «идеальное») — это две стороны одной медали — материи. Материя столь многолика, что в объяснениях любых явлений мега- макро- и микромира вполне можно обойтись без божественных сил. Если и требуется современному человеку понятие Бога, то пусть им будет Материя — сущность со свойствами пространства и времени, проявляющаяся четырьмя силами: гравитационной, электромагнитной, сильным и слабым взаимодействием.

Письмо четвёртое

Наступили шестые сутки моего заточения. Ни ордера на арест, ни каких-либо иных оснований для пребывания в КПЗ мне до сих пор не предъявлено. И привлекли-

то сюда обманным путём: сначала появился один «товарищ» прямо на работу в кабинет врача с предложением пожаловать в милицию, но поскольку письменного «приглашения» у него не оказалось, я его выставил за дверь, чтобы не мешал работать — вести приём больных.

По дороге домой я приглядывался к встречным — не за мной ли? За мной приехали после обеда, кроме меня и жены, в квартире было ещё третье лицо, невольный свидетель, возможно поэтому приехавшие двое не особенно усердствовали, хотя задним числом до меня дошла фраза начальника милиции: «Связать и доставить!»

Нас уверяли, что меня везут лишь на «беседу» с начальником милиции; чуя недоброе, жена собралась тоже, машина ещё заехала и в поселковый совет за председателем, вернее председательшей. Когда меня увольняли с работы, собрав месткомовцев, всех врачей, её присутствие также было обеспечено — всё чин-чинарём. Вот и сейчас, прикрывшись советской властью, как фиговым листом, меня доставили в милицию, заставили вывернуть карманы, их содержимое передать жене, а также пояс. Этот пояс она подарила мне в самом начале нашей любви. Я часто шутил: «Пояс мой — от самой Афродиты».

И вот я остался без пояса, в светлых лёгких одеждах. Дураку ясно, что они идут на прямую провокацию, чтобы вызвать во мне бурный протест, сопротивление или чего-нибудь такого, чтобы занять повод для принудительного лечения в «психушке», более убедительный, чем уже имеющийся: «всё пишет и пишет» (жалобщик, сутяжник). Логика у них «железная»: если я в обычной ситуации заведующего лечебницей нарёк «жополизом», то в экстремальной — от меня всего можно дождаться. Слов соответствующих, разумеется, по мере пребывания в КПЗ в моей душе накапливалось всё больше и больше, но я вовсе не намерен бросать их на встречный ветер, да и не досуг — днём бью мух, пока всем не надоест, а после обеда с Бывалым режусь в шахматы. Вчера засиделись до глубокой полночи, отчасти от того, что вошли в азарт, а главное, что прибыло пополнение — пара салаг, корчивших из себя фраеров: одного должны судить за угон автомобиля, другого — за взлом магазина. На первый взгляд всё оказалось весьма странным: почему он, сумев без приключений проникнуть в магазин, вместо того, чтобы нагрести, чего душа пожелает, и смыться — удобненько там устроился, всю ночь пил, ел, курил, а под утро — заснул. То-то хохоту было, когда обыватели узнали, как незадачливого грабителя утречком накрыли тёпленького, сладко посапывающего, разомлевшего. И действительно, без смеха ни рассказывать, ни слушать об этом невозможно, а я увидел здесь

трагедию: он специально «попался», чтобы сесть в тюрьму, где всё было логично и понятно, потому что на воле — места для таких людей нет, а «прожигать» жизнь рискованно, кажется, ему тоже оказалось не по нутру.

Новые «пассажиры» сразу затеяли, как только закрылась за ними дверь, бурную «тюремную» деятельность: стали выпарывать из одежды закладки чая и тут же запаривать чефир в кружке, нагревая её подоженной «Правдой».

У однорукого судебный процесс завершился — вместо ожидаемых пяти он получил восемь строгого режима. Впереди у него — определённая, у нас нет, но за игрой тревоги не чувствуешь. Мы с Бывалым — на одном конце нар, Однорукий со шпаной — на другом. Наконец-то он нашёл свою аудиторию. Я с первой встречи почувствовал, что он — подонок, и теперь он с вызовом демонстрировал свою гнусь, со вкусом расписывал свои похождения по притонам, групповую «любовь», садистские расправы над своими «жёнами». Не дай бог, если б у него сохранилась и вторая рука...

Вчера я проигрывал Бывалому чаще, чем обычно, сегодня постараюсь взять реванш: Однорукого уже нет, прислушиваться не к кому.

Белая рубашка, которую передала жена, за сутки стала кремовой. Цвет бежевых брюк тоже изменился изрядно, но самое неприятное — они у меня лопнули сзади по шву, когда я выполнял йоговские асаны. Со всеми нуждами я обращаюсь к Бывалому. Иголка у него, конечно, нашлась, а нитки мы добыли из носка. Брюки таким образом я зашил и не свечу ягодицами, а йогу придётся делать в трусах. В йогу я верю, она выручала меня не раз «на воле». В юности я занимался спортом и на работоспособность вроде бы не жаловался, хотя я понимаю, что первый удар по своему здоровью я нанёс спортивными перегрузками, особенно тогда, когда, имея первый разряд по байдарочной гребле, рывками пытался «дотянуть» до мастера спорта, хотя обстоятельства уже работали против меня: учёба в медицинском институте, занятия наукой, но главная вредность заключалась всё-таки не в этом, а в постоянно влажной спине плюс ветер, плюс холод — какие почки выдержат такое? Насколько я себя помню, проявлялась почечная неполноценность у меня лишь бледностью. Но случился однажды серьёзнейший кризис — после сдачи крови (это было — преступление: у юноши сразу взять четыреста миллилитров крови!). Создано немало страшных историй про вампиров — клыкастых, волосатых, глазастых чудищ со зловонным ртом и струйками крови, стекающими с губ, но у меня выпили крови в два-три раза больше допустимого — в белоснежных условиях «стерильности», тонкими «чуткими» движениями нежных

женских пальчиков при сиянии лучистого взгляда и очаровательной улыбки, ободряющей мой «мужской» жертвенный поступок.

Днём меня потянуло к реке, я притаился мышонком в укромном месте на берегу и долго-долго глядел на тихое течение реки... А ночью появился страшный озноб, температура тела подскочила до сорока и выше. Несколько дней мама колдовала надо мной с помощью своих изведанных средств. Вот тогда-то я и понял впервые, что такое — лечение: не лекарства, а уход. Ни на одну из 10 тысяч болезней, придуманных научной медициной, моё состояние не походило, скорее всего, это был «аврал» по выработке потерянных кровяных клеток, ведь чем выше температура, тем быстрее они восстанавливаются. Тогда впервые появились изменения на языке — географический налёт, по всей вероятности пострадала и поджелудочная железа. Второй удар по своему здоровью был нанесен санаторно-курортной «диетой». Дело в том, что после окончания Винницкого медицинского института вместо того, чтобы уже через год защищать кандидатскую диссертацию по векторкардиографии, над которой я работал с пятого курса, имея уже публикации в научных журналах (по осциллографии, по векторкардиографии), но лишившись места в аспирантуре и потеряв возможность закончить диссертацию на «гребне волны», когда векторкардиография только заявила о себе, я вынужден был ехать по распределению аж в Забайкалье. Я сам выбрал Сибирь, чтобы уехать как можно дальше от «блатного города», и хотя везде, несмотря на мои таланты, начальство ко мне относилось всегда или просто жёстко, или очень жёстко, желания вернуться в город моей юности у меня не появлялось, но там оставалась мать, и я приезжал в отпуск почти ежегодно и бродил по родным южнобугским берегам, где пролетело моё детство, опалённое войной, но одновременно и освещённое заревом Победы. Ещё ничего не понимая и не осознавая, мы дышали животворящим озоном возрождения, возможно, инстинктивно, архетипически неся в душе образ птицы Феникс. В эти голодные годы я заражался неистребимым оптимизмом, который не вытравился ни опаснейшими жизненными испытаниями, ни скорбными знаниями, могущими иссушить сердце.

В юности я переполнялся поэзией и влюблённостью, но, увы, моя первая любовь была обречена не на восторг и счастье, а на горечь и печаль!

С юной красавицей женой я оказался за шесть тысяч километров от Южного Буга на одном из курортов Забайкалья, расположенном на сопке, полыхающей по весне розово-сиреневым пламенем багульника, дышащей пряным ароматом сосняка и лиственницы. Жизнь моя началась здесь, как праздник, хотя это была таёжная

глушь, а может быть, именно поэтому. Утром на работу, я шёл через сопку сквозь строй разлапистых сосен, а под ноги то и дело кидались грибы, то там, то сям попискивали бурундучки, шмыгали по веткам белки.

Талант курортного врача прежде всего проявляется в общении, в умении убеждать, что возможно лишь при широкой эрудиции и при определённых личностных качествах, ведь отдыхающие в санаториях имеют все уровни образования и социального статуса. Я начал заниматься гипнотерапией, выступал с различными лекциями, в том числе и по гипнозу с демонстрацией группового сеанса, что дало крупные «дивиденды» популярности. Некоторые больные приезжали на курорт специально, чтобы попасть на лечение ко мне.

В шестидесятые годы появилось народное средство «Стимулин Д» — спиртовая вытяжка из ядовитых жучков, предложенная Десятниченковым. Препарат обладал кожно-нарывным действием; будучи нанесённым на активные точки, используемые в акупунктуре, оказывал универсальную стимуляцию отдельных органов и всего организма в целом, как и любой яд в малой дозе. О возможности «Стимулина Д» можно судить, например, по факту, когда я вернул зрение инвалиду войны (лет семнадцать спустя после ранения и потери зрения). Помню, как он на последнем приёме настойчиво совал мне запечатанный конверт. Я конечно не взял, хотя и очень хотелось знать, насколько он оценил своё исцеление?

Я абсолютно убеждён, что медицина не должна быть платной, потому что иначе она становится преступной, но и зарплата медиков не должна быть нищенской. Во-все не обязательно содержать огромную армию медицинских работников, каждый человек обязан уметь соблюдать «технологию» жизни с важнейшей триадой: спартанское воспитание, лактовегетарианство, физическая активность. При выполнении этих условия в большей или меньшей мере врачи вообще не понадобятся. Подобные истины мне пришлось прежде всего познавать на себе.

На курорте мы пользовались санаторной столовой, поскольку жили в комнате без кухни, без плиты и прочего, а это значит, что трижды в день имели мясные блюда, а также творог, сыр, яйца, масло, сметану. За всю жизнь ни такого количества пищи, ни в таком ассортименте я не едал. Мы с женой были молоды и не жирели, но «тугой живот» я ощущал постоянно, особенно по вечерам, так что приходилось «смягчать» его нарзаном.

Прошло несколько лет, и у меня сначала появился шейный остеохондроз, от которого спасался только «Стимулином Д», один за другим начались портиться зубы, а

ещё через несколько лет обнаружился сахарный диабет. Таким образом, санаторно-курортное питание явилось вторым и самым страшным ударом по моему здоровью, что навело меня впервые на глубокие размышления. Окончательно я разобрался в своих болезнях, когда дважды случились приступы аппендицита и оба раза после злоупотребления бараниной, причём во второй раз приступ протекал архисерьёзно — с температурой под 40 градусов с ретроцекальным абсцессом, который фактически никакой альтернативы не допускал: если срочно не сделать аппендэктомия, гнойный перитонит не миновем. Если врач такого больного срочно не госпитализирует, у него надо отбирать диплом, но в отношении к себе я имел право — хочется сказать «на риск», а на самом деле — на единственно правильное лечение — голодание. Если у кого обычное голодание идёт туго, лучше сочетать его с аутоуринаротерапией. Я должен предупредить, что мой случай — не для подражания, я рассказываю о нём, чтобы показать, насколько велики возможности организма. Мне пришлось вместо операции идти на голодание, а вместо больничного листа продолжать работать (ни один врач не будет вести такого больного амбулаторно). Так я оказался в тупиковой ситуации при отягчающих обстоятельствах, поэтому первые несколько дней принимал внутривенно хлористый кальций и аутогемотерапию (внутримышечное введение собственной крови), через неделю голодания подключил йогу. Боли в пояснице и правом бедре были ещё значительны из-за раздражающего действия ретроцекального инфильтрата на подвздошно-поясничную мышцу. По этому признаку (болям) и по тому, насколько было затруднено движение в пояснице я имел возможность следить за состоянием инфильтрата, который стал заметно рассасываться лишь на второй неделе голодания, но состояние «натянутости» в правой подвздошной области полностью прошло лишь в середине третьей недели, поэтому я решил ограничиться трехнедельным курсом. Двадцать один день полного голодания плюс ещё и врачебная работа (я представляю, о чём думали больные, когда я, потеряв 8-9 килограммов своего далеко не избыточного веса, продолжал твердить всем: «Жрать надо меньше»), плюс репетиции со своим театром, плюс вынужденные поездки по срочным делам в поезде и на автобусе. Так случилось, что премьера нового фольклорного спектакля пришлось как раз на 21-ый день голодания — полтора часа напряжённой работы, поскольку я кроме режиссёрской функции исполнял четыре роли, а на следующий день — любовное свидание с женой!

Ещё раз повторю, всё, что я утверждаю и отстаиваю, выстрадано мной, проверено или на себе, или на практике, даже казалось бы в случаях несопостави-

мых. Когда я слышу или читаю ахинею, что Пушкина-де сгубила среда, царский двор и даже сам царь, и когда восторгаются к тому же совершенством его Натали, я всеми фибрами души ощущаю фальшь. Пушкина убило супружеское предательство, великое «мужинское» унижение при выявлении всё новых и новых «достоинств» супруги: будучи беременной, отправиться на бал, принимать ухаживания кавалеров, танцевать и... разродиться в увеселительном учреждении. За подобные «совершенства» самый последний мужичонка исхлестал бы свою бабу вожжами. Сколько раз поэт звал свою благоверную уехать в деревню и жить там в согласии и счастья, но шкала жизненных ценностей у Натали была иная — как можно отказать от ухаживаний придворного бомонда — от дантесов до царя. О степени нравственности Натали и её семьи можно судить по обману в отношении приданого и прочих вопросов.

Окажись жена Пушкина иной, и жизнь гения пошла бы по другому руслу, хотя как знать, ведь он, как и Моцарт связался с масонами, а выход из масонской ложи — это всегда смерть.

У меня имелась своя «Натали», правда, называла она себя «Изабеллой» (а второго супруга своего — «Вальдемаром»). Такие женщины обречены быть в кругу обожателей, потому что нуждаются в поклонении постоянно. В «четырёх стенах» они изгрызут и домашних, и себя, как Анна Каренина. Прожив восемь лет в таёжном посёлке, мне лишь один раз удалось «вытянуть» супругу в тайгу на отдых, что кончилось, разумеется, скандалом: ну кто в лесу может оценить её прелести! В сознании подобных женщин муж — не только не на первом месте (после жены), но и не на втором, а дальше третьего, потому что любой сосед для неё обладает большими достоинствами, не говоря уже о начальствующих особах, сделавших более удачную карьеру.

Обладая огромным жизненным потенциалом, творческой энергией и жадной любви, на самом взлёте жизни я почти постоянно страдал от душевной боли, как от зубной, и её не унимали даже «свидания на стороне» — малое утешение за «непервостепенность».

Мне вовсе не хочется плакаться из-за неудавшейся семейной жизни с моей «Натали-Изабеллой», я лишь называю истину — судьбоносности правильного или ошибочного выбора в любви. В этом деле нужно не влюбляться, а выбирать. Мне возражат: все мы сильны задним умом. Что касается меня, то я знал наперёд обо всём — вот моя дневниковая запись за полгода до женитьбы: «Такова жизнь и всё на

свете: 23.11. Белочка подарила игрушку и поздравила с днем СА — очень мило с её стороны. Всё было как нельзя лучше и, расставаясь, она веселилась по-своему: всяк и всё обливая циничными шуточками. Смеяться вместе или возмущаться? Ничего святого! А у меня разве есть? Есть, единственное, на что хочу перенести центр тяжести жизни — это любовь. Почему же я так цепко схватился за красивый стебелёк ядовитого растеньица?

Мичуринец, ты возжелал вывести плодоносный сорт ветвистой пшеницы. Знаю, что невозможно, но уже из-за упрямства лихорадочно рыхлю почву, поливаю, выхаживаю, и так до тех пор, пока солнце не удалится и не наступит зима, и тогда на поле моём снег покроет утерянное невозвратно: силы, время, надежды.

Жизнь — не только потери, но и приобретения. Накопленные материальные ценности легко потерять, а моральные, духовные — нет. Хорошо бы иметь и то, и другое, но если приходится выбирать, то стремиться надо к духовным богатствам. С этой истиной я ушёл в одиночество, в творчество и по сравнению с семейным дискомфортом чувствовал себя личностью.

К сожалению, на ошибках учатся лишь на собственных и то не всегда, возможно потому, что с детства, с юности нам не дают правильные ориентиры. Воспитание, формирование личности — не частное дело, а государственное. «Я шоколад люблю, кто посмеет мне запретить его?» Но злоупотребление шоколадом вредит здоровью, почему семья должна тратиться на твоё лечение дополнительно? Если не помогают разъяснения, вполне оправданы и другие воздействия. И так во всех случаях жизни, ведь на всякое «хочу» может найтись и применится своё «нельзя».

В жизнедеятельности всех существ нет ничего важнее трёх главных инстинктов: самосохранения, пищевого, полового — мотора всего живого на земле. Они стимулируют развитие и совершенствование каких-то определённых качеств: силы, выносливости, скорости, приспособляемости, коллективности, абстрактного мышления, наконец. Сколько бы мы ни говорили о главенстве разума, головной мозг всегда остаётся в зависимости от нижележащих отделов, т.е. подкорки, формирующей инстинктивную жизнь. Вышестоящие структуры развиваются для обслуживания нижележащих, формирующих жизненные процессы в организме. Способность первых тормозить, корректировать функцию последних воспринимается многими учёными как главенство коры над подкоркой, подобно тому, как водителю машины может показаться, что руль и тормоза важнее мотора, а на самом деле они служат ему.

С усложнением строения живых существ и их коллективной организации, в том числе и социальной, могут создаваться иллюзии угасания инстинктивной жизни. Более того, многие религии вообще объявляют войну инстинктам — первородному греху; и чем более остервенело борются с ними, тем неукротимей поднимаются в душе «сатанинские силы», что в свою очередь утверждает церковь в своей правоте и толкает на самые уродливые действия. Известны факты, когда некоторые несчастные, доведённые служителями храма богини Кибелы до религиозного экстаза (т.е. сумасшествия), беснующейся толпой вырывались из храма на улицы и в беспомощности отсекали себе половые органы и, обливаясь кровью, несли их в руках. И для христианства членовредительство весьма характерно: монашество, оскотление, верижничество, эпитимьи, брезгливое отношение к телу и т.д. Не для возвеличивания личности создавалось христианство, а для закабаления человечества. Только зомбированием объясняется вся та несуразность и веры, и действий, направленных в ущерб естественных интересов человека, ведь среди животных ничего подобного не встречается. Недаром каждая религия имеет две политики: экзотерическую, внешнюю, направленную на охмурение толпы, паствы, «овец» и эзотерическую — для внутреннего применения в среде жрецов, заключающую методы, способы и приёмы «охмурения» непосвящённых, т.е. попросту зомбирования; без сомнения, каждый религиозный человек — зомби. Без подавления инстинктов, без нагнетания страха никакая религия в принципе невозможна. Вот почему одним из главных козырей «духовности» является жупел светопреставления: вопили о конце света и в 500-м году, и в 1000-м, а потом в 1260, 1420, 1533, 1843-1845, и в 1847, и в 1951, и в 1914, и в 2000-м. Как видно, особенно хотелось церкви «напужать овец» в середине XIX века, когда бурное развитие науки привело к кризису религиозного мировоззрения. Конец всевластия церкви казался попом концом света.

Религии выжигали инстинкты калёным железом. Безбрачие было пределом доблести, но уж если кто связывал себя семьёй, то узы её крепились «железными болтами» ханжества. Богобоязненные мусульмане со своих жён могли кожу содрать за измену или закидать камнями, или утопить в воде; в Китае — вырезали соответствующее место или сбрасывали со скалы, или связанными кидали в муравейник; а девственниц-весталок повсеместно за согрешение закапывали в землю, так что у жриц имелся только один шанс уцелеть при беременности — внушить всем, что зачатие у них непорочное, если конечно главный жрец не отвергнет свою любовницу и сына. Так появился на свет «непорочно зачатый» Кришна, за ним Орфей, а потом

и Христос. Во благо всего человечества не щадили никого: в Англии даже королю отрубили голову и прочее за мужеложство. Иван Грозный утопил свою жену на следующее утро после свадьбы, не обнаружив девственности.

Эпоха воинствующего пуританства закономерно должна была смениться на свою противоположность — сексуальную революцию. Если бы возможно было описать один-единственный день людской, вернее — сутки со стороны сексуальной, получилась бы самая правдивая характеристика человечества в целом и любого народа в отдельности, и каждого человека в частности. Прежде всего ужасает астрономическая цифра венерических заражений — более 600 тысяч ежедневно!

Король СПИДа канадец Дугас ежегодно заражал ВИЧ-инфекцией триста партнёров в течение семи лет, причем рассевал он эту заразу сознательно. Как не вспомнить Ницше с его идеей о сверхчеловеке, агрессивном индивидууме, попирающем мораль и права более слабых. По Ницше, совесть, любовь — признаки вырождения, удел серости и бессилия, более того — признак душевной болезни, идиотизма. Не на этом ли помешались янки?

Сам Ницше в конце концов сошёл с ума, кончил жизнь в богадельне, а его идеал сверхчеловека — тип неандертальца тоже не выдержал гонку в эволюционном марфоне, несмотря на свою силу и агрессивность.

За эру человеческой цивилизации над Землей прошелестело более 80 миллиардов людских жизней. Земля густо удобрена их прахом, а над ней в атмосфере густеет и концентрируется выделенная ими энергия — ноосфера, способная давать информацию людям о прошедшем и будущем. За пять тысячелетий прошумело более 15 тысяч войн, к тому же исчезали целые города от стихий, как Геркуланум и Помпея, уходили под воду континенты, а с ними и целые цивилизации: Атлантида, Гиперборея. Но и того, что оставили наши предки в виде памятников материальной и духовной культуры, вполне достаточно, чтобы познать основные законы природы, общества, отдельной личности. Инстинктивно в этом океане знаний не разобраться: человечество уже не вернётся в первобытное естественное состояние жизнедеятельности; остаётся последняя надежда на разум, надежда на того поводыря, который уже не раз заводил в болото иллюзий и предубеждений, в дебри религиозных и идеологических хитросплетений. Но способен ли в принципе человеческий мозг на познание истины? «Нет, не способен, — нашёптывают нам агностики, — не способен, поскольку у мышления — свои законы, у природы — свои, мозг воспринимает природу лишь в своём режиме работы, оттого-то и появляются об одном факте или явлении прямо противоположные суждения».

Но, во-первых, существует возможность непосредственного постижения природы (не только через мыслительные процессы), во-вторых, объективность знаний подтверждается практикой, как бы то ни было, но уроки в любом случае извлекать надо и не только из собственного опыта и знаний, но и из всякого прочего опыта и знаний. Накануне нового тысячелетия задумываться о дальнейшем своём пути весьма кстати. Путь религиозной цивилизации — это путь ханжества и мракобесия, как показало Средневековье, путь идеологизированного общества по сути оказался новой религией: Бог — Светлое Будущее, пророк и наместник бога на земле — Генсек, архангелы — Политбюро, пастыри (попы) — партгорги. И то же ханжество, и та же двойная мораль, и та же инквизиция. В наследии Ленина — ни строчки о любви, зато постоянные призывы к вселенской резне. Говорить о самом справедливом обществе, а захватив власть, устроить небывалую до сих пор резню — разве это преступление против человечества не должно иметь своего Нюрнберга? О первых христианах — бомжах Иерусалима и бунтовщиках галилейских — известно немного, ещё меньше — о человеке, которого впоследствии несколько столетий спустя назвали Иисусом Христом, и который создал вооруженную организацию с целью захвата власти: «Не мир пришел я принести, но меч» (МФ, 10:34). Путч не удался из-за предательства Иуды, и бунтовщика казнили как разбойника. Пророк, пришедший с проповедью «любить врагов своих» и «подставлять вторую щеку, когда тебя ударили по первой», не мог быть казнённым, хотя в психбольницу обязан был угодить, если бы действительно нёс подобную ахинею сам лично, а не хитрые левиты столетия спустя. Искусственные религии вытекают из преступлений: о марксизме уже говорилось, кришнаизм родился в результате междуусобной резни с колоссальными жертвами между пандавами и кауравами за обладание Хастинапурой (современный Дели); христианство начинало с разбойничьих Крестовых походов и уничтожения мировых библиотек; основатель ислама начал с дерзких нападений на земляков даже в святые праздники, а кончил разрушительными походами и обширнейшими завоеваниями чужих земель.

Религия приносит не мир, а рознь, ибо каждая клерикальная организация борется за каждого прихожанина — источника её доходов. Христианству — около двух тысяч лет, но оно не только не консолидируется, а разъединяется всё больше и больше; но если конфессии, исповедующие единого бога, не способны к единению, то что говорить о разнородных религиях?

Единственное, что может привести к взаимопониманию народов, это учение о

жизни, исключаящее какие-либо расовые, религиозные, идеологические, национальные, клановые интересы, и таким учением является биосоционика с её семью положениями: 1. Вектор человеческой эволюции направлен от человека-зверя к Богочеловеку. 2. Развитие индивида обусловлено гено-фено-архетипом. 3. Жизненный потенциал этноса заложен в обрядовой и языковой культуре, фольклоре, орнаменталистике. 4. Жизнь и культура индивида является продолжением жизни и культуры его родителей, его предков. 5. Крепкое здоровье — фундамент жизни, основа счастья. 6. Через любовь — к счастью. 7. Единство макро и микрокосма.

Проповедуя биосоционику, разве я ущемляю чьи-либо права? Разве это оскорбляет чьи-либо религиозные или политические интересы или национальное сознание? А разве язычник или иудей, или христианин, или мусульманин, или кришнаит, или буддист ущемит свои интересы, если станет руководствоваться положениями биосоционики?

Биосоционика — это наука и практика здоровья, наука и практика любви, наука и практика культуры, наука и практика социальной жизни. По сути, она дает представление об оптимальной жизни. Чтобы соотнести нашу жизнь с ней, надо исключить то, «на чём человек спотыкается». Человек начинается до рождения, до беременности, до загса. От выбора партнёра для создания семьи зависит вся последующая жизнь. Траектория воспитания должна упираться именно в эту проблему, задача человека — вырасти здоровым и научиться любить; чтобы создать полноценную, крепкую, здоровую семью шансов у флегматика и сангвиника больше, чем у холерика и меланхолика. Парный союз может и не состояться из-за физической, генетической, психической, интеллектуальной несовместимости партнёров. Человек как минимум состоит из трех сущностей: физической, эмоционально-волевой и ментальной, которые способны к саморазвитию, к самосовершенствованию. Современная школа призвана насильно «напичкать» неучей какой-то минимальной суммой знаний, упуская принцип саморазвития и наличия, кроме ментальной, ещё и физической, и духовной сущностей, которые остаются в школе в «заплесневелом» состоянии. Одним словом, нужен иной подход в школьной и дошкольной педагогике, новое структурирование знаний, основанное на биосоционике. Главный принцип педагогики — обеспечить саморазвитие физического, эмоционально-волевого и ментального начала у детей и подростков при «раздельном старте», начиная с физического и с его преобладанием на начальном и среднем этапе, поскольку все остальные человеческие качества и структуры задействованы через опорно-двигательный аппарат.

Упуская детализацию, должен подчеркнуть, что в предлагаемой мной схеме школьного воспитания и обучения, во-первых, даётся новое структурирование знаний, распределённое на семь блоков дисциплин согласно семи положений биосоциологии; во-вторых, вводится новая парадигма воспитания и обучения, направленная на физическое, нравственное, интеллектуальное саморазвитие, а не на принуждение в стремлении вложить определённую сумму знаний, далеко не бесспорно оправданную в принципе, как это принято сейчас, для чего существуют рычаги воздействия: отметка, экзамены, второгодничество и т.п., которые к истинному воспитанию не имеют никакого отношения, а если и имеют, то лишь отрицательное; в-третьих, на равных вводятся: физические дисциплины (спорт и труд), эстетическое воспитание в национальных традициях (изобразительное, прикладное искусство, хоровое пение как обязательная дисциплина, музыка, драматическое искусство). Три вида деятельности, которые должны занять молодёжь вне учёбы: спорт, художественная самодеятельность и творчество (в школах, Домах творчества, на спортивных базах), а в летние каникулы — спортивные или профильные лагеря. Не менее важно и обучение родителей. Спорт и культура не должны быть коммерческими, во всяком случае на этапах детского, юношеского и массового движения. Статус народной песни должен быть максимально высок, а равно и тех, кто её пропагандирует. Нужно ширить движение «Играй, гармонь», создание фольклорных театров в противовес поп-рок-движению, стимулировать творчество мастеров русской эстрады под флагом фестивалей и конкурсов Шульженко, Руслановой, Талькова и др. В работе радио и телевидения программы зарубежного искусства и культуры не должны давить над национальными. Необходим Комитет с какими-то административными и прочими функциями для обуздания безнравственности, порнографии, пропаганды жестокости и насилия, что обрушилось на молодёжь под видом свободы слова и личности, чем пользуются враги России, чтобы разложить, раслупить её изнутри. Как в отдельной семье есть хозяин, проводящий ответственную семейную политику, так и в государстве глава его обязан остановить анархию и беспредел в идеологических и нравственных вопросах.

Эстетическое воспитание детей должно проводиться на традиционной основе. Теоретической предпосылкой для этой системы обучения и воспитания служит положение о том, что развитие индивида в целом повторяет этапы эволюции всего человечества (онтогенез повторяет филогенез), при котором первым включается физическое развитие, потом нравственное (чувственное) и интеллектуальное, т.е., образно говоря, в самом начале жизни и становления личности имеет место «раз-

дельный старт» формирования физического, духовного и ментального, после чего все три компонента развиваются параллельно.

Основополагающим является также понятие о диалектическом развитии человеческой культуры, включающем три этапа: 1. синкретический, 2. дифференциации, 3. обобщения.

На первом этапе не происходит разделение физической и духовной деятельности (каждый является всем), на втором этапе идет дифференциация труда, формируются отдельные профессии, специальности; на третьем этапе происходит синтез предыдущих знаний и навыков на более высоком качественном уровне (это и есть биосоционика).

Соответственно должно проводиться и воспитание детей. На первом этапе, носящем коллективистский характер, дети получают основы эстетического воспитания, исходящего из национальных традиций, включающей три основы: частушечно-плясовой жанр, орнаменталистику и обрядовую культуру.

Таким образом, дети детсадовского и раннего школьного возраста вбирают основы национальной культуры на уроках, носящих характер драматического действия: рисуют, поют, пляшут, участвуют в играх. Тематика уроков: «Мой дом», «Наш дом», «Во саду ли в огороде», «Далеко от дома», «Кто где живет», «Свадебный обряд».

Например, в первой программе «Мой дом» рассказывается об основных элементах человеческого жилища. Строительство дома — ритуал. Каждое окно в нём — не только окно как таковое, глядящее в мир, но и глазок во внутрь семейного мира. И окна, и весь дом обрамлялись резьбой с вечными символами солнца, влаги, плодородия. Дом человеческий — отражение картины, с одной стороны, макрокосма, с другой — микрокосма; одновременно он походит и на Вселенную, и на человека.

Внутри дома самым священным местом была печь. Возле неё давались клятвы, в ней прятались молочные зубы детей, пуповины новорождённых, в подпечке обитал домовый.

Кроме печи и матицы имелась ещё одна святость — передний (красный) угол, где в языческие времена находились идолы, в христианские — иконы, обрамлённые ритуальными языческими полотенцами.

Орнаментами освящались и предметы внутреннего убранства дома; стул хозяина (князя) украшался с особой тщательностью символами неба, солнца, воды, знаками плодородия.

На сундуках, коробах — символы солнца, плодородия и богатства; на горшках

у горловины — волнистые линии, чтобы не оскудели содержимым. Через посуду легче проникнуть злым силам, вот почему именно посуда нуждалась больше всего в охранительной символике; расписная посуда не блажь, а защита здоровья и благополучия семьи. Ковши, ендовы — это птицы, кони; а в прялке заключён был весь космос; даже на колыбели изображалось солнышко, но не дневное, а ночное.

Не всё в доме почиталось: ухват, кочерга, помело — имели дурную славу, поскольку ими пользовалась и нечистая сила. Баня тоже считалась местом нечистым, обитателей загробного мира ублажали именно здесь. А вот в хлевах и овине, где имелась печь для сушки снопов, молиться скотьему богу Велесу было в аккурат.

После знакомства с человеческим жилищем и с его основными частями, а также с орнаментом, даётся детям задание нарисовать дом, а затем выбирается лучший.

Для иллюстрации играетя сказка о трёх поросятах, построивших себе домики из разного материала с разным усердием; о волке, чуть не съевшим нерадивых работников, ведь дом — ещё и крепость.

Все дети без исключения принимают участие в таких уроках с восторгом. Особенно эмоционально проходит та часть, когда волк преследует поросят (бегают вокруг столов или преодолевают другие препятствия) и в конце концов удаляется, сконфуженный неудачей, а обрадованные своим спасением три поросёнка напевают частушки и пляшут буквально до упаду, а вместе с ними и все остальные дети.

Не менее интересно проходят и все остальные программы.

Очень важно и внешкольное воспитание, прежде всего семейное, но для этого необходимо обучать и самих родителей.

У ребёнка не должно быть «ничего неделания», но в то же время общение с природой: вслушивание, всматривание, вчувствование, вдумывание — это весьма ценная форма досуга; чем больше устанавливается связей с внешней средой у субъекта, тем полнее он реализует себя.

Но главное на данном этапе, чтобы сохранить от тлетворного влияния рок-рэп-поп-бизнеса на детей и на всё население России, необходимо навести строгий порядок во всем государственном доме, во всей русской культуре.

В России имеются огромные потенциальные возможности для наведения порядка, прежде всего через традиции казачества, а для этого необходимо вернуть ему право на пограничные земли, на самоуправление, на воспитание молодёжи вместе с обязанностью стоять на страже интересов России.

Почти незамутнённый генофонд, здоровый, жизнеспособный сохранили старо-

обрядцы. Их не коснулось растление ни большевизмом, ни иноземщиной. Для таких категорий граждан, живущих в России и за рубежом, в своё время выброшенных из родных земель, следует создавать статус наибольшего благоприятствования, во-первых, потому, что страна оказалась невольной виновницей их преследований, во-вторых, они наиболее способны возродить Россию. И наоборот, иноплеменную иммиграцию надо ограничить до минимума, потому что собственная территория любого народа является единственным гарантом его обеспеченного будущего. Охмурённые свободой и демократией, многие страны Европы, прежде всего Франция, Германия, через десятки лет могут потерять свою национальную специфику, поскольку уже сейчас прирост цветного населения там значительно выше, чем коренного.

Не секрет, что и в России идёт агрессивное пропитывание китайцами, вьетнамцами наших восточных территорий и Сибири, а также со стороны южных соседей, азербайджанцами, среднеазиатами прежде всего. По какой логике объявляется дом отдельного гражданина неприкосновенным, а государство, где он проживает, проходным двором? На протяжении многих тысячелетий русские сформировали своё государство в течении многих поколений возделывали свои земли, проливали кровь за них, защищая от многочисленнейших разбойных нападений, а теперь более хитроумные завоеватели объявляют, что не пускать паразитов в свой дом — это нарушение свободы и демократии. А не иудомасоны ли, скопившие работоторговлей, продажей алкогольных напитков, табака и наркотиков огромные деньги, придумали эту самую свободу и демократию, чтобы скупать беспрепятственно лучшие земли и жизненные ресурсы прочих народов, прежде всего российских?

Письмо пятое

Поистине число «7» — священное: на седьмые сутки «капзээшной» жизни окно в железной двери лязгнуло как-то по-особому, и физиономия дежурного показалась более симпатичной: вслед за сообщением о том, что меня требует начальник милиции, он заговорщицки шепнул мне: «Там Ваша жена!» Вот так подарок! Всё-таки добилась!

Я засуетился: «Боже мой, ведь оброс, как пёс!» «Снимем растительность, ишшо красивше будешь! — пообещал Бывалый. Откуда-то извлёк половинку бритвочки, отодрал щепку от нар и вставил в неё лезвие. Я мылил лицо, а Бывалый сдирал мою щетину...

Моя жена — моё солнышко. Себя уже не представляю без неё. Порой становится

страшно при мысли, что могли бы и не встретиться. а встретившись и полюбив, могли и не выдержать всех мирских передряг и женсоветов. Решение женсовета у меня и сейчас перед глазами: «Запретить Терещенко Б. Н. встречаться с Дрепак В. П., в противном случае ходатайствовать перед поссоветом о выселении Терещенко Б. Н. из Шушенского.»

Для меня, поставившего после первой неудачной женитьбы, всё на единственную, как мне казалось, козырную карту — творческий успех, скандал в шушенском ханжеском «святом семействе» означал сбой в публикациях, в выступлениях на радио и телевидении, потому что во все редакции полетели соответствующие компроматериалы.

И тем не менее, выбрав открыточку с цветочками, я написал на ней: «Шушенское, поссовет, Председателю женсовета Поспеловой Марии. Спасибо женсовету! — Супруги Терещенко». Скандал разгорелся не на шутку, поскольку меня обвинили в издевательствах над советской властью.

Есть древняя мудрая легенда о том, что когда-то люди, имея двойной набор человеческих качеств, возомнили себя равными богам и восстали против них. А боги, победив людей, в наказание за дерзость и строптивость расчленили их надвое, а половинки разбросали по всей планете. Вот почему человек сам по себе — не единица, а лишь половинка. И только тогда, когда он находит свою половину и воссоединяется с ней, становится вновь равным богам.

Я на свою половинку вышел со второго захода, но заслуга в том не моя, а Валентины. Судьба у нас с ней весьма и весьма не проста. Я заявился в Шушенском, умудрённый восьмилетним опытом неудачной семейной жизни, после которой пять лет свободного холостячества казались мне, если не райскими, то, по крайней мере, вполне беспечальными. На всякие любовные фантазии я взирал с затаённой снисходительной усмешкой: вечно лишь проза, романтика же — скоротечна. Мысль, что счастье следует искать лишь в творчестве, вроде бы подтверждалась быстрым ростом моей популярности как поэта и как драматурга. Успешным было моё сотрудничество с Шушенским народным хором и его руководителем и композитором Серафимом Щукиным, с которым мы написали несколько очень удачных песен, исполнявшихся в Москве и за рубежом как народные, а о первом моём фольклорном спектакле «Енисеева судьба» писала не только вся местная пресса, но и центральная, в том числе газета «Правда», журнал «Огонек» и др.

Но именно на гребне успеха после премьеры «Енисеевой судьбы», вобравшей,

пожалуй, и мою судьбу, я вдруг почувствовал огромную пустоту в душе, когда после шумных оваций и вызовов на сцену вдруг оказался один в пустой квартире. Вспомнился рассказ Чехова о знаменитом артисте, юбилей которого собрал в театре весь городской бомонд; когда же отшумели тосты и поздравления и все разошлись по домам, то выясилось, что юбиляр был забыт в пустом ночном здании театра.

Валентина, будучи солисткой Шушенского хора, запевала почти все мои песни. Моя легенда женатого человека, который с получением квартиры привезёт свою семью, казалась убедительной для всех, только не для Валентины. Я мог убедить кого угодно, в чём угодно, но она слушала меня не ушами, а сердцем, и была первой и единственной, познавшей меня целиком. Я, конечно, чувствовал её ауру, но этого было недостаточно для особых отношений. К тому же мои оценки её выступлений носили нелицеприятный характер: то жесты угловатые, непластичные, то улыбка жалкая, неуверенная, а лоб сморщенный, то песня неудачная. И тем не менее, как-то получалось само собой, что мы оказывались рядом и говорили, говорили...

Логика у Валентины своя, особая: когда я объяснял ей, что счастье в семье невозможно, что оно доступно лишь в творчестве, она наивно спрашивала: «Но почему семья должна мешать творчеству?» Ну, что тут сказать, если человек вообще не способен понять психологию великих творцов, механизм творческого процесса, что по сути является сублимацией полового инстинкта, компенсацией сексуальности, а не апофеозом любви. Петрарка, отринутый Лаурой, возможно поэтому всю жизнь и посвящал ей свои сонеты, а Данте, которого не оценила Беатриче, взял да и сотворил «Божественную комедию», величайшее поэтическое произведение с виртуозной композицией. Да возьми почти любого гения, хоть зарубежного, хоть нашего, у каждого что-нибудь да не так. А Валентина всё твердит: «Да какое же это счастье, если всё — не так? А любовь?» «Ну, может быть, где-то у кого-то и «так», но там и творчества великого нет!» «Странное дело, у глупых пичужек всё получается: и песня, и гнездо, а у мудрых людей всё — шиворот-навыворот, а не в мудрствовании ли беда вся?»

В подобных случаях диалог легко закончить пресловутым: «баба, она и есть баба», но у меня закралось сомнение в своей правоте. И действительно создано неисчислимое множество художественных произведений, а в них почти всё одно и то же: начинается жизнь с мечтаний, восторгов, лирики, а кончается безверием, драмой, трагедией. Человечество создало обширнейшую антологию на тему «Как быть несчастным», не пора ли создавать другую — «Как стать счастливым», которая бы

раскрывала эту проблему со всех сторон: философской, психологической, генетической, медицинской, педагогической, этической, социологической, экологической. Но сколько ни разрабатывай проблему счастья, главное — суметь раскрутить её на личном примере. Сегодня это удалось сделать единицам, завтра — десяткам и тысячам, а в дальнейшем — всем, кто пойдёт по их пути.

Рагуя за великое будущее всего человечества, я прежде всего заинтересован в утверждении своих прав на достойную жизнь и человеческое счастье. Как сейчас помню судилище, устроенное надо мной 2 июня 1978 года во Дворце культуры курорта при аншлаге. Мы с женой оделись в самые светлые одежды, в которых расписывались в ЗАГСе. Вся курортная интеллигентствующая шпана работала неумоимо и завзято: лжесвидетельствовала, хлопала в ладоши в поддержку речей моих обвинителей и шикала на меня, когда я задавал вопросы или пытался объяснить суть дела, а судья просто нагло лишал меня слова. Полдюжины процессуальных нарушений, более двух десятков искажений в судебном протоколе, который я смог вытребовать для ознакомления лишь на двенадцатый день(!) после суда (я защищался сам).

Через две недели после суда — на день медицинского работника — все участвующие в судебной расправе, истцы и лжесвидетели, были щедро вознаграждены премиальными. Никогда ещё коллектив — ни до, ни после — не был столь сплочённым и окрылённым. Подлость, мошенничество, преступления способны, оказывается, цементировать общность весьма и весьма.

Что касается меня, то за всю свою предыдущую жизнь я не был более чист, более искренен, более трепетен — именно через любовную чистоту я приобрёл и нравственную, и гражданскую силу. Не кривя душой даже перед собой, могу свидетельствовать, что в течение всей моей жизни в любой драке, в любой стычке, даже в продолжительной трёхлетней борьбе с курортной мафией я никогда не отчаивался; на любой удар пытался ответить более сильным и точным. Сложилась ситуация, например, когда моё письмо на имя Генерального Секретаря по эллипсоидной орбите попало в руки главного врача, который с издёвкой зачитал его «сплочённому коллективу» со словами: «Пиши хоть господу богу». Это было уже третье моё обращение в ЦК, но у меня те только не опустились руки, а зачесались ещё больше. В тот же день я даю телеграмму-молнию Первому секретарю крайкома: «Как моё письмо Генсеку оказалось в руках главврача?», и тут же строчу депешу — четвёртую Генеральному Секретарю ЦК с требованием объяснить случившийся пассаж.

И в результате Председатель терсовета, которому письмо было передано из край-

кома для разбирательства, слетел со своего тёпленького местечка, слетел тот, кто с самого начала шантажировал меня: «Ску-ша-ют». Возможно, меня и скушают когда-то, а я его — уже съел!

Детские драчки просто необходимы (на Руси всегда практиковались кулачные бои), я рос в них, они готовят будущих мужчин, защитников матери, любимой женщины, Родины. В нашей стране будущих защитников семейного очага и Отечества воспитывают женщины, а попросту бабы: «Ещё поешь, а то в кино не пущу!», «Не беги шибко, устанешь», «Укутайся шарфом, простынешь!», «Уступите ребёнку место!» И растут у нас мужчины-кисели, недоросли-паиньки, мужчины-жлобы. В спорт уже почти не идут. Предел мечтаний юношества — зарубежные шмотки. Разумеется, дело не столько в женском воспитании, сколько в изначальной цели иудобольшевиков — выхолостить славянскую нацию, деморализовать, «размазать» если не по стене, то по территории и отбить всякую попытку к сопротивлению, к протесту. Гумусный слой нации — два миллиона интеллигенции — вырезали или вышвырнули из страны, силу нации — офицерство и казачество изничтожили на корню (около трех миллионов), корень нации — более 10 миллионов крепких крестьян — превратили в прах. При абсолютном партийном и государственном беспределе русский мужик был лишён элементарной возможности защищаться даже перед хулиганьём: если дашь отпор, получишь больший срок, чем насильники. И после этого на всех перекрёстках, на всех эстрадных площадках «штатные» юмористы и сатирики ещё и издеваются над русским мужиком-лопухом, не способном ни слово острое молвить, ни за себя постоять. Нам внушают, что по непутёвости своей русские и культуру свою крепить не способны, вся она (как и многое прочее) — в руках «варягов». Кругом виноват русский мужик!

Я прошёл и через детские драки, и через спортивные баталии, а каково Валентине? Что меня по-настоящему угнетает, так это чувство вины перед ней за причиняемые душевные страдания. Правда, я её предупреждал и не раз, что со мной будет очень и очень трудно. Ничем не мог запугать, пошла за мной без оглядки. Прошла с честью шушенские пересуды, женсоветы, и вновь испытание — суд, который приговорил меня к исправительным работам. В этот день я дежурил по курорту, поэтому не ночевал дома, где появился лишь на следующее утро. Открываю дверь, вижу: моя хрупкая, нежная певунья сидит за пианино — зазвучала не просто музыка — комнату освятил ритуальный гимн: «Никому никогда не позволю твою жизнь, твою честь запятнать — и в словах, и в делах я сумею жизнь твою, честь твою отстоять!»

Я опустился в кресло с пронзительным экстатическим чувством пика счастья, которое, очевидно, испытать в любой иной ситуации просто невозможно!

У русских есть ценнейшее свойство — сжиматься пружиной в самую тяжкую минуту, сцепить зубы, напрячь выю — и пахать свою ниву, пахать и сеять, сеять и жать. Эта национальная черта к тому же закалялась в течение многих тысячелетий особым характером земледельческого труда, требовавшего огромных напряжений всех сил в страдную пору. В других климатических зонах, имевших на 2-3 месяца больше для сельских работ, природа давала человеку поблажки. Поэтому русский мужик более вынослив, более стоек. Эту черту русского характера противники вечно недооценивали. И Наполеон, и Гитлер одинаково легко разделились с десятками народов в Европе и окрест, и оба надорвались на русском мужике-воителе.

Сорвали пупок и троцкисты-ленинцы, разрушая «до основания» славянский порядок и устанавливая свой, они сгнули в бойне, которую сами же и затеяли. И троцкисты, и фашисты, исходя из принципа расового превосходства, готовили из славян расу рабов и немало преуспели в этом, хоть и на сравнительно короткое время. Разве колхозы в пору «расцвета коммунизма» не были феодально-рабовладельческими хозяйствами? Колхозник не был гражданином в своей стране, ведь у него не имелось даже паспорта.

Фашистам было с кого брать пример, Гитлер писал: «Я освобождаю людей от отягчающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемых совестью и нравственностью». Шеф СС Гиммлер вторил своему фюреру: «Мы хотим сформировать высший класс, которому предстоит господствовать века». Но «Ветхий Завет» уже провозгласил намного раньше именно евреев богоизбранным народом, которому и суждено господствовать над всем гоями, над всем миром. Не с помощью ли Всемирной революции, на которую не жалеючи живота своего, «работали» протачки-нагульновы.

Фашисты в лагерях смерти уничтожили более 35 миллионов человек, среди которых подавляющее число составляли славяне (более 20 миллионов), ещё раз подчеркиваю — иудобольшевики уничтожили в два раза больше! Но и при Гитлере геноцид славянских народов был поставлен на поток, прежде всего в Польше в лагерях смерти: Освенцим, Майданек, Трешлинка (всего служба СС имела более 50 концентрационных лагерей). Новые господа в Польше шутили: «Выход из лагеря — только через трубу. Прежде всего была ликвидирована польская интеллигенция (операция АБ), то же произошло в России после Октября (фашисты и сионисты

— близнецы-братья). И иудобольшевики, и фашисты экспроприировали хозяйства, имения, прочую собственность у славян. Оставшиеся в живых должны были обслуживать «новых господ».

На территории СССР действовали четыре группы эсэсовцев, которым помогали 30 полков «Мёртвая голова» (полицаи). За короткий срок уничтожено 750 тысяч россиян. Германцы, взяв за основу геноцида структуры ГУЛАГа, модифицировали их с точки зрения практицизма. В дело шло всё: кости превращали в удобрения, жир — в мыло, волосы — в стельки для обуви; кожу — на абажуры и дамские сумочки.

Инспектируя своих молодцов в Минске в 1942 году, Гиммлер упал в обморок, когда увидел в огромной траншее шевелящееся месиво из мертвецов — мужчин, женщин, детей. «Впечатлительный» шеф распорядился о «гуманизации» конвейера смерти: прежде, чем сбрасывать в ямы и закапывать людей, их сначала травили выхлопными газами по 15-25 человек в специальных фургонах.

А между тем в своей стране нацисты открывали «племенные заводы» (лебенсборн) для выведения чистых арийцев. Но появившиеся на свет первые 50 тысяч будущих господ мира дали умственно отсталых в 4-5 раз больше, чем в обычных семьях, и это не удивительно, ведь дети — не инкубаторские цыплята, а товар штучный, и выращиваться он должен не в фюрерских оранжереях, а в материнских объятиях. Без материнской любви и ласки нормальное развитие ребёнка проблематично (людоедские племена не знали, что такое нежность и ласка).

Пройдя за полвека два этапа геноцида, русским пора задуматься над своей дальнейшей судьбой; пора, наконец, разобраться, кто враги, кто друзья России; пора понять, в чём слабость, в чём сила её, на кого опираться в борьбе с иноземным засильем.

Прошёл не один десяток лет с тех пор, как было уничтожено казачество — щит и меч России, но традиции его ещё живы у пяти миллионов потомков казаков, и они готовы снова славно служить своему Отечеству, как и их предки, а сегодня, как никогда, страна нуждается в сохранении своих земель на юге и особенно на востоке, где идёт безудержная инфильтрация их иноземцами. Всё следует вернуть «на круги своя», отдав казачьим войскам пограничье.

Необходимо в корне менять стратегию размещения производительных сил на территории страны, раз и навсегда отказаться от гигантомании. Крупные производства и крупные города вызывают наибольшие экологические проблемы. Между Москвой и Ленинградом можно разместить в небольших городах-спутниках нужные промышленные предприятия, соответствующий жилой фонд и привлечь людские

ресурсы. Государство обязано искупить свою вину, создав самые выгодные условия для возвращения своих эмигрантов, покинувших свою Родину не по своей воле. За пределами России оказалось более 10 миллионов староверов, а ведь это немалутнённый генофонд нации. Немало староверов живёт в Сибири. О стойкости их, предприимчивости, честности, высокой нравственности ходят легенды. Наряду с казачеством, староверы могут стать опорой в подъёме и экономики, и культуры, и духовности нового русского общества. Россия обязана призвать своих сыновей и дочерей, оставшихся без Родины, кто бы они ни были, на строительство отчего дома. Национальная интеллигенция не должна стоять в стороне, мы слишком много потеряли от этого. По идее «дворянских гнёзд» многие способны создавать родовые интеллигентские усадьбы — очаги высоких мыслей, патриотических чувств, творческих дерзаний. В России традиция создания «творческих общин» всегда была эффективной. Например, имение С. И. Мамонтова явилось стартовой площадкой для величайших творцов: В. А. Серова, Ф. И. Шаляпина, М. А. Врубеля и др.

Великих Учителей у любого народа случаются единицы, но их идеи — это слава и величие нации, вот почему государство обязано предоставлять для них соответствующие материальные условия.

Наряду с развитием тенденции строительства «творческих гнёзд» в густо заселённых территориях следует ориентировать на новые архитектурные комплексы — «микрорайоны самообслуживания».

Сколько человечество ни пыталось установить справедливый гуманный порядок, всякий раз натыкалось на подводные камни или ложных социальных прожектов, или недооценки человеческой психологии, но даже неудачи не лишают людей устремляться на новые дерзания и поиски. Хочешь — не хочешь, а структуру нового общества приходится начинать с «котлована». Ячейку нового духовно-творческого общества мог бы составить «микрорайон самообслуживания», причём новым общественным отношениям должна соответствовать и новая архитектурная структура. Комплекс зданий создаётся так, что кроме современных жилищных условий тут же предусматривается и весь набор социально-культурного быта: столовые, читальные залы, телехоллы, музыкальные салоны, хобби-клубы. В цокольной части зданий — прачечные, всевозможные мастерские, функционирующие по принципу «сделай сам», в соответствующих местах — танцевальные классы, актовый зал, творческие мастерские. В каждом микрорайоне самообслуживания — общественный гараж, другие общественные службы. Тот же ЖЭК или избираемый орган должен стать регулирующим

центром жизнеобеспечения, чтобы изучать нужды микрорайона в целом и каждого жителя в отдельности, возможности участия всех семей в общей жизни, планировать работу и занятость жителей микрорайона для обслуживания бытовых точек (столовой, гаража, пунктов проката, мастерских, прачечных, хобби-клубов и др.) с использованием людских ресурсов, прежде всего неработающих пенсионеров, школьников, обеспечивая таким образом взаимозависимость. «Микрорайон самообслуживания» отличается от коммуны, так как автономия семьи и её обособленность обеспечивается личной квартирой. Но зачем каждому хозяину держать у себя стиральную машину, другие технические наборы, машину, гараж и т.п., что абсолютно не рационально и весьма хлопотно. Всё это — общее для микрорайона — имеется в точках быта, где можно и постирать, и пошить, и смастерить самому или сделать это с помощью услуг. Зачем каждой семье выписывать весь набор газет и журналов, когда их можно просмотреть в читальне, и не только перелистать периодику, но и словом перемолвиться, и мнением поделиться. То же самое можно сказать и о телесалонах, музыкальных, творческих мастерских, т.е. речь идет кроме всего прочего ещё и о самых широких контактах между людьми всех возрастов, профессий, социального положения.

Современная западно-американская цивилизация, которая подминает и Восток, имеет противоположные тенденции: голое безудержное потребительство, фетишизация денег, цинизм, крайний индивидуализм, но все это, несмотря на кажущееся процветание так называемых «передовых» государств, говорит только об одном, что они, будучи в «первой шеренге», первыми подойдут к неминуемому краху. Моя уверенность в крахе потребительства как парадигмы цивилизации основана на положениях биосоционики, которая констатирует, что эволюция человечества направлена в сторону увеличения духовности (от человека-зверя к Богочеловеку), поэтому только духовно-творческой цивилизации принадлежит будущее, поэтому именно в Россию и в русских я верю больше всего, ибо это один из самых бескорыстных народов, один из самых великодушных и гуманных, но самое главное — один из самых неподдающихся.

Сколько бы ни лилось на его голову всякой западной чернухи, порнухи, дьяволизма и мишуры — всё это сойдёт, как с гуся вода.

Микрорайон самообслуживания — благодатная почва для использования труда пенсионеров, которые страдают от своей ненужности, а также для участия школьников в общественном труде и их адаптации к настоящей «взрослой» жизни, имея возможность зарабатывать на свои нужды легальным путем, быстрее найти себя в жизни. Обслуживать нужды «микрорайона» школьники имеют возможность в основном за счет произ-

водственных уроков, которые должны составлять не менее трети школьного времени. Такой детский труд с первых классов (сбор вторсырья), более старших (оказание услуг населению) и старших (производственная деятельность, ремонтные мастерские и т.п.) сделает честь не только каждому школьнику, но и обществу в целом.

Должностными лицами являются лишь материально ответственные работники в каждой «точке быта», где имеются общественные помощники, которые дежурят по очереди. «Микрорайон самообслуживания» обеспечивает максимальный контакт каждого с каждым, взаимозависимость и взаимный интерес сограждан, независимо от профессии, возраста, социального статуса. Общение осуществляется на общественных перекрестках, в «точках быта», в салонах досуга, причём квартира каждой семьи остаётся суверенной автономией, где реализуются в нужной степени индивидуальные интересы. Никто не привязан к общественной работе в «точке быта» или к каким-то другим периодическим нагрузкам или обязанностям, если форма общественного самообслуживания кого-то не устраивает, тот живёт по-своему, но тогда лишается прав пользоваться «точками быта» или пользуется ими за плату. С одной стороны — никакого принуждения, с другой — явная выгода в объединении усилий коллектива. Человек лишён забот о пропитании, о бытовых нуждах, о досуге, потому что всем этим он обеспечивается при условии, что и сам участвует в обслуживании сограждан согласно графика, который учитывает и профессию, и способности, и состояние личных дел.

Странное дело, меня везут в жёлтый дом, а я пытаюсь вдохновить людей идеей человеческого братства и взаимопомощи (может, поэтому и везут). И всё-таки я верю в лучшее. Вот и вчерашний сон в камере прибавил оптимизма: снится мне, что я плаваю в бассейне, а в нём не вода — грязевая жижа, плыть в ней невозможно, я барахтаюсь, но держусь на плаву; потом замечаю, что грязь постепенно превращается в воду, сначала мутную, потом всё более светлую. И я доплыл. Стою на крыльце, а передо мной — лишь тазик той воды... из бассейна.

Почему так много несчастных людей? Потому что человек отрекается от своего биологического прошлого. За последние тысячелетия сменилось множество общественных формаций, но сам человек остался тем же, ведь как биологическое существо он живёт миллионы лет, как социальное — лишь тысячи. С точки зрения генетической обусловленности, бесполезно выискивать смысл жизни так же, как водителю трамвая задумываться, куда ехать; ему остается одно — пройти свой путь без аварии. Почему так ничтожен одиночка, будь он семи пядей во лбу, вооружись он хоть до

зубов? Потому что природа создала пару как минимум самодостаточности, но и пара без коллектива не способна реализовать себя в полной мере. Человек наиболее приспособлен к первобытному коммунизму, в котором он пребывал наибольший промежуток времени своего развития. Не удивительно, что и поныне наилучший отдых для большинства — туризм, рыбалка, охота, когда наиболее естественна расстановка сил и взаимозависимости, когда руководят действительно наиболее опытные, наиболее способные. Здесь человек отдыхает от дрызг, интриг и коррупции, от травли биологических лидеров, от пресмыкательства и тщеславия, а самое главное — от отчуждённости и одиночества. Коллектив обеспечивает индивидууму удовлетворение главных инстинктов: самосохранения, пищевого, полового.

Человек — семья — коллектив — народ — это диалектическое единство с присутствующими ему законами, обеспечивающими гармонию жизни. Как бы ни было хорошо человеку в одиночестве, но рядом с противоположным полом он острее почувствует свои природные качества, свою сущность и личность; как бы ни было уютно двоим, но в признании коллективом их значимости и веса придаст им новые стимулы жизни и оптимизм; как бы благополучно ни складывалась жизнь в коллективе, но высокие награды и всенародное признание более существенно и стабильно обеспечивают их жизненные гарантии. Но каждый новый «этаж счастья» положительно работает лишь на основе предыдущего: нет здоровья — вряд ли расцветёт любовь, а без любви — какое счастье в почёте и наградах?

«Одна, но пламенная страсть» — понятие, конечно, высокое, но в жизни люди с гипертрофированной односторонней деятельностью ущербны. «Великий Деятель или Творец», пекущийся о счастье всего человечества и терроризирующий самого близкого себе человека — скорее правило, чем исключение. Посвящать себя «Одному Делу», «Одной Страсти» — не естественно, ведь жизнь подобна калейдоскопу или автомобильной гонке, весь секрет которой в переключении скоростей. Самый неутомимый работник — сердце — работает лишь восемь часов в сутки, а шестнадцать отдыхает (мгновение — сокращение, два мгновения — расслабление, отдых). Подобная рабочая раскладка необходима вообще для всех органов и систем, и всего организма в целом. Таким образом, треть жизни — для Главного Дела, вторая треть — для отдыха (сна), остаётся ещё одна треть — для Других Дел. Человек без хобби подобен инвалиду на одной ноге. Не все желающие сумеют пробиться в писатели, например, или в артисты, но никому не возбраняется творить и выступать на сцене. Не коллектив — для человека, а человек — для коллектива, поэтому каждый должен стоять в строю на том месте,

которое досталось. Треть жизни — дань коллективу (государству). Зато ещё одну треть каждый волен потратить по своему усмотрению, что даёт возможность гасить неудовлетворённость в работе, если «оседлать» её так и не удалось. Но это уже — этажи счастья, которые не возбраняется возводить сколько угодно, лишь бы фундамент оставался прочным: здоровье, любовь своей половины и уважение себе подобных. Как бы я, например, чувствовал себя, схваченный за руки, за ноги и брошенный в каталажку, если б не существовало у меня преданнейшего, готового на любые жертвы, дорогого, любимейшего человека? За семь дней моего незаконного заключения жена непрерывно стучала в самые высокие двери. От моих родственников, от союза писателей, от советских и партийных органов поступают в край запросы. Правда, они уже в течение трёх лет поступают, и тем не менее рука у стервецов дрогнула. Свидание с женой, наконец, разрешено, и мы в объятиях друг друга. Высвободившись из объятий, жена радостно сообщает мне, что меня выпускают на волю.

«Да, — подтвердил начальник милиции, — Вы можете возвращаться домой, но в Томск Вам всё-таки придётся поехать...самостоятельно.»

«Я так рада, так рада, — ворковала жена. «Здравствуйте, я Ваша тётя, — ответил я дубаку, — с какой стати я должен пожаловать в психушку добровольно?»

«Милый, не отказывайся, мы всё равно сумеем доказать свою правоту!» «Родная, ты ничего не понимаешь, они надумали всё переложить с больной головы на здоровую», — пробовал я втолковать обезумевшей от горя жене.

«Так ты отказываешься от освобождения?» — опешил легавый.

«Отказываюсь от психушки.» — «Значит, правильно говорят, что у тебя не все дома».

«Соглашайся, милый, любимый, я не могу больше...»

«Крепись, родная, драчка вся — впереди.»

Я снова прижал «моё солнышко» к сердцу.

«Что тебе привезти?» — она уже стряхнула минутную слабость.

«Что-нибудь на дорогу... Кожанку, шапку, пару теплых носков. В КПЗ ведь не вечно буду сидеть.»

«Разумеется, под конвоем доставим, куда следует. Законы у конвоя — свои: шаг в сторону — имеют право стрелять!»

Слова «дубака» предназначены для моей супруги, понял её страх за меня, садист...

Когда в камере я поделился с товарищами по несчастью о нашем разговоре наверху, вспыхнул спор, но в конце концов все пришли к единодушному мнению: поступил правильно!

Письмо шестое

Наступило десятое утро моего пребывания в КПЗ Ширинского РОВД, хотя не было оснований держать меня здесь даже сутки. Сегодня с партией уголовников меня должны этапировать в Минусинскую тюрьму. Поезд на Абакан идёт рано утром, но начальник милиции не поленился встать на рассвете и заглянуть мне в глаза. Ведь он понимал, что проиграл, и что с креслом своим он должен расстаться, хотя в общей сложности за свою карьеру ему нечего беспокоиться, место ему найдётся не хуже, поскольку он лишь выполнял распоряжение начальника отдела юстиция края. Сей начальник отдыхал на курорте и к нему-то посмела обратиться моя жена с просьбой защиты от травли. А у него аж слюни с губ полетели: «Уматывайте из края, если уцелеть хотите! Ваш муж — опасен для общества!»

В этот же день он и позвонил начальнику Ширинского РОВД, и меня бросили в КПЗ. Своими жалобами в различные инстанции и разоблачениями краевой мафии я надоел изрядно, и со мной решили кончать. Правда, задача вывести меня из равновесия, чтобы иметь повод говорить о моей невменяемости и праве на принудительное психиатрическое «лечение» у них сорвалось, но, боже мой, о каком праве вообще у нас могла идти речь! И всё же вместе с досадой интерес ко мне у них возрастал, поскольку ни слова мои, ни поступки не укладывались в их стереотипы. Раз и навсегда отработанная система травли, шантажа, запугивания, «скушивания» почти не давала осечки. Кто-то падал к ногам, кто-то лизал бьющую руку, кто-то доведенный до инфаркта, залезал в берлогу, зализывая свои раны, кто-то пускался в бега, а иной замолкал навсегда.

Быстрее всего, пожалуй, выводят из равновесия материальные ущемления, включая самые наглые — систематические «ошибки при начислении» и без того мизерной зарплаты, да ещё не только моей, но и супруги. Полгода к тому же мне не выплачивали надбавку за выслугу лет. И кем только меня не выставляли: и «браконьером», и «антисоветчиком» (знакомая песенка о «врагах народа»), и «злостным нарушителем дисциплины», и «хулиганом», и «шизофреником»... А многочисленные комиссии, формируемые ими же, задача которых была единственной: заткнуть рот, запугать, залаять. Если даст бог уцелеть и одолеть их то с каким удовлетворением всюду буду повторять; «Як напало на мэнэ сэ мэро пэрэкупок, то лэ двэ-лэ двэ одгрызлась...»

Вчера затеяли отпечатки пальцев снимать. Привели в каморку. С интересом наблюдаю за лаборантом, как он готовит краску, бумагу, а у самого пальцы кривые, концевые фаланги — култышечки. Хиромант определил бы такие кисти как «лапы скота». Лаборант взял мою руку, зажал палец и вдруг задумался, как быть — слишком длинной оказалась моя концевая фаланга, но сообразил — не пальцем ткнул в бумагу, а бумагу обкатал вокруг пальца.

Последние три дня я играл в шахматы не с Бывалым: за третье убийство он получил немного — всего пять лет. Меня до сих пор донимает вопрос: последнее убийство — случайность или закономерность? Сам он тоже, видно, терзался этой дилеммой, и каждому вновь прибывающему в камеру пытался внушить, что другого выхода у него не было, любой другой, окажись на его месте, поступил бы точно также, видя, как обезумевший от водки и от злобы человек преследовал с ножом свою жену. А ведь эта несчастная женщина, которой угрожала гибель — родная дочь, так мог ли он не заступиться за неё?

Подозреваю, что жить вне тюремных стен Бывалый уже не способен. Кто-то страшится тюрьмы, для кого-то она — дом родной. У животных, у зверей всё просто: биологический лидер становится и фактическим вожаком «коллектива», у «гомо сапиенс» — почти всё наоборот: в начальство пролазят наименее порядочные, наиболее ничтожные. Если бы в лесу до власти дорвался бы заяц, то он прежде всего постарался бы избавиться от волков и лис, лосей бы тоже в живых не оставил, ведь у зайца и у лося одно лакомство — тальниковая лоза. В тюрьме в какой-то степени человек ближе к естественному состоянию «первобытного коммунизма», где вожаки не «лисы» и не «зайцы», как на воле, а истинные, если не «цари», то «князи».

Мой последний партнёр по шахматам — Рубаха-парень, но настолько не затейлив и настолько азартен, что в тюрьме ему не миновать беды. Такие обязательно проигрываются до нитки и вынуждены ставить на карту жизнь, если б только свою...

Насколько всё-таки «система исправления» человека далека от своих целей. Заключенные в тюрьмах, лишённые естественной деятельности и принимающие незаработанную пищу — нонсенс. Не зоопарк ли это, где звери не только не улучшают свою породу, но даже лишаются способности давать потомство. Нельзя оставлять человека без работы ни на воле, ни тем более в заключении.

В Минусинской тюрьме я уже несколько дней. К тюремной жизни прилаhdился вполне. Мало того — здесь я почувствовал себя личностью, вернее, мне давали почувствовать это. На свободе, сколько себя помню, начальство всегда пыталось меня

принизить, сделать пешкой. За два десятка лет работы врачом я ни разу не встретил человека, выше меня по должности, который бы, образно говоря, относился ко мне «на Вы» — вечное стремление притюкнуть, оболгать, затуркать.

Случались, правда, хоть и редко, полосы жизни без травли — тогда я чувствовал себя преуспевающим гражданином.

В Минусинскую тюрьму я прибыл в кожанке. Мне её сшили по заказу с множеством карманов. Проживал я тогда в Шушенском, увлекался кинолюбительством, снимал фильм «Шалаш Перово — шалаш Разлив», и карманы моей кожанки всегда были набиты кассетами. Да и в тайге кожанка меня также не раз выручала. На этапе и в «столыпинке» многие сокрушались, глядя на нее: «Зря надел — все равно отберут».

И вот я в «чистилище» узилища. Все — в чём мать родила, острижены наголо и уже казалось бы — все равны, ан нет. Я сижу в уголке с тазиком в ожидании мытья. Исподтишка наблюдаю за голым народом. И впервые увидел «князей». Они не только татуировкой бросались в глаза, но и статью, но и силой, духовной прежде всего. Их было трое, но на них уместилась добрая толика Третьяковки. Татуировка — высочайшего класса. Я равнодушен к изобразительному искусству, в детстве мне прочили карьеру художника, и хоть профессиональным художником я не стал, но живописью балуюсь. Мне очень хотелось приблизиться к «ходячей Третьяковке», возможно, это бы им польстило, потому я и остался в углу. Но когда стал под душ, рядом оказался один из них. «Мочалки конечно нет» — и подаёт мне свою. К тому же назвал меня по имени. Больше ни о чём не спрашивал, но я чувствовал, что ему известно обо мне всё. Потёрли мы друг другу спины, а когда «крещение» кончилось, я поинтересовался, как звать моего доброжелателя.

«Миша», — ответил он. «Спасибо, Михаил!» Я крепко пожал ему руку. В одежке он поделился со мной и полотенцем, видя, как я пытался вытереться носовым платочком.

От меня не ускользнуло и то, как изящно «вынули» из собственных штиблет одного мужика, и хотя надзиратели находились рукой подать, он не посмел даже пикнуть. Мне затосковалось по моей кожанке, но никто, словно и не замечал её. Позднее я понял: меня здесь не тронут, я под покровительством свыше. Вот бы где я мог сделать карьеру!

Впервые за десять дней заключения я, наконец, занял постельные принадлежности. С матрасом, подушкой и одеялом появляюсь в камере № 28. Огромная

продолговатая комната, нары в два этажа, унитаз в левом углу, посередине — стол со скамейками по сторонам. Выбираю свободное место на втором этаже, устраиваюсь, вдруг замечаю, что место на нарах ещё одно есть, а один «товарищ» со своим матрасом примостился на влажном цементном полу почти у самого унитаза. Что за чертовщина?

И вовсе никакая не чертовщина, и человек возле унитаза — вовсе никакой не товарищ, а подонок, изнасиловавший свою дочь, так вот в дополнение к Уголовному кодексу здесь в тюрьме к нему применили свой, по которому этого «козла» осеменили многожды раз купно и постановили: находиться со своим матрасиком лишь на цементе, ни к кому не приближаться, ни с кем не заговаривать, пищу самостоятельно не брать, довольствоваться тем, что подаст дневальный.

В двадцать восьмой я быстро сошёлся с её лидером, очень симпатичном на вид парнем, попавшим сюда за очень серьёзную драку и мечтавшим набрать в тюрьме максимальный вес, чтобы, выйдя на волю, окончательно довести «дуэль» до конца. Произошло наше сближение так: во время еды он освободил возле себя место и пригласил меня, таким образом я сразу вошёл в «элиту» камеры, которая пользуется столом. Остальные принимали пищу на нарах, поскольку места за столом хватало лишь на треть сокамерников.

Он ввёл меня в таинство татуировки, с которой мы провозились почти всю ночь, обслужив двух «клиентов». Подготовка была недолгой: соединились поочередно с камерами, что находились сверху и снизу — через расширенные отверстия вдоль труб отопления, а также со смежными — через отверстия в стене. Так была получена игла для татуировки, представляющая собой спаренные жала, между которыми задерживается тушь, как в рейсфедере. А тушь приготовили сами: во время прогулки сожгли часть резиновой подметки, получившуюся золу развели мочой молодого парня и добавили сахар. Рисунки позаимствовали у двух соседей, выбрали женский силуэт. Все трое: «клиент»-доброволец, мастер и я в качестве подмастерья — забрались на нары, примыкавшие к коридорной стене, находящиеся вне поля зрения тюремного глазка. У мастера-татуировщика в основном два приёма — глубина и частота уколов. Кровь, проступающая капелькой после каждого укола, дезориентирует, поэтому нужен достаточный опыт, чтобы предусмотреть конечный результат и работать на него безошибочно, ведь проявляется рисунок лишь после стихания воспалительной реакции кожи. Вот уж не думал, разглядывая тайком татуировки у своих пациентов на приёме, что когда-нибудь самому придётся участвовать в их сотворении...

Всё дальше и дальше уходят в глубь сознания привычные врачебные заботы. Сколько разных людей проходит через руки курортного врача, ни больница, ни поликлиника, ни врачебный участок не даёт такого людского калейдоскопа. Когда я работал над пьесой «О чём молчит каменная баба», затрагивающей проблемы современного села, то имел возможность беседовать буквально со всеми представителями сельской профессии всех зон республики. Разумеется, я и сам ездил по сёлам, но истинную картину сельской жизни я получил из уст своих пациентов. Меня часто спрашивают с сочувствием: «А не скучно ли Вам жить в такой глуши?» Если каждому объяснять о всех наших «тутошних» делах, то стало бы ясно: здесь не соскучишься. Некоторые конечно знали кое о чём, кто-то пытался чем-то помочь. Когда я вернулся с очередного суда незадолго до ареста, я особенно почувствовал эту волну, на гребне которой оказались вовсе чужие пожилые женщины, пришедшие на приём последними. Одна посоветовала воткнуть в левую полу одежды новые стальные иголки, которые должны предохранить от беды, а другая отдала мне свою молитву, аккуратно записанную на бумаге. Я верю, что молитвы, мантры, заговоры должны помогать, поскольку мобилизуют внутренние силы организма. Это может быть простая житейская формула, например: «Буду жить, бороться, побеждать!» или: «Я здоров, я силён, я удачлив», нужно лишь чаще повторять их, и они помогут обязательно. Кроме словесных формул, могут успешно применяться образные представления, картины желаемого или символизирующие мечту, например, представить себя верхом на скачущем белом коне, что означает победу.

У моей Валентины очень богатое женское мистическое начало, интуиция её редко подводит. Некоторых людей она буквально не переносит. Каково ей сейчас там, на так называемой «свободе»? Одной — в гадюшнике, где людям запрещено с нами не то, чтобы общаться — здороваться (за ослушание — загрызут!).

Другое дело — вдвоём. Когда мы закрываем двери в своей квартире, занавешиваем окна — мы уже в другом мире: ни страх, ни заботы не способны пересилить нашу любовь. Сколько печального, однако, заложено и в самой любви.

Первую нашу надежду — девочку — не пришлось жене доносить из-за пожара в нашем доме. Здесь и вина моя есть: не вывел её сразу из дома, думал, что наша квартира не пострадает, если во время прибудет пожарная машина. Всё оказалось так, как я и предполагал, а вот жена, которой я приказал сидеть в квартире готовой к эвакуации, не выдержала, инстинкт толкнул её из тесных стен на волю, но в коридорном чаду она растерялась. Я был у подъезда, всё ещё надеясь на пожарную машину, кото-

рую все ждали с минуты на минуту, но вдруг страшный крик резанул меня по сердцу. Я бросился в подъезд на лестничную клетку и еле оторвал её руки от перил...

А последнюю надежду — Тараса — загубили они. Жене было уже под сорок, когда пришлось ещё раз попытать счастье, но, учитывая анамнез, решили действовать наверняка, и жена легла в стационар на сохранение беременности.

Несколько смушала откровенная враждебность заведующей отделением, приятельницы наших недругов. Но разве могли мы думать, что медики пойдут на прямое преступление? Жалкий риторический вопрос в своё оправдание.

Это случилось за полгода до преступной акции против меня — этапирования в психбольницу. Они понимали, что грудной ребёнок осложнит расправу над нами и стали выставлять жену мою аферисткой, которая спекулирует своей беременностью, чтобы прикрывшись советской гуманностью, продолжать свои склочные дела на курорте. Наш Тарас, ещё не родившись, стал на их шакальем пути...

Срок беременности приближался к семи месяцам, на последнем нашем свидании роженица чувствовала себя великолепно, вся светилась материнским счастьем, с гордостью прикладывала мою руку к себе, спрашивала: «Слышишь его?»

Я ощущал нетерпеливые удары ножек и слышал ритм его сердца, когда прикладывал ухо к крутому животу моей счастливой гордой супруги. Мы не сомневались, что там — мальчик, а имя для него давно подобрано — Тарас. Он должен быть хохлом, таким же «упёртым, як кобзарь» или хотя бы — как я.

Получаю письмо: «Сегодня — неделя, как ты уехал. Как я прожила эту неделю?»

Связала такое чудо — приедешь — увидишь. Пока я была с тобой, окно было открыто — и розочки, что ты принёс мне, замерзли».

Так же поступили и с Тарасиком нашим. В нерабочее время вдруг является заведующая с какой-то женщиной и в отсутствии лечащего врача вызывает жену мою на осмотр. С какой стати без лечащего врача обследовать роженицу? Да ещё зеркалами и пальцевым методом, да ещё вдвоём в то время, когда она лежит на сохранении беременности, да ещё в последние месяцы?

Преступление было явным — и конечно сразу же открылось кровотечение, пришла родовая деятельность...

Жена прихватила одежку, чтобы укутать младенца. В образивной — открытое окно, а на улице тридцатиградусный мороз! Окно закрыли лишь после того, как уложили роженицу на заиндевевшее кресло. Привязали руки, подключили систему для внутривенных вливаний. «Для чего? Я хорошо себя чувствую!» — кричала она. «Молчи!»

Через несколько минут и он закричал, наш Тарасик. Они бросили его в железный лоток на полу. «Дайте мне моего Тарасика!» — умоляла родильница. «Он всё равно жить не будет».

Санитарка сжалившись, взяла с пола младенца и поднесла к матери. Мать коснулась ладонью — он закричал снова, но она не могла удержать ребёнка — руки были повязаны. Родильница судорожно забилась в кресле, но ей сделали укол, и она затихла... И младенец уже не кричал...

Когда утром на планёрке доложили о случившемся, все были в шоке. Обслуживающий персонал чувствовал себя виноватым поголовно, санитарки подсовывали лишние подкладки и шептали: «Вес занизили, ироды, чтобы не отвечать...»

А у не состоявшейся матери открылся жар: охлаждение в образивной дало тяжелейший эндометрит. Впрочем, для неё уже всё было безразлично, даже сама жизнь...

До сих пор я не могу простить себе. «Ты — врач, на кого ты оставил свою жену, почему не вёл её дома сам?»

У нас нет Тараса. Ни наедине с собой, ни даже друг перед другом мы не признавались, что понесли невозполнимую утрату. Вот наша ахиллесова пята, вот почему любовь наша ещё более эгоистична, вот почему мы ещё больше нуждаемся друг в друге, вот почему, несмотря на несказанное блаженство, которое мы испытываем в любви, волосы наши покрыты пеплом...

Башмачки и распашонку, что жена связала тогда, она спрятала в самое недоступное место...

Помню последние её слова самого печального письма: «Скоро выпишусь, может, в конце недели приеду, писем больше не пиши. Не встречай, я этого не стою. Моё горе велико, тебе легче, ты не видел всего этого... Если б не ты, жизнь не дорога мне...»

Мне легче быть никак не могло, я во сне и наяву грезил моим Тарасом, моим долгом... Сердце не разорвалось лишь потому, что, получив этот удар, я в ночь по заснеженному льду озера бежал, пока хватило сил...

В прогулочный дворик Минусинской тюрьмы, находившийся на втором этаже, нас приводят после обеда. Сегодня я заметил, что железная дверь, ведущая сюда, почти сплошь испещрена, исцарапана письменами. Попади эта железная грамота в будущее, археолог мог бы описать нашу современную жизнь. Вдруг меня кольнуло в самое сердце — я обнаружил две фразы: «Анфиса! Люблю тебя очень, скучаю, не могу без тебя, целую — твой Саша» и «Люблю, только твоя — Анфиса.»

Я остолбенел: ни разу ни в одной книге не встречал такой пронзительной искренности и силы, которая проявилась тут, на тюремном железе. Правда, нужно было находиться в моём положении, чтобы воспринять их судьбу так остро.

Чтобы не разрыдаться, я быстро отошёл от двери, но ещё несколько раз приблизился к этим святым письмам...

Слова любви не умолкали никогда, из далёкого славянского прошлого они дошли до нас на бересте: «Пусть разгорится сердце твоё, и тело твоё, и душа твоя до меня, и до тела до моего, и до виду до моего...» В будущее же вполне возможно их доставит сия тюремная дверь...

Самые древние искусства людские — военное и любовное. Все самые значительные достижения человечества содержат в себе тему войны и любви: и борьба, и любовь обеспечивают выживаемость. Но если сегодня в искусстве войны человек преуспел настолько, что одним нажатием кнопки способен уничтожить всё живое на земле, то в искусстве любви он деградирует неудержимо. Так же, как в вопросах питания и физического развития, проблема любви, разрабатываемая веками, на первый взгляд, кажется, исчерпана до конца, ведь написаны монбланы книг о любви, предложены учения о любви, разработана философия любви. Но понятие о любви никогда не было чем-то застывшим, раз и навсегда заданным, не развивающимся.

Человечество прошло долгий миллионный путь своего развития прежде, чем просили в его душе любовные грёзы. Сначала в половых отношениях имел место промискуитет — беспорядочные половые связи, в том числе и кровное смешение. При близкородственных сношениях потомство появлялось нежизнеспособным, поэтому охочих до кровосмешения становилось всё меньше и меньше. Господствующими на тысячелетия стали групповые и дуально-групповые браки с оргиастическими праздниками, когда мужчины одного племени в определённый период встречались с женщинами другого племени (Купальские праздники — отголоски таких встреч).

С развитием неравенства и накоплением богатств появилась проблема наследования, что и привело к парному браку, а в последующем — и к моногамии. Таким образом, вектор любви в эволюции человека направлен от полигамии к моногамии; по законам биосоционики, то же должно быть и в индивидуальной жизни. Значит, будущее — за моногамией.

Разные народы, разные личности находятся на разных этапах развития любви. Даже в наши дни в некоторых богом не знаемых местах существуют племена, где случается людоедство; до проблем ли любви в подобных семействах? Чем ниже

стадия духовного развития отдельной особи или народа в целом, тем меньшая разборчивость в половых вопросах. Существуют, разумеется, наряду с этим и целый ряд культурных, национальных, кастовых, богемных традиций, которые нередко формируют ложные представления о любви. Кто может упрекнуть Платона в бездуховности, а между тем в его время педерастия считалась престижным занятием, которую вполне можно назвать «платонической любовью». Ни у кого даже мысли не возникает осуждать гаремы у мусульман, при которых содержались евнухи. Кому-то владеть десятками женщин, кому-то быть кастрированным.

Жрецы богемной коллективной любви свысока смотрят на идею моногамии, считая себя изысканными, утончёнными носителями любви, но трудно назвать кого-то из них, кому бы по большому счёту удалась личная жизнь.

Почему так много говорится о любви, но так редко встречается она? Прежде всего потому, что мы не знаем определённо, о чём говорим. Для кого-то любовная, а вернее, сексуальная интрига — это путь к светлой мечте о величайшем счастье на земле, для кого-то — способ добиться корыстной цели, для кого-то — средство самоутверждения, для иных — манера отдыха и общения, для других — орудие мести, для прочих — не более, чем голая физиология. А в книгах и в быту вся эта мешанина из самого выпрненного и возвышенного до самого пошлого и мерзостного называется одним и тем же словом — любовью. Половой инстинкт, которому подчинено всё живое — это ещё не любовь, но и сладкое пение кастрированных певунов — ещё более не любовь. Фрейд помог нам заглянуть в святая святых полового инстинкта, единственное сожаление, что он рассматривал в основном лишь один из трёх главных инстинктов, но всё же Фрейд показал, что именно любовью живёт и дышит человек с грудного возраста и до конца жизни, что это чувство проходит различные стадии развития, повторяющие сексуальную эволюцию всего человечества. Неполная реализация либидо может вызвать задержку его развития на разных этапах онтогенеза, что чревато невротическими срывами и психическими заболеваниями, а также различными извращениями сексуального поведения.

Половой инстинкт — движитель любви, её основа и сердцевина. Но на инстинкты, как на огонь и воду, нужна управа. Неуправляемые инстинкты — бешеная тройка: самосохранения, пищевой, половой — могут вывалить в сугроб или уволочь в пропасть. Сдерживаемые, как река плотиной, инстинкты, накапливают силу, энергию, жизнеспособность. Определённые понятия о долге, о постах, о морали, о любви вознаграждают человека сторицей. Инстинкты даны нам природой,

и наша задача — уравновесить их приобретёнными качествами: нравственностью, моралью, волей. Какие же рамки нужны для полового инстинкта, чтобы получилась любовь? Вот они, три условия, когда чувства между мужчиной и женщиной можно назвать любовью: взаимность, верность, жертвенность.

Говоря о любви, нельзя не упомянуть о Кама-сутре, одном из древнейших трактатов о любви. В современном понимании это пособие по сексологии, по любовному ритуалу.

Любовный ритуал — величайшее изобретение Природы, любовный ритуал — наука, которую следует постигать всю жизнь, а любовь — это ещё и талант, который даётся не каждому, но каждый волен испытать себя в ней. Сексуальная революция, провозглашенная на Западе, это, с одной стороны, реакция на ханжеское христианское пуританство, с другой — признак деградации общества — соскальзывания его в доцивилизованную эру групповых браков и оргиастических праздников; с точки зрения медицины — это социальный невроз.

Голая сексология — не любовь, как не являются любовью занятия в публичных домах. Кама-сутра хоть и провозглашает вседозволенность в любви, но вместе с тем выдвигает важнейшее условие постоянства любовных партнёров. Если всё, чему учит Кама-сутра, происходит между постоянными партнёрами, это способствует росту и укреплению любви, но если те же действия допускаются с каждым встречным, это разрушает любовь.

Диалектика любви неумолима: погонишься за многим — потеряешь всё, стараешься сохранить единственное — обретёшь весь мир. Моральные ценности имеют свои категории: больше всего человеку может дать для счастья крепкая, дружная, ладная семья, а счастливой семьи без любви не бывает, как не может быть счастливой любви без устойчивого здоровья. На пути человека к счастью чаще всего недооценивается преданность в любви и семье, а без любви и семьи жизнь — суета сует.

Если говорить о счастье в полном объёме, то оно не может быть «одноэтажным», т.е. построенным на каком-то инстинкте или инстинктах, или только на сознании. Счастье — многоэтажно. Три условия счастья, каждое из последующих основывается на предыдущем: стремление к физическому, духовному и интеллектуальному совершенству; устремление к признанию в любви и построению на её основе прочной семьи; стремление к признанию в коллективе и всенародному признанию. Следовательно, главная задача человека — вырасти здоровым и научиться любить.

Любовь — сложнейшее чувство, состоящее из двух частей: из полового инстинкта и сознания. Половой инстинкт — базис, сознание — формирует любовный ритуал, это надстройка, которая может быть или наспех сколоченным балаганом, или ажурным дворцом, шпилем своим упирающимся в солнце.

Счастье в любви возможно, если любовь с годами не уменьшается, Увы, рост любви не обеспечивается половым инстинктом, который с возрастом ослабляется. Рост любви возможен лишь за счёт сознания — любовного ритуала. Существуют три условия, обеспечивающие рост любви до конца жизни: это взаимность, верность, жертвенность.

Первое условие — взаимность. Без взаимности любовь в полном понимании слова вообще невозможна. Одного желания любви, одной готовности к ней (а именно это обычно называют «любовью») недостаточно. Говорить о любви без взаимности — значит принимать желаемое за действительное. Любовь следует заслужить, то есть добиться взаимности. Её можно сравнить с вольтовой дугой, которая появляется при сближении двух электродов с противоположными зарядами. У каждого «электрода» в отдельности имеется лишь потенциал — готовность и способность к созданию «огня», но готовность и способность — это ещё не любовь. Кто не добивался взаимности, тот не изведал любви. Любовь — двуединое чувство, соединяющее базис и надстройку в сплав, твёрдый, как алмаз, звучный, как струна, горячий, как огонь. Чем напряжённей половой инстинкт, чем возвышенней воображение, тем могучее любовь.

Второе условие любви — верность. Верность обеспечивает надёжность любовных усад, а это биологическая точка опоры в жизни, нет её — нет уверенности в себе, нет стимула к саморазвитию, нет чувства собственно достоинства. Измена, предательство, неверность способны вызвать самые низменные мысли, слова и поступки, разрушающие не только любовь, но нередко и жизнь. Верность, преданность в любви, отсутствие пресловутого «треугольника» — не влияют на фундамент любви, но зато способствуют росту надстройки, росту любви в целом, и наоборот, неверность, предательство разрушают ажурное здание любви, и тогда отношение между партнерами держится лишь на либидо. Желание половой близости гасит ревность и обиды, которые после полового удовлетворения вспыхивают с новой силой. Самое разумное в таких случаях — разрыв и поиск более счастливого сочетания, иначе вся жизнь превращается в пытку. Даже такой броневой довод, как дети, не действует в трети случаев семей, обречённых на разрушение. Так не лучше ли с первых

шагов быть максималистом: или всё, или ничего. К сожалению, не все способны к любви, в частности, к верности. Для любви и семьи больше подходят сангвиники и флегматики, но такие типы почти всегда оттеснены с арены любви истероидными психопатами, которые в силу своего эгоизма и эгоцентризма не останавливаются ни перед чем на пути к своей цели (яркий пример в литературе — Герман из «Пиковой дамы»). Впечатляючи они лишь до своей победы, но из-за неустойчивости и слабости нервных процессов они нуждаются в смене впечатлений, то есть влюбляются снова. Богема почти сплошь состоит из такого сорта людей, поэтому именно здесь наиболее беспорядочные половые связи.

Но разве прикажешь сердцу, в кого влюбиться? Возможно, и не прикажешь, но не лишне знать и другое: не прикажешь сердцу — съешь немало перцу.

Третье условие — жертвенность, которую следует понимать и в биологическом плане, когда делается всё, чтобы удовлетворить друг друга, и когда может пригодиться Кама-сутра; и в социальном, когда на первое место, как правило, ставятся интересы любви и семьи. Сколько жён страдает в унижении от «деловых» встреч своих мужей. «Дельцы» создают себе карьеру, но остаются без любви. Дела — эфемерны, любовь — вечна. На постижение любви недостаточно и жизни, многие, прожив свой век, и не подозревают о неисчерпаемости любви.

Сексология — инструмент любви, в чистых руках она множит восторги, а в грязных — превращается в порнографию. Хотя знание приёмов и методов получения усад не заменит саму любовь, но способно устранить неудовлетворённость в любовных утехах из-за неопытности партнёров. Сексуальная техника может влиять на искусство любви, но всё же не охлаждающиеся в течение десятков лет отношения между супругами обеспечиваются прежде всего не сексом, а духовностью, проявляющейся триадой любви: взаимностью, верностью, жертвенностью.

Может кому-то показаться, что такие партнёры обкрадывают себя, ограничиваясь друг другом, но кто им помешает сколько угодно разнообразить свои отношения, вплоть до перевоплощения в определённые типажи, от самых благородных до самых вульгарных с соответствующим набором слов и действий.

Такая игра позволяет говорить и делать такое, что в обычной ипостаси данным партнёрам не присуще, но что может весьма интересовать одну из сторон или обоих. А поиск утех на стороне — это не только проблема потерянного здоровья (за сутки в мире происходит 600 тысяч венерических заражений), но и разрушение семейной крепости: доверия, нежности, благодарности. Многие думают, что стоит

обеспечить себя материально, добиться определённого общественного положения, как любовь и счастье к ним приложится само собой — жалкое заблуждение.

Не только в питье и пище человек нуждается постоянно, ему всегда потребны и почёт, и уважение, и ласка, а наиболее реальное их получение для большинства — в семье. Увы, супруги соблюдают более или менее ритуал ухаживания и величания только до свадьбы, после чего нередко половые отношения складываются буднично, между прочим, как отправление физиологических нужд. Но даже у животных случке предшествует ритуал ухаживания, и происходит это всегда. Существует дремучее заблуждение, что истинная любовь не нуждается в словах, но слова — это хлеб любви!

Влюблённые потому лишь не скучают друг с другом, что постоянно говорят о себе. Слушать в свой адрес лестное — никогда не надоест, и обоим на пользу. Тверди партнёру, что он красив, добр, ласков, и он сделается таковым (о подонках речь не идёт).

Конечно же, партнёры должны соответствовать один другому по главным параметрам: физическим, психологическим, нравственным, культурным.

Мужчина более нуждается в зрительной пище, женщине нужны прикосновения. На Руси кокетство (не в пошлом смысле) — ругательное слово, а жаль: дай русской женщине искусство завлекать, более действенной красоты в мире не сыщешь, ведь по глубине характера, великодушию, доброте, одухотворённости равных ей нет.

Любовь — чувство эгоистичное, требующее к себе постоянного внимания и немало сил, когда всё прочее остаётся по боку. Вот почему любовь никогда не бывает в фаворе ни у религий, ни у политиков; но ни религия, ни политика не способны давать человеку столько тепла и счастья, сколько даёт любовь. Это самое выгодное вложение морального и духовного капитала, да и физического также. Человек, не создавший благополучия в семье, на любовном фронте, никогда не достигнет истинного счастья в жизни, потому что только удовлетворение инстинктов: самосохранения, пищевого, полового — способно создать внутреннюю гармонию, которую никакими эрзацами вымышленных моделей счастья не заменить.

Разные люди развиваются неодинаково: иной уже в двадцать лет достиг своего апогея, а другой и в сорок-шестьдесят не устаёт набирать высоту. Такие «ломаносовы» встречаются нередко, в их адрес сыпятся насмешки за их «отсталость» от сверстников-скороспелок, но проходят годы, и «гадкие утята» превращаются в чудо-красоту. Но каковы бы ни были скорости и параметры развития супругов,

главное состоит в том, чтобы их совершенствование не прекращалось никогда. Как только приостанавливается работа над собой, начинается скольжение вниз. С самых первых дней жизни и до последнего часа надо ползти, шагать, бежать, карабкаться и опять ползти, какой угодно смыслом, вкладывая в эти слова.

Супруги должны не только до свадьбы нравиться друг другу, но, что ещё важнее — постоянно, всегда. Думать, что супружеские узы освобождают от стараний заслужить любовь и благодарность своей половины — ошибка многих. Заслужить комплимент от ближайшего человека, знающего всю твою подноготную — победа, добиться обожания, преклонения — триумф.

В любви весьма важна ритмичность, вернее — аритмичность. Милая старая уловка мудрых родителей: после медового месяца молодого супруга под каким-либо благовидным предлогом отсылать от молодой жены подальше. По сути, задача стоит одна — не допустить пресыщения, а главное — ослабления организма, когда включается механизм самозащиты: раздражение и даже ненависть к партнёру, (фильм «Развод по-итальянски» — яркая иллюстрация этого). Нота бене! — иметь это в виду всегда, особенно женщинам! Современная сексуальная распушенность, неограниченная вседоступность с самого юного возраста выжигает любовь на корню, дальнейший «кайф» без алкоголя и наркотиков уже невозможен. Жизнь создана не для кайфа — для бесконечного саморазвития, самосовершенствования.

С другой стороны, чрезмерные нагрузки на работе (очень многие работают на износ, просто ради денег) не оставляют сил для любви. Не лучше ли жить поскромней, но больше времени, сил и энергии отдавать друг другу? Жизнь проявляется лишь в сегодняшнем дне, жить вчерашним или завтрашним днём (мечта, цель, разумеется, нужны), обкрадывая день сегодняшний — значит обкрадывать всю свою жизнь. Сегодняшний день должен быть украшен любовью, расцвечен дружбой и лишь после этого, если есть возможности, всем остальным. Важна перспектива. Донжуанство, проституция не имеют перспективы. А потому и обречены на опустошение, неверие, одиночество. Другое дело — дарить любовь своему единственному партнеру с верой, что и ты у него — на всю жизнь. Это и сладость гарантированного общения, которое в силу преданности растёт с годами в цене, это и надёжность уклад, что множит уверенность в себе, в своих силах, в устойчивости своего положения, своей жизни, в значительности своей личности. Глубинная психологическая устойчивость — это и есть фундамент счастья. Счастье или несчастье лежат не вне, а внутри нас, поэтому погоня за внешними атрибутами благополучия — наивна.

Вся американская мишура преуспеяния: белозубая улыбка, престижная упаковка тела, дома — самообман. К сожалению, наживку искусственной американской субкультуры заглотили многие народы, имеющие собственную древнюю и высокую культуру. Как нужна выработка иммунитета от пошлых и пришлых влияний, как важно не унизиться до равенства, превратившись в унифицированную стандартную сущность без изюминки, без самобытности, без исключительности. Как же такому инкубаторскому существу надеяться на незаменимость в любви? Современная западно-американская цивилизация приводит не только к нивелировке отдельных особей, но и нивелировке полов: идёт феминизация мужчин и дефеминизация женщин — порой и не различишь ни по силуэту, ни по причёске, ни по одежде, ни по манерам, кто перед тобой, он или она. Усиливается психопатизация не только отдельных лиц, но и всего общества в целом, всей культуры. Крик, писк, визг, демонстрация голого тела и голых физиологических актов. Помочиться на сцене и продемонстрировать половое сношение — это уже для современных «жрецов» искусства не проблема и не сказка, а быль про «голого короля», за которым, спустив портки, устремились еврейские миссионеры западной культуры. Пока они не будут устранены от руководства русской культурой, русскими СМИ, возрождение духовности в России невозможно.

Социальные катаклизмы, войны, революции, перестройки, кризисы — разрушают традиции, законность, порядок, обесценивают личную жизнь. Политика и религия уводят человека от естественной жизни, разъединяет людей на партии, конфессии, кланы, сеют между ними вражду и смерть. Стремление найти социальное или религиозное решение счастья абсурдно. Путь к нему — не столбовая дорога так называемого «прогресса», к счастью не подойти строем под команды унтер-офицера; счастье — бесконечное восхождение по узкой тропе, на которой третий — лишний. Мужчина и женщина сами по себе — это лишь половинки, каждая из которой в отдельности не может быть самодостаточной, счастье — в устойчивости парного союза, счастье — в гармонии инстинктов и сознания.

Если проследить развитие человека от истоков, то во все тысячелетия главными жизненными приоритетами были плодородие и деторождение, вот почему первый культ человека носил фаллический характер (поклонение детородным органам), а любовный ритуал был и остаётся главным жизненным ритуалом во всей Природе, и лишь человек морочит себе голову различными политическими и религиозными прожеками. С женской эмансипацией исчез культ Женщины из личной и обще-

ственной жизни. Символом советской женщины стала террористка Вера Засулич. Кроважность ветхозаветных Эсфири и Юдифи проявилась в полной мере в пору иудобольшевистского геноцида россиян, когда Майзель-Кедрова собственноручно расстреляла 87 офицеров, 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами, когда следователь Ленинградского НКВД Софья Гертнер — «Сонька Золотая Ножка» — с неистовством билась в промежность привязанных к столу заключённых, размокая туфелькой мужские половые органы...

А ведь символами женственности и вечной жизни у славянорусов многие тысячелетия являлись наши богини-роженицы — Лада и Леля, мать и дочь, благодаря которым не прекращается ни жизнь русичей, ни их традиции. Истинная царица-Женщина — та, которая относится к мужчине самозабвенно и преданно, истинный государь-Мужчина — тот, кто служит даме верой и правдой.

Да, действительно, счастье — в удовольствии, которое само по себе может окаяться и злом, принося болезни и беды, поэтому надо избегать удовольствий, приносящих неприятности. Можно терпеть и ограничения, и лишения, если в конечном счете это окупится сторицей. Счастье — не в минутном наслаждении, а в гармонии жизненных начал на протяжении всей жизни; не интенсивность, а размеренность, не разврат и оргии, а надёжная улада. Богатство — не в большом имуществе, а в малых потребностях. Пища — самая простая и умеренная, душевные наслаждения — выше физических, а постоянная работа или хобби — смысл жизни, ведь безделье, ничегонеделанье — один из самых разрушительных стрессов.

Биосоционика — «философский камень», с помощью которого можно ориентироваться не только в дне сегодняшнем, но и в завтрашнем. Многие, видя сексуальную и уголовную разнузданность, вопят о конце света. Но конца света не предвидится, наоборот, после кризиса грядёт возрождение, наступит воскресение России, гарантией которого являются её многотысячелетние традиции, её богатейший фольклор — восьмое чудо света, её языческое обожествление природы, берёзовых рощ и дубрав, водных источников и гор, её незлобивость и бескорыстие, одухотворённость и философичность. Основой новой цивилизации должна стать любовь, способная соединять людей самых разных национальностей, разных политических и религиозных взглядов, различных культур, всевозможных социальных групп и возрастов. Да грядёт культ любви, культ Женщины!

Однако ничто не приходит само собой, за любовь надо бороться, любовь надо пропагандировать, любви надо учить. И первыми учителями любви являются роди-

тели, но несчастные родители не научат счастьем детей. Юноша, выросший без матери, без сестёр; девушка, выросшая без отца, без братьев — не совсем подходящий материал для создания счастливой семьи и тем не менее, в любой семье должны царить доброта, ласка, взаимное внимание, жертвенность.

Главный возраст любви — детский. Ребёнок, ещё не родившись, связан с матерью единой кровеносной системой, физически образуя единый организм; после рождения это уже два организма, но взаимозависимых, составляющих жизненный комплекс — пару. Именно в этой физической и духовной связи матери и ребёнка заложены начала сексуальности и любви. Чем более эмоциональны отношения матери и ребёнка, тем эффективнее будет дальнейшее его развитие, и не только в чувственном плане, способности к любви, но и в интеллектуальном: чем богаче эмоциональная жизнь, тем лучше развивается мозг и вся нервная система.

Племена людоедов ласки и нежности не знали, но и в современных семьях нежность и преданность — не частый гость. Платон в трактате «Государство» предлагал систему государственного воспитания детей, минуя материнский родительский этап, в жизнь эту систему попытался внедрить Гитлер, но получился конфуз: у «инкубаторных» детей умственно отсталых было в 4-5 раз больше, чем в обычных семьях. Лишиться материнской ласки для ребёнка в первые годы жизни (до 5-7 лет) — утрата почти невозможная, ведь мать — первый объект любви.

Инстинкты проявляются от рождения, в том числе и половой, но прежде, чем осуществится цель полового инстинкта — воссоединение женской и мужской половых клеток, половое влечение (либидо) претерпевает различные этапы развития, подобно тому, как происходят метаморфозы у бабочек: гусеница — куколка — мотылёк. Очень важно знать, что инстинкты состоят из двух противоположных влечений. Инстинкт самосохранения складывается из сил самосохранения и саморазрушения, пищевой инстинкт — из голода и анорексии (отказ от пищи), половой — из любви и ненависти. В норме они сбалансированы, но при неправильном воспитании, при невротических состояниях они способны расщепляться с появлением различных патологических состояний: садизм — мазохизм, булимия (обжорство) — анорексия (полный отказ от пищи), сексуальное маниакальное влечение — эротическая торпидность.

С каждым тысячелетием роды у женщин становятся всё тяжелее, прежде всего из-за увеличения головного мозга плода. Акт рождения проходит на грани жизни и смерти. Плод, до этого испытывающий абсолютный комфорт («райская жизнь»), вдруг подвергается сдавлению сокращающихся мышц матки, плодный пузырь про-

рывается, исходят околоплодные воды. Что должен испытывать плод? Засасывание, поглощение, водовороты и — свет в конце туннеля. Это и есть подлинный «ад». Прохождение через шейку матки — самый трудный этап рождения, нередко при этом происходит удушье с потерей сознания (кратковременная «смерть»), к тому же плод подвергается воздействию различных выделений, имеющих место при родах. Если у плода и не было потери сознания, то ощущение «апокалипсиса» все равно неизбежно. И вот после эсхатологического «страшного суда» новорождённый (то есть «воскресший») вдруг ощущает ярчайший свет, неизвестный доселе и празднует своё обновлённое бытие громким кличем победы.

Все эти родовые передряги для новорождённого не исчезают бесследно: отложившись на дне памяти, они в каких-то ситуациях (клиническая смерть, религиозный экстаз, приём галлюциногенных средств: ЛСД, конопли, белладонны, дурмана, мандрагоры, белены, кактуса, мухомора и др.) — могут всплыть в «воспалённом» сознании в виде мистических (религиозных) трансцендентных видений «рая», «ада», «Страшного Суда», «смерти», «воскресения», то есть всего того, что составляет содержание любой религии. Кроме того, религиозность питает правополушарный тип мышления, на стадии которого человек находился в дописьменный период своего развития, и который имеется у ребёнка в дошкольном возрасте; правое и левое полушария не объединены ещё в единую мыслительную структуру, а действуют параллельно, поэтому различные фантазии и галлюцинации воспринимаются как реальность («беседы пророков с богом», «глас божий», «видения», «знамения»). И тем не менее, даже понимая механизм возникновения религий, человек вряд ли освободится от мистических и трансцендентных ощущений, потому что они вложены в него при рождении.

Христианское учение о «первородном грехе» по сути — человеконенавистническое, ибо лишает людей самого глубокого чувства — счастья любви, исходит оно из ошибочного положения, что человек изначально был божеским созданием. На самом же деле прошло более десятка миллионов лет, прежде чем из дикого зверя — обезьяноподобного существа произошёл «гомо сапиенс» («человек разумный»), и на этом пути пришлось отказаться от кровосмешения, от людоедства, от приношения человеческих жертв и т.п. Так же невежественно думать, что ребёнок рождается «ангелочком». Он рождается зверьком со всеми звериными замашками, в чём легко убедиться, понаблюдав за детёнышами человека и шимпанзе: вряд ли кто-то в чём-то уступит друг другу. Но это несколько не умаляет самоценности ребенка, ведь

из него может получиться Орфей, Пифагор, Эпикур, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Ломоносов, Бах, Пушкин, Вавилов, Шалапин, Гагарин...

Первый инструмент воспитания ребёнка — любовь и ласка, второй инструмент — запреты (табу). У первобытных людей были свои «табу», а исходили они от вождей; для ребёнка таким «вождём» является прежде всего отец. Постепенно различные «нельзя» формируют собственный внутренний контроль. Не всегда, что «хочется» — можно. Чтобы руководить инстинктами, надо накинуть на них «узду» — через голодание, через преодоление страха, через отказ от безнравственных удовольствий. Сексуальная практика необходима: поэтому девочки тянутся к отцу, мальчики — к матери, но после семи лет они должны погружаться в коллективное воспитание, о чем говорилось выше. Надо уметь держать ребёнка в поле зрения всегда, а ещё больше надо уметь не наказывать детей, ведь они не виноваты, что родились с животными инстинктами, а если ещё не умеют ими руководить и скрывать их, то научите их своим примером и всем семейным укладом.

Ребёнок не должен слоняться из угла в угол, думая, что бы ещё вкусненькое съесть; и родители, и дети должны знать, кем им быть, чтобы свою судьбу строить с дошкольных лет. Без культа Матери в семье и культа Отца воспитание не может быть полноценным. Заранее следует взращивать идеал своей будущей любви, зная при этом, что такие типы людей, как Герман, как Анна Каренина не способны принести ни продолжительной любви, ни счастья, ни крепкой благополучной семьи, как бы красивы, богаты, знамениты они ни были. Юноша должен быть защитником семьи и Отчизны, девушка должна быть хранительницей семейного очага, женственной, покладистой.

Насколько способны они проявить свои изначальные природные качества, национальное самосознание, в такой степени и удастся им жизнь.

Однако критерии идеального и в личностных характеристиках, и культурных и сексуальных у разных народов в различные эпохи различаются весьма и весьма. По сути секс, а точнее либидо (половое влечение) сформировало человеческое общество, человеческую культуру, в том числе и фольклор; половые потребности положили начало первозыку и пению, как и у птиц; вторым толчком для развития языка стала совместная производственная деятельность, начиная с охоты. Со временем секс у человека становится самоцелью, из него развивается любовь. У женщин появляется оргазм (у самок животных его нет). С появлением любовного чувства секс входит в разряд духовной жизни, а глубокое развитие эмоций стимулировало

мыслительные способности. Очень многое для развития любви сделало рыцарство, культивировавшее романтическую любовь (преклонение и служение «даме сердца»), поэтому до сих пор статус «рыцаря» котируется высоко.

У разных народов и культур секс и любовь по-разному соотносятся: у одних секс осуждается (христианские культуры, зороастризм, буддизм), у других — главенствует секс и отсутствует понятие о любви (некоторые примитивные сексуальные культуры народов Океании и Африки), третьи — интегрируют секс и любовь в единое диалектическое чувство, которому и принадлежит будущее. Примером гармонической сексуальной культуры является тантризм в Индии, который на протяжении нескольких тысячелетий не изменяет себе, исповедуя единство секса как свойства тела и любви как состояния духа, в их единстве — заключена гармония человека и природы: секс — не цель, а путь к духовному преобразованию. В искусстве тантризма широко распространены эротические сюжеты: половое соединение божественной пары — Кали с Шивой и первых возлюбленных — Радхи и Кришны. В сексуальном лексиконе тантризма, а также в китайском Дао любви нет сексуально грязных слов. Кстати, у них нет и сексуальных расстройств.

Первыми секс-художниками были земляне эпохи палеолита, которые 30 тысяч лет назад в наскальных рисунках запечатлели первые эротические картины. В более поздние времена создавались также и скульптурные изображения мужских и женских половых органов.

Одна из первых цивилизаций возникла в междуречьи Тигра и Евфрата (на территории нынешнего Ирака) — Шумеро-месопотамская культура со столицей Урук, построенной Гильгамешем (28 в. до н.э.). Здесь письменность (клинопись) появилась 5-4 тысяч лет назад. Тогда же появилась и проституция. Радетелям религиозной духовности не лишне знать, что проституцию в разных странах насаждали жрецы, получая баснословные доходы; и процветала она именно в храмах (в Шумерах, в Индии, в Египте, в Иудее, в Греции, в Риме и др.).

Первые цивилизации не блистали нравственностью, например, в Шумерах распространён был гомосексуализм, орализм, зоофилия, но с появлением здесь персов (VI век до н.э.) всё это жестоко преследовалось. Зороастризм, который исповедовали персы, осуждал секс в любых видах.

В древнем Египте хоть и провозглашалась моногамия (не для высшей знати), но до целомудренности отнюдь не додумались: имела место мастурбация, орализм, анализм, зоофилия, рабам нередко отрезали половой член, низводя их в ранг изгоев.

У древних евреев секс осуждался, но и безбрачие тоже, за неверность жены полагалась смерть. Правда, для царей закон не писан: как известно, у Соломона имелось 700 жен и 300 наложниц. Ветхозаветные правила полностью распространились и на христианство, которое во многом повлияло на сексуальную жизнь народов Европы (ригоризм, пуританство, викторианство калёным железом выжигали эротические бредни из мыслей и действий своей паствы).

Но у Европы имелся и иной опыт — из древнегреческой культуры, которую можно назвать аполлоновой: жизнерадостное, светлое начало, культ обнажённого тела, фаллос — символ плодородия и вовсе не постыдная часть тела — изображался на домах, в публичных местах, на различных предметах. Процветал гомосексуализм, не осуждалась передача жён взаймы, кровосмешение не наказывалось. Процветала, элитарная проституция (греческие куртизанки, гетеры были непревзойдёнными мастерицами своего дела). Наряду с эротизмом существовали и аскетические течения (стоицизм, гедонизм).

Сексуальная жизнь Древнего Рима также находилась в противоречии. С одной стороны, патриархальность, идея аскезы, безбрачия, а с другой — оргии при дворе, половые сношения принародно при свидетелях и с их участием, демонстрация половых актов в цирке, гладиаторство, жестокость, смерть. Не напоминает ли это нечто, а именно американскую субкультуру с её экранными и сценическими половыми актами, с её шварцнегерством и триллерами? Рим утопал в богатстве и роскоши, и если бы тогда кто-нибудь заикнулся о крахе могущественнейшей Римской империи, его подняли бы на смех, затем и на пики. Но Рим пал даже быстрее, чем можно было предположить, а сгнил он изнутри, ведь сила не в мраморных колоннах дворцов, а в моральных устоях нации. Америка идёт по стопам Рима, и ничто её не удержит от саморазрушения, ни захваченные мировые запасы сырья, ни скупленные «мозги», ни заарканенные таланты. Потребительство — гордость Америки — её могильщик. Над американской нацией дамокловым мечом висит проклятие индейцев, почти полностью уничтоженных христианскими колонизаторами. Россияне получили не меньшие территории, но они умели сосуществовать рядом с покорёнными народами, постепенно сживаясь с ними в едином многонациональном семействе.

Индейцы в своё время пришли на американский континент из Азии и Сибири, создали богатую цивилизацию, но их сексуальная культура, отнюдь не являлась примером для подражания. У инков, например, некоторые виды секса сочетались с каннибализмом, людскими жертвами, с употреблением наркотиков. Сексуальные

отклонения у них были, пожалуй, чаще, чем у других народов: содомия, кровосмешение, гомосексуализм, анализм. Если в семье имелись одни мальчики, то мать могла готовить одного из них к женской роли.

Приведенный перечень культур не является исчерпывающим, культуры развиваются тысячелетиями, и за этот срок, чего только не происходило, кроме того в любой культуре всегда имелись различные течения, в чём-то сходные, а порой абсолютно противоположные по своей сути. Всё, выше сказанное, не должно уничтожать в общей сложности какой-либо народ, не стоит и отчаиваться из-за падения нынешних нравов, были в истории эволюции человечества периоды и более мерзкие, и тем не менее общая нравственность большинства народов растёт, человек всё дальше уходит от своей звериной сути, всё ближе приближается к своему совершенству, а путь к нему известен: учение о трёх составляющих любви. Человек — парное существо, создав парный союз, крепя постоянно физические, духовные, интеллектуальные узы, взаимопроникая различными энергиями, человеческая пара превращается в самодостаточную устойчивую сущность. Жизнь отдельного индивида конечна, а его сознание ограничено сферой личного мировоззрения, но в паре две сферы двух взаимопроникающих сознаний дают возможность каждому индивиду выходить за пределы собственного внутреннего мира, обретая таким образом дополнительную точку опоры, что гасит трагичность одиночного существования. Кроме того совместные дети расширяют пределы жизни в пространстве и времени. В принципе верующий и бог также образуют устойчивую связь, но эта пара составляется не из равнозначных величин, здесь нет взаимообмена эквивалентными энергиями, как в случае мужчины и женщины. Бог не может заменить ни зверю, ни человеку второй его половины, о чём любая зверушка знает доподлинно и не домогается боговой любви, человек же «разумный» тешит себя иллюзиями. Бог (какое бы значение мы не вкладывали в это понятие) не способен сделать человека счастливым, как-то компенсировать неудавшуюся любовь может, но заменить равноценно — никогда. Религия, тем не менее, может найти себе применение, идя в арьергарде человеческого обоза и подбирая отстающих в пути, несчастных и сирых.

Не каждый делает ставку на любовь в жизни, да и государству, партиям, религиям не выгодно, чтобы граждане устремлялись в личную жизнь. И всё же в последующие века доля личной жизни у землян будет расти, а материальная взаимозависимость будет уменьшаться, многодетных семей значительно поубавится из-за перенаселённости планеты, союз между мужчиной и женщиной всё больше будет

основываться на духовной почве — на трёх составляющих любви: взаимности, верности, жертвенности. Стремление к самостоятельности в любви — антидиалектично: самая могучая энергия заключена в самых тесных связях.

Любое учение должно утверждаться в практической жизни автора. Эпикур на примере собственной высоконравственной, счастливой, состоявшейся жизни показал действенность своих принципов, но, увы, эпикурейство не прижилось: слишком далеко ушёл он в своём развитии от основной массы человечества, которое и 23 столетия спустя всё ещё не готово к самоограничению, поэтому-то и не может избавиться от бед и страданий.

Все мои учения, все идеи вытекают из моей личной жизни, из моей практики. Если они не подводят меня, почему бы и другим не взять их на вооружение. Внутренне я верю в своё предназначение, кроме того, я знаю, что куда бы меня ни завезли, жена моя последует по моим следам, и в каком бы состоянии я не оказался, она не откажется от меня. Пусть люди оценят меру нашей любви, возможно, и поймут тогда, что это единственный способ достичь счастья даже в окружении тюремных стен. И пусть знают слабые и сильные, что ждёт их, если они попытаются отстаивать свою честь, своё право на любовь, право на полноценное гражданство.

Письмо седьмое

Кто исповедует культ Женщины, тот не может без благоговения и трепета относиться и к своей Родине. На сыновьей любви к Матери, на мужской любви к Возлюбленной, на отцовской любви к Дочери зиждется любовь гражданская. Когда русский поэт XIII века восклицает: «О светло-пресветлая и украсно украшена земля Русская! И многими красотами удивлена еси... Всего еси исполнена земля Русская!» — я переполняюсь восторгом моего далёкого предка и утверждаюсь в необыкновенном богатстве русской души, проистекающей от глубокой древности Руси.

В урочище Сунгирь (под Москвой) были найдены бусы из бивней мамонта, возраст которых — 28-24 тысячи лет, тут же находилась и «первобытная мастерская» по их изготовлению.

То, что истоки нашей культуры очень древние и тянутся из палеолита, говорит и головной убор русских женщин — рогатая кичка, которая символизирует древний охотничий тотем — оленя. Палеоохотники поклонялись двум оленям. Восемитысячелетний культ древних охотников подтверждает факт о необыкновенной живуче-

сти традиционной народной памяти. Есть и другие свидетельства глубокой древности славянорусской цивилизации. Уже с V-IV тысячелетий на огромных просторах Восточной Европы встречаются археологические культуры, носящие славянские черты. Эта Трипольская культура земледельцев и пастухов, оставившая после себя четырёхгрудые сосуды, символизирующие двух богинь-берегинь, которые позднее у славянорусов — наших предков — стали называться Ладой и Лелей. Культ этих богинь-«рожаниц», матери и дочери, оказался наиболее ярким и устойчивым именно у восточных славянских язычников. И сегодня, тысячи лет спустя, имена Лада и Леля ласкают наш слух, потому что архетипическая память неизгладима.

Белогрудовская и Тшинецко-Комаровская культуры (второе тысячелетие до н.э., бронзовый век) также несут славянские черты. Имеются и письменные свидетельства: Геродот (V век до н.э.) поведал всему миру о восточно-славянском мифе (первая половина первого тысячелетия до н.э.): на землю славян с неба упали золотые священные предметы: плуг, секира, чаша. Царь Таргитай послал трёх своих сыновей завладеть ими, но удалось это лишь младшему, который и основал Золотое царство и стал называться Коло-ксай (Солнце-царь), а его народ — сколоты (солнечники, подданные Солнце-царя). Менее удачные братья основали Серебряное царство и Медное. А разве в русских сказках не рассказывается постоянно и о трёх братьях, и о трёх царствах?

Археологические раскопки, клады, погребальные украшения, топонимика, этнографический материал, фольклор, вышивка, ремёсла дают возможность проследить историю славянских народов более доказательно для всего первого тысячелетия до н.э., представленной в целом ряде археологических культур, преемственных по традиции и по территории: Чернолесская культура (X-VII века до н.э.), Сколото-Скифская (VI-IV века до н.э.), Зарубинецкая (III-I века до н.э.), Черняховская (I-III века н.э.), культура Великого расселения славян (IV-VIII века н.э.)

Столь же древняя и духовная культура наших предков. В эпоху позднего палеолита и мезолита (VIII-VII тысячелетия до н.э.) у европейских охотников сформировалось тотемическое понятие — табуированный образ хозяина лесов — медведя, который со временем перерос в божество — Волос (Велес). Как всем известно, он и стал одним из главных богов русичей, символом удачи и богатства, покровителем волхвов.

В третьем тысячелетии до н.э. у протославян складывается понятие о Великой Матери — Макоши, прародительнице славянских племён, а также об упомянутых

берегинях — «рожаницах». Эпоха бронзы — это рождение первых естественных мировых религий в Египте, Месопотамии, Индии, Китае.

В конце второго тысячелетия до н.э. у праславян происходит смена матриархата на патриархат, поскольку земледелие стало основным занятием. Главное женское божество уступает первенство мужскому божеству — Роду. Это ещё одно доказательство, что не боги создают людей, а люди — богов. Каковы люди, таковы и боги. В демонологии белой расы — демоны с горящими глазами, острыми клыками и кожей — чернее сажи, а у чёрной расы — самые отвязленные дьяволы — конечно же, белокожие гиганты с огненными космами.

В дальнейшем культ Рода дифференцируется, появляются его ипостаси, символизирующие свет, небо, солнце (Даждьбог, Сварог, Хорс). Но в традиционной восточно-славянской вышивке женские божества: Макошь, Лада, Леля — остаются навечно в виде трёх стилизованных женских фигурок (ритуальные полотенца-убрусы, ковры и т.п.).

Конец второго — середина первого тысячелетия до н.э. знаменует интенсивную духовную жизнь славянорусов: складываются ранние мифы и сказки (о трех братьях и трёх царствах, о кузнеце-змееборце, о медвежьей лапе, о царе Горохе и др.). Формируется языческий пантеон богов.

Давайте, братья и сёстры, ещё раз помянем наших истинных, исконно славянских богов, которым не одно тысячелетие, а много тысяч лет поклонялись наши пращуры. Макошь — Прародительница славян и две «рожаницы» (роженицы), мать и дочь — Лада и Леля. Пока они живут среди нас, жизнь на русской земле не прекратится. Великий Род — бог Вселенной, олицетворение плодоносящей силы, Сварог — бог Небес, Даждьбог — бог Света, Хорс — бог Солнца, Перун — бог Грозы и Грома, Стрибог — бог Ветров, Ярило — бог Эроса, Волос (Велес) — «скотий» бог, Переплут — бог земной растительности, Ящер — бог Подводно-подземного царства. Рядом с богами и вокруг нас — множество добрых сил (берегини, домовый, духи предков, которых надо угощать), а также и злых (упыри, навьи — духи мертвецов, которых нужно задабривать). А сказочных персонажей: от бабы-яги и кикиморы до русалок, и от Кощея Бессмертного до лешего и водяного — не сосчитать; хоть и страшноватые они порой, и непутёвые, да ведь это же — наша кровиночка!

Одно дело, когда россията смотрят сказку про Ивана-царевича и Серого Волка, и другое, когда на экране появляется всякая несуразная нечисть нерусская — очередной американский скрежещущий, технотронный детский боевичок с надуманными

персонажами, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу, но зато умело бьющие, раздающие, раздавливающие, размазывающие по стене. Нам ли, сохранившим богатейший и гуманнейший фольклор, полный поэзии и света, менять его на железки и стекляшки искусственной полукультуры?

Языческая религия — одно из самых светлых, жизнеутверждающих мировоззрений, не знающих ни страшного суда, ни издевательства над собственной плотью (кастрации, безбрачия, верижничества и т.п.). Божества славян — олицетворение Природы, их храмы — дубравы и берёзовые рощи, горы, источники; святилища, капища сооружались под открытым небом. Окружающий мир для язычника — не враг, а предмет поклонения, они находились друг с другом в единстве и согласии. Если язычник не может обойтись без дерева, то прежде, чем срубить его, он попросит прощения. Без надобности он ни дерева не загубит, ни зверя не убьёт. Иудеи, христиане, иудобольшевики первые стали насильничать над природой: «Истребите все места, где народы, которыми вы владеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушите жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите рощи их, и истребите имя их от места того» («Второзаконие», гл. 12, ст. 2, 3).

Большевики: «Мы не можем ждать милости от природы, взять их — наша задача».

Язычество у славян имеет тысячелетние традиции, сложившиеся в ритуальную технику, символику, устоявшуюся этнографию, фольклористику, архитектуру, формы поведения, мораль. Об уровне языческой культуры свидетельствуют сосуды-календари, по которым можно определить важнейшие периоды земледельческого цикла. Важнейшие отправные моменты в них связаны с солнечными фазами: зимнее солнцестояние — святки (24 декабря — 6 января); весеннее равноденствие (23-24 марта) — масленица языческая, комоедица; летнее солнцестояние (23-29 июня) — летние святки, Купала, русалии (русальская неделя — 19-24 июня); осеннее равноденствие не отмечалось, а праздновался день Макоши и рожаниц (9 сентября) — день Урожая. Важными датами считались: Ярилин день (4 июня), день Перуна (20 июля), праздник первых плодов (6 августа).

Космогонические представления славянского язычества соответствовали общечеловеческим: хляби небесные и твердь с небожителями, земля со всей растительностью и живностью и подводно-подземное царство с его правителем и свитой. В системе языческого мировоззрения главным было обращение к силам природы, заклинание злых и добрых начал, моление об урожае и приношение треб (жертв). В каждом доме, подворье

имелись места, где проходил внутрисемейный ритуал. Были и общественные святилища: общесельские, общеплеменные, и, конечно же, главное святилище — межплеменное. До сих пор сохранились названия священных мест: Родень, Перуново, Волосово (Велесово), Макошино, Ярилино, Девичья гора, Красная горка и т.п.

Главным в язычестве было поклонение Природе, Макрокосму. Гора в окрестности селения, дерево у источника, река, приметные камни, берёзовая или дубовая роща — все это объекты поклонения. Племенными святилищами считались: Лысая гора под Киевом, Девичья гора в Триполье, святилище Рода в устье Роси, дуб на острове Хортица. Сколоты-росы добирались сюда с караванами судов для торговли с Римской империей, впоследствии с Византией, обменивая хлеб, шкуры, меха, мёд, воск на амфоры с винами, маслами, а также на предметы роскоши. Священному дубу они приносили жертвы и моления о благополучном походе — опасностей от степняков на Священном пути случалось во все века предостаточно.

Языческие ритуальные действия представляли сложную схему как в целом, так и в отдельных эпизодах, особенно при общесельских, общеплеменных и межплеменных событиях, для проведения которых нужна была особая организация людей, знающих традиции и обычаи, мифологию и фольклор, досконально разбирающихся в календаре и целебных травах, умеющих составлять кошуну и заговоры, петь и играть на музыкальных инструментах. Это жреческое сословие имело иерархическую структуру, многие функции дифференцировались всё более и более, в связи с чем название жрецов было разным: волхвы, облакопрогонители, ведуны, чародеи, хранильщики, кошунники, баяны, кудесники, кобники, а среди женщин — чародейки, потворницы, ведьмы (ведающие матери, общинные целительницы). Жрецы относились к правящей знати, обладали обширнейшими знаниями, накопленными предыдущими поколениями, передаваемые по наследству.

Волхвы могли поднять народ против князей. С ними считались все, без них не проводилось ни одно народное событие, а самыми многолюдными и захватывающими являлись весенние и летние празднества, зимние же святки как бы аккумуляровали энергию всех празднеств года. Но какой праздник или ритуальное действие могли произвести впечатление на толпу без драматургической основы, без словесно-поэтической канвы, без заговоров, заклинаний, молений, без ритмических действий, хороводов, плясок, без музыки и песен?

С купальскими праздниками, с одной стороны, связаны песни любовного содержания, хороводы с пристукиванием и притопыванием, прыжки через костёр пара-

ми, а с другой — душераздирающие причитания матери, убивающейся по своей утопленной дочери: «Люди, не берите воду, не ловите рыбу, не косите травы на излучинах реки — это красота моей дочери, это её коса, её тело...»

Со временем приношение в жертву девушки Ящеру заменилось на жертвоприношение животными.

Что значат одни заклички без всего масленичного действа: без горячих блинов, символизирующих Солнце, без катания огненного колеса, езды с бубенцами на тройках, сожжения чучела Костромы, наконец, без ряженных и кулачных боёв?

Сценарии ритуальных действ, игрищ шлифовались в течение многих тысячелетий, то же можно сказать и о свадебном обряде, который нам более известен, и который представляет многоактную драму, где схлёстываются человеческие интересы, а значит и пылают страсти. Только в драматическом единстве зрелище потрясает умы и сердца. К сожалению, при обращении к нашему прошлому мы не стремимся к комплексному и глубокому познанию его, а довольствуемся тем, что попадёт под торопливую руку, словно мы не у себя в усадьбе, а залезли ночью в чужой огород и, шарясь на грядках, выдёргиваем, что попадёт впотьмах. Многие коллективы, исполняя лишь песни и пляски народные, называют это фольклором, но хвост от слона — это ещё не слон. Отдельная песня или танец, заговор или прибаутка, наигрыш или частушка, игра или закличка, бывальщина или загадка, заговор или плач, сказка или гадание, поговорка или анекдот — всё это разрозненные фольклорные элементы, представляющие собой мозаичные стёклышки, которые лишь в совокупности способны воссоздать живописную картину народной жизни. Поэтому фольклор — истинную историю народа следует изучать через комплекс обрядов и традиций, этнографию, археологию, лингвистику, топонимику, через письменные свидетельства древних текстов сопредельных стран. Познав же наше прошлое, мы уже не сможем отмахнуться от него, а должны принять свою историю со всем высоким и грубым, и зная, что наши пращуры молились священному Роду, мы уже не сможем формально относиться к таким понятиям, как Родина, Природа, Народ, Родник, Родня.

Одной из важнейших народных традиций является обряд захоронения. Праславяне бронзового века считали, что после смерти каждого ждёт перерождение в новую жизнь, поэтому умерших хоронили в скорченном состоянии — в положении эмбриона (Чернолесская культура). В дальнейшем взгляд на смерть изменился в связи с развитием понятия о бессмертной душе, которая покидает брренное тело, оставляя его на вечный покой (отсюда — покойник). Поэтому хоронить умерших стали в вытянутом

положении. Считалось, что огонь помогает душе быстрее освободиться от брэнного тела и без преград домчатъ до небес. Поэтому трупы сжигались (Милоградская культура). В отличие от славян, которых в античном мире называли скифами-пахарями, истинные скифы (кочевники-иранцы) хоронили трупы в катакомбах.

Вознесённые к небу в сонмище богов души умерших могли замолвить словечко о своих родичах, живущих на земле. Так у славян сложился культ предков, поклонение «дзядам» — радуница, на которую приходят на могилы, принося попить и поесть слетающим в этот день душам мёртвых. Ритуальной пищей служит прежде всего кутья — пшеничная каша. Следует подчеркнуть, что хлеб и каша — основной продукт земледельца — были всегда в чести почти у всех народов. С глубокой древности существовал обычай приготовления ритуальной пищи из первого урожая плодов в священных горшках — таргелиях, поэтому не удивительно, что имена первых царей разных народов имели сходное звучание: у славян — Таргитай, у индусов — Траитан, у иранцев — Траетаон, у хеттов — Тарку, Тархуна, у армян — Тарку Тургу, у итальянцев — Тархетия. Горшок всегда ассоциировался с жизнью, с довольством, с защищённостью. При трупосожжении прах нередко заключался в горшок — в погребальную урну, символизируя таким образом вечную загробную жизнь.

Захоронение вождей, знати нередко происходило с человеческими жертвами, чаще встречаются парные захоронения: при смерти вождя убивали жену и нередко телохранителей, и тут была своя жестокая патриархальная логика — ни жена, ни телохранители не должны быть заинтересованы в смерти своего повелителя. У северных славян (вятичей) умерших хоронили не в земле (зимой это было сделать не просто), а в домовинах — в деревянных 1,5 на 2 метра срубах, стоящих на столбах. Вот она — знаменитая избушка на курьих ножках с Бабой-Ягой Костяной ногой.

До сих пор русичам пытаются внушить, что само их название заимствовано на стороне. Церковь уверяет нас, что оно одолжено у варягов, Татищев — у финнов, Эверс — у хазар, Костомаров — у литовцев, Барец — у евреев, Шелухин — у кельтов. Но разве в сказании о Словене и Русе не говорится, что именно эти два брата-русича создали одну из первых цивилизаций в Европе в третьем тысячелетии до н.э., покорив весь Север евразийского материка вплоть до устья Оби, создав первые в Европе города — Русу и Словенск (2578 гдо н.э.). Об этом же говорится и в Мазуринском летописце. Так что славянорусы — это один из древнейших народов, основоположник евразийской цивилизации. Славянорусы — прямые потомки гиперборейцев, по сути и в настоящее время Россию, имеющую такие заполярные

города как Архангельск, Норильск, Якутск, Магадан и др., с полным правом можно называть Гипербореей, страной Борисов, бореалов.

Да, действительно топонимические названия с корнем «рос» и «рус» можно встретить почти повсеместно, и в Европе, и в Малой Азии, на Кавказе и на Балканах, но это свидетельствует лишь о том, что когда-то, а именно в третьем-втором тысячелетиях до н.э., здесь доминировали славянорусы, обсеменяв своим светлым именем эти земли и реки.

Насаждённое огнём и мечом христианство на Руси вывернуло наизнанку священные русские понятия такие как кощуны, с помощью которых воспитывалась молодёжь в духе патриотизма и самоотверженности, как ведающие матери, хранительницы и целительницы русских общин; они превратились в уничижительные преступные понятия — кощунство, ведьма.

Уничтожив волхвов, памятники языческой культуры и религии, церковь подменила и русских богов, подсунув своих, иудейских: Рода — Иеговой, Дажьбога — Иисусом Христом, Макошь — девой Марией, берегинь — ангелами, упырей — чертями и бесами; зимние святки переименовали в Рождество Христово (25 декабря), и крещение (6 января), (правда, день обрезания Иисуса — 1 января почему-то не стал славянским праздником), Купалу назвали Иваном Предтечей (23-24 июня), Перуна — Ильей Пророком (20 июля), а день Макоши — рождеством Богородицы (8 сентября).

Но русскую, светлую языческую душу не подменишь, архетипическое славянское мировоззрение не затмишь. В язычестве Русь родилась, над её колыбелью звучали языческие колыбельные песни, под звуки языческих волюнок собирались русичи на вече, отправлялись на ратные подвиги, о которых пели под гусли седовласые бояны. А когда «мудрый Боян, внук Велесов»... «хотел прославлять кого, то носился мыслию по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.»

Если многотысячелетнее прошлое России обеспечивает мощными корнями национальную культуру, которую даже теоретически выкорчевать невозможно, что и подтверждается всем ходом восточно-славянской истории, то самая обширная территория российского государства — более 17 миллионов квадратных километров — гарантирует россиянам самое надёжное будущее, ведь планета уже сейчас перенаселена в три раза, треть её населения голодает. О какой психологии потребления может идти речь? Не до жиру — быть бы живу. Как бы ни кичился Запад своими потребительскими возможностями, используя ресурсы третьего мира, объективная непреложность грядёт — цивилизация потребления и расточительства

должна замениться на другую, более совершенную и разумную, основанную не на материальном роскошестве, а на духовном, душевном богатстве.

История учит: цивилизации, утопавшие в роскоши, изнеженности, излишествах закономерно загнивая, погибали (Карфаген, Рим, Византия), да и отдельные личности, делавшие ставку на материальные удовольствия, терпели фиаско, как Лукулл, например, награвивший богатств столько, что не смог промотать их даже во вселенских оргиях, и тем не менее кончивший жизнь самоубийством.

Пресыщения не бывает лишь в творческой и духовной деятельности, потому что возможности в самосовершенствовании безграничны. А пищи человеку требуется совсем немного: в день до литра молока или кефира, немного серого хлеба, порции каши да ещё овощи, фрукты, да орехи — и здоровье, и долголетие обеспечено.

Над человечеством нависла сирая судьба потомков промотавшихся отцов.

Многие ресурсы уже на исходе, у многих народов нет свободной земли ни пяди — куда ступить, где жить? А в это время американцы расходуют почти половину всех сырьевых и энергетических ресурсов планеты, роскошествуя за чужой счёт.

То, что русский народ стал обладателем обширнейших земель, не случайность. Многие народы захватывали ещё большие пространства (киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, аланы). Огнём и мечом прокладывали они путь с востока на запад, оставляя после себя трупы и пепелища, потому-то они и сгинули сами.

Славянорусы — один из немногих народов, обладающих и великодушием, чтобы забыть былую вражду, и открытостью души, чтобы быть способным ужиться с любыми нациями и народностями, и дружелюбием, чтобы сохранять хорошие отношения с кем бы то ни было, и широтой характера, чтобы объединить другие народы, и бескорыстием, что позволяет не доводить любые конфликты до крайностей. Вот почему народы из многих зол выбирали меньшее — руку Москвы, вот почему небольшие отряды казаков за сравнительно недолгий срок подчинили всю Сибирь, вплоть до Аляски, а ещё потому, что Сибирь издревле была землей русской, гиперборейской (Асгард, Аркаим и др.)

С созданием Советского Союза отсталые окраины с покорёнными народами получили опережающее развитие и в конце концов получилось так, что не русские жили за счёт присоединившихся народов, а наоборот, эти народы жили за счёт русских, правда, происходила такая «колонизация» не без умысла антирусской правящей иудобольшевицкой шайки, поставившей задачу в октябрьском захвате власти в России уничтожение русичей и присвоение русских земель, как это было ироде-

лано иудомасонами с американскими индейцами и их землями: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле слова красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния» (Л.Троцкий).

«Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции, которые будут жить так, как мы им прикажем» (Ленин).

Беда России — в потере национального традиционного мировоззрения, которое десятки тысяч лет создавалось на основе ведического язычества, и которое формировало иммунитет к любым чужеродным «обещалкам».

С насильственным насаждением христианства и уничтожением русского жреческого и княжеского сословий русский народ осиротел не только физически, но и духовно. По сути русская духовная и социальная элита перестала существовать, а, следовательно, и руководить нацией. По данным Загоскина, среди дворянских родов в России русские составляли лишь четыре процента.

Церковь — тысячелетие, большевики — почти столетие пытаются отшибить у русского Ивана память о его древнем роде, о его могучей потенциальной силе, ведь Ивана-родства-непомнящего захомутать сподручнее; но русского ещё называют и Ванькой-встанькой.

Грабя и терзая россиян, недруги ещё и насмеваются над ними: «Какие же вы непутёвые, к тому же — бездари и пьяницы; какое у вас мышление примитивное — инверсионное: только «да» или «нет», а вот «и нашим и вашим» — уже не можете, а говорить одно, думать другое, делать третье — вовсе не по зубам, а уж чтобы руководить собственным государством — не ваше свинячье дело, для этого «варяги найдутся».

Незлобливость, немстительность русичей многих вдохновляет на злословие по отношению к ним. Облапошит какой-нибудь проходимец русского, объегорит, об-

манет, обкрадёт — и уже чувствует своё превосходство. На этот счёт даже убийственный аргумент припасён: «Если ты такой умный, то почему тогда бедный?» По-шулерски передёргивают карты: к уму, чести, совести приравнивают бабло.

Как быстро летит время, и как легко слетает с россиян всё чуждое, наносное. Было время — их так офранцузили, что даже национальные герои и героини, национальные писатели без французского языка обойтись не могли.

Пушкинская Татьяна писала и думала по-французски; дурно не это, а то, что по-русски плохо изъяснялась. Толстой сотни страниц в «Войне и мире» исписал по-французски, но был ли в этом резон — двумя языками одно произведение писать? А главное, как можно было умудриться в пудовой эпопее почти ничего не сказать правдивого о масонстве, подобно крыловскому герою, не заметившему на выставке слона.

Очевидно, ему масонство, как танцору яйца, мешало стать патриотом. Большой писатель может быть и великим ханжой. Истинное величие — в искренности: посвятить 53 года жизни служению народному языку, как это сделал Владимир Иванович Даль — вот истинный подвиг во славу России и её культуры. Почему же Даль не входит в наши «святцы»? Разве его «Толковый словарь живого великорусского языка» — не священное писание, разве родной язык — не самое великое богатство, не самая высокая святость для народа?

Почему русский Иван должен, как дурень со ступою, возится с иноземными и чужеродными текстами типа «Ветхого и Нового Заветов», проповедующих превосходство иудеев перед прочими народами, в том числе и русским? Как жаль, что славянорусы не научены гордиться своими предками, своей Отчиной, своими многотысячелетними традициями и обычаями, своей воистину великой культурой, своей священной «Велесовой книгой», своим могучим фольклором, обнимающим необъятное и в слове, и в мелодии, и в ритме, своим искренним задушевым характером, практической сметкой, талантом, своими женщинами — жар-птицами.

На Западе господствует практицизм, индивидуализм, потребительская психология, на Востоке — мистицизм, коллективное начало, государственность.

России предназначено стать «золотой застёжкой» между двумя цивилизациями. Россия имеет все предпосылки для создания новой цивилизации — духовно-творческой, цивилизации третьего тысячелетия: это многотысячелетние традиции и богатейший фольклор, основу всякой культуры, это мощное духовное начало, это срединность и в географии, и в душевно-психологическом складе, это самая великая территория — как гарант обеспеченного будущего.

Основой сближения индивидуального и коллективного начал может стать философия пары, по которой за человеческую единицу принимается не личность, а два субъекта, которые способны составлять устойчивую пару и в физиологическом отношении, и в психологическом, и в физическом, и в духовном, и в философском. Мысли и заботы, и интересы каждого из них сосредоточены не на себе, а на партнёре, что ослабляет драматизм индивидуалистского сознания — точка опоры на сопредельное сознание. Основой философии пары может служить учение о трёх составляющих любви (взаимности, верности, жертвенности).

Философия пары определяет новый подход ко всем аспектам жизни, любой вопрос материальной и духовной деятельности решается не персонифицировано, а диалектически, учитывая интересы обоих составляющих парного звена, и это не искусственный подход, ведь пары в естественной жизни постоянно создаются: мать и дитя, он и она, прочие связи двух индивидов. Главное в этом вопросе — воспитание, в том числе и через престижность, через общественное мнение.

Чётко прослеживается рост сексуальности человеческого общества, но эротическая разнужданность разрушает и здоровье, и психику (долг ли век проституток и им подобных?), религиозное подавление инстинктов — ещё большее невежество, остаётся третий путь — моногамный союз на основе любви: взаимности, верности, жертвенности. Грядущий и последующие века — эра Любви — религии будущего. Эта религия понятна всем народам, она не будет сеять рознь и конфессиональную вражду.

Все религии — корыстные организации, отсюда и фанатизм, и непримиримость. Весь мир поделён на конфессиональные кланы, между которыми возня за передел его не утихает ни на минуту. Религии не способны объединить мир, сплотить народы планеты; может это сделать лишь биосоционика — научное философско-нравственное мировоззрение, общее для всех людей, всех народов, не противопоставляющее никого никому.

Семь её положений исходят из биологических и социальных законов, определяющих тенденции прошлого, настоящего и будущего, помогающие ориентироваться в личной и социальной жизни. Они определяют и философию, и нравственность, и этику, и эстетику, а значит формируют быт и стиль жизни, пути и методы самосовершенствования, они являются теоретической основой новой духовно-творческой цивилизации.

Ни один человек, ни одна нация, народ, народность, этническая группа не ущемляются политикой, основанной на биосоционике, вот почему она способна стать

объединяющей силой всего человечества, а без консолидации усилий всех народов, всех государств ни одну из перезревших кризисных проблем не решить.

Основой любой цивилизации являются языковая и традиционная культура.

Великий и могучий русский язык, один из мировых языков — способен нести всемирную культурную миссию. Традиционная славяно-русская культура — кладёшь идей и художественных образов, русские мелодии и ритмы — неиссякаемы. Русский народ достаточно добродушный и покладистый, немало терпел различных экспериментов, ведь его душа открыта миру и народам, но, увы, все эти «прививки» к мощному русскому древу жизни не прижились из-за ущербности привоя. А не пора ли, русичи, братья и сёстры, перестать заглядываться на чужое житьё-бытьё, на роскошество и блеск, ибо не всё золото, что блестит; не пора ли, наконец, понять, что мы — народ самодостаточный, что наших богатств и материальных, и духовных нам не исчерпать ни в настоящем, ни в будущем, так не пора ли стать самим собой, почитать наши русские святыни и предков, гордиться всем тем хорошим, что имеем, не унывать и не отчаиваться из-за недостатков и ошибок, ибо без них не проживёшь. Иные недостатки являются продолжением достоинств и наоборот. Мы не умеем наживаться за чужой счёт, потому что наши предки не проходили школу рабовладения, мы не нападали ни на кого из-за угла, потому самим доставалось немало, мы способны поделиться последним — разве это не характер народа-лидера?

Новая цивилизация не возникает по щучьему велению, она приходит из кризисной ситуации: по-старому жить уже невозможно, найдём выход — заживём по-новому, не выкарабкаемся из кризиса — наше место займут другие народы. Разве мы не видим их откровенные поползновения вытеснить нас и сверху — от руководства страной, и из собственных земель — почти повсеместно, особенно на юге и востоке?

Самые тёплые и восторженные слова, сказанные о своей Отчизне, не могут и не должны заслонять всё то хорошее и достойное, что имеется в иных странах, в иных культурах. Каждому — своё, и глупа та птица, которой собственное гнездо не мило. Кому что, а наша доля, наше счастье — в России; и пока над нами звучат народные песни, наши обереги, пока они звучат в наших сердцах и над колыбелью россиян — России быть и процветать. Россия — страна песен. Народ, создавший один из самых удивительных традиционных культур и сохраняющий её в памяти и сердце, никогда не потеряет свое лицо.

За многие тысячелетия написано бесконечное количество книг, вот и моё писание — ещё одна. И русский жизненный опыт, и опыт всего человечества накопил

горы томов людских историй, но он горек и печален, по сути это энциклопедия на тему «Как быть несчастным». Не пора ли нам, братья и сёстры, начинать новые истории, издавать новую энциклопедию — «Как стать счастливым».

Как старец Пимен в келье, так и я в камере, наконец, могу произнести:

«Окончен труд, завещанный от бога...», но душа не облегчилась: изо дня на день жду отправки в Томскую психиатрическую клинику. Уцелею ли я, останутся ли эти мои записи.

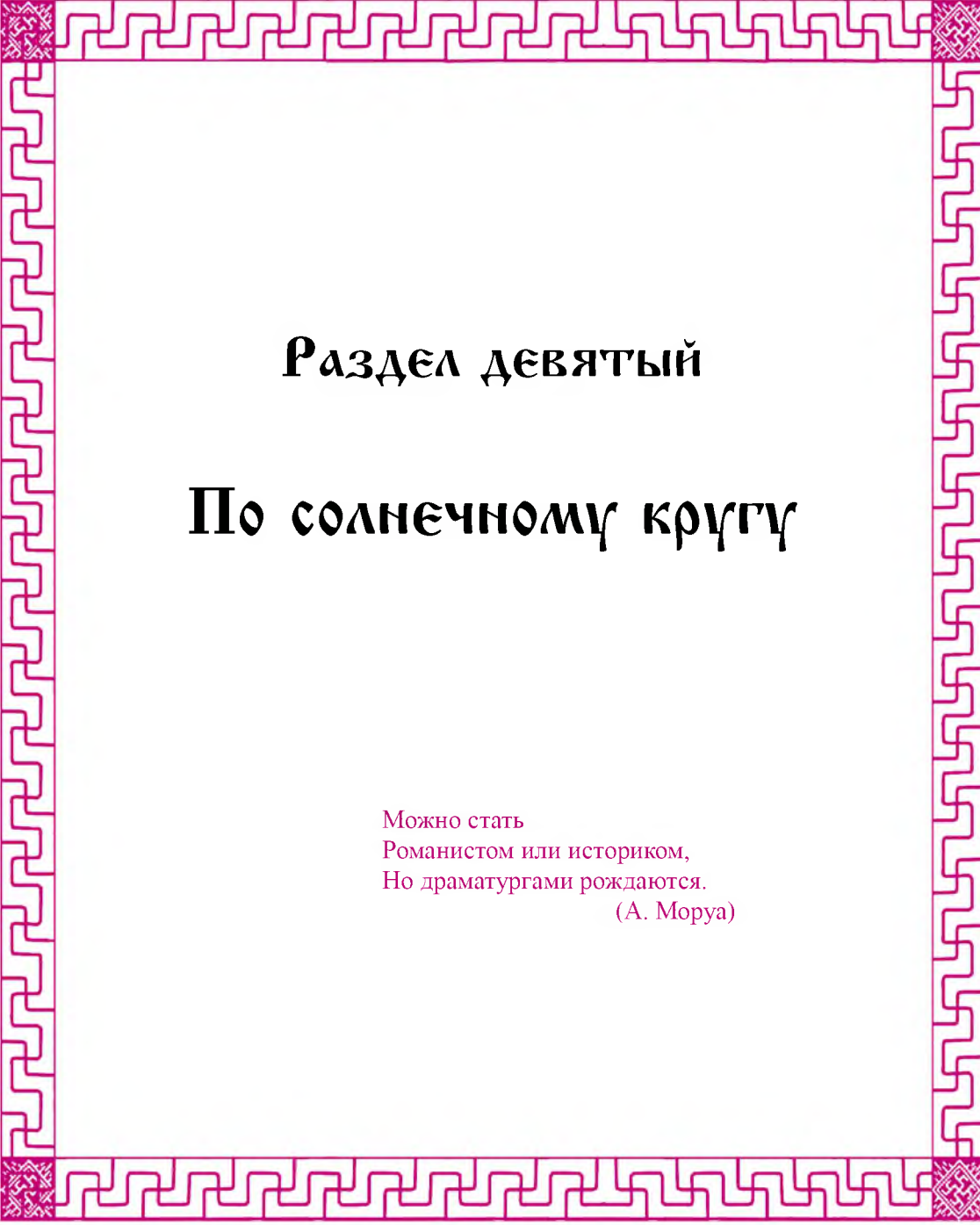
Меня научили в тюрьме гадать на домино, и вот на тринадцатые сутки моего заточения я раскинул на нём свою судьбу. Выпало: дубль-один, дубль-два, дубль-три, дубль-четыре (удивительно, но случилось именно так!), а это обозначает: дорога, баба, дубак, нечаянный интерес. Не успел я смешать домино, как железная дверь камеры №28 Минусинской тюрьмы открылась и меня повели к начальству, которое уведомило меня, что был разговор с моей женой, и что, можно думать, домой она вернётся не одна.

**Книга
Пятая**

Драматургия

РАЗДЕЛ ДЕВЯТЫЙ

По солнечному кругу

Можно стать
Романистом или историком,
Но драматургами рождаются.
(А. Моруа)

*Когда стихает предконцертный шум,
и замирает зал в волненьи томном,
Душа России, сказочный триумф —
«Лучинушка» идёт в нарядах скромных.
Походки грациозны и легки,
И возле глаз лукавые морщинки,
И дробы выбивают каблучки,
И плечи плавно ходят для разминки,
И, может быть, все косточки болят,
И сердце бьётся, как о клетку узник,
Но всё рывком отброшено назад —
Сейчас искусство — бог их и союзник.
И надо ж так, на озере Шира
Найдёшь таланты, голоса такие,
Как будто, с сердцем повенчав ветра,
Заговорила вдруг сама Россия!*
(Комиссаровы)

По солнечному кругу

Для любого театра, и профессионального, и самодеятельного, 20 лет — это значительная дата. Сделано 20 витков по солнечному кругу — фольклорный театр «Лучинушка», народный коллектив, лауреат Всесоюзных смотров и фестивалей, участник второго Международного фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона прошёл все стадии становления и творческого роста без потерь и срывов, став творческой лабораторией по созданию и апробированию репертуара для фольклорных театров, народных ансамблей песни и танца. Написано более десятка одно-двух-трёхактных народных драм: «Горница», «Женихи», «Неверность», «Солдатки», «Енисеева судьба», «Таёжные были», «Иван да Марья», «Амурное вещество», «Зимние святки», «Летние святки», а также «Житие казака Омэльки» (на украинском языке). Опубликованы — «Енисеева судьба», «Женихи», «Неверность».

Таким образом, создано новое литературное направление — фольклорная драматургия. С написанием народной драмы работа над ней продолжалась уже на сцене, так появилось более десятка фольклорных спектаклей, в которых всё было впервые:

и общая режиссура, и мизансценирование, и формирование образов, и костюмы, и хореография, и хормейстерская работа, а также декорации и реквизит. С «Лучинушкой» в нашей стране появился новый жанр народного искусства — современный фольклорный театр, имеющий собственную драматургию. Отличие фольклорного театра «Лучинушка» от других народных коллективов, прибегающих к театрализации фольклорных программ, в том, что они используют этнографические действия (свадебные обряды, посиделки, святки и т.п.), а «Лучинушка» использует собственный драматургический материал, для создания которого необходим драматургический талант, умение привести к общему знаменателю и фольклорный материал (песенный, музыкальный, хореографический, поэтический), и авторский, без чего невозможно написание драматургического произведения. А это получается лишь тогда, когда авторские произведения достигают уровня народных, лишь в этом случае вся ткань сценического произведения становится цельной, однородной, художественно убедительной.

Хотя давно уже назрела необходимость в массовом развитии жанра современного фольклорного театра, поскольку жанр народного хора, народного ансамбля песни и танца себя исчерпал (ведь фольклор по сути своей — драматическое действие, а песня и танец — лишь подчинённая часть его). Появлению фольклорных театров тормозит отсутствие репертуара: не каждому коллективу дано создавать собственный. Решение данной проблемы на первом этапе возможно через публикацию и распространение богатого репертуара «Лучинушки». Из десятка предлагаемых нами народных драм можно создавать бесконечное множество фольклорных спектаклей, ведь именно в вариативности — основное отличие фольклорных спектаклей от классических сценических произведений. Фольклорный спектакль — это мозаичное полотно, состоящее из множества «мозаичных стёкол» — фольклорных элементов (песни, плачи, заклички, частушки, танцы, пляски, хороводы, заговоры, пословицы, поговорки, анекдоты, были, небывальщины и т.п.). Любой коллектив в любом регионе может использовать местные фольклорные элементы, отчего колорит спектакля изменится. Состав коллектива, его творческие возможности, введение новых персонажей и сцен, а также произведений народных умельцев (ковры, скатерти, гончарные изделия, предметы домашней утвари, одежда, различные поделки, плетень и прочее) ещё больше открывают простор для самовыражения и творчества.

Для реализации нашей идеи превращения народных хоров и ансамблей в фольклорные театры наряду с репертуаром мы предлагаем монографию «Истоки и

перспективы фольклорного театра», в которой даётся методологический материал в помощь написания народных драм, постановки фольклорных спектаклей и создания фольклорных театров. Появление современных фольклорных театров — это объективный процесс исторического развития народного художественного творчества, которое с самого начала возникает как синкретическое искусство, в дальнейшем проходит фазу дифференциации (хоры, ансамбли) и должно вновь приобрести синтетический характер в виде фольклорных театров. Фольклорный спектакль, будучи синтетическим искусством, имеющий диапазон от народной драмы до фолк-оперы, даёт возможность вернуть народному искусству первоначальный синкретический смысл.

Возможности фольклорных спектаклей безграничны, одна и та же программа в исполнении разных коллективов, разных артистов способна принимать бессчётное количество вариантов в связи с использованием местных фольклорных элементов, вариациями составом исполнителей, объёмом сценария.

Фольклорные спектакли способны влиять на духовное возрождение человека, способствовать росту и формированию национального самосознания. По эмоциональному воздействию фольклорный спектакль превосходит концертные программы и вместе с тем может обойтись без больших материальных затрат, не требует каких-то условий для подбора состава участников, поэтому не только может возникнуть на базе хорового коллектива, но и практически в любом клубе, лишь бы имелся репертуар. Социологические исследования, проведенные по изучению деятельности фольклорного театра «Лучинушка», предоставляют уверенность говорить о том, что данный жанр народного искусства, в котором происходит максимальное раскрытие творческих возможностей как всего коллектива, так и каждого участника его, наиболее полно соответствует требованиям сегодняшнего дня, идеям обновления общества, возрождения духовности.

Создание детских фольклорных театров является наиболее эффективной школой эстетического воспитания детей. Нами разработана новая программа эстетического воспитания, в основе которой лежат следующие теоретические положения: онтогенез повторяет филогенез, трёхэтапность развития культуры — синкретический, дифференциации и обобщения; три основы воспитания — орнаменталистика, обрядовая культура, частушечно-плясовой жанр и театрализованный характер уроков.

В жизни новые идеи, новые формы, увы, пробивают себе дорогу с трудом. Удивительнее всего, что именно среди работников культуры новшества наши воспринима-

ются с наибольшим сопротивлением. То ли консерватизм, то ли амбиции, то ли нежелание, как говорится, начинать всё сначала мешает всерьёз заинтересоваться нашим опытом, а ведь мы занимаемся фольклорным театром более четверти века (первый фольклорный спектакль «Енисеева судьба» — поставлен нами в 1969 году на базе Шушенского народного ансамбля песни и танца). Все остальные спектакли создавались нами на базе собственного коллектива — фольклорного театра «Лучинушка», образованного нами в 1982 году при Доме культуры курорта «Озеро Шира».

Активная концертная деятельность, записи на радио и телевидении, участие в смотрах и фестивалях и множество восторженных откликов (имеется около двух сотен записей в трёх книгах отзывов) — всё это вселяет уверенность в правоте нашего дела, в правильности выбранного нами пути. Вот наиболее характерные мнения о «Лучинушке» наиболее компетентных специалистов.

«Отдыхая в санатории «Озеро Шира», довелось познакомиться с искусством фольклорного театра «Лучинушка». Мы получили истинное наслаждение от просмотра спектакля «Иван да Марья». С открытием занавеса со сцены повеяло родным, милым сердцу народным дыханием. Сразу очаровал зрителей (это было понятно по реакции) чистый мягкий голос Валентины Петровны Терещенко (Марья). Здесь проявилось настоящее мастерство, задушевность и главное — убеждённость, которая передаётся зрителю. Мужские роли пришлось играть одному актёру. Здесь Борис Николаевич Терещенко показал пример искусного перевоплощения. Каждая роль была сыграна талантливо. Он режиссёр-постановщик спектакля. Режиссура спектакля грамотна. Много ярких находок. Все лаконично, понятно. Спектакль так поставлен, актёры так играют, что зритель как-то незаметно становится участником представления. Сцена и зал как бы сливаются воедино.

Да, это настоящее народное искусство!

Великое вам спасибо и низкий поклон. Больших вам успехов — балетмейстер Государственного Красноярского ансамбля танца Сибири, народный артист РСФСР А. Кондаков (1989 год)».

В настоящее время А. Кондаков — художественный руководитель ансамбля.

«Дорогие коллеги! Я не стесняюсь сказать эти слова, потому что я специалист по хакасскому фольклору. До сих пор я не встречал, чтобы фольклор был оформлен в специальный театр. Что поражает в исполнении артистов театра? Во-первых, профессиональное исполнение народных песен и танцев. Во-вторых, в исполнении ролей артистами понимаешь, чувствуешь дух и мысли народа. Возрождение в памя-

ти старинных традиций и обычаев народа в современных условиях — это великое дело. Через народные традиции и обычаи мы воспитываем нашу молодёжь в духе любви к своему народу, Родине.

Я с большим удовольствием посмотрел спектакль и хочу выразить большую благодарность руководителям театра Борису Николаевичу и Валентине Петровне Терещенко. Желаю им продолжить эту большую и очень полезную работу. Большого пути Вам!

Профессор Хакасского университета имени Н. Ф. Катанова — Чанков Д.И.». (1995 год).

За два десятка лет выступлений «Лучинушки», в сотнях отзывов восторженных зрителей ни разу не мелькнула тень сомнения в народной подлинности наших программ. Даже тогда, когда наше авторство этих программ было заранее им известно. Почему же нас долго и упорно не желают признавать многие коллеги-фольклористы? Дело в том, что большинство фольклорных коллективов идут по этнографическому пути исполнительства, но этнография — наука, а не искусство. Искусство же должно выходить в сегодняшний день. Этнографическое исполнение отсекает и творчество, и вариантность, без чего фольклорные элементы окаменевают, ведь при всей традиционности именно личное творчество исполнителей способно с каждым новым поколением, в каждом новом регионе вливать в фольклорные элементы свежие силы, поэтому фольклор и бессмертен.

Те, кто не склонны называть наши программы фольклорными спектаклями, мотивируют своё мнение тем, что в них сценарий и некоторые песни — авторские, но разве народные песни создавались ангелами, и разве авторские песни не становились народными, и разве известные нам народные драмы не имели литературного источника? Если мы собственный сценарий начинили фольклорными элементами, то это не значит, что они перестали быть фольклором, если молоко из вымени перелили в какой-то сосуд, то от этого молоко не перестало быть таковым.

Вопрос должен ставиться не в плоскости, фольклор это или не фольклор, а в степени наиболее органичного сочетания всех драматургических структур, в чувстве такта по отношению к используемым фольклорным элементам и изменениям в них, в художественном вкусе, в чувстве меры, в понимании не буквы, а духа народности, в национальном мировоззрении.

Фольклор — это творческий процесс, возникший в доклассовом обществе, представляющий собой диалектическое единство индивидуального и коллектив-

ного, традиции и импровизации, который несмотря на различную интенсивность своего исторического развития, продолжает видоизменяться, дифференцироваться, совершенствоваться в соприкосновении с другими видами литературы и искусства.

Жанр сценического произведения настолько сложен, что не каждый даже талантливый писатель с ним справится, вот почему народная драма не могла быть совершенной как литературное произведение, она имела мозаичный характер, имела много литературных заимствований, вставных сцен и вокальных номеров, других стилевых элементов. Отсюда её многовариантность, импровизационность, особый стиль речи (повторы и перечисления). Многими фольклористами эти качества народных драм считались недостатками, а вместе с тем именно в этом заключены необыкновенные творческие возможности постоянного обновления и переключения идейно-художественных акцентов в зависимости от требований данного момента и данного места её постановки. Одну и ту же драму можно приурочить к различным событиям и моментам общественной жизни, введя в неё соответствующие сценки, песни, реплики. Так что мозаичность, универсализм народных драм это не слабые, а сильные стороны её.

У нас, например, программа «Горница» уже протерпела три варианта.

В 1996 году мы создали детский фольклорный театр «Лучинушку — Лелю» и специально для детей начинили «Горницу» детским фольклором.

Большинство наших драм носят форму сериала, поэтому ко всему прочему возможны ещё различные сочетания этих программ. С точки зрения классической драматургии, это почти абсурд — менять порядок актов, картин, ведь это нарушает всю композицию пьесы. Разумеется, и мы от нечего делать не нарушаем привычные сочетания одноактных драм, но при необходимости всё-таки прибегаем к вариациям, что не нарушает естественного восприятия фольклорных программ, то есть речь идёт об идее импровизированной пьесы, о чём мечтал К. С. Станиславский, обращавшийся за помощью к М. Горькому, но создать театр импровизированной пьесы им не удалось.

Современный фольклорный театр «Лучинушка» — по сути и есть театр импровизированной пьесы, который вобрал в себя принципы народной драматургии: в структуре — мозаичность, универсальность, многовариантность; в содержании — народность, историзм; в пафосе — драматизм и комедийность; в задачах — пробуждение национального самосознания; в стиле — высокая духовность и оптимизм.

В фольклорном театре «Лучинушка» все творческие функции сконцентрированы в двух лицах — режиссёра и хормейстера: «Четырьмя руками — горы свернуть можно, две бабы и две мужские — что хошь сотворят!»

Написание сценария — это и драматургическое, и поэтическое, и композиторское мастерство, постановка спектакля — это и режиссура, и хореография, и хормейстерская работа, и декорации, и костюмы, и грим и прочее, и прочее, одним словом, от «А» до «Я» всё — впервые (без спонсоров, без зарплаты, при постоянном прессинге консервативных сил). С самого начала нас не принимали всерьёз, обозвав наш коллектив «неперспективным» из-за великовозрастности его участников. Но вот прошло 20 лет, многие «перспективные» молодые коллеги выдохлись без постоянной поддержки, растаяли в сумерках нынешнего очередного кризиса российского общества.

Геноцид восточнославянской цивилизации продолжается. Можно, конечно, сетовать на великое затмение умов и душ, но не лучше ли зажечь хотя бы лучинушку... 20 лет горит наша «Лучинушка». Тем, кто был с ней с самого начала — уже за семьдесят, их осталось трое: Елена Ивановна Ильина, Надежда Афанасьевна Гатилова и Александра Ивановна Колтынаева. Столько же у Таисии Андреевны Ананьиной, Елены Ларионовны Никитиной. На пенсии уже Людмила Михайловна Овчинникова, да и сами руководители «Лучинушки», но не гаснет она: пришло новое пополнение из школьной элиты — Анна Гавриловна Осиповская, Галина Петровна Кондратьева. Удивительное дело: когда по всей стране бастуют учителя из-за невыплаты им зарплаты, когда многие из педагогов уходят из школ и занимаются торговлей и прочим бизнесом, когда многие в отчаянии впадают в апатию или неистовство, Анна Гавриловна и Галина Петровна с молодым азартом увлеклись делами фольклорного театра, сами мастерят себе костюмы, на собственные деньги покупают парики, вышивают сорочки. Вот она — настоящая педагогика, ведь в фольклорном театре участвуют и их ученики. Да, «Лучинушка-Лада» постарела, но появилась детская студия — «Лучинушка-Леля», где почти сразу яркими жарочками вспыхнули юные таланты: Лена Волк, Анастасия Ефимцева и Наташа Дмитриева. С успехом мы уже вводим их во взрослый состав.

Создав детский коллектив, мы на практике убеждаемся в эффективности нашей программы эстетического воспитания детей на основе народных традиций. Дети, разучивая народные песни, частушки, танцы, хороводы, игры, погружаются в ауру народного сознания, в безбрежность национальной культуры.

В одном из последних фольклорных спектаклей «Зимние святки» у нас участвуют и дети, и взрослые, артисты с 6-7 лет и до 70 и больше. Вот они — идеальные условия для возрождения традиционной национальной культуры. И никаких конфликтов «отцов» и «детей». Вообще конфликты между ними появляются в других плоскостях, в тех случаях, когда нет преемственности в культуре, в мировоззрении, в духовности.

Мы, конечно, понимаем, что невозможно объять необъятное, даже четырьмя руками, но по образу и подобию «Лучинушки-Лады» и «Лучинушки-Лели» могут и должны появиться десятки, сотни, тысячи лучинушек, которые способны будут разжечь пламя российской народной культуры, в свете которого не только народам нашей страны, но и всему миру предстанет восьмое чудо света — восточно-славянский фольклор.

**Заслуженные работники культуры РХ
Борис и Валентина Терещенко**

*II Краевой фольклорный фестиваль, г. Красноярск, Парк им. Горького,
фольклорный театр «Лучинушка», 1 июля 1988 года*

Сцены из фольклорных спектаклей в исполнении артистов театров:
«Лучинушки-Лады» и «Лучинушки-Лели»

Сценарист, режиссёр — Борис Терещенко

Иван

Дед Кисель

Серафим Ермильч

Омелько

Степан

Есламний Сильч

Сценические герои в исполнении Бориса Терещенко

Композитор, хормейстер — Валентина Терещенко

Марьюшка

Одарка

Тётка Марья

Никитична

Снегурочка (Дед Мороз — Борис Терещенко)

Сценические герои в исполнении Валентины Терещенко

Иван да Марья

Сцены из народной жизни

Действующие лица:

ИВАН — влюблённый юноша.
МАРЬЯ — влюблённая девушка.
ДЕД КИСЕЛЬ — отец Марьюшки.
КИСЕЛИХА — его жена.
НИКИТИЧНА — деревенская всезнайка.
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.
СВАХА.
СЕЛИВАНИХА — её кума.
СТЕПАН — сын Селиванихи.
СЕРФИМ ЕРМИЛЫЧ ЖЕЛТОРЫЛОВ — местное начальство.
БАТЮШКА.
СУРЛАНА — целительница.
ШАМАН.
ПОВАРИХА.
МУЖИКИ, БАБЫ, ДЕТИ.

Действие происходит на юге Сибири на берегу Енисея.

Картина первая

Над сибирским селом на берегу Енисея зажглась вечерняя заря, опалив огнём березняк, разлилась по воде. Предвечерних хлопот у сельчан — по горло, но у Марьюшки — своя заботушка. А какие заботы в двадцать лет? Нежное лицо её с мягкими, типично русскими чертами пылает, как зорька на небе, и красная лента в косе, доходящей до колен, тоже перекликается с небесным заревом, и сарафан на ней — такого же цвета. Раньше назначенного срока пришла она в берёзовую роцу, а Иван явился ещё раньше. Спрятавшись, он любит Марьюшкой — только её призывная песня, которую он не решает прервать, удерживает парня в укрытии. Завороженный пением, Иван не замечает, что и за ними следят: с одной стороны — Никитична, деревенская всезнайка и сплетница, а с другой — известная на всю округу Сваха и её кума, Селиваниха.

МАРЬЮШКА.

Закличка

Слышно ль тебе, да Иванушка,
слышно ль тебе, у-у-у!
что гуляет по саду ой да Марьюшка,
слышно ль тебе... у-у-у!
Слышно ль тебе, да Васильевич,
что гуляет по саду да Петреевна,
слышно ль тебе? У-у-у!!!

7

слыш - но - ль те - бе... у! Слыш - но - ль те - бе,

10

да Ва - силь - е - вич, что гу - ля - ет по са - ду да Пет - ре - ев - на,

13

слыш - но - ль те - бе? у!!!

С цветами перед Марьюшкой появляется Иван. Пока цветут жарки, у Марьюшки в доме они не переводятся.

Иван начинает ответную песню, последний куплет которой подхватывает и Марьюшка.

ИВАН.

За рекой за быстрою

За рекой за быстрою
красный терем выстрою,
рубленный сосновый
светлый дом крестовый.
На четыре стороны,
на все четыре стороны
прорублю дороги
от моего порога.
Этими ль дорожками,
в двери ли, в окошко ли,
может, и случится — счастье постучится.

За ре - кой за быст - ро - ю крас - ный те - рем вы - стро - ю, руб - ле - ный сос -
но - вый свет - лый дом крес - то - вый.

Иван, высокий, статный молодец, пытается крепко обнять девушку, а она, рассердившись, отталкивает парня, но чтобы не обидеть его, пытается объяснить песней своё строгое поведение.

МАРЬЮШКА.

Доверяться ль апрельскому солнышку

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.
Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой и сладенькой.
И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!

До - ве - рять - сья ап - рель - ско - му сол - ныш - ку? Е - ще

6

 снег у - па - дет на го - ло - вуш - ку. До - ве - рять - сья друж -

12

 ку то - ро - п - ли - во - му? Ско - ро - спел - ка - лю - бовь -

18

 не - счаст - ли - ва - - - я.

Пара удаляется на берег Енисея. За ними следит Никитична. Завидуюя влюблённым, поёт частушку, аккомпанируя себе на балалайке.

НИКИТИЧНА.

Сирота я, сирота —
 без отца, без матери,
 а ещё я сирота —
 гуляю без симпатии.

Замечая сваху и куму, прячется, а те уже не в силах таиться и молчать, выходят из укрытия.

СВАХА. Видала?

СЕЛИВАНИХА. Ослепла что ль...

СВАХА. Слыхала?

СЕЛИВАНИХА. Оглохла что ль...

СВАХА. Вот, кума, тебе и будущая невестушка!

СЕЛИВАНИХА. Давно я заприметила в Марье — в сторону метит.

СВАХА. Ох, не в сторону... Чует моё сердечко — в самую точку!

СЕЛИВАНИХА. Догоню — косу выдержажу!

СВАХА. Сначала в дом заполучи невестку, потом уж изголяйся, сколь хошь.

СЕЛИВАНИХА. Упустила девку и всё из-за тебя, Сваха-неумеха!

СВАХА. Каков товар, таков и спрос.

СЕЛИВАНИХА. Да коли ты сына мово женить не способна — инвалид, а не сваха ты!

СВАХА. Сама ты припадошная, и сын твой, и всё племя твоё — припадошное!

СЕЛИВАНИХА. Я так дело не оставлю, ославлю на всю округу тебя, без работы своей пакостной — взвоешь!

СВАХА. Жалко на сынка потратиться — поболе убудет!

СЕЛИВАНИХА. Сама женю, а тебя знать не желаю! (Уходит.)

СВАХА (вдогонку). Попомни, кума, я женить и разженить способна!

Несколько успокоившись от перепалки, Сваха поёт куплеты, жалуясь на неблагодарность клиентов.

СВАХА.

Куплеты свахи

Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматывают,
не работа — ад заправдашний:
у всех Сваха — виноватая.

Сговоришь красотку писану
выйти замуж молодёхоньку
за скупого чёрта лысого,
а она — и не радёхонька.
Подавай любовь ей вечную,
у самой же — нет приданого,
может, и найдёшь сердечного,
так, обратно ж — голоштанного...

Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматывают,
не работа — ад заправдашний,
у всех Сваха — виноватая...

Для людей век надрывалася,
познала на ять профессию —
и без ног совсем осталася...
Кто ж платить мне будет пенсию?!

Ох ра - бо - та мо - я ка - торж - на, всю - то ду - шень - ку вы - ма - ты - ват,

не ра - бо - та - ад вз а - прав - даш - ний: у всех сва - ха - ви - но - ва - та - я.

Сваха удаляется. Тут же, на берегу собираются бабы после полоскания белья в Енисее. В руках у них предметы, связанные со стиркой: тазы, ведра, стиральные доски, коромысло, прищепки и т.п.

1 ГОЛОС. Ох, уморилась со стиркой — моченьки нет! Бабоньки, идите сюда, тута-ка и отдохнём.

2 ГОЛОС. Поставила корыто своё на дороге — ни пройти, ни проехать.

3 ГОЛОС. Сюда — бабы!

Все рассаживаются.

1 ГОЛОС. И за что нам, бабы, такое наказание: стирать да варить, варить да стирать?

4 ГОЛОС. Стирка — бабе наука, штоб шибко нос не задирала.

2 ГОЛОС. А коли не стирать да не варить, то и баба не нужна!

5 ГОЛОС. Э, не говори пустое, ей найдётся и другая работа.

2 ГОЛОС. Еслив ты про ребят думаешь, так эта работа ишшо тяжелее будет.

5 ГОЛОС. Не каждый день дитя появляется.

3 ГОЛОС. Каждый день — только стирка, да уборка, да щи с кашей...

2 ГОЛОС. А по мне — лучше стирать, чем с нонешним мужиком дело иметь!

5 ГОЛОС. Что правда, то правда — порченный мужик нынче пошёл.

4 ГОЛОС. А кто его испортил?

1 ГОЛОС. Водка и лень!

Вбегает Никитична, которой невмочь поделиться с очередной новостью.

НИКИТИЧНА. Бабы, вы ничо не слыхали?

ГОЛОСА. Чо, чо? Да, может, и слыхали, да вдруг не то, да поди не так. Да не томи ты наши души, Никитична, говори, што знашь!

НИКИТИЧНА. Да Селиваниха-то со свахой перелаялись!

ГОЛОС. Да ну?

НИКИТИЧНА. Ну да! У них с женитьбой, видать, дело не выгорело, Марьюшка-то не хочет за селиванихиново недотёпу идти, ну и свахе досталось на орехи.

4 ГОЛОС. Ты чего-то путаешь, Никитична... Я Селиваниху со свахой давеча встретила, шли обнимались.

НИКИТИЧНА. Давеча, может, и обнимались, а теперича — разругались. Смех — ухочешься! *(Начинает петь куплеты, аккомпанируя на балалайке, все остальные подпевают, аккомпанируя на предметах стирки.)*

Тяжело сына родить

Тяжело сына родить, ох!

Но ещё труднее, ох, ох!

Его выгодно женить,

когда он созреет.

Ох, ох, ох, ох, ухочешься,

ох, ох, ох, ох, ухочешься!

На невесту сети Сваха, ох!

Накинуть старался, ох, ох!

Или сдуру иль со страху

в них сама попалася!

Ох, ох, ох, ох, ухочешься,

ох, ох, ох, ох, ухочешься!

Для сына мать приглядела, ох!

В жёны ягодиночку, ох, ох!

Пока бегала за сыном,

упустила милочку!

Ох, ох, ох, ох, ухочешься,

ох, ох, ох, ох, ухочешься!

Тя - же - ло сын - ка ро - дить, Но ещ - е труд - не - с Е - го вы - год -

5 ГОЛОС. Никитична, давай нашенскую!

Никитична запекает любимую, все дружно подхватывают.

Неделька

В воскресенье я на ярмарку ходила,
фунтов восемь кудельки купила.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
фунтов восемь кудельки купила.

В понедельник я прясти не стала,
веретёшко во вторник искала,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
веретёшко во вторник искала.

Не нашла у себя веретёнце,
постучала к соседке в оконце,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
постучала к соседке в оконце.

Постояла в четверг с ней немножко,
и забыла о том веретёшке,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла о том веретёшке.

А потом много дел ещё было,
а в субботу я баньку топила,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
а в субботу я баньку топила.

Так прошла день за днём вся неделя...ой!
Я забыла совсем про куделю.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла совсем про куделю!

В вос-кре - сень - с я на яр-мар-ку хо - ди - ла. Фун-тов

6
во - семь ку - дель - ки ку - пи - ла. Тю-ря, тю-ря, тю-ря, тю-ря, тю-ря,

12
тю - ря - ря. Фун-тов во - семь ку - дель - ки ку - пи - ла.

1 ГОЛОС (*Спohватившись*). Ой, бабоньки, я ж опару в тепло поставила, сбежит ведь, ей-богу, сбежит! (*Убегает.*)

2 ГОЛОС. Про опару забыть — и чем только думает! (*Уходит.*)

3 ГОЛОС. А я аппарат не выключила, чёрт бы его побрал! (*Убегает.*)

НИКИТИЧНА (*вослед*). Беги шибче, кума, а то взорвётся! (*Уходя поет.*)

Молоко пила когда-то,
а теперь — мёд-пиво,
за мной бегали ребята,
а теперь — забыли.

Все расходятся.

Картина вторая

Дом Марьюшки. Появляется Селиваниха со своим сыном Степаном. И хоть он не удался ни умом, ни статью, ни походкой, зато одет престижно: на нём — кожанка, джинсы, кроссовки, а в руках, конечно же — дипломат. Речь у жениха не соловьиная, зато жуёт он импортную жвачку.

СЕЛИВАНИХА. Есть в доме хто? (*К сыну.*) Стёпушка, сынок мой, проходи, да с правой ноги ступай, да не споткнись!

СТЕПАН. Да знаю, знаю... (*Спотыкается.*)

СЕЛИВАНИХА (*шепчет заговор*). Как нога моя стоит твёрдо и крепко, так и слово моё будет сильно и лепко, так и дело наше будет верно и метко. (*К сыну*.) Приглашать станут — садиться не спеши, а будешь усаживаться, норови под матицу сесть да на продольную лавку. (*Громко*.) В доме-то есть кто-нибудь? (*К сыну*.) Бутылку не забыл?

СТЕПАН. Не. (*Показывает бутылку, привязанную к дипломату*.)

СЕЛИВАНИХА. Сколь денег истратил, а чемоданчик тошенький купил.

СТЕПАН. Так это ж не чемоданчик, а дипломат, во! Понимать надо.

СЕЛИВАНИХА. А проку-то с него — бутылка и та не влазит.

СТЕПАН. А я её привязал! (*Показывает всем*.)

СЕЛИВАНИХА. На стол выставишь, когда я скажу.

СТЕПАН. Mam, а что ежели она выпьет, а согласия не будет, тогда что?

СЕЛИВАНИХА. А это уж — моя забота. (*Громко*.) Есть в доме хто?

В комнате появляется хозяйка, Киселиха, застаёт непрошенных гостей.

КИСЕЛИХА. Кума, а ты, чай, не заблудилась?

СЕЛИВАНИХА (*вздрагивает от неожиданности*). Здравсьте. А я кличу, кличу — никто не откликается.

КИСЕЛИХА. А чего нада?

СЕЛИВАНИХА. Хозяин дома?

КИСЕЛИХА. Нету.

СЕЛИВАНИХА. А Марьюшка?

КИСЕЛИХА. По воду пошла, да, видать, с подружками заговорилась.

СЕЛИВАНИХА. А мы к вам по делу: у вас — тёлочка, а у нас, стало быть, бычок...

СТЕПАН. Ма-а-м...

СЕЛИВАНИХА. Одним словом, красавец! Где ещё такого женишка сыщите? И добра у нас, и всего — вдоволь! (*К сыну*.) Да ты покажись, сынок!

СТЕПАН. Mam...

СЕЛИВАНИХА. Да ты чо? Покажись и лицом и всяк — не украдено ведь... Гляньте, какое диво: и здеся и вот тут. (*Показывает нашлапки на джинсах*.) Буквочки есть, и всё — по-иностранному расписано — и книг не надо читать... А заплатили мы за них — ужась! Корову бы и одну можно бы купить...

КИСЕЛИХА. Корову бы и купили, молочко пили бы и без штанов, чай, не остались.

СТЕПАН. Так ведь это же — джинсы! Понимать надо.

КИСЕЛИХА. А чо они — как застираны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не стираются.

КИСЕЛИХА. А чо они — как пожёваны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не гладятся.

КИСЕЛИХА. А еслив лень стирать да гладить штаны, то лучше и не одевать их!

СТЕПАН. Это же... м-мода такая!

КИСЕЛИХА. Иех, милый, по-вашему мода, а по-нашему — голимая лень!

СЕЛИВАНИХА. Мы сегодня ж и постираем и погладим штаны, разве в них дело!

КИСЕЛИХА. В чём же?

СЕЛИВАНИХА. Дык... в бычке и тёлочке.

КИСЕЛИХА. Вот у них и спрашиваете.

СТЕПАН. А я согласен, даже очень.

СЕЛИВАНИХА. Мой-то хотит, а вы Марьюшку уговорите, а я уж не поскуплюсь!

КИСЕЛИХА. Приходите, когда Марьюшка будет дома, с ней и толкуйте.

СЕЛИВАНИХА. А мы её подождём, спешить нам некуда...

КИСЕЛИХА. Дел у меня по горло... *(Идёт на кухню.)*

СЕЛИВАНИХА. А мы подмогнём. *(Идёт следом.)*

СТЕПАН *(оставшись один, пытается оправдаться)*. Это она — от зависти, потому что я весь — в дефиците... *(Почувствовав расположение зрителей, разговорился.)* А меня уже везде знают! Когда я прихожу в гости... в гостиницу, а мне говорят, где пропал, тебя ведь группа ждала... из Японии. А я вовсе не пропал, а у тёти Груни был... Её свинья своих свинят подавила... Ни к чему всё это. Детёнышей давить зачем?

Селиваниха уводит Степана. Появляется сваха.

СВАХА. Селиваниха со своим припадошным уже здесь... Вздумала без свахи обойтись, сэкономить на сватовстве надумала... Дали людям волю: хлебороб в начальство пошёл, дохтура стишки пописывают, а Селиваниха, чтоб ей пусто было! — в свахи полезла! Да была б моя власть — всех бы на свой шесток рассадила! И чтоб в сторону — ни, ни! Я — не я буду, если Селиваниху на бобах не оставлю. *(Шепчет заговор.)* Как не срастись двум веткам этим *(разламывает ветку и разбрасывает)*, так не сойтись никак на свете рабе божией Марии с рабом божиим Степаном. Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, липки и метки. Замыкаю я вас тридевятью замками, запираю вас тридевятью ключами от встречных и поперечных отныне и навечно. И

нет моим словам недоговора, и нет им переговора, и не изменит их конец ни бог, ни царь и ни отец! И не видать Селиванихе Марьюшки в невестках! Я для Марьюшки... генерала засватаю! Генералы здесь есть?.. Ну, а чином помельче, может, кто жениться желает? Тогда я сама для Марьюшки жениха выберу! *(Спускается в зал, выводит на сцену желающего.)* Ты кто будешь? Чо делать умеешь: петь, плясать, стишки сказывать, а может, ишшо чего-нибудь? Покажись — не ударь в грязь, будешь князь.

При желании «жених» исполняет сольный номер. Выбегает из кухни Степан, почуяв соперника, пробует избавиться от него.

СТЕПАН. Уходите все, я буду здесь жить! Мам, прогони их!
Появляется Марьюшка с вёдрами и коромыслом, за ней — подружки.

МАРЬЮШКА. А у нас — гости! *(Начинает хоровод.)*

Пойди, выйди, Степан-сударь

Пойди, выйди, Степан-сударь,
за новы ворота.

Припев: И ой, я ли, я ли, я ли,
за новы ворота.

Погляди-ка, Степан-сударь,
во чистое поле.

Припев.
В чистом поле, в синем море
девки воду носят.

Припев.
Свет-Марьюшка воду носит,
коромыслеца гнутя.

Припев.
Они гнутя, не ломаются,
с вёдер вода льется.

Припев.
А что эти коромыслица
долго не ломаются?

Припев.

А что эти дубовы вёдра
долго не рассохлись?

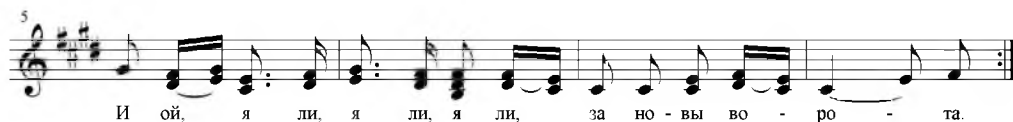
Припев.

А что это Степан-сударь
долго не женился?

Припев.

Тебя, моя свет - Марьюшка,
тебя дожидался.

И ой, я ли, я ли, я ли,
тебя дожидался.

На последних словах Степан и «жених» хватают оставленные Марьюшкой вёдра и коромысло, которое оказывается над Марьюшкой.

СВАХА. Ехали мы, ехали, сто вёрст проехали, искали пару нашему соколу и тут-ка, наконец, и нашли её!

СЕЛИВАНИХА. А мы первые сюда приехали!

СВАХА. А коли первые приехали, то и первые съезжать должны.

СТЕПАН. Mam, прогони их.

СЕЛИВАНИХА. Марьюшка, доченька моя, не слушай ты эту балаболку, меня послушай, не отказывайся от счастья своего... Вот он, сынок мой, красавец писанный — суженный твой!

СВАХА. Мягко стелит кума, да жёстко спать будет. Она уже нацелилась косыньки твои повывёртывать... Посмотри сюда, Марьюшка, на мово сокола, вот оно — счастье твоё!

МАРЬЮШКА. Да где же моё счастье, не вижу.

СВАХА. А ты подойди поближе да приглядишься получше.

СЕЛИВАНИХА. Доченька моя, не гляди на того, он чужой совсем, сюда гляди на мово ненаглядного!

МАРЬЮШКА. Забижать вас не стану, ни того, ни другого, а потому — не обесудьте, ступайте по домам с богом, такие женихи дородные завсегда найдут себе ровню... Я ж — другого люблю.

При этих словах подруги Марьюшки отбирают у женихов коромысло и вёдра. Женихи расходятся. Сваха провожает своего, Селиваниха — своего.

СВАХА. Это всё Селиваниха напутала, не в своё встрела, а ты меня, меня держись, я завтра ж для тебя набогатшую невесту засватаю. *(К Киселихе.)* Я за своего Кузьму — любую возьму, а ты со своей Маринкой — походишь по рынку!

СТЕПАН *(уходит в недоумении, показывая на свою бутылку, привязанную к дипломату)*. Мам, а с этим как же?

СЕЛИВАНИХА. Да иди ж ты, иди, наказание моё!

Оставшиеся в горнице под задумчивую мелодию напевают частушки, в которых выражают своё отношение к происшедшему.

Серый камень, серый камень,
серый камень — сто пудов,
серый камень столь не тянет,
сколь проклятая любовь.

Семь да семь — четырнадцать,
подай, дружочек, счёты,
а двоим одну любить —
какие же расчёты?

Я берёзу белую
на розу переделаю,
я сначала завлеку,
потом измену сделаю.

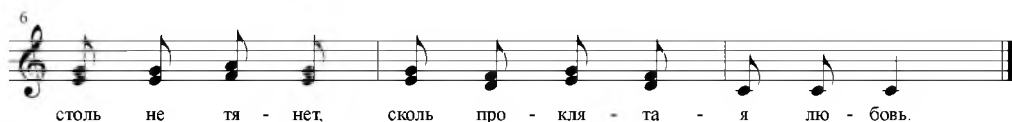
Ох, тучка на тучку
натучилася,

долго милого не видела —
наскучилась.

Подружка моя —
разливное море,
твой уехал, мой ушёл,
нам обоим — горе.

Ты, дороженька, дороженька,
дороженька — дугой,
не по этой ли дороженьке
уехал дорогой.

Нынче вечер и не вечер,
хоровод — не хоровод,
моего милёнка нету,
значит это — не народ!

Марьюшке недовыслушиваний намёков и укоров, все её мысли — только об Иване, который обязательно должен прийти. (Поёт.)

Ох, матушка, головушка болит

Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.
Припев: Ай ли, ай ли, Лели, ай ля-ли да
ай ли, Лели, ай ле-лёшиньки.

Не могу я и до вечера дожить:
ко мне вечером мой милый прибежит.

Припев.

Ко мне вечером мой милый прибежит,
я Ванюше да всю правду расскажу.

Припев.

Я Ванюше да всю правду расскажу,
на улицу не ходила, не хожу.

Припев.

Полюбил меня хорошенький дружок,
подарил да он мне аленький платок.

Припев.

Дружок милый восхваляется,
меня сватать собирается.

Припев.

Мать родная не пускает — не пора,
дружка милого всё гонит со двора.

Припев.

Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.

Припев.

Не могу я и до вечера дожить,
дружок милый меня сватать прибежит.

Припев.

А я Ваню во горницу поведу,
за хорошенького замуж я пойду.

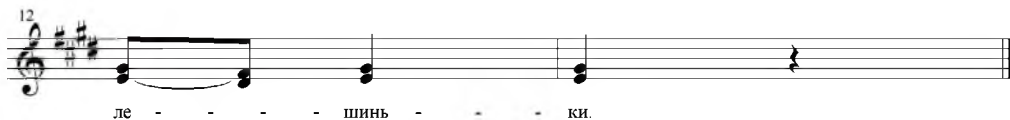
Припев.

Ох, ма - туш - ка, го - ло - вуш - ка бо - лит, не мо - гу ж я до

ве - че - ра до - жить. Ай ли, ай ли, Ле - ли, ай ля - ли да ай ли, Ле - ли, ай ле -

Песня сопровождается темпераментной пляской, общим весельем, в разгар которого появляется Иван.

ИВАН. Здравствуйте, люди добрые! Здравствуй, Марьюшка! *(кланяется)*

ГОЛОСА. Здравствуй, добрый молодец. Ох, и повеселимся мы! Погуляем!

ИВАН. Не веселиться пришёл — прощаться...

МАРЬЮШКА. Уезжаешь, когда?

ИВАН. Сегодня, сейчас.

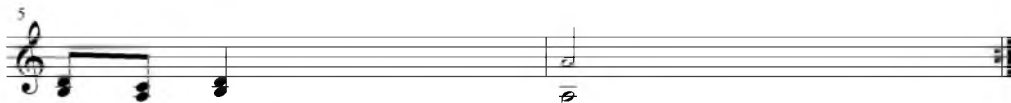
Опечаленная Марьюшка отходит в сторону, чтобы как-то сгладить неловкость и замешательство, Иван запекает песню.

Как родная мать меня провожала

Как родная мать меня провожала,
тут и вся моя родня набежала.
«Ох, куда ж ты, паренёк, ох, куда ты,
не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
без тебя большевики обойдутся.
Поневоле ты идёшь аль с охоты,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты!»
«Как дела теперь пошли — любо-мило,
сколько сразу нам земли привалило!»
«С молодой бы жил женой, не ленился...»
«Тут я матери родной поклонился,
поклонился всей родне у порога:
«Не скулите вы по мне, ради бога!
Если б были все, как вы — ротозей,
чтоб осталось от Москвы б, от Расей?
С Красной Армией пойду я походом,
смертный бой я поведу с барским сбродом!»

Как род-на-я мать ме-ня про-во-жа - ла, эх, тут и вся мо-я род-ня

на - бе - жа - ла.

КИСЕЛИХА. Ну, коли так, Иванушка, то возвращайся с богом.

ИВАН. Спасибо Вам на добром слове, и сами оставайтесь здоровы.

КИСЕЛИХА. Дай бог, дай бог.

ИВАН. Свашенька, ты у нас — самый нужный человек в округе... Вернусь — пулей к тебе примчусь! Уважишь мою просьбу?

СВАХА. А это уж видно будет.

ИВАН. Соседушка, при всём честном народе винюсь перед тобой: сколько живу на белом свете, а вкусней огурцов, чем с твоей грядки, не едал.

СОСЕДКА. А, так вот кто мои грядки зорил!

ИВАН. Придется гостинцем откупиться. *(Ко всем.)* Как только вернусь, непременно созовём всех на свадьбу. *(Подходит к Марьюшке.)* Созовём?

Гости с песней «Как родная мать меня провожала», приплясывая, покидают на время горницу, давая возможность проститься Ивану с Марьюшкой.

ИВАН. Если ты будешь ждать меня очень, со мной ничего не случится.

МАРЬЮШКА. Тебя никто, никто не сможет ждать, как я.

ИВАН. Я вернусь, я обязательно вернусь! *(Прощается и быстро уходит.)*

МАРЬЮШКА *(горе своё выражает песней, возвратившиеся подруги утешают её).*

Эх ты, Ваня, разудала голова

Эх, ты, Ваня, разудала голова,

разудалая головушка твоя.

Сколь далече отъезжаешь, Ваня, от меня?

На кого ты покидаешь, друг, меня?

С кем я буду это лето, ох, летовать?
Ох, с кем прикажешь эту зиму зимовать?
Гуляй, гуляй, гуляй, лапушка, ты одна,
без милого, ох, да без Ванюшки, ох, без дружка.
Голубчик мой, что ж ты сделал да со мной?
Ты оставил меня горькой сиротой!

Эх, ты, Ва-ня, раз-у - да - ла го - ло - ва.

6
раз - у - да - ла - я го - ло - вуш - ка тво - я.

The image shows a musical score for a song. It consists of two staves of music in G major, 3/4 time. The first staff contains the first line of the lyrics, and the second staff contains the second line. The lyrics are: "Эх, ты, Ва-ня, раз-у - да - ла го - ло - ва." and "раз - у - да - ла - я го - ло - вуш - ка тво - я." The music is written in a simple, folk-like style with a mix of quarter and eighth notes.

Картина третья

Подкараулив начальство — Желторылого Серафима Ермилыча, Сваха «случайно» попадаетея ему на глаза.

СВАХА. Здравствуйте, Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Здорова будь. *(Обое медленно разминаются.)* Эй... послушайка. *(Оглядывается.)* Живёшь как?

СВАХА. Ой-ёй — как трава при дороге: кто ни пройдёт, тот и скубнёт... Женщина я слабая, беззащитная...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Нуждаешься в чём?

СВАХА. Ой, Серафим Ермилыч, так нуждаюсь, так нуждаюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. В чём же?

СВАХА. А во всём!

ЖЕЛТОРЫЛОВ *(окинув оком богато одетую сваху)*. Ох, хитра же, бестия!

СВАХА. Грех Вам надсмехаться надо мной. Одному богу известно, как я, горемычная, маюсь. Не живу — мучаюсь: и сердечушко моё изнывает, и ноженьки не ходют совсем, а головонька — будто чугуном налитая... А кругом — нужда: того нет, это кончилось, в доме — холодно...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Так, может, угольку подбросить...

СВАХА. Ага, ага — угольку! А уж я для вас — постараюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Постараюсь... И как это ты — постараться?

СВАХА. Будто сами не знаете... Поди уж год вдовствуете... Неужели сударушку не желаете в дом ввести... или кого другого по хозяйству подсобить? Без женских рук — никак нельзя!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Языки у вас длиннее рук, а руки ваши — загребуши!

СВАХА. Что правда, то правда: баба расходов требует — так уж испокон веков ведётся.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. С вами только свяжись — на весь мир ославите.

СВАХА. Грех вам, Серафим Ермилыч, и говорить и думать про меня такое. За других баб не скажу, а у меня тайное слово с губ и за чаркой не сорвётся, и во сне не выпорхнет. На то я и Сваха — чтобы чужие тайны за высоким забором, за тремя замками, за семью печатями хранить!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Ну так вот тебе моё слово: сговоришь за меня Марьюшку — озолочу. Всё! *(Уходя.)* А угольку тебе — завтра ж велю подбросить.

СВАХА. Спасибоныки, Серафим Ермилыч, Вы меня, меня держитесь, а уж я — постараюсь... *(Плёт вслед ушедшему Желторьлому, подкараулив Марьюшку, выходит на встречу ей.)*

СВАХА. Здравствуй, моя красавица!

МАРЬЮШКА. Здравствуйте. *(Пытается пройти мимо.)*

СВАХА. И чем я тебе, Марьюшка, не угодила, что сердиться на меня?

МАРЬЮШКА. И вовсе я не сержусь... Чего сердиться-то?

СВАХА. И то правда... Я ведь, голубушка, завсегда только добра, только счастья тебе желаю. Вот гляжу я на тебя — сердце кровью обливается: бледненькая ты стала, тихая. А если в девках грустить, то в бабах — тем более не навеселишься. Все мы, бабы — одинаковые: убиваемся по мужику, а он, может, и мизинца нашего не стоит; сохнем-вянем по нём, а он, может, в это время другую обхаживает. Все они — я б тебе сказала кто — да уста за ради них не хочу поганить! А жить, Марьюшка, надобно уметь...

МАРЬЮШКА. Мне нужно идти.

СВАХА. А иди, иди, сердечная, да только знай: видели твою Ивана.

МАРЬЮШКА *(вспыхнула)*. Кто? Где? Когда?

СВАХА. Командиром он теперича заделался и, сказывают, в село ему уже путь заказан.

МАРЬЮШКА. Как же так... он же...

СВАХА. Командирам простых жён брать не велят: оскандалить могут в один момент, а им, командирам в скандале ходить никак нельзя.

МАРЬЮШКА. Я ведь...

СВАХА. Да ты, сладенькая моя, не горюй, мы — тоже не лыком шиты! Только скажи одно слово мне — и я для тебя такого соколика засватаю — всем на зависть! Да ты знаешь, что такое «сваха»? Сваха — всё может! Ни бог, ни чёрт на такое не способен! Хотишь, я тебя начальницей сделаю, все бабы пред тобою мелким бесом запляшут... Только скажи одно слово мне...

МАРЬЮШКА. Никого, ничего мне не надо!

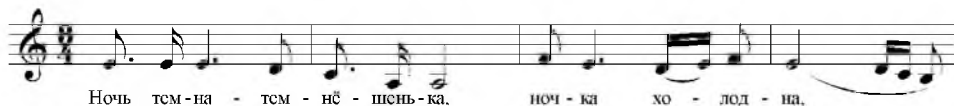
СВАХА. Тебе, может, и видней, да только знай: свет не на тебе одной клином сошёлся. Свято место пусто не бывает. Сама посуди: вчера ишшо женихов довольно было, сегодня — можно и в дамки попасть, а завтра — может, вообще никого! Эх, да была б у меня дочь, да разве ж я тут-ка с тобой время теряла?! Ох, до чего же неразумная холостёжь нынче пошла! Да в твои бы годы, да такой жених мне — по снегу, по уголью... босиком пошла бы! Руками, зубами вцепилась бы, суперниц бы всех — раскидала, растоптала б!!! (*Опомнившись.*) О господи, прости мою душу грешную... запомни, Марьюшка, три дня тебе сроку даю. (*Уходит.*)

Марьюшка в оцепенении застывает на месте. Поёт.

Ночь темна-темнёшенька

Ночь темна-темнёшенька,
ночка холодна,
снова одинёшенька
я стою одна.
Я ли не охотница
жить с людьми в ладу,
я ли не работница
в летнюю страду.
От работы спинушка
до сих пор болит,
лучина, моя лучинушка
не ясно горит.
Милые родители,
Сваха и родня,

вы меня замучили,
извели меня.
Ох, тоска-кручинушка,
как сердце болит,
лучина моя, лучинушка
не ясно горит.

Появившиеся женщины сочувствуют Марьюшке всей душой. Поют.

Вот скрылось солнце за горою

Вот скрылось солнце за горою,
стоит казачка у ворот
и в дальний путь глядит с тоскою,
и слёзы льются из очей.
О чём, о чём, казачка плачешь,
о чём, голубушка, грустишь?
Одна, одна печаль-кручина —
велят мне милого забыть.
И вот в станицу едут сваты,
не милый едет, а другой,
возьмёт постылый и богатый,
и будет звать своей женой.
Расчешут косу мне густую,
проводят с песней под венец.
Зачем девчонку молодую
ты в дом чужой отдал, отец?

Вот скры - лось соли - це за го - ро - ю, Сто -

ит ка - зач - ка у во - рот И в даль - ний путь гля - дит с тос - ко -

ю, И слё - зы льют - ся из о - чей.

СВАХА (*нашёптывая женицинам*). Марьюшка-то, поди, скоро большим человеком станет.

1 ГОЛОС. Как же так?

СВАХА. А Серафим Ермилыч — первый человек в округе.

2 ГОЛОС. Неужто — сам Серафим Ермилыч?!

СВАХА. Сам, сам.

МАРЬЮШКА. Глупости всё это...

НИКИТИЧНА. А я бы за Серафима Ермилыча, не будь у меня Евлампия, с превеликим удовольствием пошла. Эх, бабы! Ну что мы в жизни видели с вами? Да и что с нас возьмёшь: ни обхождения культурного, ни слов книжных — никакой завлекательности — только «да» или «нет». Скушно... Я вот давеча кино смотрела... мудрено как-то называется... ну да ладно, я ведь что хочу сказать, как некоторые люди умеют жить, которые богатые или учёные шибко, артисты, конечно, а ишшо начальство да ишшо, может, кто — за всеми не уследишь! Так вот в кино фифочку показывали: уж такая тонкая — думаю, не дай бог, нагнётся — переломится ведь... А платьё на ней — и невдомёк, как и держится, ножки точёные, а обувка — как у ребятёночка махонькая... Идёт — качается... А обхождение-то с ней, бабы: «Чего изволите? Велите принести!» А она: «Того не хочу, этого не желаю, несите шоколаду-мармеладу и вина-шампанского!» И враз — как по шучьему велению — всё на колёсиках и подвезли. Ешь, пей, сколь хощь!

А станет скушно, её самоё отвезут, куда глаза глядят... А ежели, к примеру, объешься или обопьёшься или какая другая хворь приключится — быстрёхонько на курорт доставят поправлять подорванное здоровьечко. А тама-ка разнагишают и макать станут и в грязь, и в ванну, и под токи сажать, и промывать со всех сторон... Всё за тебя сделают!

2 ГОЛОС. Поди, так-то — скушно?

НИКИТИЧНА. А танцы для чего? Кавалеров тама-ка — тьма-тьмушая, выбирай, кого душа пожелает.

1 ГОЛОС. Так чё, оне в лавках продаются, что ль? И сколько стоят?

НИКИТИЧНА. А ничего! В подобном деле особая выгучка требуется, одним словом, женские хитрости. Ну, вот, к примеру, надо стать скромненько — у всех на виду — и томненько поглядывать на всех без разбору. Кто-нибудь обязательно клонет. Подбежит, поинтересуется: «Скучаете?» Глазами своими стрельнёшь из всей силы и дрожащим голосом жалобно пропоёшь: «Скучаю». «Может, станцуем?» Сделаешь одолжение, пойдёшь... Мало-помалу, мало-помалу и — расшевелишься, и вот уже всё в тебе — ходуном ходит, а вокруг — на три метра — только ноги и видно! А ежели ноги в танцах вдруг повредишь — поезжай ипеть уже на другой курорт.

Вбегает Любка.

ЛЮБКА. Ой, что деется-то — ужась!

1 ГОЛОС. Живём — не соскучишься.

2 ГОЛОС. Што стряслось ипеть?

ЛЮБКА. Тягька сказывал, в Дубенском фронтовики казаков побили.

3 ГОЛОС. Чо теперь будет...

1 ГОЛОС. Известно што: пороть всех без разбору зачнут.

3 ГОЛОС. А чего фронтовики с казаками не поделили?

ЛЮБКА. Перво-наперво — ружжа. Казаки стали у фронтовиков ружжа отымать, а те стали — из ружей палить — смертоубийство!

2 ГОЛОС. А ружжа-то имя зачем?

ЛЮБКА. Известно зачем — не ши хлебать. Сколько людей в леса и горы ушло, а у большинства — только топоры.

3 ГОЛОС. Так лес рубить — топоры в самый раз!

ЛЮБКА. Так ежели лес рубить стоячий, можно и топором обойтись, а ежели, к примеру, лес ходячий рушить, тогда без ружжей никак не обойтись.

ГОЛОСА. Ой-ёй!

Баллада о партизанах Щетинкина

А кто эти люди, а кто эти люди,
в руках — иль топор, иль ружьё? .
Идут отовсюду, спешат отовсюду
в тайгу, покидая жильё.
А кто у них главный, а кто у них главный,
куда и зачем их ведёт?
Владеет топориком ладно и славно,
в зарубку без промаха бьёт.
Быть может, собралась артель лесорубов,
чтоб лес вековой корчевать? .
А что будут строить, хоромы иль клубы,
кто мог бы о том рассказать?
Наверно, расскажет топор дровосека,
и пуля сумеет пропеть,
чья кровь пролилася, зверья ль, человека ль,
об этом поведает смерть.
Сумеет сказать и тайга вековая,
как встал повсеместно народ,
как шёл с топором он, от гнева пылая,
на лес на ходячий — господ!

А кто эт - и лю - ди, а кто э - ти лю - ди, в ру -

ка - иль то - пор, иль ружь - ё? И - дут о - то - всю - ду, спе - шат о - то -

всю - ду в тай - гу, по - ки - да - я жильё. И

The musical score is written in G major, 4/4 time. It consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The melody is simple and rhythmic, with lyrics underneath. The second staff starts with a measure rest and a repeat sign. The third staff continues the melody and ends with a double bar line.

1 ГОЛОС. Слышно, как песни поём, да не слышно, как воем.

2 ГОЛОС. Нашего горюшка и топоры не секут.

3 ГОЛОС. Правит нами начальство, как чёрт болотом!

4 ГОЛОС. И на чёрта гром найдётся.

2 ГОЛОС. Где уж нам, бабам, греметь, а мужиков почти всех мобилизовали.

4 ГОЛОС. От грозы люди в кучу должны собираться...

5 ГОЛОС. Эге, как овцы — выбирай какую хошь.

НИКИТИЧНА. А я вам скажу, бабоньки: моя хата с краю.

4 ГОЛОС. Так вот и моя хата с краю, а терпежу нет... Токо стемнеет, а я уж на взводе, того гляди заявятся...

2 ГОЛОС. Хто?

4 ГОЛОС. Хто, хто — охотники... Один раз решилась я и пытаю: какого зверя промышляете? А такого, говорят, который нам жить не даёт.

2 ГОЛОС. А что это за диковинный зверь такой?

4 ГОЛОС. А такой: глаза у него завидющие, руки у него загребушие, а брюхо, как омут, ненасытное — это мне, значит, охотники так толкуют. А я осмелела и спрашиваю: где такой зверь обитает? Охотники же такой ответ дают: обитает сей зверь повсюду, а логово своё ладит в хоромех каменных. А я им в ответ: так хоромов каменных, как видите, у меня нет. А они мне: так, выходит, мы заблудились.. Сами будто шуткуют, а всё норовят про казаков да кулаков выпытать, я же наперёд знаю, чем всё кончится.

2 ГОЛОС. Чем же?

4 ГОЛОС. А всё одним и тем же: хлебушка да сметанки стребуют... Одни уйдут, на утро может нечистая других принести. Снова допрос: где прячешь бандитов? Мне уж всё равно терпеть, говорю: а у меня, окромя вас никто не бывает. А главный атаман ихний мне плёткой в грудь тычет: засеку твою мать — матюгатыся, аж поси-неет, а потом, гад, всю сметану уметёт! Так я теперича приноровилась: как только в окна-двери стук-грюк, я первым делом — кринку сметаны на стол... Сама-то давно уж и забыла, какая она, сметанка, на вкус.

1 ГОЛОС. Ох, бабоньки-сёстры, шутки — шутками, а ведь брат на брата пошёл, сын на отца, отец на сына — когда такое деелось?

5 ГОЛОС. Батюшка-то што рекёт: грядёт, страшный суд грядёт! Вострубят трубы архангельские, испепелят молоньи души грешные, да воздастся всем за деянья дерзкие, за речи супротивные, за попрание престола царя-батюшки и господа бога, жития миру осталось три лета и три дни... Господи, помилуй нас грешных (*Крестится.*)

ГОЛОСА. Спаси нас, господи... Со святыми упокой.

4 ГОЛОС (*отводя Марьюшку в сторону*). Марьюшка, я чо буду говорить, виду не подавай. Намедни были у меня люди... из тайги, велели бумагу тебе передать...

МАРЬЮШКА. Письмо? От Ивана?!

4 ГОЛОС. Тсс-с! Видели его в штабе партизанском... Командиром он в отряде, что в Медвежьем логу... Мы ишшо за брусничкой туда ходили, помнишь?

МАРЬЮШКА. Так это ж совсем близко!

4 ГОЛОС. Близко-неблизко, а через Енисей не перескочишь. В Кильбине надо лодку припасти: с острова сподручней добираться...

Женищина незаметно передаёт Марьюшке записку от жениха — Ивана. Сгорая от нетерпения, девушка украдкой читает долгожданное послание. «Здравствуй, премного любящая и дорогая Марьюшка, Мария Петровна, солнышко моё ясное! Шлю тебе свой сердечный привет и низкий поклон. Я жив, здоров, чего и тебе от всей души желаю. Я знаю, как ты верна мне, хотя скитаться мне приходится немало, а впереди ещё так много неясного, и всё же я остаюсь сердечно доволен тобой и сам храню верность тебе до смерти. Ты, может, забижаешься, что весточек не шлю — так в тайге ещё почта не налажена... Силы наши растут с каждым днём, наша душевность и единомыслие удесетеряет их, а надежда сокрушит кровопийцев навеки вечные даёт нам мужество и терпение... За себя я спокоен, но боюсь за тебя: если не придёшь к нам в отряд — беда не минует нас. Куда и как добираться, тебе расскажут. Остаюсь любящий тебя до конца моей жизни — Иван.»

Во время чтения письма Марьюшкой женищины в полголоса напевают песню.

Как по реченьке плыла лодочка

Как по реченьке плыла лодочка,
как по реченьке плыла лодочка,
ой да люли, люли, плыла лодочка.
А в той лодочке сидел молодец,
а в той лодочке сидел молодец,
ой да люли, люли, сидел молодец.
Сидел молодец, свет-Иванушка,
сидел молодец, свет-Иванушка,
ой да люли, люли, свет-Васильевич.
А по бережку да шла девица,
а по бережку да шла девица,

ой да люли, люли да шла красная.
 Постой девица, погоди меня,
 погоди меня, будь жена моя,
 ой, да люли, люли, будь жена моя.

Окончив чтение письма, МARYЮШКА не может сдержать радости и восторга, выражая свои чувства в песне.

Кабы были златы крылышки

Кабы были златы крылышки,
 серебряный полёт,
 улетела б лёгкой пташкою
 в широкий небосвод.
 Кабы были златы крылышки,
 Широких два крыла,
 Позабыла бы я, бабоньки,
 Работу и дела.

МАРЬЮШКА. Ах, мама, мама, и почему ты меня парнем не родила! (*Запевает.*)

Конь боевой с походным вьюком

Конь боевой с походным вьюком
тревожно ржёт, кого-то ждёт.
Вот из дверей военной школы
боец с приказом сам идёт.
Отец коня ему подводит
и речь такую он ведёт:
«Коня дарю тебе лихого,
он верный друг был у меня
конь твоего отца родного
носил в огонь и из огня.
Конь боевой — всего дороже,
и ты, сынок, им дорожи,
ты относись к себе поостороже,
коня же в хале содержи.

Конь бо - е - вой спо - ход - ным вью - ком тре - вож - но ржёт, ко - го - то

5 ждёт. Конь бо - е - вой спо - ход - ным вью - ком тре - вож - но

9 ржёт, ко - го - то ждёт. Вот из две - рей во - ен - ной шко - лы бо - ец спи -

13 ка - - - зом сам и - дёт.

Прибегает Киселиха, мать Марьюшки.

КИСЕЛИХА. Марьюшка, беда у нас: казаки нагрянули, отца забрали. Скорей бежим! *(Подружкам.)* Девки, прячьтесь все! Не дай вам бог на глаза попасться иродам треклятым! *(Все разбегаются.)*

НИКИТИЧНА. О господи, да што же это творится со мной: первые новости да узнаю последней! *(Убегает.)*

Картина четвёртая

Дом Марьюшки. Киселиха и Марьюшка отхаживают избитого казаками деда Киселя.

КИСЕЛИХА. Ой, боже ж ты мой, боже! Што натворили ироды треклятые... Как нам жить теперича, как жить?

МАРЬЮШКА *(плачет)*. Мам, тятке очень больно...

КИСЕЛИХА. Перестань реветь!

МАРЬЮШКА. Живого места на нём не осталось...

КИСЕЛИХА. Гусиного сала неси да сорочку новую, а я травы запарю.

МАРЬЮШКА. Он водки просит.

КИСЕЛИХА. Так чо стоишь, налей!

Марьюшка уходит, Киселиха достает из сундука сорочку, уткнулась в неё, плачет. Заходит соседка.

СОСЕДКА. Жив ишшо? Дёржится?

КИСЕЛИХА. Ой, соседушка, не спрашивай!

СОСЕДКА. Ну, ну, будет убиваться-то... Может, и обойдётся всё. Я вот сала с прополисом принесла, любую рану залечит.

КИСЕЛИХА. Благодарствую, соседушка, уж не знаю, как и отплатить и чем?

СОСЕДКА. А платы и не надобно вовсе, мы бабы обязаны помогать друг дружке, сегодня — я, завтра — ты. На слова мы только время теряем, раны лечения требуют. *(Вместе уходят к больному.)*

Снова появляется Марьюшка, которая в глубоком волнении ходит по горнице, повторяя одни и те же слова.

МАРЬЮШКА. Тятка будет жить, тятка будет жить, тятка будет жить...

СОСЕДКА (*от больного*). Всю спинушку исполосовали — нелюди! (*Причитает.*)

Ох, разнесчастный, ты же не знаешь,
иль жить тебе, ох, иль умереть,
ох, может, завтра ты не встанешь
на свет белый посмотреть...

Вослед соседке запричитала и Марьюшка.

Ох, не знаем да не ведаем в сиротстве,
что содеяли над нами душегубы...
А случилось то, что людишки недобрые
погубили твою буйную головушку.

Появляется Киселиха.

КИСЕЛИХА. Тише... Забылся... может, и уснёт.

СОСЕДКА. Оставайтесь живы и здоровы, побежала я: у меня ведь ишшо и коро-
ва не доена. (*Уходит.*)

МАРЬЮШКА (*подходит к окну*). Солнце-то — будто в кровь садится. Страшно-
то как.

КИСЕЛИХА. Озверел человек — конец миру пришёл.

Стук в двери. Входит Селиваниха, за нею Степан.

СЕЛИВАНИХА. Есть в доме-то кто? Проходи, Стёпушка, сынок мой, не бойсь.

СТЕПАН. А я и не боюсь: у меня мавзер есть. (*Показывает маузер.*)

КИСЕЛИХА. Чего надобно?

СЕЛИВАНИХА. Будто не знашь.

МАРЬЮШКА. Стыдились бы — такое горе у нас...

СЕЛИВАНИХА. Потому и поспешили, что — горе... Теперича вы безответные,
кажний может забидеть вас, а перво-наперво Марьюшку, а у мово сына Степана —
оружие есть, мавзер, и он, стало быть, для нас для всех — первая защита и опора.
Новая власть его на службу определила. Наконец, мой сынок в силу вошёл. Даже у
Серафима Ермильча мавзера такого нет!

СТЕПАН. Мам, а я у него в ограде пулемёт видел. Вот бы нам такой!

СЕЛИВАНИХА. Мы, сынок, и с мавзера, кого надо постреляем.

СТЕПАН. Пах, пах, пах!

СЕЛИВАНИХА. Ну, как насчёт того...

КИСЕЛИХА. Чего?

СЕЛИВАНИХА. Дык... Насчёт бычка и тёлочки.

КИСЕЛИХА. А ну вас... У них и спрашивайте.

СТЕПАН. Я — согласен. Я здесь буду жить.

КИСЕЛИХА. Надобно, штоб и Марьюшка согласна была.

СЕЛИВАНИХА. Доченька моя, послушай меня, не отказывайся от счастья бабьего.

МАРЬЮШКА. Не люб мне сын Ваш.

СЕЛИВАНИХА. Стерпится — слюбится. Ну, чем плох мой сыночек, красавец мой? *(К сыну.)* Ну, чего стоишь и молчишь, как пень! Покажись и лицом и всяк!

СТЕПАН. А у меня мавзер есть — во!

МАРЬЮШКА. Сами видите, сколько ума в нём.

СЕЛИВАНИХА. А сколько в мужике ума требуется? Что с них, с умников взять? Сколько их постреляли, а сколько ещё постреляно будет? Не в уме власть — в силе! А мой сынок как раз в силу вошёл. Он теперича любого умника главней! *(К сыну.)* Чего, сынок, мы с умниками делать будем?

СТЕПАН. Пах, пах, пах!

СЕЛИВАНИХА. Во! И не останется никого из них. Вот и выходит, что мой сыночек по нынешним временам — лучше за всех!

СТЕПАН. Все репей, а я жарок, да, мам?

СЕЛИВАНИХА. Жарок, жарок.

СТЕПАН. А когда умников изничтожать начнём?

СЕЛИВАНИХА. А когда голову свою высунут! *(В зал.)* Кто здесь умней мово Степана?

Степан целится в зрительный зал.

СЕЛИВАНИХА. Видишь, Марьюшка, видишь: никого умней мово сыночка нет!

МАРЬЮШКА. Но...

СЕЛИВАНИХА. Может, хотишь сказать, что и отец не люб тебе?

МАРЬЮШКА. А причём тут отец?

СЕЛИВАНИХА. А притом, что Стёпушка приставлен к нему стеречь, чтобы не убёк к партизанам. *(Обращается к Киселихе.)* Благословим детей наших, а то неровен час...

Появляется сваха.

СВАХА (*в сторону*). Селиваниха со своим припадошным уже здесь... (*Проходит, выжидает.*) Ну, долго мне стоять ишшо?!

КИСЕЛИХА (*подносит табуретку*). Садитесь, в ногах правды нет.

СВАХА. Правды нигде нет. Чаю!

КИСЕЛИХА. Пойду воды вскипячу (*Уходит.*)

СЕЛИВАНИХА. Свашенька, в этом доме есть кому распоряжаться, в этом доме и хозяин новый есть.

СВАХА. Хозяина этого дома повесят, коли ума не наберётся. Серафим Ермилыч велел так и передать.

СЕЛИВАНИХА. Так-то оно так — со старым хозяином, так ведь речь не о нём. Вот он — новый хозяин, сын мой, муж Марьюшки.

СВАХА (*кулаком по столу*). Это ишшо какой такой муж? Чей муж?! А ну — вон отседава! Считаю до трёх.

СЕЛИВАНИХА. Чего орёшь, не глухие чай... А то чего доброго мой сынок мавзером глотку твою заткнёт!

СВАХА. Узнает Серафим Ермилыч, што вы наследили здесь — обоим висеть!

СТЕПАН. Уходите все, я буду жить здесь!

СВАХА (*показывает кукиш*). А это видел?

СТЕПАН. Мам, а она кукиш показывает.

СЕЛИВАНИХА. Идём, сынок, не связывайся ты с этой балаболкой. Да и дом сей худой: нежилым пахнет.

СВАХА. Попомни, кума: каждый сверчок — знай свой шесток, а в сторону — ни, ни! (*Селиваниха и Степан уходят. Появляется Киселиха.*)

СВАХА. Готов чай?

КИСЕЛИХА. Вот-вот вода закипит.

СВАХА. Мне чай приготовить не из трав, а настоящего, индийского.

КИСЕЛИХА. Такого у нас отродясь не бывало.

СВАХА. Знамо дело, не вам, голодранцам чаи индийские да цейлонские распивать. А я — других и знать не желаю! Вот он — чай господский. (*Достаёт завёрнутую в платочек горстку чая.*) Нюхай. Запарить сможешь?

КИСЕЛИХА. Как не смочь — смогу.

СВАХА. Да откель тебе ведомо, как господский чай запаривать? Поди у тебя и посудыны хфархфоровой нету? Да уж ладно... Сделай, как научу: посудину сперва крутым кипятком ошпарь, всыпь эту меру и тёпленькой водички залей и седи, а уж

опосля кипятком наполни и укрась хфухфайкой хорошенько, штобы паром изошёл да сил набрался... Поняла?

КИСЕЛИХА. Чего не понять, известное дело *(уходит с заваркой)*.

СВАХА *(к Марьюшке)*. Ты, Марьюшка, девка не глупая, не мне тебя учить, сама видишь, какие нонешние времена: жизнь человеческая — ни в грошь не ставится. Вот сёдни Степан с оружием заявился, а завтра, может, ишшо хто дурней нагрянет. И выходит, что у тебя, Марьюшка, токо одна дороженька — за Серафима Ермилыча итти... И не подумай, голубушка, што я сговаривать тебя пришла — теперича в этом нету никакой надобности. Если б дед Кисель не отец тебе — висеть бы ему, а что плетьми получил хорошенько, чтоб наперёд умней был да язык за зубами держал. Никто в его мыслях и оценках не нуждается... Отца я тебе сохранила, так што ты меня ишшо и отблагодарить обязана... Бог не дал мне дочери, так я, Марьюшка, о тебе, как по родной, пекусь. В достатке, роскоши жить станешь, как панночка. В руках Серафима Ермилыча — сила великая, противиться или наперекор итти — лишь себя губить.

МАРЬЮШКА. Лучше смерть, чем с немилым жить.

СВАХА. Глупое ты дитя неразумное! Ну, скажи-укажи, хто живёт в любви да счастья? Покажи ты мне это диво-дивное. Молчишь? Не твои сказки детские слушать пришла, а подготовить к завтрашнему венчанию! В этом узле — всё, што для невесты надобно. *(Кладёт перед Марьюшкой узел.)* Супротивничать станешь — силой принудим, цацкаться с тобой недосуг. Мне ишшо до батюшки сбегать надо-ть, предупредить, штоб на завтра готов был, а то прокараулишь его — напётся, как свинья, или учешет, куда и черти не ходют... А ты покамест наряды примерь... Налюбоваться на них — и ночки не хватит!

КИСЕЛИХА. А вот и чай Ваш.

СВАХА. Пусть невестушка наша к чаю господскому привыкает. *(Уходит.)*

КИСЕЛИХА. А я так думаю, доченька: покорись судьбе.

МАРЬЮШКА. Вот моя судьба! *(Достаёт письмо от Ивана.)*

КИСЕЛИХА. Что это?

МАРЬЮШКА. Письмо от Ивана! Я знаю, где он, и я должна быть с ним! *(Собирает свои вещи в узелок.)*

КИСЕЛИХА. Куда же ты, на ночь гляючи?

Заходят соседки.

СОСЕДКА. Может, чего помогти, соседушка? Ой, да на тебе лица нет! Неужто дед Кисель...

КИСЕЛИХА. Жив... Марьюшка уходит...

МАРЬЮШКА. Прости, мама. *(Припадает к ней)*

Звучит песня.

Лелеяла мать, ублажала

Лелеяла мать, ублажала
свою ненаглядную дочь,
а доченька к другу сбежала
в осеннюю тёмную ночь.
Оставила мать без подмоги
на старости лет горевать,
сама же пустилась в дорогу
цыганское счастье искать.
Уйдёт за околицу спешно,
и ветер следы заметёт,
останется только надежда —
тайга о ней весть донесёт...

Музыкальная запись песни. Первая строка — мелодия в нотном стане с ключом фа-бемоль и метром 2/4. Вторая строка — аккомпанемент в нотном стане с ключом фа-бемоль и метром 2/4, начинающийся с шестого такта. Под нотами даны слова песни.

Ле - - - ле - я - ла мать, у - бла - жа - - - ла сво -
ю не - на - гляд - ну - ю дочь

МАРЬЮШКА. Прощай мама! *(Обнимает, целует.)* Прости! *(Убегает.)*

КИСЕЛИХА. Доченька! *(Обессиленна, соседки уводят её под руки.)*

Картина пятая

Партизанская стоянка на берегу Енисея. Вечереет. У костра сидит старая хакаска. Глядя на чайник, в котором готовится лекарственное снадобье, тихо покачивается и поёт.

СУРЛАНА. Дракашибико большой идёт... Хара-хану много-много кровь давай шайтану платить. Наш батыр сказал: готовь мно-о-го бальзама, партизана спасать, раны лечить... Сурлана знает, как делать бальзам: кедровый живица, медвежий сало, толчёный хвоя... Волчий язык — карошо! Пуля стрельнёт — лечит, гной пойдёт — лечит, свинья укусит — лечит. Шибико жаль ханза нету, кароший трава, девять колен имеет — шибико зильный трава.

На стан привезли раненого командира — Ивана, который находится в бессознательном состоянии. Знахарка начинает хлопотать над раненым.

СУРЛАНА. Паси бог, паси бог... Чижёлый случай... Шибико плох батыр....

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Можно спасти командира?

СУРЛАНА. Мало-мало — бар, мало-мало — йок.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Ты сможешь?

СУРЛАНА. Откуда я знаю... Ханза — йок, мумиё — йок...

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Так, может, кого другого привезти? Сказывай!

СУРЛАНА. Шаман нада звать... Без шамана нилизя гнать шайтана.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ *(в сердцах)*. Сразу и не разберёшь, кого звать — шамана или шайтана.

СУРЛАНА. Шаман — бар, Шайтан — йок.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Шамана из-под земли достану... А ты мне — смотри, чтоб командир партизанский жил, иначе — секир башка, соображаешь?

СУРЛАНА. Дурной голова твой... Твой шибико скоро бегать нада, шамана нада. *(Партизан уходит. Знахарка «колдует» над раненым. Появляется Повариха.)*

ПОВАРИХА. Ой, матинко моя Иван Васильевич! Что с Вами? Сурлана, он не отвечает... он не дышит!!! *(Кидается на колени, приставляет ухо к груди.)*

СУРЛАНА. Шибико плох батыр.

ПОВАРИХА. Дышит... Слава богу!

СУРЛАНА. Паси бог, паси бог.

ПОВАРИХА. Еле дышит. Видно, сил совсем нет. Его ж покормить надо! Я сейчас, я — мигом ушицы из тайменя сготовлю. Ушица-то кого хошь на ноги подымет. И киселька овсяного запарю... Я детишек хворых кисельком овсяным на ноги ставила... Первейшее дело — овсяный кисель! *(Уходит.)*

СУРЛАНА. Однако, чай нада заварить. *(Бросает в чайник чай, подумав, добавляет пучок трав.)* Луговой зверобой — каршо. *(Убирает с огня чайник, накрывает овчиной.)*

Появляется повариха с чашей, пробует накормить раненого.

ПОВАРИХА. Иван Васильевич, сиробуйте... Очень вкусно... Ну, пожалуйста, голубчик мой, хоть ложечку... Хлебнёте и сразу выздоровите. Ну, пожалуйста, Иван Васильевич... *(Плачет.)*

СУРЛАНА. Еда — не нада, шаман — нада.

Приводят шамана. На нём — красный плащ, металлические бляхи, кольца, звериные хвосты, птичьи перья, цветные ленты, в руках — погремушка и бубен. Шаман, обратив лицо к закату, застывает над костром, потом бросив охапку трав в костёр, простирает вверх руки, издавая непонятные гортанные звуки. После чего кошачьим шагом приблизился к раненому и застывает над ним, изучая. И — начинается камлание, шаманская пляска. Под конец шаман в изнеможении падает у костра.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. С ним плохо, дайте ему чего-нибудь... Помогите шаману.

СУРЛАНА. Лечить шамана не нада, отнести нада... *(Шамана уносят.)*

ПОВАРИХА. Что же делать теперь? Сурлана, помоги Ивану Васильевичу, он почти не дышит! Может, чайку попьёт?

СУРЛАНА. Ждать нада... Паси бог, паси бог.

Повариха наливает чай, пробует поить раненого. Слышатся крики Марьюшки: Иван, Ва-ня. Раненый вздрагивает.

ПОВАРИХА. Открыл глаза... Иван Васильевич, Иван Васильевич...

Приводят к костру Марьюшку, которая, увидев Ивана, бросается к нему.

МАРЬЮШКА. Ваня, я пришла... Посмотри — вот она — я. Мне было очень страшно, но я пришла... Слышишь, твоя Марьюшка пришла к тебе, слышишь меня, Ваня... *(Кричит.)* Ва-ня!

Иван застонал, открыл глаза.

ПОВАРИХА *(подавая чай)*. Напои его.

МАРЬЮШКА. Он жив? *(Берет чашку, поит.)* Пьёт... Всё будет хорошо, Ваня, всё будет хорошо.

ПОВАРИХА. Слава богу, очнулся наш командир, Иван Васильевич, чайку испейте поначалу, а я ушицы из тайменя приготовлю, и киселя овсяного — сразу выздоровеете, они кого хошь на ноги поставят. *(Уходит.)*

СУРЛАНА. Встанет на ноги, однако, встанет, коли девка — рядом. *(Уходит.)*

Марьюшка снимает с себя шерстяную кофту, подкладывает под голову Ивана, удобнее усаживается возле, готовая в любую минуту прийти на помощь, но видя, что сон становится спокойным у раненого, успокаивается и сама. Думая о самом сокровенном, тихо напевает.

Сшей мне белое платье, мама,
 чтобы белых цветов белей,
 поплыву я по улице прямо,
 словно лодочка меж кораблей.
 Поплыву я по улице тесной,
 словно лодочку понесёт,
 скажут люди: невеста, невеста,
 посмотрите, невеста плывёт.
 Сшей мне белое платье, мама,
 вышей золотом рукава,
 ах, по правую руку пристань,
 а по левую — острова...
 Первый остров проходит мимо,
 ко второму волной прибьёт,
 а на третьем стоит калина,
 белым цветом она цветёт.

Марьюшка, боясь потревожить сон Ивана, замолкает.

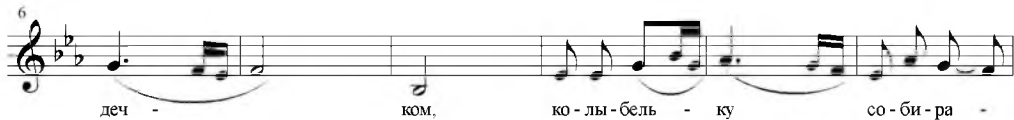
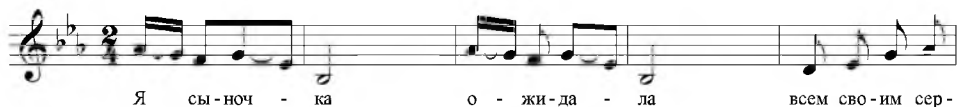
ИВАН (*открыл глаза*). Пой ещё. Когда ты поешь, я не чувствую боли...

МАРЬЮШКА (*целует Ивана, поёт колыбельную*).

Я сыночка ожидала
всем своим сердечком,
колыбельку собирала
дощечку к дощечке.

Мала сыну колыбелька,
не вытянуть ноженьки,
сама сделаю другую
тебе, мой хорошенький.

Хоть и жалко мне
колыбель кедровую,
только жаль вдвойне
детку мою первую.

Картина шестая

Дом Никитичны и Евламтия Силыча. Появляется весь перебинтованный хозяин.

ЕВЛАМПИЙ. Фу, слава богу: Никитичны дома нет. *(Смотрится в зеркало.)* Эко меня угораздило: форменное чучело — смотреть противно... От войны ушёл, а ранения не избёг... Живёшь и не знаешь, где тебя судьба приголубит... Ох, горе-го-гоорючего сколько пропало... Чёрт меня дёрнул пристроиться... Нет, штобы, значится, погодить, пока нацедится... в бутыль, я того... как это по-учёному? Де-густацию развёл: приловчился к аппарату, как сосунок к титьке и дегустирую, а аппарат возьми да и взорвись... на мою голову... Мало того, што пострадал я, во — обожжённый весь, так ишшо и Никитична, супруга моя, грызёт меня днём и ночью. Ну никакого тебе уважения к мушчинскому званию... *(Уходит.)*

НИКИТИЧНА *(появляясь)*. Евлампий, Евлампий! Ипеть нет, ну, доберусь я до него! У людей мужики, как мужики, а у меня — ни богу свечка, ни чёрту кочерга! *(Поёт.)*

Как на рынке на базаре

Как на рынке на базаре, как на рынке на базаре
били в барабаны, били в барабаны,
били, били в барабаны, били, били, били в барабаны,
указы читали, солдат набирали,
А мой муж дуралей никуда не годен:
ни в солдаты, ни в рекруты,
ни бить в барабаны, ни бить в барабаны,
только годен милый мой на печи валяться,
на печи, на печи,
на печи валяться да с женой ругаться!

Появляется Евлампий.

ЕВЛАМПИЙ. Это твоё предположение почти полностью ошибочное.

НИКИТИЧНА. Ошибочное? А давеча што натворил, забыл?

ЕВЛАМПИЙ. Многожды раз ты наносишь мне чувствительнейший укол в самое болезненное место... Это не благородно.

НИКИТИЧНА. А ты аппарат порешил — это благородно?!

ЕВЛАМПИЙ. И на старуху бывает проруха.

НИКИТИЧНА. Веры тебе нет! Пропади оно всё пропадом! Ничего мне, египет-

ская сила, не жалко! Всё порешу! Всё по ветру пушшу! А допреж с тобой, мучителем моим, расчитаюсь!

ЕВЛАМПИЙ. Но-но, обожжённая рука у меня одна только, другой я и двинуть могу!

НИКИТИЧНА. Христом богом молю, уходи, а то я за себя не ручаюсь!

ЕВЛАМПИЙ. Да ты чо? Я с тобой, как с человеком, по-хорошему...

НИКИТИЧНА. Не надо мне, ни по-хорошему, ни по-плохому.

ЕВЛАМПИЙ. Вот те на: будто я и не супруг тебе?

НИКИТИЧНА. Горе ты моё луковое — вот!

ЕВЛАМПИЙ. Да чем же я тебе не хорош?

НИКИТИЧНА. Ой, люди добрые, гляньте-ка на хорошиста!

ЕВЛАМПИЙ. Ну, ведь и не идиот же. Я, между прочим, от идиота даже на очень значительном расстоянии нахожусь.

НИКИТИЧНА. Да ты посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож?

ЕВЛАМПИЙ *(смотрится)*. На Евлампия Сильча.

НИКИТИЧНА. На чучело огородное!

ЕВЛАМПИЙ *(обиженно)*. Вот у тебя всегда так: супруг — последний человек. Если ты хочешь знать, это пресквернейшая черта — унижать свою половину.

НИКИТИЧНА. А ты меня возвышашь?

ЕВЛАМПИЙ. Да я тебя готов на руках носить! *(Пытается нести.)*

НИКИТИЧНА. Пусти... Пусти, тебе говорят!

ЕВЛАМПИЙ. Ну, допусти, лапушка.

НИКИТИЧНА. Тебя только допусти — меры не знаешь.

ЕВЛАМПИЙ. Вот, ей богу, всё будет в аккурат!

НИКИТИЧНА. Тебе бы только языком работать.

ЕВЛАМПИЙ. Не только язык — душа вся горит по производству. Ну, допусти, лапушка.

НИКИТИЧНА. Ох, горюшко ты моё... Ну, да ладно... *(Достает рюкзак.)* Беги. Одна нога здесь, другая — там?

ЕВЛАМПИЙ. Будет сделано в момент! *(Убегает с рюкзаком.)*

Никитична ставит на стол склянки с цветными жидкостями и резиновыми грушами, уходит. Появляется Евлампий Сильч. Из рюкзака достает бутылки.

ЕВЛАМПИЙ. Никитична, а вот и я... Моя жёнка хоча и вредная мало-мало, но всё понимает... ведь без мужеских рук в нашем деле никак нельзя... Наша продукция

— высших кондишнев — два в двадцать второй степени! Да, мы с Никитичной в наши годы больше, чем надо достигли... *(Вытирает бутылки.)* Эй, ты кто? Таракан? А я — Евлампий Силыч. Вылазь, а то Никитична нас застукает.

Появляется Никитична с бутылью.

НИКИТИЧНА. Да помоги ты!

ЕВЛАМПИЙ. Минуточку-секундочку! *(Помогает.)* Четырьмя руками горы свернуть возможно. Две мужеских и две бабьи — што хошь сотворят!

НИКИТИЧНА. Посуду мыл?

ЕВЛАМПИЙ. Тара вымыта и тщательно, только не стерилизована. *(Пытается спрятать бутылку с тараканом, но Никитична выхватывает её и заполняет жидкостью.)*

ЕВЛАМПИЙ. Давай, лапушка, больше коньячку сварганим. Знай наших!

НИКИТИЧНА. Не понимаю чего люди брешут, что коньяк клопами пахнет.

ЕВЛАМПИЙ. И не клопами, и не тараканами. Запах у него — дубиновый.

НИКИТИЧНА. И всё-то ты знаешь, дубинушка моя.

ЕВЛАМПИЙ. Лапушка, позволь...

НИКИТИЧНА. Чего, тебе?

ЕВЛАМПИЙ. Дегустацию провести.

НИКИТИЧНА. А, где наше не пропадало! Неси чарки! *(Евлампий приносит чарки под аккомпанимент песни.)*

Чарочка моя

Чарочка моя серебряная, на золоте блюдечке поставленная.

Кому чару пить, кому выпивать, ой, пить чару, да выпивать чару?

Пить чару, да выпивать чару свет-Никитичне да Евлампию!

Ча - роч - ка мо - я се - реб - ря - на - я, ой, на зо - ло - те
6
бло - деч - ке по - став - лен - на - я. на зо - ло - те бло - деч - ке по - став - лен - на - я

Стук в дверь. Никитична выглядывает в окно.

НИКИТИЧНА. Евлампий — батюшка, бутылки, бутылки — спрячь!

ЕВЛАМПИЙ (*схватив рюкзак и бутылки*). Будет сделано. Спрячу — ни одна собака не съест. (*Уходя.*) Клиентура пошла.

БАТЮШКА (*появляясь*). Благослови, господи, хижину сию.

НИКИТИЧНА (*целует руку*). Милости просим, батюшка.

БАТЮШКА (*кивает на бутылку*). Не богоугодное дело творишь. Геенна огненная ждёт тебя, дочь, за корысть и лихоимство.

НИКИТИЧНА. Не виноватая я, вот — ей-богу!

БАТЮШКА. Не клянись всуе.

НИКИТИЧНА. Я за ради людей, батюшка, стараюсь. Исцеляю я страждущих и болящих. Зелье моё и детям не грех давать, ежели родимчик шибанёт, а ишшо от сглазу и от наговору — всем помогают!

БАТЮШКА (*крестится*). Господи, вразуми мя, тварь неразумную, слабую, в доброту и благодати пребывающую к рабам Божиим. Аз хвалу богу воздав, вопрошаю тебя, дочь, истину ли глаголишь?

НИКИТИЧНА. Истину, батюшка, истину. (*Подает чарку попу.*)

БАТЮШКА. В земной юдоли, господи, помилуй мя. (*Пьет.*) Воззри, отче наш, и прости невидимую длань твою на головы наши...

НИКИТИЧНА. Воззри, отче наш, и прости нас грешных. (*Наливает ещё.*)

БАТЮШКА (*пьёт*). Жития миру осталось три лета и три дни... Текут реки крови жестокае, кипит море слёз разлитое — встал Каин на Авеля... Господи помилуй, господи помилуй. (*Обнимает Никитичну.*)

НИКИТИЧНА. Господь с вами, батюшка... Грешно ведь...

БАТЮШКА. А ты согреши и покайся, и господь воздаст! (*Обнимает.*)

Стук в дверь. Поп засуетился.

БАТЮШКА. О господи, отведи напасть! (*Никитичне.*) Не гоже пастве зрить па-

стыря своего в мирской обыденности. Не отвержай врата, паки не схоронюсь я от глаз людских, и господь воздаст! (*Уходит.*)

Никитична убирает бутылку и чарки. Появляется Селиваниха.

СЕЛИВАНИХА (*оглядывается*). Батюшка почудился мне...

НИКИТИЧНА. Никого нет, чо надо?

СЕЛИВАНИХА. А хозяин?

НИКИТИЧНА. По делам уехал.

СЕЛИВАНИХА. Чего я тебе скажу — ужась! Партизаны наших разбили, скоро к нам заявятся... Ой чо будет с нами теперича... (*Плачет.*)

НИКИТИЧНА. Нам партизан бояться нечего, мы има ничего плохого, окромя хорошего не делали, а вот твою — пустят в расход, как пить дать.

СЕЛИВАНИХА (*плачет*). Ой-е-ё! Соседушка, господом богом молю, выручай сыночка мово!

НИКИТИЧНА. Я ж не командир партизанский, моя хата с краю.

СЕЛИВАНИХА. Ну, подсоветуй чего-нибудь, уж я в долгу не останусь, чо за службу Степану заплатили, всё отдам!

НИКИТИЧНА. Всё, говоришь?

СЕЛИВАНИХА. Всё, только спаси сыночка, красавца мово спаси!

НИКИТИЧНА. Игде он?

СЕЛИВАНИХА. Тут-ка ожидат. В доме своём оставаться ему никак нельзя.

НИКИТИЧНА. Переправить его подале надо-ть.

СЕЛИВАНИХА. Куда?

НИКИТИЧНА. А хоча б к сродственнице моей.

СЕЛИВАНИХА. Дык ведь по дороге встренут партизаны и...

НИКИТИЧНА. Наружность сменить надо-ть.

СЕЛИВАНИХА. Мово сыночка за версту узнать: чернявый он у меня, видный.

НИКИТИЧНА. Надобно слинять ему.

СЕЛИВАНИХА. Как так — слинять? Не хочу, штоб сынок мой линиял.

НИКИТИЧНА. Значит остаётся одна дорога — в расход.

СЕЛИВАНИХА (*падает на колени*). Помоги сыночку, ничего не пожалею.

НИКИТИЧНА. Давай сыночка свою, мы его в кого хошь превратим. Я в кино видела, как артисты лицедействуют.

СЕЛИВАНИХА. Но сыночек мой — не артист.

НИКИТИЧНА. Жизнь — она всему научит.

СЕЛИВАНИХА (*зовёт Степана*). Стёйушка, сынок мой, заходи, не бойсь.

СТЕПАН. А я и не боюсь: у меня мавзер есть.

НИКИТИЧНА. Цыц! Штоб это слово поганое забыл на веки вечные! Понял?

СЕЛИВАНИХА. Понял, понял как не понять. (*К Степану.*) Делай всё, сынок, што тётя велит.

НИКИТИЧНА. Так... Перво-наперво — усы и бороду сбрить.

СТЕПАН. Мам...

СЕЛИВАНИХА. Так надо, сынок, а то узнают партизаны, поймают и убьют.

НИКИТИЧНА. Садись!

СТЕПАН. Мам, я боюсь.

СЕЛИВАНИХА. Не бойся, родненький. Тётя снимет растительность, будешь ишшо красивше.

СТЕПАН. А мавзер не отдам.

НИКИТИЧНА. Толку-то с твою мавзера... Сиди, не дрыгайся! (*Бреет.*)

СЕЛИВАНИХА. Не больно, сынок?

СТЕПАН. Больно-а.

СЕЛИВАНИХА. Куда спешить, с горячки и подранить недолго.

НИКИТИЧНА. А коли у вас времечка — целое оберемечко, то я и до утречка готова — пождать... Пока партизаны не заявятся.

СЕЛИВАНИХА (*плачет, то и дело поглядывая в окно*). Ой-е-ёй, быстрее делай, ишшо быстрее...

НИКИТИЧНА. Всё! Готово. А ну, пройдишь... (*Оценивает побритого Степана.*) Не, всё одно — узнают, поймают и в расход пустят...

СЕЛИВАНИХА (*плачет*). Ой-е-ёй, помоги, благодетельница, век буду бога молить!

НИКИТИЧНА. Последнее средство есть. (*Тянет Степана.*)

СЕЛИВАНИХА. Мы на всё согласны.

СТЕПАН (*утирается*). Мам, а что тётя будет делать со мной?

СЕЛИВАНИХА. Слушай тётю, и партизаны нас не поймают.

НИКИТИЧНА (*подведя к сундуку*). Раздевайся! (*Снимает кожанку, шляпу, одевает юбку, кофту, платок.*) Живо-живо! Всё! Будеш Настей, а по прозвищу Небылицина. Понял?

СТЕПАН. Мам...

НИКИТИЧНА. Да не баси ты, тоненько говори, по-бабьи: ма-ма.

СЕЛИВАНИХА. Говори, сынок, тоненько: мам.

СТЕПАН *(фальцетом)*. Маам.

НИКИТИЧНА. Вот-вот... Погоди, я ишшо тебе веснушки наставлю. *(Слюнявит карандаш, ставит веснушки.)* Вот, теперь, египетская сила, никто не узнает! Я и сама уж сумлеваться стала, то ли Степан передо мною, то ли Настя.

СЕЛИВАНИХА *(к сыну)*. Говори: Настя.

СТЕПАН *(басит)*. Настя.

НИКИТИЧНА. Ой, боже ж мой, боже, тоненько-тоненько говори, по-бабьи: Настя.

СТЕПАН. Настя...

НИКИТИЧНА. Вот и хорошо. Всё, всё, уходите...

СТЕПАН *(не видя маузера)*. Мам!

СЕЛИВАНИХА. Что, сынок?

НИКИТИЧНА. Какой-такой сынок? Не сынок он тебе, а свояченица Настя! Заруби себе на носу, а иначе — в расход!

СТЕПАН *(ещё громче кричит)*. Маам!

СЕЛИВАНИХА. Да чего тебе, Настя?

СТЕПАН. Мавзер где? *(Наконец находит маузер у себя под юбкой.)*

НИКИТИЧНА. Ох, доведёт тебя эта штуковина до беды!

СЕЛИВАНИХА. Ступай в телегу, залази и жди. Только не выдавай себя! *(Провожает Степана.)* Я скоро приду. *(К Никитичне.)* Уж не знаю, как и благодарить тебя...

НИКИТИЧНА. Как сговорились. Чай, не забыла?

СЕЛИВАНИХА. По миру ты нас пускаешь, соседущка.

НИКИТИЧНА. Так, выходит, тебе деньги дороже сына твоего?

СЕЛИВАНИХА. Што ты, што ты, господь с тобой... *(Вынимает деньги.)* Вот — возьми, подавись! *(Уходит.)*

НИКИТИЧНА. Денег жалко стало, тьфу, скаредница. Так при тебе ж золотице твоё осталось — сын твой припадошный!

Достав бутылку и хлебнув чарку и успокоившись, Никитична пересчитала деньги и вовсе развеселилась. Поёт, а в конце и приплясывает.

На краю села хатёнка

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Дым кругами над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,
сколько б ни было силёнки,
закружится голова.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

На кра - ю се - ла ха - тён - ка не ма - ла, не ве - ли - ка, в ней ве - дёт - ся

ра - бо - тён - ка не тяж - ка и не лег - ка. Чья ха - тён - ка, кто в ха - тён - ке И ка - ка - я
ра - бо - тён - ка? Мо - я ха - та с кра - ю. Ни - че - го не зна - ю.

Стук в дверь. Появляется Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. У тебя — никого?

НИКИТИЧНА (*усаживаясь*). Одна я... Нездоровится, вот и дома сижу.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Что же?

НИКИТИЧНА. Започихивала, запокашливала... А тут ишшо тоска в ногах открылась... К непогоде должно быть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Ты это верно подметила — к непогоде... А я не поздравствовался. Живёшь как?

НИКИТИЧНА. Жизнь — она, сами видите, какая... Да вы садитесь, может, чего перекусить желаете?

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Благодарствую — сыт по горло!

Был на миру, гулял на пиру,
разгорелся пир на весь мир,
упились гости — лежат на погосте...

Со всех волостей везут новых гостей.

(Вынимает револьвер, ложит на стол.) В горле пересохло... Коньячку у тебя не найдётся? *(Кладёт деньги.)* Поил, кормил сволочей, а они при первой же опасности разбежались... Всё прахом пошло! *(Наливает, пьёт.)* Ты чего мне подсунула? Я ж тебе деньги не фальшивые отвалил!

НИКИТИЧНА. Да неужто не крепко? Могу ишшо принести.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Впрочем, всё равно уж... Красная саранча обложила всю волюсть, войско драпает в Монголию, милиция разбежалась, как тараканы... *(Снова*

твёт.) Что это? Таракан! Поздравляю, один не убежал... Впрочем, если поразмыслить трезво, это не таракан — это я сам... На дне бутылки, на дне стакана... Мне остаётся одно — пить до дна.

НИКИТИЧНА. Шли бы Вы домой, Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. У меня нет дома — красная саранча спалила его до тла, у меня нет родины — Россия горит со всех сторон... Красные гунны подминают под себя всех и вся. Это конец цивилизации. Это конец...

НИКИТИЧНА. А я так думаю, што выход завсегда можно найти.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Я не вижу... Если ты можешь, подкажи, спрячь, наконец, что ли...

НИКИТИЧНА. Тута-ка нельзя: партизаны вот-вот нагрянут... Бегунца могу продать. Добрый конь жизни стоит.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Сколько?

НИКИТИЧНА. Всё, што есть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ (*выкладывает деньги*). Вот...

НИКИТИЧНА. Всё, што есть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Хищная птичка... (*Выкладывает ещё.*) Где конь?

НИКИТИЧНА. В стайке. Я Вас не видела, Вы меня не видели, а коня, стало быть, у меня украли, не знаю кто, не знаю когда... (*Вослед уходящему Желторылову.*) И вообще, моя хата с краю, ничего не знаю!

Картина седьмая

Деревенская улица, народ, партизаны.

ИВАН (*партизанский командир*). Сельчане, братья и сёстры. Мы сделали, что могли, как могли. Главное — кровопивцев согнали с земли нашей, теперь сами будем решать, что и как, налаживать будем нашу жизнь по русским законам и обычаям. Конечно, и личную жизнь будем налаживать, вот нам с Марьюшкой повезло, остались живы, время придёт — свадьбу справим, всех пригласим, сейчас же не до этого — слишком много потеряли мы друзей боевых, помянем же их добрым словом и сердечно своё спасибо скажем, что ради нас они своей жизни не пожалели... Вечная память героям!

Одна из баб заголосила.

Как от ржання, ржання лошадиного
приуныло сердце моё бедное,
на дорогу рано выходила я,
припорошилася пылью придорожную...

ГОЛОСА.

Родная, не плачь, не плачь,
родная, не плачь,
повержен во прах палач,
повержен палач.
Подняться на бой посмели,
посмели,
врага одолеть сумели.
сумели,
себя для других не жалели.
не жалели,
хоть жить мы тоже хотели,
хотели.

Как от ржа - нья, ржа - нья ло - ша - ди - но - го При - у - ны - ло
сер - дце мо - ё бед - но - е, на до - ро - гу ра - но вы - хо - ди - ла я, при - по - ро - ши -
ла - ся пыль - ю при - до - рож - но - ю...

Реквием

Уймите, уймите рыдания,
слезами его не поднять,

над ним, словно камень надгробный,
застыла старая мать.
Она воспитала героя,
на подвиг его позвала...
Любил, как невесту, Россию —
отдал свою жизнь за неё.
Уймите, уймите рыдания,
слезами его не поднимать...
Он жить будет в сердце России,
он жить будет в наших сердцах!

Уй - - - ми - те, уй - ми - те ры - дань - я, сле -

за - ми е - го не под - нять, над ним, слов - но ка - мень над - гроб -

ный, за - сты - ла ста - ра - я мать. О - на вос - пи - та - ла ге -

ро - - - я, на под - виг е - го по - зва - ла... Он жить бу - дет

в серд - це Рос - си - - - и он жить бу - дет в на - ших сер - дцах!

Появляется Кисель, ещё нездоровый от казацких побоев.

КИСЕЛИХА. Чего тебе дома не лежится, раны-то ишшо не зажили!

КИСЕЛЬ. Улежишь, когда такое деется...

КИСЕЛИХА. Думаешь, без тебя не обойдётся. Всюду встречаешь и отовсюду — синяки да шишки! Мало получил, ишшо возжелал?

КИСЕЛЬ. В долгах не хаживал: сколько получил — с процентами отдам. Вот подлечусь чуток — к Ивану в отряд пойду, мы ишшо повоюем!

КИСЕЛИХА. Бабоньки, это што же мужики вытворяют: забаву себе — войну выдумали, а мы, выходит, оставайся без помощи, без поддержки!

2 ГОЛОС. А я вот чо скажу: попадись мне, хто войну выдумал, он бы у меня не токо войну — лучину разжечь боялся б!

3 ГОЛОС. И чо бы такое страшное ты сделала с ним?

2 ГОЛОС. Сделала б...

4 ГОЛОС. С одним бы управилась, а их сколько, поди тышши?

5 ГОЛОС. А нас меньше, што ль?

6 ГОЛОС. И наши мужики — вояки хорошие: не могут супостатов проучить на веки вечные,

КИСЕЛЬ. Э-э, вы того... Наш брат-солдат — лучший за всех! Э, да што говорить, а ну становись! Равняйсь! Смир-рна-а! Нале-во! Шша-гом арш! За-певай!

Маршируя, женщины поют песню.

Солдатушки, бравы ребятушки

— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши жёны?

— Наши жёны — ружья заряжены,
вот где наши жёны.

— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши детки?

— Наши детки — пули наши метки,
вот где наши детки.

— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши деды?

— Наши деды — славные победы,
вот где наши деды.

КИСЕЛЬ. Напра-во! Стой, ать-два! Воль-но... Легко вам, бабы, кудахтать о жизни, а вы попробуй — измени её! Вот в чём заковыка-то, вот в чём. Тыщи лет, как рыба об лёд бьёмся, и вот теперича, кажись, будет и на нашей улице праздник. Идут по земле нашей богатыри русские, молодцы удалые, и нету такой силы на свете, которую бы они одолеть не смогли!

ДЕД. А ну, давай нашенскую! *(Начинает петь.)*

Сибирская партизанская

Эх, да за горою раннею порою,
ох, да солнце красное встаёт,
эй, да за горою золотой тайгою
смело партизаны двинулись в поход.
Мы врага рубили, меткой пулей били,
крепко дрался грозный наш отряд,
кони наши быстры, сабли серебристы,
на фуражках ленты алые горят.
Эх, да нынче снова мы на бой готовы,
Нам Отчизна наша дорога,
помнят нашу славу сопки Ала-тау,
помнят Енисея берега.

Появляются подростки, среди них Витёк «верхом на коне».

ВИТЁК. На полки на белые, на дела их чёрные — гей, вперёд, вперёд, вперёд!

Под знамёна красные

Под знамёна красные, партизаны красные
гей, смелей, смелей вставай!
Грудью молодецкою за Сибирь советскую
гей, вперёд, вперёд шагай!
Ой, ты речка Оя, ох, гора ты Думная,
уцелеешь али нет, голова ты буйная?
Не рыдай ты, матушка, не грусти, зазнобушка,
гей, прощай, прости - прощай!
На полки на белые, на дела их чёрные
в путь-дорогу провожай!
Ой, ты речка Оя, ох, гора ты Думная,
уцелеешь али нет, голова ты буйная?

Под зна-мё-на крас - ны - е, пар - ти-за - ны крас - ны - е Гей, сме -

лей, сме - лей вста - вай! Эх! Грудь - ю мо - ло - дец - ко - ю

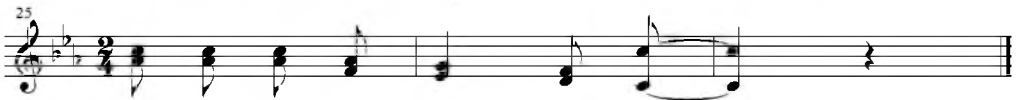
за Си-бирь со - вет - ску - ю гей, впе - ред, впе - ред ша-гай, впе -

ред Эх! ред ша - гай! Ой, ты, речка О - л,

ох, го - ра ты Дум - на - я. У - це - ле - ешь а - ли нет,

го - ло - ва ты буй - на - я?

Появляется батюшка.

БАТЮШКА. Покайтесь, грешные, не гневите бога!

ИВАН. На бога надейся, да сам не плошай. Ведь как было у нас: одни — заласканы, другие — кнутованы. С Всевышним за такой раздел мы несогласные.

БАТЮШКА. Всякая власть аще от бога.

ИВАН. Значится, и власть партизанская — також от бога. Свободны мы нынче выбирать себе власть, вот так-то, батюшка...

БАТЮШКА. Свобода с блудом бывает. Дай свободу слабым да не твёрдым — в блуде и крови погрязнут. Не ведаете, что творите — самого воеводу так не встречали, как партизанов-беззаконников.

ИВАН. Люди добрые, а про воеводу-то мы забыли! Аллилуйю — воеводе! *(Вылакивается огромная кукла, изображающая воеводу, вокруг которой устраивается хоровод.)*

Воевода — жирный кот

Воевода — жирный кот,
припеваючи живёт,
усы растит для красы
и мурлыкает в усы.

Вот усищи, так усы,
воеводины усы!

Размахнёт свои персты
на четыре на версты,
зыркнет баньками в народ,
что увидит, загребёт!

Ох, персты его, персты,
воеводины персты!

Воеводе на обед
приподносят сто котлет,
во два пуда осетра,
сладкой водки полведра!

Вот так брюхо, вот брюшко,
воеводино брюшко!

Воевода прихворал,
штой-то смурый сёдни встал.

Как возьмём за ручки белы,
как возьмём за ножки резвы,
по земле проволокём,
в Енисей-реку макнём.

Не достанет в речке дна —
пусть плывёт себе к хренам!

Во - е - во - да - жир - ный кот, при - пе - ва - ю - чи жи - вёт, у - сы рос - тит для кра - сы

и мур - лы - ка - ет ву - сы. Вот у - си - ши, так у - сы, во - е - во - ди - ны у - сы!

С хохотом куклу-воеводу волочат прочь, поддавая пинками и кулаками.

Песня Васьки Шушенского

Эх, как на тройке напролом
да промчалась улица!
Раздавила за углом
Поллитровку курица!

Ух, я родился в кабаке
непорочнозачатый
с поллитровкой в руке
и пьянящий начерто!

Ох, пей из луж честной народ!
В лужах всех шампанское!
Так лишь раз бывает в год
По указу царскому!

Эх, как на трой - ке на - про - лом да про - мча - лась у - ли - ца!

Раз - да - ви - ла за у - глом пол - лит - ров - ку ку - ри - ца!

Звучат частушки, отбиваются дробушечки, идёт перепляс. Народ ликует.

Пойду ли, выйду ль я,
пойду ли, выйду ль я,
пойду, выйду, выйду ль я ли,
пойду, выйду, выйду ль я ли,
пойду ли, сорву ль я ли,
сорву ли, вырву ль я ли,
сорву, вырву, вырву ль я ли,
сорву, вырву, вырву ль я ли,

Пой - дуль я. вый - дуль я, да, пой - дуль я. вый - дуль я, да, во дол, во до -

ли - нуш - ку. да, во дол, во ши - ро - ку - ю

Проснись-ка, дед,
погляди на свет,
нет царя и нет господ,
нынче правит сам народ!
Не легко рыбёшку удить —
всё с крючка срывается,
зипуны-то власть берут,
бархату не нравится!
Все овраги, косогоры

мы прошли, промерили,
все мы власти испытали,
в новую поверили,
все мы власти испытали,
в новую поверили.

В веселье взрослое влилось детское веселье. Любка, Пашика, Витёк и другие подростки входят в круг.

Ехала деревня мимо мужика,
вдруг из-под собаки лают ворота,
тпр-р — сказала лошадь,
и мужик заржал,
лошадь пошла в гости,
а мужик стоял.

ДЕВОЧКА.

Я не тяткина,
Я не мамкина,
я на улице росла,
меня курица снесла.

ВСЕ (*поют*).

Сибирский марш

По лесам, лесам дремучим да по болотам,
через реки, горы, всё вперёд, вперёд,
эх да, по земле нехоженой сибирской
шёл в мороз и зной отчаянный народ.
В молодых сердцах горячих кровь закипала,
не брала их стужа, смерть их не брала,
эх да, сквозь невзгоды, холод, голод, годы
всех одна мечта заветная звала.
Если ж вдруг беда-злодейка их настигала,
то никто, никто не хныкал, не роптал,
эх да, каждый только, затаивши горе,
как молитву, имя женское шептал.
Не шептал один упрямец женское имя —

всем смертям назло он всюду распевал:
«Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!
Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!»

По ле-сам, ле - сам дре-му-чим да по бо-ло-там, че-рез ре-ки. го - ры,

всё впе-рéd, впе-рéd, эх да, по зем-ле не - хо - же-ной си - бир - ской

шел в мо - роз и зной от - ча - ян - ный на - род.

СПИСОК ПЕСЕН

- «Слышно ль тебе, да Иванушка» (закличка) — р.н.п.
 «За рекой за быстрою» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Доверяться ль апрельскому солнышку» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Куплеты свахи» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Тяжело сынка родить» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Неделька» — слова Б. Терещенко, музыка народная.
 «Пойди, выйди, Степан-сударь» — р.н.п. (хоровод).
 «Ох, матушка, головушка болит» — р.н.п. (плясовая).
 «Как родная мать меня провожала» — слова Д.Бедного, музыка народная.
 «Эх ты, Ваня, разудала голова» — р.н.п.
 «Ночь темна-темнёшенька» — р.н.п.
 «Вот скрылось солнце за горою» — р.н.п.
 «Баллада о партизанах Щетинкина» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Как по реченьке плыла лодочка» — р.н.п.
 «Кабы были златы крылышки» — р.н.п.
 «Конь боевой с походным вьюком» — р.н.п.
 «Лелеяла мать, ублажала» — слова Б. Терещенко, музыка народная.
 «Как на рынке на базаре» — р.н.п.
 «Чарочка моя» — р.н.п.
 «На краю села хатёнка» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Солдатушки, бравы ребятушки» — р.н.п.
 «Сибирский марш» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
 «Сшей мне белое платье, мама» — автор неизвестен.
 «Колыбельная» — у.н.п. (перевод Б. Терещенко).
 «Песня Васьки Шушенского» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.

Дом культуры курорта "Озеро Шира"

—≡≡≡ **ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕАТР** —≡≡≡
«ЛУЧИНУШКА»

СЦЕНЫ
ИЗ
НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Художественный руководитель и режиссер — Борис Терещенко
Музыкальный руководитель — Валентина Терещенко

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Действующие лица:

НИКИТИЧНА — женщина средних лет.

НАТАША — её дочь.

ЛЕНА

НАСТЯ | — подруги Наташи.

ГАЛЯ

ЧЁРТИК.

ЧЁРТ-ХОЗЯИН.

ДОКТОР

ЦЫГАНКА

МЕДВЕДЬ | — ряженые.

БАБА-ЯГА

БАБЫ.

КОЛЯДОВЩИКИ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ.

Действие происходит в сибирском селе в новогодние праздники.

Комната. Русская печка, заслонка, ухват. Посреди комнаты — стол, за ним сундук, вдоль стен — лавки. Хозяйка хлопочет по дому. Праздничный напиток уже готов, вот и последняя бутылка наполнена, поставлена на стол «для дегустации».

НИКИТИЧНА. Ох, уморилась на праздник — до чёртиков... Ой! *(Закрывает рот.)* Не накликать бы нечистых... *(Садится за стол.)* Ноги гудят, как в трубе при выюге, а во рту с самого утра — ни росиночки. *(Уходит.)*

ЧЁРТИК *(появляясь, откуда ни возьмись, подсакивает к столу, нюхает содержимое бутылки.)* Хоросо — красота! Нигде нету луце! Хозяин доволен будет. *(Слышит шаги Никитичны, прячется в печку — гремит заслонка, падает кочерга.)*

НИКИТИЧНА *(возвращаясь с чаркой, с закуской, подозрительно косится на печь, подходит, ставит на место кочергу.)* Тьфу, ещё не пила, а уже — мерешится... *(Садится за стол, наливает чарочку, пьёт.)* Хорошо — красота! Продукция моя — два в двадцать второй степени... *(Пьёт, закусывает.)* Недаром горницу мою ни пеший не обойдёт, ни конный не объедет. *(Поёт, танцует.)*

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

Дым кругами — над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,
сколько б ни было силёнки,
закружится голова.

Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.

На кра - ю се - ла ха - тён - ка не ма - ла, не ве - ли - ка, в ней ве - дёт - ся

ра - бо - тён - ка не тяж - ка и не лег - ка. Чья ха - тён - ка, кто в ха - тён - ке И ка - ка - я

ра - бо - тён - ка? Мо - я ха - та с кра - ю, Ни - че - го не зна - ю.

Появляется дочь Никитичны.

НАТАША. Девчата не приходили?

НИКИТИЧНА. Мне только и остаётся твоих подруг караулить... Целый день — как белка в колесе. Сколько дел ишло по дому, а тебе всё — с подружками гулять.

НАТАША. Мы погадать хотели.

НИКИТИЧНА. Вот соберутся все бабы вечером, тогда и поворожим. *(Уходит.)*

НАТАША. А мы сами с усами. *(Греет руки у печки.)* А не погадать ли мне на селезня? *(Бьёт в ладоши, убегает за печку, выносит чашку с водой, две фигурки из воска: уточку и селезня.)* Плыви, моя утушка. *(Пускает воск на воду.)* Плыви, мой селезень. *(Пускает вторую фигурку.)* Селезень, мой селезень, распрекрасный

селезень, плыви к своей красавице! Чашечка и водица, расскажите, что со мною случится. (Поёт.)

Склонилась черёмушка над синей водой,
плыви, моя утушка, за быстрой водой.
От берега селезень навстречу плывёт,
быть может, волною к ней принесёт.

Скло - ни - лась че - рё - муш - ка над си -
ней во - дой, Плы - ви, мо - я у - туш - ка, за быст -
рой вол - ной. Плы - ви, мо - я у - туш - ка,
за быст - рой вол - ной. От

Во время гадания Наташи Чёртик сначала выглядывает, а потом и вылезает из печки, с любопытством наблюдая за девчонкой. Слышится стук в дверь, Чёртик исчезает в печке, гремя заслонкой, роняя кочергу на пол. Входят подружки, Наташа ставит кочергу к печке.

ПОДРУЖКИ. А вот и мы.

НАТАША. Где вас черти носят? Я уж иззаждалась вся.

ГАЛЯ. Так рано ещё гадать-то.

НАТАША. И вовсе не рано, солнце зашло давно.

НАСТЯ: Это чё у тебя?

НАТАША. Я с воском гадала на селезня: если с утушкой соединяется — к любви, если в разные стороны отходят — к разлуке.

ЛЕНА. Мы ж хотели с ожегом гадать.

НАТАША. Я палку обожжённую приготовила.

НАСТЯ. Так это ж страшно да и опасно, ведь к кладбищу надо идти.

НАТАША. И вовсе не обязательно, можно и здесь, у печки. *(Проводит магический круг по полу ожегом, обожжённой на конце палкой.)* Ну, всё, готово! Становитесь в круг.

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом.

НАТАША. Кто первый загадывает?

ЛЕНА. Я.

НАТАША. Закрой глаза и слушай, что в печи прислушаешь, то и будет. Тихо, девчонки! Ударь ожегом по заслонке.

ЛЕНА *(ударяет)*. Что причудится, то и сбудется. *(Высунувшийся из печи Чёртик целует её.)* Ой!

ВСЕ. Что с тобой?

ЛЕНА. Меня поцеловал кто-то...

ГАЛЯ. Не ври.

ЛЕНА. Девочки, вот ей-богу правда.

НАТАША. Кто следующий? Перемешаемся по кругу.

НАСТЯ. Я.

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом. *(Настя ударяет ожегом по заслонке, Чёртик гладит Настю хвостом.)*

НАСТЯ. Ой!

ВСЕ. Что с тобой?

НАСТЯ. Меня кто-то погладил... кажется.

ГАЛЯ. Моя, моя очередь! Поехали. *(Перемещаются по кругу.)*

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом...

ГАЛЯ *(ударяет ожегом по заслонке)*. Что причудится, то и сбудется... *(Чёртик касается и её щеки, оставляя чёрный след от сажи, и щекочет ей нос хвостом.)* Апчихи!

Ой! (Увидела чёрта.) Мама — чёрт! (Вскакивает с колен, за ней — все остальные, все замечают на лице у Нasti и Гали сажу, в панике с криками «Чёрт, чёрт, мама!» бегают туда, сюда, кто-то вскакивает на скамейку, на сундук, кто-то на стол.)

НИКИТИЧНА (появляясь). Чего верешите, как поросята резанные?

ВСЕ. Тётя Марья, мы чёрта видели!

НИКИТИЧНА. Доигрались, доворожились — до чёртиков!

ГАЛЯ. Правда, тётя Марья, я точно видела... с хвостом.

НИКИТИЧНА. Ох, вы... наказание моё, а ну все ко мне! Повторяйте за мной: мы — по за кругом, черти в кругу, мы по-за кругом, черти в кругу, мы по-за кругом, черти в кругу. (Все повторяют за ней.) Наташа, носи тряпку. (Быстро стирает магический круг.) Ну, вот, девчата, самим больше гадать — ни, ни, ступайте домой, а коли невтерпь судьбу свою девичью узнать, на подблюдные песни приходите, когда бабы соберутся, всё! Домой, домой! А ты, Наташенька, к батюшке ступай, пусть горенку очистит от нечисти, каравай отнеси, да круг кишок. (Оставаясь одна.) Зря я девчат одних оставила без присмотра, ворожба — дело не шутейное, иной раз такое приключится... (Обходит горницу, заглядывает в печь, ставит кочергу на место, уходит за печку, вскоре появляется с бутылкой и закуской, ставит на стол, наполняет чарочку, выпивает.) Охо-хо, напужали девчата до коллик, с утра в ногах можжало, теперича в животе крутит, а голова — будто чугуном налитая... батюшка одной бутылкой не утешится, надо вторую приготовить (Уходит.)

Открывается дверь, появляется батюшка, проходит поближе к столу.

ПОП. Кхе, кхе... Благослови, господи, хижину сию... (Никого нет, говорит громче.) Благослови, господи, хижину сию... (Ещё громче.) Благослови, господи, хижину сию.

НИКИТИЧНА (появляясь). Милости просим, батюшка, милости просим, проходите за стол, располагайтесь, отведайте, откушайте, что бог послал.

ПОП. Не богоугодное дело — питье алкоголя.

НИКИТИЧНА. Пьянство — известное дело, порок, а ради здоровья: то ли с мороза, то ли с устатку — вовсе не грех. Зелье моё на целебных травах настоящее, его и детям не вредно давать, ежели родимчик шибанёт, а ишшо от сглазу. (Наливает батюшке чарочку придвигает закуску.)

ПОП. Господи, вразуми мя, тварь неразумную, слабую, в добротe и благодати пребывающую к рабам Божиим. Аз хвалу богу воздав, вопрошаю тя, дочь, истину ли глаголишь?

НИКИТИЧНА. Истину, истину, батюшка. (Подает чарку.)

ПОП. В земной юдоли, господи, помилуй мя. *(Пьёт, Никитична наливает снова.)*
 Воззри, отче наш, и простри невидимую длань свою на головы наши. *(Пьёт.)*

НИКИТИЧНА. Воззри, отче наш, и прости нас грешных. *(Наливает ещё чарку.)*
 Батюшка, не откажите освятить горенку, девчатам давеча в ней нечистая сила при-
 виделась. *(Подает чарку.)*

ПОП *(пьёт)*. Жития миру осталось три лета и три дни. Текут реки крови же-
 сточае, кипит море слёз разливанное — встал Каин на Авеля... Господи, помилуй,
 господи, помилуй...

НИКИТИЧНА. Угошшайтесь, батюшка, сами, да закусывайте, *(наливает ещё)*, а
 мне со скотиной ишшо управиться надобно *(уходит)*. *(Приняв ещё чарочку, батюш-
 ка отяжелел, появляется Чёртик из печи.)*

ПОП. Ты ... к ...то?

Чёртик приставил пальцы к губам: «Тс-с-с!».

ПОП. Сгинь ... *(Икает, пробует креститься.)*

ЧЁРТИК. Низзя — хозяин не любит! *(Показывает на крест.)* Спрячь — хозяин
 не любит. *(Показывает на поповский головной убор.)* Сними — хозяин не любит.
(Подходит к печке.) Мозно, Хозяин.

Прыгая откуда-то сверху, приземляется возле печки Чёрт-Хозяин.

Батюшка вместо одного чёрта — видит двоих.

ПОП. Вы... к...то?

*Чёрт-Хозяин ходит на четвереньках с прямыми ногами взад-вперёд, Чёртик в
 словах и в пантомиме излагает чертовское кредо.*

Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
 накося-выкуси — это наш девиз.

Пусть вверх дном — всё, всё
 головою вниз, вниз — это хоросо!

Пусть царит ночь-темнота,
 пусть маячит всем маята,
 это красота!

Пакости выпусти, отрави всем жизнь,

накося-выкуси — это наш девиз.
Пусть кошмарный сон, сон
одолеет всех, всех — это хорошо!
Пусть сразит всех срамота,
пусть идёт слепота, глухота,
это красота!
Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.

ПОП. Пошли вон... обое.

ЧЁРТИК. Не командуй, батюшка, ты не у себя дома.

ПОП. Весь белый свет — мой дом, а ваше место — в преисподней.

ЧЁРТИК. Век человеческий не вечен, батюшка, рано или поздно и тебе с этого света на тот отправляться придётся, так что друзья и здесь, и там нужны.

ПОП. Гусь свинье — не товарищ.

ЧЁРТИК. Правда твоя, батюшка, и всё ж не будь тяпкой: всё себе и себе, будь пилой: раз — себе, раз другим. Двинься, двинься, двинься. *(Усаживает за стол рядом с батюшкой Чёрта-Хозяина, наливает шефу, тот пьёт.)* А теперь твой черёд, батюшка. *(Наливает попу.)*

ПОП *(колеблется)*. А по мне — будь ты рогатый, будь ты хвостатый, лишь бы в мои дела не лез. *(Пьёт.)*

ЧЁРТИК. Правда твоя, батюшка, будь ты с рясой, будь с волосами, иди своей дорогой. *(Усаживаясь рядом с Чёртом-Хозяином, сталкивает батюшку со скамьи.)* На троих нам не хватит. *(Наливает шефу две рюмки подряд, остальное выпивает сам из горлышка бутылки.)* Хорошо — красота! *(Поют гнусаво.)*

Шумел камыш, деревьягнулись,
а ночка тёмная была,
одна возлюбленная пара
всю ночь гуляла до утра.

В горницу гурьбой вваливаются бабы вместе с Никитичной, продолжается песня уже в их исполнении.

Одна возлюбленная пара
всю ночь гуляла до утра.

При шуме входящих Чёрт-Хозяин исчезает за печкой, Чёртик прячется под стол. С одной стороны стола торчит хвост, с другой — ряса.

НИКИТИЧНА. Вот и управились, бабоньки, можно и отдохнуть, праздник нынче большой, не хуже других справим. Располагайтесь, бабоньки, как дома, а я самовар налажу.

Женщины стали рассаживаться, кто-то, проходя мимо стола, наступил на хвост, кто-то — на рясу.

СОСЕДКА. Ой, что это? *(Потянула за хвост — послышалось кошачье «Мяу!».)*

МОЛОДКА. Свят, свят, свят! *(Потянула за рясу, послышалась возня под столом, отодвинули стол — увидели батюшку.)*

ПОП. Изыди, сатано!

Все дружно стали поднимать батюшку, поправлять поповскую экипировку.

ПОП. Жития-то миру осталось три лета и три дни... Текут реки крови жесточае, кипит море слёз разлитое — встал Каин на Авеля... Господи помилуй, Господи помилуй...

Батюшку уводят, Чёртик сам исчезает за печкой, бабы хороводя змейкой, поют.

В бане черти табак толкли,
 угорели, под полоч легли.
 Калинка, малинка моя,
 в саду ягода-малинка моя.
 Мимо баенки поп проходил,
 он кадилом своим всё кадил.
 Калинка, малинка моя,
 в саду ягода-малинка моя.
 Он на баенку поглядыват
 да всё кадилом помахиват.
 Калинка, малинка моя,
 в саду ягода-малинка моя.
 Захотелось батюшке
 на полочке попариться,

на полочке попариться,
под полочком пошариться.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
Только черти не выдержали,
его сажую вымазали.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
И с тех пор наш батюшка
на полочке не парится,
на полочке не парится,
под полочком не шарится.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.

В ба - не чер - ти та - бак толк - ли, у - го - ре - ли, под по - лок лег - ли.

Ка - лин - ка, ма - лин - ка мо - я, в са - ду я - го - да - ма - лин - ка мо - я.

Наташа приводит подруг, чтобы поучаствовать в подблюдных гаданиях.

НИКИТИЧНА. А вот и будущие невесты пришли, невтерпь выведать про свою долю девичью.

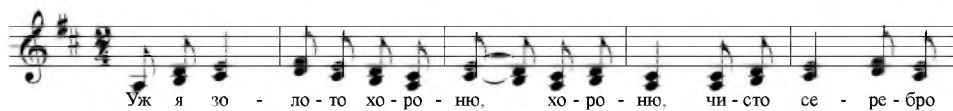
ЛЕНА. Чему быть, тому не миновать.

НАСТЯ. Мы — как все.

НИКИТИЧНА. Готовьте свои перстни, девчата, а ты, Наташенька, носи блюдо да платок. Запевайте, бабоньки.

Женщины поют, Наташа с платком исполняет пантомиму-танец.

Уж я золото хороню, хороню,
 чисто серебро прихораниваю,
 я у батюшки в терему, в терему,
 я у матушки в светлой горнице,
 Пал-упал перстенёк в малину-ягоду,
 да в чёрную ягоду смородину,
 да в калину горькую,
 в земляничку алую.
 Очутился перстенёк да у добра молодца
 на правой руке.
 Погадай-ка, девица, в косяй ручке былица?
 Вы, подруженьки, вы голубушки,
 без утайки мне расскажите-ка.
 моё золото вы отдайте-ка,
 Меня матушка ругать будет, бить будет
 по три утра по четыре,
 по три прутика златые,
 по четыре да жемчужные.

16

пер-сте-нёк вма - ли - ну - я - го - ду, в чёр-ну я - го - ду смо - ро - ди - ну,

22

да в ка-ли-ну горь - ку - ю, в зем-ля-нич-ку а - лу-ю, о - чу-тил-ся

28

пер-сте-нёк да у доб-ра мо-лод-ца на пра-вой ру - ке.

33

По-га-дай - ка, дев - ница, в ко-ей руч-ке бы-ли-ца? Вы, под-ру -

38

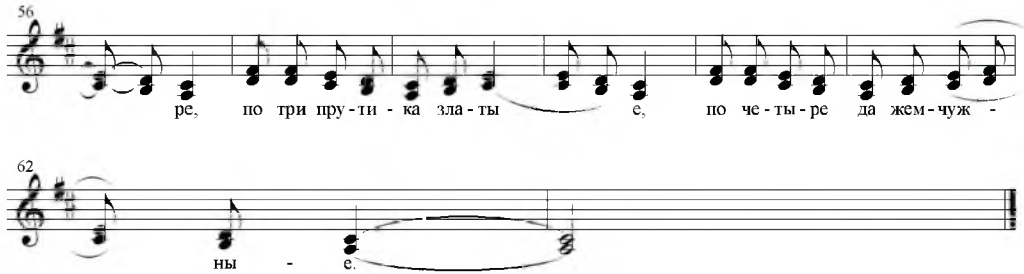
жень-ки, вы го-лу - буш-ки, без у-тай-ки мне рас-ска - жи - те -

44

ка, мо - ё зе-ло - то вы от - дай - те - ка, ме - ня ма-туш-ка ру -

50

гать бу - дет, бить бу - дет по три ут - ра по че - ты -

Во время исполнения песни девочки кидают свои кольца в блюдо, после чего Наташа, танцующая с платком, накрывает им блюдо. Запевает подблюдные песни Никитична, ей вторят все участницы гадания.

НИКИТИЧНА. Гадай, гадай, девица,
в коей ручке былица.
Былица — в золоте, жемчуге, серебре.
С молодцем повяжешься,
поживёшь, изведаеть —
с горя не наплачешься.
Ещё ныне у нас да страшные вечера,
да васильевские, илею, илею.
Мы не песню поём —
хлебу честь отдаём.
Илею, илею, илею, илею.
Хлебу да соли долог век,
Слава, слава.
Любви да счастьем долог век.
Слава, слава, слава!
Кому песню поём,
Тому сбудется, не минуется.
Илею, илею.

Е - щё ны - не - с у нас да страш - ны - с вс - че - ра, но - во - год -
ни - с, и - ле - ю, и - ле - ю; мы не псс - ню по - ём - хлс - бу честь
от - да - ём, и - ле - ю, и - ле - ю. Хлс - бу да со - ли до - лог
вск. Сла - ва, сла - ва, люб - ви да счас - ть - ю до - лог вск,
Сла - ва, сла - ва, сла - ва! Ко - му псс - ню по - ём, То - му сб
дет - ся, не ми - ну - - - ет - ся. И - ле - ю, и - ле - ю.

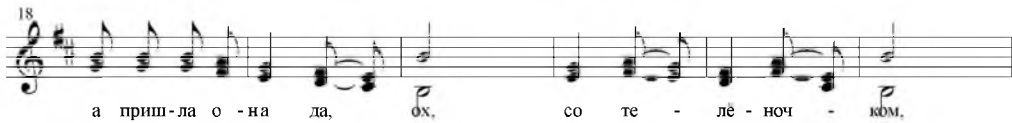
НИКИТИЧНА (вынимает из блюда под платком кольцо). Чьё кольцо?

НАТАША (берёт). Моё.

НИКИТИЧНА (запевает).

Пошла наша коровушка
да в лес по дрова, илею, илею.

Думали, коровушка дров принесёт,
 илею, илею,
 а пришла она да, ох, со телёночком,
 илею, илею.
 Кому песню поём, тому сбудется, не минуется,
 илею, илею, илею, илею.

НИКИТИЧНА. Чьё кольцо?

ЛЕНА. Моё (*Берёт.*)

НИКИТИЧНА (*запевает*).

Ох, в печурочке да две чурочки да,
ох, не куреются, ох, да не дымяются.
Да кому споём, тому скажется,
Тому сбудется, не минется.

НИКИТИЧНА. Чьё кольцо?

ДАША. Это моё. (*Забирает.*)

НИКИТИЧНА (*запевает*).

В бане ледок, возле баенки ледок,
а вокруг — холодок.
Кому поём, тому с добром,
тому сбудется, не минется.

НИКИТИЧНА. Чьё это кольцо?

ГАЛЯ: Моё. *(Берёт.)*

За окном слышится детская щедровка.

Щедровала, щедровала, под оконце подбегала.
 Что ты, тётя, напекла, что для нас ты припасла?
 Подавай нам поскорей, не морозь, не мучь детей.
 Наши чоботки худые — наши ножки зябнут,
 а платочки тоненьки — наши ушки зябнут,
 а кафтан-то короток — колядовщик весь продрог.

НИКИТИЧНА (*приглашая детей в дом*). Проходите, мои воробушки, в горницу, отогревайтесь, мои маленькие.

ДЕТИ (*рассеивая зерно*).

Сею, сею, посеваю, с Новым Годом поздравляю,
со скотом, с животом и с пшеничкой, и с овсом.

Уродись, пшеничка, просо, чечевичка,
на поле копнами, на столе блинами.

Ты хозяин-мужичок, полезай в сундучок,
подавай пяточок

нам на орешки, вам на потешки.

С Новым Годом, хозяин и хозяйюшка!

Музыкальная запись песни. Первая строка: мелодия в нотном стане с ритмом 2/4. Под ней текст: Се - ю. се - ю, по - се - ва - ю, с Но - вым Го - дом поз - дра - вля - ю, со ско - том, с жи - во - том и с пше - нич - кой, и - с ов - сом.

НИКИТИЧНА. С новым счастьем, угощайтесь, мои воробушки, к печке проходите, грейтесь. (*Угощает, самых маленьких подсаживает на печку.*)

В доме появляются колядовщики более старшего возраста.

Овсень, овсень, завтра новый день,
овсень, овсень, как за речкою,
овсень, овсень, как за быстрою,
овсень, овсень, люди там богатые
деньгу гребут лопатою,
не дадите пирога — мы корову за рога,
не дадите пышку — свинку за лодыжку,
не дадите хлеба — стащим с печи деда,
не дадите лапку — стащим с печи бабку.

Никитична угощает всех.

В дом приходят юноши и девушки со своими колядками.

Как у тётушки, как у Марьюшки,
таусень, таусень, стоит дров костёр, стоит дров костёр,
таусень, таусень, а зачем эти дрова, а зачем эти дрова?
Таусень, таусень, чтобы печку топить, чтобы пиво варить,
таусень, таусень, чтобы пиво варить, Ваню с Марьюшкой женить,
таусень, таусень, Ваню с Марьюшкой женить, тётку Марью перменить,
таусень, таусень, ей на печке лежать, ноги кверху держать;
таусень, таусень, не держите у порога, одарите серебром,
таусень, таусень, с Новым Годом, хозяин и хозяйшка.

сто-ит дров кос - тёр. сто-ит дров кос - тёр. Та - у - сень, та - у - сень.

а за - чем э - ти дро-ва, а за - чем э - ти дро - ва? Та - у - сень, та - у - сень

Не успела хозяйка одарить колядовщиков, в горнице один за одним появляются ряженые.

ДОКТОР. Слышу стон шальной, где тут больной? Не стонать, не кричать, смирно до самой смерти стоять! Я знаменитый доктор-лекарь из-под каменного моста аптекарь, талантом редким владею — лечить умею: кто ко мне на ногах является, тот от меня на дровнях возвращается. Ты больной? Как живёшь? Хорошо ли хвораешь? Рассказывай весть про свою болель. Где болит, что недужит, изнутри аль снаружи?

БОЛЬНОЙ. Вот здесь — промеж лопаток, около подложечки, пониже пяток, повыше лодыжечки.

ДОКТОР. Чего мелешь, как в лихорадке, встань да укажи.

БОЛЬНОЙ. Встать — силушки нет, затянулась болельнь на сорок лет.

БАБЫ (*запричитали, завьили, зависли на докторе*). Доктор, спасай больного, он же ничего в рот не берёт хмельного, совсем с ума спятил; вылечи, доктор, мы тебе отплатим, жилиться не станем, отдубасим и отквасим, живого места на тебе не оставим.

ДОКТОР. Ужо постой, я тебя вылечу! (*Бьёт молоточком по ноге.*) Вот видишь, угодил по диагнозу — запрыгало колено, а сейчас и сам вскочишь — от берёзового полена.

БОЛЬНОЙ. Нет, нет, мне не надо докторов, я уже совсем здоров! (*Вскакивает.*)

Появляется цыганка с медведем.

ЦЫГАНКА. Здравствуйте, землячки, бабы и мужички, старики и молодёжь, детвора и холостёжь. Всем от Миши поклон низкий, хоча он вам и не родствен-

ник близкий, зато и в ведро и в ненастье он приносит людям счастье. Коли дамочка своей ручкой к Мише прикоснется, то счастье ей улыбнется, а коли девка, то без всякого сраму превратится скорёхонько в даму, ежели вдова дотронется, то будет очинно отлично — замуж выйдет вторично, а ежели женатый мужчина, то останется молодчиной: ему глаз жены не будет страшным, жена никогда не дознается про его любовные шашни; ежели купец до Миши коснется, ещё больше вширь расплзётся; хотите счастья навверняка, не жалейте пятака. Купи, барышня, мишину шерстинку, это для всех дам — суперновинка, кто ею помажется, красавицей окажется. *(Продаёт шерстинку, намазанную сажеей.)* Делай, как Миша покажет. *(Миша прикасается лапой к морде своей, барышня мажет шерстинкой своё лицо, которое от сажи чернеет.)* Мы с Мишей бывали в Италии и даже далее, бывали и в Париже и конечно ближе, всего навидались, всему научились, а если деньги от вас получим, то и всех научим. Мишенька, покажи девкам и молодкам французскую походку. *(Медведь косолапит, виляя задом.)* А теперь, Миша, покажи, как барин девок любит. *(Медведь гоняется за девками, пытаясь обнять.)*

Появляется Баба-яга.

БАБА-ЯГА. Меня, я вижу, не ждали, ребятишками жареными не пахнет, ужо я вам покажу, вы у меня запляшете. *(Поёт куплеты, пляшет.)*

А я Баба-яга, костяная нога, ха-ха, хи-хи, хе,
 много лет я живу и детишек жую, ха-ха, хи-хи, хе,
 непослушных ребят жарю, как поросят, ха-ха, хи-хи, хе,
 драчунов и лгунов ем я вместо блинов, ха-ха, хи-хи, хе,
 всех, кто двойки схватил, я сумею найти, ха-ха, хи-хи, хе,
 нужно многих мне съесть, нету времени присесть, ха-ха, хи-хи, хе.

ЦЫГАНКА *(обхаживает Бабу-ягу)*. Вай, вай, красавица, ты не можешь не нравиться, покажись, повернись и по горнице пройдишь, настоящая мисс-года, одетая по супермоду. Кстати, высокая порода угадывается и по стати, и по морде. А коли ты красавица такая, то мы с Мишей тебе погадаем. *(Собрались за столом, цыганка раскладывает карты.)* Вай, вай, какая удача, четыре туза и тref-король в придачу! Видишь, красавица, спешит к тебе тref-король на свиданьице, позолоти Мише лапу, красавица, иначе гадание сглазится.

БАБА-ЯГА. Пожалуй, я убегу, простить себе не могу, окрутили, одурачили, слова мои переначили, не мыслилось, не гадалось, супердурой оказалась, чёрт бы меня побрал!

Из-за печки появляется Чёрт, который обхаживает Бабу-ягу.

Отказала мне два раза,
не хочу, сказала ты,
вот какая ты зараза,
дамочка моей мечты.

БАБА-ЯГА. Я любила чёрта, обожала чёрта я, у него ж у чёрта я уже четвёртая.
ЦЫГАНКА. А ну-ка, Мишенька, тряхни стариной, покажи, как пляшут на Руси!
Миша, Миша дорогой, разреши сплясать с тобой барыню, барыню, сударыню-барыню.

Звучит музыка, все пляшут и поют.

Рассыпья, горох, с грядки на грядку,
шире круг, народ, я иду впрысядку.

Не сама пляшу, меня черти носят,
Маленьки бесятки поднимают пятки.

Вы послушайте, девчата, небылицы буду петь,
на дубу свинья пасётся, в бане парится медведь.

На трубе сидит корова, громким голосом ревёт,
во хлеву скрипит телега, никто замуж не берёт.

Самогонка, самогонка, я ж тебя варила,
отчего ты, самогонка, с ног меня свалила.

Как-то шёл я вечерком, пел частушки с матерком,
их по всей моей деревне разносило ветерком.

Сарафан мой, сарафан, огненные маки,
пятый раз из-за меня на деревне драки.

Ягодинка просит руку, я дала да левую,
он ещё не догадался, что измену делаю.

Про меня чего сказали, хоть в окошко не гляди,
удивительные люди, как и выдумать могли.

Не звони ты серебром, звонкою монетою,
не прельстишь своим добром, чепухою этою.

И ночь сыра, и трава в росе,
И спать пора, и частушки все!

ЦЫГАНКА. А теперь, Мишенька, пришёл черёд гостей потчевать, угости-ка
каждого да пошедрее, чтобы всем стало ещё веселее.

Шай, шай, шай, шай, опа-па-па, шай, шай, шай, шай, опа-па-па,
три доли, доли, раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.
Цыган дома трубку курит, а цыганка людей дурит,
три доли, доли, раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.

*Появляется медведь с огромным берёзовым дрыном и разгоняет всех.
Цыганка всё содержимое сундука перекладывает в свою юбку.*

ЦЫГАНКА. Уходим, Миша, пошевеливайся быстрее, нам ещё во многих местах
надо побывать.

Цыган дома трубку курит, а цыганка людей дурит,
три доли, доли, раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.

СПИСОК ПЕСЕН

- «На краю села хатёнка» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.
«Склонилась черёмушка» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.
«В бане черти табак толкли» — р.н.п.
«Уж я золото хороню, хороню» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ещё ныне у нас» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Пошла наша коровушка» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ох, в печурке» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«В бане ледок» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Щедрвала» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Сею, сею, посеваю» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Овсень, овсень» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Как у тётушки» — муз. В. Терещенко, слова народные.

Цвет папоротника

Фольк-опера

Действующие лица:

НИКИТИЧНА — хозяйка.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.

ЛЕНА
НАСТЯ | — подростки.
ДАША |
ЯША |

ЧЁРТ.

ЯГИБИХА.

МЕДВЕДЬ.

РУСАЛКИ.

СЕЛЬЧАНЕ.

Действие происходит в сибирском селе на Купальские праздники.

Картина первая

Лесная поляна вблизи водного источника. Причудливые деревья вокруг. За ними угадывается второй план, отгороженный полупрозрачным занавесом с листвой. Женщины и девушки разного возраста отмечают летние святки.

Хор.

Ой, да на Купалу, ой, да на Купалу
 папоротник цветёт.
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Для всех клады свои
 открывает он,
 Диво дивное Лелю, Ладо моё!
 Диво дивное Лелю, Ладо моё!
 Возжигает на любовь
 сердца девичьи.
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
 Зарождались на Купалу
 да три ведьмы, ту-ту-ту.
 Ведьма первая
 законы разлагает, то-то,
 а вторая-то коров-то
 заклинает, то-то,
 ну, а третья ведьма
 кости-то ломает, то-то.
 А мы первую-то ведьму
 в землю по уши — ту-ту,
 а вторую-то
 по плечи — ту-ту-ту,
 ну, а третью-то по пояс - ту-ту-ту!

Ой, да на Ку - па - лу, ой, да на Ку - па - лу па - по - рот -
ник цве - тет. ди - во диво Ле - лю, Ла - до мо - ё!
Для всех кла - ды сво - и от - кры - ва - ет он, ди - во диво Ле - лю,
Ла - до мо - ё! Воз - жи - га - ет на лю - бовь Сер - дца де - вичь - и.
ди - во диво Ле - лю, Ла - до мо - ё! ра - рок - ла - лись на Ку - па - лу
да три ведь - мы, ту - ту - ту. Ведь - ма пер - ва - я За - ко - ны раз - ла - га -
ет, то - то, а вто - ра - я - то ко - ров - то за - кли - на - ет,

Взрослые уходят, на поляне остаются подростки.

Хор.

А нынче, девочки, Купало,
 а нынче, девочки, Купало,
 а кто, что сделал, то пропало,
 а кто, что сделал, то пропало.
 А на Купалу расцветают
 цветы для девичьих гаданий,
 а на Купалу расцветают
 цветы для девичьих гаданий.
 Скажите, цветики лесные,
 скажите, цветики лесные,
 что ждет девчонку молодую,
 что жлет левчонку молодую?

НАСТЯ. Гляньте, подруженьки, на цветок знатный, и синева в нём, и желтизна.

ЛЕНА. Это Иван да Марья, цветок любви и печали.

НАСТЯ. Почему?

ЛЕНА. Да потому. *(Запевает.)*

На Купалу утром рано
вспомним Марьюшку с Иваном,
будем в поле травы рвать,
сестру с братом поминать.
Брат женился на сестрице,
на родне нельзя жениться,
загубил их тот порок —
превратились в цветок.
На братульке — синий цвет,
на сестрице — жёлтый цвет.
Ох, горька же та травица,
цветком стали брат с сестрицей.

НАСТЯ. Девочки, не надо о печальном, мне грустно.

ЛЕНА. Тогда поищи себе другой цветок.

ДАША. А у меня — Кошачья дрёма, поцелуй меня Ерёма!

Откуда ни возьмись появляется парень, он и целует девушку.

ДАША. Ты чо, сбесился что ли?

ЯША. Так ты ж сама сказала: поцелуй меня, Ерёма.

ДАША. Так ты ж, так ты ж... Это же присказка такая, да и не тебе сказано.

ЯША. Откуда мне знать...

ЛЕНА. А давайте — по закону играть: угадаешь цветок — поцелуй разрешается.

ЯША. По запаху что ли?

ЛЕНА. По аромату. Закрой глаза, да не подглядывай. Какой у меня цветок?

ЯША (*нюхает*). Фиалка.

ЛЕНА. А вот и нет!

НАСТЯ. Закрой глаза. Какой цветок?

ЯША (*нюхает*). Полынь! (*Целует Настю.*)

ЛЕНА. Незаконно так! Полынь хоть кто отгадает.

МАША. Закрой глаз. Какой цветок?

ЯША. Что-то колючее...

МАША (*рассмеялась*). Не отгадал, не отгадал. Рожь это.

ЯША. Я же сказал: колючее.

МАША. Ёжик колючий.

ЛЕНА. А давайте в Ящера играть!

ГОЛОСА. В Ящера, в Ящера!

ЛЕНА. Яша, будешь Ящером. Вот — платок, будто мантия царская. Восседай, царь Ящер, на троне, а мы хоровод поведём вокруг тебя. Ящер должен выбрать себе невесту — самую красивую... Настя, куда же ты? Девчата, все — в круг, начали.

Хор.

Сиди, сиди, Ящер, в ореховом кусте,

грызи, грызи, Ящер, калёные ядра.

— Кто сидит?

— Ящер.

— Что грызёт?

— Ядра.

Полно тебе, Ящер, сидеть и дремать,

лови себе, Ящер, кого тебе надо.

Лови себе девку за русую косу,

ладушку-ладу, ладушку-ладу.

Лови себе красну за алую ленту,

ладушку-ладу, ладушку-ладу.

«Ящер» из хоровода выхватывает Настю.

Выбрал Ящер Настю, выбрал Ящер красну,

целуй Настю, Ящер, целуй, сколько можешь

Си - ди, си - ди Я - щер, во - ре - хо - вом кус - те, Гры - зи, гры - зи,
6 Я - щер, ка - ле - ны - е яд - ра. Вы - брал Я - щер
11 лев - ку, вы - брал Я - щер крас - ну, це - луй лев - ку Я - щер це - луй, сколь - ко
17 мо - жешь. Вы - брал Я - щер выб - рал не мо - ю под - руж - ку, выб - рал се - бе
23 Я - щер ря - бу ку - куш - ку. Ввы - бо - ре Я - щер про - га - дал не -
29 множ - ко. вы - брал се - бе Я - щер. фи! Чер - ну - ю кош - ку!

Яша целует Настю.

ЛЕНА.

Выбрал Ящер, выбрал не мою подружку,
выбрал себе Ящер рябую кукушку.

В выборе Ящер прогадал немножко,
выбрал себе Ящер фи, чёрную кошку!

Девчата разбегаются, Яша пытается схватить оскорбившую его Лену, она умудряется вырвать волос у него.

ЯША. Ты чего за волосы дёргаешь? Больно ведь.

ЛЕНА. А почему ты Настю выбрал?

ЯША. Так нравится ведь...

ЛЕНА. Ах так, ну и уматывай к ней. *(Толкает парня в спину.)* Подумаешь, красавицу заимел. Я, может, в сто раз лучше её. *(Поёт.)*

Уж я ли не красива, уж я ли не умна?

Глаза — как небо синее, как сосенка стройна!

Пускай говорят, что я, говорят,
весной, говорят, влюбилася.

Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.

Уж я ли не способна походкою завлечь,
и реченьке подобна, журчит девичья речь.

Пускай говорят, что я, говорят,
весной. говорят, влюбилася.

Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.

Всё к солнцу устремилось, чтоб звонче прогреметь,
уж мне ли не судилось дружка, как солнце, греть.

Пускай говорят, что я, говорят,
Весной, говорят, влюбилася.

Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.

на? Гла - за - как не - - - бо си - ни - е, как со - сен - ка строй -

на! Пус - кай го - во - рят, что я, го - во - рят, вес - ной, го - во -

рят, влю - би - ла - ся. Сне - га в го - рах рас -

та - я - ли, дож - ди сне - бес про - ли - ли - ся.

ЛЕНА. А вот и нужный цветочек — Кукушкины слёзки. *(Вырывает с корнем цветочек.)* В корне этого цветочка — великая сила. Мы ещё поглядим, кто под чью дудку запляшет... Кукушка, кукушка, по кому будешь лить слёзки свои? По тому, чей волос у меня в руке! *(Оглядывается, шепчет заговор.)* К тебе, Ярило, слово моё: пускай войдёт моя присуха в Яшино сердце, в тело его белое, в печень чёрную, в срединную жилу, в самую любовную кость. Пускай присуха сожигает сердце его ретивое, вскипчивает кровь горячую, да так, чтобы не можно было б ни в питье её залить, ни в еде её заесть, ни сном заспать, ни гульбой загулять. Ты теперь мой, Яшенька! Так пусть же разгорится сердце твоё и тело твоё, и душа твоя — до меня и до тела до моего, и до виду до моего. Моё желание неостановимо, моё слово нерушимо, как хочу, так и будет, что сказано, то и сбудется. *(Уходя поёт.)* А нынче, девочки, Купало, а нынче, девочки, Купало, а кто что сделал, то пропало, а кто что сделал, то пропало.

Картина вторая

На поляне, пятась, появляется мужик в шапке, в лаптях, с котомкой, зацепившись за корягу, падает.

ЕВЛАМПИЙ. А чёрт! Ой-ё-ёй! Чо я расчертыхался — нельзя ведь: нынче вся нечистая сила повылазила из обиталищ своих, штобы цвет папоротника заиметь... А меня чо сюда принесло? Не хотел ведь, не хотел — вдруг подняло, одело, обуло и — понесло. В сапогах вроде сподручнее в лесу, а я вот лапти отыскал (тихо); сказывают, один мужик цвет папоротника лаптями загрёб; искал корову, пропавшую в ночь на Купалу, забрёл в лес, ан глядь — в лаптях штой-то возгорелось да так, што аж искры из глаз! А мужичонка, видать, непутёвый оказался, нет, штобы папоротниковый цвет за шшоку сунуть и невидимкой сделаться, клады заиметь, разжиться, генералом стать, так он на радостях возьми и напейся до беспамятства, сдуру, конечно, а нечистая сила его папоротниковый цвет без всякого препятствия и утащила вместе с лаптями! Эхе-хе! Пьяница, он и есть пьяница. Я — другое дело, выпивать выпиваю, но с умом; зря меня Никитична, супружница моя, алкоголиком величает, с глаз меня не отпускает — ни на шаг: обожает очень. Вот и сегодня, с самого утра за мною ходит — учуяла, што я затеял штой-то (*смеётся*); но какой бы я мужик был, если от бабы сбежать не смог? Баба, она и есть баба, а нечисть — нечистью. Штой-то жутковато становится. Што правда, то правда — быть в лесу на Купалу — рыск, конечно, преогромный, нечисть лесная по добру по здорову сокровишша свои не уступит, так ведь и я — не лыком шит, не гляди, што в лаптях... Вот на кой хрен, спрашивается, я летом зимнюю шапку надел? Э-э... Тут рашшёт тонкий — под зимней шапкой волосся на голове от страху ни в жисть не подымутся... И чо я сам с собою, как лешак, разбеседовался? Жуть — жутью, но беда одинокого в лесу в том, что поговорить не с кем. Как тут не вспомнить о подружке моей верной. (*Вынимает бутылку, отхлебывает, ставит перед собой.*) Ну, вот ответь, разлюбезная моя, почему нас с тобой не величают, а наоборот поносят всяко самыми распаскуднейшими словами? Взять хоша бы супружницу мою, нет, штобы сесть рядком да поговорить ладком, да выпытать у мужика, о чём, мол, тебе, Евлампущка, мыслится, чего тебе, лапушка, желается, так нет же — сходу, с разгону налетит, ах ты сякой-такой, растудытвою мать: и сел не так, и встал не эдак, а уж не дай бог сделаешь чего или смастеришь — живьём загрызёт. Ну, не Магомет я, не князь, не генерал, но ведь человек же! (*Сбивает бутылку, подхватывает, ставит, пытается высербать пролитое, а тут ещё зов: «Евлампий!».* Приходится вмиг исчезнуть.)

Появляется Никитична.

НИКИТИЧНА. Евлампущка! Чует моё сердечко здесь он. (*Принюхивается.*) Давеча тут-ка был. (*Становится на четвереньки, нюхает.*) Мало ему, египетская сила,

хлебать самогон с утра до вечера, так ведь ишшо и прольёт, проклятушший, не успевашь запасться — всё, как в прорву летит, чёрт бы его побрал! *(Закрывает от страха рот.)* Ой-ёй! Низзя чертыхаться ведь, сёдни тем более, как бы беду не накликать. Евлампий! Да где же тебя египетская сила носит? Ой, горюшко мне с тобою... Одно только и остаётся: зелья накопать да дождевых червей, да настоять на водке, да выпить дать окаянному — может, и отвратит его от проклятушшей. *(Уходит.)*

Появляется Чёрт, обегает поляну, замечает куст папоротника, с восторгом скачет на ветке.

ЧЁРТ. Нету... Нету... Насол! Папоротник насол! Мой будет! *(Закладывает веткой.)* Спрячу, чтоб никто не насол... Вот вам, вот вам, насося выкуси! *(Исчезает.)*

Из бурелома вылезает Ягибиха, хихикает.

ЯГИБИХА. Хи-хи-хи-хи... Пронырливый чертяка, но дурак. Папоротниковый куст веткой прикрыл... А мы эту веточку чёртову — к чертям, а сами папоротник — мхом, мхом закидаем. *(Становится задом к папоротникову кусту и закидывает его через ноги мхом.)* Ягибиху на мякине не проведёшь, я сама, кого хошь, околпачу, окручу, одурачу, закручу. *(Закружилась, исчезла.)*

Возвращается Евлампий, озирается, приглядывается.

ЕВЛАМПИЙ. Вроде шебуршился кто... Уж не моя ли благоверная нашла на след мой? Увязалась за мной — еле-еле оторвался от хвоста. Ну, какой из бабы сышшик? В нашем деле главное — от бабы отвязаться, а с нечистью лесной уж как-нибудь управимся. *(Замечает куст папоротника.)* Растудытвою ядрёна мать! Какая-то тетеря папоротник мхом замаскировала! Возжелала меня, Евлампия Силыча, вокруг пальца обвести. Я те обведу, я те покажу, с кем дело имеешь... Да стоит мне верное слово сказать да магический круг вычертить — никто через него не сунется, никакая нечисть не подберётся. *(Вычерчивает магический круг.)* Тут-ка и останусь до полуночи, пока папоротниковый цвет не возгорится. Однако ж зарок надобно для верности дать: не чертыхаться, не матюгаться, не оглядываться, не напиваться. Всё! *(Пытается залечь поудобнее, но вскоре вскакивает.)* И на кой хрен мне это надобно? Жил без папоротникова цвета — проживу ишшо, сколь хошь. Э-э, жил... А как? У одних — коньяки, бренди всякие, а у меня — кажинный день одна лишь сивуха самогонная. *(Открыва-*

ет бутылку, нюхает, пытается хлебнуть.) Не, не буду пить, тем более без повода... *(Замечает муравья.)* Э-э, муравей! Работюшшая скотина, сущий трезвенник, но живёт скушно. Это же надо кажинный день столько на своём горбе таскать-перетаскивать! Эй, здорово, трудяга, ну, давай, брат, потолкуем с тобой о жизни. Некогда, спешишь? А я тебя — на ниточку, на петелечку... Вот так-то... Ну, иди ко мне, гостем будешь. *(Тянет к себе заарканенного муравья.)* Ну давай, брат, выпьем за твой приезд. *(Пьёт.)* Рассказывай, рассказывай, чо да как. Да я вижу, што ты торопишься, не до меня тебе, паря, отбываешь, значит... Ну, тогда давай выпьем — за твой отъезд. *(Пьёт.)* Да, ты куда, шальной, настропалился, давай по новой на посошок, не хочешь пить? Знаться со мной не желаешь? Ну и хрен с тобой, катись ко всем чертям!

Евлампий, наклюкавшись за приезд и за отъезд, увидел чёрта, который давненько за ним следил, обращая на себя внимание: «Кхе, кхе».

ЕВЛАМПИЙ. Ты кто?

ЧЁРТ. Будто сам не знас.

ЕВЛАМПИЙ. Меня на чертовских штучках-дрючках не проведёшь, не на того напал, не поддамся — и баста.

ЧЁРТ. Мил целовек, да я разве цё против имею... Иду, визу — целовек хоросый, думаю, мозет, заблудился, так я враз выведу его на чистую воду, зацем загибаться раньше времени, зонка тебя не насла, а я вот насол.

ЕВЛАМПИЙ. Не нужна мне помощь чёртова, без сопливых обойдёмся. Пшол, тебе говорят, пока крапивой тебя не ошпарил!

ЧЁРТ *(делая вид, что испугался)*. Ой, не надо, не надо, мил целовек. Ухозу, ухо-зу, цёрт с тобой! *(Отходит на противоположную сторону, бубнит про себя.)* Ис умник насолся — за цветом папоротника присол. Накосся-выкуси! Он нам самим нузен. На холяву позить хоцет. Я ему цицас такое устрою — зуть! *(Исчезает.)*

ЕВЛАМПИЙ. За дурня меня принимает. Это — мой папоротниковый куст, я первый отгородил его кругом магическим. *(Смеётся.)* Но как я с чертякой разделался, а! Тягаться с нечистью всякой — это вам не коров доить, не сено косить, одними руками не намахаеться. Тут особая сила нужна, особый опыт. А я, можно сказать, всю жизнь с нечистью якшаюсь, и опыт у меня в этом деле преогромный, потому завсегда и сверху оказываюсь. *(Встаёт.)* Правда, врать много не стану, один раз дал маху я, опростоволосился, потому как ведьма с заковыкой попалась. Пристала ко мне, как банный лист: выпей, соколик, выпей, соколик. Ну я и выпил зелена вина, а оно, видать, заговорённое

было, и только выпил я — мать твою за ногу! — в животе как заурчало, как замяукало; и стала подыматься, подыматься музыка эта всё выше и выше, уже и горло пересохло, переполнилось всякой гадостью, и как вдруг всё это понесло наружу, как понесло, да в таких непотребных словах, да таким неслыханным матом, что и до сих пор вспоминать тошно. Так я теперича никому не доверяю, всё своё ношу с собой. *(Открывает бутылку, нюхает.)* Всем хорош первач — только вот благовония нету, это вам не коньяк, не бренди, одним словом, сивуха. Мне, конечно, не привыкать, но вот любой-другой кто — низашто не похвалит, а более того скажет: фи, какая гадость.

Евламтий, наконец, замечает медведя, который сразу же после ухода чёрта стал маячить в глубине зарослей. С криком ужаса «у-у-у» Евламтий, бросив бутылку, на четвереньках исчезает в кустах.

Медведь с любопытством обнюхивает бутылку, берёт в лапы, нанюхавшись с возгласом «фи, какая гадость» падает в очумелости.

Вбегают Никитична, натывается на бутылку, отброшенную прочь медведем.

НИКИТИЧНА. Ой, это же Евлампия пляшка. *(Прижимает к груди.)* Чует моё сердечко недоброе, уж не беда ли с Евлампием приключилась — не мог он по добру по здорову с недопитой пляшкой расстаться. *(Замечает медведя.)* Ой, так это ж зверина лютая! Ой, горе мне, горе! *(Приближается к лежащему медведю.)* Што ж ты натворил, окаянный, как ты посмел, проклятуший, на мово Евлампия напасть? Сказывай, куды дел мово Евлампия? Неужто съел чертяка? Всё проглотил, только одна пляшка недопитая и осталась. Чтоб тебя разорвало, чтоб тебя, египетская сила, самого черти съели, чтоб ты околел, вражина лютая! *(Набрасывается на очумелого медведя, гонит прочь, причитая и проклиная.)*

Появляются русалки в камышовых юбочках, завиваются в спиральном хороводе.

Ух, ух, соломенный дух, дух,
ух, ух, соломенный дух.
Не мой ногою ногу, ту-ту-ту,
не пей рукою воду, то-то.
Кто нарушит наш покой, мы утащим за собой,
заласкаем дружно.
Ух, ух, соломенный дух, дух,

ух, ух, соломенный дух.
 Кто воду нашу мутит, тот свой покой забудет,
 веселить нас будет.
 Ух, ух, соломенный дух, дух,
 ух, ух, соломенный дух.

Ух, ух, со - ло - мен - ный дух, дух Не мой но - го - ю

6
 но - гу, ту - ту - ту, не пей ру - ко - ю во - ду,

12
 то - то. Кто на - ру - шит наш по - кой, мы у - та - шим за со - бой,

18
 за - лас - ка - ем друж - но. Ух, ух, со - ло - мен - ный дух, дух

Возвращается Никитична и оказывается в кольце русалок, которые пристают к ней со своими извечными загадками.

Ответ не дашь нам верный, ту-ту-ту,
 домой тебя не пустим, то-то.
 Что без корня растёт?
 Что без повода бежит?
 Что цветёт без цвета?

НИКИТИЧНА. Камень растёт без корня, вода бежит без повода, папоротник цветёт без цвета.

РУСАЛКИ (*раздосадовано*). Отгадала, отгадала... А ещё скажи: полынь или петрушка?

НИКИТИЧНА. Полынь, полынь! (*Замахивается на них полынью, разгоняя русалок, уходит.*)

РУСАЛКИ (*вновь собираясь*). Сорвалось, сорвалось... Следующую, подруженьки, ни за что не отпустим?

Замечают любопытствующего Евлампия, выдавшего себя по неосторожности, набрасываются на него.

РУСАЛКИ. Женишок, женишок, женишок! Не отпустим. Свадьбу сыграем.

Русалки валят Евлампия на землю, стаскивают с него, каждая что может, примеряют на себе; Евлампий орёт благим матом. Слышится голос Никитичны.

НИКИТИЧНА (*появляясь*).

В болоте, в поле, в лесу,
чур силам нечестивым,
полынь несу, побью красу,
ошпарю вас крапивой!

Никитична крапивой и полынью разгоняет русалок, гонит их далеко от поляны.

ЕВЛАМПИЙ (*оставшийся почти без одежды, в исподнем, очухавшись*). Фу, еле еле отбился, чуть было не сыграл в ящик. (*Замечает, что на нём мало одежды, хоронится в кустах.*) Ой-ё-ёй!

Возвращается Чёрт, посмеивается, потирая руки.

ЧЁРТ. Хорошо — красота! Я её и не такое способен сотворить, чтобы отвадить охочих до папоротникова цвета!

Появляется Ягибиха.

ЯГИБИХА. Чур, я первая!

ЧЁРТ. Здрасьте, как понимать приказес — первая? Дура цё ли?

ЯГИБИХА. Сам дурак!

ЧЁРТ. А, знацит — первая красавица.

ЯГИБИХА. А может и так, только речь не о том. Я первая папоротников куст забила!

ЧЁРТ. Накося — выкуси! *(Показывает кукиш.)*

ЯГИБИХА. Болван неотёсанный, как ты разговариваешь со мной, не драться из-за цветов — дарить их даме должен!

ЧЁРТ. Оё-ёй, дерзите меня сестеро, а то упаду от смеха. *(Катается по земле хохоча.)* Тысси лет живу, а цто Ягибиха — дама, сроду не слыхивал!

ЯГИБИХА *(оседлав чёрта, и тормозит, и погоняет его, сколько есть сил)*. Вот тебе — за дуру, вот тебе — за красавицу, а это — за даму, за даму!

ЧЁРТ *(возмущается)*. Ругать — ругайся, а рукам и ногам — воли не давай!

Возвращается Никитична.

НИКИТИЧНА. А-а-а, и вы здесь, а вот я вас крапивой, а вот я вас полынью вот так, вот так, будет просо вам и мак, вот так, вот так... *(Нечисть разбегается, Никитична в изнеможении прислоняется к дереву.)* А Евлампий ипеть улизнул.. Ну, доберусь я до него, ну, доберусь... Ох и непутёвый же у меня мужик: то медведь его чуть не заел, то русалки чуть не заласкали. Одни неприятности мне с ним...

Появляются девчата.

ДЕВЧАТА. Здравствуйте, тётя Марья.

НИКИТИЧНА. Здравствуйте, девчата. Вы мово Евлампия не видели?

ДЕВЧАТА. Мы никого не видели.

НИКИТИЧНА. Никого?

ДЕВЧАТА. Никого.

НИКИТИЧНА. Да неужто никого? Ни медведя, ни русалок? Так русалки ж чуть до смерти не заласкали Евлампия, если б не полынь да крапива, не сдобровать бы и мне. Вы уж, девчата, глядите в оба, кучкой держитесь, а то неровен час...

ДЕВЧАТА *(видя, что Никитична намеревается уйти)*. Куда же Вы, тетя Марья?

НИКИТИЧНА. Я Евлампия должна до вечера домой загнать.

ДЕВЧАТА. А мы как же? Без Вас страшно нам.

НИКИТИЧНА. А Евлампий как же?

ДЕВЧАТА. А мы вам поможем найти его, только сладим берёзку и поможем.

НИКИТИЧНА. Да поди без меня справитесь...

ДЕВЧАТА. Тётя Марья, да без Вас и песни не поются, и венки не плетутся, хороводы не водятся.

НИКИТИЧНА. Ну да ладно, идёмте к берёзоньке.

Никитична, девушки исполняют обряд венчания берёзки.

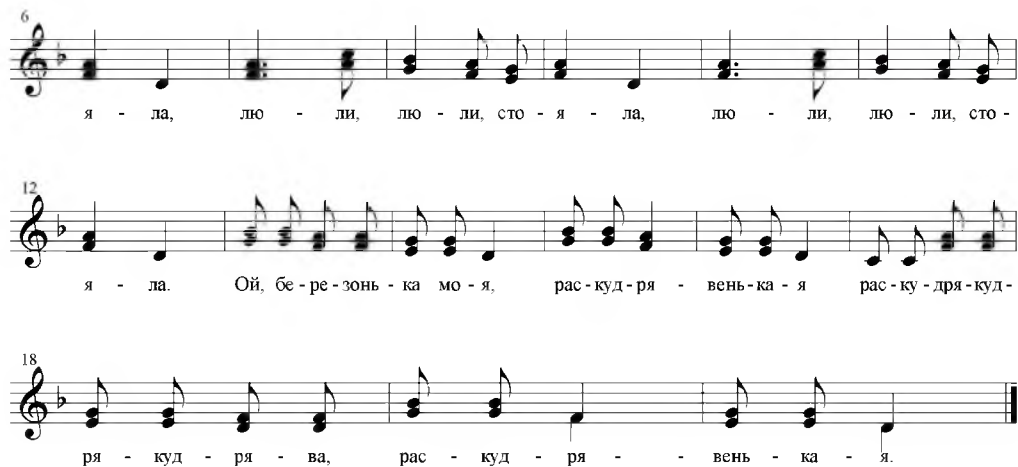
Во поле берёза стояла,
во поле кудрявая стояла,
люли, люли, стояла, люли, люли, стояла.
Ой, берёзонька моя, раскудрявенькая
раскудря- кудря-кудрява,
раскудрявенькая.
Пойду я в лес погуляю,
белую берёзу заломаю,
люли, люли, стояла, люли, люли, стояла.
Ой, берёзонька моя, раскудрявенькая
раскудря-кудря-кудрява,
раскудрявенькая.
Берёза, берёзонька кудрявая,
моложавая,
под тобой, берёзонька,
то не мак цветёт,
под тобой, берёзонька,
не огонь горит,
то не мак цветёт, не огонь горит —
красны девицы хоровод ведут,
про тебя, берёзонька,
свои песни поют.

6
я - ла, лю - ли, лю - ли, сто - я - ла, лю - ли, лю - ли, сто -

12
я - ла. Ой, бе - ре - зонь - ка мо - я, рас - куд - ря - вень - ка - я рас - ку - дря - куд -

18
ря - куд - ря - ва, рас - куд - ря - вень - ка - я.

НИКИТИЧНА. Девицы цветы щипали да на Купалу пытали: что это за цвет? Это цветы Купалы: девицам — умыванье, а юношам — воздыханье. Сохнет, сохнет парень, на девку гляючи: шибко девка хороша, да у парня — ни шиша.

На Купалу, на Купалу будет, парни, лихо вам,
будет лихо вам лихое,
кошек гнать придётся в поле.
Кошки все на ёлку — прыг,
парни вслед им в тот же миг:
слазьте вы, кошки, с ёлки долой,
погоним вас кошек с поля домой,
будут девки вас доить, парням кашку варить.
Спасибо, девки, за кашу,
за кашу сладкую вашу.

На Ку - па - лу, на Ку - па - лу бу - дет, пар - ни, ли - хо вам, бу - дет ли - хо

При исполнении песни девочки сначала медленно приседают низко, обращаясь вправо и влево, потом — поднимаются.

Ты завейся, берёза, ты завейся, кудрявая,
на тебе, берёзонька, на тебе, кудрявая,
сизый голубь воркует,
а кукушечка кукует.
Ты, кукушечка, ряба, ты кому станешь кума?
Покумимся, кумушка, покумимся, голубушка,
чтобы жить любиться, жить не браниться.

6
ре - зонь - ка, на те - бе, куд - ря - ва - я. си - зый го - лубь вор -

11
ку - ет, а ку - ку - шеч - ка ку - ку - ет. Ты, ку - ку - шеч - ка, ря - ба, ты ко - му ста - нешь ку -

17
ма? По - ку - ми - мся, ку - муш - ка, по - род - ни - - - им - ся, го - лу - буш -

23
ка, Что - бы жить лю - бить - ся, жить не бра - нить - ся.

При исполнении песни девчата сходятся попарно и расходятся, при встрече целуются через венок.

ЛЕНА. Как дела, подруженька?

НАСТЯ. Хорошо.

ЛЕНА. Яша-то приходит к тебе?

НАСТЯ. Нет.

ЛЕНА. Неужто разлюбил?

НАСТЯ. Не знаю.

Евлампий давно наблюдает за девчатами, в частности, как они целуются через венок, улучив момент, сам пытается через венок поцеловать девчонку, но вездесущая Никитична засекла своего благоверного.

НИКИТИЧНА. А-а, вот ты где объявился, вздумал с девками целоваться, я тебе

покажу, как целоваться, я тебе покажу... Куда? А ну, стойте! Хоть бы одно доброе дело за целый день сделал... Вот тебе, берёзка, носи в дом.

С песней «Ржица-матушка» все возвращаются домой.

Ржица-матушка колосилась,
во ржи свинушка поросилась,
семьдесят поросят да две свиночки,
а те свиночки да все пёстренькие,
у них хвостики да все остренькие.

Ржи - ца - ма - туш - ка ко - ло - си - ла - ся, во ржи сви - нуш - ка

ка по - ро - си - ла - ся, семь - де - сят по - ро - сят да две сви - ноч - ки,

а те сви - ноч - ки да все пёст - рень - ки - е, них хвост - и - ки

все ост - - - рень - ки - е.

Картина третья

В темноте на заднем плане всё чаще появляются сполохи, которые, в конце концов, сливаясь, дают сказочный источник света, освещающего толпу на берегу реки.

НИКИТИЧНА. Приехала Купаленка на семидесяти тележках, привезла Купаленка много добра и здоровья, богатства и почести, а ещё — главное того — живого огня, который от Солнца, Бога нашего рождён!

ВСЕ.

Слава Солнцу, Богу нашему!
Слава живому огню!!
Слава, слава, слава!!!

Вспыхивает и ярко разгорается костёр. Звучит тема из зачина.

Ой да на Купалу, ой да на Купалу
папоротник цветет.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!
Для, всех клады свои раскрывает он.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!
Возжигает на любовь сердца девичьи.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!

Следующие песни сопровождаются динамичными сценками и хороводами.

Улица моя широкая,
ой, Лелю молодая.
Чем же улица изукрашена,
ой, Лелю молодая?
Изукрашена улица травой-муравой
и гудками, и волынками,
молодыми молодницами,
ещё красными девицами,
ой, Лелю молодая,
ой, Лелю, ой Лелю.

У - ли - ца мо - я ши - ро - ка - я, ой,
6
Ле - лю мо - ло - да - я, чем же у - ли - ца из - ук - ра - ше - на,
12
ой, Ле - лю мо - ло - да - я? Из - ук - ра - ше - на у - ли -
18
ца тра - вой - му - ра - вой и гуд - ка - ми, и во - лын - ка - ми, мс - ло -
24
ды - ми мо - ло - ди - ца - ми, е - ще крас - ны - ми де - ви - ца - ми, ой,
30
Ле - лю мо - ло - да - я, ой, Ле - лю

Как на этой на долинке,
на широкой луговинке,
на густой траве, ой на лазоревой,
как там девушки гуляли,

на лугу цветочки рвали
и венки плели, ох, да из тех цветов.
На веночках девушки гадали,
венки в реченьку они бросали,
чей веночек всплывёт, счастье к той придёт.
Одна девушка, ой, да не смолчала,
громким голосом, ох, да и вскричала,
мой веночек потонул — милый обманул.
А подружки девку унимали,
Уговаривали, ох, да утешали,
не плачь, глупая, ох, неразумная,
ведь веночек твой в волнах ныряет,
милый клятвой тебя, ох, да уверяет,
хочет верным быть, одну тебя любить.

Как на э - той на до - лин - ке, на ши -

ро - кой лу - го - вин - ке, на гус - той тра - ве, ох

на ла - зо - - ре - - - вой

Сценка вокруг Насти.

Ой, ты, вьюница, по улице пройдишь, ой Лелю,
покажи своё лицо да молодое,
а ещё покажи да вьюнца своего, ой, Лелю,

да пожалуй нам яичко красненькое,
что на красном блюде
да при добрых людях.

Оживленно

Ой, ты, выю-ни - ца, по у - ли - це прой-дись, ой Ле - ло, По - ка - жи сво -

ё ли - цо да мо - ло - до - е, а е - щё по - ка - жи да выюн - ца сво - го,

ой, Ле - ло, да по - жа - луй нам я - ич - ко крас - нень - ю - е. что на крас - ном

блю - де, да при доб - рых лю - дях.

Сценка вокруг Насти и Яши.

Уж не вам ли двоим
в хороводе ходить,
хороводить, коноводить
всю весну и лето
до зимы ли той
да с морозами.

Уж не вам ли дво - им Вхо - ро - во - де хо - дить, Хо - ро -

6

во - дить, ко - но - во - дить всю вес - ну и ле - - то до зи - мы ли

11

той да смо - ро - за - ми.

НИКИТИЧНА. Не пора ли, молодята, выбирать себе пару, у кого чей венок, тому в паре через костёр прыгать для благословения.

Начинаются игры у костра, пляски, прыжки через костёр.

ЛЕНА. Лови, Яша, мой венок!

Яша поневоле ловит венок Лены, что вынуждает его спароваться не с Настей, которую любит, а с Леной, сумевшей отбить таким образом Яшу у своей соперницы, чего и добивалась она всеми способами. Лена и Яша прыгают через костёр. Настя, оставшись одна, еле сдерживает слёзы. А веселье между тем разгорается, ускоряется и ритм пляски.

Кто про девушек побает,
худую славу разнесёт.
того черти покарают,
того леший заберёт.
Где про девок говорят,
там коровы не доят.
Развелись в лесу коренья,
ищут девки восхищенья.
Полюбить не полюбила —
поцелуй производила.
Целуй, девица, в уста,
чтобы рожь была густа.

По - лю - бить не по - лю - би - ла, По - це - луй про - из - во - ди - ла.

5
О - - - - ой! По - це - луй про - из - во - ди - ла.

Чем безудержней веселье, тем чаще слышатся отдельные всхлипывания матерей, причитания, плач. Появляется Евлампий, на ходулях пытающийся перешагнуть через костёр.

ЕВЛАМПИЙ. Замолчи, народ, расступись, хоровод, Евлампий идёт! *(Падает.)*

Как бы увещевая матерей, звучит основная тема.

А нынче, девушки, Купала, а нынче, девушки, Купала,
а кто, что сделал, то пропало, а кто, что сделал, то пропало.

Женщины, сочувствуя покинутой Насте и пытаясь унять девичье горе, утешают её.

ХОР.

Не журись, девка, не журись, красна,
не журись, да молода.
Как пройдёт лето и пройдёт осень,
утечёт, утечёт вода.
Заметёт метель, станет белой степь,
и придут, и придут холода.
Так и молодость отшумит, пройдёт
отшумит, отволнуется.
Под окошко в сад не придёт назад,
не пройдёт по улице.

Не жу - рись, дев - ка, не жу - рись, крас - на, не жу - рись,

да мо - ло - да. Не жу - рись, дев - ка, не жу - рись, крас -

на не жу - рись, да мо - - - ло - да.

СПИСОК ПЕСЕН

«Ой, да на Купалу» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«А нынче, девочки, Купало» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«На Купалу утром рано» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Сиди, сиди, Ящер» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Уж я ли не красавица» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.

«Ух, ух, соломенный дух» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Во поле берёза стояла» — р.н.п.

«Берёза, берёзонька» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко

«На Купалу, на Купалу будет, парни, лихо вам» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Ты завейся, берёза» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Ржица-матушка» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Улица моя» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Как на этой на долинке» — р.н.п.

«Ой, ты, вьюница» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Уж не вам ли двоим» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Разрослись в лесу коренья» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.

«Не журишь, девка» — р.н.п.

Содержание

I. Книга первая. Письма, стихи, песни.....	6
Раздел первый. Голубиная почта.....	8
Раздел второй. На поэтической волне.....	42
Раздел третий. Поэмы.....	118
Мужчина и Женщина.....	119
Любовь.....	128
Любимая.....	137
Женщина.....	146
Человек.....	155
Мыс Доброй Надежды.....	164
Песня про янтарный дворец.....	176
С шальной Россией лучше в мире жить...183	
Тридцать шестая.....	187
II. Книга вторая. Мужчина и Женщина....	190
Раздел четвёртый. Мужчина и Женщина (Вечерние беседы наедине). Роман в стихах.....	192
Раздел пятый. На музыкальной волне.....	334
Список песен: Лукоморье.....	335
Гимн Святой земли (Беловодья).....	337

Моление о любви.....	338
Святая Русь.....	339
Русь.....	341
Материнское племя Россия.....	343
Реквием.....	344
Песня об отце.....	346
Комиссары.....	348
День — ночь.....	349
За мир на планете.....	350
Утушки белые.....	352
Сибирский марш.....	354
Баллада о партизанах Щетинкина.....	355
Мама несравненная, родная.....	356
Ой, да расстился туман.....	358
Речка Шуша.....	359
Ой, ты, речка, разбой-перекаты.....	361
Ангара ты, Ангара.....	362
Ханкире.....	364
Озеро Шира.....	366
Вестник Надежды.....	367
Просто Прасковья.....	369
Кубанские зори.....	371
Геленджик мой, Геленджик.....	373
Девчоночка-Качёночка.....	375
За горами, за жёлтыми долами.....	377
Потерянный рай.....	379
Где была ты, мудрость?.....	380
Ах, любовь.....	382
Колыбельная (Не хнычь, сынок).....	383
Светлячки.....	385
День угас и ночь пришла.....	387

Колыбельная.....	388
Где-то бродит моё счастье.....	389
Девчонка, но не моя.....	391
Пролетают месяцы.....	394
Неверные слова.....	395
Как в реке большой вода.....	397
Ах, зачем я его полюбила.....	398
Огонёк надежды.....	399
Два дружка.....	401
Песенка Электрины.....	403
По земле идёт Большой Художник.....	404
Алёнушка.....	406
Доверяться ль апрельскому солнышку?.....	407
Когда ко мне пришла впервые.....	408
За казённым столом.....	409
Мы ели ягоды.....	411
Наряжу я тебя, как невесту.....	412
Лирическая.....	413
Песня Валентины.....	415
Посмотри, мой милый.....	416
Уж я ли не красива.....	417
На реке, реке завьюженной.....	419
Позёмка.....	420
Мой веночек дорогой.....	422
Я помню зал.....	423
Проходят лета чередою.....	424
Славица.....	426
В Саянах кружат орлы.....	431
На краю села хатёнка.....	432
Песня о друге.....	434
Квитко-дивчыночко.....	435

Зорянэ щастя мое.....	437
Долэ моя.....	439
Дэ ты ходыш, дэ ты, мий коханий?.....	441
Запашнэе зиллячко в цвиту.....	442
Пэрший сниг.....	444
За Отчизну, за Россию.....	445

III. Книга третья. Живопись.....448

Список картин: Солнце — Бог и Отец наш.....	449
Лада.....	450
Леля.....	451
Злата Майя.....	452
Рада.....	453
Коло-ксай.....	454
Портрет матери.....	455
Свет неугасимый.....	456
В Михайловском.....	457
Вилина вода.....	458
Медной горы хозяйка.....	459
«БУКВА»-рь.....	460
Академик.....	461
Народный певец.....	462
Черёмуха цветёт.....	463
В свящённой роще.....	464
Бабье лето.....	465
Сибирячка.....	466
Сестрицы.....	467
Семь-Я (Староверы Мартюшевы).....	468
Фольклористы.....	469
Грёзы.....	470

Дружок.....	471
Огонёк.....	472
Чайка.....	473
Леший.....	474
На Бирюсе.....	475
Глоксинии.....	476
Гладиолусы.....	477
Заклание.....	478
Суд присяжных.....	479
Одиночество.....	480
Раздел шестой. Слово о культуре и творчестве.....	482
IV. Книга четвёртая. Художественная и научная проза.....	506
Раздел седьмой. Юношенская повесть.....	508
Раздел восьмой. Тюремный монолог в письмах.....	624
V. Книга пятая. Драматургия.....	712
Раздел девятый. По солнечному кругу.....	714
Список драм:	
Иван да Марья.....	732
Зимние святки.....	796
Цвет папоротника.....	821

Борис Терещенко
Мужчина и Женщина

Избранные произведения: письма, стихи, песни, поэмы, роман в стихах,
живопись, научная и художественная проза, драматургия.

Главный редактор: А. П. Статейнов
Художественный редактор: Б. Н. Терещенко
Дизайн и компьютерная вёрстка: К. В. Лоскутова
Музыкальный редактор: В. П. Терещенко
Репродукции с картин: П. А. Статейнов, П. В. Злотников
Корректор: Б. Н. Терещенко

*На обложке — картина Бориса Терещенко «Леля»,
на форзацах — его диптих «Алые паруса»*

Сдано в набор 17.01.09
Подписано в печать 26.06.09
Формат 90x70 1/16 Бумага офсетная 65 г/м²
Тираж 3000 экз. Заказ № 977

Издательство «**Буква 6**»
660075 Красноярск, ул. Республики, 51, оф. 213
Тел./факс (391) 253-83-69, 297-99-09,
211-75-75, 211-77-78
E-mail: stateinov@krsn.ru, siveri@online.ru
Сайт: www.krasbukva.ru, www.knigasib.ru
Для писем: 660075, Красноярск, а/я 2430

Изготовлено в ОАО «ПИК «Офсет»
660075, г. Красноярск, ул. Республики, 51

